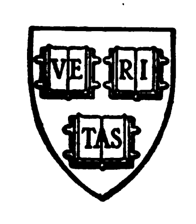
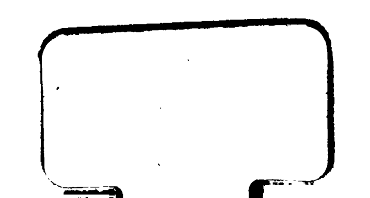
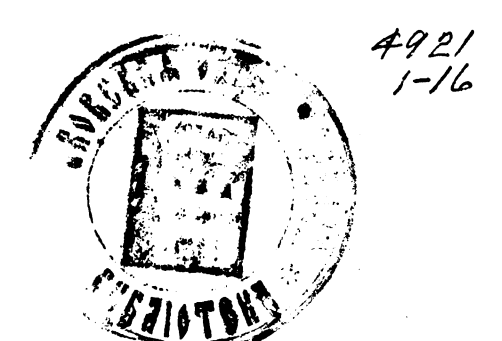

VE
RI
TAS

1905.

Образованіе.

Январь

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ № 1.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

См. 3 стр.

Отъ редакціи.

По случаю забастовокъ въ Спб., настоящая книжка журнала вышла въ свѣтъ съ значительнымъ запозданіемъ.

„Хроника русской жизни" не могла появиться въ этомъ номерѣ, такъ какъ, по независящимъ обстоятельствамъ, редакція лишена возможности отозваться на событія 9--11 января.

Опечатка: на стр. 139 ошибочно напечатана фамилія автора разсказа „Навожденіе"; слѣдуетъ читать **А. Чапыгинъ**.

XIV. 1905.

Образованіе.

Журналъ

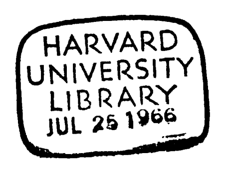
литературный, научно-популярный и педагогическій.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.
1905.

Дозволено цензурою Спб. 5 февраля 1905 года.

СОДЕРЖАНІЕ № 1.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Отъѣздъ.

Поѣздъ быстро и глухо грохоталъ по рельсамъ, газовый рожокъ пугливо трепеталъ подъ потолкомъ, осенняя ночь съ любопытствомъ заглядывала въ окно.

Странникъ сидѣлъ на скамьѣ и думалъ невеселую думу. Еще не прошло года съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился изъ далекой страны востока, а теперь онъ уѣзжалъ по доброй волѣ, покидая ту самую родину, увидѣть которую рвался въ теченіе долгихъ и долгихъ лѣтъ. Еще не прошло года, но ему казалось, что эти немногіе мѣсяцы растянулись безконечно и онъ перебиралъ свои воспоминанія, какъ человѣкъ, только что окончившій цѣлую полосу жизни.

Прежде всего онъ припомнилъ, съ какимъ дѣтскимъ нетерпѣніемъ онъ еще такъ недавно стремился увидѣть большой городъ, бывшій колыбелью его юности, и съ какимъ пытливымъ любопытствомъ осматривалъ вновь эти широкія каменныя стѣны, какъ будто надѣялся найти великую и таинственную перемѣну послѣ двадцати лѣтъ горькаго опыта, голода и труда. Все было на своихъ мѣстахъ. Странникъ узналъ площади, улицы и даже дома, гдѣ протекала его ранняя молодость и рѣшалась нѣкогда его судьба. Онъ проходилъ мимо нихъ съ такимъ чувствомъ, какъ воскресшій мертвецъ, снова попавшій въ среду живущихъ, который видитъ, что и безъ него все осталось по старому.

На мостовой была прежняя грязь. Сѣрое небо плакало надъ кровлями домовъ мелкими и холодными слезами, которыя замерзали, падая внизъ, и обращались въ изморозь. Тощія лошаденки стучали копытами по деревяннымъ плиткамъ торцовой мостовой, извозчики хлестали лошадей, городовые шпыняли извозчиковъ. Грязь была вездѣ, на подъѣздахъ домовъ, на чахлыхъ деревьяхъ, вѣчно лишенныхъ зелени, на стеклахъ фонарей, даже на вывѣскахъ магазиновъ.

Резиновыя шины каретъ забрызгивали грязью прохожихъ. Даже на лицахъ продажныхъ женщинъ, бродившихъ по тротуарамъ, были грязныя пятна. Мелкое море омывало городъ, берега его и самое дно были вылѣплены изъ вязкой бурой глины, и красавица рѣка, притекавшая съ восточныхъ озеръ, напрасно старалась размыть ее своею холодною и чистою волною.

Городъ этотъ огражденъ отъ свѣта высокой стѣной, сложенной изъ бураго гранита. Говорятъ, когда-то въ этой стѣнѣ были окна, по крайней мѣрѣ, одно окно, но теперь оно замуровано и отъ него не осталось слѣда.

Отъ стѣны падаетъ тѣнь и идетъ холодъ. Юноши, которые выростаютъ подъ ея защитой, похожи на цвѣты, никогда не видѣвшіе солнца. На ихъ щекахъ нѣтъ румянца, въ ихъ взорахъ нѣтъ веселья, въ ихъ сердцѣ нѣтъ бодрости. И каждую ночь ихъ давитъ кошмаръ, и имъ снится, что стѣна склоняется внизъ, смыкается сводомъ и ложится имъ на грудь.

Были люди, которые сходили съ ума передъ этой стѣной и кричали, осыпая ее проклятьями до полной потери голоса и разсудка, но она равнодушно стояла и ждала, пока послѣдняя вспышка живого гнѣва замретъ въ ихъ истощенной груди. Были другіе, которые бросались на нее съ размаха, царапали ногтями и бились головою объ холодный камень, но камень былъ тверже и ни разу не дрогнулъ отъ натиска. Только мѣстами на немъ остались полинялыя бурыя пятна, и однажды, проходя мимо, Странникъ узналъ мѣсто, гдѣ и онъ въ свое время получилъ аварію и невольно схватился рукою за голову, ощупывая старый шрамъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ слышалъ глухіе стоны и видѣлъ безчувственныя тѣла, лежавшія у подножія стѣны. А стѣна стояла и хмурилась, какъ ни въ чемъ не бывало.

Тѣнь отъ этой стѣны не рѣдѣетъ даже въ полдень, и въ ея чертѣ процвѣтаютъ только смутныя и трусливыя души. Странникъ узналъ ихъ, этихъ блѣдныхъ людей, бродившихъ, какъ сонныя мухи, по городскимъ улицамъ, съ чернымъ сюртукомъ на плечахъ и чернильными пятнами на пальцахъ; за двадцать лѣтъ они нисколько не измѣнились; ему казалось даже, что онъ узнаетъ ихъ лица. Вотъ толстый повытчикъ съ брюхомъ, прочно утвержденнымъ на монументальныхъ ногахъ, и съ головой, составляющей только придатокъ къ брюху. Вотъ молодой начинающій писецъ съ куньимъ лицомъ и подвижнымъ, безпокойно нюхающимъ носомъ. Странникъ былъ почти увѣренъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ именно этотъ писецъ принесъ ему копію для прочтенія и подписи, а между тѣмъ ему на видъ было не

больше двадцати лѣтъ. Вотъ департаментскій виценачальникъ съ геморроидальнымъ лицомъ и лысиной на затылкѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ именно такой виценачальникъ объяснялъ Имяреку точное значеніе слова внутренній врагъ.

Казалось, время катилось надъ этимъ страннымъ городомъ и его жителями такъ же безслѣдно, какъ надъ какимъ нибудь очарованнымъ замкомъ, наполненнымъ спящими дѣвами.

Городъ этотъ былъ сплошной департаментъ, и всѣ люди съ сюртуками на плечахъ были чиновники.

Одни изъ нихъ служили порядку и писали входящія и исходящія бумаги, другіе продали свое время мамону и записывали ежедневно число отрѣзанныхъ купоновъ или взысканныхъ штрафовъ, третьи воображали, что служатъ идеѣ, но ихъ кумиромъ была фраза, написанная на бумагѣ и не имѣвшая ничего общаго съ жизнью, и вѣра ихъ была какъ буддійская молитва, наклеенная на барабанѣ, который постоянно вертится при помощи вѣтра, летящаго мимо.

Три четверти обитателей города носили рубахи косоворотки и шерстяныя фуфайки, но они питались крохами отъ департаментскаго стола, отдавая взамѣнъ свое время и трудъ.

Дворники счищали грязь съ тротуаровъ и днемъ и ночью торчали у воротъ, городовые съ непроницаемымъ видомъ стояли на углахъ улицъ и чинно стерегли, не подвернется ли случай накостылять кому-нибудь шею. Всѣ промыслы были назначены на поддержаніе чиновниковъ и имѣли, такъ сказать, государственное значеніе. Сапожники и портные шили ихъ обувь и платье, подгородніе мужики растили овощи и ягоды, даже зарѣчныя бабы, отрѣзанныя отъ города отсутствіемъ моста, ежедневно приплывали на паромахъ и приносили молоко, для, того, чтобы чиновничьи матери могли вскармливать изъ рожка будущихъ государственныхъ младенцевъ. Даже нищіе на перекресткахъ существовали для того, чтобы быть объектомъ проэктовъ о предупрежденіи и пресѣченіи.

Были въ томъ городѣ люди, которые сновали по улицамъ и искали живого дѣла, но жизнь огородила рѣшетками всѣ существовавшія поприща. У входа въ каждую ограду сидѣлъ василискъ, считалъ входящихъ и наблюдалъ за тѣми, которые были внутри. Отъ его змѣинаго взгляда блекли самые яркіе порывы, увядали благородныя стремленія, и вмѣсто нихъ всплывали мелочи жизни, столь же противныя, какъ и ея пороки. Вмѣсто орудій труда въ оградѣ были бирюльки, и люди, вошедшіе внутрь, играли ими, какъ дѣти, а сторожъ былъ ихъ маркеромъ, и всѣ ихъ помысли были

направлены на то, чтобы обсчитать его на нѣсколько очковъ. Когда же онъ ловилъ ихъ на мѣстѣ, они прятали руки за спину, отпирались, божились и сваливали вину другъ за друга.

Были немногіе люди, которые успѣли сорвать съ своихъ глазъ узкіе очки сектантства и видѣли жизнь такою, какой она была въ дѣйствительности, и они метались съ мѣста на мѣсто, не находя себѣ живого интереса; въ душѣ ихъ была пустота и на языкѣ желчь и постоянный укоръ себѣ и окружающимъ. Были другіе, сильные и готовые на подвигъ, но жизнь перегоняла ихъ изъ одного тупика въ другой, и души ихъ были скомканы и покрыты ранами отъ постоянныхъ толчковъ и ударовъ. И не было никого, кто-бы встрѣтилъ ихъ на грустной дорогѣ хотя словомъ поздняго сожалѣнія.

Правда, далеко, въ глубинѣ пропасти, которая оточила со всѣхъ сторонъ безсильное существованіе этихъ отверженцевъ, билось и трепетало настоящее дыханіе жизни. Оно было такъ далеко и такъ скрыто, что Странникъ не могъ различать его своими тѣлесными очами, но онъ смутно ощущалъ, какъ порою, въ разгаръ жестокой стужи, оттуда поднимается дыханіе тепла, смягчающее морозъ и обращающее неподвижный бѣлый снѣгъ въ текучую воду. Напрасно дворники съ ранняго утра принимались работать метлами, сметали живую влагу съ мостовой и, смѣшавъ ее съ снѣгомъ, обращали въ слякоть. На чинныхъ деревянныхъ плиткахъ, окованныхъ желѣзными скобами, уже не было зимней чистоты. Порою на бойкомъ перекресткѣ, прямо изъ подъ ногъ прохожихъ, выбивалась краткая, но сильная струя, и подъ настилкой улицы слышалось подземное клокотаніе, восходящее вверхъ; камни тротуаровъ, обтесанные по шнуру, со дня первоначальной закладки, начинали шевелиться въ своихъ гнѣздахъ. Потомъ все стихало, и великій всероссійскій масонъ, Угрюмъ Бурчеевъ укладывалъ камни на прежнее мѣсто и только Странникъ продолжалъ заглядывать въ бездну, стараясь уловить смыслъ таинственнаго процесса, жившаго въ ея нѣдрахъ.

А на противоположной сторонѣ бездны, оточившей городъ, была широкая земля. Тамъ были холмы, надъ которыми поднимались высокія трубы, откуда съ утра вились клубы густого дыма. По вечерамъ надъ холмами мерцали огни и слышались пѣсни, то безнадежно заунывныя, то безшабашно веселыя, звуки которыхъ однако всегда долетали въ городъ одинаково печальнымъ и хватающимъ за сердце отголоскомъ. Тамъ разстилались широкія нивы, надъ которыми по лѣтнимъ вечерамъ поднимался росистый туманъ, про-

плывавшій надъ городомъ легкими бѣлыми облаками, и обширные луга, гдѣ паслись стада, которыя являлись въ городъ кровавыми лоскутьями мяса.

Тамъ была жизнь сложная и могучая, раскинувшаяся на безбрежномъ просторѣ, заключавшая въ себѣ залогъ внутренняго роста, великая и разнообразная, какъ цѣлый своеобразный міръ. Но пропасть, отдѣлившая Странника отъ этой жизни, была широка, и нигдѣ не было перекинуто моста, даже такого тонкаго, какъ лезвіе меча, по которому мусульманскія души должны переходить въ рай. И онъ чувствовалъ себя въ городѣ, какъ въ безвыходномъ плѣну, въ такомъ же заточеніи, какъ въ далекой восточной пустынѣ, только при другой обстановкѣ и другихъ условіяхъ.

Прошлое, отъ котораго Странникъ мечталъ освободиться, не хотѣло оставить его въ покоѣ, и онъ вѣчно чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, невидимо призваннаго давать отвѣтъ по поводу и безъ всякаго повода. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи жука, котораго поймали и продержали цѣлый день въ коробочкѣ, а теперь отпустили на травку, привязавъ его за ногу болѣе или менѣе длинной ниткой, но который знаетъ, что въ любую минуту его могутъ притянуть назадъ.

И сказалъ себѣ Странникъ:—Что я буду дѣлать въ этомъ городѣ? Я потерялъ слишкомъ много иллюзій, и стыдно мнѣ съ моими сѣдыми волосами опять начинать игру въ бирюльки!.. Я не могу играть въ прятки со старшими, какъ четырнадцатилѣтній гимназистъ, и жить ожиданіемъ, что свѣжія почки выйдутъ изъ холоднаго камня!.. И неужели я весь свой вѣкъ долженъ жить за оградой, какъ быкъ, котораго загнали въ поскотину.

И сказалъ себѣ Странникъ:—Земля такъ велика и разнообразна! Есть климаты болѣе теплые и народы болѣе счастливые... Неужели долженъ я жить, не увидѣвъ ни разу, какъ смотритъ человѣкъ, который не боится, что ему съ минуты на минуту дадутъ прикладомъ по головѣ.

И сказалъ себѣ странникъ: — Земля такъ мала и тѣсна. Это комъ глины, плавающій среди неизмѣримой пустоты пространства, а люди — безногіе черви, ползающіе по его поверхности. Пусть же я, по крайней мѣрѣ, осмотрю ее вдоль и поперекъ, измѣрю нашу круглую темницу справа налѣво и сверху донизу, чтобы я не былъ худшимъ изъ рабовъ и самымъ неподвижнымъ изъ пресмыкающихся!

И вотъ Странникъ ужъ на границѣ. Ворота огромной поскотины медленно отворились и выпустили его наружу. Люди въ остроконечныхъ каскахъ замѣнили людей въ шапкахъ безъ козырька, поѣздъ пошелъ быстрѣе и легче. Тре-

тій классъ вокзаловъ пересталъ напоминать стойло, чаще прежняго замелькали газеты и печатная бумага. Это была другая сторона Рубикона.

Вагонъ быстро грохоталъ по рельсамъ, а Странникъ сидѣлъ на скамьѣ и думалъ свою думу. Отчизна, къ которой онъ стремился столько лѣтъ и которую въ теченіе послѣднихъ десяти мѣсяцевъ въ порывѣ раздраженія называлъ Абиссиніей, опять предстала ему, какъ великое цѣлое, къ которому онъ былъ привязанъ неразрушимой цѣпью.

Въ сердцѣ его открылась и засочилась рана, онъ почувствовалъ, что новое удаленіе есть тоже изгнаніе, которое опять перерѣзываетъ живые нервы и жилы, успѣвшіе прирости къ великому сердцу страны безъ его собственнаго вѣдома. Смутное прозябаніе въ городѣ чернильныхъ душъ предстало предъ нимъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, и невѣдомая жизнь на широкой равнинѣ какъ будто говорила ему:—я не стану приспособляться къ тебѣ, но если ты хочешь жить и не быть на землѣ безполезнымъ бременемъ, *ты* долженъ приспособляться и не пугаться никакой работы, если бы даже тебѣ пришлось опять начать съ азовъ. А если ты не хочешь, тѣмъ хуже для тебя!.. Ты мнѣ меньше нуженъ, чѣмъ я тебѣ. У меня много такихъ дѣтей, и каждый замѣнитъ тебя, а я у тебя одна, и ты нигдѣ не можешь найти себѣ мѣсто помимо меня. Гордость твоя безплодна, гнѣвъ твой ненуженъ никому...

Такъ раздумывалъ Странникъ на скамьѣ своего вагона, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ свободенъ теперь и можетъ ѣхать, куда ему вздумается.

— Я столько ждалъ!—говорилъ онъ себѣ,—могу подождать еще годъ или два. Я ѣду на западъ, но объѣхавъ кругомъ земли, могу пріѣхать съ востока. Удаляясь, приближаемся!..

Въ то же самое время Странникъ почувствовалъ, что гнѣвъ и раздраженіе, собравшіеся въ его душѣ противъ странныхъ людей, съ которыми онъ велъ такіе злобные споры на стогнахъ и въ жилищахъ города, исчезли и смѣнились жалостью и любовью.

— Живите!—говорилъ онъ имъ теперь, когда уже больше не могъ ихъ видѣть.—Не слушайте ничьихъ кладбищенскихъ рѣчей, цѣпляйтесь за каждый выступъ жизни, за каждый корень, торчащій изъ ея узкихъ каменныхъ разсѣлинъ!..

Дѣлайте то, что можно дѣлать и старайтесь дѣлать то, что невозможно; сносите щебень для того, чтобы засыпать пропасти, обтесывайте кирпичъ за кирпичомъ, чтобы мостить мосты, не гнушайтесь малаго, но ищите большаго, не отступайте передъ дѣтскими азами, но повторяя ихъ, чувствуйте, какъ взрослые люди!

Странникъ почувствовалъ, что любовь къ родинѣ живетъ въ его душѣ еще сильнѣе, чѣмъ прежде и что изъ прежняго безпредметнаго чувства она стала ярче, получила плоть и кровь и опредѣленныя формы. Онъ любилъ теперь и этихъ смутныхъ искателей пути, бродившихъ вмѣстѣ съ нимъ у заповѣдной ограды, онъ благословлялъ и молодыя толпы, мятущіяся въ поискахъ истины, и тѣ широкіе нижніе слои, на прочномъ фундаментѣ которыхъ закладывалось основаніе грядущаго.

Такъ думалъ и чувствовалъ Странникъ, сидя на скамьѣ, а вагонъ быстро катился впередъ, слегка подскакивая на поворотахъ дороги. Газовый рожокъ мелькалъ подъ потолкомъ, осенній дождь мелкимъ и частымъ шелестомъ стучалъ въ окна. Кругомъ поѣзда разстилалась такая же скучная, унылая, дождливая равнина, какъ и та, которая осталась тамъ, по другую сторону поскотины.

Танъ.

---

* * *

Когда, въ дни юности моей,
Я грезилъ братскою любовью,
Мнѣ обливало сердце кровью
Предчувствіе тяжелыхъ дней...
Еще я смутно сознавалъ
Безсильный ужасъ сѣрыхъ будней,
Но съ каждымъ днемъ все безразсуднѣй
Жестокость жизни проклиналъ.
И вотъ, когда мой часъ насталъ,
Увидѣлъ въявь я зло и горе,
И жизни бѣшеное море,
И моря зла девятый валъ.
Плыть все труднѣе. Я тону...
Я береговъ былыхъ не вижу...
Но я люблю, не ненавижу,
Я вѣрю въ жизнь—и не кляну.

* * *

Нѣтъ, мы весны не ждемъ. Досадны и смѣшны
Несбыточныхъ надеждъ обманчивыя краски...
Мы пережили васъ, развѣнчанныя сказки,
Мы оцѣнили васъ, разгаданные сны.
И свѣтомъ и тепломъ мы издавна бѣдны,
А чѣмъ труднѣе жизнь, тѣмъ счастье драгоцѣннѣй!
И въ поиски за нимъ распутицей осенней
Ужъ вышли мы... Нѣтъ, мы не ждемъ весны.

П. П. Гайдебуровъ.

Г. Спенсеръ и его автобіографія.

I.

Весною прошлаго года умеръ въ Лондонѣ одинъ изъ наиболѣе выдающихся философовъ только что истекшаго столѣтія—Гербертъ Спенсеръ, вліяніе котораго на весь культурный міръ вообще [1]) и въ частности на русское общество было и остается весьма значительнымъ. Не принадлежа къ числу безусловныхъ поклонниковъ покойнаго философа, расходясь даже съ нимъ по нѣкоторымъ весьма важнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ [2]), мы, тѣмъ не менѣе, признаемъ огромность его заслугъ, какъ автора глубоко продуманной философской системы, въ общемъ наиболѣе согласованной съ современнымъ состояніемъ науки въ разныхъ ея развѣтвленіяхъ, и превосходящей во всякомъ случаѣ всѣ другія философскія системы количествомъ и разнообразіемъ затрагиваемыхъ вопросовъ и строгостью логической связи, соединяющей отдѣльныя части системы. Какъ извѣстно, обширное и стройное зданіе „Синтетической Философіи" состоитъ въ совокупности изъ одиннадцати огромныхъ томовъ [3]).

Все это служитъ, мы надѣемся, достаточнымъ объясненіемъ читателю, почему мы, не раздѣляя всѣхъ взглядовъ Спенсера, тѣмъ не менѣе, съ большимъ интересомъ отнеслись къ вышедшей вскорѣ послѣ смерти Спенсера его автобіографіи [4]) и находимъ полезнымъ ознакомить съ нею возможно болѣе обстоятельно

---

[1]) Спенсеръ имѣлъ много почитателей даже въ Японіи, гдѣ его сочиненія получили широкое распространеніе среди наиболѣе интеллигентныхъ сферъ. См. I. Chamberlan, Things Japanese, Tokyo, 1902, 2 ed.

[2]) См. нашу книгу „Соціологическіе этюды". Спб. 1904 г., статья: Полемика Ритчи со Спенсеромъ по вопросу объ отношеніи личности къ государству.

[3]) Мы имѣемъ въ виду англійское изданіе, принадлежащее фирмѣ „Williams and Norgate".

[4]) An Autobiography by Herbert Spenser. London, 1904.

русскую публику. Мы это дѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что въ виду огромности размѣровъ автобіографіи (2 большихъ тома, болѣе 500 страницъ каждый), нѣтъ основаній ожидать, чтобы въ Россіи нашелся какой-либо издатель, который рискнулъ бы выпустить полный переводъ автобіографіи. Да едва-ли, впрочемъ, было бы умѣстно издавать на русскомъ языкѣ полный переводъ автобіографіи знаменитаго философа, такъ какъ эта автобіографія огромному большинству русскихъ писателей покажется слишкомъ подробной. Кромѣ того, она изобилуетъ частыми повтореніями и— самое главное — предполагаетъ очень хорошее знакомство читателя со всѣми сочиненіями Спенсера и съ политическими и умственными теченіями, которыя пережило англійское общество въ продолженіе XIX вѣка. Такимъ образомъ, автобіографія Спенсера въ своемъ настоящемъ видѣ можетъ представлять интересъ лишь для сравнительно незначительнаго числа лицъ въ Россіи, причемъ эти лица, въ большинствѣ случаевъ, сами знакомы съ англійскимъ языкомъ и, весьма понятно, предпочтутъ обратиться къ англійскому оригиналу автобіографіи, какъ ни значительна цѣна послѣдняго [1]).

Обиліе повтореній и механическая связь, соединяющая разныя части (число которыхъ, кстати сказать, доходитъ до 13) обширной автобіографіи Спенсера объясняется тѣмъ, что она написана Спенсеромъ не сразу, а по частямъ и, притомъ, не въ томъ строго хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ она представлена читателю въ окончательной редакціи, а отдѣльными періодами. Сначала Спенсеръ описалъ свое дѣтство и перешелъ затѣмъ сразу къ періоду составленія „Синтетической Философіи“, т. е. онъ изложилъ сначала первые годы жизни и возрастъ между 40 и 60 годами.

Надо сказать, кромѣ того, что Спенсеръ, вообще говоря, писалъ свою автобіографію, что называется, между дѣломъ, смотря на эту работу, какъ на одинъ изъ способовъ варьировать свои умственныя занятія и отдавалъ другимъ своимъ работамъ тѣ часы дня, когда онъ чувствовалъ себя наиболѣе способнымъ къ энергичному умственному труду. Первый краткій абрисъ наиболѣе важныхъ періодовъ своей жизни Спенсеръ набросалъ въ 1875 г., т. е. тогда, когда ему было 55 лѣтъ отъ роду. Только въ 1886 г., т. е. спустя 11 лѣтъ, у него нашлось время придать литературную форму этому предварительному очерку, причемъ на это ушло съ нѣкоторыми перерывами, вызванными болѣзнью, почти три года [2]). Затѣмъ, т. е. когда Спенсеру почти исполни-

[1]) Автобіографія стоитъ 28 шиллинговъ, т. е. по нормѣ, принятой петербургскимъ книжнымъ магазиномъ, 17—19 рублей.

[2]) См. предисловіе (Nobe) ко второму тому автобіографіи и заключительныя строки 12-ой части (vol. II, 418).

лось 70 лѣтъ, онъ сталъ оканчивать свою автобіографію, заполнивъ всѣ ея пробѣлы. Послѣдняя (тринадцатая) и заключительная часть автобіографіи Спенсера, въ которой онъ высказываетъ общій свой взглядъ на себя, на свою научную и литературную дѣятельность и, наконецъ, на нѣкоторые важнѣйшіе политическіе и религіозные вопросы, — эта часть написана Спенсеромъ на 73-емъ году жизни, т. е. тогда, когда было закончено изданіе „Синтетической Философіи“ и когда фактически прекратилась всякая активная научная и литературная дѣятельность знаменитаго философа, хотя, какъ мы знаемъ, Спенсеру суждено было дожить почти до 84 лѣтъ. Иначе сказать, онъ прожилъ еще 11 лѣтъ послѣ того, какъ уже написалъ свои послѣднія „Размышленія“ (Reflections), составляющія XIII главу автобіографіи.

Изъ всего вышесказаннаго, во всякомъ случаѣ, видно, что автобіографія написана Спенсеромъ въ старости, а частью даже въ глубокой старости. Поэтому эта автобіографія знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ смотрѣлъ на свою жизнь одинъ изъ наиболѣе выдающихся мыслителей XIX вѣка, приближаясь уже къ концу своего земного существованія, когда, вообще говоря, успокоиваются всѣ страсти и болѣе преходящія увлеченія — умственныя или иныя, которыя приходится переживать всякому человѣку, не исключая и философовъ...

Мы объяснили нашимъ читателямъ, почему мы сочли нужнымъ познакомить русское общество съ автобіографіей Спенсера. Нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей можетъ придти въ голову другой, болѣе важный вопросъ: почему сталъ Спенсеръ писать свою автобіографію. Вотъ какъ онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ 53 главѣ своей автобіографіи, отмѣчая начало составленія краткихъ біографическихъ замѣтокъ, которыя, какъ мы знаемъ, онъ подвергъ впослѣдствіи литературной обработкѣ [1]).

„Зачѣмъ писать свою біографію“, можетъ быть, меня спросятъ нѣкоторые, причемъ этотъ вопросъ по отношенію ко мнѣ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что я часто выражался неодобрительно о всякихъ біографіяхъ вообще [2]). Въ отвѣтъ на это я скажу, что въ

---

[1]) An Autobiography, vol. II, 285.

[2]) Какъ это будетъ видно отчасти изъ послѣдующаго изложенія, Спенсеръ въ своей автобіографіи часто отзывается съ пренебреженіемъ о лицахъ, интересующихся исторіей и тѣмъ болѣе біографіями, видя въ такомъ интересѣ проявленіе почти тѣхъ-же мелкихъ чувствъ, которыя побуждаютъ людей болѣе низкаго калибра интересоваться сплетнями. Едва ли нужно доказывать неосновательность такого взгляда на историковъ и исторію не только въ наше время, но и въ тѣ годы, къ которымъ относится молодость Спенсера. Достаточно назвать историка (XVIII вѣка) Рима, Гиббона и историка Греціи, Грота — (первыя, пришедшія намъ въ голову имена болѣе старыхъ англійскихъ историковъ),

наши дни усиленной фабрикаціи книгъ, когда существуетъ такъ много людей, которые, окончивъ одну книгу, ищутъ уже подходящаго матеріала для другой, не можетъ произойти такого обстоятельства, чтобы остался безъ біографіи кто-либо изъ людей, пріобрѣвшихъ болѣе или менѣе крупную извѣстность. Если онъ самъ не напишетъ своей біографіи, за это возьмется кто-нибудь другой. Въ виду такихъ указаній опыта я пришелъ къ заключенію, что во всякомъ случаѣ было бы желательно, чтобы я оставилъ связный разсказъ о событіяхъ моей жизни, такъ какъ только я одинъ могу придать такому разсказу нѣкоторую полноту и законченность".

Въ предисловіи къ своей автобіографіи, подписанномъ Спенсеромъ 27 апр. 1894 года, т. е. годомъ позже того, какъ онъ закончилъ автобіографію, написавъ послѣднія свои „Размышленія", и почти за десять лѣтъ до смерти, Спенсеръ нѣсколько иначе объясняетъ, почему онъ задумалъ составлять автобіографію.

„Мнѣ кажется", говоритъ онъ, „что естественная исторія меня самого была бы полезнымъ дополненіемъ къ книгамъ, составленіе которыхъ было главнымъ значеніемъ моей жизни. Въ послѣдующихъ главахъ я сдѣлалъ попытку представить читателю такого рода естественную исторію. Нельзя предполагать, конечно, чтобы мнѣ удалось достичь вполнѣ своей цѣли, но, возможно, что мнѣ это удалось хотя бы въ нѣкоторой степени. Во всякомъ случаѣ эта автобіографія вполнѣ подтверждаетъ знаменательную истину, заключающуюся въ томъ, что въ генезисѣ міровоззрѣнія эмоціональная сторона человѣка имѣетъ большую важность, можетъ быть, даже такую же важность, какъ и интеллектуальная сторона".

„Нельзя не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ по поводу нѣкоторыхъ особенностей полученнаго мною образованія. Тотъ фактъ, что ни въ дѣтствѣ, ни въ юности мнѣ никто никогда не давалъ ни одного урока родного языка, а также и то обстоятельство, что вплоть до настоящаго дня я не знаю, что излагается въ грамматикахъ подъ названіемъ синтаксиса, — оба эти факта заслуживаютъ того, чтобы познакомить съ ними читателей, такъ какъ они сильно противорѣчатъ многимъ мнѣніямъ, пользующимся общимъ признаніемъ. Слѣдуетъ отмѣтить далѣе, что и въ другихъ отношеніяхъ въ моемъ воспитаніи были значительные пробѣлы, хотя въ то же время меня учили многому такому, чему обыкновенно дѣтей не учатъ. Такимъ образомъ, мое воспитаніе имѣло вообще оригинальный характеръ.

„Наконецъ изъ чтенія настоящей автобіографіи можно из-

чтобы видѣть, что и Спенсеръ могъ бы извлечь много для себя полезнаго изъ занимательнаго чтенія трудовъ названныхъ ученыхъ.

влечь нѣкоторую пользу, если прослѣдить порядокъ генезиса теоріи эволюціи, изложенной въ моихъ трудахъ. Первые неясные проблески этой теоріи восходятъ къ 1842 и 1844 годамъ, затѣмъ въ 1850 г. проявились опредѣленные зародыши этой теоріи, которые послѣдовательно развивались до тѣхъ поръ, пока около 1867 г. не приняли наконецъ опредѣленной формы въ видѣ доктрины или теоріи эволюціи. Помимо своего интереса, въ качествѣ примѣра умственнаго развитія, указываемые нами факты, можетъ быть, окажутся не безполезными для читателей „Синтетической Философіи". Конечные выводы, можетъ быть, станутъ для нѣкоторыхъ болѣе понятными, когда станетъ извѣстенъ процессъ, который къ нимъ привелъ" [1]).

Такимъ образомъ предлагаемая вниманію читателей работа заключаетъ значительное число выдержекъ изъ той огромной массы фактовъ и соображеній, которую мы находимъ въ двухъ томахъ „Автобіографіи" Спенсера. Само собой разумѣется, мы возможно чаще будемъ предоставлять слово самому Спенсеру, чтобы сообщить такимъ образомъ нашему изложенію извѣстную документальность. Однако, во многихъ случаяхъ — это относится исключительно къ болѣе позднимъ годамъ жизни Герберта Спенсера — мы двумя, тремя фразами передаемъ содержаніе цѣлыхъ главъ „Автобіографіи", если не находимъ въ этихъ главахъ чего-либо такого, что могло-бы заинтересовать русскую публику.

Съ другой стороны мы должны были кое-гдѣ дополнить изложеніе Спенсера поясненіями и вставками, такъ какъ иначе многое осталось бы, вѣроятно, не вполнѣ понятнымъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей.

II.

Предки и родственники Спенсера.

Дѣдъ Спенсера по матери, Холмсъ (Holmes), былъ человѣкъ выдающійся и недурной проповѣдникъ методизма или весліанства; бабушка по матери, урожденная Бреттель, не представляла какихъ-либо особенныхъ чертъ, заслуживающихъ упоминанія.

Дѣдъ Спенсера по отцу жилъ въ городѣ Дерби [2]), состоялъ учителемъ въ тамошней грамматической школѣ (Derby Gramma-School—среднее учебное заведеніе) и кромѣ того содержалъ соб-

[1]) См. предисловіе къ первому тому „Autobiography".

[2]) Главный городъ Дербиширскаго графства расположенъ на рѣкѣ Дервентѣ (Derwent), приблизительно въ 200 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Лондона. Въ настоящее время (по переписи 1901 г.), въ Дерби насчитывается нѣсколько болѣе 100000 жителей. Теперь это крупный желѣзнодорожный центръ; въ началѣ прошлаго вѣка это былъ небольшой городъ, чуждый всякаго оживленія.

ственное частное учебное заведеніе. Онъ былъ очень хорошій учитель, хотя, какъ говоритъ Спенсеръ, „учитель стараго типа", считавшій главной своей задачей сообщить ученикамъ возможно большее количество свѣдѣній. У него была большая семья, и ему поэтому трудно было, что называется „поставить всѣхъ своихъ дѣтей на ноги" тѣмъ болѣе, что зрѣлые его годы относятся къ періоду наполеоновскихъ войнъ, когда такъ тяжело было бремя всякаго рода податей и налоговъ. „Онъ былъ чрезвычайно мягкосердеченъ, говоритъ Спенсеръ,—до такой степени мягкосердеченъ, что когда ему читали вслухъ газету и при этомъ встрѣчалось описаніе какой-нибудь жестокости или крайней несправедливости, онъ прерывалъ чтеніе, говоря: „остановись, остановись, я не могу этого вынести."

Бабушка Спенсера по отцу, урожденная Тэйлоръ (Taylor), была женщина чрезвычайно энергичная и убѣжденная весліанка. Она дожила до 84 лѣтъ, сохранивъ до конца жизни всѣ свои способности. Подобно своему мужу, она отличалась поразительной добротой и отзывчивостью. Вотъ какъ писалъ о ней одинъ изъ ея сыновей, Томасъ, дядя Герберта Спенсера:

„Я никогда не помню, чтобы она когда-либо поддалась чувству гнѣва или, что называется, вышла изъ себя. Я не знаю ни одного случая, чтобы она на шагъ уклонилась отъ пути истины. Я не помню, чтобы она когда либо говорила о комъ либо съ раздраженіемъ или недоброжелательствомъ. Она была преисполнена состраданія къ несчастнымъ и бѣднымъ; къ невѣжественнымъ же и порочнымъ она относилась всегда съ сожалѣніемъ, а никакъ не съ пренебреженіемъ... Она была настолько дѣятельна, что я не помню случая, когда бы она оставалась праздной. Недостатокъ ея заключался скорѣе въ томъ, что она старалась дѣлать слишкомъ много. Она не жалѣла своихъ трудовъ, если могла, такимъ образомъ, доставить какое-нибудь лишнее удобство моему отцу, или кому-либо изъ членовъ семьи. Въ этомъ отношеніи я смотрю на нее, какъ на человѣка, наиболѣе чуждаго эгоизма, изо всѣхъ, кого я когда-либо зналъ. Она относилась съ особымъ рвеніемъ къ исполненію религіозныхъ обязанностей" [1])...

Прибавимъ къ этому, что бабушка Спенсера была, вообще, настолько замѣтнымъ членомъ конгрегаціи методистовъ, что смерть ея была отмѣчена небольшимъ некрологомъ въ „Wesleyan Methodist Magazine" за январь 1844 г.

Охарактеризовавъ своихъ дѣдушекъ и бабушекъ, Спенсеръ останавливается далѣе на характеристикѣ своихъ четырехъ дядей и одной тетки, при чемъ особенно подробно описываетъ своего дядю Томаса Спенсера, какъ человѣка наиболѣе выдаю-

[1]) Цитировано въ Autobiography, vol. I, 20.

щагося и пользовавшагося одно время большой извѣстностью. Мы считаемъ также необходимымъ ознакомить читателя съ этимъ дядей Спенсера, такъ какъ ему суждено было, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оказать значительное вліяніе на развитіе и отчасти даже на всю жизнь знаменитаго философа.

Томасъ Спенсеръ родился въ 1796 г. и былъ на шесть лѣтъ моложе отца Спенсера. Нѣкоторое время онъ состоялъ учителемъ въ одной школѣ, близъ Дерби, пользовавшейся очень хорошей репутаціей. Будучи человѣкомъ твердымъ, энергичнымъ и довольно честолюбивымъ, онъ скопилъ небольшую сумму денегъ и благодаря этому, а также благодаря денежной помощи, оказанной старшимъ братомъ,—отцомъ Герберта Спенсера, онъ получилъ возможность поступить въ Кэмбриджскій университетъ, который окончилъ очень хорошо. Впрочемъ, какъ говоритъ Спенсеръ, успѣхи его дяди объяснялись, главнымъ образомъ, хорошей памятью и большимъ усердіемъ въ работѣ, при чемъ послѣднее обстоятельство значительно и, можетъ быть, даже навсегда подорвало его силы.

Впослѣдствіи Томасъ Спенсеръ принялъ священство и долгое время былъ пасторомъ мѣстечка Хинтона (Hinton), находящагося близъ города Баса (Bath)—на юго-западѣ Англіи. Такимъ образомъ, Томасъ Спенсеръ изъ методизма перешелъ въ лоно господствующей епископальной церкви, чѣмъ обнаружилъ, по мнѣнію Герберта Спенсера, значительную самостоятельность характера, такъ какъ всѣ Спенсеры были и остались методистами.

По своему характеру это былъ аскетъ. „Мой дядя, говоритъ Спенсеръ, никогда не былъ въ театрѣ (посѣщеніе театровъ не считается неудобнымъ для духовенства англиканской церкви, П. М.), я не знаю также, чтобы онъ былъ когда нибудь даже въ концертѣ. Его отношеніе къ танцамъ видно изъ слѣдующаго факта. Въ молодости мнѣ случилось быть съ нимъ на одномъ вечерѣ въ Басѣ; хозяйка дома спросила его, почему я не присоединяюсь къ другимъ молодымъ людямъ, и не танцую, какъ они. „Никто изъ Спенсеровъ никогда не танцуетъ“, былъ отвѣтъ дяди.

Однако дядя Спенсера былъ не только аскетомъ, онъ былъ въ то же время дѣятельнымъ филантропомъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Хинтонъ, тамъ не было школы: онъ скоро добился того, что школу выстроили и пригласили учителя. Имѣя въ виду образовательныя нужды взрослаго населенія, онъ основалъ народную библіотеку. Свои заботы о нуждахъ жителей Хинтона Томасъ Спенсеръ проявлялъ и иными способами, перечислять которые мы не находимъ возможнымъ [1]). Онъ много писалъ и писалъ притомъ по весьма различнымъ вопросамъ: о религіи, поли-

[1]) Autobiography, vol. I, 25—38.

тикѣ, народномъ образованіи, о народныхъ правахъ, объ отмѣнѣ т. наз. хлѣбныхъ законовъ и т. д. Въ общемъ онъ написалъ до 28 брошюръ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣли весьма большой успѣхъ, разошедшись почти въ 30,000 экземпляровъ.

Съ распространеніемъ извѣстности Томаса Спенсера дѣятельность его расширилась, такъ какъ его стали нерѣдко приглашать въ разные города для прочтенія докладовъ и лекцій, при чемъ чаще всего онъ говорилъ по вопросу о трезвости.

„Дядя мой, говоритъ Спенсеръ, рѣзко отличался отъ тѣхъ священнослужителей англиканской церкви, которые считаютъ, что ихъ обязанности начинаются и оканчиваются службой въ церкви съ исполненіемъ требъ. Онъ считалъ своимъ долгомъ работать по мѣрѣ силъ для борьбы съ дурнымъ законодательствомъ и вообще на пользу всѣхъ движеній, которыя имѣли цѣлью устраненіе тѣхъ или иныхъ общественныхъ несправедливостей. Онъ былъ первымъ духовнымъ лицомъ и единственнымъ представителемъ духовенства господствующей (епископальной) церкви, принявшимъ дѣятельное участіе въ знаменитой агитаціи, имѣвшей цѣлью отмѣну несправедливыхъ и приносившихъ [1]) огромный вредъ народу хлѣбныхъ законовъ. Равнымъ образомъ, дядя Спенсера принималъ энергичное участіе въ движеніи, имѣвшемъ цѣлью демократизацію общественнаго строя Англіи путемъ увеличенія числа лицъ, пользующихся избирательными правами.

Послѣ двадцати лѣтъ пасторства въ Хинтонѣ, Томасъ Спенсеръ отказался отъ своего мѣста и переѣхалъ въ городъ Басъ, гдѣ нѣкоторое время велъ дѣятельную переписку съ разными лицами для основанія Общества Церковной Реформы. Черезъ два года онъ переѣхалъ въ Лондонъ и сталъ издавать журналъ по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ (National Temperance Chronicle), причемъ значительное число статей писалъ самъ, въ то же время онъ продолжалъ читать лекціи по разнымъ вопросамъ, произносилъ проповѣди и т. д. Работалъ онъ свыше силъ; умеръ въ Лондонѣ на 56-омъ году жизни; похоронили его въ Хинтонѣ, при чемъ, какъ описываетъ Гербертъ Спенсеръ, когда прахъ Томаса Спенсера былъ привезенъ для погребенія въ Хинтонъ, все населеніе прихода встрѣтило своего любимаго пастора и составило длинную похоронную процессію.

Таковъ былъ наиболѣе замѣчательный изъ дядей Спенсера, у котораго онъ провелъ часть своей юности, и который оказалъ не малое вліяніе на умственное и нравственное развитіе будущаго философа.

---

[1]) Какъ извѣстно, эта агитація, душой которой былъ знаменитый Рич. Кобденъ, составляетъ одну изъ наиболѣе любопытныхъ и поучительныхъ страницъ соціальной исторіи Англіи XIX вѣка.

III.

Отецъ и мать Спенсера.

Отецъ Спенсера, Вильямъ Джорджъ Спенсеръ, былъ, по словамъ его сына, Герберта Спенсера, наиболѣе даровитымъ изъ братьевъ, хотя дарованія Вильяма Спенсера не проявились столь очевидно внѣшнимъ образомъ, какъ таланты другого брата — Томаса. Это объясняется отчасти тѣмъ, что будучи старшимъ въ семьѣ, Джорджъ Спенсеръ долженъ былъ рано сосредоточить всѣ свои труды и заботы на добываніи средствъ къ существованію и даже въ извѣстной мѣрѣ взять на себя попеченіе о другихъ братьяхъ...

Отецъ Спенсера съ ранней молодости сталъ заниматься учительствомъ, начавъ этого рода дѣятельность еще въ школѣ своего отца. Впослѣдствіи онъ содержалъ собственную школу и давалъ сверхъ того частные уроки. Спенсеръ былъ очень хорошимъ учителемъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ печатныхъ воспоминаній о немъ, принадлежащихъ его ученикамъ и ученицамъ [1]). Онъ отличался необыкновенной добротой и добросовѣстностью: первая выражалась наиболѣе очевидимъ образомъ въ его отношеніи къ жильцамъ, занимавшимъ принадлежавшіе ему дома (читателямъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Англіи семьи средняго круга и даже болѣе обезпеченной части рабочихъ классовъ живутъ въ отдѣльныхъ небольшихъ домахъ), вторая въ усердіи, съ какимъ онъ давалъ уроки въ школѣ и въ частныхъ семьяхъ. Необыкновенная добросовѣстность, какъ мы увидимъ ниже, вызвала болѣзнь и переутомленіе отца Спенсера и заставила его гораздо раньше, чѣмъ онъ этого желалъ, закрыть свою школу и ограничиться лишь частными уроками.

Джорджъ [2]) Спенсеръ былъ рѣшительный вигъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Онъ проявлялъ необыкновенную простоту въ платьѣ и обращеніи съ людьми: не мѣнялъ фасона своего костюма въ теченіе всей жизни, не снималъ по принципу ни передъ кѣмъ шляпы и называлъ всѣхъ одинаково—мистеръ, каковъ бы ни былъ титулъ и каково бы ни было положеніе лица, къ которому онъ обращался устно или письменно.

Джорджъ Спенсеръ имѣлъ также большія артистическія способности, какъ это доказываетъ его сынъ, ссылаясь на нѣсколько портретовъ, превосходно исполненныхъ его отцомъ, несмотря

1) Autobiography, vol. I, 42—50.

2) Отца Спенсера—Джорджа Вильяма Спенсера—называли въ семьѣ Джорджемъ, такъ какъ одного изъ его братьевъ звали Вильямомъ. Гербертъ Спенсеръ справедливо удивляется фантазіи своего дѣда, давшаго двумъ своимъ сыновьямъ одинаковое имя.

на то, что послѣдній никогда не учился рисованію и не имѣлъ даже возможности посвящать сколько-нибудь значительное время этому искусству. Гербертъ Спенсеръ, вообще очень скупой на похвалы, и въ то же время склонный къ переоцѣнкѣ собственныхъ достоинствъ, по поводу своего отца выражается однако слѣдующимъ образомъ: „За исключеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ способностей, которыя мнѣ были необходимы для дѣла моей жизни, и которыя я унаслѣдовалъ отъ него, но въ усиленной степени, я считаю себя во многихъ отношеніяхъ ниже своего отца, какъ со стороны умственной, такъ и со стороны эмоціональной и физической“.

Мать Спенсера, урожденная Холмсъ (Holmes), вообще говоря, была женщина очень консервативная и вовсе не обнаруживала слѣдовъ своего происхожденія отъ потомковъ гугенотовъ или гусситовъ. Родившись методисткой, она умерла методисткой, но это, по мнѣнію Спенсера, составляетъ лишнее доказательство ея нерасположенія къ какимъ-либо перемѣнамъ. „Я никогда не слышалъ, говоритъ Спенсеръ“, чтобы она высказала какое-нибудь критическое замѣчаніе по поводу выслушанной ею проповѣди въ церкви, и вообще я не помню, чтобы она когда-либо высказала самостоятельное сужденіе по вопросамъ религіознымъ, нравственнымъ или политическимъ“. Вслѣдствіе этого Спенсеръ готовъ даже видѣть въ своей матери примѣръ ограниченія передачи наслѣдственныхъ чертъ поломъ.

Мать Спенсера отличалась, вообще, необыкновенно мягкимъ и добрымъ характеромъ. Спенсеръ говоритъ, что онъ не помнитъ случая, когда бы она проявила гнѣвъ или раздраженіе. Она отличалась также большой религіозностью, и это должно было, по словамъ ея сына, доставлять ей не мало утѣшенія въ жизни, которую, вообще, никакъ нельзя было назвать завидной. Правдивость составляла также одну изъ характерныхъ чертъ матери Спенсера, причемъ эта правдивость нѣсколько часто мѣшала проявлять то, что въ практической жизни считается гораздо болѣе важнымъ, а именно тактъ. При всемъ томъ она все-таки правильнѣе цѣнила и понимама обыкновенныя житейскія отношенія, чѣмъ отецъ Спенсера, далеке превосходившій жену въ умственномъ отношеніи.

Когда впослѣдствіи сынъ ея отдался литературнымъ и научнымъ планамъ, Харріетъ Спенсеръ относилась къ нимъ съ большимъ скептицизмомъ, совѣтуя сыну заняться лучше какимъ-нибудь обычнымъ дѣломъ или поступить на службу. „Нельзя не признать“, говоритъ Спенсеръ, „что въ огромномъ большинствѣ случаевъ такой совѣтъ былъ бы наиболѣе благоразумнымъ“...

„Въ общемъ итогѣ“, такъ заключаетъ Спенсеръ длинную характеристику своей матери, „это была натура весьма обыкно-

венная въ интеллектуальномъ отношеніи и очень высокая въ отношеніи нравственномъ“ [1]).

IV.

Первые годы жизни Спенсера.

(до 7 лѣтъ).

Отецъ Спенсера—Джоржъ Спенсеръ—женился 29 лѣтъ на Харріетъ Холмсъ, которой было 25 лѣтъ, въ городѣ Дерби въ началѣ 1819 года. 27 (15) апрѣля 1820 г. у нихъ родился сынъ, которому они дали имя Герберта въ честь одного поэта того времени, сочиненія котораго очень нравились отцу Спенсера. Впослѣдствіи у Спенсеровъ было еще шестеро дѣтей, но всѣ они умирали, не проживъ и двухъ недѣль, и только второй ребенокъ—дѣвочка—жила два года.

Изъ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній у Спенсера до старости сохранилось лишь воспоминаніе о томъ, какъ онъ игралъ въ саду со своей маленькой сестрой Луизой, которая была на годъ моложе брата. Какъ мы уже сказали, всѣ братья и сестры Спенсера умирали очень скоро, и это обстоятельство Спенсеръ считаетъ однимъ изъ несчастій своей жизни, особенно тотъ фактъ, что у него не было сестеръ.

Отецъ Спенсера, имѣя собственную школу, занимался еще частными уроками и вслѣдствіе этого довелъ себя до крайняго нервнаго переутомленія. Между тѣмъ для такой работы въ сущности не было никакой особой необходимости, такъ какъ ко времени своей женитьбы Джорджъ Спенсеръ уже успѣлъ кое-что прикопить. Въ самомъ дѣлѣ, онъ оказался въ состояніи купить у своего тестя 13 маленькихъ домовъ и сохранить въ то же время на рукахъ небольшой свободный капиталъ.

Занимаясь чрезмѣрно уроками, Спенсеръ состоялъ еще секретаремъ философскаго общества города Дерби (Derby Philosophical Society), что доставляло ему также не мало работы. Оба указываемыя нами обстоятельства не позволяли Спенсеру посвящать достаточно времени воспитанію сына, и переутомленіе испортило ему, кромѣ того здоровье и характеръ.

„Я не сомнѣваюсь“, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, „что если бы мой отецъ сохранилъ свое здоровье, мое первоначальное воспитаніе было бы много лучше того, какимъ оно было въ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что физическое и умственное состояніе моего отца не только не позволило ему относиться къ моему умственному развитію съ такимъ вниманіемъ, какого онъ несомнѣнно хотѣлъ, но его нервность и упадокъ силъ лишили

[1]) Autobiography, vol. I, 59.

его той мягкости и живости, которая вызываетъ любовь дѣтей и способствуетъ проявленію высшихъ свойствъ ихъ натуры. Есть много дѣтей, жизнь которыхъ была бы счастливѣе, если бы ихъ родители больше заботились о себѣ и не такъ хлопотали о зарабатываніи денегъ въ цѣляхъ обезпеченія своихъ близкихъ въ случаѣ своей смерти.

Здоровье отца Спенсера такъ испортилось, что, по предложенію врачей, онъ совсѣмъ прекратилъ уроки и переѣхалъ въ мѣстечко Нью-Редфордъ, находящееся въ окрестностяхъ города Ноттингама и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ обширнымъ незаселеннымъ пространствомъ; въ это время молодому Спенсеру было четыре года. Нечего и говорить, какое наслажденіе доставляли ребенку прогулки среди сравнительно дикой природы, особенно когда его впослѣдствіи стали пускать гулять одного. Въ Нью-Редфордѣ Спенсеры жили три года. „Отецъ мой, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, большую часть этого времени не начиналъ давать мнѣ формальныхъ уроковъ. Я думаю, что онъ считалъ меня по природѣ слабымъ. Дѣло въ томъ, что мать моя въ дѣтствѣ была очень слаба; возможно, что этотъ послѣдній фактъ и нѣкоторыя прямыя наблюденія надъ состояніемъ моего здоровья заставили отца не подвергать меня настоящей школьной дисциплинѣ[1]) съ ранняго дѣтства. Наконецъ такой осторожности долженъ былъ содѣйствовать личный опытъ отца, который усиленной работой довелъ себя до переутомленія“.

Слѣдующій отрывокъ изъ дневника отца Спенсера показываетъ, какъ онъ относился къ вопросу о началѣ ученья своего сына. „Когда сыну исполнилось 4 года, я принялся учить его буквамъ, начавъ съ большихъ буквъ, которыя вырѣзывалъ изъ бумаги. Хотя онъ нѣсколько буквъ выучилъ безъ труда, онъ, однако, не просилъ, чтобы я показалъ ему другое, и не возобновлялъ въ памяти тѣхъ, которыя уже выучилъ; поэтому я перестал предлагать ему учить другія буквы алфавита“.

Въ результатѣ оказалось, говоритъ Спенсеръ, что я далеко отсталъ въ отношеніи ученья отъ другихъ дѣтей моего возраста. „Изъ моей памяти не выходитъ одно непріятное доказательство этого факта. Дочь однихъ нашихъ знакомыхъ, которая была значительно моложе меня, уже умѣла читать, и это ставилось мнѣ съ упрекомъ въ качествѣ примѣра“.

---

[1]) Надо сказать, что въ Англіи, вообще говоря, начинаютъ рано учить дѣтей. Согласно дѣйствующему школьному законодательству, ученье обязательно для всѣхъ дѣтей съ 5 до 13 лѣтъ. Родители могутъ, однако, посылать въ школу своихъ дѣтей по достиженіи послѣдними *трехъ* лѣтъ, и мѣстныя власти обязаны содержать для такихъ дѣтей особыя школы. См. нашу книгу Лондонскія школы и начальное образованіе въ Англіи.

V.

Дѣтскіе годы Спенсера.

(Отъ 7 до 13 лѣтъ).

Послѣ трехъ лѣтъ жизни въ Нью-Редфордѣ здоровье отца Спенсера настолько улучшилось, что оказалось возможнымъ вернуться всей семьей въ Дерби. Отецъ Спенсера не рѣшился, однако, открывать вновь учебное заведеніе, а довольствовался пока частными уроками.

Въ настоящей главѣ будутъ описаны дѣтскіе годы Герб. Спенсера, а именно то время, когда ему было отъ 7 и до 13 лѣтъ; читатель увидитъ ниже, почему послѣдній годъ представляетъ нѣкоторую знаменательную грань въ обстоятельствахъ воспитанія Спенсера. Въ виду особой важности, которую имѣетъ подлежащій нашему изученію періодъ жизни будущаго философа, мы не считаемъ возможнымъ брать на себя пересказъ этой части автобіографіи Спенсера, а предоставимъ слово самому философу, позволяя себѣ лишь кое-какіе пропуски, вызываемые желаніемъ по возможности сократить размѣры нашей работы.

„Домъ, въ которомъ мой отецъ поселился по возвращеніи въ Дерби, говоритъ Спенсеръ, служилъ ему мѣстомъ жительства до самой его смерти; въ немъ же потомъ доживала свою жизнь моя мать. Теперь этотъ домъ носитъ № 31 по улицѣ Вильмота (Wilmot Street).

„Мѣста, гдѣ я собиралъ цвѣты и съ любопытствомъ смотрѣлъ на орѣшки орѣшника, теперь заняты желѣзодѣлательными заводами, гдѣ постоянно гремитъ паровой молотъ, и гдѣ развѣтвляется во всѣ стороны желѣзнодорожная сѣть. Тихіе луга, по которымъ я въ раннемъ дѣтствѣ бѣгалъ съ товарищемъ, стараясь поймать ручной сѣткой пискарей въ маленькомъ свѣтломъ ручейкѣ, который протекаетъ вдоль изгороди, теперь заняты прямыми улицами съ небольшими участками земли, на которыхъ построили себѣ дома фабричные рабочіе. Тамъ, гдѣ я собиралъ чернику, теперь высятся фабричныя зданія.

„Жизнь моя протекла нѣкоторое время при сравнительной свободѣ, ученье имѣло почти номинальный характеръ, да и въ другихъ отношеніяхъ родители меня почти не стѣсняли. Я полагаю, что мой отецъ по прежнему думалъ, что мое здоровье не вынесетъ большого умственнаго напряженія и потому воздерживался отъ какихъ-либо строгихъ требованій въ этомъ отношеніи. За нашимъ домомъ былъ небольшой садъ съ фруктовыми деревьями и съ клумбами цвѣтовъ; кромѣ того, мой отецъ арендовалъ сосѣдній участокъ, гдѣ устроилъ огородъ. Я часто долженъ былъ работать съ нимъ въ саду,—во всякомъ случаѣ чаще, чѣмъ я этого желалъ. Часто въ то время, когда я долженъ былъ ис-

полнять ту или иную работу въ саду, которую поручилъ мнѣ отецъ, я занимался иными вещами:—бросалъ камнями въ птицъ, сидѣвшихъ на стѣнахъ или изгородяхъ, наблюдалъ за пчелами, садившимися на цвѣты турецкихъ бобовъ для собиранія меда и т. д. Большинство дѣтей по инстинкту натуралисты и, если бы ихъ поощряли, могли бы легко обратиться изъ небрежныхъ наблюдателей природы въ наблюдателей внимательныхъ и толковыхъ. Въ этомъ отношеніи мой отецъ поступилъ умно, и мнѣ не только позволяли, но меня даже поощряли заниматься естественной исторіей“.

„Однако, мой способъ проводить время, большей частью, не отличался отъ того, какъ обыкновенно проводятъ время школьники, которые пользуются каждымъ свободнымъ днемъ, чтобы побродить по полямъ въ поискахъ за сокровищами, которыхъ они ищутъ по сторонамъ изгородей и плетней. Въ теченіе моего ранняго дѣтства ближайшія къ нашему дому мѣста были изслѣдованы мной во всѣхъ деталяхъ: всякій кустъ сталъ понемногу мнѣ знакомъ, благодаря всевозможнымъ экскурсіямъ—весной за птичьими гнѣздами, за фіалками или шиповникомъ, въ болѣе позднее время за грибами, или за черникой, дикими яблоками и т. д.

„Не говоря уже о томъ, что эти экскурсіи доставляли мнѣ большое удовольствіе, удовлетворяя моей любви къ приключеніямъ и къ прогулкамъ на свѣжемъ воздухѣ, онѣ давали мнѣ много самыхъ разнородныхъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ развили мои органы чувствъ. Однако изъ всѣхъ занятій, которыми я увлекался въ свободное время, я больше всего любилъ уженье рыбы. Около нашего дома протекала рѣка Деруэнтъ (Derwent), которая въ то время была не теперешнимъ чернымъ, грязнымъ ручьемъ, а довольно чистой рѣчкой, гдѣ было порядочно рыбы. Здѣсь я могъ досыта предаваться рыбной ловлѣ и проводилъ за ней длинные лѣтніе дни. Въ одномъ своемъ письмѣ мать, говоря о моемъ увлеченіи рыбной ловлею на Трентѣ, пишетъ: „Мнѣ кажется, что онъ былъ уже на ногахъ въ 4 часа утра“. Прекращалъ же я рыбную ловлю вечеромъ, когда уже ничего не было видно“.

(Страсть Спенсера къ рыбной ловлѣ чуть не привела его къ смерти, когда ему было 9 или 10 лѣтъ. Однажды онъ упалъ въ рѣку Деруэнтъ, въ глубокое мѣсто, и не утонулъ только потому, что былъ спасенъ однимъ юношей, видѣвшимъ паденіе мальчика въ воду).

„Между моими занятіями на открытомъ воздухѣ было одно, которое отчасти носило интеллектуальный характеръ—я разумѣю занятія энтомологіей. Отецъ меня подбилъ къ этимъ занятіямъ, между прочимъ, и безъ всякаго формальнаго обученія. Значительное число болѣе замѣтныхъ чешуекрылыхъ, которыхъ можно найти вокругъ Дерби, я самъ вывелъ изъ гусеницъ черезъ всѣ

промежуточныя стадіи. Это доставляло мнѣ постоянно большое удовольствіе. Въ субботу, послѣ обѣда, я отправлялся осматривать берега рѣчки, изгороди и деревья въ поискахъ за личинками, и съ теченіемъ времени я составилъ значительную коллекцію бабочекъ, стрекозъ, жуковъ и пр. Я настолько увлекался собираніемъ всѣхъ этихъ естественно-научныхъ богатствъ, что, помню, однажды уже въ 6 час. утра отправился въ свою экскурсію.

„Отецъ мой поощрялъ мое желаніе дѣлать рисунки насѣкомыхъ, которыхъ я поймалъ или вывелъ; мнѣ это было къ тому же тѣмъ болѣе пріятно, что изображаемые мною предметы составляли мое пріобрѣтеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я, кромѣ того, составлялъ описанія насѣкомыхъ. Надо сказать, что бабочки, вообще, очень удобный предметъ для первыхъ уроковъ рисованія, такъ какъ онѣ представляютъ собой почти только плоскія окрашенныя поверхности, и потому рисованіе бабочекъ мало чѣмъ отличается отъ копированія. Кромѣ того, процессъ составленія фигуры непродолжителенъ по сравненію съ процессомъ раскрашиванія, которое доставляетъ всегда дѣтямъ максимальное наслажденіе.

„Начавши рисовать такимъ естественнымъ путемъ, я продолжалъ заниматься рисованіемъ въ большей или меньшей мѣрѣ въ теченіе всего дѣтства, иногда отдаваясь этому дѣлу съ большимъ усердіемъ, а затѣмъ, когда мнѣ надоѣдало рисованіе, бросалъ его совершенно. Когда затѣмъ черезъ нѣкоторое время я вновь принимался за рисованіе, я замѣчалъ, что рисую много лучше, чѣмъ раньше, въ чемъ слѣдуетъ видѣть одно изъ проявленій нормальнаго природнаго развитія нервной системы, достигающей постепенно своей полной структуры; между тѣмъ это обстоятельство слишкомъ часто игнорируется при объясненіи физіологическихъ явленій.

„Обращаясь къ развлеченіямъ, имѣющимъ болѣе интеллектуальный характеръ, я могу здѣсь указать на тотъ фактъ, что съ самаго дѣтства я былъ чрезвычайно склоненъ къ мечтаніямъ, и что эта привычка сохранилась въ юности, удержалась въ зрѣлые годы и перешла, наконецъ, какъ я думаю, въ склонность составлять разные проекты болѣе или менѣе осуществимые.

„Въ раннемъ дѣтствѣ эта склонность была настолько сильна, что, идя спать, я уже заранѣе предвкушалъ удовольствіе, что буду въ состояніи лежать нѣкоторое время въ кровати и предаваться разнымъ мечтамъ, которыя меня тогда занимали. Часто на другой день, проснувшись, я былъ недоволенъ собой, если наканунѣ я засыпалъ, не поработавъ своимъ воображеніемъ такъ долго, какъ собирался.

„Часто эти мечты принимали характеръ совершенной реальности и заполняли всецѣло мое воображеніе, когда я куда нибудь

шелъ. Даже тогда, когда я шелъ по улицамъ, я такъ увлекался своими мечтами, что мнѣ случалось говорить съ самимъ собой вслухъ, причемъ я отъ времени до времени узнавалъ объ этомъ фактѣ, видя, что прохожіе, которыхъ я встрѣчалъ, оборачивались назадъ и провожали меня глазами.

„Вотъ любопытнѣйшій примѣръ того, какъ далеко могла заходить моя способность самоуглубленія. Меня послали въ городъ съ какимъ-то порученіемъ; по дорогѣ я, какъ всегда, о чемъ-то задумался, прошелъ, такимъ образомъ, черезъ главныя улицы города и черезъ предмѣстье и вышелъ за городъ на другую сторону, когда пришелъ, наконецъ, въ себя и вспомнилъ о данномъ мнѣ порученіи; я повернулъ назадъ, прошелъ снова черезъ весь городъ и пришелъ домой прежде, чѣмъ успѣлъ снова придти въ себя и вспомнить о данномъ мнѣ порученіи.

„Мнѣ кажется, что, согласно общему мнѣнію, мечтательность вредна, но я въ этомъ ни въ какомъ случаѣ не увѣренъ. Если эта склониость проявляется умѣренно, я думаю даже, что она тогда благотворна. Это — игра созидающаго воображенія, и безъ созидающей работы воображенія не можетъ быть сдѣлано никакого крупнаго дѣла. Я полагаю, что склонность, которую я тогда проявлялъ въ этомъ отношеніи, проистекала отъ самопроизвольной работы тѣхъ способностей или силъ, которыя впослѣдствіи мнѣ нужны были для высшихъ формъ умственной дѣятельности.

„Здѣсь я позволилъ себѣ, кромѣ того, отмѣтить мимоходомъ нѣкоторую дополнительную черту.

„Указанная мною склонность къ самоуглубленію составляетъ, какъ я подозрѣваю, частную причину особенности, въ которой меня часто упрекалъ отецъ, говоря: „Гербертъ, какъ всегда, можетъ думать только объ одной вещи за разъ". Эта склонность такъ поглощаться однимъ предметомъ или одной стороной предмета, что я забывалъ совершенно о всѣхъ остальныхъ, послужила въ позднѣйшей жизни причиной многихъ несчастій.

„На ряду съ этой страстью къ мечтаньямъ вполнѣ естественно упомянуть о чтеніи романовъ. Какъ уже было сказано мной ранѣе, меня не заставляли въ дѣтствѣ учить уроковъ, въ результатѣ чего оказалось, что я научился хорошо читать только тогда, когда мнѣ было уже больше семи лѣтъ. Первая книга, которую я прочелъ по собственному желанію, была „Sandford and Merton" [1]). Какъ только я усвоилъ вполнѣ механизмъ чтенія, я самъ сталъ читать съ большимъ усердіемъ и не нуждался въ какихъ-либо дальнѣйшихъ побужденіяхъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выборъ моего чтенія былъ ограниченъ, такъ какъ отецъ

[1]) Произведеніе одного весьма извѣстнаго англійскаго писателя XVIII вѣка (Thom. Day).

мой не одобрялъ чтенія романовъ или разсказовъ. Его аскетическое воспитаніе помѣшало въ этомъ отношеніи правильности его сужденія, вслѣдствіе чего я въ дѣтствѣ не зналъ вовсе тѣхъ разсказовъ и сказокъ, которыя обыкновенно хорошо знакомы всѣмъ дѣтямъ.

„Относясь холодно ко всѣмъ произведеніямъ воображенія, кромѣ однако поэзіи, отецъ мой критически относился къ правиламъ морали, которыя часто скрыты въ дѣтскихъ книгахъ. Мнѣ разрѣшали читать немногія книги со стихами для дѣтей и притомъ только такія, которыя были ранѣе прочитаны отцомъ, причемъ онъ уничтожалъ совершенно тѣ части этихъ книгъ, которыя онъ считалъ для меня неподходящими.

„Когда впослѣдствіи у меня появился вкусъ къ романамъ, я долженъ былъ удовлетворять его украдкой. Моя мать еще менѣе терпѣла легкую литературу, чѣмъ отецъ, и, хотя чтеніе романовъ не было мнѣ положительно запрещено, я встрѣчалъ въ этомъ направленіи нѣкоторыя препятствія. Когда, однако, я вкусилъ однажды сладостей чтенія романовъ, мой аппетитъ къ нимъ сталъ очень силенъ, и было такое время, когда всѣ деньги, которыя мнѣ удавалось сберечь изъ того малаго ихъ количества, какое мнѣ давали родители, уходили на подписку въ частную библіотеку, богатую старыми романами, въ родѣ „Замокъ Отранто", романами г-жи Редклиффъ и т. п. Все это читалось тайкомъ. Одно время я сталъ читать въ постели и лѣтомъ продолжалъ чтеніе до тѣхъ поръ, пока не слышалъ утренняго пѣнія птицъ.

„Спустя нѣкоторое время мое чтеніе по ночамъ было открыто, и мать моя прежде, чѣмъ ложиться спать, заходила ко мнѣ въ комнату, чтобы убѣдиться, потушенъ ли мной огонь. Но не такъ-то легко было заставить меня отказаться отъ моего ночного удовольствія, и я скоро перехитрилъ мать. Рядомъ съ моей кроватью былъ угловой шкапъ, и обыкновенно, какъ я слышалъ на лѣстницѣ ея шаги, я соскакивалъ съ постели, пряталъ горящую свѣчу въ шкапъ, снова быстро вскакивалъ въ постель и притворялся спящимъ до тѣхъ поръ, пока мать, совершенно успокоенная, не уходила назадъ; послѣ этого я доставалъ свѣчу изъ шкапа и продолжалъ чтеніе. Въ это время мнѣ было, я думаю, лѣтъ одиннадцать или двѣнадцать..."

Нѣсколько далѣе Спенсеръ переходитъ къ тому, что онъ называетъ характеристикой своей натуры въ отношеніи физическомъ, нравственномъ и интеллектуальномъ.

„Такъ какъ меня не заставляли никогда работать свыше силъ и, вообще, никогда не неволили меня ни въ дѣтствѣ, ни впослѣдствіи, здоровье мое было или стало совершенно удовлетворительнымъ. Я припоминаю всего нѣсколько дней, когда я былъ боленъ какой-то дѣтской болѣзнью; вообще же говоря, я былъ всегда вполнѣ здоровъ и силенъ. По своей натурѣ, я какъ въ то время,

такъ и впослѣдствіи, отличался скорѣе хорошей уравновѣщенностью, чѣмъ особой жизненной энергіей. Избытка энергіи я не обнаруживалъ, а потому не выказывалъ никогда особой склонности къ чрезмѣрному усердію, если не было на лицо сильнаго побудительнаго мотива...

„Что касается эмоціональныхъ сторонъ моей натуры, тѣсно связанныхъ съ физическими особенностями, я могу указать на то, что въ общемъ я былъ мирнаго, кроткаго нрава. Отчасти, можетъ быть, это объясняется чертой, унаслѣдованной мной отъ отца, а именно неспособностью переносить терпѣливо болѣзненныя ощущенія физическія или нравственныя. Въ отношеніи выносливости, люди очень отличаются одни отъ другихъ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ дикарей и людей цивилизованныхъ. Нечувствительность къ физической боли, выказываемая нѣкоторыми дикими племенами, крайне изумляетъ путешественниковъ, которымъ случилось это наблюдать. Очевидно въ то же время, что степень чувствительности къ боли обусловливаетъ также и разницу въ степени готовности, съ которой человѣкъ переноситъ боль или рискуетъ на поступки, которые могутъ причинить боль. Возможно, что, когда я былъ мальчикомъ, моя кротость отчасти объяснялась нежеланіемъ вступать въ схватки, при которыхъ пришлось бы терпѣть боль. Впрочемъ, такъ было не всегда. Если меня успѣли въ достаточной мѣрѣ разозлить, меня не могла уже остановить боязнь боли или опасности или какія бы то ни было иныя соображенія. Неуваженіе къ власти—вотъ, однако, наиболѣе отличительная черта моего характера, проявлявшаяся весьма различнымъ образомъ, какъ въ дѣтствѣ, такъ и впослѣдствіи. Разумѣется, однимъ изъ результатовъ такой черты было хроническое неповиновеніе родителямъ. Это сильно огорчало мою мать и служило причиной частыхъ выговоровъ отца, но такъ какъ за этими выговорами не наступали, обыкновенно, такія послѣдствія, какія въ такихъ случаяхъ приходится испытывать большинству дѣтей [1]), то неповиновеніе съ моей стороны не прекращалось. На ряду съ этимъ замѣчалась и родственная черта: не соглашаясь на какое-либо подчиненіе по отношенію къ большимъ мальчикамъ, я также далекъ былъ отъ желанія командовать мальчиками меньше себя, иначе сказать, мое стремленіе охранять свою свободу сопровождалось сочувствіемъ такому же стремленію другихъ. Въ результатѣ оказывалось, что я избѣгалъ такой компаніи, гдѣ надо мной желали командовать, и былъ желаннымъ товарищемъ тамъ, гдѣ никто не могъ имѣть или не имѣлъ такихъ стремленій.

---

[1]) Спенсеръ, очевидно, имѣетъ въ виду физическое наказаніе, которое, какъ извѣстно, до сихъ поръ практикуется еще въ англійскихъ школахъ и, надо думать, еще того чаще въ семьяхъ.

„Во время дѣтскихъ игръ мнѣ случалось, хотя и не часто, испытывать раздраженіе, но гнѣвъ мой былъ непродолжителенъ. По этому поводу, мнѣ припоминается одинъ оригинальный случай. Одинъ мой товарищъ, значительно уступавшій мнѣ по силѣ, сильно меня раздразнилъ, называя меня разными кличками; я пригрозилъ, что поколочу его, какъ только онъ попадется мнѣ въ руки. Черезъ нѣсколько времени онъ дѣйствительно очутился въ моей власти. Я увидѣлъ, однако, что я недостаточно золъ, чтобы исполнить угрозу, и очень досадовалъ, что потерялъ уже желаніе поколотить товарища.

„Изъ того, что я разсказывалъ выше о своей любви къ уженію, никакъ нельзя выводить, что я былъ склоненъ къ жестокости. Напротивъ, по сравненію съ большинствомъ другихъ мальчиковъ, я былъ очень кротокъ въ обращеніи съ животными:—я никогда, напр., не мучилъ домашнихъ животныхъ и не могъ видѣть, когда другіе ихъ мучили. Хотя, подобно другимъ мальчикамъ, я часто бросалъ камнями въ птицъ, но дѣлалъ это, какъ и другія дѣти, изъ любви къ своего рода спорту, въ которомъ проявленіе искусства составляетъ главное удовольствіе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда животнымъ грозило страданіе безъ всякаго проявленія искусства со стороны человѣка, я не только самъ не причинялъ такого рода страданій животнымъ, но протестовалъ противъ подобныхъ поступковъ товарищей — напримѣръ, когда они для развлеченія начинали мучить насѣкомыхъ. Однажды одинъ мой товарищъ предложилъ показать мнѣ, какъ убиваютъ быка. Я внимательно смотрѣлъ на всѣ приготовленія, но, когда дѣло дошло до убійства, я поспѣшилъ убѣжать. Хотя я могъ довольно спокойно убить пойманную рыбу, я не могъ перенести смерти большого животнаго.

„Любопытно замѣтить кстати, до какой степени удовольствіе, которымъ сопровождается то или иное удачное дѣйствіе, можетъ заглушать симпатіи къ существамъ, которыя при этомъ испытываютъ боль или даже лишаются жизни. Весьма часто приходится видѣть, что люди, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очень добросердечны, тѣмъ не менѣе безъ всякихъ угрызеній совѣсти жертвуютъ жизнью животныхъ для того, чтобы доставить себѣ любимое развлеченіе. Во мнѣ лично чувство симпатіи въ послѣдующіе годы преодолѣло любовь къ уженью рыбы и заставило надолго отказаться отъ этого удовольствія.

„Относительно умственныхъ чертъ, обнаруженныхъ мной въ этомъ возрастѣ, я могу замѣтить, что въ то время, какъ и всегда, память моя была скорѣе ниже, чѣмъ выше обыкновенной, какъ въ отношеніи быстроты, такъ и въ отношеніи прочности запоминанія. Другіе мнѣ часто приписывали хорошую память, но на самомъ дѣлѣ память моя никогда не была хорошей, кромѣ лишь памяти на извѣстныя вещи. Изо всѣхъ романовъ и разсказовъ,

которые я читалъ въ дѣтствѣ и молодости, значительное большинство я совершенно забылъ; отъ остальныхъ сохранились лишь весьма слабыя воспоминанія. Я часто удивлялся, слыша, какъ другіе вспоминаютъ разные случаи и дѣйствующихъ лицъ изъ романовъ, прочтенныхъ въ молодости. Равнымъ образомъ я удивлялся, съ какой легкостью нѣкоторые приводятъ наизусть цитаты изъ той или иной книги или поэмы. Для меня это было недоступно.

„Въ связи съ только что разсказаннымъ находится и тотъ фактъ, что какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ послѣдующей жизни я не могъ долго читать. Вѣроятно, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, скоро я достигалъ предѣла своей воспріимчивости. Такимъ образомъ, мой интеллектуальный пищеварительный аппаратъ какъ будто бы отличается сравнительно малыми размѣрами и отказывается отъ обильныхъ пріемовъ пищи за одинъ разъ. Возможно, что уже въ то время, какъ и впослѣдствіи, у меня сравнительно настолько преобладало стремленіе къ самостоятельной мысли, что мнѣ скоро надоѣдалъ процессъ воспринимація чужихъ идей. Если исключить романы и путешествія, то можно сказать, что я никогда не читалъ подъ рядъ болѣе часа или двухъ. Хотя я не любилъ учить уроковъ и, вообще, пріобрѣтать знанія обычнымъ рутиннымъ путемъ, я быстро и легко воспринималъ разнородныя свѣдѣнія изъ наблюденій и иными путями.

„Оканчивая эту краткую характеристику моей натуры въ отношеніи физическомъ, нравственномъ и умственномъ, насколько она проявилась въ возрастѣ между 7 и 13 годами, я считаю нужнымъ сказать кое-что и о томъ, какъ ко мнѣ, вообще, относились въ родительскомъ домѣ.

„Фактъ постояннаго неповиновенія родителямъ, на который я уже указывалъ ранѣе, естественно создавалъ между мной и ими нѣкотораго рода хроническій антагонизмъ. Мои проступки не влекли, обыкновенно, за собой прямыхъ наказаній, но обыкновенно вызывали только выговоры. Сознаніе, что я останусь вовсе безнаказаннымъ или отдѣлаюсь только выслушаніемъ рѣзкихъ словъ, поощряло меня, я подозрѣваю, къ совершенію разнаго рода проступковъ. Къ несчастію, мой отецъ, не сочувствуя физическимъ наказаніямъ, недостаточно пользовался другими средствами для поддержанія дисциплины. Положеніе дѣла было бы, вѣроятно, совершенно иное, если бы не слабое здоровье отца и не упадокъ энергіи, который онъ всегда испытывалъ къ тому времени, когда онъ оканчивалъ всѣ свои дневныя обязательныя занятія. Такимъ образомъ, меня не заставляли путемъ физическаго принужденія подчиняться извѣстнымъ требованіямъ и не приводили къ исполненію тѣхъ же требованій нравственнымъ воздѣйствіемъ.

„Постоянные выговоры за ослушаніе привели между тѣмъ къ

извѣстному отчужденію или, по меньшей мѣрѣ, отсутствію привязанности. Не то, чтобы мнѣ по натурѣ были чужды сыновнія чувства; какъ видно изъ одного письма моей матери, я въ раннемъ дѣтствѣ выказывалъ большую нѣжность къ отцу, но какъ я подозрѣваю, раздражительность и нетерпѣніе, появившіяся у отца вслѣдствіе нездоровья, причиненнаго въ свою очередь его чрезмѣрнымъ усердіемъ въ работѣ, помѣшали укрѣпленію тѣхъ путей вліянія, которые могли замѣнить принудительныя средства и которыхъ при другихъ условіяхъ, я не сомнѣваюсь, оказалось бы достаточно. Здѣсь будетъ кстати сказать, для характеристики моего отца, что, часто, выговаривая мнѣ за тотъ или другой проступокъ, онъ убѣждалъ меня стремиться къ тому, чтобы впослѣдствіи изъ меня вышелъ „полезный членъ общества". Конечно, не часто, обращаясь къ мальчикамъ, ставятъ имъ такіе идеалы. Дѣло въ томъ, что мой отецъ самъ болѣе всего стремился быть полезнымъ для другихъ и потому желалъ, чтобы и для меня такое стремленіе было руководящимъ. Однако, какъ и можно предполагать, нотаціи съ указаніемъ на общественныя заслуги, какъ на главную цѣль жизни, не производили на меня никакого впечатлѣнія, такъ какъ я находился въ такомъ возрастѣ, когда еще не можетъ быть понимаемо благородство подобныхъ идеаловъ.

„Теперь остается сказать кое-что и объ умственномъ моемъ воспитаніи во время моего дѣтства. Такъ какъ отецъ мой не могъ взять на себя дѣла моего обученія, меня опредѣлили въ школу (для приходящихъ) г-на Мизера. Это былъ очень обыкновенный учитель рутиннаго типа, который совсѣмъ не обладалъ способностью заинтересовывать учениковъ, чему онъ ихъ училъ. Отвѣчалъ я уроки, обыкновенно, плохо. Нельзя сказать, чтобы я положительно никогда не зналъ урока, но во всякомъ случаѣ, если это и бывало, то очень рѣдко. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ за такой небрежностью, какую я проявлялъ, несомнѣнно слѣдовало бы наказаніе, но, какъ я думаю, отецъ на это не соглашался, какъ въ виду своего принципіальнаго несочувствія физическимъ наказаніямъ, такъ и въ виду нежеланія заставлять меня дѣлать что-либо черезъ силу. Въ оставленныхъ имъ запискахъ я нахожу по поводу себя такое замѣчаніе: „онъ выказывалъ чрезвычайное нерасположеніе учить латинскую грамматику; послѣ нѣкоторыхъ усилій мы добились того, что онъ намъ сказалъ, что ему не нравится отсутствіе въ ней всякой системы". Можетъ быть, это въ нѣкоторой мѣрѣ и справедливо, но я думаю, что въ гораздо большей мѣрѣ это объяснялось общимъ моимъ отвращеніемъ ко всякому ученью наизусть, а отчасти моимъ въ то время еще смутнымъ нерасположеніемъ ко всему, что мнѣ сообщалось въ догматической формѣ. Простое заявленіе, что это такъ-то и такъ-то, безъ всякаго къ тому

доказательства или основанія, съ самаго начала претило моей натурѣ.

„Когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, т. е. въ 1830 г., я пересталъ ходить въ школу Мизера, такъ какъ въ это время снова открылъ свою школу мой дядя Вилліамъ. Онъ училъ сравнительно хорошо, частью благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, частью благодаря указаніямъ моего отца, вслѣдствіе этого въ школѣ дяди я сдѣлалъ кое-какіе успѣхи. Среди занятій, которыхъ не бывало въ другихъ школахъ для мальчиковъ, можно назвать рисованье съ натуры, для чего утилизировались стулья, столы и другіе находившіеся подъ рукой предметы. Отъ времени до времени мы дѣлали опыты съ блоками и рычагами и, такимъ образомъ, практически ознакомились съ ихъ свойствами. Въ то же время нами были усвоены нѣкоторые общіе законы, которые были указаны, какъ причина этихъ свойствъ. Я помню до сихъ поръ одно изъ предложеній, которыя въ этихъ случахъ часто повторялъ мой дядя Вилліамъ: „Что выигрывается въ силѣ, то теряется во времени".—Во всѣхъ случаяхъ, когда надо было разсуждать, я отличался быстротой соображенія; какъ я узналъ впослѣдствіи отъ одного изъ моихъ школьныхъ товарищей, я считался въ этомъ отношеніи самымъ выдающимся мальчикомъ въ школѣ, хотя тогда мнѣ это было неизвѣстно.

„Въ школѣ моего дяди, какъ я думаю, было сравнительно мало задаванья уроковъ, вслѣдствіе чего я не считался постоянно плохимъ ученикомъ. Мы познакомились съ нѣкоторымъ количествомъ текста греческаго евангелія, учась греческому языку по натуральному методу, такъ какъ передъ изученіемъ текста мы не проходили вовсе греческой грамматики [1]. Одно изъ занятій въ школѣ, которое, какъ я подозрѣваю, было введено по совѣту отца, заключалось въ составленіи на память картъ или плановъ знакомыхъ мѣстностей; въ то время это было совершенно необычное школьное занятіе, и я пріобрѣлъ въ немъ необыкновенное искусство. Въ раннемъ дѣтствѣ я отличался замѣчательной памятью на мѣстности, но впослѣдствіи ея лишился. Въ описываемое же время она была такъ велика, что я теперь смотрю съ изумленіемъ на нѣкоторыя карты, оставшіяся у меня съ тѣхъ поръ.

„Условія для общаго моего развитія помимо школы были благопріятны. Я часто имѣлъ возможность слушать серьезные разговоры. Мой дядя и другіе знакомые, приходившіе въ нашъ домъ, всегда затѣвали съ моимъ отцомъ разговоры болѣе или менѣе поучительнаго характера—о политикѣ, религіи, о научныхъ

---

[1]) Ниже читатель увидитъ, что разумѣлъ Спенсеръ, говоря, что его дядя занимался съ своими учениками греческимъ языкомъ по натуральному способу.

вопросахъ, о вопросахъ этическихъ. Я имѣлъ удобные случаи и для того, чтобы близко познакомиться съ нѣкоторыми разрядами физическихъ законовъ. У отца моего была электрическая машина и воздушный насосъ; отъ времени до времени къ отцу приходили ученики, чтобы посмотрѣть на производимые имъ опыты, причемъ я часто помогалъ какъ при подготовкѣ опытовъ, такъ и во время самой ихъ демонстраціи ученикамъ. Видя такимъ образомъ факты и слыша даваемыя по поводу ихъ объясненія, я пріобрѣталъ свѣдѣнія по физикѣ".

Такимъ же путемъ—участіемъ въ разныхъ опытахъ отца—Спенсеръ познакомился и съ химіей и понемногу даже увлекся ею, прочтя нѣсколько элементарныхъ книжекъ. Какъ Спенсеръ описываетъ далѣе, въ отношеніи книгъ, онъ имѣлъ большія удобства, такъ какъ черезъ отца ему доступна была очень хорошая библіотека Философскаго Общества (города) Дерби.

Надо сказать, наконецъ, что около описываемаго времени въ Дерби было основано оригинальное учрежденіе, въ которомъ читались популярно-научныя лекціи, и гдѣ была подобрана библіотека соотвѣтственнаго характера. Отецъ разрѣшалъ Спенсеру записаться въ эту библіотеку, а онъ ею усердно пользовался для доставленія книгъ самыхъ разнообразныхъ и въ томъ числѣ книгъ по исторіи. „Я не понимаю", говоритъ Спенсеръ, по поводу послѣдняго обстоятельства, „какъ это могло быть, что я въ то время обнаруживалъ нѣкоторую склонность къ исторіи. Интересъ къ эпосу преобладаетъ въ болѣе ранней стадіи жизни какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ, и я въ то время имѣлъ больше, чѣмъ когда-нибудь впослѣдствіи любви къ біографическимъ разсказамъ и къ описаніямъ выдающихся историческихъ событій, подробностей битвъ и сраженій. Я прочелъ тогда всю „Древнюю исторію Роллена" [1]), тогда же,—но, впрочемъ, не увѣренъ, можетъ быть, это было позже,—я читалъ Гиббона [2]), но у меня осталось самое смутное воспоминаніе о содержаніи этихъ книгъ".

Затѣмъ Спенсеръ подводитъ итоги своего образованія и воспитанія до 13 лѣтъ и выражается такимъ образомъ:

„Я не зналъ ничего существеннаго по латыни или гречески. Мои свѣдѣнія по латинскому языку состояли въ плохомъ знаніи склоненій и нѣкоторыхъ спряженій (я никогда не зналъ всѣхъ спряженій полностью). Знакомство съ греческимъ языкомъ ограничивалось тѣмъ, что можно было пріобрѣсти, переведя слово

---

[1]) Rollin—извѣстный французскій историкъ XVII вѣка, произведенія котораго долго пользовались большой популярностью не только во Франціи, но и за границей. Спенсеръ читалъ конечно его „Древнюю Исторію" въ англійскомъ переводѣ.

[2]) Знаменитый авторъ „Decline and Fall of the Roman Empire". Эта замѣчательная исторія Рима начала выходить въ 1774 г.

за словомъ подъ руководствомъ дяди Вильяма нѣсколько первыхъ главъ Новаго Завѣта. Меня вовсе не учили англійскому языку въ томъ смыслѣ, какъ понимается обыкновенно такое обученіе: я не зналъ ни одного слова изъ англійской грамматики, меня не принимались учить, какъ писать сочиненія. Я зналъ то, что обыкновенно знаютъ дѣти моего возраста изъ ариѳметики, а не зналъ ничего по другимъ отдѣламъ математики. По англійской исторіи я не зналъ ничего, по древней исторіи очень мало, по древней литературѣ (въ переводахъ) ничего, по біографической исторіи ничего.

Относительно же окружающихъ предметовъ и ихъ свойствъ я зналъ много больше, чѣмъ знаетъ обыкновенно большинство мальчиковъ. Мои представленія о законахъ физическихъ явленій и о самыхъ явленіяхъ отличались значительной ясностью: я довольно хорошо зналъ разные факты изъ области физики и химіи. Я пріобрѣлъ также путемъ непосредственныхъ наблюденій и путемъ чтенія нѣкоторое знакомство съ естественной исторіей, особенно съ жизнью насѣкомыхъ, но я не зналъ вовсе ботаники. Безсистемнымъ чтеніемъ я пріобрѣлъ кое-какія свѣдѣнія по механикѣ, медицинѣ, анатоміи и физіологіи и довольно много свѣдѣній о различныхъ частяхъ свѣта и ихъ обитателяхъ. Таковы были познанія, которыя составляли нѣкоторый противовѣсъ моему невѣжеству въ отношеніи многаго другого, чему обыкновенно учатъ мальчиковъ моего возраста.

Остается однако упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ: я разумѣю благотворное вліяніе, которое имѣла на меня необычайная умственная дисциплина, въ которой воспитывалъ меня отецъ. Какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, его главный принципъ состоялъ въ развитіи самопомощи и самостоятельности. Кромѣ тѣхъ примѣровъ, которые были уже указаны, можно привести примѣры распространенія того же принципа и на сферу умственнаго воспитанія. Онъ постоянно говорилъ въ формѣ вопроса: „я удивляюсь, какова можетъ быть причина такого-то факта или явленія?“ Или же онъ говорилъ мнѣ прямо: „можешь ли ты мнѣ сказать причину этого явленія?“ Онъ самъ всегда имѣлъ стремленіе искать для всего естественныхъ причинъ и старался развить такое же стремленіе у меня. Я не сомнѣваюсь, что, благодаря этому, понятіе о причинности всѣхъ явленій было у меня гораздо болѣе твердо и опредѣленно, чѣмъ у большинства дѣтей моего возраста, вслѣдствіе чего у меня рано образовалась привычка искать для всего причины и молчаливая увѣренность въ универсальности принципа причинности.

„На ряду съ этимъ, отецъ никогда, ни однимъ словомъ не упоминалъ ничего такого, что требовалось бы объяснять дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ. Нѣкоторые другіе факты заставляютъ меня думать, что въ то время отецъ еще не отка-

зался отъ распространенныхъ представленій о чудесахъ, но я не видѣлъ никогда ни малѣйшихъ слѣдовъ такой вѣры въ его разговорахъ. Во всякомъ случаѣ во всѣхъ его сужденіяхъ объ окружающемъ мірѣ, сквозила одна главная мысль о всеобщности и единообразіи дѣйствія естественныхъ законовъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, прибавить, что мой отецъ никогда не ссылался на авторитетъ, какъ на основаніе для принятія извѣстнаго положенія. Ту же самую самостоятельность мысли, которой онъ самъ отличался, онъ одинаково, какъ сознательно, такъ и безсознательно старался развивать въ другихъ. Въ отношеніи меня эта цѣль была имъ достигнута, не знаю, нарочно или нѣтъ. Несомнѣнно, что у меня отъ природы были такіе задатки, но благодаря вліянію отца, эти задатки получили болѣе полное развитіе“.

VI.

Въ гостяхъ у дяди. Необычайная продѣлка молодого Спенсера.

Въ апрѣлѣ 1833 г. Спенсеру исполнилось 13 лѣтъ. Черезъ два мѣсяца, его отецъ и мать отправились погостить къ дядѣ Спенсера, знакомому намъ Томасу Спенсеру [1]), бывшему пасторомъ въ деревнѣ Хинтонъ, около города Баса. Спенсеръ, отправившійся вмѣстѣ съ родителями, подробно описываетъ необычайный восторгъ, который онъ испытывалъ во время этого перваго своего путешествія. Безконечное удовольствіе доставили ему и 4 недѣли пребыванія у дяди, такъ какъ деревня находилась въ очень живописной мѣстности и для мальчика открылась кромѣ того возможность познакомиться со многими невиданными имъ до тѣхъ поръ бабочками, жуками и другими насѣкомыми, собираніемъ которыхъ онъ очень увлекался.

Такъ прошло четыре недѣли. Затѣмъ родители стали собираться домой, но къ великому огорченію Герберта рѣшили оставить его у дяди. Къ сожалѣнію, Спенсеръ почему-то не находитъ нужнымъ объяснить своимъ читателямъ, почему родители рѣшили оставить его на воспитаніе у дяди, хотя это намѣреніе было собственно и ближайшей причиной самой поѣздки. По всему предшествующему разсказу Спенсера можно однако думать, что его отецъ ясно видѣлъ, что онъ недостаточно твердъ и энергиченъ для правильнаго воспитанія своего сына и потому рѣшилъ отдать его на воспитаніе брату Томасу [2]), который всегда держалъ у себя нѣсколько пансіонеровъ, занимаясь ихъ обученіемъ и воспитаніемъ.

---

[1]) См. главу III.

[2]) Спенсеръ сообщаетъ намъ лишь тотъ предлогъ, которымъ воспользовался его отецъ, чтобы помѣстить своего сына на нѣсколько лѣтъ къ одному изъ своихъ братьевъ.

Въ описываемое нами время у Томаса Спенсера былъ еще одинъ воспитанникъ, и по отъѣздѣ родителей Герберта начались правильныя совмѣстныя занятія обоихъ мальчиковъ. Къ сожалѣнію, они не сошлись характерами и постоянно ссорились. Имѣя, вѣроятно, въ виду наказать ихъ обоихъ, дядя рѣшилъ, чтобы мальчики занимались порознь—одинъ утромъ, другой,—а именно Гербертъ Спенсеръ,—вечеромъ.

Надо сказать, однако, что молодой Спенсеръ испытывалъ вообще крайнюю грусть, очутившись первый разъ среди чужихъ и притомъ подъ непривычнымъ для него строгимъ режимомъ дяди; лишеніе товарища, хотя тотъ былъ для него несимпатиченъ, переполнило чашу, и мальчикъ рѣшилъ убѣжать домой къ родителямъ.

На слѣдующій же день послѣ первыхъ своихъ отдѣльныхъ вечернихъ занятій Спенсеръ всталъ раньше всѣхъ въ домѣ,—въ началѣ седьмого часа, и отправился пѣшкомъ домой, пробывъ у дяди 10 дней и имѣя на свое довольно дальнее путешествіе 2 шиллинга (около 1 рубля), которые ему были даны матерью, какъ карманныя деньги. Желѣзныя дороги въ то время строились [1]), ѣхать въ почтовыхъ дилижансахъ мальчикъ не могъ за отсутствіемъ денегъ, и потому ему пришлось совершать весь путь пѣшкомъ. Опасаясь погони, мальчикъ пустился во весь опоръ, прошелъ въ теченіе перваго дня 48 миль, т. е. 72 версты, съѣвъ за все время одну булку въ пенни (4 коп.) и не разъ принимаясь по дорогѣ горько плакать. Между 9 и 10 час. вечера молодой путникъ подошелъ къ окрестностямъ города Челтенгама гдѣ и заночевалъ на постояломъ дворѣ, заплативъ за ночлегъ полъ-шиллинга. Само собой разумѣется, что совершивъ такой огромный переходъ, мальчикъ отъ крайняго утомленія не могъ заснуть ни на минуту. Тѣмъ не менѣе на другой день онъ всталъ рано утромъ и прошелъ такимъ же ускореннымъ маршемъ 47 миль. На третій день въ три часа дня Спенсеръ, наконецъ, достигъ родительскаго дома, пройдя 20 миль. Итого онъ прошелъ за $2^1/_2$ дня 115 миль или 172 версты, причемъ за все это время съѣлъ только нѣсколько пенсовыхъ булокъ, пилъ воду и, какъ выражается Спенсеръ, „можетъ быть, стакана три пива".

Можно себѣ представить чувство матери (отецъ вернулся домой поздно вечеромъ), когда она увидѣла возвращающагося домой пѣшкомъ сына, тѣмъ болѣе, что они не могли быть объ этомъ предупреждены его дядей, такъ какъ письма въ то время шли изъ Хинтона въ Дерби три дня.

Убѣдившись въ бѣгствѣ племянника, жена Томаса Спенсера въ тотъ же день написала письмо другому дядѣ Герберта, жив-

[1]) Какъ извѣстно, первыя желѣзнодорожныя постройки въ Англіи относятся къ концу 20-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

шему въ Дерби, прося его сообщить родителямъ о случившемся и подготовить ихъ къ такой неожиданной и непріятной выходкѣ ихъ сына: она не ожидала, конечно, что мальчикъ явится къ родителямъ раньше, чѣмъ будетъ получено ея письмо.

„Если бы были хотя какія-нибудь причины для такой выходки“, писала тетка Спенсера, мы бы не такъ были изумлены, между тѣмъ, рѣшительно не было ничего такого, что могло бы побудить мальчика на подобный шагъ.

Съ нимъ обращались съ крайней добротой и ни разу не наказывали; ему разрѣшали даже больше, чѣмъ при отцѣ. Мы рѣшительно убѣждены, что, если родители не накажутъ его строго и не отправятъ *тотчасъ же* къ намъ назадъ, этимъ они не только нанесутъ намъ *оскорбленіе*, но и причинятъ непоправимый *вредъ* самому мальчику“ (курсивъ подлинника).

Въ самый день возвращенія мальчика въ Дерби мать его отправила въ Хинтонъ длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, писала слѣдующее:

„Мнѣ кажется, что никто не можетъ представить себѣ удивленіе и огорченіе, которое я испытала, увидѣвъ его входящимъ въ комнату. Отецъ мальчика пришелъ домой только въ десять часовъ вечера и, какъ можете думать, былъ совершенно ошеломленъ и только спустя нѣкоторое время могъ придти въ себя. Бѣдный Гербертъ крайне разстроенъ. Онъ очень много плачетъ и говоритъ, что не могъ пересилить себя, такъ какъ для него было невыносимо оставаться такъ долго одному въ своей комнатѣ. Онъ проситъ меня передать дядѣ, что онъ крайне огорченъ тѣмъ, что доставилъ ему непріятность, и полагаетъ, что ему нѣтъ никакой надежды заслужить во всю жизнь прощеніе.

Повидимому, большую часть дороги онъ проплакалъ, и, насколько я могла разобрать сквозь его слезы, слезы его были частью слезами раскаянія. Я думаю, что онъ заболѣетъ, пройдя пѣшкомъ такое разстояніе, и питаясь въ это время только хлѣбомъ и водой. Въ день отъѣзда я дала ему два шиллинга на булавки для насѣкомыхъ и на другія подобныя нужды, и вотъ съ этими-то деньгами онъ отправился домой“.

Послѣ нѣкоторой переписки между родными, мальчикъ через двѣ недѣли былъ снова отправленъ къ дядѣ, гдѣ его приняли очень дружелюбно. „О моемъ проступкѣ“, читаемъ мы въ автобіографіи Спенсера, „не говорилось ни слова; все пошло снова своимъ чередомъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго; однако мой дядя отказался отъ своего намѣренія разлучить меня съ моимъ товарищемъ“.

Причиной такого отношенія дяди къ проступку мальчика было, надо думать, весьма убѣдительное письмо отца Спенсера, въ которомъ онъ доказывалъ своему брату, что поступокъ мальчика скорѣе всего былъ вызванъ непреодолимымъ стремленіемъ вер-

нуться домой. При этомъ отецъ Герберта Спенсера напомнилъ своему брату, какъ онъ самъ въ свое время проявлялъ такое же непобѣдимое влеченіе къ родительскому дому, причемъ ему, какъ старшему брату, приходилось употреблять разныя усилія для его успокоенія. „Не будемъ забывать чувства нашей молодости, дорогой братъ", писалъ Джорджъ Спенсеръ, „они дороги для меня, и я прошу и тебя беречь и лелѣять ихъ".

Гербертъ Спенсеръ думаетъ, что такое крайнее напряженіе силъ и притомъ въ столь нѣжные годы не прошло для него безслѣдно и помѣшало его организму достичь полнаго своего развитія. **П. Мижуевъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мимоходомъ.

РАЗСКАЗЪ СТЕФАНА ГРОССМАНА.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной.

I.

Въ половинѣ одиннадцатаго адвокатъ Вильдбергъ кончилъ свои занятія въ гражданскомъ судѣ. Онъ спускается внизъ по широкой лѣстницѣ зданія суда. Передъ нимъ Рингштрассе, во всемъ блескѣ предполуденнаго солнца. Крошечный скверъ, имѣющій къ вечеру, безъ солнца, видъ жалкаго клочка зелени съ нѣсколькими рѣдкими деревьями, передъ которыми воткнуты въ землю бѣлыя дощечки съ ихъ ботаническими названіями, кажется теперь, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, настоящимъ свѣтлымъ, зеленымъ лугомъ, уголкомъ истинной природы. Каждый листокъ экзотическихъ деревьевъ свѣтится на солнцѣ, каждая былинка травы сіяетъ въ его лучахъ...

Даже адвоката Вильдберга на минуту ослѣпило это сіяніе. Но, въ концѣ концовъ, сознаніе, что сегодня до обѣда не предстоитъ никакой поѣздки, никакихъ занятій и никакого совѣщанія, еще пріятнѣе, чѣмъ всѣ эти „чудеса свѣта и красокъ“, которые интересны скорѣе какому-нибудь поэту, а совсѣмъ не адвокату. Однако, и на адвокатовъ дѣйствуетъ яркое осеннее солнце. Докторъ Вильдбергъ невольно замедляетъ шаги на Франценсрингѣ. Онъ чувствуетъ, не давая даже себѣ въ этомъ яснаго отчета, что зданіе парламента сіяетъ въ яркихъ лучахъ солнца ослѣпительно-бѣлымъ, а вагоны трамвая—огненно-краснымъ свѣтомъ, при этомъ онъ думаетъ о томъ интересномъ инцидентѣ въ дѣлѣ Целесни и Гофбауэра, который завтра послѣ-обѣда, въ безъ четверти четыре или ровно въ четыре часа, будетъ представленъ на экспертизу. Но, подобно тому, какъ его походка становится

все медленнѣе и задумчивѣе, также медленно двигаются и его мысли о дѣлѣ Целесни и Гофбауэра. Передъ паркомъ ратуши изъ-за него даже выплыли золотисто-красныя, осеннія деревья,—они такъ поразительно хороши сегодня.

Передъ фасадомъ университета онъ на минуту остановился. Мимо него прошла молодая дѣвушка въ узкомъ темно-синемъ суконномъ платьѣ и въ эффектной, бѣлой соломенной шляпѣ... Мысли о завтрашней экспертизѣ внезапно куда-то исчезли. По нимъ скользнула барышня въ англійскомъ синемъ платьѣ. Адвокатъ Вильдбергъ невольно останавливается, смотритъ ей вслѣдъ, какъ она плавной походкой исчезаетъ вдали,—лиловая, шелковая лента соломенной шляпы все еще сіяетъ на солнцѣ,—онъ не можетъ отвести глазъ, все смотритъ и смотритъ... Наконецъ, потихоньку, въ его мозгу снова всплываетъ дѣло Целесни и Гофбауэра, и такъ какъ барышня совсѣмъ уже скрылась въ уличной толпѣ, то это дѣло снова начинаетъ все больше и больше захватывать его мысли. Теперь въ головѣ адвоката ясно выдвигается параграфъ 76 ремесленнаго устава, и докторъ Вильдбергъ въ своемъ воображеніи уже видитъ себя въ залѣ № 3 гражданскаго суда. Передъ нимъ сидятъ пять судей, которые, повидимому, всегда спятъ. Чѣмъ болѣе страстно кричитъ онъ, докторъ Вильдбергъ, тѣмъ какъ-будто глубже погружаются въ себя судьи. „Господа—взываетъ онъ съ своего адвокатскаго кресла, параграфъ 76 ремесленнаго устава ясно говоритъ, что досрочное увольненіе можетъ послѣдовать только на пяти точно-установленныхъ закономъ основаніяхъ. Поэтому, если господинъ Гофбауэръ рѣшился...

Въ эту минуту адвокатъ невольно вздрогнулъ, какъ бы очнулся отъ забытья, потому что кто-то говорилъ сзади него.

— Добраго утра, докторъ Вильдбергъ!

Дѣло Гофбауэра моментально снова куда-то исчезаетъ.

— Добраго утра, коллега!—отвѣчаетъ Вильдбергъ.

Оба адвоката стоятъ у шотландскихъ воротъ.

— Чудный день,—говоритъ подошедшій.

— Да, великолѣпный. Я уже окончилъ свои занятія. А вы куда идете?

— Я! Въ судъ присяжныхъ, хочу послушать доктора Бухвольда. Это—мой бывшій помощникъ. Пойдемте вмѣстѣ!

Докторъ Вильдбергъ соглашается.

— Есть какое-нибудь интересное дѣло?

— Ничего особеннаго. Кажется, дѣтоубійство.

Университетская улица, вся еще залитая свѣтомъ, была просторна только въ началѣ, тамъ же, гдѣ высится своей массивной громадой зданіе суда, она темнѣе и уже...

Сторожъ сначала не хотѣлъ впустить ихъ въ ворота; но, узнавъ, кто они, тотчасъ же отступилъ, проговоривъ: „Пожалуйте“.

Зала суда... Ея сѣрыя, обнаженныя стѣны одѣты полумракомъ, какъ-будто на землѣ совсѣмъ и не было солнца. Ни о какой игрѣ свѣта и красокъ здѣсь нѣтъ и рѣчи, въ ней царятъ постоянныя сумерки. Никогда,—и это отнюдь не преувеличеніе художника—дѣйствительно, никогда не проникаютъ сюда настоящіе, прямые солнечные лучи. Холодомъ дышатъ эти темно-сѣрыя обнаженныя стѣны!

Еще въ дверяхъ адвокаты услыхали безпрерывный женскій плачъ.

— Вѣрно, это—дѣтоубійца!—шепнулъ коллега доктору Вильдбергу.

— Теперь мы перейдемъ къ допросу свидѣтелей.—Это былъ голосъ предсѣдателя суда, Ригеля,—голосъ холодный, какъ и эта ужасная зала, точно голосъ самой залы, куда никогда еще не проникалъ прямой лучъ солнца...

— Только, пожалуйста, безъ сценъ!—обращается предсѣдатель къ маленькой чешкѣ, сидящей на скамьѣ подсудимыхъ,—если бы у васъ прежде было столько слезъ для вашего ребенка, то вамъ не нужно было бы проливать теперь цѣлые потоки ихъ!

Маленькая чешка рыдаетъ еще сильнѣе. Повидимому, изъ строгаго замѣчанія предсѣдателя она поняла не слова, но только рѣзкій тонъ его. Этотъ рѣзкій тонъ рѣзалъ ухо слушателей...

— Итакъ,—продолжаетъ предсѣдатель съ намѣреннымъ равнодушіемъ, не обращая больше вниманія на безконечное всхлипываніе—вопросъ теперь въ томъ, было ли затянуто ребенку горло носовымъ платкомъ, то есть, слѣдовательно, былъ ли онъ задушенъ своей матерью или, просто, платокъ былъ туго,—разумѣется, слишкомъ туго,—обвязанъ кругомъ шеи ребенка. Собственно, для участи бѣдной подсудимой это почти не имѣетъ значенія!

Въ залѣ не было и двухъ десятковъ слушателей, и никакого ропота не раздалось послѣ пристрастныхъ словъ предсѣдателя. Репортеры не могли отмѣтить „движеніе въ публикѣ“, и, можетъ быть, даже сострадательное выраженіе предсѣдателя совершенно пропадетъ для гласности. Адвокатскія скамьи были тоже пусты. Тамъ сидѣли только докторъ Вильдбергъ и его коллега.

— О-о, если Ригель уже высказываетъ состраданіе, то, значитъ, ея дѣло совсѣмъ плохо,—шепчетъ коллега.

— Признаете ли вы, что вы обвязали ребенку горло платкомъ?—спрашиваетъ предсѣдатель обвиняемую.

Обвиняемая взглядываетъ вверхъ изъ-подъ своего большого, пестраго, крестьянскаго головного платка, встаетъ и затѣмъ снова начинаетъ плакать.

— Вы должны отвѣтить, повязали ли вы ребенку платокъ!—Чтобы она лучше поняла, предсѣдатель повторяетъ ей эти слова на діалектѣ.

— Да,—отвѣчаетъ обвиняемая.

— А, ну вотъ! Видите, мы все ближе подходимъ къ правдѣ!

Голосъ его звучитъ теперь спокойно, увѣренно, какъ-будто онъ сейчасъ получитъ и полное признаніе.—Такъ, теперь скажите намъ еще, платокъ былъ скрученъ или нѣтъ? Чешка безсмысленно смотритъ на судью. Она совершенно не понимаетъ ни этого тона голоса, ни тѣмъ болѣе всего вопроса. Что хочетъ онъ сказать своимъ добродушнымъ тономъ?..

Предсѣдатель, съ своей стороны, видитъ, что до признанія еще очень далеко.

— Отвѣчайте же, наконецъ!— Въ тонѣ его требованія слышатся теперь рѣзкія, раздраженныя ноты.

На этотъ разъ чешка чувствуетъ, что предсѣдатель заговорилъ опять сердито, и снова разражается слезами.

— Вы должны знать, господа присяжные, что платкомъ тоже можно пользоваться, какъ средствомъ задушенія!—Съ этими словами предсѣдатель беретъ со стола красный, шейный платокъ и съ необыкновенной быстротой начинаетъ его складывать, свертывать, крутить, пока, наконецъ, изъ него не получается чрезвычайно тонкій жгутъ, похожій на веревку.

— Быстро продѣлываетъ онъ эти фокусы! — шепчетъ адвокатъ доктору Вильдбергу.

— Такъ былъ сложенъ вашъ платочекъ? — спрашиваетъ предсѣдатель, причемъ голосъ его звучитъ самымъ невиннымъ любопытствомъ. Но на этотъ разъ понимаетъ даже и глупенькая крестьянка.—Нѣтъ! Неправда!! Не такъ!!.—громко кричитъ она.

— Вамъ совсѣмъ не нужно такъ кричать,—строго останавливаетъ ее предсѣдатель, — мы и такъ васъ поймемъ! Въ этой залѣ нельзя кричать! Поняли?!

— Извините, докторъ Вильдбергъ, я долженъ идти; половина перваго!—шепчетъ другой адвокатъ.

— Половина перваго? Уже? Тогда и я иду съ вами!.. Впрочемъ, подождите минуточку, я сейчасъ не могу уйти!

Они остаются еще.

Но теперь уже обвиняемая является для предсѣдателя пустымъ мѣстомъ. Онъ смотритъ поверхъ нея и даже не замѣчаетъ ея, когда она хочетъ встать, чтобы сказать что-нибудь. Она не существуетъ болѣе для него...

Вызываютъ перваго свидѣтеля. Онъ увидѣлъ ребенка въ кустарникѣ на лужайкѣ Пратера.

Подсудимая чувствуетъ, что теперь никому нѣтъ больше до нея никакого дѣла, и поэтому снова заливается слезами.

— Пойдемте теперь! эти безконечныя слезы не стоитъ, вѣдь, слушать,—торопливо шепчетъ коллега доктору Вильдбергу.

Адвокаты выходятъ на Альзерштрассе. Эта душная улица, съ огромнымъ зданіемъ податного правленія, кажется свѣтлой и просторной послѣ залы суда.

— Я не могъ уйти въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ ее поймать!—сказалъ докторъ Вильдбергъ.

— Какое вамъ до этого дѣло? спасти вы ее все равно не можете. Повѣрьте, что она не уйдетъ изъ его рукъ!

— Н-да, это вѣрно. Этотъ Ригель — ужасный человѣкъ. Въ сущности, совсѣмъ не слѣдовало бы уходить.

— Ну... Вы идеалистъ и не чувствуете голода. Я же— совсѣмъ иное дѣло! Вы идете обѣдать въ Ридгофъ?

— Нѣтъ, въ Народный садъ. Лѣтомъ тамъ почти, какъ на дачѣ.

— Прекрасно. До свиданія, коллега!

Докторъ Вильдбергъ идетъ одинъ черезъ Франценсрингъ. Этотъ Ригель не выходитъ у него изъ головы. Если-бы ему когда-нибудь удалось его поймать! Онъ съ нимъ при случаѣ еще поговоритъ!.. Какъ поступилъ бы онъ самъ въ дѣлѣ этой чешской крестьянки? Когда она встала, безсмысленно посмотрѣла кругомъ себя и какъ-будто что-то хотѣла сказать, онъ тотчасъ же вскочилъ бы самъ и обратился бы къ Ригелю: — Позвольте, господинъ предсѣдатель, моя кліентка что-то хочетъ сказать... Его фокусъ съ шейнымъ платкомъ можно было бы запротоколировать! Да, если бы ему самому пришлось столкнуться съ Ригелемъ...

Въ эту минуту мимо него снова прошла утренняя молодая дѣвушка, въ англійскомъ синемъ платьѣ и эффектной, свѣтлой соломенной шляпѣ съ лиловой, шелковой лентой. Она скользитъ мимо него, не удостаивая его ни однимъ взглядомъ; но онъ теперь можетъ прямо заглянуть въ ея овальное, немного загорѣвшее отъ лѣтняго солнца лицо. Правой рукой она слегка приподнимала плотно облегавшую ее юбку, линіи тѣла показались ему недурными. Ботинки съ пряжками, черные, шелковые чулки, немножко слишкомъ тонкая нога... отъ всей фигуры дѣвушки вѣяло благосостояніемъ, выхоленностью, чистотой...

Взоръ его снова приковывается къ ней, онъ невольно смотритъ ей вслѣдъ въ этомъ морѣ свѣта, пока она видна ему. Когда же она, наконецъ, скрылась вдали, то ему тотчасъ же снова вспомнилось дѣло Целесни и Гофбауэра, завтрашняя экспертиза и параграфъ 76 ремесленнаго устава.

Сторожевые огни

Когда на землю сумракъ палъ,
И встали тѣни, какъ живыя,
Мы на холмахъ, на гребняхъ скалъ
Зажгли огни сторожевые.

Боецъ усталый, погляди,
Они и здѣсь и тамъ... ихъ много.
Не угаси огня въ груди,
Не отрекись душой отъ Бога.

Огни пылаютъ въ темнотѣ,
Пронзая гнетъ ея беззвѣздный.
Пока мы здѣсь, на высотѣ
Не такъ опасенъ врагъ нашъ грозный.

Врасплохъ насъ не застанетъ онъ
И не дерзнетъ напасть открыто.
Огни горятъ со всѣхъ сторонъ;
Они и знамя, и защита.

Пусть другъ измученный уснетъ:
Беречь для битвы нужно силы.
Мы завтра двинемся впередъ,
Взявъ комъ земли съ родной могилы.

Ужъ недалеко до зари.
Рѣдѣетъ сумракъ; тѣни таютъ.
Сторожевой огонь, гори,
Пока лучи не заблистаютъ.

А. Өедоровъ.

Лубочная литература о японско-русской войнѣ.

IV [1]).

Послѣднюю статью свою о лубочной литературѣ мы закончили обѣщаніемъ „сказать нѣсколько словъ, если появятся какія-либо выдающіяся лубочныя произведенія въ теченіе войны, а также привести нѣсколько образчиковъ этого рода литературы по окончаніи военныхъ дѣйствій".

Это мы писали въ іюлѣ, когда полагали, что, быть можетъ, „окончаніе военныхъ дѣйствій" не за горами. Но, увы,—прошелъ годъ, а убійственной войны не предвидится даже начала конца. Россія и Японія съ какимъ-то остервененіемъ шлютъ сотни тысячъ новыхъ жертвъ, и 1905 годъ, какъ и предшествовавшій, начинается кровавымъ заревомъ на Дальнемъ Востокѣ, суля гибель массы жизней, море слезъ осиротѣвшихъ семей и разореніе страны...

При такихъ условіяхъ приходится лишь подвести годовые итоги работы военной лубочной литературы.

За время съ іюля по декабрь включительно мы тщательно разыскивали новые образчики этого рода произведеній, особенно по отношенію къ каррикатурамъ: помимо описанныхъ нами въ трехъ предшествовавшихъ статьяхъ, мы пріобрѣли 18 новыхъ каррикатуръ, такъ что, пожалуй, мало найдется каррикатуръ, которыхъ бы у насъ не было [2]).

Слѣдуя прежней системѣ, мы сначала сообщимъ свѣдѣнія о

---

[1]) См. №№ 5 и 7 *„Образованіе"*, за 1904 г.

[2]) Громадное большинство каррикатуръ, какъ это ни странно, намъ удалось пріобрѣсти въ Ростовѣ-на-Дону и менѣе всего—въ Москвѣ,—этомъ, казалось-бы, центрѣ лубочной литературы и главномъ ея поставщикѣ. Вѣроятно, Москва старается возможно быстрѣе направлять этого рода товаръ въ провинцію.

новыхъ каррикатурахъ, а затѣмъ—о литературѣ, причемъ каррикатуры будемъ описывать въ хронологическомъ порядкѣ.

Весьма любопытная каррикатура появилась въ январѣ 1904 г., черезъ 5 дней послѣ начала войны. Напечатана она въ типолитографіи Кудинова въ Москвѣ и называется: *„Японскій Императоръ и его лукавые доброжелатели“*; исполнена каррикатура довольно прилично и изображаетъ японскаго императора Микадо, сидящаго верхомъ на лошади, которую американецъ и англичанинъ подталкиваютъ въ море, съ края скалы.

Вверху каррикатуры объяснительные стихи:

Онъ вѣритъ имъ, своимъ друзьямъ,
Не зная взгляды ихъ и нравы (,)
И скоро убѣдится самъ,
Что всѣ совѣты ихъ лукавы—
Его предастъ друзей рука
И пропасть грозная близка!

Насколько намъ извѣстно, это была самая первая каррикатура, очень быстро распроданная, такъ что намъ удалось заполучить ее лишь въ декабрѣ 1904 года, и то случайно.

Она, повидимому, дала тонъ всѣмъ послѣдующимъ каррикатурамъ въ смыслѣ высокомѣрнаго отношенія къ японцамъ и злораднаго отношенія къ англичанамъ и американцамъ, выработавъ, если не ошибаемся, и наружный „типъ“ англичанина и американца, проходящій почти во всѣхъ каррикатурахъ. Именно, англичанинъ изображается плотнымъ субъектомъ въ цилиндрѣ, въ красномъ фракѣ, бѣлыхъ брюкахъ и жилетѣ; у него рыжіе бакенбарды; американецъ, наоборотъ, худъ и тощъ, одѣтъ въ синій фракъ и брюки съ красными полосами, а цилиндръ повязанъ голубою лентою съ бѣлыми звѣздами; точно также одѣяніе микадо на первой каррикатурѣ, должно быть, послужило матеріаломъ для послѣдующихъ „художниковъ“ при изображеніи японскихъ генераловъ и офицеровъ: красное съ желтою лентою кепи, синій короткій мундиръ и красные штаны.

Въ февралѣ 1904 года, помимо каррикатуръ, описанныхъ нами въ предшествующихъ статьяхъ, появилось еще двѣ.

Первая изъ нихъ, исполненная въ литографіи Карталова (въ Москвѣ), имѣетъ довольно приличный внѣшній видъ и называется: *„Русско-японская война: нашъ солдатъ на дальнемъ востокѣ“*. На ней изображены: большой русскій солдатъ въ папахѣ, въ синихъ съ красными лампасами штанахъ и въ зеленой съ красными воротомъ и эполетами курткѣ, и три маленькихъ японскихъ солдатика въ кепи, синихъ курткахъ и бѣлыхъ штанахъ и сапогахъ; русскій солдатъ съ грознымъ видомъ засучиваетъ рукава, а японскіе солдаты изображаютъ ужасъ, причемъ одинъ изъ нихъ отъ страха присѣлъ на корточки. Подъ карри-

катурою подпись: „*Россія и Японія*", а далѣе слѣдуютъ стихи [1]), объясняющіе каррикатуру:

Какъ лимонъ желты отъ солнца,
Окружили три японца
Русскаго врасплохъ.
Но не русскому солдату,
Покоряться супостату:
Онъ и самъ не плохъ!
„Эй, проваливай, задира!"
Засучилъ тутъ у мундира
Рукава солдатъ.
И японцы на ручища,
На большіе кулачища
Въ ужасѣ глядятъ.
И японецъ, ошарашенъ,
Говоритъ: вѣдь, ишь, какъ страшенъ,
Хоть не со штыкомъ!
Рукъ такихъ мы не видали,
Намъ управиться едва-ли
Съ этимъ кулакомъ!
И коварныя макаки
Поползли назадъ, какъ раки,
Чуя страхъ и стыдъ.
А родимый нашъ касатикъ,
Богатырище—солдатикъ
„Трусы!" имъ кричитъ.

Вторая февральская каррикатура, — отпечатанная въ хромолитографіи Морозова въ Москвѣ, безобразна не только по содержанію, но и по исполненію.

Называется она: „*Японецъ лѣзетъ на Ялу*". На ней изображенъ улыбающійся казакъ въ зеленомъ одѣяніи, сидящій верхомъ на коричневой лошади; въ одной рукѣ у него уздечка, а другою онъ держитъ арканъ, на которомъ вытаскиваетъ на берегъ изъ рѣки мокраго японца съ высунутымъ краснымъ языкомъ и съ безпомощно поднятыми руками; по водѣ плаваетъ шапка японца, а надъ головою его пылаетъ, вѣроятно, японскій пароходъ. Лубочный „поэтъ" И. Кондратьевъ даетъ также поясненіе каррикатурѣ:

Японецъ лѣзетъ на Ялу,
Да русскій казачина
Ворчитъ: „прижму тебя къ углу
И тутъ тебѣ кончина!
Ты будто все идешь на бой,
Въ своемъ безумьи яромъ,—
Такъ я, голубчикъ мой, съ тобой
Расправлюся арканомъ!
Ты рвешься въ гости, милый, къ намъ?
Ну, что-жъ! пожалуй въ гости:

[1]) Вездѣ стихи приводимъ въ подлинникѣ, сохраняя ореографію и знаки препинанія.

Мы и дряннымъ, негоднымъ псамъ
На кормъ кидаемъ кости.
У насъ, братъ, просто на Руси,
Голубчикъ мой кургузый:
Все дамъ, чего не попроси,—
Пшена и кукурузы!
Издавна всѣхъ враговъ любя,
Къ ихъ чести, долголѣтью,
Еще попотчую тебя,
Дружокъ, казацкой плетью!
Закуска будетъ хороша,—
Забудешь пылъ всей злости!
Иди, иди, моя душа,
Ко мнѣ скорѣе въ гости!“

Въ мартѣ, кромѣ описанныхъ нами, вышло еще три каррикатуры.

Первая изъ нихъ, исполненная въ типо-литографіи Коркина, въ Москвѣ, называется: „*Русско-японскія каррикатуры*“ и изображаетъ на одномъ листѣ 12 отдѣльныхъ каррикатуръ на разныя темы.

На одной изъ нихъ русскій солдатъ съ ружьемъ тащитъ за ухо японца, причемъ стихомъ изъ басни Крылова объясняется: „сосѣдъ сосѣда звалъ откушать“; на другой—японецъ мчится верхомъ на клячѣ: это „японская кавалерія“, по адресу которой приводятся извѣстные стихи:

„Мальбругъ въ походъ собрался,
Подъ нимъ былъ конь игрень“...

На третьей каррикатурѣ японецъ тащитъ китайца веревкою прицѣпленною къ носу, а стихи гласятъ:

„Китайцу петлей
Связавши носъ—
Японецъ хочетъ
Вдвоемъ съ Китаемъ
Рѣшить за чаемъ
Войны вопросъ“.

На четвертой каррикатурѣ изображенъ японецъ, взирающій на карту Кореи, и объясняется, что:

„Японскіе глаза и зубы разгорѣлись
Хоть видитъ око
Да зубъ нейметъ!“

Мы не будемъ приводить оставшихся 8 каррикатуръ, такъ какъ, полагаю, что четыре приведенныя достаточно характеризуютъ всѣ другія.

Вторая мартовская каррикатура груба и безобразна. Она отпечатана въ Москвѣ, въ типо-литографіи Морозова и называется: „*Здорово, храбрость японца*“! На ней изображенъ казакъ, ѣдущій

верхомъ на лошади: въ одной рукѣ у него пика, которою онъ проткнулъ двухъ японцевъ, а другою рукою онъ тащитъ за громаднѣйшее ухо третьяго японца.

Подъ каррикатурою читаемъ:

„*Японцы какъ-будто спьяна сосредоточиваются у Пенъ-Яна. Это городъ такой въ Кореѣ есть,—ну, добро ему и честь! Тамъ и крѣпость крѣпка, да не устрашила она русскаго казака: казаки подъ самыя стѣны подходили—и японскіе разъѣзды честь-честью подальше проводили. Бѣжали японцы туда и сюда: ну, стало быть, бѣду родила бѣда. Эхъ, Японцы, грѣхи-грѣхи! съ казаками шутки плохи! все высмотрятъ, все увидятъ: добряка не обидятъ, ну, а ужъ врагу — спуску не дадутъ никогда: въ томъ-то, японца, и бѣда! Ужъ скорѣй бы ты давалъ тягу съ Пенъ-Яна, что бы не было изъяна: бѣжалъ бы на свои острова, забубенная голова: Вотъ вы попались казачинѣ-молодчинѣ трое,—дѣло-то худое! Двоихъ пикой наградилъ—кое въ чемъ убѣдилъ, а третьяго—за ушко да на солнышко! Ты молъ, сынъ страны восходящаго солнца! Здорово, храбрость японца* [1]) *уважь, милуша, дружбу нашу: пожалуй къ намъ на крутую кашу! Угостимъ такъ, что кой гдѣ защекочется, и ужъ русской каши больше не захочется! Ручку, японша, до конца дебоша!*“

Трудно казалось бы придумать болѣе идіотскую белиберду, чѣмъ приведенная каррикатура и тѣмъ болѣе подпись подъ нею, но третья мартовская каррикатура показываетъ, что нѣтъ предѣловъ безпросвѣтной лубочной фантазіи.

Она называется „*Казакъ Петруха*“ и составляетъ „собственность издателя В. В. Несслеръ“, издательство котораго „выпускаетъ еженедѣльно картины новаго содержанія“. Въ лицѣ г. Несслеръ лубочная С.-Петербургская литература конкуррируетъ съ Московскою, и,—нужно отдать честь С.-Петербургу: онъ подаетъ надежду, что побьетъ рекордъ старухи Москвы. По крайней мѣрѣ „*Казакъ Петруха*“ представляетъ въ своемъ родѣ единственное произведеніе.

На каррикатурѣ изображенъ громаднѣйшій казакъ съ окладистою бородою, въ папахѣ, въ зеленыхъ шароварахъ, заткнутыхъ въ гигантскіе сапоги, и въ зеленой куртке съ желтыми эполетами и обшлагами рукавовъ; грудь его украшена тремя медалями, за спиною видно ружье, а на желтой лентѣ виситъ длиннѣйшая зеленая шашка; въ обѣихъ рукахъ звѣрообразный „Петруха“ держитъ по оторванной японской ногѣ; вверху, внизу и по бокамъ „Петрухи“ видны японцы съ оторванными ногами и головами, убитые и раненые: въ правой части картины изо-

---

[1]) Въ подлинникѣ слова эти напечатаны громадными буквами, какъ выражающія нелѣпую суть всей подписи.

бражены желтый балконъ, на которомъ, съ выраженіемъ ужаса, стоятъ толстый англичанинъ въ красномъ фракѣ и тощій американецъ; внизу балкона—испуганный китаецъ, коса котораго, вѣроятно, отъ страха, приняла перпендикулярное направленіе; за китайцемъ виднѣется еще какая-то фигура въ желтомъ цилиндрѣ; въ лѣвой сторонѣ изображенъ синій казакъ верхомъ на лошади, а другую лошадь, „Петрухину", онъ держитъ за поводья. Подъ каррикатурою слѣдующіе „стихи", озаглавленные „*Русско-японская война*":

„Всѣмъ извѣстно, всему свѣту,—
Слава громкая жива,
Ловкость, храбрость безъ завѣта
Молодчины казака!
Билъ татаръ онъ, билъ и турокъ,
Билъ другихъ честныхъ враговъ,
Бить пришлось макакъ окурковъ.
Бить японишекъ воровъ.
И, сражаясь въ честной встрѣчѣ,
Не въ потьмахъ изъ-за угла
А въ простой „россейской" сѣчѣ
Просто силой кулака.
Подержи лошадку, Ваня,
Дай расправиться съ врагомъ
И прописываетъ баню
Петра русскимъ кулакомъ.
Но съ японишкой макакой
Жалко пачкать кулака:
Петя попросту не дракой
Сталъ расшвыривать врага.
Хвать японишку за ногу,
Отлетѣла за дарма.
Хвать другого по загривку,
Оторвалася башка.
Битву видѣлъ и прохожій,
Ѣвшій раньше русскихъ дуль
Самъ китаецъ желторожій,
Янки хитрый и Джонъ Буль.
Охъ, японецъ помнить будетъ
Долго удаль казака
И макака не забудетъ
Тѣхъ уроковъ руссака".

Апрѣль въ каррикатурномъ отношеніи, если можно такъ выразиться, оказался самымъ плодовитымъ. Помимо описанныхъ въ предшествующихъ статьяхъ, мы за этотъ мѣсяцъ нашли еще цѣлыхъ пять новыхъ каррикатуръ.

Первою въ хронологическомъ порядкѣ увидѣла свѣтъ довольно сносная, хотя не отвѣчающая дѣйствительности, каррикатура: „*Наполеонъ въ гостяхъ у японцевъ*". Она исполнена въ Москвѣ, въ литографіи товарищества Сытина, и изображаетъ появленіе тѣни Наполеона I-го въ залѣ, гдѣ засѣдаютъ японскіе адмиралы.

Къ этой каррикатурѣ какой-то „Звонарь“ написалъ такое стихотворное поясненіе:

„Какъ въ палатахъ у микадо
Адмиралы засѣдали,
Ополчаясь на Россію,
Козни ей изобрѣтали
Камимура, Ямамото
И иные волки моря
Надсажалися до пота,
Межъ собою жарко споря.
И въ воинственномъ азартѣ
Адмиралы такъ заврались,
Что эскадры ихъ на картѣ
До Москвы уже добрались.
Вдругъ ударъ внезапный грома
Покатился надъ совѣтомъ,
Задрожали всѣ хоромы,
Озарились страннымъ свѣтомъ.
И у входа въ залу трона
Предъ испуганнымъ собраньемъ
Встала тѣнь Наполеона
Величавымъ изваяньемъ.
— Полно,—молвилъ вождь французовъ,—
Вамъ ли, желтыя макаки,
Ополчаться на Россію,—
Ну, какіе вы вояки!
Если мой полетъ высокій
Русь подрѣзала когда-то,—
Вашихъ Того и Куроки
Ждетъ тяжелая расплата.
Налетитъ орломъ двухглавымъ
Русь и—глазомъ не моргнете,—
Разгромитъ въ бою кровавомъ,—
И костей не соберете.
Онъ умолкъ, окутанъ мракомъ,
И исчезъ изъ тронной залы,—
И въ смущеньи къ Нагасакамъ
Поплелися адмиралы.

Повторяемъ, если бы въ каррикатурѣ и въ стихахъ къ ней была хотя крупица истины, то лубочное произведеніе это можно было бы причислить къ весьма удачнымъ. Но, какъ извѣстно, ни Того, ни Куроки въ теченіе цѣлаго года никакихъ „тяжелыхъ расплатъ“ не понесли и оказались для насъ похуже Наполеона I-го, и нашъ „двухглавый орелъ“, покуда что, японцевъ даже не испугалъ, а уже о „разгромѣ“ въ 1904 году и говорить нечего...

Въ виду сказаннаго, и каррикатура „Наполеонъ въ гостяхъ у японцевъ“, за исключеніемъ замысла и исполненія, почти отъ другихъ лубочныхъ произведеній не отличаются.

Слѣдующая въ порядкѣ появленія въ свѣтъ апрѣльская каррикатура называется: „*Чѣмъ тебя я огорчила! (плачъ Японіи)*.

Она издана въ С.-Петербургѣ, въ литографіи Иванова и служитъ вторымъ подтвержденіемъ, что „молодая“ С.-Петербургская лубочная литература опередитъ Московскую по нелѣпости содержанія и по безобразному исполненію.

Главною фигурою въ названной каррикатурѣ является голая баба съ распущенными волосами, вылѣзающая изъ какой то ямы; близъ этой бабы виднѣется синяя пушка, пониже пушки валяются: кепи, сабля, скелетъ головы и, должно быть, пушечный зарядъ: голая баба одною рукою держится за голову, а другая рука вытянута по направленію уходящихъ отъ бабы толстаго англичанина и тощаго американца, которые несутъ мѣшки съ деньгами [1]); на заднемъ планѣ виднѣется рѣка, на берегу которой стоитъ китаецъ и указываетъ рукою на голую бабу какой-то рядомъ стоящей съ китайцемъ неопредѣленной фигурѣ; на рѣкѣ одинъ корабль тонетъ, а другой горитъ; на другомъ берегу рѣки, въ лѣвой сторонѣ картины видна пушка, изъ которой только что выстрѣлили; у пушки какая-то маленькая фигурка; неподалеку отъ пушки всходитъ краснаго цвѣта солнце.

Къ сложной чепухѣ этой какой то К. Г-стовъ написалъ такое стихотворное поясненіе:

I.

Чѣмъ тебя я огорчила,
Ты скажи, коварный Бриттъ [2])
Иль тебя ужъ не любила,
И за что тобой забыта?

II.

Не съ тобой ли заключила
Я союзъ на много лѣтъ?...
Грудь слезами измочила,
Не ждала такихъ я бѣдъ!

III.

Часто въ искренней бесѣдѣ
Ты твердилъ мнѣ каждый часъ,
Мы, молъ, грозные сосѣди,
Нѣтъ сильнѣй на свѣтѣ насъ!

IV.

Горе мнѣ, какъ вспомнишь это;
Твой пріятель, Янки-Дудль [3]),
Разъ въ одно прекрасно лѣто,
Предложилъ мнѣ кровный рубль.

---

1) Голая баба—изображаетъ Японію.

2) „Бриттъ—значитъ Британецъ-Англичанинъ“,—поясняетъ „поэтъ“.

3) „Американцевъ называютъ Янки, Янки-Дудль—ихъ народная пѣсня“,—поясняетъ тотъ-же „поэтъ“.

V.

Все отдамъ!—кричитъ мнѣ Янки,
Я ссужу, а ты не трусь,
Для тебя открою банки,
Лишь иди войной на Русь!

VI.

Затѣмъ оба вы дуэтомъ,
Начали такъ сладко пѣть:
„Русскій слабъ! Сказать при этомъ,
„Гдѣ ему тутъ претерпѣть!

VII.

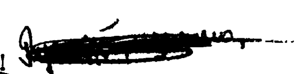
„Когда ты, не моргнувъ глазомъ,
„Противъ Русскихъ казаковъ,
„Ты грозой нагрянешь разомъ,
„Не жалѣя ихъ боковъ!

VIII.

„Разбѣгутся, ты катай!
„Не забыть намъ, какъ ты грозно,
„Покорила весь Китай!“...
Плачу, каюсь! Но ужъ поздно,

IX.

Что послушалось я сдуру,
Тебя, Янки.., Хитрый Бриттъ!
Продала съ себя я шкуру...
Видишь флотъ? Онъ весь разбитъ!

X.

Отъ казаковъ—нѣтъ отбою,
Ужъ не знаю, какъ и быть...
Отдаю солдатъ безъ бою,
Все одно ихъ будутъ бить.

XI.

Но войны я не оставлю,
Денегъ дай лишь поскорѣй!
Я себя въ бою прославлю,
Стану биться подобрѣй.

XII.

Бриттъ (совсѣмъ изъ другой оперы).

Не плачь, красавица, слезами,
Я не изъ жалостныхъ натуръ:
Но, я готовъ снабдить деньгами,
Возьми хоть только Портъ-Артуръ.

Третья апрѣльская каррикатура называется: *„Боевая казацкая пѣсня про японца желтолицаго“*. Издана она въ Москвѣ, въ типо-литографіи Стрѣльцова.

Вся правая, большая половина картины занята казакомъ, сидящимъ верхомъ на лошади, и японцемъ, котораго казакъ захватилъ арканомъ и стегаетъ нагайкою. На лѣвой меньшей части картины изображена рѣка, отдѣляющая „Корею“ отъ „Портъ-Артура“.

Въ „Кореѣ“ нарисованы: домъ, кореецъ, изгоняющій метлою японца, и три, выглядывающія изъ-за забора фигуры съ выраженіемъ страха: „Англія“, „Америка“ и „Китай“.

Стихотворная подпись подъ каррикатурою гласитъ нижеслѣдующее:

„Мудровать ты, другъ япоша,
Да и я, казакъ, не плоше,
Хитреца, тебя!
Зла къ тебѣ я не имѣю,
А учить ужъ, братъ умѣю
Правдушку любя!“
„Ты войну разбойно началъ,
Только мало озадачилъ
Ты наскокомъ насъ!
Не познавъ россійской силы,
На рожонъ, голубчикъ милый,
Наскочилъ ты въ разъ!“
„Ты не будь хвастливъ заранѣ!
Вотъ, бѣги-ка на арканѣ
Шибче, радъ не радъ!
Не шпіонь, не бей съ утайкой!
А съ казацкою нагайкой
Познакомься, Братъ!“
„Да не рвись къ намъ въ гости, друже:
Угостимъ еще похуже,—
Взвоешь на гульбѣ!
Да еще, братъ, поскорѣе
Уходи-ка изъ Кореи
Въ Токію къ себѣ!“
„Ну пошелъ же, другъ япоша!
Не награбилъ еще ноши,—
Такъ, не отставай!
Да, на храбрость уповая,
На чужіе караваи
Рта не разѣвай!

Четвертая апрѣльская каррикатура также нелѣпа какъ и предыдущая. Издана она въ Москвѣ хромо-литографіей Морозова и называется: *„Раешникъ — русскій матросъ нагрѣваетъ японцу носъ“*.

Середину каррикатуры занимаетъ японецъ съ длиннѣйшимъ мясистымъ носомъ; онъ сидитъ на „пороховомъ ящикѣ“ и прижимаетъ рукою къ щекѣ карту „азія“; сзади японца стоитъ, повидимому, англичанинъ въ клѣтчатомъ пальто и держитъ его за

уши, а спереди японца стоитъ матросъ въ синемъ одѣяніи и одною рукою онъ держитъ японца за подбородокъ, а въ другой держитъ „карты европы", которыми бьетъ по носу японца; на переднемъ планѣ сидитъ на барабанѣ казакъ съ ружьемъ за спиною и шашкою у пояса; на заднемъ планѣ виденъ китаецъ засунувшій палецъ въ носъ, и, должно быть, американецъ, выражающій не то ужасъ, не то удивленіе.

Подъ каррикатурою такая подпись:

Юркій да прыткій, прожившійся чуть не до нитки, японецъ Самъ-Со-Бака надумалъ хлѣбъ-соль добывать, земли наживать. „Поиграю, молъ, отъ тоски въ носки съ русскимъ матросомъ Иваномъ Лупиносомъ: наскочу, молъ, сбоку-съ-наскоку, носъ наколочу, земли захвачу, и буду себѣ кушать рисъ да бобы—и не будетъ у меня нужды—худобы".

Такъ думалъ—подумывалъ юркій да прыткій, прожившійся чуть не до нитки, японецъ Самъ-Со-Бака. А какъ началась игра-драка, такъ и пришлось первую же игру проиграть, носъ подставлять. Другъ любезный, всѣми и всюду полезный, за уши друга попредерживаетъ, а матросъ Лупиносъ по носу японца „Картами Европы" грѣетъ, такъ-что отъ носа дымъ въ воздухѣ рѣетъ. А кой-кто на игру удивляется, втихомолку ухмыляется. А русскій молодецъ—казакъ, по прозванію Иванъ Кулакъ, своей череды ждетъ: „Время, молъ, придетъ—и я тоже, повернувъ въ Корею, Самъ-Со-Бака носъ изрядно погрѣю. Ну, и попомнишь тогда, дружище, оставшись безъ носа, русскаго казака Ивана Кулака да русскаго матроса Ивана Лупиноса".

Наконецъ, пятая апрѣльская каррикатура, изданная въ Москвѣ типо-литографіею Коркина, является самою остроумною изъ всѣхъ каррикатуръ за 1904 годъ и единственною въ смыслѣ отношенія къ дѣйствительности. Называется она: *„хоть малъ, да удалъ"* и изображаетъ Портъ-Артуръ подъ видомъ ежа съ физіономіею русскаго солдата, который съ берега показываетъ „носъ" Того; послѣдній стоитъ у берега на кораблѣ съ плаксивою физіономіею и окровавленными руками; изъ за-спины Того съ выраженіемъ ужаса видны—китаецъ и американецъ.

Къ каррикатурѣ такое поясненіе въ стихахъ:

Передъ Вами тутъ разсказъ,
Какъ японецъ молодой,
Сѣвъ на купленный баркасъ,
Взять ежа хотѣлъ рукой.

Ежикъ маленькій звѣренокъ,
И живетъ вѣдь такъ недавно,
Его можетъ взять ребенокъ,
А ужъ я „Того" подавно.

Такъ рѣшилъ вѣдь самъ „Микадо"
И послалъ меня „Того"
Непремѣнно взять, разъ надо,
И не являться безъ него.

Подобравшись ночью тихо,
Ожидая, что ежъ спитъ,
Замахнувши руки лихо,
Онъ схватить его спѣшитъ.
Но лишь только наклонился,
Какъ отпрыгнулъ отъ него,
Самъ въ крови весь очутился
Адмиралъ „Того“.
Такъ Японецъ сталъ гурьбою,
Убѣгать теперь дрожа;
Увидавъ передъ собою,
Русскаго ежа“.

Конечно, къ концу 1904 года эта каррикатура уже не выдерживала критики, такъ какъ, въ концѣ концовъ, мужественный „ежъ“ долженъ былъ погибнуть, но въ то время, когда каррикатура вышла въ свѣтъ, она довольно вѣрно характеризовала дѣйствительность.

За май мы нашли лишь двѣ новыя каррикатуры.

Первая изъ нихъ, озаглавленная *„Умная Жена“*, издана въ Москвѣ Сытинымъ. Центральное мѣсто въ ней занимаютъ Микадо и Микадесса.

Первый,—одѣтый въ бѣлые брюки и синій мундиръ съ лентою черезъ плечо и 2-мя звѣздами на груди,—задумчиво сидитъ на стулѣ, облокотившись на столъ рукою, которою держитъ бороду; за стуломъ стоитъ Микадесса съ желтою короною на головѣ и, протянувъ руки по направленію къ супругу, видимо „разноситъ“ его. Въ верхнемъ и нижнемъ углу правой стороны каррикатуры помѣщены двѣ маленькія картинки изъ семейной жизни Микадо: въ верхнемъ углу тощій и растрепанный японскій владыка сидитъ въ креслѣ передъ столомъ, на которомъ стоитъ чашка съ надписью: „рисъ“; у стола двѣ фигуры; женская прислуга, подающая закуску, и, повидимому, поваръ, который держитъ „разсчетную книжку“; въ нижнемъ углу Микадесса,—въ желтомъ длинномъ платьѣ, съ красною лентою черезъ плечо, звѣздою и въ желтой коронѣ,—подбоченившись правою рукою, въ которой держитъ вѣеръ, лѣвою дѣлаетъ повелительный жестъ въ сторону убѣгающаго Микадо.

Въ углахъ лѣвой стороны каррикатуры также по картинкѣ: въ верхнемъ углу два медвѣдя гонятъ цѣлую армію испуганныхъ японцевъ, а въ нижнемъ—моська лаетъ на слона.

Какой то Константинъ Трацевскій къ названной каррикатурѣ сплелъ стихотворный винегретъ, не уступающій описанному художественному произведенію.

Вотъ онъ:

Говоритъ жена Микадо:
„Какъ я, другъ ты мой, не рада
Съ русскими войнѣ;
Ты подумай, другъ мой милый,

Намъ тягаться-ль съ этой силой?
Сгибнемъ мы втройнѣ;
Вѣдь то мало, что насъ вздуютъ,
Дураками аттестуютъ,
Отберутъ и флотъ.
Это, другъ мой, не китайцы,
Что все бѣгали, какъ зайцы,
Даже и отъ васъ.
Эти русскіе медвѣди
Крѣпче стали, крѣпче мѣди,
Разнесутъ всѣхъ насъ.
Не страшны имъ и британцы,
Торгаши американцы
И гнилой Китай.
Турки, галлы, ляхи были
Вздуты ими въ полной силѣ,—
Такъ великъ ихъ край.
Мы же, карлики, пигмеи,
Хоть и хитры, точно змѣи,
Но они—колоссъ.
Мы вѣдь только лишь зазнались,
Чуть на солнце не взобрались,
Насъ понизитъ россъ.
Проиграешь въ этомъ спорѣ,
Чѣмъ платить тогда протори;
Бѣденъ нашъ народъ.
И теперь вѣдь намъ ужъ худо:
Перелилъ ты и посуду,
Сократилъ обѣдъ.
Поубавилъ ты прислугу,
Словомъ, всѣмъ намъ очень туго
И удобствъ ужъ нѣтъ.
Нѣтъ, убраться намъ скорѣе
Изъ погибельной Кореи
И просить пардонъ.
Посмотри что намъ готовятъ,
Вѣдь, какъ крысъ, всѣхъ переловятъ
Насъ со всѣхъ сторонъ.
Намъ не слушать бы британцевъ
И прогнать американцевъ;
Было бы умнѣй.
Провались они съ Китаемъ.
Что-то будетъ, мы не знаемъ;
Плохо лишь, ей-ей!
Признаюся я, микадо,
На тебя беретъ досада;
Потеряешь флотъ.
Если бъ былъ ты поумнѣе,
Жилъ бы въ мирѣ, поскромнѣе,
Свой сдержалъ народъ,
Ты, какъ моська, только лаешь
И, подкравшись, лишь кусаешь.
Эй, раздавитъ слонъ.
Увлекаясь сдуру вздоромъ,
Ты окончишь все позоромъ,
Пошатнешь свой тронъ.

И померкнетъ для японца
Восходящее то солнце,
Воцарится ночь.
И тогда, мой другъ микадо,
Мнѣ тебя совсѣмъ не надо,
Убирайся прочь".
Такъ она ему твердила,
Только все жъ не убѣдила:
Знать рехнулся онъ.
И пигмеи-человѣки
Не забудутъ ужъ во вѣки
Отъ войны уронъ.

Вторая майская каррикатура, изданная въ Москвѣ тѣмъ же Сытинымъ, называется: *„Гибель японскаго броненосца „Хатсузе" и крейсера „Іошино"*. Это апоѳеозъ грубой невѣжественной силы. На пригоркѣ, надъ стрѣляющею пушкою лежитъ громаднѣйшій „дѣтина" въ красной рубахѣ, синихъ шароварахъ, гигантскихъ сапогахъ и въ папахѣ; „дѣтина" безсмысленно улыбается, ударяя кулакомъ въ голову японскаго генерала, который стоитъ на кораблѣ; въ волнующемся морѣ подъ дѣтиною тонетъ корабль; вправо отъ этого корабля на берегу видны три окровавленные японца, которымъ оказываютъ помощь два русскихъ солдата съ красными крестами на рукахъ и сумкахъ.

Подъ каррикатурою такіе стихи:

Волнуется Желтое море.
Сердито рокочетъ, шумитъ,
Не радость пророчитъ, а горе.
Японцамъ бѣдою грозитъ...
Но лѣзетъ противникъ нашъ рьяный,
Одѣвъ европейскій мундиръ,
На русскую крѣпость, какъ пьяный
Порой лѣзетъ выпить въ трактиръ.
— Смотри, землячекъ, не нарвися!
Смѣясь, ему кликнулъ казакъ.
Не слушаешь. Ну, такъ держися:
На, скушай гостинецъ, коль такъ!
Покрыто, какъ саваномъ, мглою,
Все море угрюмо молчитъ...
А русская мина стрѣлою
Подъ вражее судно летитъ.
Вмигъ адскій грохотъ раздался
(Японцу казакъ въ зубы ткнулъ),
То грозный *Хатсузе* взорвался
И въ морѣ навѣкъ затонулъ.
Волнуется бурное море,
Сердитѣй рокочетъ, бурлитъ,
Несетъ оно новое горе,
Врагамъ нашимъ снова грозитъ:
Іошино крейсеръ, пытаясь
Въ нашъ портъ проложить путь себѣ,
За первымъ вслѣдъ, въ минахъ копаясь,
Печальной подвергся судьбѣ.

Ну, что, землячокъ, не доволенъ
Ты нашимъ гостинцемъ, никакъ?
Чай, долго теперь будешь боленъ?
Труннтъ надъ японцемъ казакъ.
Храбры вы, задорны—нѣтъ спору,
Да намъ-то не страшны ничуть.
Вы съ нами затѣяли ссору:
За это и надо васъ вздуть,
Да такъ, чтобы больше не смѣли
Вы съ русскими впредь враждовать.
Затѣять войну вы сумѣли,
Учитесь плоды ея рвать!

За іюнь мы нашли точно также лишь двѣ новыя каррикатуры Первая издана въ Москвѣ хромо-литографіей Морозова и называется: *„Кулакъ да плеть—знаютъ кого погрѣть“*. Это названіе совершенно исчерпываетъ содержаніе каррикатуры. Каррикатура изображаетъ такую сцену. Безпомощнаго и безоружнаго японца атаковали казакъ и матросъ; первый схватилъ японца за длинный носъ и хлещетъ плетью, а второй держитъ японца за шиворотъ и даетъ ему колѣномъ въ задъ и „дуетъ“ кулакомъ. Дѣло происходитъ и на морѣ, и на сушѣ: казакъ стоитъ на берегу, близъ „Портъ-Артура“, откуда стрѣляютъ пушки, матросъ стоитъ въ самомъ морѣ, на которомъ пылаетъ корабль, а японецъ виситъ между берегомъ и моремъ.

Въ стихахъ подъ каррикатурою воспѣваются россійскіе — „плеть“ и „кулакъ“:

Ухвативъ японца за носъ,
Русскій молодецъ-казакъ
Хлещетъ спереди вояку
Плетью ловко такъ и сякъ.
А морякъ нашъ, молодчина,
Съ бравой силой моряка,
Задаетъ японцу сзади
Кулачищемъ тумака.
Приговариваютъ оба:
„Что-жъ, япоша, попляши!
Можетъ, гдѣ отъ пляски-встряски
И получишь барыши!..“
„Ты плясалъ, братъ, въ Портъ-Артурѣ,
Нынче скачешь ты на сушь!
Только скачешь ты не складно,
Да и пляска твоя чушь!..
„Этой пляской шутовскою
Мало пользы ты найдешь!
Эхъ, ты, воинъ косоглазый,
Ну, куда ты, сдуру, прешь?!
„Да когда-жъ скворцамъ съ орлами
По плечу была война?!
Какъ не дуйся,—а не слѣдъ бы
Моськѣ лаять на слона!“
„Ты еще въ борьбѣ, вояка,
Не успѣлъ понаторѣть!

Ну,—а нашъ кулакъ да плетка
Знаютъ какъ кого погрѣть!"

Вторая іюньская каррикатура, изданная въ Москвѣ Сытинымъ, довольно своеобразна. Она называется: *„Иванъ—Аринин мужъ—на войнѣ"* и представляетъ 8 картинокъ на одномъ листѣ.

Четыре изъ этихъ картинокъ, рисующія отправленіе солдата на войну, вагонъ съ солдатами и чтеніе газетъ въ деревнѣ недурно исполнены, причемъ рожи россійскихъ бабъ и мужиковъ весьма характерны, другія четыре картинки, изображающія похожденія мужа Арины на войнѣ, хотя и преувеличиваютъ побѣды россіянъ,—все же имѣютъ оттѣнокъ юмора безъ усиленнаго бахвальства. Подъ каждою картинкою объясненіе въ стихахъ, близко подходящихъ къ народному творчеству.

Вотъ эти стихи:

1-я картинка. На войну Иванъ собрался
Съ своей бабой распрощался.
2-я картинка. Ты, Арина, не тужи...
Въ чистотѣ себя держи.
3-я картинка. Въ путь дорогу онъ пустился,
Еле въ поѣздъ помѣстился.
4-я картинка. И, пріѣхавши въ Мукденъ,
Ловитъ тамъ хунхузовъ въ плѣнъ.
5-я картинка. Вотъ вамъ, ваше благородіе,
Косоглазое отродіе.
6-я картинка. Похвалою удостоенъ,
На японца претъ нашъ воинъ.
7-я картинка. И японцемъ окруженъ,
Ребра имъ считаетъ онъ.
8-я картинка. И дошла молва Аринѣ:
Дали крестъ ея дѣтинѣ.

За августъ мы нашли лишь одну каррикатуру. Издана она тѣмъ же Сытинымъ и, какъ предшествующая, не лишена юмора и не шаблонна. Она называется: *„какъ Ѳома съ Еремой японца обставили"*. На одномъ листѣ помѣщено 6 картинокъ, рисующихъ похожденія Ѳомы и Еремы. На первой герои, въ казацкомъ одѣяніи зеленаго цвѣта, сидятъ на пригоркѣ и, положивъ возлѣ себя ружья, спокойно ѣдятъ:

На войнѣ Ѳома съ Еремой
Службу царскую несутъ,
Съ кашей гречневой, ядреной,
Сухари въ досугъ жуютъ...

На второй картинкѣ они бросили ѣсть: ихъ вниманіе отвлечено:

Ты гляди,—Ерема баетъ
Вонъ японцы къ намъ ползутъ.
Ну, да ладно, не поймаетъ
Насъ макака хитрый плутъ.

На третьей картинкѣ герои вскакиваютъ: Еремѣ пришла блестящая мысль:

Скидавай скорѣй папаху
И кафтанъ ужъ заодно
Не дадимъ съ тобой мы маху,
Сядетъ онъ у насъ на дно.

На четвертой картинкѣ изображены два чучела изъ папахъ и кафтановъ, а Ѳома и Ерема лѣзутъ въ дупло дерева:

Живо пугалъ снарядили,
И полѣзъ Ѳома въ дупло,
А Ерема, взявъ винтовки,
Ждетъ его ужъ тамъ давно.

На четвертой картинкѣ два японца ползкомъ подбираются къ чучеламъ, не замѣчая, что Ѳома и Ерема сидятъ въ дуплѣ:

Вотъ и врагъ уже подкрался,
Съ нихъ не сводятъ братья глазъ...
Дружный выстрѣлъ вдругъ раздался,
Угодилъ имъ въ самый разъ.

На пятой картинкѣ убитые японцы летятъ, задравъ ноги съ пригорка, а изъ дупла выглядываютъ глупыя, самодовольныя рожи Ѳомы и Еремы:

Покатились въ ровъ макаки,
Покатились точно груши...
Не позволили казаки
Загубить свои имъ души.

Наконецъ, за сентябрь мы нашли двѣ каррикатуры. Обѣ онѣ изданы Сытинымъ и обѣ нелѣпыя. Одна изъ нихъ называется *„въ осадномъ положеніи“* и повторяетъ избитѣйшую лубочниками тему, что японцы бѣдны и принуждены занимать деньги у англичанъ и американцевъ, которыхъ японцы безуспѣшно якобы осаждаютъ. Какъ и въ ранѣе приведенныхъ каррикатурахъ, центральное мѣсто занимаетъ безобразнаго вида громадный англичанинъ, сидящій на мѣшкѣ съ деньгами, а его „осаждаютъ“ маленькіе японцы. Стихи также глупы, какъ и сама каррикатура, и въ нихъ повторяется старая пѣсня о безвыходномъ положеніи японцевъ, съ чѣмъ мы уже знакомы, а потому мы и стиховъ приводить не будемъ.

Вторая картина называется *„видѣніе Ойямы“*. Она безобразна по исполненію и совершенно лжива. Дѣло въ томъ, что эта каррикатура дозволена цензурою 30 сентября 1904 года, т. е. въ такое время, когда нельзя уже было сомнѣваться, что 1904 годъ нами совершенно потерянъ, что въ этотъ годъ мы не одержали ни единой побѣды ни на морѣ, ни на сушѣ и рѣшительно ни чѣмъ не запугали японцевъ. Между тѣмъ на каррикатурѣ изображенъ ужасъ Ойямы и окружающаго его штаба. Знаменитый японскій полководецъ, будто-бы, предвидитъ гибель японской арміи.

Вотъ какъ все это изображается въ стихахъ подъ каррикатурою:

„Я ждалъ побѣдъ, не пораженій,
Россіи объявивъ войну,
И думалъ, русскихъ съ двухъ сраженій
Всѣхъ истребить, сгноить въ плѣну.—
Ойямѣ такъ сказалъ микадо,—
А вышло все наоборотъ.
Давно въ Москвѣ намъ быть бы надо,
Взявъ Мукденъ, Харбинъ напередъ.
Идите, вѣрный мой Ойяма,
Смѣните Куроки, Того;
А власть принявъ, ступайте прямо
Впередъ, не бойтесь ничего".
Микадо, выслушавъ покорно,
Старикъ Ойяма не посмѣлъ
Ему сказать, что такъ проворно
Итти едва ль бы кто сумѣлъ.
И вотъ нашъ полководецъ новый,
Старикъ шестидесяти лѣтъ,
На бой итти совсѣмъ готовый
Позвалъ весь штабъ свой на совѣтъ.
Извѣстій безотрадныхъ, мрачныхъ
Предъ тѣмъ полученъ цѣлый рядъ:
О покушеньяхъ неудачныхъ,
Что всюду казаки царятъ,
О неспособномъ Камимурѣ,
Что губитъ зря свои суда;
Что Ноги все не въ Портъ-Артурѣ.
Нѣтъ рису, денегъ... тамъ вода...
Въ умѣ ихъ всѣ перебирая,
Ойяма тяжело вздохнулъ.
Минута тишины,—вторая—
И маршалъ-старичекъ вздремнулъ...
А грезы роемъ ужъ кружились
Во снѣ, прядя вѣстей тѣхъ нить:
Ойяма въ арміи. Сразились
Враги; онъ жаждетъ побѣдить.
На Квантунѣ, подъ Ляояномъ,—
Повсюду русскіе полки;
Вотъ, грозной тучей, ураганомъ
Несутся въ битву казаки...
Они ужъ близко, ихъ такъ много,
Ихъ пики грозно такъ блестятъ;
Для ихъ коней вездѣ дорога;
А пули воютъ и свистятъ...
Гремитъ „ура", грозны разскаты
Его, „банзай" ихъ—ни гу-гу!
Ударъ, другой—японцы смяты,
Бѣгутъ, все бросивъ на бѣгу...
И какъ былъ радъ по пробужденьи
Старикъ, что живъ и невредимъ,
Что это было лишь видѣнье!..
—Что,—шепчетъ онъ:—мы побѣдимъ?

Такимъ образомъ, лубочная каррикатура въ теченіе всего

1904 года строго выдержала свое „направленіе“: она безсовѣстно лгала и обманывала народъ, совершенно искажая дѣйствительность; она прославляла грубую силу, невѣжество и тьму; за рѣдчайшими исключеніями, она преподносила лишенную всякаго остроумія и принижающую художественный вкусъ пачкотню. Трудно взвѣсить то зло, тотъ развратъ, который вносился въ широкія массы населенія лубочною каррикатурою о японско-русской войнѣ; но, нужно думать, оно много больше, чѣмъ то, которое причинила лубочная литература. Благодаря тому обстоятельству, что громадное большинство нашего населенія совершенно безграмотно, а меньшинство полуграмотно, книга, покуда-что, является еще довольно безопаснымъ распространителемъ и добра, и зла. Картина же даетъ наглядное изображеніе и можетъ быть понята и безграмотнымъ. Вотъ почему мы еще разъ повторяемъ уже высказанную нами мысль о необходимости интеллигентнымъ издателямъ обратить вниманіе на картины для народа, хотя понимаемъ, что достигнуть этого чрезвычайно трудно. Дѣло въ томъ, что цензура, въ высшей степени охотно и легко разрѣшая самыя возмутительныя лубочныя картины, болѣе чѣмъ подозрительно относится къ тѣмъ художественнымъ произведеніямъ, которыя могли бы разсѣять тьму и невѣжество въ народныхъ массахъ, настоящимъ свѣтомъ освѣтить дѣйствительность и способствовать развитію эстетическаго вкуса въ народѣ.

Но что же дѣлать? Необходимо стучаться въ крѣпкую дверь цензуры.

Что касается лубочной литературы, то, какъ и лубочная каррикатура, она осталась вѣрна себѣ также въ теченіе всего 1904 года.

Помимо брошюръ, о которыхъ мы сообщили въ предшествующихъ трехъ статьяхъ, мы познакомились съ значительнымъ количествомъ лубочнаго творчества, на тему о японско-русской войнѣ, но ни въ одномъ изъ нихъ не нашли свѣдѣній, имѣющихъ хотя бы отдаленное отношеніе къ дѣйствительности.

Нѣтъ возможности и смысла излагать одно содержаніе всѣхъ брошюръ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, а потому мы ограничимся ознакомленіемъ лишь съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Начнемъ хотя бы съ московскаго изданія Морозова: *„Японцы бахвальные да непохвальные островитяне“*. На оберткѣ этого произведенія нарисовано какое то чучело гороховое съ балалайкою, и надпись внизу объясняетъ, что это „японскій богъ неба“. Затѣмъ свѣдѣнія о японцахъ разбиты на 3 главы, а въ концѣ приложены стихи. Первая глава озаглавлена: „японцы, ихъ бытъ и увеселенія“. Начинается она такъ: „японцы насчитываютъ у себя не менѣе 3,852 острововъ. И это совершенно справедливо. Но справедливо и то, что они насчитываютъ у себя и такое же количество боговъ, изображаемыхъ въ видѣ

всякаго рода страшилищъ съ рогами, съ копытами, съ хвостами и другими принадлежностями чертовщины". Далѣе на страницѣ 10 говорится: „народъ, у котораго нѣтъ Бога, и который смѣется даже и надъ тѣми, которые изобрѣтены его суевѣріемъ, не можетъ быть народомъ—ни сколько-нибудь нравственнымъ, ни развитымъ, ни богатымъ. Перенятые у европейцевъ „плоды просвѣщенія" японцами—плоды вполнѣ внѣшніе"... „Увѣряютъ, что японцы трудолюбивы. Но кому нужны ихъ труды, если у нихъ нѣтъ хотя бы даже скромныхъ нравственныхъ началъ?"

На 11—12 страницѣ, между прочимъ, читаемъ: „Будучи дѣвицей, японская женщина не должна быть испорченной, чтобы впослѣдствіи не ссорилась съ мужнею роднею". На 13 страницѣ говорится: „кондитерскія многочисленны. Есть и книжныя лавки. Преимущественно въ ходу книги шутовского содержанія, разсказы о богахъ и чертяхъ". Такимъ образомъ, лубочный россійскій писатель считаетъ свое произведеніе не шутовскимъ и ставитъ его выше японскихъ произведеній!

Во второй главѣ, озаглавленной: „Микадо", или „Сынъ Неба", московскій лубочникъ замѣчаетъ: „Микадо самолично занимается всѣми дѣлами государственной организаціи. *Онъ то и толкнулъ свой народъ по новому пути прогресса*". „Новый путь прогресса" непонятенъ писателю Ильинки. Онъ понимаетъ лишь свой „родной", „національный" прогрессъ: плети, нагайки, зуботычины... Полная гарантія личности, широкое самоуправленіе, свобода печати, слова, совѣсти, достигнутые японцами, не нужны жалкому человѣку...

Онъ, повидимому, иронически относится даже къ тому, что „родня японскаго императора живетъ довольно скромно"...

Третья глава называется: „національный гимнъ японцевъ и ихъ военныя пѣсни". Въ этой главѣ лубочникъ негодуетъ, что у японцевъ есть и „гимны", и воинственныя пѣсни, въ которыхъ совершенно основательно, на нашъ взглядъ, воспѣвается мужество японцевъ.

Въ наказаніе за такую дерзость, московскій „писатель" въ концѣ третьей главы „преподноситъ нашимъ соперникамъ-азіатамъ, юркимъ и бахвальнымъ японцамъ, свои пѣсенки, воздерживаясь, однако, отъ непристойныхъ въ печати ругательствъ".

На сколько сдерживаетъ авторъ свое слово относительно „непристойностей", можно видѣть изъ начала перваго же стихотворенія какого-то И. Кондратьева: „Побѣдоносцы":

Затесались въ Портъ-Артуръ
Наглые японцы...

говоритъ этотъ поэтъ.

Другой, какой-то А. Дрожжининъ, не выдержалъ пристойности даже въ заглавіи своего поэтическаго произведенія, назвавъ его: „пылъ разбойничьей сноровки".

Далѣе въ стихахъ его имѣются такія выраженія, какъ „дерзкіе макаки“, „разбойничьи стремленья“ и т. д.

О содержаніи другого морозовскаго изданія, озаглавленнаго „*русско-японская война*“ и снабженнаго на обертке портретомъ Алексѣева, можно судить по нижеслѣдующимъ выдержкамъ: „со времени японско-китайской войны, въ 1894 году, уже было хорошо извѣстно, что Японія питаетъ къ Россіи глухую вражду *и имѣетъ какія то свои нагло-корыстные виды* на Дальнемъ Востокѣ“, или: „при этомъ излишне закрывать глаза и думать, что противъ насъ ополчилась одна незначительная Японія. „Нѣтъ, противъ насъ, русскихъ, собирается *весь англо-саксонскій міръ торгашей „ Крови и золота*“. Вслѣдъ за этимъ авторъ бахвальничаетъ: „что-жъ, слѣдуетъ замѣтить, тѣмъ лучше! Такой союзъ намъ не страшенъ: *чѣмъ больше враговъ, тѣмъ сильнѣе будетъ отпоръ!*

Въ концѣ концовъ лубочникъ и вовсе завирается: „намъ можно сказать, что *Россія не знаетъ пораженія*“.

Этимъ мы и закончимъ обзоръ лубочной литературы за 1904 годъ, и врядъ-ли найдемъ нужнымъ говорить о ней въ 1905 году, такъ какъ нѣтъ никакой надежды не только на ея улучшеніе, но даже и на отличіе отъ произведеній 1904 года.

Какой-либо прогрессъ въ лубочной литературѣ мыслимъ бы былъ при полной свободѣ печати, что дозволило бы выступить на борьбу съ лубкомъ интеллигентнымъ издателямъ, но данныя конца 1904 года не оставляютъ никакого сомнѣнія, что условія для нашей печати, пожалуй, ухудшатся, а потому лубочная литература не встрѣтитъ препонъ.

И. П. Бѣлоконскій.

Пѣсня

Изъ Маріи Конопницкой.

Громко, звонко несись
Въ поднебесную высь
Ты, мой голосъ свободный, на волѣ
И стряхни всю росу
Съ дикой розы въ лѣсу
И съ колосьевъ, желтѣющихъ въ полѣ!
Раздавайся въ лѣсахъ,
На поляхъ, на лугахъ
И промчись по дорогѣ въ край свѣта!
Вамъ, родная моя
И родные края,
Шлю поклонъ я и слово привѣта.
Гей!—Звучитъ все кругомъ,
Все поетъ объ одномъ,
И въ душѣ всколыхнулась тревога...
Лишь бы только хотѣть—
Все бы могъ я имѣть,
Но... сегодня мнѣ нужно немного...
Ярко свѣтитъ луна,
Нѣжно плещетъ волна,
Воды мутныя золотомъ полны...
Лишь бы только желать—
Я бы могъ его взять,
Но... не брошусь я въ темныя волны.
Грустно-радостно мнѣ,
Я живу, какъ во снѣ,
Что-то шепчетъ вокругъ, заклинаетъ,
Что-то въ сердцѣ стучитъ,
Плачетъ, смѣхомъ звучитъ,
Хочетъ сердце разбить—и стихаетъ.
Гей! Какъ ночь хороша!
Какъ впиваетъ душа
Мощь живую родимой природы!
Если-бъ крылья имѣть—
Я хотѣлъ бы летѣть
Въ лучезарное царство свободы!

Е. Чернобаевъ.

———

Ложь.

Разсказъ **Ив. Наживина.**

Исаакъ Васильевичъ устало опустился на скамью въ тѣнистой аллеѣ городского парка и, снявъ свою помятую, старую шляпу, положилъ ее рядомъ съ собой. Въ тѣни, падавшей отъ высокихъ, развѣсистыхъ липъ, было прохладно, подъ высокими, готическими сводами деревьевъ летали гирляндами серебряныя трели зябликовъ, а на пескѣ аллеи трепетали и переливались причудливые узоры солнечнаго свѣта. Все вокругъ было по весеннему шумно, свѣтло, хорошо...

Но на душѣ Исаака Васильевича было темно и тоскливо,—неотвязныя, противорѣчивыя, добрыя и злыя мысли мучили его и наполняли душу холодной темнотой...

Неужели же все то, что еще такъ недавно наполняло его такимъ свѣтомъ, такой радостью, неужели же все это одинъ самообманъ? Вѣдь, если бы это было правдой, неужели же одинъ фактъ,—правда, ужасный, невѣроятный,—могъ повалить эту правду и, вмѣсто ея теплаго свѣта, залить душу этимъ тяжелымъ, мертвящимъ холодомъ?..

Когда въ еврейскомъ народѣ поднялось движеніе сіонизма и сразу захватило милліоны истерзанныхъ сердецъ, Исаакъ Васильевичъ, одинъ изъ первыхъ, рѣзко отстранился отъ него: онъ понималъ, что земля обѣтованная можетъ быть не только въ Палестинѣ, а вездѣ, и что нужна она не однимъ евреямъ... Родившійся и выросшій среди русскаго народа, онъ не могъ чувствовать себя чужимъ этому народу. Онъ любилъ безбрежныя степи, синія дали лѣсовъ, убогія деревушки, гдѣ живутъ бѣдные, темные, но безконечно милые, дорогіе люди, онъ горячо поклонялся геніямъ этого родного ему народа, въ минуту унынія забывался въ тоскующей русской пѣснѣ, въ горѣ народномъ онъ былъ первымъ страдальцемъ,—словомъ, онъ жилъ одной жизнью съ нимъ и, если бы даже и хотѣлъ, никакъ-бы не могъ отдѣлить себя отъ него...

И вотъ вдругъ—этотъ ужасъ... всѣ эти мертвые, раненые, все это звѣрство — все это было ужасно, но еще ужаснѣе было то, что, бросивъ ему въ лицо эти изуродованные трупы, народъ, который онъ такъ любилъ, показалъ ему, что онъ не только не считаетъ его своимъ, роднымъ, но что въ глазахъ этого народа онъ—чужой, мало того—врагъ. Это было страшно, это было больно, нестерпимо...

— Неужели же они правы съ ихъ Палестиной?—думалъ онъ, сидя въ тѣнистой, пустынной аллеѣ,—неужели же, въ самомъ дѣлѣ, сліяніе эллина и іудея въ просто человѣкѣ невозможно? Неужели мы должны уйти?.. Да вѣдь это же больно, это безсмысленно!

Палестина ему совершенно чужда, а здѣсь—здѣсь онъ сросся съ жизнью, съ народомъ, съ самой землей всѣми нервами, всей душой...

Да, онъ сросся, а съ нимъ не срсолись, его гонятъ, онъ—врагъ... *Они* не виноваты. Конечно, но ты все-таки имъ—чужой.

И опять чувство безпощаднаго одиночества охватывало его...

Исаакъ Васильевичъ вздохнулъ и, чтобы отвлечь себя отъ тяжелыхъ мыслей, вынулъ изъ бокового кармана своего ветхаго пиджака смятую газету и, развернувъ ее, заглянулъ въ „передовую". Пій X обѣщалъ какому-то „монсиньору" посѣтить въ скоромъ времени одинъ знаменитый итальянскій монастырь, то есть, показалъ открыто, что онъ намѣренъ порвать съ затворничествомъ Ватикана,—такъ вотъ редакція и задумывалась надъ тѣмъ, какое вліяніе можетъ оказать на европейскую политику это рѣшеніе новаго папы. Вліяніе это должно было быть, по мнѣнію либеральной редакціи, очень важно...

Исаакъ Васильевичъ усмѣхнулся и бросилъ передовую: онъ никогда не могъ понять всѣхъ этихъ мудреныхъ разсужденій о политическихъ вопросахъ такого рода: гдѣ сидитъ папа и какъ сидитъ—какое дѣло ему, Исааку Васильевичу, и милліонамъ людей до всего этого? Неужели жизнь человѣчества такъ пустячна и легковѣсна, что передвиженіе папы или какого-нибудь другого старичка съ одного мѣста на другое можетъ взволновать ее?.. Вѣдь, это, въ концѣ концовъ, только пушинка, упавшая на волны безконечнаго океана... А между тѣмъ редакція старается зачѣмъ-то внушить всѣмъ, что это очень важно...

Просмотрѣвъ наскоро глупыя, лживыя, какъ всегда, и безсодержательныя телеграммы, Исаакъ Васильевичъ скользнулъ глазами въ фельетонъ, гдѣ на этотъ разъ было помѣ-

щено большое письмо изъ Вѣны о пангерманскомъ движенiи въ Австрiи и Германiи. Статья, переполненная ссылками на разные авторитеты—„знаменитый профессоръ“, „извѣстный ученый“, „популярный писатель“, и т. п.—производила впечатлѣнiе солидной, умной статьи. И всѣ эти знаменитые, извѣстные, популярные, талантливые публицисты, профессора, ученые очень авторитетно высказывали на столбцахъ газеты свои мнѣнiя о борьбѣ двухъ культуръ, о полной законности пангерманизма, какъ противовѣса угрожающему и тоже вполнѣ законному и естественному панславизму, ссылались на исторiю, на науку, которыя, какъ они утверждали, вполнѣ подтверждали ихъ мнѣнiя и опровергали какихъ то ихъ противниковъ, которые, однако, тоже въ подтвержденiе своихъ взглядовъ, ссылались и на науку, и на исторiю... И, хотя статья была написана совершенно безпристрастно и объективно, Исаакъ Васильевичъ чувствовалъ, что всякiй читающiй эту статью славянинъ долженъ подозрительно коситься на нѣмца, а всякiй нѣмецъ испытывать нѣкоторую враждебность къ славянину; такимъ образомъ, изъ борьбы двухъ культуръ, двухъ отвлеченныхъ понятiй, вытекала какъ-то борьба и неизбѣжное слѣдствiе борьбы, вражда людей, живыхъ людей, и выходило такъ, что борьба и вражда эта вполнѣ законна, естественна, потому что оправдывается и исторiей, и наукой. И общее направленiе газеты придавало этой естественной борьбѣ и враждѣ какой-то либеральный, вполнѣ приличный оттѣнокъ. Такъ должны были думать и чувствовать, по мнѣнiю Исаака Васильевича, и славянинъ, и нѣмецъ при чтенiи этой статьи, самъ же онъ ничего подобнаго и не чувствовалъ, и не думалъ—онъ просто не понималъ этой статьи, такъ же какъ и передовицы, и испытывалъ почему-то нѣкоторую неловкость. Авторитеты „извѣстныхъ ученыхъ“, „популярныхъ профессоровъ“, „талантливыхъ публицистовъ“ импонировали ему, гипнотизировали его какъ-то, онъ добросовѣстно старался понять ихъ, повѣрить имъ, но не могъ ни понять, ни повѣрить. Онъ не могъ понять, на что нужны всѣ эти ученыя разсужденiя съ цитатами, такъ какъ массы, безконечные миллiоны трудящихся людей, дѣлающихъ жизнь, не только не руководствовались въ своей трудовой жизни этими учеными, противорѣчащими одна другой передовицами, но рѣшительно ничего и не знали о нихъ. Такъ на что-же все это? Ему казалось, что ни на что, но, человѣкъ, вообще, скромный, онъ боялся вѣрить себѣ, не рѣшался думать, что всѣ эти „извѣстные“—кому?—ученые и профессора говорили вещи ненужныя и неумныя. Ему казалось, что, если онъ не понимаетъ „извѣст-

ныхъ“ ученыхъ, то потому только, что онъ самъ недостаточно уменъ и образованъ...

Положивъ ученую статью о борьбѣ панславизма съ пангерманизмомъ въ карманъ, Исаакъ Васильевичъ задумался о томъ, что только что читалъ,—сталъ думать по своему...

Все зло въ жизни, какъ ему казалось, происходило оттого, что люди перестали быть просто людьми, а стали какими-то ходячими этикетками. Если на одной этикеткѣ написано „славянинъ“, а на другой „германецъ“ или „еврей“, то между этими этикетками неизбѣжно возникаетъ вражда; стоитъ стереть эти надписи, т. е. стать просто людьми, вражда тотчасъ же прекращается. „Князь“ можетъ командовать „лакеемъ“, „барыня“—„кухаркой“, „генералъ“—„солдатомъ“, „либералъ“ можетъ ненавидѣть „консерватора“, даже и въ глаза его никогда не видавъ, „католикъ“ можетъ жечь на кострѣ „еретика“,—человѣкъ не можетъ. Между этикетами возможны всевозможныя отношенія, между людьми же возможны только людскія, т. е. простыя, хорошія, братскія... Воробей вездѣ, всегда, во всякомъ случаѣ воробей; и въ Римѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Лондонѣ, и въ Японіи, вездѣ онъ *только* воробей, и жизнь его вездѣ воробьиная; одуванчикъ вездѣ одуванчикъ, роза вездѣ и всегда только роза,—оттого-то жизнь воробья, розы, одуванчика такъ проста, ясна и радостна. Уже давно людямъ сказано: „взгляните на лиліи полей, взгляните на птицъ небесныхъ“, но они не хотятъ понять глубины и важности этого призыва и безъ конца придумываютъ все новыя и новыя этикетки и тѣмъ запутываютъ свою жизнь все болѣе и болѣе и, запутавшись, страдаютъ... Жизнь ихъ — это безбрежная сцена, на которой они представляютъ какую-то дикую, кровавую, сочиненную безумнымъ, комедію; сегодня актеръ представляетъ Наполеона, завтра лакея, профессора, офицера, но все это онъ только представляетъ, на самомъ же дѣлѣ онъ просто человѣкъ... Да, стоитъ только людямъ уничтожить всѣ эти этикетки и снова стать просто людьми, какъ все сразу станетъ просто и хорошо...

Такъ казалось Исааку Васильевичу, но милліоны людей не хотѣли видѣть этого, не думали, такъ, какъ если бы они понимали это, то никакъ не могли бы не замѣнить отношеній этикетокъ отношеніями людей...

Очевидно, что что-то въ его разсужденіяхъ было невѣрно,—невозможно же допустить, что милліоны, милліарды людей и не только темныхъ, но и извѣстныхъ ученыхъ, профессоровъ, писателей не понимаютъ этого, что только онъ одинъ видитъ корень зла, онъ одинъ понимаетъ, что единственный способъ избавить человѣчество отъ гнетущихъ его

бѣдствій,—это стереть всѣ этикетки—прежде всего свою,—и войти въ жизнь просто человѣкомъ...

Въ чемъ же можетъ заключаться эта его ошибка?

Вдругъ нить мысли его оборвалась...

Что это такое?..

Онъ вглядѣлся.

На противоположной сторонѣ аллеи, какъ разъ противъ него, сидѣла женщина съ ребенкомъ.—Исаакъ Васильевичъ не замѣтилъ, когда она сѣла. На худомъ тѣлѣ ея какъ-то безжизненно висѣли сѣрые, неопрятные лохмотья, изъ-подъ чернаго, небрежно повязаннаго платка безпорядочно выбивались космы безцвѣтныхъ волосъ. Худое, изможденное лицо ея было блѣдно и мертвенно неподвижно, въ остановившихся на пескѣ аллеи расширенныхъ глазахъ не было ни мысли, ни чувства,—какой-то страшный холодъ струился изъ нихъ. Вся ея фигура была однимъ сплошнымъ, дикимъ крикомъ страданія и среди свѣтлой радости весны казалась какой-то черной дырой, изъ которой глядѣло что-то страшное. Блѣдный, оборванный мальчикъ, лѣтъ пяти, съ вихрястой рыжей головой, сидѣлъ рядомъ съ матерью и молча, пугливыми глазами, слѣдилъ за играющими неподалеку двумя бѣленькими дѣвочками въ большихъ соломенныхъ шляпахъ.

Какая-то невѣдомая, но непобѣдимая сила властно толкнула Исаака Васильевича къ этимъ двумъ существамъ.

— Что это съ вами? Вы нездоровы?..—спросилъ онъ, подойдя къ нимъ.

Женщина подняла на него свои пустые—въ нихъ попрежнему не было ничего, какая-то пустота,—глаза, видимо, сдѣлала усиліе, чтобы прійти въ себя.

— Можетъ быть, вамъ помочь можно...—ласково проговорилъ Исаакъ Васильевичъ, опускаясь на скамейку рядомъ съ пугливо прижавшимся къ матери мальчикомъ.

Ласковый голосъ его шевельнулъ, казалось, омертвѣвшую душу женщины,—губы ея вдругъ дернулись и изъ глазъ потекли слезы. Она быстро закрыла лицо руками и затряслась отъ рыданій... Встревоженный ребенокъ еще болѣе прижался къ ней и, стараясь отнять ея руки отъ лица, повторялъ, самъ готовый заплакать:

— Мамъ... Мамъ, не плачь... Мамъ, открой лицо...

Мать, не отвѣчая, рыдала... Мальчикъ тоже заплакалъ, спрятавъ лицо въ ея рваномъ платьѣ.

Щемящая боль охватила душу Исаака Васильевича. Онъ все готовъ былъ сдѣлать, только бы не видѣть этой бьющейся въ душевной агоніи женщины, этого запуганнаго, плачущаго ребенка. Было бы, казалось, легко достигнуть этого—стоило только уйти, убѣжать, но та же сила, которая

такъ властно толкнула его къ этимъ задавленнымъ существамъ, торжествующая, великая, непобѣдимая, еще болѣе властно держала его тутъ и заставляла мучиться нестерпимо и искать избавленія отъ этого страданія...

Женщина начала понемногу успокаиваться...

— Ну, скажите же, что съ вами?..—спросилъ опять Исаакъ Васильевичъ.—Можетъ быть, я могу помочь вамъ...

— Охъ, нѣтъ!..—прерывающимся, хриплымъ отъ слезъ голосомъ отвѣчала женщина, качая головой и вытирая глаза кончикомъ головного платка.—Такое горе, такое горе...

И она опять заплакала.

— Мамъ, не плачь... Мамъ!..—встревожился опять рыженькій мальчикъ, снова прижимаясь къ матери и испуганными глазенками глядя изподлобья на Исаака Васильевича, точно этотъ незнакомый человѣкъ былъ причиной слезъ его матери.

— Уже лучше бы помереть, что-ли, чѣмъ эдакую-то муку терпѣть...—продолжала женщина, вытирая все текущія слезы.—Силушки моей уже не стало...

И прерывающимися, безпорядочными фразами она разсказала Исааку Васильевичу о своемъ горѣ.

Мѣсяца три тому назадъ она родила третьяго ребенка. Повивальная бабка, принимавшая его, сдѣлала что-то не такъ, не чисто, какъ говорили доктора, и она тяжело заболѣла... Ребенокъ ея умеръ, а ее отвезли въ больницу. Дома остался мужъ, рабочій на вагонномъ заводѣ, съ двумя дѣтьми на рукахъ: вотъ этимъ рыженькимъ мальчикомъ, Ваняткой, и его сестрой, двухлѣтней Машонкой. При упоминаніи о Машонкѣ, женщина опять горько заплакала.

— Ну, сами посудите, какъ мужику безъ бабы управиться съ ребятами?—разсказывала женщина.—Обуть, одѣть, напоить, накормить,—все надо, а то, глядишь, оборвутся—обшить надо, постирать. А въ шесть часовъ ужъ гудокъ—на работу иди, а какъ ушелъ, такъ до вечера и нѣтъ его. А рай можно ихъ однихъ-то оставить? Ну, по сусѣдямъ сперва отдавалъ—сперва брали, думали, что я скоро выпишусь, а потомъ и брать перестали, потому съ своими только-только управься. Запищитъ, ѣсть запроситъ—какъ ему не дацъ? А дать-то нечего—каждая корка у самихъ на счету. Извѣстно, какая наша жизнь... А я-то все безъ памяти лежу,—встану-ли, нѣтъ-ли, одному Господу Богу извѣстно... Ну, тутъ кто-то и надоумь моего-то: ты бы, дескать, въ ясли ихъ снесъ. Такой пріютъ выстроили, чтобы, значитъ, которая женщина ходитъ на работу,—вотъ какъ я, прачка тамъ, или поденщица—такъ могла бы оставить ихъ тамъ, тамъ за ними присмотрятъ и все, какъ слѣдуетъ. Ну, мой-

атъ обрадовался, потому измаялся совсѣмъ съ ребятишками: того и гляди, что съ собой сдѣлаютъ, долго-ль до грѣха?.. Взялъ онъ это ихъ, пошелъ. Приходитъ,—такъ и такъ, говоритъ, баба въ больницѣ, съ ребятами дѣваться мнѣ, рабочему человѣку, некуда, сдѣлайте, дескать, Божескую милость, пріютите. Можно,—говорятъ,—давай метрики... А я, говоритъ, не захватилъ ихъ, не зналъ, что нужно. Какъ же, говорятъ, не нужно?.. А можетъ они незаконные,—говорятъ.

— А-а, этикетка!..—какъ-то испуганно подумалъ Исаакъ Васильевичъ, ожидая, что сейчасъ произойдетъ что-нибудь безсмысленное и ужасное.

— Да они незаконные и есть, говоритъ мой-атъ. Мы съ нимъ такъ жили, не въ законѣ... Сошлись и живемъ...—пояснила женщина, потупясь, и продолжала:—они и есть незаконные, говоритъ. Ну, такъ, говорятъ, иди откуда пришелъ—незаконныхъ мы принять не можемъ... Да развѣ они не дѣти, говоритъ это мой-отъ. Куда я съ ними дѣнусь? А это ужъ, говорятъ, дѣло твое, мы въ это входить не можемъ. Такое ужъ, дескать у насъ положеніе. Каково?.. Ну такъ, говоритъ, ладно же, узнаете вы у меня! А-а, ты, говорятъ, еще грозить!.. Слово за слово—выгнали... Куда дѣваться? Время ужъ на работу, а у него двое на рукахъ, не бросишь ихъ посередь улицы... И загорѣлся онъ,—а горячій такой, и не приведи Господи! Сколько разъ страдалъ за горячность эту самую, въ острогѣ сидѣлъ, а нѣтъ, все такой же вышелъ: все ничего, все ничего, а чуть только ежели что не по правдѣ—такъ весь и вспыхнетъ, какъ порохъ. Ладно, думаетъ, погодите же! Все равно имъ околѣвать-то, не нынче, такъ завтра,—уже лучше за одно! Пришелъ домой, разыскалъ веревку да и...—голосъ женщины оборвался—...и... повѣсилъ ихъ обоихъ... своими руками!.. И убѣжалъ—самъ, говоритъ теперь, не знаю, куда побѣжалъ. Ровно кто гнался за мной...

Исаакъ Васильевичъ молча слушалъ ее, и щемящая боль въ душѣ его все разросталась...

— Ну, и... что же?...—спросилъ онъ, ощущая въ груди какую-то мѣшающую дышать тяжесть.

— Ну, и убѣжалъ...—отвѣчала женщина.—Пропадай, дескать, все пропадомъ... Ну, только убѣжалъ это онъ—хвать, сусѣдка по фатерѣ и идетъ: дай, дескать, провѣдаю... Вошла, а они—висятъ! Какъ она закричитъ!... Сбѣжался народъ, вынули ребятъ изъ петли, давай отхаживать. Вотъ его успѣли отходить, а... Машонка... такъ... и... кончилась... А какъ онъ ее любилъ-то!...—воскликнула она тихонько, послѣ короткой, гнетущей паузы.—Просто души не чаялъ. Придетъ, бывало, съ работы: „Машонка, Машонка...“ Вотъ тебѣ и Машонка!..

Она опять горько заплакала.

— Гдѣ же вашъ мужъ теперь?—послѣ небольшого тяжелаго молчанія спросилъ Исаакъ Васильевичъ.

— Въ острогѣ...—отвѣчала она, плача.—Судить скоро будутъ. Говорятъ, въ Сибирь на каторгу сошлютъ. Вотъ сейчасъ у него были, только не допустили: наказанъ, вишь, въ карцерѣ,—надзиратели обидѣли арестанта какого-то, а онъ встрялъ, какъ всегда, заступился... Ну и сидитъ вотъ теперь... И золъ сталъ—просто не подходи... Такъ и рычитъ на всѣхъ...

— Что же, вы за нимъ пойдете? — спросилъ Исаакъ Васильевичъ.

— Извѣстно, съ нимъ—отвѣчала она.—Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ, видно и пропадать...

— Ну, пропадать...—желая ее ободрить, проговорилъ Исаакъ Васильевичъ.—Люди вездѣ люди... Жить вездѣ можно...

— Оно такъ-то такъ, а страшно все-таки—отвѣчала она, и въ голосѣ ея звучалъ страхъ.—Господь знаетъ, какъ тамъ...

Высокій, плотный городовой въ парусинномъ кителѣ, съ краснымъ лицомъ и свѣтло-рыжими усами, уже давно ходившій мимо, подозрительно косясь на оборванную женщину, вдругъ подошелъ къ разговаривающимъ.

— Тутъ сидѣть не допушшается—проговорилъ онъ суровымъ голосомъ, обращаясь къ женщинѣ.—Здѣсь для чистой публики.

— Что она вамъ помѣшала?—удивился Исаакъ Васильевичъ.—Это мѣсто для...

— Значитъ, помѣшала,—быстро оглядѣвъ невзрачную, плохо одѣтую фигурку Исаака Васильевича, авторитетно повысилъ голосъ блюститель „порядка“.—Разсуждать ихнему брату не допушшаетца: сказано иди и иди безъ разговоровъ...

— А я говорю, что вы не имѣете права,—загорячился Исаакъ Васильевичъ.

Женщина быстро встала, оправляя волосы подъ платкомъ.

— Иду, иду,—тревожно пролепетала она, оправляя платокъ.—Пойдемъ, Ванятка...

Исаакъ Васильевичъ попробовалъ было успокоить ее.

— Нѣтъ ужъ... что тутъ...—бормотала она.—Пойдемъ, пойдемъ, касатикъ...

— Какъ вамъ не стыдно обижать бѣднаго человѣка!..—сказалъ Исаакъ Васильевичъ городовому.—Что вы ее гоните?..

— Сказано: не допушшать простонародье и шабашъ—отвѣчалъ тотъ.—Безпокоить чистую публику тоже не очень дозволяется... Много тутъ ихняго брата шляется... Начальство, небось, знаетъ, что дѣлаетъ, получше насъ...

Исаакъ Васильевичъ догналъ уходившую женщину и спросилъ ея адресъ, обѣщая зайти къ ней, помочь, чѣмъ можно.

Она сказала и, простившись, быстро пошла чрезъ площадь, таща за собою пугливо озирающагося Ванятку.

Исааку Васильевичу нужно было спѣшить на урокъ въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ и, остановившись у выхода парка, онъ слѣдилъ за удаляющимися среди уличной суматохи фигурами двухъ, невѣдомо за что загнанныхъ, раздавленныхъ людьми, безобидныхъ существъ. Онъ чувствовалъ, что какія-то невидимыя, но крѣпкія нити связывали его съ этой разбитой ни за что семьей, страданья которой, отравляя всю его жизнь, застилали, казалось, самый блескъ и радость весенняго дня... Женщина уже давно исчезла изъ виду, а Исаакъ Васильевичъ все стоялъ, и думалъ, и болѣлъ за нее сердцемъ, болѣлъ мучительнымъ желаніемъ облегчить ея долю...

И вдругъ онъ вспомнилъ о томъ, о чемъ онъ думалъ сегодня до встрѣчи съ женщиной, и всѣ его сомнѣнія показались ему теперь просто смѣшны. Возможно ли сліяніе съ врагомъ или невозможно? Какая нелѣпость! Вѣдь, вотъ она ему, еврею, „врагъ", а онъ болѣетъ душой, потому что врагъ страдаетъ! Нелѣпо даже спрашивать: сливаться или не сливаться, такъ какъ всѣ люди не только слиты, спаяны между собой любовью, жалостью одинъ къ другому, состраданіемъ, и нужны невѣроятныя усилія, невѣроятная ложь, чтобы разъединить ихъ, оторвать одного отъ другого...

Опустивъ руку въ карманъ, Исаакъ Васильевичъ наткнулся на смятую газету.

— Пангерманизмъ, панславизмъ...—вспомнилъ онъ.—Какъ все это... жалко и глупо!..

Вспыхнувшій въ немъ отъ столкновенія съ людскимъ страданіемъ свѣтъ правды озарилъ всю жизнь, и вся ложь ея, какъ отвратительныя, масляныя пятна на прекрасной картинѣ, всплыла на поверхность. Пангерманизмъ, панславизмъ, Палестина, „незаконный" ребенокъ, эта бѣдная, трухлявая бумага, отравляющая и развращающая тысячи и тысячи людей своей „ученой", глубокопреступной ложью съ ссылками на лживые авторитеты, этотъ несчастный мертвецъ, городовой,—какъ все это мизерно, жалко, безконечно глупо въ вѣчномъ свѣтѣ божественной правды жизни!.. Темная ночь царитъ, ночь невѣжества, лжи, и со всѣхъ сторонъ встаютъ, страшныя во мракѣ, привидѣнья и пугаютъ темныя души людей, и требуютъ крови и жертвъ...

Свѣта!

Да, свѣта, только свѣта...—радостно думалъ Исаакъ Васильевичъ.—Разжигай себя, зажигай другихъ и въ этомъ все... Нужна не Палестина, не Пій X, не борьба какихъ-то культуръ, а борьба во имя справедливости съ мракомъ и ложью. И наградой будетъ—свѣтлая, теплая, радостная жизнь земли обѣтованной...

———

* * *

Какъ сегодня холодно!
Серебристый иней нѣжный,
Бархатистый, бѣлоснѣжный,
Разукрасилъ все окно.
И въ саду морозъ трескучій
Гнетъ деревья и кусты
И роняетъ съ высоты
Снѣгъ прозрачный и колючій.
Неба куполъ голубой,
Замороженный и ясный,
И бездонный, и безстрастный,
Развернулся надъ землей.
Какъ легко! Въ душѣ мятежной
Боль, тоску и горечь слезъ,
Все сковалъ сѣдой морозъ
Пеленою бѣлоснѣжной!

* * *

Сама еще не знаю я,
Люблю тебя я или нѣтъ;
Быть можетъ это лишь заря,
Лишь утра блѣднаго разсвѣтъ!
Быть можетъ это лишь весна
И съ нею шумъ весеннихъ грозъ,
Но такъ душа моя полна
И чистой радости и слезъ!
Пусть все не вѣчно, ну такъ что-жъ?!
Пусть осень жизни впереди!
Но призракъ счастья такъ хорошъ,
Такъ хороша весна любви!!

Наталья Крандіевская.

Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи.

(Тридцатые и сороковые годы XIX в.)

Общій очеркъ политической экономіи Пруссіи съ конца восемнадцатаго вѣка. Расцвѣтъ національнзма. Національныя войны съ Франціей. Обѣщаніе конституціи. Столкновеніе націоналистовъ съ правительствомъ. Упадокъ національзма и ростъ либер. оппозиціи. Вліяніе польской революціи. Борьба реакціи съ оппозиціей. Восшествіе на престолъ Фридриха-Вильгельма IV-го. Оптимистическое упованіе либераловъ. Конституціонныя требованія. Оппозиціонная литература.

„Вся Германія спала свинцовымъ сномъ и только въ ея литературномъ мірѣ замѣчалось самое усиленное кипѣніе“. Эти слова Гейне какъ нельзя лучше характеризуютъ политическое и общественное положеніе Германіи конца восемнадцатаго вѣка. На ея Олимпѣ, на ея высотахъ теоретической мысли пышно расцвѣтали роскошные цвѣты поэзіи, строились изящные воздушные замки метафизики, ярко горѣла творческая мысль, а внизу въ тихихъ долинахъ вяло и сонно текла мутная, сѣрая обывательская жизнь.

Политическая жизнь страны сурово управлялась абсолютизмомъ, имѣвшихъ къ тому же цѣлыхъ 300 оффиціальныхъ отдѣленій въ лицѣ трехсотъ нѣмецкихъ королей. Сверхъ этихъ 300 королей было еще цѣлыя полторы тысячи полусамостоятельныхъ князей, и каждый изъ этихъ тысячъ политическихъ центровъ были окружены густымъ лѣсомъ жадной и продажной бюрократіи. Вся Германія была разбита на самостоятельныя крошечныя государства, изъ которыхъ многія занимали всего отъ мили до версты и населены были отъ одной до двухъ тысячъ жителей. Вся Вестфалія занимала всего 1200 кв. миль и на нихъ умѣщалось цѣлыхъ 52 государства! Во Франконіи на каждое государство приходилось въ среднемъ 16 кв. миль, а въ Швабіи—всего 8 кв. миль. Что же касается рыцарскихъ вла-

дѣній, то всѣ вмѣстѣ, они занимали 200 кв. миль, такъ что на каждое владѣніе въ среднемъ приходилось менѣе версты. Гейне поэтому имѣлъ полное основаніе замѣтить, что иныя изъ нѣмецкихъ государствъ въ дождливую погоду можно было цѣликомъ унести на сапогахъ.

Но несмотря на такіе аптекарскіе размѣры своихъ владѣній, большинство тогдашнихъ мелкихъ королей и рыцарей страдали маніей величія. Устраивали себѣ роскошные дворцы, заводили собственныя придворныя оперы и обширную свиту. Для такой широкой жизни нужны были большія деньги, а владѣнія, при ихъ микроскопическихъ размѣрахъ, могли доставить такія деньги, только подъ давленіемъ жестокой эксплоатаціи.

Обладавшая огромною численностью и властью бюрократія получала очень скудное жалованіе, но за то она получала въ кормъ различныя провинціи и кормилась ими очень сытно, ведя праздный и роскошный образъ жизни. Повсюду царили страшныя злоупотребленія власти, жадное взяточничество, жестокій гнетъ

Народъ былъ отстраненъ отъ всякаго участія въ политической жизни страны, и жалкая каррикатура на законодательныя учрежденія, существовавшая въ видѣ верховнаго суда и имперскаго сейма, никакимъ политическимъ вліяніемъ не пользовалась. Всѣ свои засѣданія она посвящала разбору безконечныхъ дрязгъ и споровъ между владѣтельными князьями и разрѣшенію вопросовъ чинопочитанія и этикета. Вопросъ о томъ нужно ли княжескимъ посланникамъ ставить зеленые или красные стулья, а курфюрстамъ сервировать золотую или серебряную посуду, и имѣютъ ли право князья ставить во дворцѣ королей свои стулья на самый коверъ, или же самое большое, что они могутъ,—это касаться ножками стула лишь бахромы ковра, всѣ эти и имъ подобные вопросы безъ конца дебатировались въ имперскомъ сеймѣ, вызывая жаркое столкновеніе мнѣній.

Нѣмецкое общество смирно держалось въ сторонѣ отъ политической и общественной жизни, не обнаруживая къ ней никакого интереса и цѣликомъ уйдя въ раковину тихой и размѣренной домашней жизни. По мѣткому замѣчанію Риля, нѣмецкій народъ относится къ своимъ политическимъ судьбамъ, „какъ относятся къ погодѣ—въ смиренномъ безмолвіи, видя въ нихъ волю Господа-Бога“.

Киркегоръ въ слѣдующихъ насмѣшливыхъ словахъ описываетъ настроеніе тогдашняго нѣмецкаго общества:

„Люди восхищались природою въ день Ивана Купалы, смирялись въ великіе молитвенные дни, влюблялись по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, а въ 10 часовъ вечера ложились спать. Женились, жили для своей семьи и своего положенія въ государствѣ; производили дѣтей, обременяли себя семейными забо-

тами, достигали зрѣлаго возраста, старались обратить вниманіе начальства на свою благонамѣренную дѣятельность, поддерживали отношенія съ пасторомъ, на глазахъ котораго совершали съ эпическимъ спокойствіемъ разныя прекрасныя дѣла, чтобы дать ему возможность, когда они умрутъ, произнести возвышенную надгробную рѣчь, которую онъ будетъ стараться лепетать растроганнымъ голосомъ".

Конечно, подъ этой тиной обывательской запуганности, безропотности и оффиціальнаго благополучія, въ глубинахъ народной жизни складывались новыя общественныя силы и отношенія. Силы ростущаго общественнаго сознанія и осложняющихся общественныхъ отношеній медленно но неуклонно подтачивали строго-патріархальные устои политическаго и общественнаго строя Германіи конца восемнадцатаго вѣка, но, нѣтъ сомнѣнія, что эта медленная кротовая работа общественной эволюціи еще не скоро дала бы политически осязательные результаты, если бы ей не помогъ могущественный толчокъ извнѣ. Этимъ могущественнымъ внѣшнимъ толчкомъ послужили Наполеоновскія войны.

Благодаря Наполеоновской войнѣ внутренняя гнилость общественнаго строя Германіи, въ особенности Пруссіи, до сихъ поръ скрывавшаяся за толстой корой внѣшняго оффиціальнаго благополучія, прорвалась наружу. Нѣмецкое правительство сурово и неутомимо отучавшее нѣмецкихъ гражданъ принимать самостоятельное и сознательное участіе въ политической жизни родной страны, возводившее абсолютное политическое воздержаніе въ высшій принципъ гражданской мудрости и добродѣтели, оказалось въ совершенно безвыходномъ положеніи, когда отраженіе или задержаніе побѣдоносснаго шествія Наполеоновской арміи требовало со стороны нѣмцевъ гражданскаго мужества, гражданской стойкости и тѣсной сознательной сплоченности правительства съ народомъ. Ничего подобнаго Германія не могла противопоставить Наполеону. Триста филіальныхъ отдѣленій абсолютизма жестоко враждовали между собою и постоянно лелѣяли мысль построить свое благо на полномъ раззореніи того или другого нѣмецкаго государя, нѣмецкіе граждане попрятались въ скорлупу домашнихъ дѣлъ, и нѣмецкое правительство оказалось совершенно безсильнымъ и, вмѣсто грознаго отраженія иноземнаго врага вынуждено было оказывать ему знаки раболѣпной покорности.

До сихъ поръ нѣмецкое правительство видѣло въ полнѣйшемъ невмѣшательствѣ гражданъ въ политическія дѣла страны основную гарантію прочности и непоколебимости существующаго государственнаго строя, но, какъ непререкаемо показали наполеоновскія войны—эта основная гарантія представляла огромную національную опасность и эти двѣ текущей исторіей данныя основныя посылки не могли раньше или позже не привести къ

естественно вытекающему изъ нихъ политическому выводу объ элементарной національной опасности существовавшаго тогда государственнаго строя, что, въ свою очередь не могло не привести къ рѣзкому столкновенію между правительствомъ и націоналистами.

Но на первыхъ порахъ постыдный разгромъ Германіи Наполеономъ заставилъ заговорить лишь уязвленное національное самолюбіе, вылившееся въ политически нечленораздѣльную форму ненависти ко всему французскому и необузданному превозношенію всего нѣмецкаго.

Однако уже и тогда въ восторженномъ восхваленіи всего нѣмецкаго въ противоположность всему французскому глухо звучали политическія нотки, сулившія неизбѣжность дѣйствительно потомъ наступившаго столкновенія націоналистовъ съ „существующимъ порядкомъ“.

Дѣло въ томъ, что восторженные нѣмецкіе націоналисты превозносили не современную имъ Германію, а старую „тевтонскую“ Германію, въ идеализированный образъ которой неустранимо входила „народная свобода“, участіе народа въ политической жизни государства. Объявляя свирѣпую войну французскому покрою платья, французской прическѣ, французскому легкомыслію, нѣмецкіе націоналисты, вмѣстѣ съ покроемъ платья, прической (или, точнѣе, отсутствіемъ таковой) древнихъ „тевтоновъ“, вмѣстѣ со всѣми эти мелочными и смѣшными чертами превозносили и свободный строй жизни древнихъ германцевъ, независимый гордый и самостоятельный характеръ свободныхъ тевтоновъ. И въ своихъ наивныхъ мечтахъ о реставраціи древнихъ „тевтонскихъ“ добродѣтелей, нѣмецкіе націоналисты, въ особенности въ лицѣ учащейся молодежи, уповали не на правительство, а на народъ, который долженъ былъ стряхнуть съ себя ненавистный налетъ „французской“ цивилизаціи и возвратиться къ безхитростнымъ и свободнымъ формамъ жизни и воззрѣній древнихъ „тевтоновъ“.

Такимъ-то образомъ грубые и свирѣпые звуки турецкаго барабана неистовствующаго національзма неожиданно послужили какъ бы походнымъ маршемъ, въ борьбѣ за болѣе просторныя формы государственной жизни, для тѣхъ элементовъ нѣмецкаго общества, подавляющая часть которыхъ не могла бы быть мобилизирована, какъ составляющая сила общественной борьбы, никакими болѣе осмысленными и гуманными призывами.

Въ дальнѣйшихъ очеркахъ намъ еще придется возвратиться къ этимъ націоналистическимъ теченіямъ, а теперь мы должны въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать общую политическую конъюнктуру Германіи въ началѣ девятнадцатаго вѣка, что намъ необходимо сдѣлать для того, чтобы понять событія общественной жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ покойнаго вѣка.

Разгромъ Германіи Наполеономъ выдвинулъ на неустранимую

Наши Н. У. П. исты

очередь историческаго дня переустройство всего политическаго строя страны. И для нѣмецкаго правительства было ясно, что если даже и не подъ давленіемъ общественнаго недовольства, не представлявшаго еще тогда внушительной силы, то въ интересахъ государственнаго самосохраненія необходимо было ввести серьезныя реформы. Германія была раззорена, унижена, раздираема внутренними противорѣчіями, нѣмецкое правительство, послѣ жестокаго нагляднаго урока, преподаннаго ей исторіей, поняло, что процессъ возстановленія силъ истощеннаго и немощнаго государственнаго организма возможенъ только при условіи привлеченія въ той или иной формѣ общественныхъ силъ къ дѣлу государственнаго и общественнаго управленія, только при условіи, если общество выйдетъ изъ своей политической и общественной инертности и получитъ извѣстныя точки приложенія для своихъ гражданскихъ силъ и стремленій.

Но въ какую политическую форму должно было облечься участіе нѣмецкихъ гражданъ въ дѣлѣ государственнаго управленія? Наиболѣе сознательная часть нѣмецкаго общества и наиболѣе зоркіе и просвѣщенные дѣятели правительственныхъ верховъ доказывали, что только объявленіе конституціи способно устранить рѣзкій конфликтъ между обществомъ и правительствомъ и направить Германію на путь мирнаго и прочнаго развитія. Но однако власть всесильной бюрократіи и слабовольнаго государя взяла верхъ, и были проведены только тѣ реформы, которыя должны были обезпечить государству надежные финансовые источники, а обществу раскрывали возможность участія въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, вѣдающихъ хозяйственныя дѣла городовъ и деревень. Всѣ реформы начала девятнадцатаго вѣка были проведены чисто бюрократическимъ путемъ безъ всякаго привлеченія къ участію общественныхъ силъ. Было значительно расширено мѣстное самоуправленіе, горожане получили широкое избирательное право съ очень низкимъ имущественнымъ цензомъ. Было устранено всякое сословное подраздѣленіе, была установлена свобода передвиженія, было значительно улучшено правовое положеніе крестьянъ, хотя все таки въ рукахъ помѣщиковъ была оставлена судебная и полицейская власть надъ крестьянами.

Всѣ эти реформы сами по себѣ были очень скромны и, конечно, одинъ изъ ихъ крупнѣйшихъ дѣятелей (Гарденбергъ) сильно преувеличивалъ, когда называлъ ихъ „благоразумной революціей сверху“, „монархическою ночью 4-го августа“. Какъ, конечно, не могло быть иначе, эти скромныя реформы и тѣ безконечныя колебанія правительства отъ реакціи къ реформамъ, которыми они сопровождались, не только не успокоили нѣмецкое общество, но еще сильнѣе его взбудоражили, послуживъ могущественнымъ толчкомъ къ развитію политическаго самосозна-

нія и привлеченію къ сознательной общественной жизни тѣхъ слоевъ, которые до этихъ поръ стояли совершенно въ сторонѣ отъ нея.

Вопросъ о формѣ правленія стоялъ на насущной очереди историческаго дня и требовалъ своего разрѣшенія. Крупнѣйшій дѣятель этой эпохи реформъ сверху, министръ Штейнъ совѣтовалъ королю дать народу конституцію и на почвѣ конституціонной монархіи примирить правительство съ обществомъ. Но король, просто благодаря своему нерѣшительному характеру, отчасти же подъ давленіемъ бюрократіи, точно маятникъ колебался изъ стороны въ сторону, не умѣя остановиться ни на какомъ окончательномъ рѣшеніи и то удаляя Штейна, то вновь приближая его къ себѣ. А событія между тѣмъ не ждали. Наполеонъ продолжалъ быть грозной и еще не устраненной опасностью для самого существованія Пруссіи, и нѣмецкому королю необходимо было сосредоточить всѣ силы для того, чтобы соединенными усиліями разбить и низложить Наполеона, а для этого нужно было вызвать проявленіе стойкаго національнаго чувства у нѣмцевъ и хотя на время замирить внутреннюю борьбу общественныхъ силъ.

И скрѣпя сердце, король уже въ 1810 г. обѣщалъ возмущавшемуся нѣмецкому обществу „дать представительство"*). А въ манифестѣ 28-го мая 1815 г., вышедшемъ какъ разъ передъ рѣшительной битвой съ Наполеономъ, король торжественно и опредѣленно обѣщалъ „дать прусской націи конституцію въ видѣ писаннаго акта". Въ первоначальной редакціи манифеста было даже объявлено, что конституція будетъ опубликована черезъ годъ, но затѣмъ слова „черезъ годъ" были вычеркнуты, и было оставлено лишь общее обѣщаніе даровать конституцію.

Но Наполеонъ былъ разбитъ и низложенъ. Страшный призракъ, заставлявшій дрожать всѣ многочисленные нѣмецкіе троны, исчезъ, и нѣмецкій король позабылъ о своемъ торжественномъ обѣщаніи. Тщетно нѣмецкое общество осторожно и почтительно напоминало о „святости" королевскаго слова и выражало смиренныя надежды, что конституція будетъ объявлена. Годы шли за годами, а король не только не обнаруживалъ никакого желанія дать народу конституцію, но и явно подчинился вліянію этого генія международной реакціи—Меттерниха. Вмѣсто торжественно обѣщанной конституціонной эры начала сгущаться мрачная реакція. Нѣмецкое общество притихло, но студенческая молодежь продолжала нервно волноваться. Она попрежнему увлекалась націоналистическими, тевтофильскими идеями, но эти націоналистическія идеи все болѣе стали принимать—хотя въ этомъ отношеніи онѣ особенно далеко не пошли — политически членораздѣльную форму, а параллельно съ этимъ онѣ все рѣзче сталкивались съ правительственнымъ „курсомъ".

Нѣмецкое общество, во имя оскорбленнаго патріотизма, вынесшее на своихъ плечахъ борьбу съ Наполеономъ и болѣзненно культивировавшее свирѣпый націонализмъ и ненависть ко всему французскому, послѣ того, какъ прошелъ націоналистическій угаръ, начало соображать, что если Германія такъ легко и постыдно была разбита французами, то только вслѣдствіе отсталости своего общественнаго и политическаго строя жизни.

Въ своей юношеской статьѣ „Чего мы хотимъ?“, напечатанной въ 1814 г., т. е. въ самый разгаръ націоналистическихъ увлеченій и ненависти къ Франціи, Людвигъ Берне уже отмѣчалъ, что въ разгромѣ Германіи виновата страшная разобщенность „между трономъ и народомъ“, но онъ еще не дѣлалъ отсюда тѣхъ политическихъ выводовъ, которые уже черезъ нѣсколько лѣтъ были сдѣланы передовою частью нѣмецкаго общества, которое, во имя націонализма, объявило войну уже не французамъ, а нѣмецкому правительству.

Берне писалъ въ упомянутой статьѣ:

„Безумные люди разломали ступени, ведущія отъ мирной мастерской къ трону, и вотъ, когда зданіе загорѣлось—негдѣ было взять помощи, и все, какъ вверху, такъ и внизу, сгорѣло. Они сорвали всѣ плотины — и вотъ, когда наводненіе ринулось чудовищнымъ потокомъ, негдѣ было спастись. Оттого то молніи, ударившія въ наши дворцы, сожгли и самыя убогія хижины“. Но тутъ же Берне спѣшилъ прибавить, что „намъ не слѣдуетъ дерзко врываться въ совѣтъ государей; они лучше насъ“, „мы хотимъ, чтобъ всѣ у насъ были сильны: повелитель въ своей власти, граждане—въ своемъ повиновеніи“.

Эта юношеская статья Берне служитъ обычнымъ образцомъ той смуты, которая царила тогда въ умахъ передового слоя общества. Съ одной стороны наглядные уроки текущей исторіи съ незамутимою ясностью показали, что глубокая разобщенность между народомъ и правительствомъ представляетъ, помимо всего прочаго, элементарную національную опасность, съ другой же стороны націоналистическій угаръ застилалъ передъ глазами истину, мѣшалъ сдѣлать правильные такъ сказать логически закономожденные политическіе выводы.

Но уже очень скоро эти выводы были сдѣланы. Черезъ четыре года послѣ того, какъ Берне увѣренно говорилъ, что „намъ не слѣдуетъ дерзко врываться“ въ государственныя дѣла, что сила государства въ томъ, чтобы граждане повиновались, а правительство приказывало, всего черезъ четыре года, въ 1819 г. въ скорбномъ заявленіи по поводу прекращенія редактированной имъ газеты „Полетъ Времени“, Берне уже писалъ совсѣмъ въ иномъ духѣ. „Больщіе господа, писалъ онъ тамъ, любятъ, чтобы мы взлетали за облака и тамъ наблюдали теченіе планетъ, а о движеніи земныхъ вещей оставили всякое попеченіе, чтобы мы разрѣшали

x) Russland und Ausland

алгебраическія задачи въ то время, когда они будутъ подводить итоги своимъ барышамъ, полученнымъ чистою, наличною монетою. Результатъ изъ всего этого выходитъ плохой". И Берне зло и остроумно сравниваетъ нѣмецкаго обывателя, сторонившагося отъ участія въ общественной и политической жизни страны и утверждавшаго, что это „дѣло начальства",—онъ сравниваетъ этого обывателя съ ученымъ, который въ отвѣтъ на извѣщеніе слуги, прибѣжавшаго сказать ему, что его домъ горитъ и потолокъ скоро долженъ обрушиться надъ его головою, равнодушно и разсѣянно отвѣтилъ: „скажи объ этомъ женѣ; я не занимаюсь хозяйствомъ"*). Такимъ образомъ націоналистическій угаръ постепенно разсѣивался и успѣшнѣе всего онъ разгонялся крѣпнувшей реакціей. Общественное броженіе, направившееся сначала противъ французовъ, очень скоро обратилось противъ нѣмецкаго правительства.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Берне явился уже яркимъ и страстнымъ представителемъ борьбы съ націонализмомъ, мѣшавшимъ нѣмцамъ узнать своего врага.

„Какъ! писалъ онъ въ статьѣ „Менцель-французоѣдъ", вы—народъ, состоящій изъ тридцати трехъ милліоновъ человѣкъ—и вы негодуете на то, что Наполеонъ унижалъ и презиралъ васъ? Да, развѣ, Наполеонъ презиралъ англичанъ и испанцевъ, которые были его врагами? Успокойтесь, несчастные евнухи національной чести, которая принадлежитъ не вамъ и которую вы бережете только для чужого употребленія; не васъ, нѣмецкій народъ, а ваши правительства презиралъ Наполеонъ — эти правительства рейнскаго союза, которыя ползали передъ нимъ, которыя, какъ лакеи, торчали въ его передней, которыя, только изъ-за титула королевства, великаго герцогства, изъ-за позволенія завладѣть жалкими лохмотьями свободы, оставшимися еще у ихъ подданныхъ отъ всего ихъ наслѣдственнаго достоянія, изъ-за полученія права розыгрывать роль деспотовъ въ своихъ префектурахъ—продавали ему свои народы и помогали ему угнетать ихъ собственныхъ соотечественниковъ и уничтожать Пруссію".

„Впередъ же, ярые поклонники національной чести! Быть покореннымъ чужеземнымъ народомъ—несчастіе, но отнюдь не позоръ; это случалось со всѣми народами, даже самыми храбрыми, но быть рабомъ отечества—позорно. Чужеземный побѣдитель по крайней мѣрѣ не отнимаетъ у насъ право ненавидѣть его и мстить ему; порабощая и угнетая насъ, въ то-же время не требуетъ отъ насъ любви и уваженія; но если въ собственномъ отечествѣ заводятся тираны, то они заставляютъ насъ цѣловать руку, карающую насъ. Честь народа состоитъ въ томъ, чтобы

*) Ср. Людвигъ Берне. Сочиненія въ переводѣ П. Вейнберга. Спб. 1896, XXII—XXIII стр.

онъ сознавалъ себя свободнымъ, народъ-лакей не имѣетъ никакого права требовать уваженія къ себѣ. Для чего вамъ возвращаться за два столѣтія назадъ, чтобы искать въ Эльзасѣ вашего національнаго посрамленія? Оно у васъ подъ руками, оно родилось только вчера. Въ Испаніи, отечествѣ инквизиціи, существуетъ свобода печати, а въ Германіи, въ отечествѣ Лютера, господствуетъ цензура! Васъ томитъ голодъ по національной чести, вы кормитесь побѣдою, которую тысяча восемьсотъ лѣтъ тому назадъ Арминій одержалъ надъ римлянами, вы жалко питаетесь пепломъ вашей славы—а Вары города Франкфурта ругаются надъ вами и угрожаютъ вамъ каждый день! Знайте, что тамъ—позоръ и что тоже тамъ *могла* быть честь!" *)

Между тѣмъ какъ росло и ширилось оппозиціонное движеніе въ нѣмецкомъ обществѣ, нѣмецкое правительство впадало во все болѣе мрачную и гнетущую реакцію. Въ 1819 г. мистически настроенный студентъ Карлъ Зандъ убилъ подозрѣваемаго въ шпіонствѣ Коцебу. Въ томъ же 1819 г. состоялся реакціонный съѣздъ всенѣмецкой реакціи, подъ дирижерствомъ первосвященника реакціи—Меттерниха. Были выработаны знаменитые „карлсбадскія постановленія", объявившія драконовскія мѣры подавленія общественнаго недовольства. Вся страна была отдана подъ надзоръ полиціи. Въ университеты были оффиціально назначены шпіоны, строго слѣдившіе за каждымъ словомъ профессора, за каждымъ шагомъ студента. Популярные профессора были лишены каѳедры. Съ особенною же свирѣпостію реакція обрушилась на студенческую молодежь. Ярый и свирѣпый націоналистъ Янъ, организовавшій студенческія гимнастическія общества для того, чтобы крѣпкіе и физически сильные нѣмецкіе граждане сумѣли дать отпоръ мерещившемуся ему нашествію французовъ, былъ арестованъ и засаженъ въ крѣпость, а студенческія гимнастическія общества, насквозь проникнутые наступательнымъ націонализмомъ, были строго запрещены, такъ какъ правительство убѣдилось, что броженіе умовъ, вызванное націоналистическими стремленіями, кончало тѣмъ, что обращалось противъ правительства.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ борьбы реакціи съ обществомъ и общества съ реакціей въ періодъ 1815—1830 г.; въ этомъ очеркѣ насъ интересуютъ лишь тридцатые и сороковые годы, и на предшествовавшей имъ эпохѣ мы можемъ остановиться лишь очень бѣгло, только постольку, поскольку это необходимо для пониманія событій и идей, развернувшихся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ реакціи, убѣдившись, что суровыя репрессіи дезорганизуютъ правительство и организуютъ оппози-

*) Ср. Берне l. c. стр. 38.

цію, правительство Фридриха-Вильгельма III рѣшило ввести реформы. Въ 1823 году король учредилъ земское представительство „сообразно съ особенностями государства и истинными потребностями времени". „Чтобы дать своимъ вѣрноподданнымъ, гласилъ королевскій указъ, вѣрный залогъ своей милости и довѣрія, король рѣшилъ положить начало представительству земскихъ чиновъ" („Provinzialstände").

Представительство это было основано на узко-сословной организаціи. Избирательнымъ правомъ пользовались только прусскіе подданные, владѣющіе не менѣе десяти лѣтъ землею. Благодаря высокому избирательному цензу помѣстное дворянство располагало непропорціонально большимъ количествомъ голосовъ во всѣхъ земскихъ собраніяхъ. Для того, чтобы тѣ или иныя рѣшенія принимались на земскихъ собраніяхъ, необходимо было, чтобы за нихъ были поданы двѣ трети всѣхъ голосовъ, а между тѣмъ ни въ одномъ земскомъ собраніи всѣ сословія, вмѣстѣ взятыя, безъ крупнаго дворянства, не располагали $^2/_3$ голосовъ. Въ Бранденбургскомъ округѣ, напр., было 34 представителя князей и крупнаго родового дворянства, а всѣ остальныя сословія, вмѣстѣ взятыя, располагали все тѣми же 34 голосами, то же самое было и въ другихъ провинціяхъ. Въ общемъ, на всѣхъ земскихъ собраніяхъ изъ 584 депутатовъ было 278 дворянъ, 182 горожанина и 124 представителя деревенскаго населенія. Фактически все было сосредоточено въ рукахъ крупнаго дворянства. Если мы еще вспомнимъ, что въ кругъ вѣдѣнія провинціальныхъ собраній входили лишь „мѣстныя дѣла", что эти собранія имѣли лишь совѣщательный голосъ, что засѣданія ихъ происходили закрыто, и никакіе отчеты не могли проникать въ печать, то намъ станетъ яснымъ, что такая реформа не могла успокоить общество и повела къ усиленію броженія *).

Тогда правительство вновь остро отточило притупившіяся было мѣры репрессій. Въ томъ же 1823 г. 123 студента было засажено въ крѣпость, гдѣ въ предварительномъ заключеніи они пробыли три года. Либеральное общество робко и почтительно просило короля о дарованіи конституціи и еще робче и почтительнѣе напоминало о торжественномъ обѣщаніи королевскаго манифеста 1815 г. дать странѣ конституцію. Правительство устами министра внутреннихъ дѣлъ надменно отвѣтило на эти петиціи, что правительство лучше знаетъ что дѣлать, чѣмъ „ограниченный умъ подданныхъ".

Въ верхнихъ слояхъ нѣмецкаго общества продолжалось броженіе, загнанное лишь репрессіями внутрь общественнаго орга-

*) Здѣсь и ниже, чтобы не уклоняться въ сторону, мы говоримъ лишь о Пруссіи, оставляя южно-нѣмецкія государства, гдѣ представительныя формы правленія развились раньше и шире.

низма. Но не поддержанные никакимъ движеніемъ народа, который продолжалъ играть роль такъ сказать страдательнаго залога прочности реакціи, общественное броженіе не могло добиться политически-осязательныхъ результатовъ, и оно понемногу стало спадать. Такъ тянулось до тридцатыхъ годовъ. Въ 1830 г. произошла, какъ извѣстно, въ Парижѣ іюльская революція, оказавшая, какъ мы увидимъ ниже, глубокое потрясающее вліяніе на развитіе общественной жизни и соціальныхъ теорій. Общественное мнѣніе Германіи всегда находилось подъ сильнымъ вліяніемъ далеко ушедшей впередъ Франціи, но ни одно событіе французской исторіи не оказало на Германію такого вліянія, какъ іюльская революція, это „политическое землетрясеніе", какъ называлъ ее Гейне.

Карлъ Гуцковъ, одинъ изъ крупныхъ дѣятелей нѣмецкой литературы, тогда еще юноша, едва сошедшій съ университетской скамьи, сообщаетъ, что іюльская революція впервые пробудила въ немъ интересъ къ политической жизни. Онъ забросилъ всѣ свои студенческія и научныя дѣла и въ нервной лихорадкѣ ждалъ вѣстей изъ Франціи. Вопросы политической жизни заслонили всѣ другіе интересы. „Наука осталась позади меня, а исторія звала впередъ", разсказываетъ К. Гуцковъ въ своихъ воспоминаніяхъ *).

Другой вліятельный нѣмецкій писатель той эпохи Лаубе тоже отмѣчаетъ глубокое вліяніе іюльской революціи. Въ своемъ романѣ „Die Poeten", носящемъ въ значительной степени автобіографическій характеръ, Лаубе вкладываетъ въ уста нѣмецкаго современника іюльской революціи во Франціи слѣдующія слова:

„Съ моей души точно гора свалилась. О, голубое небо, останови солнце: на землѣ воцарилась свобода. О, Боже, неужели этотъ розовый міръ есть тотъ же самый грязно-сѣрый міръ, который я еще вчера видѣлъ... Я хотѣлъ бы броситься въ рѣку, чтобы остудить свой жаръ, бороться съ волнами. Весь мой организмъ жаждетъ дѣятельности"... и т. д.

Эти напыщенныя—въ духѣ тогдашней литературы—слова одного изъ героевъ романа Лаубе показываютъ, съ какимъ энтузіазмомъ передовое нѣмецкое общество встрѣтило іюльскую революцію.

Очень картинно описываетъ потрясающее впечатлѣніе іюльской революціи на нѣмцевъ Гейне: „Неужели тихая страна грезъ,

*) Ср. Gutzkow. Das Kastanienwäldchen in Berlin. Ruckblicke auf mein Leben, стр. 9. Въ этомъ очеркѣ мы говоримъ объ польской революціи лишь постольку, поскольку она вызвала усиленіе общественнаго и политическаго броженія въ Германіи. Вліяніе польской революціи и ліонскаго восстанія на теоріи классовой борьбы и историческаго матеріализма мы разсмотримъ въ слѣдующихъ очеркахъ.

пишетъ онъ, ожила, пришла въ движеніе? Кто могъ бы это подумать до іюля 1830 г.! Гете своимъ баюшки баю, піетисты своимъ скучнымъ назидательнымъ тономъ, мистики своимъ магнетизмомъ совсѣмъ усыпили Германію, и на далекое пространство все кругомъ лежало недвижно и спало. Но сномъ были объяты только тѣла; заключенныя въ нихъ души сохранили удивительное самосознаніе... Съ тѣхъ поръ Германія, разбуженная громомъ пушекъ великой недѣли, проснулась и, всякій молчавшій до сихъ поръ, хочетъ теперь поскорѣе наверстать потерянное. Это точно взволновавшееся море, и на выдающихся изъ него утесахъ стоятъ вожаки ораторы; одни, оттопыривъ щеки, изъ всей силы дуютъ на волны и воображаютъ, что это они подняли бурю и что чѣмъ сильнѣе они дуютъ, тѣмъ яростнѣе реветъ ураганъ; другіе робѣютъ, они слышатъ, какъ трещатъ государственные корабли, они съ ужасомъ смотрятъ на дикія волны и такъ какъ имъ извѣстно изъ учебниковъ, что деревяннымъ масломъ можно усмирить море, то они и выливаютъ свои кабинетныя лампочки въ бушующее море людей, или, говоря прозаически, пишутъ брошюрочки въ примирительномъ духѣ, и удивляются, что средство это не помогаетъ, и вздыхаютъ: „Oleum perdidi".

Первыя вѣсти объ іюльской революціи дошли до Гейне, когда онъ жилъ на островѣ Гельголандѣ въ тяжеломъ настроеніи полнаго разочарованія въ возможности правды на землѣ. Онъ рѣшился разъ навсегда отказаться отъ всякой политической дѣятельности, которая представлялась ему безтолковымъ толченіемъ воды въ ступѣ. 6-го августа дошли до него вѣсти объ іюльскихъ дняхъ. „Я сидѣлъ, разсказываетъ онъ, и читалъ „Исторію Лангобардовъ" Поля Варнефрида, когда толстый пакетъ газетъ съ яркими, пламенными, огненными новостями полученъ былъ мною съ материка. Это были солнечные лучи, завернутые въ печатную бумагу, и они зажгли въ моей душѣ грандіозный пожаръ. Мнѣ казалось, будто я могу воспламенить весь океанъ вплоть до сѣвернаго полюса пламенемъ энтузіазма и бурной радости, вспыхнувшимъ во мнѣ". „Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, марсельеза... Я точно опьянѣлъ... Смѣлыя надежды со страстью охватываютъ меня, подымаясь вверхъ, точно деревья съ золотистыми плодами и развѣсистыми вѣтвями, простирающими свой зеленый уборъ до самыхъ облаковъ... Исчезла моя жажда покоя. Я знаю опять, чего хочу, чѣмъ я долженъ быть, что я долженъ дѣлать. Цвѣтовъ! Цвѣтовъ! Я хочу увѣнчать свою голову для борьбы на жизнь и на смерть. Но также лиру, дайте мнѣ лиру, чтобы я могъ запѣть боевую пѣснь!.. Слова, точно огненныя звѣзды, которыя должны спуститься внизъ и зажечь дворцы и освѣтить хижины... Слова, подобныя блестящимъ стальнымъ копьямъ, которыя могутъ взвиться до седьмого неба и поразить на немъ набожныхъ лицемѣровъ, проникшихъ туда, въ святую святыхъ...

Я весь радость и пѣснопѣніе, весь мечъ и пламя.., а, быть можетъ, и настоящій сумасшедшій".

И Берне іюльская революція застала больнымъ и раздраженнымъ, пессимистически глядѣвшимъ на всю жизнь и сторонившимся отъ нея, а вѣсти объ іюльской революціи сразу его излѣчили и отъ душевнаго, и физическаго недомоганія. Сила и вѣра сразу влились въ него, онъ заражалъ всѣхъ окружающихъ своимъ веселіемъ, жизнерадостностью.

Теперешнему читателю нѣтъ надобности доказывать, сколько наивнаго преувеличенія было во всѣхъ этихъ восторгахъ нѣмецкихъ писателей по адресу іюльской революціи, но если перенестись въ обстановку и атмосферу тогдашней политической и общественной жизни Германіи, если вспомнить, что тяжелая реакція была тогда подъ управленіемъ Меттерниха организована на интернаціональныхъ началахъ, и что она сурово и торжественно обѣщала надъ всей Европой водворить тысячелѣтнее царство гнетущей реакціи, то понятнымъ станетъ энтузіазмъ нѣмецкихъ писателей, когда уже черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ заключенія священнаго союза международной реакціи Францiя возстала и сбросила съ себя могучимъ народнымъ движеніемъ черную тяжелую руку реакціи.

Многіе крупные дѣятели жизни и мысли Германіи первой половины девятнадцатаго вѣка, видя передъ собою все усиливающуюся и сгущающуюся реакцію и не чувствуя за собою никакого широкаго народнаго движенія, усталые и разочарованные готовы были сложить свое оружіе и признать движеніе къ свободѣ навсегда задушеннымъ объединенными силами международной реакціи. Но іюльская революція показала, что такимъ накожнымъ средствомъ, какимъ всегда въ концѣ концовъ является реакція, какъ бы страшны не были ея дѣйствія, нельзя убить освободительнаго движенія, его можно только вогнуть во внутрь общественнаго организма. И многіе подавленные и разочарованные люди снова расцвѣли душой и почувствовали могучій приливъ вѣры, надежды и боевой готовности. Но, что пожалуй еще важнѣе, громъ іюльской революціи пробудилъ политическое сознаніе у тѣхъ слоевъ нѣмецкаго населенія, которые до сихъ поръ представляли собою такъ сказать политически невмѣняемые элементы населенія, являвшіеся прочной опорой реакціи.

Іюльская революція уничтожила послѣдніе остатки національной ненависти къ Франціи, конечно, если имѣть при этомъ въ виду не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыя общественныя настроенія. „Послѣ іюльской революціи, говоритъ К. Гуцковъ, у насъ совершенно измѣнилось отношеніе къ Франціи. Мы были не только за Францію, но и вмѣстѣ съ нею. Тотъ строй, который она опрокинула у себя, продолжаетъ существовать у большинства европейскихъ народовъ. Въ виду этого Германія должна была

радостно привѣтствовать побѣду конституціонализма... Увлеченіе Франціей предполагало сознаніе собственнаго позорнаго положенія. Франція сдѣлалась центромъ и руководящей нитью нашихъ реформъ *).

Если въ началѣ девятнадцатаго вѣка среди нѣмецкаго общества замѣчалась глубокая ненависть къ Франціи и всему французскому во имя оскорбленнаго національнаго чувства, если тогда нѣмецкое студенчество яростно преслѣдовало французскій языкъ, французскій покрой одежды, и одинъ изъ вождей студентовъ, знаменитый Янъ училъ, что „свободному нѣмцу не подобаетъ носить галстухъ", выдуманный французами, если онъ мечталъ отдѣлить Германію отъ Франціи густыми непроходимыми лѣсами, то къ тридцатымъ годамъ ненависть къ Франціи и всему французскому смѣнилось восторженнымъ увлеченіемъ, и умѣреннѣйшій либеральный писатель той эпохи, Раттенъ въ тридцатыхъ годахъ уже открыто заявлялъ, что въ случаѣ столкновенія конституціонной Франціи съ абсолютической Германіей либеральные нѣмцы станутъ на сторону первой.

Громъ іюльской революціи взволновалъ всю Германію, начиная съ ея Олимпа и кончая народными массами. Нѣмецкій народъ, который въ началѣ девятнадцатаго вѣка, по словамъ Гейне, покорно пѣлъ патріотическія пѣсни, „вооружался, съ одушевленіемъ выстраивался въ шеренги, составилъ ополченіе, сражался и побѣдилъ Наполеона, ибо противъ глупости даже боги борятся напрасно", этому самому народу іюльская революція принесла „совсѣмъ другіе звуки, высокія чудныя пѣсни о гражданскомъ равенствѣ, о человѣческихъ правахъ, неотъемлемыхъ человѣческихъ правахъ, и онъ смотритъ съ улыбкой сожалѣнія, если не презрѣнія на знакомыхъ шавокъ, средневѣковыхъ псовъ, вѣрныхъ пуделей и благочестивыхъ мопсовъ 1814 года.

Вскорѣ послѣ іюльской революціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи произошли народныя волненія, правда не принявшія особенно широкихъ и грозныхъ размѣровъ, но ознаменовавшія собою выступленіе на историческую сцену новаго дѣйствующаго лица.

Нѣмецкое правительство сначала растерялось и ослабило возжи, и даже такой опытный испытанный реакціонныхъ дѣлъ мастеръ, какъ Меттернихъ и его правая рука Гентцъ на минуту отчаялись. Нѣмецкое правительство прежде всего попыталось цѣломудренно скрыть отъ нѣмецкаго общества революціонныя событія во Франціи.

Цензура свирѣпствовала, вытравляя изъ газетъ всякіе, хотя бы самые робкіе и чисто репортерскіе отзвуки происходившей

*) Ср. Gutzkow, Briefe aus Paris, стр. 77.

во Франціи революціонной борьбы. Читая тогдашнія нѣмецкія газеты, нѣмецкій бюргеръ, благодаря энергичному сотрудничеству въ газетахъ цензуры, не имѣлъ никакого понятія о томъ, что творилось во Франціи. Но это ни мало не помѣшало тому, что въ нѣмецкое общество проникали самыя подробныя, обильныя и свѣжія вѣсти объ іюльскихъ дняхъ.

Какъ мы уже видѣли, эти вѣсти взволновали всю Германію. Нѣмецкое правительство сильнѣе всего было напугано массовыми волненіями. Голодные и оборванные крестьяне мѣстами начали глухо и угрожающе волноваться, и осенью 1830 г. верхне-гессенскіе крестьяне возстали, сожгли и разграбили помѣстья и амбары и были усмирены лишь саблями драгуновъ. Произошли небольшія возстанія и демонстраціи и въ другихъ мѣстахъ; въ Брауншвейгѣ былъ изгнанъ герцогъ.

Репрессіи вступили въ отправленіе своихъ обязанностей, и началось жестокое преслѣдованіе малѣйшихъ проявленій политическаго недовольства.

Аресты, заключенія въ тюрьмы, запрещеніе газетъ, журналовъ и цѣлыхъ издательскихъ фирмъ сыпались на Германію, какъ изъ рога изобилія. И нѣмецкому правительству повидимому очень скоро удалось раздавить оппозицію и водворить въ странѣ жуткое кладбищенское молчаніе. По крайней мѣрѣ такъ думали главнѣйшіе заправилы международной реакціи. Правая рука Меттерниха Гентцъ, впавшій въ мрачное настроеніе по поводу іюльской революціи, очень скоро воспрянулъ духомъ и радостно писалъ:

„Долой всѣ мрачныя мысли! Мы не умираемъ, Европа не умираетъ! И то, что мы любимъ, также не умираетъ. Я горжусь тѣмъ, что никогда не приходилъ въ отчаяніе".

Большинство оппозиціонныхъ дѣятелей не рѣшалось итти ни на какія рѣзкія и крайнія мѣры и пребывало въ томительномъ бездѣйствіи, не зная за какую форму борьбы взяться и нельзя ли ему установить съ правительствомъ какой-либо modus vivendi и добиться хотя бы смягченія свирѣпой реакціи. Въ эту эпоху начинала опредѣляться степень боевой готовности различныхъ общественныхъ группъ, начали складываться основные элементы партій, о чемъ намъ прійдется говорить въ дальнѣйшихъ очеркахъ.

Радикальная же молодая Германія, въ лицѣ ея виднѣйшихъ вождей—Берне и Гейне—кипѣла отъ негодованія и еще острѣе оттачивала свои перья.

Гейне писалъ:

„Знатные нѣмецкіе милостивцы принимаютъ всякую сдержанность силы за трусость или даже за подготовительный переходъ къ рабству, и для нихъ наше лучшее качество—вѣра въ добросовѣстность противника, есть ни что иное, какъ наслѣд-

ственная плебейская глупость. Я никогда не буду стыдиться того, что былъ обманутъ тѣми, которые вливали въ наше сердце такія прекрасныя надежды. Все-де обойдется самымъ мирнымъ образомъ, только бы мы оставались умѣренны, чтобы уступки не были вынуждены и черезъ это безуспѣшны, вѣдь они-де сами видятъ, что не безопасно лишать насъ далѣе свободы.... Да, мы опять остались въ дуракахъ и мы должны сознаться, что ложь вновь одержала большую побѣду, пожала новые лавры. Въ самомъ дѣлѣ, мы—побѣжденные, и съ тѣхъ поръ какъ героическое перехитреніе было засвидѣтельственно оффиціально, со времени обнародованія злополучныхъ постановленій, наше сердце хвораетъ въ груди отъ скорби и гнѣва. Бѣдная, несчастная родина! Какой позоръ предстоитъ тебѣ впереди, если ты перенесешь это поруганіе! Какія страданія, если ты не перенесешь его!"

У оппозиціонныхъ общественныхъ группъ Германіи не оказалось достаточно силъ или достаточно мужества для того, чтобы вести открытую и рѣзкую борьбу съ правительственной реакціей, и эта борьба приняла почтительныя и сдержанныя формы петицій и просьбъ. Почти во всѣхъ этихъ петиціяхъ и резолюціяхъ на разные лады повторялось укоризненно почтительное напоминаніе, что королевское слово свято, а король въ 1815 г. оффиціально далъ слово объявить конституцію. Благодаря этому торжественному обѣщанію ввести конституцію, извѣстная часть нѣмецкаго общества такъ сказать авансомъ выдала правительству общественное довѣріе и теперь оно то настойчиво и раздраженно, то почтительно и терпѣливо предъявляло къ взысканію.

Постоянныя напоминанія о „королевскомъ словѣ" не сходили со страницъ печати и устъ публичныхъ ораторовъ. Въ формѣ напоминанія о святости королевскаго обѣщанія нѣмецкое общество какъ бы нашло наконецъ форму, которая одновременно почтительно и больно, но вмѣстѣ съ тѣмъ открыто и ясно выражала требованіе кореннаго государственнаго переустройства.

„Я желалъ бы, писалъ Гейне по адресу короля, чтобы онъ, при своихъ добрыхъ свойствахъ, вспоминалъ иногда о Юпитерѣ, отцѣ боговъ, мстящемъ за клятвонарушеніе и даровалъ бы намъ, наконецъ, обѣщанную конституцію.

Развѣ слово короля не такъ же свято какъ клятва?"

Въ различныхъ варіаціяхъ эти слова Гейне повторялись и поэтами, и публицистами, и общественными дѣятелями Германіи тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ.

Въ сборникѣ „Mehr als zwanzig Bogen", изданномъ извѣстнымъ тогдашнимъ радикальнымъ публицистомъ Карломъ Гейнценомъ помѣщена, подъ видомъ „сказки" исторія о томъ, какъ въ нѣкія времена жилъ нѣкій князь, правившій обширнымъ государствомъ и путемъ страха державшій въ подчиненіи обширное населеніе. Очутился этотъ князь въ очень затруднительномъ

положеніи, и для выхода изъ него ему нуженъ былъ патріотизмъ и гражданское мужество его подданныхъ. И обратился тогда къ нимъ князь, и сказалъ имъ: Помогите мнѣ отстоять наше славное государство, и я торжественно клянусь вамъ, что я дамъ вамъ за это гражданскую свободу. И воодушевились граждане, отстояли грудью государство, а князь забылъ о своемъ обѣщаніи. Но нарушенная королемъ клятва отравляла всю жизнь государства и точно мрачная неуспокоенная тѣнь тоскливо бродила передъ глазами самого князя и всего народа, сѣя раздоры, озлобленіе, смуту.

Окружилъ тогда князь свой народъ музыкой и веселіями. Повсюду щедро предлагались питія, и яства, и веселья. И народъ пилъ, ѣлъ и веселился, но, когда онъ насытился, онъ очнулся отъ веселаго угара и сказалъ: „А нарушенная клятва?“

Содрогнулся князь и окружилъ онъ свой народъ церквами и попами, назначилъ долгіе и тяжкіе посты, повсюду молились и дымили ладаномъ. И пошелъ народъ въ храмы и началъ молиться, но въ молитвахъ своихъ вспомнилъ, что на душѣ короля лежитъ страшный тяжкій грѣхъ—нарушенная клятва. И въ ужасѣ потребовалъ онъ, чтобы князь покрылъ свой грѣхъ...

Что не перепробовалъ князь, что не придумали его мудрые совѣтники, ничего не помогало, и въ страшномъ гнѣвѣ велѣлъ тогда князь отрубливать головы всѣмъ, которые осмѣлятся напоминать о нарушенной клятвѣ. И отрубали головы, а тѣла дерзкихъ хоронили на отдѣльныхъ кладбищахъ. Но съ этихъ мрачныхъ и тихихъ кладбищъ взлетали совы и иныя птицы и зловѣще, тоскливо кричали „Нарушенная клятва“ *).

Въ этой сказкѣ, или „баснѣ“, какъ назвала ее редакція, хорошо изображено постоянное неумолчное преслѣдованіе короля просьбами и требованіями объ исполненіи данной клятвы.

А между тѣмъ король не только не былъ склоненъ исполнить свое обѣщаніе, но съ каждымъ годомъ его настроеніе становилось все болѣе мистически-реакціоннымъ. Съ нескрываемою ненавистью онъ относился ко всѣмъ проявленіямъ освободительнаго движенія и, по мѣрѣ того, какъ оно росло, онъ прибѣгалъ ко все больше суровымъ репрессіямъ, а неумолочныя напоминанія ему о „клятвѣ 1815 г.“ доводили его до бѣлаго террора и до готовности засадить въ тюрьмы и разстрѣлять всю мыслящую Германію.

И дѣятелямъ реакціи въ началѣ тридцатыхъ годовъ казалось, что оппозиціонное движеніе наконецъ подавлено, послѣ того какъ его провели сквозь строй жестокихъ репрессій.

Только печать продолжала вести открытую героическую

*) Ср. „Das Geheimniss“ „Eine Fabel“ въ „Mehr als zwanzig Bogen“ von Karl Heintzen, Darmstadt, 1845 г. 187—197 стр.

борьбу со свирѣпѣющей реакціей, но поддерживаемая лишь молчаливымъ сочувствіемъ, но не активнымъ содѣйствіемъ общества, она порою сама впадала въ отчаяніе и готова была считать безплодной свою борьбу, и даже такая ея огромная боевая сила, какъ Гейне, порою казалась сломленной и готовой смириться.

Но подъ корою оффиціальной покорности и безропотности крѣпли и зрѣли силы общественнаго сознанія, и въ тотъ самый 1832 г., когда реакція особенно свирѣпствовала и когда правая рука Меттерниха, Генцтъ съ радостнымъ самоудовлетвореніемъ писалъ, что оппозиціонное движеніе задушено, въ этотъ самый 1832 г. нѣмецкое оппозиціонное движеніе, воспользовавшись годовщиной объявленія конституціи въ Баваріи устроило торжественный смотръ своимъ силамъ.

Въ апрѣлѣ 1832 г. Зибенпфейферъ, одинъ изъ вождей либеральной оппозиціи, обратился съ воззваніемъ къ нѣмецкому народу, предлагая отпраздновать въ замкѣ Гамбахѣ день изданія баварской конституціи (27 мая). Это предложеніе было встрѣчено съ энтузіазмомъ, и тотчасъ же начались оживленныя приготовленія къ посылкѣ депутацій и представителей. Встревоженное правительство взялось было за обычныя мѣры пресѣченія, но неожиданно наткнулось на столь стойкій и дружный отпоръ и на такую твердую рѣшимость, во что бы то ни стало устроить національное празднество, что правительство, несмотря на свое первоначальное запрещеніе Гамбаховскаго праздника, въ концѣ концовъ не приняло никакихъ мѣръ, чтобы фактически его не допустить.

Празднество носило очень оживленный характеръ. Съѣхалось нѣсколько тысячъ человѣкъ, изъ Парижа пріѣхалъ Берне, встрѣченный съ энтузіазмомъ. Произносились горячія, зажигательныя рѣчи, яркими красками описывалось положеніе Германіи и неустранимая необходимость конституціоннаго режима. Виртъ произнесъ горячую рѣчь (за которую поплатился долгимъ тюремнымъ заключеніемъ), поднявъ свой бокалъ за „свободныя государства“, за „объединенную республиканскую Европу“ и воскликнулъ, потрясая мечомъ: „Прокляты, трижды прокляты правители Германіи“. И возбужденное собраніе отвѣчало ему криками: „Къ оружію! Къ оружію!“

Для характеристики рѣзкой перемѣны общественнаго настроенія, любопытно сравнить національный праздникъ въ Вартбургѣ въ 1817 г., по случаю юбилея реформаціи, съ національнымъ праздникомъ въ Гамбахѣ въ 1832 г. по случаю юбилея баварской конституціи.

На праздникѣ въ Вартбургѣ, по словамъ Циглера, „все еще звучало такъ трогательно, идеально; люди предавались романтическимъ мечтамъ о голубомъ цвѣткѣ единенія и свободы, посѣщали церковь и принимали св. причастіе, златыя кудри развѣва-

лись у всѣхъ, какъ у юношей, и огромные бѣлоснѣжные воротники дѣвственно и цѣломудренно лежали на черномъ бархатѣ стариннаго германскаго одѣянія. Тамъ тонъ задавалъ христіанско-германскій романтизмъ". Господами этого національнаго праздника были студенты-націоналисты, съ ихъ свирѣпою ненавистью къ Франціи и яростнымъ воспѣваніемъ крайняго „тевтонскаго" національизма или даже точнѣе, расизма, такъ какъ они считали себя носителями, идеаловъ не столько нѣмецкой націи, сколько тевтонской расы".

И вотъ какими словами описываетъ тотъ же Циглеръ національное празднество въ Гамбахѣ:

„На празднествѣ въ Гамбахѣ вѣяло демократическимъ либерализмомъ, желчнымъ радикализмомъ и—хотя глазъ окидывалъ съ высотъ Гардта долину Рейна съ романтическими развалинами древняго гейдельбергскаго замка—вполнѣ реалистическимъ міросозерцаніемъ. Снова мысль о возрожденіи отечества, освобожденіи и объединеніи Германіи преисполняла сердца участниковъ торжества. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, дико звучали рѣчи Зибенпфейффера о германскомъ народѣ, который страстно потрясаетъ своими кудрями и грозитъ своимъ вѣроломнымъ правителямъ; гнѣвно звучалъ его призывъ къ народу не допускать удушенія свободы и окончить святое дѣло помимо правителей, приведшихъ его къ краю гибели; въ достаточной степени космополитично заканчивалась рѣчь этого либеральнаго вождя, когда онъ, послѣ провозглашенія многолѣтія свободной единой Германіи, провозгласилъ таковое же по адресу союзниковъ ея, поляковъ и по адресу франковъ, какъ братьевъ германцевъ" *).

Эти два національныхъ празднества стоятъ какъ бы на двухъ этапахъ общественнаго развитія. На національномъ праздникѣ въ Вартбургѣ передъ нами экзальтированное мистическимъ національизмомъ юношество, видѣвшее весь корень общественныхъ бѣдъ Германіи въ томъ, что она уклонилась отъ идеаловъ „тевтонской жизни", „тевтонской расы" и поэтому видѣвшихъ единственное средство въ томъ, чтобы вернуться къ укладу жизни и складу мышленія древнихъ тевтонцевъ, на національномъ же празднествѣ въ Гамбахѣ студенческое движеніе уже оттѣснено на второй планъ, и главная роль принадлежитъ здѣсь солиднымъ представителямъ либеральныхъ профессій и бюргерства. Отъ мистическаго національизма первой четверти девятнадцатаго вѣка не осталось и слѣда. Національные идеалы рѣзко сталкивались уже не съ французскимъ народомъ, а съ нѣмецкимъ правительствомъ и для своего осуществленія звали на борьбу не съ Фран-

*) Ср. Т. Циглеръ. Умственныя и общественныя теченія XIX в. Спб. 1901 г. 156—157 стр.

ціей и не съ какою либо другою національностью, а съ нѣмецкимъ политическимъ строемъ.

Такова та огромная эволюція, которую пережило нѣмецкое общественное мнѣніе въ періодъ, охватывающій какихъ нибудь 15 лѣтъ.

Общественное броженіе продолжалось и въ слѣдующемъ году послѣ Гамбаховскаго праздника, во Франкфуртѣ была устроена—неудавшаяся—попытка народнаго возстанія. Нѣмецкое правительство превосходно знало о готовящейся попыткѣ.Но оно нарочно пріостановило аресты и высылки, разсчитывая что демонстрацію ему не трудно будетъ задушить, а вмѣстѣ съ тѣмъ представится чудесный случай устроить капканъ наиболѣе горячимъ и смѣлымъ дѣятелямъ. Такъ оно и вышло. Правительство знало, что заговорщики собираются прежде всего напасть на городской полицейскій постъ, гдѣ постоянно дежурили всего 15 полицейскихъ, и оно нарочно не увеличило этой стражи, чтобы не отпугнуть революціонеровъ отъ этой затѣи. Министръ иностранныхъ дѣлъ откровенно заявлялъ, что „если хорошенько использовать это возстаніе, то оно можетъ спасти Германію“.

Демонстрація была легко подавлена, и началась эра драконовскихъ репрессій. 1.800 человѣкъ обвинялось въ участіи въ возстаніи, сотни были брошены въ тюрьму, гдѣ томились долгіе годы въ предварительномъ заключеніи. Какъ тогда говорили въ Германіи, нѣмецкіе судьи приговариваютъ за политическій протестъ къ пожизненному предварительному заключенію. По малѣйшимъ пустячнымъ подозрѣніямъ людей арестовывали и гнали въ тюрьму. „Если бы, говоритъ Берне, меня обвинили въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, то я спокойно бы ждалъ суда. Но иное дѣло при обвиненіяхъ въ политическомъ преступленіи. Если бы завтра пришелъ ко мнѣ къ завтраку мой пріятель и сказалъ бы мнѣ: тебя подозрѣваютъ въ томъ, что ты завербовалъ на франкфуртской биржѣ 300 самыхъ храбрыхъ евреевъ, чтобы во главѣ ихъ отправиться въ Маннгеймъ завоевать рейнпфальцскую провинцію, превратить ее въ республику и т. д., то я бы не сталъ терять времени даже на то, чтобы одѣть сапоги, и бѣжалъ бы изъ Германіи, какъ былъ, въ пантофляхъ“.

Вплоть до смерти Фридриха III тянулась, то ослабѣвая съ одной стороны, то усиливаясь съ другой, борьба между реакціей и оппозиціоннымъ теченіемъ. Въ дальнѣйшихъ очеркахъ мы будемъ подробно говорить о партійныхъ группировкахъ, объ идеалахъ, которые волновали тогда нѣмецкую интеллигенцію, а теперь мы должны въ общихъ чертахъ остановиться на слѣдующемъ этапѣ въ эволюціи политическаго сознанія нѣмецкаго общества—смерти стараго короля и вступленіи на престолъ Фридр.-Вил. IV., что вызвало въ либеральномъ обществѣ Германіи необычайный приливъ оптимистическихъ надеждъ.

Еще когда Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ наслѣдникомъ въ либеральныхъ кругахъ ходили слухи о его либерализмѣ, тонкой образованности, сочувствіи новымъ политическимъ идеямъ.

Когда же 7 іюня 1840 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV-ый вступилъ на престолъ, то слухи эти всѣми стали приниматься за достовѣрность. Прежде всего ожидали полной перемѣны министровъ и чиновниковъ.

„Едва успѣлъ остыть благородный трупъ, говоритъ одинъ изъ самыхъ обстоятельныхъ историковъ этой эпохи, Р. Прутцъ, какъ начался настоящій потокъ всяческихъ слуховъ, комбинацій и предположеній. Съ каждымъ днемъ всплывали новыя имена, не только одно министерство, но все правительство можно было бы заполнить называемыми кандидатами“.

Свой политическій дебютъ Фр. В. IV началъ съ того, что созвалъ въ Кенигсбергѣ съѣздъ провинціальныхъ ландтаговъ для принесенія присяги. 6 августа открылось засѣданіе ландтага. Прежде всего произнесъ длинную рѣчь депутатъ города Кенигсберга, купецъ Гейнрихъ. Рѣчь свою онъ закончилъ словами, что Фр. Вильг. предстоитъ выполнить то, что еще 22 мая 1815 г. было обѣщано нѣмецкому народу—дать конституцію, и Гейнрихъ внесъ резолюцію, чтобы въ Берлинѣ была собрана комиссія съ привлеченіемъ земскихъ представителей и выработала проэктъ конституціи.

Предложеніе Гейнриха было поддержано и оберъ-президентомъ Шёномъ, и другими лицами и въ концѣ концовъ было принято, послѣ оживленныхъ дебатовъ, 90 голосами противъ пяти.

Отвѣтъ короля ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ—вопросъ объ объявленіи конституціи былъ поставленъ очень опредѣленно, и характеръ отвѣта короля долженъ былъ сразу опредѣлить его отношеніе къ кардинальному вопросу нѣмецкой общественной жизни, вопросу, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, концентрировались лучи пробуждающагося общественнаго сознанія.

Отвѣтъ короля, уклончивый и неопредѣленный, недолго заставилъ себя ждать.

Король торжественно обѣщалъ править страною согласно съ „историческими традиціями“ и „особенностями нѣмецкой исторіи“. Это заявленіе, само по себѣ никакого попутнаго вѣтра нѣмецкому освободительному движенію, конечно, не обѣщало. Но король вставилъ это, по своему истинному смыслу противное конституціонному стремленію обѣщаніе, въ такую рамку толерантности и теплаго сочувствія къ депутатамъ, которыхъ онъ призывалъ „вполнѣ довѣриться взглядамъ и стремленіямъ правительства“, что его рѣчь вызвала повсюду восторженное сочувствіе, и лишь отдѣльные писатели были скептически настроены, но ихъ одинокіе голоса совершенно терялись въ хорѣ восторженныхъ славословій и необузданныхъ надеждъ. Нѣмецкіе общественные

дѣятели въ предшествующее царствованіе привыкли, чтобы всякое ихъ открытое требованіе конституціи вызывало сначала сердитый окрикъ, а затѣмъ и строгую кару. Новый же король встрѣтилъ это требованіе, какъ тогда казалось, сочувственно и готовъ былъ не сейчасъ, такъ во всякомъ случаѣ скоро объявить конституцію. И при этомъ радостно вспомнили, что высшіе правительственные чиновники, во главѣ съ оберъ-президентомъ Шеномъ подписались подъ резолюціей депутатовъ, просившей короля объявить народу конституцію.

Еще большій энтузіазмъ вызвало торжественное принесеніе присяги новому королю. Громадная тысячная толпа собралась около дворца, во дворцѣ чинно расположились представители провинціальныхъ собраній. Въ привѣтственныхъ рѣчахъ депутатовъ снова королю почтительно напомнили о необходимости привести въ исполненіе указъ 15 мая 1815 г., обѣщавшій странѣ конституцію.

Кончились рѣчи, и началось торжество присяги. 400 человѣкъ бывшихъ во дворцѣ, торжественно принесли королю присягу „Едва успѣло, разсказываетъ Р. Прутцъ, затихнуть эхо 400 голосовъ, произнесшихъ „Аминь“.... какъ вдругъ король неожиданно поднялся съ трона, съ блестящими глазами, и обратился къ присутствующимъ съ рѣчью“. Онъ торжественно поклялся передъ собравшимися быть покровителемъ правды и справедливости и стремиться къ благу всѣхъ своихъ подданныхъ, безъ различія ихъ вѣрованій и общественнаго положенія. И опять таки въ его рѣчи не было ровно никакихъ опредѣленныхъ политическихъ обѣщаній, но депутаты, выражая общественное мнѣніе, съ такимъ довѣріемъ и съ такою любовью относились къ новому королю, что достаточно было общихъ мягкихъ фразъ, чтобы экзальтированная публика, такъ сказать, хоромъ прослезилась.

„Королева, разсказываетъ Прутцъ, смотрѣла изъ открытаго окна на торжество присяги и, взволнованная возвышенностью момента, заливалась слезами. Ея слезы не были одиноки, и среди собравшихся рѣчь короля на минуту разорвала строгія узы этикета. Всѣ сословные депутаты бросались другъ къ другу, знакомые и друзья жали другъ друга въ объятіяхъ, во всѣхъ глазахъ блистали слезы, повсюду жали другъ другу руки, кивали другъ другу головами, издавали радостныя восклицанія“. *)

Казалось, что черезъ мрачную пропасть, которая лежала между правительствомъ и обществомъ въ прошлое царствованіе, былъ сразу переброшенъ легкій мостъ взаимнаго довѣрія. Иные одинокіе писатели, обладавшіе тонкимъ публицистическимъ слухомъ, уже и тогда указывали нотки диссонанса, но общественное

*) Ср. Robert Prutz „Cehn jahre. Geschichte der neusten Zeit. Erst. Bd. Leip. 1850, стр. 244.

мнѣніе въ его цѣломъ слышало только ноты обоюднаго довѣрія и упивалось ими.

Прежнее озлобленное и подавленное настроеніе какъ рукой сняло, всѣ ходили имянинниками и со дня на день ожидали объявленія конституціи.

Въ статьѣ Флоренкурта, помѣщенной въ 1843 г. въ журналѣ „Blätter für literarische Unterhaltung“ краснорѣчиво изображается рѣзкая перемѣна общественнаго мнѣнія или точнѣе общественнаго настроенія Германіи, происшедшая съ восшествіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV. До 1840 г., говоритъ авторъ, общественное сознаніе „становилось все мрачнѣе, безнадежнѣе, не вѣря ни въ самое себя, ни въ свое время, ни въ свое призваніе, разочаровалось въ возможности свободы и высшаго человѣческаго счастья; безконечное число разбитыхъ сердецъ, испорченныхъ характеровъ, разбитыхъ стремленій, исковерканныхъ жизней наполняло наше отечество“.

Съ наступленіемъ же 1840 г. все рѣзко измѣнилось. „Весна въ каждомъ сердцѣ, давно похороненныя стремленія вновь оживаютъ, погибшія надежды возрождаются. Люди начинаютъ глядѣть бодрѣе, живѣе, опущенныя головы подымаются... Все, все измѣнилось, даже сами люди стали иными, походка стала быстрѣе, живѣе, заря надежды легла у всѣхъ на лицахъ, блеститъ во всѣхъ глазахъ; кажется, что вотъ вотъ изъ груди всѣхъ вырвется крикъ неизмѣримой радости“. *)

Однако, очень скоро сангвиническіе оптимисты получили первый ушатъ холодной воды. 6-го октября 1840 г. прусскій правительственный вѣстникъ принесъ королевскій указъ, повелѣвавшій подробно опубликовать всѣ документы по пріемѣ присяги со стороны сословныхъ депутатовъ въ Кенигсбергѣ. Необходимость опубликованія подробныхъ оффиціальныхъ документовъ мотивировалась тѣмъ, „чтобы положить конецъ превратнымъ толкамъ о томъ, что король въ своей отвѣтной рѣчи высказалъ одобреніе петиціи депутатовъ о провозглашеніи конституціи на основаніи указа 22 мая 1815 г.

Если мы представимъ себѣ то экзальтированное состояніе, въ которомъ находилось нѣмецкое либеральное общество, съ часу на часъ ждавшее, что король, который, по его мнѣнію, всецѣло сочувствуетъ ему, объявитъ конституцію, то не трудно себѣ представить какое ошеломляющее и замораживающее дѣйствіе долженъ былъ принести этотъ указъ.

Разочаровываться было слишкомъ непріятно, и себѣ въ утѣшеніе либеральная публика стала измышлять достовѣрные слухи

*) Ср. „Blätter für literarische Unterhaltung“ 1843 г. № 25. Цитировано у B. Bauer „Vollständige Geschichte der Partheikämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846. Bd. I. Charlottenburg 1847, стр. 4—5.

о томъ, что самъ король стоитъ за конституцію, но онъ подпалъ подъ вліяніе реакціонныхъ министровъ и, что при дворѣ идетъ борьба между реакціонными и либеральными вліяніями. Однако, реакціонный министръ внутреннихъ дѣлъ, ненавистный либераламъ фонъ-Раховъ продолжалъ оставаться на своемъ посту, и вслѣдствіе этого утѣшительная ссылка на то, что все зависитъ отъ приближенныхъ короля, была очень мало утѣшительна—фонъ Раховъ былъ очень рѣшительнымъ и властнымъ противникомъ какихъ бы то ни было либеральныхъ реформъ.

Во время пріема нѣмецкаго рыцарства, принесшаго ему присягу, король въ своей отвѣтной рѣчи снова подчеркнулъ, что конституцію отъ него напрасно ждутъ. „Я помню, сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, что получилъ свою корону отъ Всевышняго Господа и передъ нимъ я отвѣтственenъ за каждый день и каждый часъ своего правленія. И кто требуетъ отъ меня гарантій на будущее время, тому я адресую эти слова. Лучшей гарантіи ни я, ни какой другой человѣкъ дать не можетъ. И эта гарантія прочнѣе чѣмъ всѣ присяги, чѣмъ всѣ обѣщанія закрѣпленныя на пергаментѣ, ибо она вытекаетъ изъ самой жизни и коренится во всѣхъ... И кто хочетъ довольствоваться простымъ, отеческимъ (väterlichen) древне-германскимъ и христіанскимъ правительствомъ, тотъ пусть съ довѣріемъ взираетъ на меня".

Обѣщаніе „простого, отеческаго, древне-германскаго" правленія имѣло очень мало общаго съ обѣщаніемъ конституціи, но и это недвусмысленное заявленіе короля не отрезвило нѣмецкихъ либераловъ, и они продолжали уповать на королевскую готовность дать странѣ конституцію.

Надежды либераловъ возлагались на предстоящую сессію провинціальныхъ собраній. До сихъ поръ эти собранія вели жалкое забитое существованіе очень мало интересуя публику, теперь же они неожиданно выдвинулись на первый планъ политической жизни. „Кто интересовался прежде провинціальными собраніями?—спрашиваетъ Прутцъ. На нихъ никто не обращалъ вниманія и у многихъ они вызывали насмѣшки. Очень многіе видѣли въ нихъ лишь безполезное бремя, безплодную трату времени. Въ идиллической заброшенности они продолжали вести столь же безплодное, сколь и безславное существованіе. „Сословные балы", пикники и съѣзды, устраиваемые депутатами въ губернскихъ городахъ, да еще новыя лошади и ливреи, которыя покупали себѣ для этихъ торжественныхъ случаевъ богатые дворяне, вотъ почти все, что знала публика объ этихъ провинціальныхъ ландтагахъ.

А какъ теперь все перемѣнилось... Ландтаги внезапно сдѣлались средоточіемъ всеобщаго вниманія, интереса, довѣрія *).

Среди цѣлаго потока оппозиціонной литературы, порожденной

*) Ср. Prutz, zehn Jahre, Leipzig, 1850, 340 стр., т. I-ый.

предстоящимъ съѣздомъ провинціальныхъ ландтаговъ, обратили на себя всеобщее вниманіе двѣ брошюры. Обѣ брошюры вышли анонимно, но стоустая молва приписывала ихъ авторство крупному либеральному дѣятелю тогдашней эпохи — фонъ-Шёну. На Шёна, оберъ-президента въ Кенигсбергѣ, возлагала свои надежды либеральная оппозиція. Шёнъ открыто высказывалъ свое рѣшительное сочувствіе конституціоннымъ стремленіямъ, и благодаря его близости къ королю, общественное мнѣніе Германіи надѣялось, что онъ склонитъ Фридриха IV даровать конституцію.

Когда въ 1840 г. появилась небольшая анонимная брошюра подъ краткимъ названіемъ „Woher? und Wohin?", обсуждавшая внутреннее политическое положеніе Германіи въ столь же рѣшительно-конституціонномъ, какъ и сдержанно-благородномъ тонѣ, и когда эта брошюра вызвала волненіе въ верхнихъ слояхъ общества, то общественное мнѣніе упорно называло министра и оберъ-президента Шёна авторомъ этой брошюры, и оно не ошиблось. Министръ Шёнъ взялся за перо, чтобы выяснить политическое положеніе страны и доказать необходимость конституціи.

Прослѣживая исторію Пруссіи, начиная съ Фридриха II, Шёнъ показываетъ, какъ народное невѣжество послужило удобрительной почвой для чудовищнаго развитія бюрократизма, который по его словамъ „вообразилъ, что не онъ существуетъ для народа, а народъ для него". Показывая, какъ въ теченіе долгихъ послѣднихъ десятилѣтій безпощадно душилась всякая попытка общественной самостоятельности, авторъ затѣмъ подробнѣе останавливается на перемѣнѣ правительственнаго курса и общественнаго настроенія со вступленіемъ на престолъ Фридриха IV. На съѣздѣ депутатовъ провинціальныхъ собраній въ Кенигсбергѣ ясно сказалось, говоритъ онъ, что нѣмецкій народъ достаточно созрѣлъ для политическаго самоуправленія. Депутаты, говоритъ Шёнъ, „сдѣлали только то, что они должны были сдѣлать; проклятіе изъ поколѣнія въ поколѣніе сопровождало бы ихъ, если бы передъ трономъ короля и лицомъ Всевышняго они не сказали правды и подавили бы своей голосъ совѣсти и убѣжденія. Петиція (о конституціи) была подписана не людями, незнающими ни собственности, ни родины (nicht von eigenthum und heimatlosen Menschen), не безсодержательнымъ юношествомъ, не умами, сразу вскипающими и жаждущими новизны. Эту петицію подали люди, владѣющіе землями, люди зрѣлаго разсужденія и опыта, люди убѣленные сѣдинами, люди, которые при всякомъ проявленіи анархіи и нелояльности, потеряли бы больше, конечно, чѣмъ само существующее правительство".

Шёнъ направляетъ свою критику, какъ онъ выражается, не противъ монарха, а противъ „орудій производства, тормозящихъ культурное развитіе народа, стремящихся удержать народъ въ

невѣжествѣ и считающихъ лишь себя, подобно католическому духовенству, непогрѣшимыми".

Шёнъ видитъ спасеніе въ народномъ представительствѣ. „Только благодаря организаціи представительства, заканчиваетъ свое посланіе Шёнъ, можетъ возникнуть въ нашей странѣ общественная жизнь. И если насталъ для этого день, то движеніе солнца нельзя остановить. Уже въ 1813 г. занялась было заря общественной жизни. И только благодаря этой зарѣ, по призыву короля, всѣ, старъ и младъ, стеклись подъ его знамена. Если теперь впервые наступитъ у насъ эпоха полной общественной жизни, то мы станемъ несокрушимы, и тронъ подымется на ту высоту, которая соотвѣтствуетъ культурному положенію страны. Время такъ называемаго отеческаго или патріархальнаго правленія, видѣвшаго въ народѣ лишь массу несовершеннолѣтнихъ людей, которыми надо управлять по своему усмотрѣнію, безвозвратно минуло. Того, который не хочетъ брать время такимъ, каково оно есть, выбирая изъ него все доброе и содѣйствуя его развитію, того караетъ время".

Брошюра Шёна вызвала огромную сенсацію какъ въ правительственныхъ, такъ и въ общественныхъ кругахъ. Въ Пруссіи той эпохи не привыкли, чтобы высокопоставленное лицо, приближенное къ королю, печатно выступало съ выраженіемъ подобныхъ мнѣній. Либеральное общество воспользовалось первымъ же днемъ рожденія Шёна, чтобы устроить ему торжественное чествованіе. Все чаще выражались упованія, что Шёнъ будетъ призванъ къ власти, и во внутренней политикѣ Пруссіи восторжествуютъ его идеи.

Въ реакціонныхъ же кругахъ Шёнъ сдѣлался предметомъ злобной ненависти. Въ его родной провинціи, восточной Пруссіи, подъ предводительствомъ депутата фонъ-Гаке съорганизовался союзъ, поставившій себѣ цѣлью бороться съ „нахальными и безбожными стремленіями либераловъ". Союзъ обѣщалъ „мужественно выступить противъ эгоистичныхъ, нахальныхъ (frechen) и безбожныхъ либераловъ" и быть обществомъ „благородныхъ людей, носящихъ въ своей груди дипломъ на духовный аристократизмъ".

Въ своей программѣ реакціонный союзъ объявлялъ, что всѣ они „добрые пруссаки" и свято будутъ чтить свою присягу въ вѣрности королю, они „не станутъ истолковывать, переворачивать съ помощью хитроумныхъ доводовъ разума эту присягу; они по просту будутъ съ христіанскимъ смиреніемъ", поддерживать во всей неприкосновенности существующій самодержавный строй и „съ корнемъ вырывать всѣ нахальныя стремленія либераловъ".

Но не успѣли реакціонеры достаточно излить свое негодованіе по поводу брошюры Шёна „Woher? und Wohin?", какъ по-

явилась новая, значительно болѣе смѣлая и рѣшительная брошюра, вышедшая анонимно, но которую — на этотъ разъ совершенно ошибочно,—приписывали также Шёну.

Брошюра носила названіе „Vier Fragen, beantwortet von einem Ostpreussen Preussens Provinzialständen gewidmet vom Verfasser“.

Брошюра эта передъ самымъ открытіемъ сессіи ландтаговъ неожиданно въ одинъ и тотъ же день появилась въ витринахъ книжныхъ магазиновъ различныхъ городовъ и была разослана по почтѣ многимъ общественнымъ дѣятелямъ, благодаря чему была устранена возможность ея конфискаціи правительствомъ.

Новая анонимная брошюра была написана гораздо сильнѣе и смѣлѣе брошюры Шёна и произвела благодаря этому еще бо́льшую сенсацію, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе страны было убѣждено, что и эта брошюра была написана Шёномъ. Авторъ ставилъ и разрѣшалъ въ своей небольшой брошюрѣ, какъ и показываетъ ея заглавіе, четыре вопроса. Чего хотятъ провинціальныя собранія? Что позволяетъ имъ выставлять свои требованія? Какой пріемъ встрѣтили требованія? Что они должны теперь дѣлать?

Провинціальныя собранія выразили въ Кенигсбергѣ, говоритъ авторъ, желаніе, чтобы граждане получили возможность участія въ государственныхъ дѣлахъ. Это участіе должно основываться на твердыхъ параграфахъ закона, эти параграфы должны быть установлены, и они должны разрѣшить вопросъ, должна ли Пруссія управляться исключительно зависимыми и получающими жалованіе чиновниками, или же и граждане должны принять самостоятельное участіе въ управленіи государственными дѣлами.

Авторъ указываетъ на то, что страна питаетъ довѣріе къ монарху, но не питаетъ его къ министрамъ, зная ихъ бюрократическій произволъ, прислужничество и піэтизмъ. Только свободная общественная жизнь и представительство можетъ установить довѣріе общества къ правительству и успокоить взволнованную страну.

Переходя ко второму вопросу, авторъ даетъ на него краткій отвѣтъ: провинціальныя собранія считаютъ себя въ правѣ выставлять требованія, такъ какъ нѣмецкій народъ уже достигъ совершеннолѣтія и еще въ 1815 г. ему была обѣщана королемъ конституція.

Какъ же отнеслось правительство къ этимъ заявленіямъ провинціальныхъ депутатовъ? задаетъ анонимный авторъ третій вопросъ. Увы, говоритъ онъ, правительство отдѣлалось ничѣмъ не гарантированными обѣщаніями. И авторъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ отвѣтную рѣчь короля.

На четвертый и послѣдній вопросъ: что же теперь дѣлать провинціальнымъ собраніямъ, авторъ отвѣчаетъ лишь двумя

строчками: „завладѣть, какъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, тѣмъ, что до сихъ поръ они просили, какъ милости“.

Брошюра „Четыре вопроса“ была написана несравненно болѣе рѣзкимъ, смѣлымъ и демократическимъ языкомъ, чѣмъ сдержанная и осторожная брошюра Шёна, и поэтому она подѣйствовала сильнѣе и зажигательнѣе на общественное мнѣніе, которое къ тому времени уже начало отрезвляться отъ своего сангвиническаго оптимизма.

Авторъ этого произведенія послалъ королю свою брошюру, подписавъ свое имя. Онъ оказался мало кому вѣдомымъ кенигсбергскимъ врачемъ Якоби.

Либеральная оппозиція сразу привѣтствовала Якоби, какъ своего давно желаннаго вождя, а правительство издало приказъ о судебномъ слѣдствіи противъ Якоби. Обвинительный актъ ставилъ въ преступленіе автору четырехъ вопросовъ „дерзкое порицаніе существующихъ законовъ“, „возбужденіе неудовольствія“ и „оскорбленіе величества“. Якоби безъ конца вызывали къ допросамъ, въ теченіе трехъ недѣль его допрашивали двадцать разъ. Послѣ долгихъ мытарствъ изъ кенигсбергскаго суда въ берлинскій и обратно, дѣло Якоби было, наконецъ, разобрано судебною палатою въ Берлинѣ, и авторъ „Четырехъ вопросовъ“ былъ приговоренъ къ лишенію гражданскихъ правъ и заключенію въ крѣпость на $3^1/_2$ г.

Либеральное общество страшно волновалось по поводу судебнаго процесса противъ Якоби и всѣми мѣрами старалось выразить свое сочувствіе подсудимому. По всей Германіи была открыта подписка для поднесенія автору „Четырехъ вопросовъ“ вѣнка отъ благодарной націи за гражданскую доблесть. И высокопоставленныя лица подписывали крупныя суммы на этотъ національный подарокъ, но полиція объявила эту подписку незаконной и стала конфисковывать подписанныя суммы и арестовывать подписавшихся.

Нѣмецкое общество разсматривало судебную тяжбу правительства съ Якоби какъ выраженіе исторической распри между старой абсолютической и нарождающейся конституціонной Германіей, вождемъ которой молчаливо былъ признанъ авторъ „Четырехъ вопросовъ“. „Въ судебномъ процессѣ, говоритъ Прутцъ, Якоби явился представителемъ конституціонной партіи, партіи, которая до сихъ поръ существовала лишь въ самыхъ зародышевыхъ формахъ и съорганизовалась лишь по мѣрѣ развитія этого процесса. Не только фонъ Шёнъ, не только городъ Кёнигсбергъ, не только Пруссія и ея приносящіе присягу депутаты, нѣтъ, вся надежда будущаго, всѣ самые ревностные и просвѣщенные патріоты вмѣстѣ съ Якоби стояли передъ судомъ; приговоръ, который долженъ былъ оправдать или обвинить Якоби, рѣшалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и

вопросъ о самыхъ драгоцѣнныхъ, важныхъ, насущныхъ условіяхъ существованія Пруссіи“ *).

Неудивительно поэтому, что въ оппозиціонной литературѣ тогдашняго времени возникъ настоящій апоѳеозъ личности Якоби.

Извѣстный тогдашній поэтъ Дингельштедтъ въ своемъ сборникѣ „Nachtwächters Weltgang“ помѣстилъ стихотвореніе, посвященное королю и озаглавленное четырьмя вопросительными знаками, выражая этимъ заглавіе брошюры Якоби „Четыре вопроса“.

„Ты знаешь, что это значитъ, говоритъ Дингельштетдтъ, обращаясь къ Фридриху IV-му. Эти четыре вопросительные знака выступаютъ судьями. Конечно, это вѣдь всего четыре вопросительныхъ знака, не болѣе того, но они глубоко ушли своими корнями въ народную почву и, точно славные дубы свободной нѣмецкой націи, высоко подымаются надъ землею. Ты не станешь на нихъ смотрѣть, но они уже никогда не сдвинутся съ мѣста. И когда ты умрешь, они, точно, позорное клеймо, будутъ горѣть на твоемъ памятникѣ въ примѣръ и устрашеніе“.

Одинъ изъ популярнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ того времени, Гервегъ тоже посвятилъ Якоби стихотвореніе: „Надъ страною точно проклятье вновь нависъ гнетъ. Но вотъ противъ него возсталъ рѣшительный человѣкъ и притомъ нѣмецъ. Нѣмецъ и рѣшительный, свободный человѣкъ, кто бы это могъ представить себѣ!“ и т. д.

Авторъ этого стихотворенія, молодой и талантливый поэтъ Гервегъ пользовался тогда въ Германіи репутаціей одного изъ самыхъ вліятельныхъ и талантливыхъ „гражданскихъ“ поэтовъ. Обладая сильнымъ поэтическимъ даромъ, онъ пользовался имъ для вдохновенныхъ и рѣзкихъ политическихъ обличеній, производившихъ очень сильное зажигательное вліяніе на нѣмецкую интеллигенцію; намъ придется говорить о немъ подробнѣе въ слѣдующихъ очеркахъ, а теперь мы должны перейти къ сессіи провинціальныхъ ландтаговъ, поглотившей все напряженное вниманіе и весь горячій интересъ мыслящей части нѣмецкаго общества.

П. Берлинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Ср. Prutz l. c. 518 стр.

Воспоминанія.

Какой то тихій, ясный свѣтъ
На днѣ души, дрожа, мерцаетъ,
И что-то съ болью въ сердцѣ таетъ,
Оставивъ слезъ горячій слѣдъ.
Какъ будто милая рука.
До тонкихъ струнъ слегка коснулась,
И пѣснь забытая проснулась,
Едва слышна—но такъ близка!
Какъ будто горестный укоръ
Звучитъ непонятымъ желаньемъ,
Какъ будто съ кроткимъ состраданьемъ
Въ глаза мнѣ смотритъ грустный взоръ,
И боль въ груди моей—острѣй.
Она изъ глазъ слезами льется...
Ахъ! Никогда ужъ не вернется
Былое счастье юныхъ дней!...

А. Боанe.

Сруль изъ Любартова.

Разсказъ **А. Шиманскаго.**

Перев. съ польскаго И. Леонтьева.

I.

Было это въ тысяча... впрочемъ, не все ли равно въ которомъ году, достаточно сказать, что это было и было въ Якутскѣ, въ началѣ ноября, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по моемъ прiѣздѣ въ столицу морозовъ.

Спиртовой термометръ Реомюра показывалъ 35° мороза. Я со страхомъ думалъ объ участи моихъ ушей и носа, которые лишь недавно прибыли съ запада и до сихъ поръ всегда очень чувствительно для меня выражали свой пассивный протестъ противъ принудительной акклиматизацiи, сегодня же имъ предстояло наиболѣе серьезное испытанiе. Нѣсколько дней назадъ въ мѣстной больницѣ умеръ одинъ изъ членовъ нашей колонiи, литвинъ Петръ Балдыга, и сегодня утромъ мы собирались отдать ему послѣднiй долгъ: схоронить въ мерзлую землю его многострадальныя кости.

Я ожидалъ лишь одного знакомаго, который долженъ былъ извѣстить меня о времени похоронъ; ждать пришлось недолго, и, защитивъ возможно старательнѣе свой носъ и уши, я отправился вслѣдъ за другими къ больницѣ.

Она находилась за городомъ.

Во дворѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ зданiй, стоялъ небольшой срубъ—мертвецкая.

Въ ней то и лежало тѣло Балдыги. Открыли дверь; мы вошли, и внутренность мертвецкой произвела на всѣхъ непрiятное впечатлѣнiе; насъ было человѣкъ десять или около того, и мы всѣ переглянулись. Мы очутились здѣсь передъ лицомъ холодной, голой, ничѣмъ хотя бы для виду не прикрытой дѣйствительности... Въ помѣщенiи, въ которомъ не было ни стола, ни стула, ничего, кромѣ серебрившихся инеемъ

стѣнъ, на усыпанномъ снѣгомъ полу, лежалъ также весь заиндевѣвшій, закутанный въ какую-то простыню или саванъ огромный усатый трупъ. Это и былъ Балдыга.

Тѣло страшно закоченѣло, и чтобы удобнѣе было уложить его въ приготовленный уже гробъ, этотъ послѣдній придвинули къ дверямъ, къ свѣту.

Никогда не забуду я лица Балдыги, какимъ увидѣлъ его теперь, при дневномъ свѣтѣ, очищенное отъ снѣга. На суровыхъ чертахъ его лежалъ отпечатокъ какой-то необычайной, невыразимой словами муки, а зрачки широко раскрытыхъ глазъ, казалось, съ укоромъ устремлялись къ далекимъ, холоднымъ, непривѣтнымъ небесамъ.

— Покойный былъ достойный человѣкъ,—разсказывалъ мнѣ тѣмъ временемъ одинъ изъ сосѣдей, замѣтивъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня видъ Балдыги.—Здоровый, трудолюбивый, онъ всегда приголубливалъ и пригрѣвалъ возлѣ себя кого-нибудь изъ болѣе несчастныхъ; но и упрямъ же былъ, какъ настоящій литвинъ, и до конца вѣрилъ, что вернется на свой Наревъ. Однако, передъ смертью онъ понялъ, повидимому, что не бывать тому...

Между тѣмъ окостенѣвшій трупъ уложили въ гробъ, гробъ поставили на маленькія, одноконныя якутскія сани, и когда жена портного В., исполняющая въ данномъ случаѣ, какъ человѣкъ свѣдущій въ религіозныхъ обрядахъ, обязанности ксендза, громко затянула похоронную пѣснь, мы стали подтягивать прерывающимися голосами и тронулись къ кладбищу.

Мы подвигались быстро, морозъ крѣпчалъ и подгонялъ насъ. Наконецъ мы на кладбищѣ, бросаемъ по кому мерзлой земли на гробъ... Нѣсколько искусныхъ ударовъ лопатой, и черезъ минуту лишь небольшая свѣже-взрыхленная кучка земли напоминала о недавнемъ еще существованіи Балдыги на свѣтѣ. Не долго, впрочемъ, будетъ напоминать она, всего нѣсколько мѣсяцевъ; настанетъ весна, растаетъ согрѣтый солнцемъ могильный холмикъ, сравняется съ землей, порастетъ травой и бурьяномъ; черезъ годъ — другой перемрутъ или разбредутся по широкому свѣту свидѣтели похоронъ, и тогда пусть хоть мать родная ищетъ,—не найдетъ она его нигдѣ на свѣтѣ! Впрочемъ, и искать умершаго никто здѣсь не станетъ!..

Зналъ объ этомъ Балдыга, знали и мы всѣ и молча разбрелись по домамъ.

***

На слѣдующій день морозъ еще увеличился. По другой сторонѣ улицы, на которой я жилъ, не видно было ни одной

постройки; густая мгла изъ снѣжныхъ кристалловъ, словно туча, висѣла надъ землей. Сквозь эту мглу не проглядывало солнце; хоть на улицѣ и не видать было ни одной живой души, но воздухъ, необыкновенно сгущенный отъ мороза, все время доносилъ до моихъ ушей то металлическій скрипъ снѣга, то трескъ отъ лопающихся въ стѣнахъ домовъ толстыхъ бревенъ или разсѣдающейся широкими щелями земли, то похожую на стонъ жалобную пѣсню якута. Очевидно, начинались тѣ якутскіе морозы, передъ которыми ничто ужаснѣйшіе полярные холода, предъ которыми человѣка охватываетъ какой-то необъяснимый страхъ, и каждое живое существо съеживается и корчится, какъ загнанная собака, окруженная стаей свирѣпыхъ волкодавовъ, хотя и знаетъ оно, что напрасно все это, что неумолимый врагъ рано или поздно побѣдитъ.

И Балдыга, какъ живой, все чаще представалъ предо мной. Цѣлый часъ я сидѣлъ уже надъ начатой работой; работа, однако, какъ-то не клеилась, перо вываливалось изъ рукъ, а непослушная мысль уносилась далеко за предѣлы снѣжной морозной земли. Напрасно взывалъ я къ своему разсудку, напрасно десятый разъ повторялъ себѣ совѣты доктора; до сихъ поръ я оказывалъ кой-какое сопротивленіе мучившей меня уже нѣсколько недѣль болѣзни, теперь же я чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ, безвольнымъ. Тоска по родинѣ охватила меня и мучила невыносимо.

Много разъ ужъ я не могъ противостоять обольстительнымъ грезамъ, а сегодня и подавно не былъ въ состояніи противиться искушенію, такъ какъ и искушеніе было сильнѣе, и я чувствовалъ себя слабѣе обыкновеннаго.

Прочь же снѣга и морозы, прочь якутская дѣйствительность! Я бросилъ перо и, окутанный клубами табачнаго дыма, отпустилъ поводья своего разгоряченнаго воображенія.

И помчало же оно меня, своевольное!..

Чрезъ тайги и степи, чрезъ горы и рѣки, чрезъ безчисленныя царства и земли понеслась легкокрылая мысль на далекій западъ и раскинула предо мной чарующую картину: свободныя отъ горя и злобы людской, полныя красоты и гармоніи мои родныя поля надъ Бугомъ. Словами не выразить, перомъ не описать теперь тѣхъ чаръ!

Я видѣлъ золотыя нивы, изумрудные луга, вѣковые лѣса, шумящіе мнѣ про дѣла давно минувшихъ дней.

Я слышалъ шумъ волнующихся колосьевъ, щебетанье крылатыхъ божьихъ пѣвцовъ, говоръ дубовъ-великановъ, гордо противостоящихъ вихрямъ.

И я упивался ароматомъ и этихъ лѣсовъ, и этихъ цвѣтущихъ полей, убранныхъ дѣвственно свѣжими голубыми васильками и красою весны—скромной фіалкой.

Каждый мой нервъ ощущалъ дуновеніе родного вѣтерка... Я чувствовалъ животворное тепло солнечныхъ лучей, и хоть на дворѣ морозъ скрипѣлъ все свирѣпѣе и все грознѣе скалилъ на меня чрезъ стекло окна свои зубы, однако кровь быстрѣе заструилась въ моихъ жилахъ, голова запылала, и, словно заколдованный, я весь обратился въ слухъ и зрѣніе и ужъ ничего не замѣчалъ вокругъ себя...

* * *

Я не видѣлъ и не слышалъ, какъ отворилась дверь, и кто-то вошелъ ко мнѣ; не замѣтилъ клубовъ пара, врывающихся здѣсь въ комнату, при каждомъ открываньи дверей, въ такомъ количествѣ, что входящаго и не увидишь сразу; не чувствовалъ холода, который съ какою-то наглою, обдуманною настойчивостью врывается въ жилище; ничего я не видѣлъ и не слышалъ, и лишь когда почуялъ совсѣмъ близко возлѣ себя присутствіе человѣка, прежде даже чѣмъ увидѣлъ его, машинально бросилъ ему обычный въ Якутскѣ вопросъ:

— Тох надо? *)

— Это я, господинъ, торгую мелочью,—послышался отвѣтъ.

Я поднялъ глаза. Не было никакого сомнѣнія: несмотря на массу напяленной на него различной одежды изъ телячьихъ и оленьихъ шкуръ, предо мной стоялъ типичный обыватель захолустныхъ мѣстечекъ, польскій еврей. Кто видѣлъ его въ Лозицахъ, въ Сарнакахъ, тотъ сразу узнаетъ его не только въ якутской, но и въ патагонской одеждѣ. А такъ какъ и вопросъ свой я кинулъ машинально, не прерывая своихъ грезъ, то и стоящій предо мною еврей не явился для этихъ грезъ слишкомъ рѣзкимъ контрастомъ. Напротивъ. Я съ удовольствіемъ вглядывался въ знакомыя черты; появленіе этого еврея въ то время, какъ я мыслями и сердцемъ виталъ въ родномъ краю, показалось мнѣ довольно естественнымъ, а польская рѣчь ласкала мой слухъ. Итакъ, все еще не приходя въ себя, я съ удовольствіемъ разглядывалъ его.

Еврей постоялъ немного, затѣмъ отступилъ назадъ, къ двери, и сталъ поспѣшно сбрасывать съ себя верхнюю одежду.

Лишь тутъ я опомнился и сообразилъ, что ничего ему не отвѣтилъ, и что, очевидно, мой догадливый соотечественникъ объяснилъ себѣ мое молчаніе съ наиболѣе выгодной для себя стороны, и теперь хочетъ разложить свой товаръ. Я поспѣшилъ вывести его изъ заблужденія.

*) Что надо? обыкновенно первое слово якута.

— Побойся Бога, что ты дѣлаешь?!—быстро воскликнулъ я.—Я ничего не куплю, ничего мнѣ не нужно; не раздѣвайся напрасно и проваливай съ Богомъ дальше!

Еврей пересталъ раздѣваться и, подумавъ минутку, приблизился ко мнѣ, волоча за собой на половину снятую доху, и быстро, безпорядочно заговорилъ вдругъ прерывающимся голосомъ:

— Это ничего, я знаю, что вы ничего не купите. Видите ли, я здѣсь давно уже, очень давно... До сихъ поръ я не зналъ, что вы пріѣхали. Вѣдь вы изъ Варшавы? Мнѣ вчера только сказали, что вы здѣсь уже больше четырехъ мѣсяцевъ. Какъ жаль, что я узналъ объ этомъ такъ поздно! А то сейчасъ пришелъ бы. И сегодня я цѣлый часъ искалъ васъ, на самый конецъ города ходилъ, а морозъ такой, чтобъ черти его взяли!.. Ужъ вы мнѣ позвольте... я не долго васъ задержу, нѣсколько словъ всего...

— Что-жъ тебѣ нужно отъ меня?

— Я хотѣлъ бы только поговорить съ вами немного.

Отвѣтъ этотъ меня нисколько не удивилъ; я видѣлъ не мало уже различныхъ людей, приходящихъ лишь затѣмъ, чтобъ „поговорить немного" съ человѣкомъ, недавно пріѣхавшимъ съ родины; бывали между ними и евреи. Интересовались они всѣ самыми разнообразными вещами: бывали и просто любопытные болтуны, бывали такіе, что спрашивали только о родныхъ, бывали и политики, у которыхъ нерѣдко все уже перевернулось въ головѣ вверхъ ногами. Въ общемъ, однако, среди моихъ посѣтителей политика играла всегда выдающуюся роль. Поэтому меня не удивило, повторяю, желаніе новоприбывшаго, и хотя я былъ бы радъ поскорѣе освободить свою избу отъ непріятнаго запаха по обыкновенію плохо выдѣланныхъ шкуръ дохи, я радушно попросилъ его раздѣться и присѣсть.

Еврей, видимо обрадованный, черезъ минуту уже сидѣлъ возлѣ меня, и теперь я могъ разсмотрѣть его внимательнѣе.

Всѣ типичнѣйшія черты еврейскаго племени, казалось, сосредоточились въ сидящей возлѣ меня фигурѣ: и толстый, торчащій, нѣсколько искривленный на сторону носъ, и проницательные, ястребиные глаза, и рыжевато-желтая бородка клиномъ и, наконецъ, низкій, окаймленный жесткими волосами лобъ,—всѣмъ этимъ обладалъ мой гость. Но, странно, все это вмѣстѣ взятое, быть можетъ скрашиваемое выраженіемъ исхудалаго лица, дышащаго какою-то открытой искренностью и добродушіемъ,—не производило на меня теперь дурного впечатлѣнія.

— Скажи же мнѣ, откуда ты, какъ тебя звать, что здѣсь дѣлаешь и о чемъ хочешь спросить меня?

— Я Сруль изъ Любартова. Можетъ вы знаете, это сей-

часъ возлѣ Люблина; у насъ впрочемъ всѣ думаютъ, что это очень далеко, раньше и я такъ думалъ... а теперь—добавилъ онъ съ удареніемъ,—мы уже знаемъ, что Любартовъ отъ Люблина очень близко, совсѣмъ рядомъ.

— А давно ты здѣсь?

— Очень давно, безъ малаго три года.

— Ну, это еще не такъ давно, есть такіе, что по двадцати и больше лѣтъ живутъ здѣсь, а дорогой я встрѣтилъ старика изъ Вильны, такъ онъ пробылъ здѣсь почти пятьдесятъ лѣтъ; вотъ это дѣйствительно давно...—Но еврей меня перебилъ:

— Какъ тамъ они,—я не знаю, а про себя знаю, что я здѣсь очень давно.

— Вѣроятно, ты здѣсь совсѣмъ одинъ, если время тебѣ кажется такимъ долгимъ.

— И жена здѣсь, и ребенокъ—дочка; было четверо дѣтей, какъ отправлялись сюда, но дорога ужасная, шли годъ цѣлый: вы знаете, что это такое этапы?.. Трое дѣтей умерло сразу... въ одну недѣлю... все равно что сразу. Трое дѣтей?! Легко сказать... похоронить даже было негдѣ, потому что нашего кладбища тамъ не было... Я хассидъ—добавилъ онъ тише,—вы понимаете, что это значитъ... строго придерживаюсь закона... и Богъ меня такъ тяжко караетъ...

И онъ грустно умолкъ.

— Въ такомъ положеніи, голубчикъ, ужъ трудно думать объ этомъ. Да въ концѣ концовъ это все равно, земля вездѣ Божья,—старался я его хоть чѣмъ-нибудь утѣшить, но еврей вскочилъ какъ ужаленный.

— Божья! Какъ Божья! Что вы говорите? Это собачья земля! Тьфу! тьфу! Божья земля? Стыдитесь, какъ можно такъ говорить! Это Божья земля, что никогда не оттаиваетъ?! Это проклятая земля! Богъ не хочетъ, чтобы здѣсь жили люди: если бы онъ хотѣлъ, она не была бы такая. Проклятая, подлая! Тьфу, тьфу!

И онъ началъ плевать и топать ногами; то сжавъ губы, скорченными пальцами грозилъ онъ неповинной якутской землѣ, то шепталъ по еврейски какія-то проклятія, наконецъ измученный снова усѣлся, вѣрнѣе, повалился на скамью возлѣ меня.

Всѣ ссыльные, безъ различія религіи и національности, не любятъ Сибири; но, очевидно, фанатичный хассидъ не умѣлъ ненавидѣть на половину. Я ожидалъ, пока онъ успокоится. Воспитанный въ суровой школѣ, еврей скоро пришелъ въ себя, быстро овладѣлъ волненіемъ и, когда я взглянулъ на него вопросительно, онъ заговорилъ:

— Простите меня, я объ этомъ ни съ кѣмъ не говорю, да и съ кѣмъ здѣсь говорить?

— Развѣ мало здѣсь евреевъ?

— Развѣ это евреи? это все равно, что здѣшній народъ... никто не исполняетъ закона.—Боясь, однако, новаго взрыва, я не далъ ему кончить и, рѣшивъ сократить нашъ разговоръ, прямо спросилъ, о чемъ онъ хотѣлъ поговорить со мною.

— Я хотѣлъ бы узнать, что тамъ слышно... Столько лѣтъ я здѣсь и ни разу не слышалъ, что тамъ дѣлается.

— Ты такъ странно спрашиваешь, что я не знаю, какъ тебѣ сразу отвѣтить; я не знаю, что тебя интересуетъ; можетъ быть, политика?

Еврей молчалъ.

Думая, что гость мой, какъ и многіе другіе, интересуется политикой, не понимая самаго названія предмета, я началъ привычное уже для меня, благодаря многократнымъ повтореніямъ, повѣствованіе о политическомъ состояніи Европы, о Польшѣ и т. д., но еврей нетерпѣливо заерзалъ на мѣстѣ.

— Такъ это не интересуетъ тебя?—спросилъ я.

— Я никогда не думалъ объ этомъ,—откровенно отвѣтилъ онъ.

— А! Теперь понимаю, въ чемъ дѣло; ты, вѣроятно, хочешь знать, какъ живется евреямъ, какъ идетъ торговля?

— Имъ живется лучше моего...

— Вѣрно. Въ такомъ случаѣ ты, вѣроятно, хочешь знать, дорога ли теперь жизнь, какія цѣны на базарахъ, почемъ мука, мясо?

— Что мнѣ въ томъ, если здѣсь ничего достать нельзя, какъ бы дешево тамъ оно ни стоило...

— Еще вѣрнѣе. Но все же скажи наконецъ, что тебѣ отъ меня нужно?

— Если же я не знаю, какъ объяснить это. Видите, я часто такъ думаю, думаю, что даже Ривка,—это жену мою такъ зовутъ, спрашиваетъ: „Что съ тобой, Сруль?“ А что я отвѣчу ей, когда и самъ не знаю, что со мной. А, можетъ быть, даже и люди стали бы надо мной смѣяться?—добавилъ онъ, словно желая выпытать, не стану ли и я насмѣхаться надъ нимъ.

Но я не смѣялся. Я былъ заинтересованъ: очевидно его душу давило что-то, въ чемъ онъ самъ себѣ не умѣлъ дать отчета и о чемъ разсказать на языкѣ, которымъ онъ владѣлъ очень не совершенно, было для него весьма затруднительно. Чтобъ ободрить его, я его просилъ не торопиться, такъ какъ работа моя не спѣшная, ничего отъ того не по-

теряетъ, если мы побесѣдуемъ часъ, другой и т. д. Еврей поблагодарилъ меня взглядомъ и, немного подумавъ, началъ такой разговоръ:

— Когда вы выѣхали изъ Варшавы?

— По русскому календарю въ концѣ апрѣля.

— А тогда тепло тамъ было, или холодно?

— Совсѣмъ тепло. Я ѣхалъ въ лѣтнемъ костюмѣ.

— Ну подумайте! А здѣсь морозъ!

— Развѣ же ты забылъ, что въ апрѣлѣ уже всѣ поля у насъ засѣяны, всѣ деревья стоятъ зеленыя.

— Зеленыя?—и радость блеснула въ глазахъ Сруля.— Да, вѣрно, зеленыя; а здѣсь морозъ.

Теперь я зналъ уже, что ему нужно; однако, желая увѣриться, молчалъ. Еврей видимо оживился.

— Ну, разскажите же мнѣ, есть у насъ теперь... только вотъ видите, не знаю я, какъ это называется, забылъ уже по-польски,—объяснялъ онъ сконфуженно, какъ будто бы зналъ когда-нибудь,—оно такое бѣлое, какъ горохъ, только не горохъ, лѣтомъ возлѣ домовъ въ огородахъ, на такихъ большихъ палкахъ?..

— Фасоль?

— Вотъ, вотъ! Фасоль, фасоль—повторилъ онъ это слово нѣсколько разъ, какъ будто хотѣлъ запечатлѣть его въ своемъ мозгу навѣки.

— Конечно, есть, и много... А здѣсь развѣ нѣтъ?

— Здѣсь? За всѣ три года ни одного зерна не видѣлъ, здѣсь горохъ такой, что у насъ, извините за выраженіе, только... только...

— Свиньи ѣдятъ?—подсказалъ я.

— Вотъ, вотъ! Здѣсь его продаютъ на фунтъ, да и то не всегда достать можно.

— Развѣ ты такъ любишь фасоль?

— Не то что люблю, а все-таки часто думаю объ ней, вѣдь это очень красиво, какъ она растетъ возлѣ дома. А здѣсь ничего нѣтъ!

— А теперь—началъ онъ снова,—теперь скажите мнѣ, есть у насъ еще маленькія,—вотъ такія—показалъ онъ на пальцахъ—такія сѣренькія птички? Тоже забылъ, какъ онѣ называются. Прежде ихъ много было! Бывало молишься у окна, а мелюзги этой, какъ муравьевъ насбирается. Но кто тамъ на нихъ смотритъ? Знаете, никогда бы я не повѣрилъ, что стану о нихъ думать когда нибудь?! А отсюда, отсюда даже вороны на зиму улетаютъ, а такая мелюзга тѣмъ болѣе не можетъ выдержать. Но у насъ онѣ есть еще? Ну, говорите, есть?

Но теперь я не отвѣтилъ ему; я не сомнѣвался больше,

что старый еврей, хассидъ, фанатикъ, тосковалъ по родинѣ, какъ и я, что оба мы были больны одною болѣзнью; такое неожиданное открытіе товарища по страданію сильно меня тронуло; я взялъ его за руку и сталъ самъ спрашивать:

— Такъ ты объ этомъ хотѣлъ поговорить со мной? Такъ ты не думаешь о людяхъ, о своей тяжелой долѣ, о бѣдѣ, которая давитъ тебя, а тоскуешь о родномъ солнцѣ, о воздухѣ, о родной землѣ?.. Думаешь о поляхъ, лѣсахъ и лугахъ, объ ихъ обитателяхъ, которыхъ въ продолженіе своей бѣдной жизни ты не имѣлъ даже времени узнать хорошо, а теперь, когда дорогія сердцу картины исчезаютъ изъ твоей памяти, ты боишься пустыни, которая окружитъ тебя, сиротливости, которая охватитъ тебя, когда изгладятся дорогія воспоминанія? Ты хочешь, чтобы я тебѣ напомнилъ ихъ, освѣжилъ, хочешь, чтобъ я разсказалъ тебѣ, какова наша земля?..

— Да, да, вотъ именно! За этимъ я и пришелъ...—и онъ сжималъ мои руки и смѣялся радостно, какъ ребенокъ...

— Слушай же, братъ!..

. . . .

И слушалъ меня Сруль, весь превратившись въ слухъ, съ раскрытымъ ртомъ, съ устремленными на меня глазами. Своимъ взглядомъ онъ жегъ меня, возбуждалъ, вырывалъ изъ меня слова, жадно хваталъ ихъ и пряталъ глубоко, на днѣ своего горячаго сердца. Безъ сомнѣнія, онъ складывалъ ихъ тамъ, потому что, когда я кончилъ,—„*о вей мир, о вей мир!*“ жалобно застоналъ онъ, затряслась его рыжая борода, и крупныя чистыя слезы потекли по измученному лицу... И долго рыдалъ старый хассидъ, и я плакалъ съ нимъ вмѣстѣ...

* * *

Много воды утекло съ тѣхъ поръ въ холодной Ленѣ, и не мало, вѣрно, слезъ людскихъ скатилось по измученнымъ лицамъ. Но и теперь еще, хоть давно это было, въ ночной тиши, во время безсонницы, часто встаетъ предъ моими глазами окаменѣлое, съ отпечаткомъ тяжкой муки, лицо Балдыги, и рядомъ съ нимъ всегда появляется пожелтѣвшее, сморщенное, облитое чистыми слезами лицо Сруля. И когда я дальше всматриваюсь въ эти ночныя видѣнія, то часто мнѣ кажется, что шевелятся дрожащія блѣдныя губы еврея, и тихій, полный отчаянья голосъ шепчетъ возлѣ меня: „О Іегова, зачѣмъ ты такъ немилостивъ къ одному изъ вѣрнѣйшихъ сыновъ Твоихъ?..“

Старый годъ уходитъ. Рвется сгнившій пологъ,
И готова рухнуть ветхая стѣна,
Какъ кошмаръ больного, сонъ былъ страшно-дологъ,
Но разбиты чары вѣкового сна.
Старый годъ уходитъ. Еле брезжитъ новый,
Впереди—быть можетъ, долгій, тяжкій бой,
Но, сомкнувшись дружно, мы къ борьбѣ готовы
И побѣды знамя видимъ надъ собой.
Новому—дорогу! Зазвените струны!
Мертвому нѣтъ мѣста въ пиршествѣ живыхъ!
Наши силы грозны, наши души юны...
Громче, смѣлый окликъ добрыхъ часовыхъ!
Прочь, дитя неволи—жалкое безсилье,
Жизнь зоветъ на площадь, на борьбу зоветъ,
Зазвените струны, развернитесь крылья,
Разступитесь шире—новое идетъ!

Л. М. Василевскій.

Изъ жизни американскаго рабочаго.

Не такъ давно въ Берлинѣ появилась интересная книга. Авторъ ея, довольно видный чиновникъ министерства (Regierungsrat), разсказываетъ все пережитое имъ въ тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые онъ провелъ рабочимъ въ Америкѣ.

„Получивъ на годъ отпускъ,“ говоритъ онъ, „я рѣшилъ посѣтить Америку. Два мѣсяца прошло въ обычной жизни туриста. Первое любопытство было удовлетворено, впечатлѣнія начали отстаиваться, невольно напрашивались сравненія. Въ общественной жизни Америки прежде и больше всего меня поразило *одно*: я не слыхалъ и не видалъ ничего, что бы указывало на существованье соціалъ-демократіи. Странное явленіе! Родина промышленныхъ королей, страна господства крупнаго капитала не знаетъ краснаго призрака. Общественные вопросы всегда интересовали меня. Мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ условіями существованія этого пролетаріата, который—даже и въ лицѣ нѣмецкихъ своихъ представителей—не знаетъ и не желаетъ знать коммунистическаго евангелія. Для этого былъ одинъ путь, правда, не новый, самому стать рабочимъ.“

Объ условіяхъ жизни и труда американскаго пролетаріата говорилось и писалось не мало, но, въ большинствѣ случаевъ,— „со стороны“. Несомнѣнное достоинство книги Кольба заключается именно въ томъ, что авторъ ея рисуетъ намъ американскаго рабочаго и его жизнь не въ качествѣ посторонняго наблюдателя; онъ говоритъ только о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ. Но помимо той жизненной правды, которая въ ней заключается, книга интересна еще въ другомъ отношеніи. Прусскій чиновникъ въ роли американскаго рабочаго! Это звучитъ нѣсколько странно, и, конечно, за эти немногіе мѣсяцы рабочему и бюрократу, соединеннымъ въ одномъ лицѣ, не разъ и довольно серьезно пришлось столкнуться другъ съ другомъ. Du choc des opini-

8*

ons jaillit la vérité. Въ книгѣ Кольба не мало характерныхъ фактовъ, на которыхъ можно прослѣдить, какъ неизбѣжно мѣняется міровоззрѣніе человѣка, когда онъ, покинувъ привиллегированное положеніе, выйдя изъ узкихъ рамокъ своего класса и дѣятельности, въ качествѣ свободнаго человѣка толпы подходитъ къ жизни и серьезно и честно прислушивается къ тому, что она ему говоритъ. Обуздать, затормозить мысль нелегко; здоровые, нормально работающіе мозги часто *вынуждены* бываютъ принять извѣстные выводы, и даже предвзятость мысли, традиція, привычка не всегда могутъ спасти ихъ отъ этого. Въ книгѣ Кольба именно чувствуется этотъ здоровый трудъ человѣческой мысли, которая не мирится съ готовыми понятіями и свободно и безбоязненно подходитъ къ сложнымъ общественнымъ отношеніямъ современной жизни. Взгляды автора несомнѣнно были достаточно ясно очерчены, по собственному признанію онъ приступалъ къ своему „опыту" не въ качествѣ безпристрастнаго изслѣдователя. Къ современному движенію рабочихъ онъ относился несочувственно, даже отрицательно; ставя себя въ положеніе рабочаго, онъ надѣялся въ общеніи съ американскимъ пролетаріатомъ, съ такимъ равнодушіемъ относящимся къ вопросамъ соціальной политики, напасть на факты, которые послужили бы ему орудіемъ противъ соціалъ-демократіи. Съ нимъ случилось то-же, что съ Молчалинымъ—„шелъ въ комнату, попалъ въ другую," и онъ имѣетъ мужество признаться въ этомъ. Человѣкъ партіи, авторъ умѣетъ, что такъ рѣдко случается, не быть партійнымъ. „Со мною случилось то-же," говоритъ онъ, „что, вѣроятно, и со многими изъ насъ, кто честно подходилъ къ вопросу: я нашелъ проблемы тамъ, гдѣ прежде видѣлъ однѣ аксіомы. Многія изъ желаній и требованій нашего рабочаго, для которыхъ прежде у меня не было ни ушей, ни глазъ, представляются мнѣ теперь достойными серьезнаго обсужденія." Какъ ни кратковременно было сказочное превращеніе чиновника въ рабочаго, оно несомнѣнно оставило неизгладимые слѣды въ міровоззрѣніи автора, которые не исчезли и послѣ того, какъ онъ вернулся изъ страны чудесъ на родину, въ свою бюрократическую фабрику проэктовъ, распоряженій и докладныхъ записокъ, и гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, ни страстей земныхъ, а есть только одно сухое и безжизненное—„служи и *трудись*, какъ велятъ".

Мѣстомъ для своего „опыта" авторъ избралъ Чикаго, эту столицу американской промышленности. Съ самаго начала дѣло пошло далеко не сладко. Шесть недѣль прошло, пока работа вообще нашлась—онъ попалъ на пивоваренный заводъ. Не прошло и мѣсяца, какъ его оттуда выгнали. Тогда, дорожа временемъ, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ рекомендательнымъ письмамъ и устроился на велосипедной фабрикѣ. Тамъ онъ проработалъ три мѣсяца, потомъ направился въ Санъ-Франциско, поселился въ жили-

щѣ для рабочихъ, но... работы ужъ больше не искалъ—охота пропала! Свою грязную рабочую блузу онъ принесъ въ даръ волнамъ Тихаго Океана и снова обратился въ Regierungsrat'а.

Вотъ вкратцѣ содержаніе книги. Интересно подробнѣе, шагъ за шагомъ, прослѣдить экскурсію автора въ чуждую ему область жизни рабочихъ.

Какъ уже было сказано, онъ избралъ Чикаго, этотъ центръ американской промышленности, занимающій пространство въ семь разъ большее, чѣмъ Берлинъ, типъ быстро растущаго американскаго города съ его гигантскими постройками, улицами въ сорокъ километровъ длиною, сѣрымъ закопченымъ небомъ, съ его пестрымъ двухмилліоннымъ населеніемъ, около четверти котораго составляютъ нѣмцы.

Этотъ городъ, повидимому, наиболѣе соотвѣтствовалъ его цѣли—ознакомиться съ жизнью рабочаго класса. Сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ Кольба о его скитаніяхъ въ поискахъ заработка, о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится жить безработнымъ; эта часть книги, затрогивающая сравнительно менѣе извѣстныя стороны жизни рабочихъ,—едва-ли не самая интересная.

Съ первыхъ же шаговъ автору пришлось испытать, что̀ значитъ искать работу. Онъ дѣлалъ все отъ него зависящее, готовъ былъ взять первое, что попадется подъ руку, а все-таки прошло шесть недѣль, пока работа, наконецъ, нашлась. Весьма возможно, что дѣло пошло бы легче и скорѣе, если бы онъ открылъ свои карты или захотѣлъ воспользоваться рекомендательными письмами, но ему именно важно было поставить себя въ положеніе нѣмецкаго переселенца, не имѣющаго ни родныхъ, ни знакомыхъ, который, слѣдовательно, въ дѣлѣ пріисканія заработка, не можетъ разсчитывать на какую-либо помощь или поддержку.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Чикаго, авторъ направился въ Нѣмецкое Консульство съ просьбою указать, гдѣ и какъ найти работу. Тамъ его осмотрѣли съ ногъ до головы:

— Знаете вы какое-нибудь ремесло?

— Нѣтъ.

— Занимались раньше ручнымъ трудомъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ будетъ не легко. Какъ разъ теперь...

— Но я вчера еще читалъ въ газетѣ, что какъ разъ теперь американская промышленность переживаетъ блестящій періодъ...

— Гм... тѣмъ лучше для васъ. Вы, вѣрно изъ солдатъ?

Не ожидавшій этого вопроса, онъ не сумѣлъ солгать:

— Я офицеръ въ запасѣ.

— Вотъ какъ! Совѣтую вамъ не падать духомъ...

Надо думать, что всѣ эти вопросы предложены были изъ про-

стого человѣколюбія, потому что въ заключеніе послѣдовало, хотя и очень вѣжливое, но не совсѣмъ-то логичное заявленіе, что Нѣмецкое Консульство вопросомъ о прінсканіи работы не занимается. Ему посовѣтовали обратиться въ Нѣмецкое Общество. Нѣмецкое Общество было недалеко, и контора его помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Это была большая комната, перегороженная отъ стѣны до стѣны широкимъ столомъ. На немъ навалена была цѣлая куча платья и обуви. Позади стола виднѣлась комнатка и въ ней отпертый денежный шкапъ. Все помѣщеніе напоминало кассу ссудъ. Въ комнатѣ было жарко, душно и стоялъ особый запахъ—запахъ бѣднаго люда. На скамьѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ. И одежда, и выраженье ихъ лицъ безъ словъ говорили о нуждѣ. Кольбъ помѣстился рядомъ съ ними, ожидая очереди. Сосѣди его были несловоохотливы. Какъ потомъ оказалось, всѣ они пришли просить пособія—лишь немногіе получили его. На стѣнѣ надъ скамьей висѣла большая черная доска. На ней мѣломъ обозначены были свободныя мѣста—ихъ было немного. Тутъ же рядомъ висѣло объявленіе, что другихъ мѣстъ не имѣется, и поэтому отъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ и вопросовъ относительно занятій просятъ воздерживаться. Люди входили, внимательно прочитывали объявленіе и... уходили.

Нужда слабо, робко стучится въ дверь, но и отъ этого тихаго, просящаго звука, который точно боится, что его услышатъ, люди умѣютъ оберегать себя.

Тамъ, въ Нѣмецкомъ Обществѣ, автору въ первый разъ въ жизни пришлось испытать на себѣ тотъ обидно-снисходительный тонъ, въ которомъ, къ сожалѣнію, примѣшивается не малая доля презрѣнія къ человѣку, и онъ понялъ, „почему современный пролетаріатъ такъ упрямо подчеркиваетъ свое *право* на извѣстныя общественныя учрежденія, и такъ упорно *не желаетъ* ихъ, когда они ему преподносятся въ формѣ простой благотворительности“.

Въ Нѣмецкомъ Обществѣ автору дали адресъ дешевой гостиницы для рабочихъ. Домъ находился въ центральной части города. Низъ занятъ былъ трактиромъ, въ верхнемъ этажѣ помѣщались меблированныя комнаты; двѣ изъ нихъ съ окнами, остальныя темныя съ небольшимъ окошечкомъ, выходившимъ на корридоръ, пропитанный острымъ кухоннымъ запахомъ. Меблировка каждой „комнаты“, какъ авторъ, быть можетъ, черезчуръ снисходительно, именуетъ эти темныя непровѣтриваемыя дыры, состояла изъ стола, стула и кровати. Двери изъ одной комнаты въ другую были стеклянныя, заклеенныя бумагой, каждый звукъ отъ сосѣдей былъ слышенъ. Въ подобныхъ гостиницахъ живутъ, главнымъ образомъ, безработные, или переселенцы, недавно пріѣхавшіе въ Америку; часть комнатъ сдавалась, по часамъ или на болѣе продолжительный срокъ, публичнымъ женщинамъ. Плата

за комнату составляла $1^1/_4$ долл. въ недѣлю. Имѣющіе работу живутъ, конечно, въ болѣе здоровой и чистой обстановкѣ.

Какъ ни мало привлекательны подобныя жилища для рабочихъ, они, однако, стоятъ неизмѣримо выше домовъ другого рода, тоже находящихся въ центральной части города, гдѣ за 10 цент. въ день или за 50 цент. въ недѣлю можно найти пріютъ. Авторъ побывалъ въ двухъ изъ такихъ убѣжищъ. Обстановка мало привлекательная: большая, низкая комната и въ ней три-четыре ряда кроватей, изъ которыхъ каждая помѣщается въ проволочной клѣткѣ вышиною въ человѣческій ростъ и длиною въ кровать. Въ углу кранъ съ раковиной и мыло на цѣпи. Вентиляціи никакой. Здѣсь живутъ люди, находящіеся на днѣ общества. По словамъ Кольба ему трудно было добиться отъ обитателей этихъ дешевыхъ жилищъ какихъ-либо свѣдѣній относительно ихъ жизни и положенія,—они отмалчивались на его вопросы.

Довольно подробно авторъ останавливается на томъ, гдѣ и какъ рабочіе питаются. Громадныя, прекрасно устроенныя бойни Чикаго, снабжающія мясомъ чуть не весь міръ, были не разъ описаны. Довольно непонятнымъ въ нихъ является одно: отсутствіе полицейско-санитарнаго надзора. Осмотръ скота производится только по требованію, а требуютъ его лишь немногія фирмы. „Легко представить себѣ, куда это ведетъ въ странѣ свободы“, замѣчаетъ авторъ; „говорятъ, что консервы для войскъ въ послѣднюю американскую войну были приготовлены изъ мяса дохлаго скота“.

Впослѣдствіи онъ познакомился съ мясникомъ, развозившимъ въ небольшой телѣжкѣ свой товаръ по дешевымъ ресторанамъ. Онъ сопровождалъ его въ одной изъ такихъ поѣздокъ и удивлялся, какъ ловко тотъ въ два-три часа сбылъ свой тухлый, полуразложившійся товаръ. „То, чему я былъ свидѣтелемъ въ эти немногіе часы, заставило меня съ отвращеніемъ думать о тѣхъ дешевыхъ ресторанахъ, гдѣ я обѣдалъ, и гдѣ тысячи рабочихъ принуждены кормиться“.

Обычная плата въ такихъ ресторанахъ 10—15 цент. за приборъ. Даютъ много, особенно мяса, но продукты самаго невысокаго качества. Грязь невозможная. Посѣтители ѣдятъ молча, торопливо, встаютъ, расплачиваются и уходятъ. На стѣнѣ виситъ большое объявленіе: „обѣды въ долгъ ни въ какомъ случаѣ не отпускаются“.

При меблированныхъ комнатахъ, въ которыхъ помѣстился авторъ, находился трактиръ, или, какъ американцы называютъ, „салонъ“. Пьютъ въ такихъ „салонахъ“, мало чѣмъ отличающихся одинъ отъ другого, пиво, виски; пьютъ стоя, у прилавка. По субботамъ, когда посѣтителей бывало больше, случалось, что кто-нибудь приносилъ цитру, и пѣли хоромъ народныя или солдатскія пѣсни. Интересно отмѣтить, что ни въ одномъ изъ „са-

лоновъ" ни разу автору не пришлось слышать пѣсни политическаго содержанія или тѣ „Arbeiterlieder", которыя съ такимъ увлеченіемъ поются рабочими въ Германіи. То-же и относительно разговоровъ: политики, соціальныхъ вопросовъ почти никогда не касались. Въ томъ „салонѣ", который содержалъ хозяинъ вышеописанныхъ меблированныхъ комнатъ, это было и понятно: посѣтители (жильцы комнатъ) состояли преимущественно изъ безработныхъ, изъ переселенцевъ, и разговоры естественно вертѣлись на томъ, что всѣхъ наиболѣе занимало въ данный моментъ,—какъ и гдѣ найти работу. Моментъ былъ не изъ благопріятныхъ. Тѣ блестящія времена, когда по гордому заявленію президента Макъ-Кинли „не рабочій искалъ работу въ Америкѣ, а работа—его", давно миновали, страна переживала экономическій кризисъ, попасть на фабрику не было почти никакой надежды, да и какое-либо другое занятіе не легко было найти: близилась зима и Рождество, и каждый, въ ожиданіи рождественскихъ наградъ и подарковъ, держался за свое мѣсто. Таково было общее мнѣніе посѣтителей „салона", и изъ разговоровъ, происходившихъ у прилавка, автору очень скоро стало ясно одно—что обратиться изъ чиновника въ рабочаго, вещь далеко не такая простая.

Онъ рѣшилъ снова обратиться въ Нѣмецкое Общество за совѣтомъ, гдѣ и какъ найти работу. Тамъ ему предложили рядъ вопросовъ: какъ зовутъ? чѣмъ занимался раньше? (на этотъ разъ онъ солгалъ безъ запинки,—только первый шагъ въ жизни труденъ) гдѣ живетъ? и т. п. Отвѣты занесли въ книгу, а просителю объяснили, что работу ему врядъ-ли удастся найти. Посовѣтовали каждый день послѣ обѣда поджидать у конторы появленія „Вечерняго Листка"—быть можетъ, въ объявленіяхъ и найдется что-либо подходящее. Слабая надежда!

Когда онъ вечеромъ сообщилъ обычнымъ посѣтителямъ „салона" и своимъ товарищамъ по несчастью о результатѣ посѣщенія Нѣмецкаго Общества, по адресу послѣдняго посыпались довольно нелестныя замѣчанія, оно вообще пользовалось дурной славой среди рабочихъ. На объявленія въ „Вечернемъ Листкѣ" надежда плоха, говорили люди опытные,—мѣстъ мало, а охотниковъ много, и человѣку, плохо знакомому съ Чикаго, трудно поспѣть раньше другихъ.

Какъ-бы то ни было авторъ рѣшилъ испробовать всѣ пути и со слѣдующаго же дня принялся караулить появленія „Вечерняго Листка" у дверей конторы. Картина, которую онъ изо дня въ день видѣлъ тамъ, была безконечно грустна:

„На ступеняхъ лѣстницы, ведущей въ контору, стояли тѣсной толпой нѣсколько сотъ бѣдняковъ. Шумная жизнь большого города, безучастная, неслась мимо нихъ. Голодъ свѣтился въ ихъ глазахъ, нужда сквозила изъ каждой прорѣхи ихъ жалкой рваной

одежды. Глаза всѣхъ напряженно устремлены были на дверь. И когда она, наконецъ, отворялась,—какой натискъ, какая давка, толкотня! Сотни рукъ тянулись къ листку, каждый спѣшилъ раньше другого завладѣть имъ, жадно пробѣгалъ объявленіе и потомъ—или безнадежно опускалъ глаза въ землю, обманутый въ своихъ ожиданьяхъ, или тутъ же, не медля ни минуты, бросался бѣжать, оглядываясь по временамъ, нѣтъ ли соперника, старающагося перегнать его. Сколько нужды и горя изо дня въ день стояло у этихъ дверей! Большинство были переселенцы изъ Германіи, люди, потерпѣвшіе кораблекрушеніе въ бурѣ жизни и переплывшіе океанъ въ погонѣ за счастьемъ. Теперь они выброшены были на этотъ негостепріимный берегъ голодные, холодные, безпріютные. Здѣсь можно было встрѣтить людей, стоявшихъ на разныхъ ступеняхъ безработицы, начиная съ теплоодѣтаго, сытаго, здороваго, увѣренно выступавшаго рабочаго, который, очевидно, только временно находился безъ заработка, и кончая жалкими, изнуренными, завернутыми въ какія-то лохмотья людьми, которые стучали зубами, когда налеталъ порывъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, и хватались за бутылку съ виски. Они дошли до крайней степени нужды, быть можетъ, до преступленія, и все-таки по лицамъ многихъ изъ нихъ видно было, что они знавали лучшія времена. Особенно врѣзалась мнѣ въ память фигура человѣка, который, такъ же какъ и я, въ теченіе долгихъ недѣль изо дня въ день приходилъ и поджидалъ появленіе листка. Онъ никогда не приходилъ одинъ; на рукахъ онъ всегда держалъ маленькую дѣвочку, завернувъ ее въ свой поношенный, совсѣмъ почти прозрачный плащъ, плохо защищавшій ихъ обоихъ отъ суровой зимней погоды. Ребенокъ—славная бѣлокурая головка; отецъ—истощенный, болѣзненный. Что будетъ съ малюткой, когда онъ умретъ? „Она не первая!“ сказалъ Мефистофель“.

Люди любятъ декорацію—имъ непремѣнно нужно что-нибудь въ родѣ Шильонскаго замка, чтобы цѣпи гремѣли, и стоны узника глухо раздавались подъ мрачными сводами. А какая тюрьма можетъ сравниться съ *свободной* жизнью этого отца, который простаиваетъ долгіе часы въ томительномъ ожиданіи на холодномъ вѣтру и потомъ возвращается со своимъ ребенкомъ *„домой“*— въ проволочную клѣтку, быть можетъ, или, если онъ достаточно богатъ, чтобы позволить себѣ эту роскошь,—въ „меблированную комнату“, въ темную душную „дыру“, гдѣ рядомъ, за дверью, въ такой же дырѣ „женщины по часамъ“ торгуютъ собою.

Кажется, намъ еще рано хвалиться отмѣною рабства.

„Предсказаніе посѣтителей „салона“, что при помощи „Вечерняго Листка“ я ничего не добьюсь, оказалось вѣрнымъ“, разсказываетъ авторъ далѣе, „каждый вечеръ я возвращался домой усталый, измученный и съ пустыми руками“. Въ болѣе свѣтлыя

минуты онъ мечталъ о мѣстѣ дворника или служащаго при пекарнѣ (Bäckerwagenkutscher), но надолго „обольстить себя мечтой прекрасной“ ему не удавалось, и гораздо чаще онъ представлялся себѣ ненужнымъ, ни на что негоднымъ членомъ человѣческаго общества.

Интересно въ психологическомъ отношеніи это угнетенное душевное состояніе у человѣка, для котораго все это было вѣдь не болѣе, какъ опытъ, которому стоило только сбросить рабочую блузу, переодѣться и переѣхать въ гостиницу, чтобы снова обратиться въ туриста и чиновника министерства. Что-же должны испытывать *настоящіе* безработные!

„Вечерній листокъ“ не помогъ; оставалось еще два пути: хожденье по фабрикамъ и посредническія бюро.

Раннимъ утромъ Кольбъ, вмѣстѣ съ остальными обитателями „меблированныхъ комнатъ“, обходилъ одну фабрику за другою—и конечно безуспѣшно. У воротъ каждой безработные стояли толпами, изъ-за свободныхъ мѣстъ—а ихъ было немного—чуть не дрались.

Бюро, служащія посредниками между безработными и нанимателями, находятся въ рукахъ частныхъ лицъ и устроены съ промышленною цѣлью. Они пользуются дурной славой среди рабочихъ. Плата—долларъ или два—вносится впередъ, и за эти деньги въ теченіе мѣсяца числишься кандидатомъ. Взявъ деньги и записавъ адресъ кліента, бюро, въ большинствѣ случаевъ, считаетъ свои обязанности выполненными. Со стороны одного изъ бюро, впрочемъ, вскорѣ послѣдовало предложеніе работы—на выборъ: во-первыхъ, колоть и нагружать ледъ гдѣ-то на озерѣ Мичиганѣ, къ сѣверу отъ Чикаго и, во-вторыхъ, требовались люди для земляныхъ работъ близъ Кентукки. Плата—въ обоихъ случаяхъ—$1^1/_2$ доллара въ день; пища и помѣщеніе (въ общихъ баракахъ) за 3 доллара въ недѣлю отъ предпринимателей. Работа эта, по отзывамъ всѣхъ, очень тяжелая, требующая большого напряженія и физической силы; главное-же, что заставило автора отказаться отъ нея, это нежеланіе покинуть Чикаго и невозможность вести записки, живя въ общемъ помѣщеніи.

И такъ онъ продолжалъ свои хожденія по мукамъ безработицы. Во время нихъ судьба свела его съ интереснымъ типомъ добродѣтельнаго бродяги. Это былъ нѣмецъ, лѣтъ десять тому назадъ пріѣхавшій въ Америку. Изъ дѣйствующей арміи промышленности онъ попалъ понемногу въ запасную и превратился въ нищаго и бродягу; ихъ и въ Америкѣ не мало—„они такъ-же неизбѣжны во всякомъ промышленномъ государствѣ, какъ *аминь* въ концѣ проповѣди“. Но правительство Великой Республики и въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ принципу невмѣшательства; въ тѣхъ штатахъ, впрочемъ, гдѣ нищихъ особенно много, существуетъ законъ, согласно которому фермеръ имѣетъ

право пристрѣлить каждаго „злоумышляющаго бродягу“, который приблизится къ его дому на опредѣленное число шаговъ.

„Бродяга Билль“, съ которымъ судьба такъ странно свела автора, былъ своеобразный типъ. Еще въ Германіи онъ не разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за воровство и совершенно не считалъ нужнымъ скрывать это. По политическимъ взглядамъ онъ былъ анархистомъ, по крайней мѣрѣ, искренно считалъ себя таковымъ, хотя съ этимъ словомъ у него, очевидно, связывались весьма смутныя представленія. „Такъ дольше продолжаться не можетъ, дѣла должны измѣниться, а это возможно только путемъ насилія. Соціалисты только словами вертятъ; законность да избирательная урна—на этомъ далеко не уѣдешь! „No rule, no vote!“ Наряду съ этимъ брань по адресу богатыхъ—вотъ и все міровоззрѣніе Билля. Съ собственно анархистической партіей въ Чикаго онъ врядъ ли состоялъ въ какихъ-либо сношеніяхъ“. Первое время по пріѣздѣ въ Америку онъ зарабатывалъ много, потомъ опустился, потомъ какая-то „дама“, какъ онъ говорилъ, помогла ему выплыть со дна. Онъ сталъ кельнеромъ—сначала въ трактирахъ попроще, потомъ въ хорошихъ гостиницахъ. Въ настоящее время онъ снова былъ не у дѣлъ и не прочь былъ нанести визитъ богатому дому въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Чикаго.

„Дай только время, братецъ“, говорилъ онъ, „будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Старикъ-отецъ живо похолодѣетъ, объ этомъ ужъ я позабочусь. Дочь я возьму себѣ.—У нея еще сестра есть—на твою долю“.

И человѣкъ съ такою покладистою совѣстью способенъ былъ на самую безкорыстную, самоотверженную, на самую христіанскую любовь къ ближнему. Авторъ разсказываетъ, какъ этотъ бродяга, совершенно почти не зная его, видя, или думая, по крайней мѣрѣ что ему приходится плохо, понялъ одно—что надо помочь человѣку. Самъ безъ заработка, онъ два дня съ утра до поздней ночи бѣгалъ съ нимъ въ своемъ тонкомъ пальтишкѣ по холоднымъ мерзлымъ улицамъ Чикаго, вымаливая для него работы. „Не падай духомъ“, утѣшалъ онъ его, „съ голоду не помрешь. Милостыней-ли, воровствомъ ли,—а ужъ денегъ я раздобуду, когда нужда придетъ“. У него самого оставалось всего нѣсколько долларовъ, и ими онъ, не задумываясь, готовъ былъ подѣлиться съ своимъ товарищемъ по несчастью и каждый разъ чуть не насильно хотѣлъ платить за его обѣдъ.

„Въ кельнера тебѣ не попасть“, разсуждалъ Билль,—„тутъ выучка нужна. Ну, а ножи и кастрюли чистить ты не хуже всякаго другого сумѣешь“. Бѣдный Regierungsrat!

Начались скитанья по отелямъ—съ задняго хода, конечно, Тамъ у дверей они ждали со шляпой въ рукахъ, пока появится кто-либо изъ власть имѣющихъ и захочетъ ихъ выслушать. Въ

большинствѣ случаевъ имъ даже не давали договорить до конца—пожиманья плечъ, короткій отказъ... И это изо дня въ день.

„Обманутыя ожиданья, неизбѣжныя при поискахъ заработка униженія,—все это даже и на мало избалованнаго судьбою человѣка должно дѣйствовать угнетающимъ образомъ".

Только разъ счастье улыбнулось имъ: одно изъ гимнастическихъ обществъ Чикаго давало банкетъ; Билля взяли кельнеромъ, своего друга онъ пристроилъ „омнибусомъ". „Омнибусы" на громадныхъ деревянныхъ подносахъ — одинъ спереди, другой сзади—выносятъ въ кухню грязные ножи, вилки, тарелки, стаканы. Занятіе, по словамъ автора, далеко не легкое; потъ струился съ него градомъ, а на рукахъ очень скоро вскочили пузыри.

За этотъ вечеръ онъ получилъ $1^1/_2$ долл.—первыя деньги въ жизни, которыя онъ заработалъ трудами рукъ своихъ.

Этотъ вечеръ былъ оазисомъ въ пустынѣ; дни шли за днями, а состояніе вынужденной праздности не прекращалось.

„А вѣдь было время", восклицаетъ авторъ, „когда я, при видѣ сильнаго, здороваго парня, просящаго милостыню, съ негодованіемъ восклицалъ: и отъ чего этотъ бездѣльникъ не работаетъ? (warum arbeitet der Lump nicht?). Теперь я знаю, *почему* онъ не работаетъ".

Въ книгѣ Кольба не мало такихъ мимолетныхъ замѣчаній, на которыхъ ясно можно видѣть, какъ жизнь заставляла его отрѣшаться отъ тѣхъ ограниченныхъ, часто жестокихъ сужденій и осужденій оптомъ, которыя такъ свойственны людямъ извѣстнаго класса, въ особенности бюрократіи и буржуазіи всѣхъ странъ.

„Въ теоріи все выглядитъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ на практикѣ, и, сидя у письменнаго стола, даже съ самыми безотрадными сторонами народнаго хозяйства удается отлично справляться (hantiert sich's ganz erträglich)".

Когда авторъ, разъ какъ-то у прилавка въ „салонѣ", строгонаучно, съ тою объективностью и обстоятельностью, которыя такъ свойственны нѣмецкимъ „мальчикамъ въ штанахъ", принялся развивать мысль о необходимости существованія запасной арміи безработныхъ для того, чтобы въ народномъ хозяйствѣ не произошло застоя, чтобы оно вообще могло итти своимъ чередомъ,—рѣчи эти не нашли отклика въ сердцахъ его слушателей. Его

Понеже первое, второе—такъ,
И третье инымъ не можетъ быть никакъ, [1])

казались имъ мало убѣдительными, и противъ такого ученаго пониманья простыхъ вещей какой-то старикъ—рабочій (механикъ) разразился слѣдующею характерною рѣчью:

*) Сцена Мефистофеля съ ученикомъ.

„Ты... ты, вообще, не имѣешь права и говорить-то объ этихъ вещахъ. Ты здоровъ и безсемейный. Велика бѣда, что ты похолодаешь и поголодаешь недѣлю—другую... Другое дѣло, когда у человѣка семья. Возьмите хоть моего покойнаго брата. Жена—только что родила; онъ уже цѣлые мѣсяцы безъ работы. Накопленные гроши, конечно, давно истрачены. Женщина изнурена, и у ней нѣтъ молока. Изо дня въ день мужъ возвращается домой съ пустыми руками. Куда онъ ни толкнется, всюду къ его просьбамъ глухи. Ребенокъ умираетъ; за нимъ и мать. И когда такой человѣкъ, стоя у гроба своихъ близкихъ, не имѣетъ силъ поднять глаза къ небу и воскликнуть: Боже мой, Боже мой, за что ты покинулъ меня!—а только жалуется на своихъ ближнихъ, у которыхъ не нашлось для него ничего, кромѣ пожиманья плечъ и равнодушнаго „справляйся самъ, какъ знаешь",—тутъ является молодчикъ въ родѣ тебя и старается намъ зубы заговорить, что такъ всегда было и впредь должно быть, ради какого-то тамъ „правильно-устроеннаго народнаго хозяйства". Какъ будто въ Словѣ Божіемъ говорится что-нибудь про „правильно устроенное народное хозяйство". Да что тамъ! Развѣ вашъ братъ знаетъ что о Словѣ Божіемъ. Къ чему и метать бисеръ предъ свиньями.— Старикъ плюнулъ и вышелъ вонъ изъ комнаты".

Въ концѣ концовъ автору удалось найти работу довольно оригинальнымъ способомъ, къ которому онъ прибѣгъ по совѣту своего ангела-хранителя, бродяги Билля: „Тѣ пару центовъ, которые у тебя еще остались, лучше сбереги, а за комнату впередъ не плати—можетъ, тогда хозяинъ самъ постарается раздобыть тебѣ работу. Возможно, конечно, и то, что онъ тебя вышвырнетъ на улицу".

Какъ ни непривычна была такая перспектива для чиновника министерства, однако онъ рѣшилъ и на это пойти и въ началѣ недѣли объявилъ хозяину, что денегъ, чтобы заплатить впередъ у него нѣтъ. Это заявленіе побудило хозяина позаботиться о своемъ жильцѣ, и нѣсколько дней спустя ему объявили, что мѣсто есть: въ одну изъ пивоваренъ Чикаго требуются люди для бутылочнаго отдѣленія.

Условія труда, заработная плата, жизненная обстановка рабочихъ въ Америкѣ,—все это вещи хорошо извѣстныя; въ этомъ отношеніи въ книгѣ Кольба нѣтъ почти ничего новаго. Но въ ней много фактовъ, которые позволяютъ заглянуть во внутреннюю жизнь рабочаго, знакомятъ съ его душевнымъ состояніемъ, съ его міровоззрѣніемъ, вообще даютъ о немъ представленіе какъ о „*человѣкѣ*",—не только, какъ о „*живой машинѣ*".

Автору пришлось работать въ двухъ мѣстахъ: на пивоваренномъ заводѣ и на велосипедной фабрикѣ.

На заводѣ онъ попалъ въ бутылочное отдѣленіе. Кромѣ него тамъ работало человѣкъ семьдесятъ,—все простые необученные рабочіе, большинство—нѣмцы.

Мытье, закупориванье, этикетированье бутылокъ, вообще большая часть работъ производилась машинами, къ которымъ приставлены были женщины или дѣти; даже пиво изъ бочекъ въ бутылки перегонялось машиннымъ способомъ—при помощи сжатаго воздуха.

Работы, требовавшія большаго напряженія и большей мускульной силы, выполнялись мужчинами и состояли, главнымъ образомъ, въ перетаскиваніи тяжестей (пустыхъ пивныхъ бочекъ, ящиковъ, наполненныхъ бутылками и т. п.).

Какъ разъ около этого времени заводъ получилъ большой заказъ, и изъ рабочихъ старались выжать, что только возможно; постоянно раздавались понуканья надзирателя. Автора поразило выраженіе тупого раздраженія, не сходившаго съ лица рабочихъ „Вѣроятно, и мое лицо выглядѣло такъ-же,“ замѣчаетъ онъ. „Я сейчасъ не могу безъ раздраженія думать объ этихъ мокрыхъ пивныхъ бочкахъ и тяжелыхъ ящикахъ съ бутылками... осколки битаго стекла, щепки, гвозди.—Очень скоро руки у меня стали. совсѣмъ израненныя, въ ссадинахъ, царапинахъ и занозахъ, спина не сгибалась, походка стала тяжелой и неуклюжей“.

Во время работы, конечно, было не до разговоровъ. На обѣдъ полагался часъ; каждый старался забраться куда-нибудь въ уголъ и этотъ часъ проходилъ въ угрюмомъ молчаніи. По субботамъ по окончаніи работъ, еще завязывался иногда кое-какой разговоръ, хотя большинство уходило со словами: „Слава Богу, на сегодня конецъ этому живодерству!“

Рабочій день на заводѣ продолжался съ 6—12 и съ 1—5 слѣдовательно, 10 час.; впрочемъ, почти каждый день приносилъ сверхурочные часы, такъ что въ общемъ рабочій день состоялъ изъ 14—15 час. Въ такіе дни въ 6 час. полагался получасовой перерывъ, зато обѣденный отдыхъ сокращался на полчаса. Работали даже по воскресеньямъ отъ 6—12.

Заработная плата для взрослыхъ рабочихъ равнялась $1^1/_2$ долл. женщины получали 75 цент., дѣти—50 цент., подростки—долларъ. За сверхурочные часы шла особая, но не болѣе высокая плата.

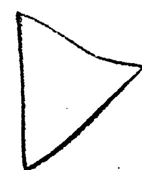
„Самое большее“, разсказываетъ авторъ далѣе, „что мнѣ удавалось заработать въ теченіе недѣли, это 10 долл. Деньги хорошія но доставались онѣ мнѣ нелегко—для этого требовалось 20 сверхурочныхъ часовъ въ недѣлю; что это значитъ, пойметъ только тотъ, кто самъ испыталъ. Изо дня въ день, въ продолженіе 10 час. подъ рядъ, быть на ногахъ, таскать, подымать, взваливать себѣ на плечи тяжести—ужъ далеко не бездѣлица; обыкновенно же рабочій день затягивался на 14—15 час. Когда я вечеромъ въ

десятомъ часу, еле волоча ноги, возвращался домой, у меня была одна мысль: скорѣе добраться до постели. Первое время я еще топилъ печь—стояла зима, и морозъ нерѣдко достигалъ 20°—грѣлъ воду и умывался, потому что противно было ложиться такимъ грязнымъ. Этотъ героизмъ продолжался недолго; потребность въ чистотѣ незамѣтно исчезала. Въ первое утро, сидя за завтракомъ съ однимъ изъ моихъ товарищей, я въ душѣ возмущенъ былъ его грязнымъ, безпорядочнымъ, оборваннымъ видомъ,—и совсѣмъ напрасно: не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ я сталъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды. Одежда страшно рвалась при нашей работѣ; вечеромъ, усталый, я брался за иглу и кое-какъ затягивалъ самыя большія дыры. Некогда было бѣлье перемѣнить, некогда было купить что-нибудь, нельзя было даже къ хозяевамъ обратиться съ какимъ-нибудь порученіемъ: когда я возвращался домой, они давно спали. Прибавьте сюда сильное переутомленіе и связанное съ нимъ безразличное отношеніе ко всему, что переходитъ за предѣлы настоящей минуты,—и вамъ ясно станетъ, до чего я дошелъ. Сначала такая жизнь казалась мнѣ невыносимой. Въ концѣ концовъ я привыкъ и—подобно своимъ товарищамъ—бралъ жизнь такою, какова она есть.

„Большого напряженія воли требовалось, чтобы вести записки. Въ газеты я не заглядывалъ. По воскресеньямъ у меня не было ни малѣйшаго желанья отправиться въ великолѣпныя читальныя залы городской библіотеки. Я предпочиталъ сидѣть дома, въ тупой апатіи, и курить.

„Пускай мнѣ не возражаютъ на это, что непривычная работа сильнѣе давила меня—новичка. Я это и самъ знаю, но я знаю также, что и моимъ товарищамъ было нелегко, что имъ было даже тяжелѣе моего. Меня поддерживало сознаніе, что стоитъ только перемѣнить платье, чтобы стать другимъ человѣкомъ, и, конечно, условія жизни не могли ложиться на меня такимъ тяжелымъ гнетомъ, какъ на нихъ.

„О чрезмѣрно долгомъ рабочемъ днѣ и его послѣдствіяхъ писалось и говорилось не мало; я самъ и читалъ, и слышалъ объ этомъ вопросѣ очень много, но серьезно подумать о немъ мнѣ пришлось только тогда, когда я на себѣ испыталъ, какое вліяніе эти сверхурочные часы оказываютъ на человѣка. Мало соціальныхъ вопросовъ, относительно которыхъ мое мнѣніе было бы болѣе ясно и опредѣленно; я могу выразить его въ немногихъ словахъ: безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ я стою за сокращеніе рабочаго дня въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ это только возможно, а возможно оно въ гораздо большей степени, чѣмъ думаютъ. Никакого шаблона тутъ не должно быть, всякую рутину въ этомъ дѣлѣ нужно отбросить. А что самая широкая реформа дѣйствительно возможна, это мнѣ приходилось

слышать изъ устъ лицъ, принадлежащихъ къ фабричной инспекціи и—что еще гораздо важнѣе—отъ крупныхъ предпринимателей, сочувственно относящихся къ этому вопросу.

Продолжительный рабочій день невыгоденъ. Сверхурочные часы только временно дѣлаютъ трудъ болѣе продуктивнымъ, если же ихъ примѣнять постоянно, то очень скоро первоначально повышенная работоспособность падаетъ до прежней нормы. Наоборотъ, интенсивность работы повышается съ уменьшеніемъ рабочаго дня, и это происходитъ совершенно независимо отъ воли рабочихъ и не ощущается. „Поспѣется!"—это былъ нашъ лозунгъ въ тѣ дни, когда работа затягивалась; работали вяло, да и на слѣдующій день принимались за дѣло нехотя и медленно.

„Реформа въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, касающихся положенія рабочихъ, можетъ быть произведена только путемъ международнаго соглашенія, и, конечно, дѣло это должно быть рѣшено не только на бумагѣ, но и честно проведено въ жизнь".

Гораздо больше простыхъ необученныхъ рабочихъ зарабатывали пивовары и солодовщики. 17 долларовъ въ недѣлю была минимальная плата, установленная между ихъ союзомъ и предпринимателями; продолжительность рабочаго дня была также ограничена особымъ договоромъ.

„Сколько я могъ наблюдать", замѣчаетъ авторъ, „классовые интересы отсутствуютъ въ средѣ рабочихъ. Большіе профессіональные союзы, къ которымъ принадлежатъ верхніе слои рабочаго класса, стоятъ въ сознательной оппозиціи къ массѣ необученныхъ рабочихъ; они враждуютъ и между собою. Что значили *мы*, простые поденщики, въ глазахъ союза пивоваровъ, требовавшаго отъ своихъ членовъ громадныхъ взносовъ и, по взаимному соглашенію съ предпринимателями, облагавшаго публику контрибуціей? И, наоборотъ, что *намъ* было за дѣло до того, что такая группа рабочихъ-аристократовъ добьется улучшенія своего положенія, болѣе высокой заработной платы и т. д.?

На пивоваренномъ заводѣ Кольбъ проработалъ мѣсяцъ. Въ одинъ прекрасный день его прогнали безъ объясненія причинъ, безъ всякой вины съ его стороны,—какъ онъ потомъ узналъ, изъ-за ссоры двухъ надзирателей, одному изъ нихъ, какъ разъ тому, благодаря которому Кольбъ попалъ на заводъ, пришлось покинуть мѣсто; другой, оставшійся, изъ мести прогналъ и рекомендованнаго имъ рабочаго. Послѣ долгой безработицы человѣкъ добился, наконецъ, куска хлѣба,—и его такъ дико и оскорбительно выбрасываютъ среди зимы на улицу. Такъ какъ безработныхъ было все еще очень много, то Кольбъ, дорожа временемъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ рекомендательному письму.

Дверь конторы большой велосипедной фабрики, куда его направили, ни минуты не стояла затворенной; люди входили и вы-

ходили безпрерывно, и отвѣтъ для всѣхъ былъ одинъ: работы нѣтъ. Сверхъ ожиданья Кольба приняли (очевидно, письмо подѣйствовало) и дали ему работу въ монтировочной.

Это было громадное 27-оконное помѣщеніе, куда грохочущая машина безпрерывно выбрасывала отдѣльныя части велосипеда,— здѣсь онѣ собирались въ цѣлое. Человѣческая рука, гдѣ только возможно, была замѣнена машиной, даже винты ввинчивались при помощи машины. Раздѣленіе труда было доведено до крайнихъ предѣловъ, на долю каждаго изъ рабочихъ приходилось однообразное, безконечно-повторяющееся движеніе, которое требовало участія лишь немногихъ мускуловъ и производилось почти безсознательно.

Въ этой работѣ, которая низводитъ человѣка на степень отдѣльнаго рычажка, винтика какой-то огромной машины, есть что-то безнадежное, притупляющее умъ и чувство человѣка.

„При современномъ положеніи техники подобное раздѣленіе труда неизбѣжно,“ замѣчаетъ авторъ, „но тѣмъ болѣе не слѣдуетъ закрывать глаза на эту однообразную, безрадостную, одуряющую работу. Она заставила меня понять тѣ возраженія и упреки, которые раздаются повременамъ противъ современнаго раздѣленія труда, она является для меня еще однимъ лишнимъ поводомъ требовать сокращенія рабочаго дня и именно для такого рода труда.“

На велосипедной фабрикѣ, такъ-же, какъ и на заводѣ, рабочій день продолжается 10 часовъ, такъ-же, бывали и сверхурочные часы, бывало, что работали день и ночь. Плата была та-же: $1^1/_7$ долл.—для взрослыхъ рабочихъ, 50 цент.—для мальчиковъ. На фабрикѣ занято было 2500 человѣкъ; въ монтировочной многіе работали сдѣльно, при чемъ взрослымъ рабочимъ удавалось поднять свой ежедневный заработокъ до $1^1/_2$—$1^3/_4$ долл., дѣтямъ до 80 центовъ и болѣе; какой-то мальчуганъ, напримѣръ, заработалъ разъ въ теченіе недѣли 7 долл. 40 цент.,—конечно онъ работалъ болѣе 10 час. въ день.

Германская рабочая пресса противъ сдѣльной работы, ссылаясь на то, что она чрезмѣрно напрягаетъ и истощаетъ рабочую силу. Авторъ не вполнѣ согласенъ съ этимъ. „Несомнѣнное преимущество такого рода работы,“ говоритъ онъ, „заключается въ томъ, что она требуетъ не только рукъ, но и головы, она учитъ человѣка управлять своей силой, сберегать ее. Ни въ комъ изъ насъ не возбуждало досады или зависти то, что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей въ пять дней зарабатывали столько же, сколько мы въ шесть: бо́льшая плата за большее количество труда“.

Интересная въ психологическомъ отношеніи подробность: на велосипедной фабрикѣ въ день платежа (по пятницамъ) два конторщика обходили рабочихъ и вручали каждому конвертъ съ

деньгами, на которомъ напечатанъ былъ адресъ сберегательной кассы и совѣтъ быть бережливымъ (это хоть Швейцаріи впору, а не Великой Республикѣ, съ ея статуей Свободы, освѣщающей міръ!). Въ этотъ день всѣми овладѣвало возбужденіе, онъ вносилъ нѣкоторое разнообразіе въ одуряющее „одно и то же“ ихъ рабочей недѣли. „Даже меня захватываетъ“ признается авторъ, „и, когда я издали замѣчалъ медленно приближающіяся фигуры конторщиковъ, мною овладѣвало такое-же чувство, какое, вѣроятно, испытываютъ дикіе звѣри въ клѣткѣ, когда подходитъ часъ кормежки“. А въ сущности, что для него, упоминающаго въ одномъ мѣстѣ своей книги, что жизнь туриста требуетъ въ Америкѣ по меньшей мѣрѣ 10 доллар. въ день,—что для него значили эти нѣсколько долларовъ?

Заработная плата, конечно, различна въ разныхъ Штатахъ; на западѣ она, вообще говоря, больше. Въ Санъ-Франциско, напримѣръ, простой чернорабочій получаетъ $1^1/_2$ долл. и болѣе въ день. Поражаетъ при этомъ большое количество безработныхъ и нищихъ, которые, повидимому, не оказываютъ никакого вліянія на пониженіе заработной платы. Быть можетъ, это объясняется правиломъ американцевъ: занимать возможно меньшее число рабочихъ рукъ, но дѣлать ихъ зато возможно болѣе продуктивными, назначая высокую плату.

Довольно трудно объяснимымъ является то обстоятельство, что работа, требующая и большаго напряженія и большей силы, далеко не всегда лучше оплачивается.

Обычная плата для простыхъ необученныхъ рабочихъ $1^1/_2$ долл. въ день, и если принять во вниманіе сравнительную дешевизну пищи, одежды (не сдѣланной на заказъ) и предметовъ обычнаго обихода, то является понятнымъ, что рабочій въ Америкѣ живетъ, питается и одѣвается лучше, чѣмъ въ Европѣ. Жизнь въ Америкѣ дороже, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, только для людей средняго класса и для богатыхъ, потому что дороги предметы роскоши и все, что дѣлается на заказъ.

О томъ вліяніи, которое профессіональные союзы оказываютъ на заработную плату, было говорено выше: для массы рабочихъ оно совершенно не ощутимо.

Авторъ коротко упоминаетъ о различныхъ рабочихъ союзахъ въ Америкѣ—всѣ они главнымъ образомъ преслѣдуютъ практическія задачи дня, оставляя въ сторонѣ политическіе и классовые интересы.

„Самый молодой изъ этихъ союзовъ Socialist trade and labor alliance“, какъ уже показываетъ само названіе, преслѣдуетъ и политическія цѣли. Онъ насчитываетъ очень немного членовъ, большинство изъ нихъ составляютъ русскіе и нѣмецкіе евреи“.

Дѣятельность рабочихъ союзовъ не остается безъ противодѣйствія со стороны капиталистовъ, доказательствомъ чему

служатъ многочисленныя налагаемыя судомъ запрещенія (writ of injunction), совершенно носящія характеръ полицейскихъ мѣръ: оказывающіе сопротивленіе подвергаются такимъ строгимъ наказаніямъ за неуваженіе къ судебной власти, что мало у кого проявляется мятежный духъ. Какъ искусно юристы умѣютъ играть на руку крупнымъ предпринимателямъ, видно изъ слѣдующаго примѣра: главная судебная инстанція Иллинойса (Чикаго) объявила неправильнымъ законъ, согласно которому работа женщинъ на фабрикахъ была ограничена 8-ью часами. Въ этомъ ограниченіи судьи увидѣли посягательство на охраняемую закономъ свободу гражданъ: каждый-де имѣетъ право работать, пока охота есть, каждый, по закону, имѣетъ право располагать своимъ имуществомъ, а, слѣдовательно, и рабочей силой, которая должна быть разсматриваема, какъ одинъ изъ видовъ собственности.

„При послѣдовательномъ проведеніи подобныхъ принциповъ въ жизнь,“ замѣчаетъ Кольбъ, „врядъ ли что останется отъ мѣропріятій, охраняющихъ жизнь и трудъ рабочихъ“.

Законы, охраняющіе интересы рабочихъ, введены въ Америкѣ сравнительно недавно, и каждый штатъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствуетъ самостоятельно. Въ книгѣ приведена оффиціальная таблица, опубликованная въ 1897 г. въ Вашингтонѣ, она отчасти уже устарѣла, но интересно все-таки, что въ то время, изъ 45 штатовъ, только въ четырнадцати вообще былъ поднятъ вопросъ о защитѣ труда и жизни рабочихъ.

Въ Иллинойсѣ (Чикаго) закономъ запрещенъ былъ трудъ дѣтей моложе 14 лѣтъ, существовалъ фабричный инспекторъ съ десятью помощниками и десятью помощницами, и, несмотря на это, дѣти работали на фабрикахъ, „а изъ моихъ товарищей“, говоритъ Кольбъ, „никто даже и не подозрѣвалъ о существованіи фабричной инспекціи“.

На велосипедной фабрикѣ, по словамъ автора, работало очень много дѣтей—12, 13 лѣтъ и моложе. На другихъ фабрикахъ и заводахъ то же самое. Они работали такъ же, какъ и взрослые, по 10 час. въ день и больше: отъ сверхурочныхъ часовъ ихъ не освобождали.

Изо дня въ день съ утра до вечера они проводили согнувшись надъ работой въ нездоровой въ физическомъ и нравственномъ отношеніи фабричной обстановкѣ. „Недалеко отъ меня“, разсказываетъ Кольбъ, „работалъ тихій, блѣдный мальчикъ. Настала весна, ясные, солнечные дни манили на просторъ, и вечеромъ, когда рабочій день затягивался, по его исхудалымъ щекамъ каждый разъ струились слезы“. Другой—очень способный мальчуганъ, жадно слушалъ разсказы автора изъ исторіи или изъ жизни природы и чрезвычайно остроумно рѣшалъ задачи, которыя тотъ задавалъ ему, съ цѣлью испытать его способность логично разсуждать.

Многіе изъ этихъ дѣтей жили не у родителей, а въ гостиницахъ для рабочихъ, многіе умѣли уже тратить свои деньги, какъ взрослые,—на трактиры, на женщинъ.

Двѣ-три фигуры дѣтей-рабочихъ, мелькомъ очерченныя авторомъ, многимъ изъ читателей скажутъ больше, чѣмъ обстоятельные отчеты съ красивыми статистическими таблицами, гдѣ, за густымъ лѣсомъ цифръ, до человѣка и его жизни и не доберешься.

Конечно, всякая бываетъ статистика, но просматривая иные таблицы и отчеты, гдѣ по графамъ старательно распредѣлены отдѣльныя части „живой машины“, невольно приходитъ на умъ:

Wer will was Lebendiges erkennen und beschreiben,
Sucht erst den Geist herauszutreiben;
Dann hat er die Teile in seiner Hand,
Fehlt, leider! nur das geistige Band *).

При томъ принципѣ безусловной свободы гражданъ, который проводится въ Америкѣ, при равнодушіи законодательства къ неустойчивому положенію рабочихъ, къ ихъ безсилію противъ предпринимателей, загадочнымъ является одно: слабое развитіе самопомощи въ рабочихъ массахъ.

„Соціалъ-демократія отсутствуетъ“, замѣчаетъ Кольбъ; „Чикаго, промышленный центръ не меньше Берлина, на его заводахъ и фабрикахъ работаютъ десятки тысячъ нѣмцевъ. Въ Германіи они стояли подъ краснымъ знаменемъ,—а тамъ? Во время городскихъ выборовъ, весною 1899 г., при общей, равной и тайной подачѣ голосовъ, кандидатъ соціалъ-демократической партіи получилъ нѣсколько болѣе 1,000;—число всѣхъ поданныхъ голосовъ превышало 300,000. Въ Германіи во время выборовъ въ рейхстагъ въ прошломъ году (?) на долю соціалъ-демократовъ приходилось 33% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Въ Америкѣ на послѣднихъ президентскихъ выборахъ соціалисты съ трудомъ натянули 1%. Все это числа, надъ которыми невольно призадумаешься“.

Нерѣдко указываютъ на общія благопріятныя условія труда, на разноплеменность рабочаго населенія, какъ на причину того, что рабочіе союзы слабо развиты въ Америкѣ.

Но въ книгѣ Кольба не мало фактовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что американскій рабочій чувствуетъ себя совсѣмъ не такъ хорошо на этомъ рынкѣ, гдѣ онъ, *свободный* продавецъ, предлагаетъ свой товаръ—рабочую силу.

Въ тѣхъ разговорахъ рабочихъ, которые приведены въ книгѣ Кольба, поражаетъ отсутствіе болѣе общихъ и отвлеченныхъ

*) Изслѣдуя живой предметъ,
Во-первыхъ гонятъ духъ изъ тѣла;
А тамъ—всѣ части на лицо, бездѣлицы лишь нѣтъ:
Живая связь ихъ улетѣла. *Гете.*

тѣмъ, вялость и тупость мысли. Ни политическихъ, ни общественныхъ вопросовъ не касались, къ религіи выказывали полное равнодушіе; „а между тѣмъ, замѣчаетъ авторъ, люди эти несомнѣнно не были довольны своей судьбою; что-то грызло ихъ и смутно просилось наружу, и подъ этой умственной вялостью и апатіей тлѣло глухое раздраженіе и недовольство“.

На велосипедной фабрикѣ разъ какъ-то одинъ изъ рабочихъ разразился слѣдующей рѣчью противъ соціализма: „Что мнѣ за дѣло до этой безсмыслицы? *Мое* положеніе ни на волосъ не измѣнится къ лучшему, а другіе—другіе пусть сами стараются выкарабкаться, какъ умѣютъ. Классовые интересы, чувство солидарности, духъ взаимопомощи!.. кто въ это вѣритъ? кто ихъ видѣлъ? Не всѣмъ же быть глупцами и съ тою же наивной вѣрой, съ которой ихъ предки бросали деньги въ ящикъ Тецеля, бросать свои потомъ добытые гроши въ пасть партіи. Должны же они понимать, что пока мы живы, все останется по старому“. Кругомъ стояла толпа рабочихъ—все нѣмцы; многіе изъ нихъ раньше, въ Германіи, принадлежали къ соціалъ-демократической партіи, другіе, вѣроятно, примкнули бы къ ней, будь они на родинѣ,—но тутъ ни слова возраженія не раздалось въ отвѣтъ на эту рѣчь, она была встрѣчена общимъ сочувственнымъ молчаніемъ. „Несомнѣнно“, добавляетъ авторъ, „что слова говорившаго выражали не только мнѣніе собравшагося кружка рабочихъ,—такъ думаетъ и чувствуетъ масса нѣмецко-американскаго пролетаріата“.

„Однажды“, разсказываетъ Кольбъ, „приставленнаго къ машинѣ рабочаго задѣло ремнемъ, онъ попалъ въ колесо и его разорвало на клочки. Вечеромъ, послѣ похоронъ, знакомые его собрались въ трактирѣ за ужиномъ. „Жаль, славный былъ парень“, замѣтилъ кто-то. „Ѣшь и пей пока что, и дѣло съ концомъ. Завтра и мы тамъ же будемъ“. На этомъ разговоръ оборвался.

„Чѣмъ выше уровень жизни, тѣмъ выше народное развитіе“, — я не хочу пускаться по поводу этого въ полемику“, замѣчаетъ авторъ, „но въ правильности этого положенія мнѣ убѣдиться не удалось. Самыми тупыми и малоразвитыми среди рабочихъ были какъ разъ члены профессіональныхъ союзовъ, заработная плата которыхъ была сравнительно очень велика. И это не составляло единичнаго явленія“.

Несомнѣнно, что рабочій въ Чикаго живетъ здоровѣе и лучше, чѣмъ въ Берлинѣ, и тѣмъ не менѣе, въ разговорахъ, сравнивая Америку съ Европой, рабочіе не разъ отдавали предпочтеніе послѣдней; нерѣдко высказывалось мнѣніе: „здѣсь только золото царствуетъ,“ „кто богатъ, тотъ и правъ“, „въ америкѣ все продажно“ и т. п.

Безработица въ Америкѣ составляетъ регулярное явленіе; въ

этомъ отношеніи не безынтересенъ слѣдующій разсказъ одного изъ рабочихъ:

„Разъ мы въ деревнѣ получили письмо изъ Чикаго. Это было во время всемірной выставки. Тамъ было написано про здѣшнюю хорошую плату и про то, что простой поденщикъ получаетъ 9 марокъ въ день, и что мяса ѣдятъ, сколько хочешь, и носятъ хорошее платье, а вечеромъ сходятся вмѣстѣ съ хозяиномъ за кружкой пива у прилавка. Это письмо произвело такое же дѣйствіе, какъ пушечное ядро. Чуть не вся деревня готова была ѣхать въ страну чудесъ—Америку. Было-бы ради чего! Что-жъ, платятъ здѣсь хорошо—это вѣрно. Но о томъ, какъ долго приходится шататься безъ дѣла, пока наконецъ найдешь работу, въ письмѣ не было ни словечка. Это мы узнали только по пріѣздѣ сюда, и доведись все начинать сызнова, такъ я-бы, право, не разъ подумалъ, прежде чѣмъ переселяться сюда".

Во время работъ было не до разговоровъ, во время обѣда—тоже, и только по вечерамъ, въ трактирѣ, иногда происходило нѣчто похожее на обмѣнъ мыслей, но и тутъ говорили мало, говорили о своихъ дѣлахъ, о томъ, что случилось за день. Ни политическихъ, ни соціальныхъ, ни религіозныхъ вопросовъ никогда не затрагивали; нѣкоторый интересъ еще проявляли къ вопросамъ внѣшней политики, внутреннихъ же дѣлъ страны совершенно не касались и къ пререканіямъ двухъ главныхъ политическихъ партій относились съ тупымъ равнодушіемъ—и это всѣ безъ исключенія, даже природные американцы. О коммунизмѣ, марксизмѣ—ни слова. Если объ этомъ заходила рѣчь, всѣ, зѣвая, отворачивались.

При сравненіи Европы съ Америкой, какъ главное преимущество послѣдней, всюду и неизмѣнно подчеркивалось то, что въ Америкѣ можно безнаказанно ругать президента. Вообще о процессахъ по поводу оскорбленія Величества, такъ часто возникающихъ въ Германіи, говорили всегда съ большимъ интересомъ. „Будь счастливъ, что ты въ Америкѣ," обращались къ Кольбу, какъ къ новичку, „здѣсь говори, сколько хочешь: президентъ Соединенныхъ Штатовъ...." слѣдовало нецензурное выраженіе. И это практическое указаніе, какъ пользоваться свободой слова, повторялось не разъ и всегда съ тѣмъ же крѣпкимъ словцомъ на концѣ, и всегда только для примѣра.—Ни разу автору не пришлось слышать ни одного грубаго выраженія по адресу президента. Правъ Маркъ Твэнъ, говоря, что „американцы обладаютъ по милости Бога тремя неоцѣненными сокровищами: свободой слова, свободой мысли и достаточнымъ количествомъ ума, чтобы не пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ".

Въ разговорахъ рабочихъ часто выказывалось удивительное невѣжество: многіе не знали, что они живутъ въ республикѣ, а кто зналъ, того это, повидимому, очень мало затрагивало. Разъ

какъ-то Кольба спросили, есть ли въ Европѣ желѣзныя дороги.

Характернымъ для нѣмецко-американскаго пролетаріата является отсутствіе національнаго чувства: они стыдятся быть нѣмцами, и это въ Чикаго, гдѣ они составляютъ четверть всего населенія. Стоило Кольбу заговорить по-нѣмецки на улицѣ, или предложить итти болѣе медленнымъ шагомъ, вмѣсто обычной спѣшной бѣготни, вообще позволить себѣ какое-нибудь пустяшное отклоненіе отъ американскихъ обычаевъ,—и онъ неизмѣнно получалъ замѣчаніе: „Не дѣлай этого, а то узнаютъ, что ты нѣмецъ". Нѣмецко-американскій рабочій—переходная ступень; онъ чрезвычайно быстро, точно старое платье, сбрасываетъ съ себя обычаи, взгляды, привычки, и уже во второмъ поколѣніи дѣлается настоящимъ американцемъ.

Съ тѣмъ же равнодушіемъ, какое они выказываютъ въ политическихъ и общественныхъ вопросахъ, американскіе рабочіе относятся и къ религіи. Раздѣленіе церкви и государства, о которомъ такъ много толкуютъ въ Европѣ, тамъ давно уже совершилось. Государство не заботится о томъ, кто исполняетъ роль духовнаго пастыря, и въ большинствѣ случаевъ это такое-же выгодное предпріятіе, какъ и всякое другое. Кромѣ женщинъ, мало кто ходитъ въ церковь или на религіозныя собранія протестантскихъ сектъ, которыхъ такъ много въ Америкѣ. Многочисленные духовные пастыри расхваливаютъ свою вѣру и свои способы спасенія души такъ же, какъ стали бы расхваливать какойнибудь товаръ, и такъ-же стараются унизить своихъ конкуррентовъ. Къ дѣламъ церкви рабочіе относятся не только съ равнодушіемъ, но даже съ презрѣніемъ, часто съ ненавистью. Всякій разъ, когда рѣчь заходила о духовенствѣ, обычнымъ выраженіемъ въ устахъ рабочихъ было: „это все попы! имъ только и дѣла, что дурачить народъ".

„На фабрикѣ рядомъ со мною работалъ пожилой, молчаливый человѣкъ", разсказываетъ Кольбъ. „Разъ онъ уронилъ какую-то бумажку, и прежде чѣмъ я успѣлъ наклониться, чтобы поднять ее, онъ самъ торопливо и порывисто схватилъ ее и сунулъ въ карманъ. „Квитанція изъ ломбарда, вѣроятно?" спросилъ я его, невольно улыбаясь его поспѣшности. Это подозрѣніе, очевидно, обидѣло старика. Медленно, не безъ колебанія, вытащилъ онъ изъ кармана бумажку и протянулъ мнѣ ее. Это было напечатанное крупными буквами приглашеніе на религіозное собраніе.

„Не показывай только другимъ", сказалъ онъ шопотомъ, „а то смѣяться будутъ". „Я не послѣдовалъ его совѣту, и мнѣ пришлось раскаяться: со всѣхъ сторонъ посыпались насмѣшки по поводу нашей глупости."

„Только католическая церковь, не утратившая связи съ Римомъ, пользуется большимъ авторитетомъ и имѣетъ несомнѣн-

ное вліяніе на массы, главнымъ образомъ на переселившихся въ Америку ирландцевъ и австрійскихъ славянъ, да и на нѣмцевъ тоже. Объясняется это, по всей вѣроятности тѣмъ, что священники назначаются епископомъ и не въ такой степени, какъ протестантская церковь и безчисленныя американскія секты, зависятъ отъ общины и благорасположенія ея богатыхъ членовъ".

Въ своей книгѣ Кольбъ не разъ съ недоумѣніемъ останавливается на томъ плоско-матеріалистическомъ міровоззрѣніи, подъ властью котораго находятся массы нѣмецко-американскаго пролетаріата, и которое въ немногихъ словахъ можетъ быть выражено такъ: „ѣшь и пей, милый человѣкъ,—завтра тебѣ все равно конецъ придетъ".

„Они не были довольны своимъ положеніемъ", объясняетъ авторъ, „но они были слишкомъ глупы, слишкомъ отупѣли отъ работы и не въ состояніи были отдать себѣ отчетъ въ томъ, что смутно бродило въ ихъ душѣ, да и чувство общественности у нихъ было слишкомъ мало развито".

Врядъ-ли онъ правъ. Во всякомъ случаѣ его слова отчасти противорѣчатъ тому представленію, которое—на основаніи его книги—создается объ американскомъ рабочемъ.

Ихъ насмѣшливыя замѣчанія по адресу богачей и „поповъ", даже самый матеріализмъ ихъ, скорѣе циничный и безотрадный, чѣмъ тупой,—все это плохо вяжется съ „глупостью". Большинство этихъ людей—переселенцы, не побоявшіеся покинуть родину, порвать съ семьей, бросить все старое, привычное, чтобы на другомъ, неизвѣстномъ берегу попытать счастья. Для этого, въ большинствѣ случаевъ, нужна извѣстная доля смѣлости, энергіи, самостоятельности. Кромѣ того, самъ авторъ упоминаетъ, что многіе изъ этихъ рабочихъ на родинѣ стояли, как онъ выражается, „подъ краснымъ знаменемъ", слѣдовательно принимали участіе и въ политической, и въ общественной жизни страны, а это врядъ ли возможно для людей, у которыхъ совсѣмъ не развито самосознаніе. Люди, стоящіе во главѣ соціалъ-демократической партіи въ Германіи, обладаютъ особеннымъ умѣньемъ воспитывать въ массахъ гражданскую нравственность, сознанье своего человѣческаго достоинства, своихъ правъ, возбуждать въ нихъ стремленіе къ знанію, къ умственнымъ интересамъ. Вѣроятно, каждаго, кому приходилось бывать на собраніяхъ рабочихъ-соціалистовъ въ Германіи, поражалъ чисто-человѣческій характеръ толпы, это отсутствіе стаднаго, стихійнаго. Въ такой толпѣ ясно чувствуется, что каждый не только человѣкъ, но и *сознаетъ* себя человѣкомъ. Можетъ ли все это такъ безслѣдно исчезнуть послѣ того, какъ люди переплыли океанъ и очутилися на другомъ берегу?

Наконецъ, еще одно возраженіе противъ: „имъ скверно, но они не умѣютъ отдать себѣ отчета, почему".

Современному человѣку трудно быть *глупымъ*. Времена средневѣковой sancta simplicitas съ ея безпредѣльной тупоумной довѣрчивостью прошли. Въ настоящее время врядъ ли кто считаетъ себя слѣпымъ орудіемъ такъ называемой воли Божіей, и если машина облегчила человѣку физическій трудъ, то она, въ то же время, доставила и большій просторъ труду мысли—вѣдь „мысль нельзя сложить, какъ руки, она и во снѣ не спитъ".

Грубо-матеріалистическое міровоззрѣніе и то недовольство и озлобленіе, которыя Кольбъ подмѣтилъ въ массахъ американскаго пролетаріата, представляетъ несомнѣнно довольно сложное и не легко объяснимое явленіе. Отчасти оно, быть можетъ, находится въ связи съ почти безграничнымъ могуществомъ американскихъ денежныхъ феодаловъ: рабочій видитъ, что политическая свобода не спасаетъ его отъ экономическаго рабства. Кромѣ того,—пусть правда, что человѣку нуженъ *баринъ*, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ—будь то власть, умственный авторитетъ, идея... но вѣдь правда и то, что человѣческая душа не можетъ забыть своей крылатой природы и не легко мирится, когда этотъ баринъ—*деньги*.

В. Лапчинская.

* * *

Осенній день моей тоски—
Холодный, тусклый день...
Но гдѣ-то все жъ цвѣтетъ сирень
Раскрывши лепестки...
Безмолвный, сѣрый пологъ тучъ
И тьма въ душѣ моей...
Но гдѣ-то въ зелени вѣтвей
Далекій блещетъ лучъ!..
Осенній день печальный мой,
Боль темныхъ, тяжкихъ думъ...
Но гдѣ-то смѣлый вешній шумъ,
Встаетъ живой волной.
Дождусь ли я его, иль нѣтъ,
Онъ все звучитъ сильнѣй.
И сквозь туманъ тоски моей
Я вижу новый свѣтъ!..

Г. Галина.

Навожденie.

Разсказъ **А. Чапыгина.**

I.

Была суббота.

Вечеромъ, послѣ получки, позолотчикъ Ивашка Комаровъ сидѣлъ въ своемъ углу и считалъ недѣльный заработокъ.

— Поденно по рубль тридцать копеекъ—выходитъ въ 6 дней семь рублей восемьдесятъ! Не жирно! Въ мѣсяцъ за уголъ 3 рубля, да въ пырку *) на обѣдъ и ужинъ 25 коп. На жратву съ квартирой идетъ тридцать пять копеекъ въ день. Остается въ мѣсяцъ 20 р. 70. Да на баню и мыло требовается, рубашенку простирнуть, да на бильярдишкѣ сгонять партійку—двѣ. На ммуницію. Послѣ всей этакой арихметики, что остается въ деревню женѣ и троимъ ребяткамъ? Сущіе пустяки, кои даже на почту нести стыдно. Живешь тоже безъ жены. Грѣхъ разный въ голову лѣзетъ. Человѣкъ то вѣдь не каменный, душа то мягкая, любови требоваетъ, особливо весной.

Жены-то вотъ уже сколько лѣтъ не видалъ и уѣхать къ ней не на что. Эхъ, душа ты человѣчья. Кабы тебя примѣрно залевкасить мѣломъ, вызолотить, до сполировать зубкомъ **)—иное дѣло, тогда никакая пыль къ тебѣ не пристала бы. Никакой крали, никакого грѣха не страшно было-бы. Суди, какъ хошь, Ивашка. Въ какую хошь бутылку лѣзь, а надо смѣкалистѣе жить, — шепотомъ заключилъ онъ нагибаясь съ сундука, на которомъ сидѣлъ и поднимая съ пола письмо жены—оно то главнымъ образомъ и заставило Ивашку призадуматься надъ своимъ приходо-расходомъ.

Скомкавъ въ кулакъ письмо жены, онъ апатично оглядѣлъ большую комнату, по стѣнамъ которой чернѣли нары угловыхъ жильцовъ. Въ полумракѣ противъ его наръ у дру-

*) Закусочная.
**) Полировникъ.

гой стѣны виднѣлась занавѣска кровати прачки Акулины, пожилой, кривой женщины.

— Ишь, лихо одноглазое, съ остачей живетъ, мягко спитъ,—машинально подумалъ онъ, разглядывая темно-красную занавѣску жилицы, похожую на балдахинъ.

— Завидовать грѣшно,—тутъ же рѣшилъ онъ, не сводя глазъ съ занавѣски.

Въ углу горѣла лампадка. Оранжевый огонь ея, мигая, освѣщалъ трехугольникомъ стѣны у окна, гдѣ сидѣлъ Ивашка, и ложился широкимъ матовымъ пятномъ на темную доску грубаго стола въ простѣнкѣ. Отъ стола на сѣрый полъ, закрывая скамейку и часть бѣлыхъ заплатанныхъ валенковъ, падала темная, широкая тѣнь.

Въ углу, повыше лампадки, на доскѣ образа старинное изображеніе Спасителя рѣзко выдѣлялось на полуслинявшемъ, золоченомъ фонѣ. За образъ были заткнуты, изъ розовой бумаги, цвѣты отъ кулича и засохшая верба. Съ потолка до самой божницы свѣшивалась длинными клочками паутина.

Въ окно глядѣло зеленовато-синее весеннее небо, на немъ черная громада городскихъ домовъ, казалось, тѣснилась близко къ окну, какъ-бы желая заглянуть своими безчисленными, желтыми глазами сіявшихъ оконъ въ большую комнату съ плохимъ воздухомъ, гдѣ сидѣлъ Ивашка.

— Эхъ ты городъ, городище,—тихо, со вздохомъ сказалъ позолотчикъ, и, вынувъ изъ кармана пиджака соленый огурецъ, держа его на ладони, продолжалъ:—Былъ, скажемъ, огурецъ на грядкѣ, сняли его и разлучили съ другими, а меня вотъ городъ съ женой разлучилъ. Огурецъ попалъ въ бочку, я въ Питеръ—деньги добывать, хлѣбъ, оброкъ, семьѣ одежду. Человѣкъ я не левкашенный, не крѣпкій—тутъ меня во какъ замотало. Въ деревнѣ теперь то-ли дѣло: весна, трава, духъ съ полей, изъ кустовъ птичьи переголоски. Бѣжалъ-бы туда, и человѣкъ я всеравнешенскій, безъ анбиціи, а не соберешься. Кошель вывороченъ—гроша нѣтъ...

Откусивъ огурца, онъ вытащилъ изъ кармана сороковку, взболталъ ея содержимое и, стукнувъ объ полъ дномъ, вышибъ пробку.

— По настоященски понять, то грѣшно водку пить,—подумалъ онъ и, перекрестившись, приложился къ горлышку посудины, косясь къ окну, на стѣну.

Тамъ висѣла имъ же купленная лубочная картинка, порицающая пьянство,—она производила впечатлѣніе на Ивашку даже въ полумракѣ.

— Вотъ оно, винцо-то къ чему клонитъ: помираетъ, скажемъ, пьяница, такъ около его одра все дьявола стоятъ—ни

одного андела...—прошепталъ онъ и еще разъ потянулъ изъ посудины.

II.

Прачка Акулина, войдя въ комнату, внесла свою большую зажженную лампу, съ бѣлымъ фарфоровымъ колпакомъ. Лицо Акулины было красно, жирное тѣло, подъ тонкой, чистой рубашкой прачки, свѣшивалось со спины и груди черезъ широкій гарусный поясъ, перетягивавшій ея объемистую талію. Она со звономъ поставила на столъ лампу—яркій свѣтъ полоснулъ Ивашку по лицу и освѣтилъ темныя, оклеенныя дешевыми обоями стѣны комнаты.

— Сейчасъ самоваръ будетъ, закуска, выпивка, Ивашка двигайся,—прошу къ нашему шалашу, хоть и съ пустымъ карманомъ,—обратилась прачка къ Ивашкѣ, прибавивъ:

— Я баба разгульная. Страсть люблю молодыхъ ребятъ—гульбу люблю, да и работу тоже.—Она гордо сверкнула своимъ единственнымъ глазомъ и, выйдя на кухню, вернулась съ шумѣвшимъ самоваромъ въ рукахъ.

— Пей, не робѣй, въ Невѣ воды много,—раззадорюсь, такъ хоть до Кронштадта ее вскипячу. Сегодня я войной пошла на безтолковыхъ парней, и ужъ женатаго или холостого—какого-нибудь вазгряка, а завоюю,—продолжала она, ставя на столъ самоваръ и приготовляя закуску.—Всѣ наши угловики разбѣжались, кто на Чучела *), а кто къ роднымъ, только ты сиротинушка, Иванушка, пары не найдешь—одинокъ,—пошутила она и, смѣясь, спросила:

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Тридцать пять...

— Самый сокъ въ мужикѣ, а ты холостой?

— То-то, жена да дѣти въ деревнѣ.

— Деревенская жена не твоя, а пастухова.

— Зачѣмъ пастухова—у насъ народъ строгій, со страхомъ.

— Любовь и подъ грозой чуланчикъ сыщетъ. Тебѣ говорю, чего ты тамъ сидишь? Гости сватъ, придвигайся,—сказала она, растопыривая надъ головой Ивашки полныя, голыя до плечъ руки. Ивашка сидѣлъ согнувшись на своемъ сундукѣ, недопитая сороковка стояла у его ногъ на полу. Акулина взяла ее и перелила водку въ графинъ на столѣ.

— Въ одномъ мѣстѣ полнѣе—жить надо смѣлѣе... садись, садись.

— Навожденіе! Грѣхъ одинъ, Акулина!—прошепталъ онъ, крестясь и чувствуя, что ему по своей слабости не устоять

---

*) Веселый домъ.

противъ соблазна—закуски и выпивки, несмѣло придвинулъ сундукъ къ столу.

— Сундукъ ты оставь. Садись на скамейку, рядомъ, вотъ, жмись плотнѣе. Ивашка робко пересѣлъ съ ней рядомъ.

— Ты какой-то богомольный! все вишь отъ грѣха бѣгаешь, а онъ за тобой увивается,—сказала она, гладя Ивашку по волосамъ и прищуривая свой лукаво сіявшій глазъ.

— Ну-ка по первой!—Она налила себѣ и ему водки. Чокнувшись, они выпили.

— Теперь закусимъ и чаю.

— Отъ горячаго меня, Акулина Анкудиновна, мутитъ! Съ водкой кряду нельзя, и голова скорѣе кружится—все одно что отъ фука, когда кунпола золотишь.

— Оттого ты и богомольный такой, все по божеству работаешь—кунпола да иконостасы.—Она еще налила себѣ и ему водки.

— Дома семейство, мнѣ грѣхъ незамолимый съ чужой женщиной гульбу производить...

— Эка важность! жену имѣешь,—я пятерыхъ мужьевъ имѣла, всѣ померли. Шестого норовлю завести. Пей водку! жить не умѣешь Ивашка—боязной человѣкъ ты!... Съ эстолькими мужьями жила я, а плакать пришлось разъ одинъ, когда ребеночекъ померъ, тогда и меня взяли слезы. Бывало стираешь, а онъ миленькій, махонькій лежитъ гдѣ-нибудь на бѣльѣ въ пустой лоханкѣ или на полу на одежѣ—соску сосетъ, глазенками моргаетъ—померъ, видно простудился. Завсегда въ прачешныхъ—то сыро, да холодно. На квартирѣ съ чужими жаль было оставлять, думала: упаси Богъ голодомъ заморятъ... и теперь еще жалко его....

— Законный онъ былъ?

— Ты, дуракъ! ребенокъ приходился отъ пятаго мужа—развѣ законно за пятерыхъ идутъ? Пей водку-то, коли не смышлишь иного.

— Не хорошо отъ Бога за такихъ дѣтей...

— А хорошо отъ Бога, коли законные-то по дворамъ босикомъ бѣгаютъ, да растутъ безъ призора, безъ ученья, озорниками? Ты мнѣ про Божество говори толкомъ—пей вотъ... мало ты понимаешь.

— Грѣхъ много пить—вонъ картинка, вишь повѣсть даетъ.—Онъ указалъ ей на назидательную картинку.

— Картинкой мнѣ глаза не коли—тотъ, кто ее малевалъ, видно, пьянъ былъ, на ней всѣ черти зеленые, а они, можетъ, въ міру-то красные живутъ.—Она лукаво засмѣялась и обняла Ивашку.

Ивашка снялъ со своей шеи тяжелую, мягкую руку

прачки, приставилъ сундукъ въ уголъ взялъ, въ руки лампадку—закурилъ отъ нея и перекрестившись сошелъ и сѣлъ на прежнее мѣсто. Прачка еще налила ему водки и, поднявъ обѣ рюмки чокнулась ими, ея рюмка давно стояла полной и нетронутой—водка расплескалась по столу.

— Хорошо загадала,—сказала она.

— О чемъ?

— Будешь или не будешь моимъ шестымъ мужемъ?—вышло—будешь.

— Грѣхъ мнѣ. Развѣ мнѣ можно? да ты ужъ и стара. Вонъ наши угловые ребята тебя лихомъ одноглазымъ клянутъ.

— На это смотрѣть нечего. Чужого рта глиной не замажешь, тебя недоноскомъ прозвали они-же, насъ будетъ пара.

— Молчи—я не люблю.

— А меня зовешь лихомъ?

— То тебя.

— А отчего тебя не назвать недоноскомъ?—ты похожъ. Роста маленькаго, коротконогій, башка толстая. Сущій недоносокъ.—Она раскатисто засмѣялась.

— Перестань! Я смиренъ и Бога боюсь, а за это слово поколотить могу.

— Эво!.... такой-то недоносокъ? да я тебя подъ кроватъ забью и недѣлю не выпущу.—Она снова засмѣялась.

— Долго станешь меня недоноскомъ называть?

— Не молчать-ли заставишь? хочу назвать недоноскомъ, а хочу и инако.

— Зови инако, я не люблю.

— Будешь моимъ мужемъ—недоноскомъ звать не буду, а назову миленькимъ.

— Опять недоносокъ? вѣдьма ты, лихо одноглазое!

— Недоносокъ, всѣмъ кухаркамъ на лѣстницѣ скажу—у насъ въ углу живетъ недоносокъ.

— Перестанешь?

— Нѣтъ.

— Смотри—не зли.

— Недоносокъ!

— Такъ вотъ, на, ѣшь!—Ивашка скорѣе чѣмъ можно было ожидать, вскочилъ со скамьи, поднялъ одинъ конецъ ея кверху и сковырнулъ прачку на полъ; нагнувшись онъ сорвалъ съ нея рубаху и занесъ кулакъ чтобы ударить Акулину. Но когда онъ увидѣлъ передъ собою полуголую женщину, вся его злоба куда-то осѣла. Онъ разжалъ кулаки, опустился на скамью и не отрывая глазъ смотрѣлъ на нее. Прачка сидѣла на полу обхвативъ колѣна и смѣялась, хотя

иногда ея единственный глазъ сверкалъ сердито, и вообще видно было, что смѣялась она не искренно.

— Лучше-бы я тебя, вѣдьму, не трогалъ. Грѣхъ одинъ,— сказалъ полушепотомъ Ивашка.

— Что-же ты? бей! на вотъ, прямо по грудямъ бей—не боюсь, тѣло у меня тугое.—Она сѣла верхомъ на скамью и, приблизивъ себя къ нему, прошептала:

— Время ли драться? теперь весна, кошки и тѣ любятъ другъ дружку—слышь—мяучатъ.

— Закройся ты—вѣдь я, что ребенокъ малый, слабъ. Грѣхъ одинъ на тебя глядѣть.

— А чѣмъ закроюсь? всю рубаху изорвалъ. Да ладно—что ты жмуришься-то, выпей водки еще и спать ляжемъ. Перина у меня мягкая, не твои доски—сама на перовую фабрику ходила, набивала, перо къ перу подобрала. Ивашка махнулъ рукой, выпилъ, перекрестился и сказалъ тихонько:

— Дѣлай, какъ знаешь—прости Господи.

Они еще выпили. Ивашка старался не глядѣть на прачку, но не выдерживалъ долго, взглядывалъ, вздыхая при каждомъ такомъ взглядѣ и закусывалъ нижнюю губу. Его какъ на дно омута съ камнемъ на шеѣ тянуло къ женщинѣ, онъ давно зналъ, что грѣхъ сильнѣе его.

— Вотъ навожденіе-то. Зачѣмъ было ѣхать сюда? угловъ много, ахъ, грѣшникъ, грѣшникъ!

— Мухъ ловить нечего, спятъ они, и намъ пора,—сказала Акулина, теребя Ивашку за рукавъ. Ивашка дошелъ съ ней до занавѣски и, когда увидѣлъ за ней бѣлую гору подушекъ, широкое темное одѣяло, закрывавшее постель, то ему почему-то стало страшно—точно онъ боялся навсегда утонуть тутъ.

— Богу забылъ помолиться!—сказалъ онъ и, вернувшись къ своимъ нарамъ, всталъ на колѣни и устремилъ глаза на темный ликъ Спасителя, который казался ему при трепетномъ свѣтѣ лампадки живымъ и особенно строгимъ. Ивашка заплакалъ слезами безсильнаго человѣка и безъ молитвы опустилъ голову.

— А я тебѣ завтра горохъ со свининой сварю—семейно жить будемъ.

— Помолиться дай!

— Пущай твою жену пастухъ любитъ, ты меня будешь любить...

— Экій хвогибъ*) цѣпучій... дай помолиться...

— Къ обѣду водка будетъ. Молись скорѣе, Богъ проститъ... Мало-ли такихъ какъ ты грѣшниковъ.

*) Трава пористая.

— Акулина!..

— Пойду, пойду... подушки да одѣяло поправить надо.— Бѣлая полная фигура прачки, исчезнувъ, шевелилась за занавѣской. Ивашка стоялъ по-прежнему на колѣняхъ, безсильно свѣсивъ руки и опустивъ голову. Желтое широкое пятно свѣта лампадки колебалось въ углу около Ивашкиныхъ наръ. Темный ликъ образа на золоченомъ фонѣ угрюмо глядѣлъ съ божницы. Старые, испорченные часы прошипѣли на стѣнѣ коротко нѣсколько ударовъ, гдѣ-то на дворѣ прокричалъ пѣтухъ и замяукали кошки.

Утихни, сердце!

(Изъ Асныка).

Утихни, сердце, все былое
Забудь, не плачь отъ горькихъ бѣдъ,
Привѣтствуй солнце золотое,
Его сіяющій разсвѣтъ.
Благослови день обновленья,
Все, что родится и растетъ,
Надежды свѣжія, стремленья
Счастливой юности, впередъ!
И поколѣніе иное,
Другіе мысли и пути,
Какъ нѣчто въ жизни роковое,
На нашемъ пеплѣ возрасти.
Привѣтствуй колосъ новой нивы,
Дай новыхъ радостей и бурь,
Любви горячіе порывы
И вѣчно новую лазурь!

А. Лукьяновъ.

Н. Ф. Буняковъ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Живя съ 1884 года, сначала въ Воронежскомъ уѣздѣ, а потомъ и въ самомъ городѣ Воронежѣ, я много слышалъ о Николаѣ Федоровичѣ ранѣе, чѣмъ успѣлъ съ нимъ познакомиться. Помимо общей его извѣстности, какъ талантливаго педагога и поборника общественно-образовательной школы, въ Воронежѣ съ его именемъ связаны еще воспоминанія объ открытой здѣсь частной начальной школѣ, которой онъ руководилъ лично около 12 лѣтъ. Въ этой школѣ перебывали многіе изъ тѣхъ, съ кѣмъ пришлось мнѣ потомъ встрѣчаться въ Воронежскомъ обществѣ. „Школа Бунакова" оставила въ воспоминаніяхъ всѣхъ этихъ лицъ самое свѣтлое впечатлѣніе, несмотря на послѣдовавшій въ 1884—1885 годахъ полный разрывъ самого педагога съ всѣмъ почти Воронежскимъ культурномъ обществомъ. Съ 1885 года Н. Ф., поселившись въ с. Петинѣ, въ 12 верстахъ отъ Воронежа, повелъ замкнутую, почти отшельническую жизнь; лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ появлялся въ Воронежѣ публично въ качествѣ лектора, и въ эти рѣдкіе пріѣзды избѣгалъ знакомствъ. Въ 1889 году я поступилъ на службу въ Воронежское уѣздное земство, и въ дѣлахъ уѣздной управы мнѣ пришлось прочесть нѣкоторыя заявленія и письма Н. Ф-ча, какъ попечителя основанной имъ въ с. Петинѣ земской школы. Въ письмахъ нерѣдко заключалась рѣзкая, но справедливая и очень наглядная и обоснованная критика дѣйствій и управы, и училищнаго совѣта въ области школьнаго дѣла. Мнѣ, считавшему всегда школьное дѣло главнымъ и преимущественнымъ дѣломъ земства, письма авторитетнаго педагога были болѣе чѣмъ интересны; широта воззрѣній его на значеніе и задачи общеобразовательной народной школы совмѣщалась съ полной практической и немедленной осуществимостью предлагавшихся имъ мѣръ улучшенія школьнаго дѣла.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1890 года рѣшился во что-бы то ни стало познакомиться съ Н. Ф-чемъ и съ этой цѣлью воспользовался первымъ представившимся мнѣ случаемъ поѣхать въ Задонскую часть уѣзда, гдѣ находилось с. Петино. Не безъ колебанія подъѣзжалъ я къ усадьбѣ Н. Ф-ча. Слухи о нелюдимости Петинскаго отшельника были широко распространены въ Воронежѣ, и то, что я слышалъ о способахъ пріема имъ пріѣзжающихъ къ нему нѣкоторыхъ Воронежцевъ, подавало очень мало надежды на любезную встрѣчу. Но, какъ почти всегда бываетъ, слухи оказались преувеличенными, и мнѣ пришлось потомъ посмѣяться надъ своими опасеніями.

Въ своей усадьбѣ Н. Ф-ча не было, и меня пригласили пріѣхать въ домъ его жены Ларисы Ивановны, гдѣ онъ проводилъ все свое свободное время и вообще жилъ; въ его собственной усадьбѣ помѣщался только его рабочій кабинетъ, пріемная для случайныхъ посѣтителей, народный театръ, школа съ библіотекой, квартира учительницы и содержимая имъ аптека. Домъ Л И. былъ недалеко, и спустя пять минутъ я уже былъ въ свѣтломъ уютномъ домикѣ, гдѣ „изгнавшій отъ себя общество“ нашелъ покой и любящій уходъ, сохранившій и продлившій его уже надломленную физически жизнь.

Николаю Федоровичу въ это время было около 53 лѣтъ. Предо мною стоялъ человѣкъ, нѣсколько выше средняго роста, плотный и коренастый, но немного горбившійся и слегка волочившій ногу (слѣдъ бывшаго у него удара). Изъ подъ высокаго и широкаго слегка нависшаго лба смотрѣлъ на посѣтителя ясный, проницательный и твердый взглядъ глубокихъ глазъ. Въ очертаніяхъ сжатыхъ губъ и нижней части лица чуялся сильный характеръ и энергія. Несмотря на больную ногу, Н. Ф. двигался свободно, быстро и порывисто.

Не успѣлъ я поздороваться и назвать себя, какъ начался разговоръ по поводу земства, и въ очень страстномъ тонѣ. Н. Ф. возмущался отношеніемъ земской управы къ народнымъ учителямъ. Въ это время, въ Воронежскомъ уѣздѣ, отношенія какъ земской управы, такъ и училищнаго совѣта къ труженикамъ народной школы дѣйствительно ограничивались лишь мертвящей регламентаціей дѣла, а формализмъ отношеній переходилъ въ бездушіе. Незадолго до пріѣзда моего въ Петино, въ сосѣднемъ земскомъ училищѣ умирала отъ чахотки учительница, прослужившая десять слишкомъ лѣтъ, и земская управа даже не хотѣла сохранить за нею жалованья на недолгое, оставшееся ей жить время, такъ какъ заниматься въ школѣ она уже не могла. Нужно сказать еще, что въ это время очень многія изъ школьныхъ помѣщеній Воронежскаго уѣзда были таковы, что проработать въ нихъ 10 лѣтъ и не умирать отъ чахотки было довольно трудно. „И земство равнодушно смотритъ на это?“ гово-

рилъ Н. Ф.,—„какое же это земство? Это—чиновники, бюрократы, а не общественные дѣятели“... Н. Ф. не нашелъ во мнѣ оппонента и защитника тогдашнихъ земскихъ дѣятелей въ уѣздѣ, но я все-же замѣтилъ, что въ земской сферѣ уже зарождается стремленіе выбиться изъ рутины...

— Зарождается оно у нихъ уже 25 лѣтъ... все только зарождается! воскликнулъ Н. Ф.—Какъ бы оно не осталось въ зародышѣ!

Спорилъ Н. Ф. очень страстно, горячо и рѣзко и не упускалъ случая ѣдкимъ сарказмомъ оттѣнить свой доводъ. Очень часто онъ раздражалъ противника ранѣе, чѣмъ успѣвалъ убѣдить. Но онъ также не считался и съ рѣзкостью выраженій противника, отвѣчая только на мысль, на мнѣніе и пренебрегая отдѣльными, хотя-бы и не совсѣмъ корректными, словами.

Споръ, однако, продолжался не долго. Разговоръ скоро перешелъ на обсужденіе общихъ принциповъ земскаго дѣла, выясненіе земской идеи, соціальныхъ задачъ русскаго земства и его роли въ рѣшеніи коренныхъ вопросовъ русской жизни. Заговорилъ Н. Ф., и только тутъ я увидалъ и, такъ сказать, почувствовалъ, какимъ огромнымъ умомъ обладаетъ мой собесѣдникъ. Безпощадно-ясный анализъ дѣйствительности какъ бы вскрывалъ каждое явленіе, и для каждаго факта находилось строгое идейное освѣщеніе; во всемъ чувствовалось продуманное, цѣльное и стройное міровоззрѣніе убѣжденнаго и *свободнаго* человѣка. Многолѣтній запасъ вдумчивыхъ наблюденій надъ обществомъ и его жизнью давалъ особую жизненность убѣжденной рѣчи Н. Ф-ча, а всѣ выводы были настолько продуманы, объединены и такъ ясно сформулированы, что не оставляли мѣста отдѣльнымъ возраженіямъ. Правильно-ораторское построеніе рѣчи и нѣсколько учительскій тонъ ея еще болѣе усиливали общее впечатлѣніе. На слушателя искренняго, честнаго, желающаго учиться, освѣтить свое сознаніе, Н. Ф. долженъ былъ дѣйствовать неотразимо. Онъ чутко подходилъ къ едва зарождающимся въ душѣ слушателя запросамъ и такъ просто и ясно отвѣчалъ на нихъ, что, дѣйствительно, просвѣтлялъ сознаніе слушателя. Отсюда и вытекало то огромное вліяніе его на аудиторію народныхъ учителей, о которомъ я узналъ послѣ...

Я слушалъ съ наслажденіемъ. Разговоры затянулись, и я уѣхалъ только поздно ночью.

За первымъ пріѣздомъ послѣдовалъ другой, третій... Съ теченіемъ времени мы сближались все болѣе и болѣе, отношенія сдѣлались дружественными. Общность взглядовъ на земское дѣло вообще и въ особенности на задачи земства въ области народнаго образованія способствовали объединенію, а искренность и прямота, съ которой высказывались всѣ взгляды и мнѣнія въ Петинѣ, создавала здоровое умственное общеніе, очень рѣдкое въ

нашемъ обществѣ... Въ послѣдующіе два года, когда земству пришлось спасать населеніе отъ голодной смерти, Н. Ф-чъ былъ попечителемъ Петинскаго района, и намъ пришлось видѣться еще чаще,—наши отношенія окрѣпли окончательно. Случалось иногда проживать *въ Петинѣ* по-два по-три дня, и я почти сроднился съ нимъ....

Трудно въ то время было подумать, что когда-нибудь Петинскій культурный уголокъ, взлелѣянный трудами Н. Ф-ча и его жены, лишится своихъ хозяевъ, перейдетъ въ другія руки, и самъ Н. Ф. закончитъ свою жизнь не здѣсь.... Увы! нѣтъ у насъ ничего прочнаго, и нѣтъ существованія, которое не могло-бы быть, по безсмертному выраженію Щедрина, „насильственно прервано"... Такъ прервана была и жизнь Петина; въ уютной усадьбѣ живутъ другіе люди, а выстроенный Н. Ф-чемъ прекрасный Народный домъ, рѣдкій, а можетъ быть, и единственный въ нашей русской деревнѣ, стоитъ въ сиротливомъ запустѣніи...

Въ Воронежѣ Н. Ф. жилъ съ 1867 года. Приглашенный сюда преподавателемъ русскаго языка во время преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, онъ оставался въ Воронежѣ до 1884 г.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, болѣзнь, а также и перемѣны во всей постановкѣ дѣла воспитанія и обученія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ заставили Н. Ф-ча, всегда чуждаго компромиссовъ, оставить службу и заняться исключительно своимъ любимымъ дѣломъ—вопросами теоріи и практики начальной общественной школы. Его собственная начальная школа въ Воронежѣ, которой, какъ уже сказано, руководилъ лично болѣе 12 лѣтъ дала ему богатый матеріалъ для рѣшенія проблемъ наилучшей постановки школьнаго дѣла. Выступая время отъ времени руководителемъ учительскихъ съѣздовъ еще въ семидесятыхъ годахъ, [1]) онъ поражалъ слушателей не только широтой своего взгляда на дѣло, но и умѣньемъ практически просто разрѣшать самыя трудныя задачи учебной техники.

Болѣзнь Н. Ф-ча затянулась надолго, и ему пришлось серьезно лѣчиться. Въ это время въ немъ созрѣло рѣшеніе покинуть Воронежъ, тѣмъ болѣе, что онъ почти разошелся съ Воронежскимъ обществомъ. Благодаря своему очень бурному общественному темпераменту—онъ не могъ примиряться и сокращать свои общественные запросы. А время наступало такое, что для убѣжденныхъ людей, сохранившихъ во всей силѣ завѣты освободительной эпохи, жизнь въ обществѣ становилась нестерпимой ...

Извѣстна печальная эпоха восьмидесятыхъ годовъ. Сверху

1) Со времени первыхъ лекцій его на съѣздѣ учителей въ Москвѣ въ 1872 г.

шла ожесточенная ломка всего, что еще уцѣлѣло отъ „великихъ“ реформъ. Уничтожалось мало по-малу общественное самоуправленіе, на Дону была совсѣмъ прекращена дѣятельность земскихъ учрежденій; ставились преграды развитію образованія въ обществѣ (тамъ-же на Дону, напр., всѣ гимназіи были замѣнены низшими ремесленными школами), затруднялось открытіе школъ всякаго рода, запрещались съѣзды учителей, появился университетскій уставъ 1884 г.; начиналась ломка крестьянскаго самоуправленія; и т. д., и т. д. Но, что самое важное, реакція охватила не только правящія сферы, но и все общество: въ общественныхъ настроеніяхъ произошелъ рѣзкій переломъ. Это было время, когда вчерашніе радикалы дѣлались охранителями, когда общественные дѣятели отрицали общественность, когда „широкія“ задачи признавались несвоевременными, когда началось оплевываніе идеаловъ и проповѣдь „малыхъ“ дѣлъ, когда вышли на сцену гг. Меньшиковы и затянули свои тягучія слюнявыя рѣчи о самосовершенствованіи, однимъ словомъ, когда вся жизнь сдѣлалась возможной лишь „примѣнительно къ подлости“...

Новое общественное направленіе нашло себѣ особенно много адептовъ въ Воронежѣ, настолько много, что люди, подобные Н. Ф-чу, остались одинокими. Съ каждымъ днемъ реакція усиливалась, приниженіе и раболѣпіе общества „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“ росло все болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ торжествующая пошлость дѣлалась нахальнѣе... Съ свойственной ему кипучей энергіей боролся Н. Ф. съ новымъ направленіемъ, въ спорахъ съ обществомъ онъ ѣдкими сарказмами осыпалъ своихъ противниковъ, ругался, доходилъ до самозабвенія, до бѣшенства... Постоянное напряженіе боевого кипучаго темперамента, непрерывное раздраженіе противъ бывшихъ друзей, а нынѣ враговъ, наконецъ, личныя непріятности,—все это усиливала болѣзнь, едва не унесшую въ могилу Н. Ф—ча.

Къ этому времени относится сближеніе Н. Ф—ча съ Ларисой Ивановной Михайловой, которая сдѣлалась потомъ его женой. Женщина твердаго характера и независимыхъ убѣжденій, она беззавѣтно полюбила Н. Ф—ча и не задумалась бросить для него своихъ близкихъ и общество. Ея заботы сохранили жизнь Н. Ф—ча и въ теченіе всей послѣдующей его жизни она не уставала охранять его, по возможности смягчая и устраняя отъ него внѣшнія непріятности. Она окружила его тѣми удобствами домашней жизни, которыя мелочны и незамѣтны, но въ значительной мѣрѣ способствуютъ сохраненію силъ и неослабѣвающей энергіи общественнаго работника.

Едва оправившись, Н. Ф. снова вынужденъ былъ вступить въ борьбу съ мѣстнымъ Воронежскимъ обществомъ уже за себя лично. Въ то время существовало въ Воронежѣ „общество взаимнаго кредита“, во главѣ котораго стояло большинство законо-

дателей мѣстнаго общественнаго мнѣнія. Проповѣдь „малыхъ“ дѣлъ не помѣшала этимъ господамъ разстроить дѣла общества, и въ восьмидесятыхъ годахъ оно уже было наканунѣ краха. Уѣзжая для окончательнаго излѣченія послѣдствій удара, Н. Ф., по совѣту одного изъ заправилъ общества, положилъ туда на текущій счетъ свои сбереженія—что-то около 3000 руб. Совѣтчикъ хорошо зналъ Н. Ф—ча и зналъ, что съ этими сбереженіями связаны всѣ его мечты о будущей независимой жизни въ деревнѣ, но не постѣснялся дать ему совѣтъ помѣстить такъ неудачно его средства. Когда Н. Ф. вернулся въ Воронежъ и хотѣлъ получить свои деньги съ текущаго счета, то встрѣтилъ отказъ: дѣла общества были уже очень плохи. Н. Ф—чу ничего не оставалось дѣлать, какъ потребовать возврата своего вклада судомъ. Понятно, что искъ Н. Ф—ча былъ страшенъ для общества: должны были раскрыться всѣ очень некрасивыя операціи кредита, вся дѣятельность заправилъ, спекулировавшая на довѣріе вкладчиковъ. „Весь Воронежъ“ ополчился, всѣ „свои человѣчки“ всколыхнулись. Дѣло дошло до того, что даже приглашенный и знающій дѣло повѣренный отказался вести „искъ Бунакова“ и отказался вечеромъ наканунѣ разбора дѣла, когда уже немыслимо было найти другого повѣреннаго.

Неопытный въ юридическихъ дѣлахъ и совершенно не имѣющій понятія о банковскихъ операціяхъ, Н. Ф. былъ предоставленъ самому себѣ въ то время, какъ противъ него выступило свѣтило Воронежской адвокатуры.

Къ счастію для Н. Ф—ча, среди Воронежскихъ адвокатовъ нашелся человѣкъ, который, не имѣя возможности выступить на его защиту лично, далъ ему нѣсколько совѣтовъ, какъ начать на судѣ дѣло и какіе съ самаго начала предложить противной сторонѣ вопросы. Съ обычной своей энергіей Н. Ф. проработалъ всю ночь и утромъ самъ вышелъ въ судъ, съ той, какъ онъ говорилъ, „холодной злостью“ въ душѣ, которая является въ моментъ наивысшаго напряженія въ борьбѣ, и которая обусловливаетъ успѣхъ. Дѣло было выиграно, судъ далъ предварительное исполненіе, и Н. Ф. получилъ обратно свои сбереженія.

Поселившись съ этого времени въ с. Петинѣ, Н. Ф. всецѣло отдался литературно-педагогической дѣятельности и отдыхалъ отъ этого труда, работая лично въ тѣхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, которыя онъ сейчасъ-же основалъ въ глухой деревнѣ, гдѣ поселился. Въ Петинѣ была немедленно устроена школа, переданная потомъ Н. Ф—чемъ земству. Но земство все время только платило жалованье учащимъ: учителю и законоучителю, все остальное содержаніе Н. Ф. взялъ на себя. Школа была въ изобиліи снабжена всѣми пособіями, учебниками и т. п.; при школѣ находилась единственная въ то время во всѣмъ уѣздѣ библіотека, постоянно устраивались чтенія со свѣтовыми карти-

нами, велись собесѣдованія по вечерамъ и т. д. Н. Ф. не только взялъ на себя все дѣло внѣшкольнаго образованія, но и преподаваніе русскаго языка въ старшемъ отдѣленіи. Благодаря своему энергичному попечителю, Петинская земская школа была не только поставлена лучше всѣхъ школъ уѣзда, но была и независимѣе, и учитель тамъ чувствовалъ себя свободнѣе. За личность учителя и его достоинство Н. Ф стоялъ горой, и ни одинъ самый смѣлый инспекторъ народныхъ училищъ не осмѣлился-бы держать себя начальствомъ надъ учителемъ въ присутствіи Н. Ф—ча.

Взамѣнъ даваемыхъ въ школу пособій, снабженіе которыми лежало, по заведенному порядку, на обязанности земства, Н. Ф. обусловилъ особую прибавку жалованья Петинскому учителю, такъ что и матеріально учитель здѣсь былъ поставленъ лучше, чѣмъ въ другихъ школахъ. Н. Ф. всегда выступалъ, гдѣ только имѣлъ къ тому хотя-бы малую возможность, борцомъ за правовое положеніе сельскаго учителя...

Циклъ просвѣтительныхъ учрежденій с. Петина завершался устроеннымъ тамъ Н. Ф—чемъ народнымъ театромъ, гдѣ играли ученики и ученицы школы, бывшіе и настоящіе. Для театра былъ приспособленъ весь верхній этажъ въ домѣ Н. Ф—ча, а онъ самъ былъ здѣсь и драматургомъ, и режиссеромъ, и суфлеромъ, и декораторомъ... Устройство театра, помимо значительныхъ расходовъ [1]), стоило вообще большихъ трудовъ по самой организаціи дѣла, нужно было преодолѣть вѣковые предразсудки темнаго населенія, которому хотя и нравились „представленія", но которое не желало, что бы его сыновья, а въ особенности дочери, „представляли", тѣмъ болѣе, что мѣстное духовенство было также противникомъ „игрищъ". Одинъ изъ священниковъ, напримѣръ, грозилъ, что не допуститъ къ причастію „актерку"... „Актеркамъ" было въ особенности трудно, и часто любительницы сценическаго искусства, тайкомъ отъ родителей убѣгавшія въ театръ, дома расплачивались за это жестокою поркой... Но энергія Н. Ф—ча преодолѣла всѣ затрудненія, и въ послѣднее время въ театрѣ иногда играли даже замужнія крестьянки. Просвѣтительное значеніе театра было огромно, и сцена дополняла воспитательное дѣло школы.

Добавимъ здѣсь маленькую замѣтку, относительно театра, очень характерную... „Театръ Бунакова" существовалъ въ деревнѣ болѣе 12 лѣтъ, безъ всякаго разрѣшенія и цензуры даваемыхъ пьесъ... И это было въ то время, когда многія земства тщетно добивались разрѣшенія на устройство народныхъ чтеній, хотя бы подъ самымъ строгимъ надзоромъ полиціи..

---

[1]) Вообще на свои просвѣтительныя учрежденія Н. Ф. расходовалъ не менѣе $1/4$ всѣхъ своихъ доходовъ, а иногда и болѣе.

Въ нѣкоторыхъ некрологахъ Н. Ф—ча называли „культурникомъ“ въ томъ смыслѣ, какъ понималось это слово въ девяностыхъ гг. Это—неправда. Онъ былъ слишкомъ боевой человѣкъ по своей натурѣ, что бы удовлетвориться мирнымъ культурничествомъ. Его культурная дѣятельность въ Петинѣ, хотя и далеко превосходившая размѣръ обычнаго „культурничества“ 80-хъ и до 90-хъ годовъ, была, можно сказать, лишь вынужденнымъ отдыхомъ. Онъ былъ выдающимся педагогомъ, въ широкомъ народномъ значеніи этого слова, педагогомъ народной общественно-образовательной школы, активнымъ борцомъ за нее, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ общественнымъ дѣятелемъ вполнѣ, пропагандистомъ народнаго самосознанія. Понимая великое значеніе правильно-поставленной школы для культуры народа, онъ въ то-же время былъ твердо увѣренъ, что для того, чтобы школа приносила дѣйствительную пользу, необходимо поднять личность учителя. Едва-ли можно спорить, что у насъ только въ самое послѣднее время пробуждается въ обществѣ дѣйствительное (а не показное) уваженіе къ личности народнаго учителя; народные учителя и до нынѣ еще нерѣдко третируются, какъ прислуга; и до нынѣ еще народнаго учителя можно уволить по первому доносу полупьянаго невѣжественнаго стражника, не входя даже въ разслѣдованіе правильности доноса (вспомнимъ недавнее дѣло учителя М. В. Гонорскаго). За подъемъ достоинства народнаго учителя, какъ общественнаго дѣятеля наибольшаго значенія, за его права, за облегченіе его тяжелой жизни и боролся Н. Ф. неутомимо. Главнымъ дѣломъ своей жизни онъ признавалъ общеніе съ народными учителями, поддержку и помощь имъ. Нужно было видѣть тотъ энтузіазмъ и силу, съ которыми Н. Ф. руководилъ учительскими съѣздами и курсами, читалъ лекціи для учителей и т. д., что-бы оцѣнить въ немъ выдающагося трибуна народнаго образованія.

Выше уже было упомянуто, что дѣятельность Н. Ф—ча, какъ „учителя учителей“, началась еще въ семидесятыхъ годахъ. Съ восьмидесятыхъ годовъ всѣ курсы и съѣзды народныхъ учителей были фактически запрещены и только во второй половинѣ девяностыхъ годовъ явилась вновь возможность устройства курсовъ. Въ это время я уже зналъ Н. Ф—ча и могъ ознакомиться—съ его дѣятельностью. Съ страстнымъ оживленіемъ вновь схватился Н. Ф. за свое любимое дѣло, и имѣлъ къ тому полную возможность: на него посыпались приглашенія руководить курсами, читать лекціи...

Ежегодно нѣсколько земствъ присылали ему запросы, можетъ-ли онъ пріѣхать и когда. Въ это время самымъ труднымъ дѣломъ для Н. Ф—ча былъ выборъ между приглашеніями. Онъ былъ-бы готовъ взять работу вездѣ, быть всюду, куда пригла-

шали, и очень досадовалъ, что болѣе чѣмъ въ трехъ мѣстахъ въ одно лѣто быть нельзя.

Сдѣлавъ, наконецъ, послѣ долгаго обсужденія, выборъ, онъ писалъ отвѣтъ въ земство, а самъ начиналъ готовиться къ предстоящей работѣ. Несмотря на свой педагогическій опытъ, на все свое знаніе народной школы, Н. Ф. никогда не выступалъ безъ спеціальной подготовки ни на однихъ курсахъ. Каждый разъ онъ вновь подготовлялъ, продумывалъ и записывалъ весь планъ предстоящихъ работъ, всѣ лекціи и предполагаемыя бесѣды.

Всегда очень энергичный въ работѣ, Н. Ф. особенно поражалъ своей энергіей и неутомимостью на курсахъ и съѣздахъ [1]). Здѣсь онъ совершенно забывалъ о себѣ и съ утра до вечера всецѣло отдавался дѣлу. По 16—18 часовъ въ сутки онъ проводилъ на курсахъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ учителями и учительницами. Въ 60 слишкомъ лѣтъ онъ работалъ съ юношескимъ жаромъ. Учителя Херсонской губерніи, на курсахъ 1899 года, говорили, что они видятъ того-же Н. Ф—ча, какъ и въ 1874 году, когда онъ былъ на ихъ съѣздѣ. Тотъ же энтузіазмъ предъ величіемъ дѣла народнаго учителя, та-же вѣра въ силу и значеніе народнаго образованія, та-же безпощадная критика условій, при которыхъ должна работать школа, то-же безстрашіе предъ конечными выводами и та-же смѣлая, убѣжденная рѣчь.

Трогательна была встрѣча Н. Ф—ча съ знавшими его и помнившими 25 лѣтъ ветеранами Херсонской народной школы. Н. Ф. не любилъ обнаруживать своихъ чувствъ, но о Херсонскихъ курсахъ онъ долго не могъ вспоминать безъ волненія. Въ его жизни было вообще мало отрадныхъ минутъ, и онъ говорилъ, что тѣми немногими радостями жизни, какія у него были, онъ обязанъ только учителямъ народной школы.

Его, дѣйствительно, любили труженики школы. Онъ не искалъ популярности; рѣчь его никогда не была мягкой, угодливой, любезной, въ ней не было эффектовъ, но она была всегда продумана, логична, ясна и правдива. Но, хотя онъ не расточалъ любезностей, „не обласкивалъ", какъ выражалась одна изъ его слушательницъ, но учитель и учительница чувствовали, что видятъ предъ собой человѣка, который всегда безстрашно встанетъ на ихъ защиту, не побоится никакихъ „рожновъ"... Иногда они и видѣли это даже на самыхъ курсахъ: въ своей работѣ, въ борьбѣ за правовое положеніе учителя, Н. Ф. неизбѣжно сталкивался съ темными силами нашей школы — ея инспекціей и дирекціей, и въ преодолѣніи этихъ „вредныхъ сопротивленій" Н. Ф. пренебрегалъ всякой личной осторожностью. Вооруженные

---

[1]) Особенно любилъ онъ съѣзды, гдѣ „всѣ равны", и часто, параллельно съ курсами, онъ организовалъ съѣзды, въ видѣ своихъ частныхъ бесѣдъ съ учащими.

правами „наблюдателей“ чины Министерства Народнаго Просвѣщенія очень часто боролись съ вліяніемъ Н. Ф—ча на слушателей и не только формальными придирками, но и другими менѣе благовидными средствами. Иногда, вдругъ, изъ среды учителей-практиковъ выступалъ оппонентъ и начиналъ, оспаривая взгляды руководителя, говорить на тему, что де нужно знать народную школу и уровень доступнаго пониманію учениковъ, что „высреннія“ идеи могутъ только вредить школѣ, имѣющей ближайшія практическія задачи. Н. Ф. прекрасно понималъ, откуда идетъ эта „трезвая“ практичность. Не вдаваясь въ долгіе споры, онъ обыкновенно наглядно показывалъ на своемъ урокѣ съ учениками начальной школы, *что* можно дѣлать. Такъ, напр., на возраженіе о невозможности выяснить въ начальной школѣ значеніе поэзіи Пушкина, Н. Ф. прочелъ на своемъ урокѣ „Пророка“. Оппонентъ учитель, очень умный и дѣльный человѣкъ, тогда-же послѣ занятій подошелъ къ Н. Ф—чу и со слезами на глазахъ признался, *почему* онъ ему оппонировалъ. На прямыя придирки начальства Н. Ф. обыкновенно отвѣчалъ такъ, что у начальства проходило всякое желаніе вступать съ нимъ въ споръ, да еще въ аудиторіи; съ учителями-же, которые, по внушенію начальства, выступали противниками руководителя, дѣло кончалось тѣмъ, что они дѣлались потомъ самыми горячими его приверженцами. Большой опытъ личнаго своего преподаванія въ начальной школѣ давалъ Н. Ф—чу значительное преимущество предъ другими руководителями. Его показательные уроки на курсахъ были превосходны. Но, когда его просили дать, какъ принято выражаться, „образцовый“ урокъ, то онъ сердился и говорилъ что „образцовыхъ“ уроковъ нѣтъ, и что никто и никогда не можетъ претендовать на то, что его урокъ „образцовый“, что шаблону и рутинѣ нѣтъ мѣста въ народной школѣ.

Н. Ф., во второй половинѣ девяностыхъ годовъ, руководилъ и принималъ, вообще, участіе на многихъ курсахъ и съѣздахъ народныхъ учителей [1]), всюду внося живую струю въ дѣло и возбуждая энтузіазмъ слушателей. Въ 1896 году, на съѣздѣ учителей въ Нижнемъ Новгородѣ, Н. Ф. прочелъ нѣсколько лекцій о К. Д. Ушинскомъ, которыя навсегда останутся въ памяти всѣхъ, кто ихъ слышалъ. Н. Ф. свято чтилъ свѣтлую личность безвременно умершаго педагога. На послѣдней лекціи, въ глубоко прочувствованныхъ словахъ, Н. Ф. обрисовалъ К. Д., какъ человѣка, и предъ слушателями ярко всталъ чистый образъ первомученика русской общественной школы, они сердцемъ отозвались на тѣ страданія, которыми наградила его русская дѣйствительность.

---

[1]) Въ Тамбовѣ, Курскѣ, Херсонѣ, Одессѣ, Ярославлѣ (2), въ Стародубѣ и др. мѣстахъ.

Глубокое чувство лектора передалось аудиторіи, и лекція закончилась слезами...

Не долго, однако, Н. Ф—чу пришлось заниматься своимъ любимымъ дѣломъ. Тріумфъ его на Херсонскихъ курсахъ возбудилъ подозрительное вниманіе, и съ 1900 года дѣятельность Н. Ф—ча прекратилась: Министерство Народнаго Просвѣщенія не утверждало его болѣе ни руководителемъ, ни лекторомъ. Всѣ ходатайства земствъ по этому поводу остались безъ послѣдствій, и „учитель учителей" лишился своей чуткой и любящей аудиторіи.

Запрещеніе это больно отозвалось на 63-хъ лѣтнемъ дѣятелѣ, и если-бы не открывшаяся ему сейчасъ-же возможность земской дѣятельности, то онъ едва-ли пережилъ-бы такое тяжелое для него лишеніе.

Въ 1901 году Н. Ф. пожелалъ баллотироваться въ земскіе гласные. Какъ неимѣющій полнаго ценза, онъ былъ избранъ сначала уполномоченнымъ, а потомъ уже уѣзднымъ гласнымъ. Съ обычной своей энергіей онъ взялся за земское дѣло и на уѣздномъ земскомъ собраніи былъ избранъ и въ губернскіе гласные. Но ему пришлось участвовать только въ одномъ губернскомъ земскомъ собраніи 1901 г. Въ августѣ 1902 года Н. Ф. былъ приглашенъ въ составъ уѣзднаго комитета о сельско-хозяйственной промышленности. Здѣсь, въ засѣданіи 18 августа, Н. Ф. сказалъ свою извѣстную рѣчь, за которую подвергся административной репрессіи, лишившей его всякой возможности какой-либо общественной дѣятельности. Рѣчь Н. Ф—ча, въ первой своей части, излагала взглядъ его на задачи дѣятельности созваннаго мѣстнаго комитета. По мнѣнію Н. Ф—ча, члены комитета, созванные для того, что бы сказать правдивое слово о положеніи страны, похожи на спеціалистовъ, которыхъ хозяинъ разваливающагося дома призвалъ для указанія тѣхъ исправленій, которыя должны быть сдѣланы въ различныхъ частяхъ дома для его прочности. Н. Ф. полагалъ, что если уже домъ признается весь плохимъ, то частичныя исправленія не помогутъ и что нужно сломать домъ и построить новый. Это будетъ честный отвѣтъ на вопросъ хозяина. Во второй половинѣ своей рѣчи Н. Ф. указывалъ, почему домъ пришелъ въ ветхость, почему наша страна бѣднѣетъ, почему все идетъ вразбродъ и почему у насъ нѣтъ необходимой энергіи для созиданія. Въ освободительную эпоху, по мнѣнію Н. Ф—ча, былъ заложенъ прочный фундаментъ общественнаго устройства: освобождены крестьяне, введены земскія учрежденія, созданъ независимый судъ; и если съ того времени на этомъ фундаментѣ не возведено прочнаго зданія, то лишь потому, что слишкомъ 25 лѣтъ мы только и дѣлали, что разрушали великія основы. Всѣ реформы освободительной эпохи уничтожены: отъ свободы крестьянъ, отъ земства, отъ суда—остались призраки.

Какая это свобода крестьянъ, когда есть земскій начальникъ? Какое это земство, когда крестьяне въ немъ дѣлаются представителями лишь съ утвержденія администраціи? Какой-же это судъ, когда основные принципы правосудія нарушены?... На этомъ мѣстѣ рѣчи Н. Ф. былъ остановленъ предсѣдателемъ.

Я изложилъ рѣчь Н. Ф—ча для того, чтобы показать, что въ ней не было ровно ничего, чего-бы нынѣ, два года спустя, не говорилось во всѣхъ газетахъ. Какъ убѣжденный шестидесятникъ, какъ человѣкъ эпохи великихъ реформъ, Н. Ф. и не могъ сказать ничего другого. Въ логическомъ развитіи реформъ шестидесятыхъ годовъ онъ видѣлъ спасеніе Россіи. И однако, этотъ призывъ къ возсозданію того, что уже было, подвергъ Н. Ф—ча такимъ испытаніямъ, которыя, могу сказать утвердительно, сократили, и значительно, остатокъ его жизни. Онъ былъ внезапно вызванъ въ Петербургъ, допрошенъ, и административно приговоренъ къ ссылкѣ въ Новгородскую губернію на три года. Ссылка въ Новгородскую губернію была потомъ замѣнена отдачей подъ надзоръ полиціи въ мѣстѣ постояннаго жительства.

Этотъ ударъ для Н. Ф—ча былъ столь-же тяжелымъ, какъ и неожиданнымъ, потому что со времени произнесенія имъ своей рѣчи прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Впослѣдствіи объяснилось, что вся драма, разыгравшаяся съ Воронежскимъ комитетомъ, возникла на почвѣ запоздалаго доноса, и это еще болѣе усиливаетъ ея гнусность. Я былъ тогда въ Петербургѣ, и мнѣ пришлось вмѣстѣ съ Н. Ф—чемъ и его женой пережить эти тяжелые дни, когда, подъ угрозою лишенія свободы [1]), 66-тилѣтній старецъ, извѣстный всей Россіи дѣятель, долженъ былъ глухой осенью неизвѣстно для чего ѣхать за 1200 верстъ. Говорю: неизвѣстно для чего, потому что въ Петербургѣ всё дѣло ограничилось однимъ допросомъ, а потомъ наступило томительное время ожиданія рѣшенія.

Особенно памятенъ мнѣ первый день пребыванія Н. Ф—ча въ Петербургѣ. Жена его вызвала меня сейчасъ-же по пріѣздѣ, и я былъ свидѣтелемъ ея безумной боязни за судьбу Н. Ф—ча во все время, пока продолжался допросъ, а онъ длился почти цѣлый день. Л. И. знала, что только путемъ постоянной внимательной заботливости поддерживается жизнь дорогого, любимаго ею человѣка, и боялась до отчаянія. Она не была увѣрена въ его возвращеніи съ допроса. Я увѣрялъ ее, конечно, что онъ возвратится, но часы шли... извѣстій не было... Да и въ моихъ словахъ не было необходимой увѣренности—я слишкомъ хорошо зналъ, что „у насъ—все возможно“... Несчастная, полуобезумѣвшая отъ горя женщина, то металась по комнатѣ въ нѣмомъ отчаяніи, то бросалась ко мнѣ, умоляя не оставлять ее одну... Однѣ и тѣ-же

[1]) Говорятъ, что это было уже излишнее усердіе мѣстныхъ властей.

слова повторяла она поминутно: „вѣдь онъ умретъ... умретъ тамъ...“

И такъ долгіе, долгіе часы... Незабываемые часы!.. Я, по крайней мѣрѣ, не могу ихъ забыть...

Н. Ф. возвратился поздно вечеромъ. Онъ самъ бодро встрѣтилъ этотъ ударъ, даже шутилъ и успокаивалъ жену... Вообще, все время пребыванія въ Петербургѣ, онъ совсѣмъ не думалъ о своей судьбѣ. Общее сочувствіе лучшаго петербургскаго общества въ значительной степени содѣйствовало бодрости его духа, и онъ даже говорилъ, что благословляетъ судьбу за такой тріумфъ на старости лѣтъ. И не могу удержаться, чтобы не сказать здѣсь, что, дѣйствительно за одинъ мѣсяцъ пребыванія въ Петербургѣ, Н. Ф. увидѣлъ больше вниманія и уваженія, чѣмъ за 35 лѣтъ работы въ Воронежскомъ краѣ. Онъ неохотно уѣзжалъ изъ Петербурга, какъ бы чувствуя въ будущемъ еще не испытанныя имъ тягости жизни.

Возвратившись въ Петино, Н. Ф. увидѣлъ, что жить сдѣлалось здѣсь тяжело, что, пожалуй, лучше и умереть. Н. Ф. былъ сразу устраненъ отъ всего, что наполняло его жизнь: отъ земской дѣятельности, отъ попечительства и работы въ школѣ и даже отъ общенія съ близкими знакомыми, потому что на выѣздъ изъ Петина требовалось на каждый разъ особое разрѣшеніе. Лишенный права переступить порогъ своихъ собственныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, Н. Ф. физически не могъ жить ввиду ихъ. Но тщетно онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи жить въ Воронежѣ — ему было лишь дозволено выбрать одинъ изъ уѣздныхъ городовъ... Все время, до возстановленія своихъ правъ, т. е. около двухъ лѣтъ, Н. Ф., можно сказать, скитался съ мѣста на мѣсто, не живя нигдѣ подолгу... Мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣть его въ это время, но прежняго Н. Ф-ча уже не было—надломилась и его сила... Непривычная бездѣятельность, тоска подневольнаго существованія и, въ особенности, невыносимое для гордаго духа маститаго дѣятеля и борца, сознаніе полной безпомощности своей передъ насиліемъ,—все это убивало Н. Ф-ча... Заботливость любящей женщины могла еще на нѣкоторое время поддержать его силы, и онъ дожилъ до возстановленія своихъ правъ. Но только дожилъ!.. Съ жизнью уже было все кончено...

Если вспомнить, что пережилъ человѣкъ, болѣе 40 лѣтъ работавшій для пользы родной страны и давшій ей такъ много, какъ рѣдко кто можетъ дать, и пережилъ уже въ такое время своей жизни, когда, казалось бы, все должно только почтительно склоняться передъ его заслугами,—страшно дѣлается, не хочется вѣрить...

Въ настоящемъ очеркѣ я не останавливался на біографіи

Н. Ф-ча подробно: въ краткихъ чертахъ она извѣстна читателямъ журнала „Образованіе“, а, кромѣ того, послѣ почившаго педагога и общественнаго дѣятеля остались автобіографическія записки, которыя, вѣроятно, скоро появятся въ печати. Нѣтъ сомнѣнія, что въ біографіи дѣятеля трехъ поколѣній есть еще много замѣчательнаго, что, или ускользнуло отъ моего вниманія, или же просто недоступно мнѣ, какъ не педагогу. Моимъ желаніемъ, внушеннымъ мнѣ глубокимъ уваженіемъ къ памяти покойнаго, было: путемъ передачи, какъ моихъ личныхъ, такъ и другихъ мнѣ извѣстныхъ впечатлѣній близкаго знакомства съ Н. Ф—чемъ обрисовать, насколько могу, передъ читателемъ образъ замѣчательнаго человѣка, въ дѣятельности котораго сказался рѣдкій у насъ общественный характеръ огромной силы.

Поэтому я не остановился, напримѣръ, на дѣятельности Н. Ф—ча въ голодный годъ. Этой своей дѣятельности и самъ Н. Ф. не придавалъ значенія. Дѣйствительно, для человѣка, живущаго въ деревнѣ, или вообще почему-либо близко стоящаго къ ней, дѣятельность по устройству столовыхъ и вообще по организаціи продовольственной помощи, была неизбѣжна. Но еще большой вопросъ, дала ли тогдашняя самоотверженная работа интеллигенціи въ деревнѣ плюсъ или минусъ, съ точки зрѣнія коренныхъ задачъ русскаго общества и его обязанностей передъ народомъ. Н. Ф., какъ человѣкъ ума, а не чувства, держался въ этомъ случаѣ отрицательнаго мнѣнія. Конечно, нельзя не протянуть руки утопающему, но если, въ надеждѣ на вѣроятное спасеніе, люди никогда не позаботятся отыскать надежный бродъ, то цѣлесообразность стремленія къ помощи закрывши глаза, — весьма сомнительна. Въ особенности объ этомъ слѣдуетъ думать тамъ, гдѣ активныхъ общественныхъ силъ очень немного, и въ расходѣ ихъ нужно соблюдать строгую экономію.

Н. Ф. былъ человѣкомъ разсудочнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Это не была та грошевая разсудительность, съ которой „практическіе“ люди живутъ, „примѣняясь къ обстоятельствамъ“; это было выработанное сознательное стремленіе руководиться съ своей жизни и дѣятельности не порывами чувства, а непреложными выводами положительнаго знанія. Основной чертой убѣжденій Н. Ф—ча была его незыблемая вѣра въ силу человѣческаго ума, во всемогущество знанія. Онъ жилъ умомъ, и логическій выводъ мысли всегда опредѣлялъ направленіе его практической дѣятельности. Въ противоположность своему знаменитому оппоненту по вопросамъ начальнаго обученія, Н. Ф. не придавалъ значенія чувству, какъ пружинѣ человѣческихъ дѣйствій. Онъ допускалъ возможность преобладанія чувства, но только на низшихъ степеняхъ развитія, и поэтическое восклицаніе гр. Л. Н. Толстого: „жалкая, ничтожная пружина дѣй-

ствій—умъ человѣческій" вызывало въ немъ негодованіе на то, какъ можетъ культурный человѣкъ говорить такія фразы.

— Вотъ эти-то фразы (въ сущности—пустое сотрясеніе воздуха!),—говорилъ Н. Ф.,—и губятъ нашу культурность... Онѣ подрываютъ вѣру, и такъ очень слабую у насъ, въ значеніе и силу знанія, убиваютъ стремленіе къ образованію... Для всякихъ проходимцевъ, себялюбцевъ и квіетовъ такія фразы — кладъ: онѣ оправдываютъ всю мерзость ихъ животной жизни.

Н. Ф. никогда не допускалъ возможности для культурнаго человѣка жить чувствомъ. Онъ отрицалъ руководящее значеніе чувства въ особенности при тѣхъ активныхъ проявленіяхъ воли человѣка, которыя имѣютъ общественный характеръ. Разумѣется, необходимъ былъ тотъ ясный, огромный умъ, которымъ обладалъ покойный Н. Ф., чтобы на чистыхъ основахъ ума и знанія намѣтить вѣрный путь въ жизни и не сойти съ него до конца, но и для всякаго обыкновеннаго человѣка вѣра въ силу знанія, стремленіе къ нему — едва-ли не единственный залогъ его общественной полезности. Помнится мнѣ одна лекція Н. Ф., гдѣ онъ проводилъ параллель между двумя замѣчательными людьми Воронежскаго края — поэтами; Кольцовымъ и Никитинымъ. Разбирая ихъ жизнь, мотивы поэзіи и степень общественнаго значенія, Н. Ф. особенно рѣзко подчеркнулъ, что Н. С. Никитинъ, при неизмѣримо меньшемъ талантѣ, въ смыслѣ содѣйствія культурѣ родного края, сдѣлалъ больше А. В. Кольцова. „Никитинъ образовывалъ свой умъ, Никитинъ—зналъ, а знаніе есть сила."

Самъ Н. Ф. никогда не уставалъ увеличивать сумму своихъ знаній, никогда не уставалъ мыслить... Умъ его постоянно работалъ, никогда не застывая на готовыхъ формулахъ, на привычныхъ идеяхъ. И эта постоянная работа ума создавала ту необычайную свѣжесть мысли, которая была такъ привлекательна въ Н. Ф—чѣ и которая дѣлала его желаннымъ собесѣдникомъ и учителемъ въ кругу мыслящихъ людей нѣсколькихъ поколѣній...

Но эта-же свѣжесть мысли, эта ясность и чистота воззрѣній и привычка видѣть въ каждомъ явленіи его сущность, дѣлали Н. Ф—ча чужимъ въ провинціальномъ обывательскомъ кругу Много горечи внесла въ жизнь его обывательская пошлость, и много могъ-бы я привести примѣровъ тѣхъ оскорбленій, той травли, которыми преслѣдовала провинціальная обывательщина „непріятнаго" человѣка почти всю его жизнь, и даже въ послѣдніе тяжелые дни его неволи... Но предъ свѣжей могилой учителя и друга не хочу я говорить объ этихъ проявленіяхъ обывательской трусливой и жестокой подлости... Перефразируя слова поэта, скажу его врагамъ отъ его имени:

„Люди мелкою враждою
„За любовь мою платили...
„Но, царица-мысль, съ тобою
„Мы съ улыбкой имъ простили“...

Для насъ, знавшихъ близко Н. Ф—ча, имѣвшихъ возможность постояннаго общенія съ нимъ,—потеря его ничѣмъ не замѣнима... „Не могу сказать, до чего поразила насъ смерть Николая Федоровича“, читаю я въ письмѣ изъ Воронежа, написанномъ мнѣ сейчасъ послѣ его смерти,—„мы какъ-то точно остановились въ своей жизни, не понимая, что это такое...“

„Не стало учителя, не стало человѣка, къ которому одному можно было подойти съ своимъ тяжелымъ самочувствіемъ, со своими темными сомнѣніями и уйти бодрымъ и просвѣтленнымъ“...

. . . .

Много-бы еще хотѣлось сказать въ память Николая Федоровича, но всѣ слова такъ грубы, такъ мало даютъ понятія объ истинномъ характерѣ чувства, что невольно боишься самъ профанировать свѣтлыя воспоминанія, связанныя съ образомъ почившаго...

Туманится взоръ и что-то тѣснитъ въ груди... Прости, дорогой учитель и другъ!..

Л. В. Македоновъ.

Разсказы Петра Альтенберга.

Переводъ съ нѣм. А. М-чъ.

Тоскующее сердце.

Среди луговъ и огородовъ высится огромный желтый домъ. Это зданіе женскаго института—монастыря „для благородныхъ дѣвицъ“. Въ немъ много „святыхъ сестеръ“ и много затаенной скорби.

Иногда сюда приходятъ отцы навѣстить своихъ дочерей. „Благослови тебя Богъ, папа...“

Въ простой музыкѣ этихъ словъ „Благослови тебя Богъ, папа“... скрыты глубокіе гимны маленькихъ сердецъ. И въ словахъ „прощай папа“... они замираютъ, какъ звуки арпеджіо на арфѣ.

Былъ дождливый ноябрьскій воскресный день. Я сидѣлъ въ маленькомъ уютномъ и тепломъ кафе, курилъ и мечталъ...

Вошелъ красивый высокій господинъ съ очаровательной дѣвочкой.

Это былъ не ребенокъ, а ангелъ безъ крыльевъ, одѣтый въ желто-зеленую бархатную кофточку.

Господинъ занялъ мѣсто за моимъ столомъ.

— Принесите иллюстрированныхъ журналовъ для маленькой барышни,—сказалъ онъ кельнеру.

— Благодарю, папа, мнѣ не хотѣлось-бы журналовъ,—сказалъ безкрылый ангелъ.

Молчаніе.

Отецъ спросилъ: „Что съ тобой?“..

— Ничего,—отвѣтила дѣвочка.

Тогда отецъ сказалъ: „А на чемъ вы остановились въ математикѣ?“

Про себя онъ думалъ: „Надо поговорить на какую-нибудь общую тему. Научный разговоръ всего умѣстнѣе“...

— На правилѣ процентовъ,—сказалъ ангелъ.—А что это

такое? Что это значитъ? Я никакого понятія не имѣю. Зачѣмъ нужны эти правила процентовъ? Я не понимаю...

— Волосъ дологъ, умъ коротокъ,— сказалъ, улыбаясь отецъ и ласково провелъ рукой по свѣтло-бѣлокурымъ волосамъ, блестѣвшимъ какъ шелкъ.

— Правда...—сказала она.

Молчаніе...

Никогда я не видалъ такого печальнаго личика! Оно вздрагивало, какъ вѣтви куста подъ тяжестью снѣга. На душу оно производило такое-же впечатлѣніе, какъ восклицаніе „О!", когда его простонетъ Элеонора Дузэ или пропоетъ Джемма Беллинчіони...

Отецъ думалъ: „Работа мысли — наилучшее отвлеченіе. И можетъ-ли это повредить, во всякомъ случаѣ? Душу убаюкиваютъ... Надо будить интересы... Пока они, разумѣется, дремлютъ еще..."

Онъ сказалъ: „Правила процентовъ? О, это очень интересно! Въ свое время это было моимъ конькомъ (по лицу его промелькнула тѣнь минувшихъ правило-процентныхъ радостей). Положимъ, напримѣръ... погоди минутку... положимъ, кто-нибудь покупаетъ домъ. Ты слушаешь?

— О, да. Кто-нибудь покупаетъ домъ.

— Ну, положимъ—домъ, въ которомъ ты родилась въ Герцѣ. (Онъ дѣлалъ интересъ живѣе, искусно приводя въ довольно близкую связь условія научныя и семейныя). Онъ стоитъ 20 тысячъ гульденовъ. Сколько доходу долженъ онъ приносить, чтобъ это составило 5%?

Ангелъ сказалъ: „Этого никто не можетъ знать... Папа, дядя Викторъ по-прежнему часто бываетъ у насъ?"

— Нѣтъ, онъ рѣдко приходитъ, онъ всегда садится въ твоей пустой комнатѣ. Ну, слушай-же внимательно. 20.000 гульденовъ. Сколько-же составитъ 5% съ 20.000 гульденовъ? Ну, конечно-же, столько разъ 5 гульденовъ, сколько разъ 100 содержится въ 20.000? Это вѣдь очень просто, правда?

— О, да, — сказала дѣвочка, совершенно не понимая, отчего дядя Викторъ сталъ приходить рѣдко.

Отецъ сказалъ: „Итакъ, сколько-же доходу онъ долженъ приносить? Ну, 1000 гульденовъ! Это вѣдь очень просто".

— Да, тысячу гульденовъ. Папа, большая бѣлая лампа въ столовой коптитъ и теперь каждый разъ, когда ее зажигаютъ?

— Разумѣется. Ну, теперь ты понимаешь, что такое правило процентовъ?

— О, да. Но какъ же это, вообще, деньги могутъ приносить доходъ? Они вѣдь не похожи на грушевое дерево, деньги вѣдь мертвые совсѣмъ?

— Глупышка...,—сказалъ отецъ и подумалъ: „Это, впрочемъ, дѣло института".

Молчаніе...

— Она тихо проговорила: „Мнѣ бы хотѣлось домой, къ вамъ"...

— Ну, ну... Ты вѣдь у меня паинька-дѣвочка, правда?..

Двѣ слезы медленно поползли по щекамъ дѣвочки.

Облегчающія слезы... Сверкающія жемчужины назрѣвшей тоски по дому...

Потомъ она заговорила, улыбаясь: „Папа, въ институтѣ есть три маленькія дѣвочки. Старшей можно съѣсть три пышки заразъ, младшей только двѣ, а самой младшей одну только. Вотъ какая у нихъ діэта! Не знаю, позволятъ-ли имъ больше въ будущемъ году?

Отецъ улыбнулся. „Вотъ видишь, какъ у васъ тамъ весело".

— Гдѣ-же весело? Я потому говорю, что намъ это смѣшно. Смѣшное—вѣдь не непремѣнно весело?

— Мой маленькій философъ...,—сказалъ отецъ съ счастливой и гордой улыбкой и читая во влажномъ блескѣ глазъ своей маленькой дочери, что философія и жизнь—не одно и то-же.

Она то краснѣла, то блѣднѣла, блѣднѣла и краснѣла... Настоящую борьбу отражало милое личико. На немъ читалось: „прощай папа—о, прощай"...

Какъ охотно я сказалъ-бы отцу: „Да посмотрите-же на это лицо мадонны! Маленькое сердце разбито горемъ!..."

А онъ отвѣтилъ-бы мнѣ: „Сударь мой, c'est la vie! Такова жизнь! Не всѣмъ возможно сидѣть вотъ такъ по кафе и праздно мечтать"...

Отецъ сказалъ: „На чемъ вы остановились по исторіи?"

Про себя онъ думалъ: „Надо отвлечь ее. Это — мой принципъ".

— Мы остановились на Египтѣ,—сказала дѣвочка.

— О, на Египтѣ!— сказалъ отецъ съ такимъ выраженіемъ, словно эта страна способна цѣликомъ захватить кого угодно. Казалось, онъ изумился-бы, если-бы кому-нибудь могло понадобиться что-нибудь, кромѣ Египта.

— Эти пирамиды—сказалъ онъ—муміи, цари Сезострисъ, Хеопсъ... Затѣмъ пойдутъ Ассиріяне, Вавилоняне...

И подумалъ: „Чѣмъ больше распишу, тѣмъ лучше".

— Да? — протянула дѣвочка съ такимъ выраженіемъ, словно хотѣла сказать: „исчезнувшіе народы!"...

— Когда у васъ урокъ танцевъ?— спросилъ отецъ и подумалъ: „Танцы—веселая тема".

— Сегодня...

— Когда?

— Сейчасъ, какъ только ты уѣдешь. Сейчасъ и танцы, отъ 7 до 8.

— О, танцы — полезны для здоровья. Танцуй-же прилежно, смотри...

Когда господинъ всталъ, собираясь уходить и любезно поклонился мнѣ, я сказалъ: „Простите меня, сударь — пожалуйста, простите — у меня къ вамъ большая, большая просьба“...

— Ко мнѣ?! Въ чемъ дѣло?

— Прошу васъ очень,—увольте сегодня вашу маленькую дочь отъ урока танцевъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня... и пожалъ мнѣ руку.

— Исполню!

— Какъ ты могъ меня понять, незнакомецъ? — сказали мнѣ блестящіе глаза маленькаго ангела.

— Выходи первая,—сказалъ дѣвочкѣ отецъ.

И потомъ обратился ко мнѣ: „Pardon, вамъ кажется правильнымъ вашъ принципъ?“

— Разумѣется,—сказалъ я,—когда дѣло идетъ о душѣ, существуетъ одинъ единственный принципъ: не имѣть никакихъ принциповъ!

Участіе къ ближнему.

Два художника, сдѣлавшихъ хорошую карьеру, сидѣли въ ночномъ кафэ и ревностно обсуждали, какъ грубо сталъ выражаться эготизмъ ближняго. Слово „эготизмъ“ они произносили съ такимъ выраженіемъ, словно хотѣли подчеркнуть, что остальное человѣчество понимаетъ одинъ „эгоизмъ“.

Въ эту минуту молодая дѣвушка сказала: „Что это за чепуха, скажите на милость?! Имѣетъ ли это какой-нибудь смыслъ?! Моя хозяйка забрала сегодня мои вещи за долгъ! Какое она имѣетъ право удерживать вещи? Полагается это? Это не полагается, говорю я!“

— Отстань, мы не адвокаты...

— Не адвокаты? Да ты послушай! Всякій образованный человѣкъ долженъ понимать, что удерживать вещи никакъ не полагается! Что-жъ это было-бы? Этакъ всѣ только и дѣлали-бы, что удерживали бы чужія вещи! Вѣдь, это разсудить надо!

Художники обсуждали въ эту минуту, что Б. до того надутъ высокомѣріемъ, такъ полонъ самимъ собой, что ничего вокругъ себя не видитъ и не слышитъ, словно тетеревъ на сосновой вѣткѣ. И, главное, у него не всегда есть оправданіе въ половомъ возбужденіи...

Дѣвушка начала плакать о присвоеніи хозяйкой ея вещей и снова принялась объяснять господамъ, что удерживать чужія вещи не полагается.

Господа сказали, наконецъ, что и они до сихъ поръ были увѣрены въ этомъ и, полагая, что дѣвушка утѣшилась ихъ согласіемъ, стали цѣловать ее.

Но она еще не пришла въ надлежащее настроеніе. Тогда господа сказали ей, что она не на своемъ мѣстѣ, что ей бы быть не дѣвой радости, а дѣвой печали, плакальщицей. И что такими пріемами она не привлечетъ къ себѣ и не выманитъ и пса изъ-за печки.

Дѣвушка уставилась въ одну точку и твердила: „Удерживать вещи не полагается!"

Художники перемѣнили обращеніе и спросили участливо: „Да сколько-же ты, собственно, должна ей? Сколько она требуетъ?"

Дѣвушка отвѣтила безнадежнымъ тономъ: „Тридцать пять гульденовъ!"

— Что?! Такіе пустяки? А она реветъ! Да вѣдь ихъ ты легко выплатишь ей частями!

Дѣвушка подумала: „Что-бъ вы пропали, ироды!"

Художники принялись разсчитывать, что, уплачивая всего по 5 гульденовъ въ недѣлю, она въ какіе-нибудь 7 недѣль раздѣлается сполна съ долгомъ. Или—пусть бы выплачивала помѣсячно по 20 гульденовъ. Или, еще лучше,—ежедневно по гульдену! И оба согласились на такомъ порядкѣ платежа.

Дѣвушка сидѣла тутъ-же и горько плакала.

Художники разсердились и ушли.

На улицѣ они говорили: „Стоитъ-ли распинаться такъ за кого-нибудь! Голову себѣ поломаешь, думая и разсчитывая за чужихъ! И что получишь въ награду? Неблагодарность!"

Къ дѣвушкѣ въ кафэ подошелъ кельнеръ. „Послушайте меня, барышня. Сегодня-же въ 8 часовъ утра мы съ вами вмѣстѣ поѣдемъ въ судъ. Удерживать вещи никакъ не полагается! Не въ безсудной землѣ живемъ, слава Богу!"

Они пошли вмѣстѣ домой, чтобы обсудить подробности.

Оставалось еще три часа до 8 часовъ утра, и они ими хорошенько воспользовались.

Въ 8 часовъ утра ея рыцарь сказалъ ей: „Знаешь что, Мицерль? Ну его къ чорту, не стоитъ до суда доводить. Хозяйка-то вѣдь ничего тебѣ такого не сдѣлала. Знаешь что, Мицерль? Выплати-ка ей по частямъ!"

Дѣвушка была уже до послѣдней степени утомлена и, готовая задремать снова, кротко сказала:

— Удерживать вещи не полагается. Правда, Шуршль?

———

Въ народномъ саду.

I.

„Я хочу, что-бъ у меня былъ голубой шаръ-пузырь! Голубой шаръ хочу!"

„Вотъ тебѣ голубой шаръ, Розамунда".

Ей пояснили только, что въ немъ находится газъ, легче атмосфернаго воздуха, и вотъ почему и т. д., и т. д.

„Я хочу его пустить, что-бъ полетѣлъ",—сказала она просто.

„Можетъ быть, ты бы лучше подарила его вонъ той бѣдной дѣвочкѣ?"

„Нѣтъ, я хочу, чтобъ онъ полетѣлъ!.."

Она отпускаетъ нитку шара, смотритъ ему вслѣдъ, пока онъ исчезаетъ въ синемъ небѣ.

„Развѣ тебѣ не жалко теперь, что ты не подарила его бѣдной дѣвочкѣ?"

„Да, лучше бы я его подарила бѣдной дѣвочкѣ!"

„Ну, вотъ тебѣ другой голубой шаръ, подари ей этотъ".

„Нѣтъ, я хочу и этотъ пустить къ небу!"—Такъ и сдѣлала.

Ей подарили третій голубой шаръ.

Она сама направляется къ бѣдной дѣвочкѣ, даритъ ей шаръ и говоритъ: „Пусти его въ небо!"

„Нѣтъ!"—говоритъ бѣдная дѣвочка, восторженно разсматривая шаръ.

Шаръ былъ пущенъ въ комнатѣ къ потолку, три дня изнемогалъ, потемнѣлъ, сморщился и упалъ замертво чернымъ мѣшочкомъ.

Тогда бѣдная дѣвочка подумала: „Мнѣ бы его въ саду пустить, къ синему небу, я бы смотрѣла, смотрѣла!.."

Въ теченіе этого времени богатой дѣвочкѣ подарили еще десять шаровъ, а разъ дядя Карлъ закупилъ даже всѣ тридцать шаровъ сразу. Двадцать она пустила полетѣть къ небу, а десять раздарила бѣднымъ дѣтямъ. Съ тѣхъ поръ шары потеряли для нея всякій интересъ.

„Глупые шары",—говорила она.

И тетя Ида заключила изъ этого, что для своего возраста она очень развита.

Бѣдная дѣвочка мечтала: „Мнѣ бы пустить его къ самому синему небу, я бы смотрѣла, смотрѣла!.."

II.

Было весеннее утро въ народномъ саду. Воздухъ чище, чѣмъ на улицахъ; всюду дѣти со своими боннами. Играли по-одиночкѣ или группами, сидѣли утомленные, или гуляли, держась за руки. Были дѣти хорошенькія и некрасивыя,

блѣдныя и розовыя, граціозныя и неуклюжія. Но всѣ, всѣ до одного были цѣликомъ поглощены своими ребячьими интересами, и садъ былъ для нихъ не чѣмъ инымъ, какъ болѣе обширной и съ большимъ воздухомъ дѣтской!

Только одна дѣвочка, съ густыми темными локонами, въ коричневой бархатной кофточкѣ съ большими сѣрыми перламутровыми пуговицами, стояла передъ большой грядкой тюльпановъ. Тихо стояла она, не отрывая глазъ отъ чудесныхъ цвѣтовъ—бѣлоснѣжные и лиловые тюльпаны! Не шевелясь стояла маленькая дѣвочка, точно разомъ оторванная отъ собственныхъ ребячествъ, преждевременно ставшая серьезной, свободная отъ временныхъ, минутныхъ желаній, забывшая, что есть на свѣтѣ куклы, веревочки для прыганья, шары...

Въ эту минуту это былъ поэтъ, равный лучшимъ и самымъ глубокимъ изъ поэтовъ—это была минута самозабвенія и упоенія красотой.

Одна гувернантка сказала: „Отчего это ваша дѣвочка стоитъ въ сторонкѣ передъ этой глупой цвѣточной клумбой? Надменная, должно быть, считаетъ себя выше всѣхъ?“

Тогда гувернантка благородной дѣвочки сказала: „Розамунда, пошли бы вы поиграть съ другими дѣтьми, что вы такъ стали въ сторонѣ?!“

И благородное дитя пошло играть „съ другими дѣтьми“.

————

Донъ-Жуанъ.

I.

Идиллія.

Она сидѣла въ кондитерской со своей матерью и пила желтовато-бѣлое густое молоко съ золотистымъ, румянымъ, пушистымъ и ароматнымъ хлѣбомъ съ масломъ и медомъ.

Былъ воскресный послѣ-обѣденный часъ.

Въ шесть часовъ пришелъ Альбертъ.

Щеки ея порозовѣли.

Альбертъ велѣлъ подать себѣ пушистаго, ароматнаго хлѣба съ масломъ и медомъ.

Молодая дѣвушка положила свою руку на спинку его стула и слегка коснулась его плеча.

Мать сказала: „Вы сегодня чѣмъ-то озабочены, Альбертъ?“...

„Гдѣ тутъ развернешь свои силы!“—сказалъ онъ угрюмо. „Г-жа Е., читавшая мои опыты „Истины“ сказала сегодня: ему бы надо было провести лѣто въ Карлсбадѣ, въ Маріенбадѣ—гдѣ-нибудь, гдѣ жизнь бьетъ большимъ ключемъ“...

Молодая дѣвушка сложила свои руки на колѣняхъ и вся поблѣднѣла.

Мать сказала: „Для истиннаго поэта, милый мой“...

„Нѣтъ,—прервалъ Альбертъ,—невозможно творить изъ ничего. Вы этого не понимаете! Вы воображаете, что можете управлять нашимъ вдохновеніемъ?! Мы одни можемъ найти его источникъ. Часто этимъ таинственнымъ возбудителемъ является женщина. И въ такихъ случаяхъ... Меня, напримѣръ, очаровываютъ глаза двѣнадцатилѣтней Франци...

Молодая дѣвушка потупила глаза.

„Да, сказалъ онъ жестко, тѣмъ не менѣе это такъ! Въ выраженіи этихъ глазъ я читаю первоначальную чистоту натуры... меня опьяняютъ эти глаза“.

Въ такія минуты молодая дѣвушка видѣла въ этомъ идеалистѣ и мечтателѣ врага, презирающаго ея нѣжную душу.

Она была несправедлива къ нему. Но могла-ли она понять это?

Она вся жила имъ и въ немъ, въ немъ одномъ...

Однажды она сказала себѣ: „Мнѣ кажется, я могу быть немножко полезна ему. Поэтому я живу“.

Мать смотрѣла на свою дочь, какъ на мученицу. Она дѣлила съ ней всѣ ея переживанія, но воспринимала ихъ эгоистичнѣе и ненавидѣла этого идеалиста, стремящагося „развернуться“ и околдованнаго глазами двѣнадцатилѣтней Франци.

„Уплатимъ и уйдемъ“, сказалъ Альбертъ.

Медленно шли они по тихимъ темнымъ улицамъ. Всѣ молчали.

Альбертъ шелъ рядомъ съ молодой дѣвушкой.

Улица, поворотъ, улица, поворотъ, уголъ новой улицы, подъѣздъ дома. Тихо въ прихожей, тихая лѣстница... звонокъ... тихо въ передней, тишина въ квартирѣ.

Смеркается. Альбертъ садится на кресло.

Молодая дѣвушка садится у окна.

Альбертъ безмолвно и пристально смотритъ въ одну точку.

Молодая дѣвушка тихо заплакала. Плакала долго, долго...

Мать тихонько входила въ комнату и вновь выходила...

Это былъ лѣтній воскресный вечеръ, котораго цѣлую недѣлю ждала молодая дѣвушка съ радостнымъ волненіемъ... цѣлую долгую недѣлю!

II.

Музыка.

Дѣвочка сидѣла за піанино, занятая своими упражненіями.

Ей было двѣнадцать лѣтъ, и у нея были дивные кроткіе глаза.

Онъ шагалъ тихо и медленно по комнатѣ, взадъ и впередъ, взадъ и впередъ.

Вдругъ онъ остановился—прислушался, охваченный страннымъ волненіемъ.

Два-три дивныхъ такта повторялись то-и-дѣло, и дѣвочка передавала съ удивительнымъ искусствомъ все, что они выражали.

Словно ребенокъ внезапно превратился во взрослаго!

„Что ты играешь?“ спросилъ шагавшій.

„А что? Почему ты спросилъ? Это мои „Альбертовскіе этюды“ — Бертини, № 18. Отчего-то, когда я ихъ играю, я всегда думаю о тебѣ“...

„Почему?“

„Такъ ужъ. Не знаю, почему“.

Словно ребенокъ внезапно превратился въ женщину!

Онъ снова тихо зашагалъ взадъ и впередъ...

Маленькая дѣвочка продолжала свои упражненія—Бертини № 19, Бертини № 20, № 21, 22, 23... но души въ нихъ больше не было.

III.

Въ городскомъ саду.

Семь часовъ вечера. Теплый, теплый вечеръ. Девятнадцатое іюня. Улицы дышали соннымъ зловоніемъ городского лѣта.

Маленькій садикъ за золоченой рѣшеткой казался уголкомъ настоящей природы.

Пахло бѣлымъ цвѣтомъ миндаля, бѣлыми акаціями, пахли большіе желтые кусты.

На маленькихъ круглыхъ лужайкахъ тянулись темно-зеленыя гирлянды плотныхъ, блестящихъ листьевъ.

Все плоды культуры, искусства садоводства.

Повсюду мелькали, разсѣянныя среди цвѣтовъ и гирляндъ, желтыя головки одуванчиковъ.

Тутъ совсѣмъ не было искусства. Это была природа.

Они сидѣли на желѣзныхъ садовыхъ скамейкахъ.

На молодой женщинѣ было шелковое платье цвѣта геліотропъ. Широкіе шелковые рукава были отдѣланы желтовато-бѣлыми кружевами. Изъ нихъ выглядывала рука, изящная бѣлая рука. Молодой человѣкъ, сидѣвшій направо отъ нея, смотрѣлъ на эту руку такъ, словно это было ожившее на его глазахъ произведеніе искусства; рука была такая тонкая, такая подвижная. Каждый палецъ походилъ на стройную балерину, и вся маленькая художественная вещица двигалась въ сгибѣ кисти, точно на стальномъ или каучуковомъ шарнирѣ.

Однажды эта молодая женщина сказала одному господину (тогда на ней было свѣтло-зеленое шелковое платье, отдѣланное бѣлой шелковой рюшью): „Что это значитъ—„порядочная“ женщина? Развѣ это заслуга?! Что касается меня,— я нахожу, что жизнь, какова она есть, не даетъ никакихъ причинъ для меланхоліи, для скуки или для какихъ-нибудь порыванiй...

„Я буду всегда такая, какъ теперь. Мнѣ пріятно, когда любуются на мой туалетъ, на мой вкусъ. Мужа своего я не цѣлую, не дарю его нѣжными взглядами; но чувствую себя довольной, какъ дитя у материнской груди. Оно сосетъ, сосетъ, остановится, подыметъ глаза на мать и снова продолжаетъ сосать и испытываетъ необыкновенную радость бытія. Чувствуешь себя въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ такъ, какъ въ то время, когда былъ еще совсѣмъ крохотнымъ звѣрькомъ.

„Такъ я живу! Я думаю, всѣ счастливыя женщины живутъ такъ. Какъ же имъ иначе жить?! Не въ буряхъ-ли чувствъ? Да развѣ же это счастье? Счастье — это движеніе, ставшее покоемъ. Вотъ счастье!“

Теперь она сидѣла, въ шелковомъ платьѣ цвѣта геліотропъ, въ городскомъ саду, на скамьѣ между своимъ супругомъ и господиномъ Альбертомъ, вдыхая влажный и прохладный ароматъ лужаекъ и сладкій запахъ цвѣтовъ миндаля и акацій.

Она сказала: „Давайте, сочинимъ что-нибудь!...“

„Пожалуйста!“ сказалъ Альбертъ.

„Они сидѣли на трехъ желѣзныхъ садовыхъ стульяхъ...“ начала свое сочиненіе молодая женщина.

Альбертъ: „Пахло цвѣтомъ миндаля...“

„Нѣтъ“,—сказалъ супругъ,—„пахло батистовыми платьицами маленькихъ дѣвочекъ, пылью и резиновыми мячами...“

Она: „Марія устремила неподвижный взглядъ на флагъ башни ратуши...“

Онъ: „Альбертъ устремилъ неподвижный взглядъ на флагъ башни ратуши...“

Она (покраснѣвъ): „Вы не должны все за мной повторять; вы должны самостоятельно сочинять“.

Онъ: „На башенномъ флагѣ ратуши взгляды ихъ встрѣтились...“

„Добрый вечеръ, Франци!“—сказалъ супругъ и перебилъ поэта.

Дѣвочка была въ розовомъ платьицѣ, похожемъ на рубашку. Круглыя руки были голы, такъ же, какъ и шея и розовыя ноги.

Она остановилась, прямая, какъ свѣча, и проговорила: „Добрый вечеръ“.

Затѣмъ усѣлась на колѣни молодого человѣка, сочинявшаго „Встрѣчу на башенномъ флагѣ".

Онъ обнялъ ее рукой и бережно, нѣжно прижалъ ее къ себѣ.

Онъ сказалъ ей тихо на-ухо: „Бертини № 18..."

„Тс!"—сказала она и вся покраснѣла.

Онъ всталъ и простился съ обоими молодыми супругами.

„Мнѣ надо пойти разыскать г-жу М.",—сказалъ онъ.

„Да, подите",—сказала молодая женщина въ платьѣ геліотропъ, „васъ будутъ ждать, навѣрное..."

И протянула ему, улыбаясь, свою дивную руку.

Онъ ощутилъ теплую, мягкую, нѣжную кожу и, когда отпустилъ руку, молодая женщина точно ощутила при этомъ его просьбу: „О, оставь ее у меня еще немножко... еще немножко. Что тебѣ это стоитъ?!"

„Я провожу тебя",—сказала маленькая дѣвочка и прильнула къ нему.

Рука съ рукой пошли они по пыльнымъ, напоеннымъ ароматомъ цвѣтовъ аллеямъ.

Онъ остановился и поклонился.

Тутъ сидѣла дама, съ умными и нервными чертами лица и молодая дѣвушка, съ пепельно-бѣлокурыми волосами и блѣднымъ, благороднымъ лицомъ. На ней была надѣта блѣдно-коричневая соломенная шляпа съ отдѣлкой изъ бѣлыхъ хризантемъ.

— Мы уже часъ ждемъ,—сказала мать.—Гдѣ вы были?

— Фрейлейнъ Франци,—сказалъ молодой человѣкъ, представляя свою маленькую подругу въ розовой рубашкѣ.

О, дѣтская чуткость... „Мнѣ надо вернуться къ папѣ",—сказала она.

— Нѣтъ, побудь еще,—сказалъ Альбертъ.

Онъ сѣлъ около молодой дѣвушки съ блѣднымъ лицомъ и посадилъ дѣвочку къ себѣ на колѣни.

— Любите вы Альберта?—спросила молодая дѣвушка и вся покраснѣла.

— Прежде всего дѣдушку, потомъ кого-то еще (разумѣлась покойная мать) и потомъ уже „его".

— А папу?—спросила старшая дама.

— Его уже гораздо меньше,—отвѣтила дѣвочка твердо и рѣшительно.

— Ты глупенькое созданіе,—сказалъ Альбертъ и поцѣловалъ дѣвочку.

Дѣвочка нѣжно прижалась къ нему. Затѣмъ вскочила, простилась и убѣжала.

— Эй, Франци!—крикнулъ ей вслѣдъ Альбертъ.

— Ну, что?—спросила розовая рубашка.

— Ничего!—отвѣтилъ онъ.

— Ваша маленькая подруга, повидимому, очень любитъ васъ,—сказала молодая дѣвушка.

— Только портятъ одиннадцатилѣтнихъ дѣтей...—сказала съ раздраженіемъ мать.

— Я только даю ей то, чего не могутъ дать ей живой отецъ и умершая мать ея—любовь!

Мать сказала: „Женщинамъ, начиная съ девяти лѣтъ, не слѣдовало-бы позволять знаться съ вами". Но подумала про себя: „всѣмъ, кромѣ двухъ..."—ея дочери и ея.

— Почему?—подумалъ онъ.—Я знаю одну молодую женщину двадцати трехъ лѣтъ, у которой дивно-прекрасныя бѣлыя руки, и взгляды наши встрѣчаются на башенномъ флагѣ... Что я сдѣлалъ ей дурного? Что ей стоитъ?..

Взглядъ молодой дѣвушки былъ неподвижно прикованъ къ гравію аллеи.

Альбертъ тихо спросилъ: „Ты сердишься, что я заставилъ тебя ждать?.."

Она неподвижно смотрѣла на гравій аллеи.

Она думала: „Сердишься!.. Что это за золотое время, когда чувствуешь себя такъ богатымъ, что можешь позволить себѣ сердиться... Королевы гнѣваются, чтобы насладиться примиреніемъ, а нищія..."

Но она это думала проще и трогательнѣе. Вѣрнѣе, она совсѣмъ не думала, а чувствовала это.

И она не отрывала глазъ отъ усыпанной гравіемъ аллеи, отъ маленькихъ круглыхъ лужаекъ съ ихъ темными гирляндами и свѣтлыми одуванчиками, отъ золоченыхъ верхушекъ садовой ограды...

Бѣлые цвѣты миндаля, бѣлыя акаціи, желтые кусты лили свой ароматъ въ теплый, душный іюньскій воздухъ...

Альбертъ сказалъ: „Міръ богатъ и прекрасенъ!.."

Но онъ говорилъ, вѣроятно, о своемъ „внутреннемъ мірѣ", потому что внѣшній міръ, окружавшій его, былъ бѣденъ и будниченъ.

Неужели-же это тоже нашъ „внутренній міръ"—дышащіе ароматомъ цвѣты миндаля, бѣлыя акаціи?! И бѣлая рука?! И улыбка ребенка?! И разбитое женское сердце?!

Тоже!!

————

Къ солнцу.

Повѣсть **Л. Гуревичъ**.

I.

Петербургскій май былъ похожъ на октябрь. Дулъ холодный вѣтеръ и моросилъ дождь. Однако, по улицамъ громыхали возы съ мебелью, перевозимой на дачи, и часто попадались извощики съ чемоданами и корзинками: всѣ разъѣзжались, надѣясь, кто на перемѣну погоды, кто на перемѣну мѣста и климата.

Въ пріемной доктора были уже сняты занавѣсы съ оконъ и портьеры, картины по стѣнамъ были обернуты газетной бумагой. Больныхъ было множество, и Анна Сергѣевна сидѣла здѣсь, въ ожиданіи своей очереди, уже болѣе двухъ часовъ. Словно въ полуснѣ отъ застывшаго нетерпѣнія, она вяло перелистывала старый, иллюстрированный журналъ, и небрежно, иногда брезгливо, взглядывала на плохія, однообразныя картинки. Вокругъ ожидающіе томились тупой скукой.

Анна Сергѣевна откинулась къ спинкѣ дивана и закрыла глаза. Вчерашняя встрѣча съ Мамаевымъ вспомнилась ей. Она вдругъ повеселѣла и удивилась, что за все это скучное время, проведенное здѣсь, словно спала, и вовсе не думала о немъ. Ужасно измѣнился! Потолстѣлъ и одѣвается по модѣ. Провинціальный городской голова! — подумала она съ усмѣшкой. — Но такой же живой, подвижной, такой же быстрый, пытливый взглядъ. Обрадовался, немножко взволновался, увидѣвъ ее. Сказалъ, что остался холостякомъ, и мелькомъ взглянулъ на нее при этомъ. Больше десяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ... Какъ это странно бываетъ въ жизни: какъ разъ въ тотъ день, когда она рѣшала вопросъ о лѣтѣ, колебалась,—эта случайная встрѣча: человѣкъ изъ прошлаго является, чтобы подсказать ей, что

дѣлать. Конечно, въ Крымъ! Разъ это не такъ дорого, осуществимо. Сколько лѣтъ она мечтала о югѣ, о морѣ.

Дверь доктора отворилась.

— Чья очередь?—громко спросили въ залѣ.

Анна Сергѣевна, словно пробудившись отъ своихъ мыслей, быстро поднялась. По ея худому, заостренному книзу лицу разлился неровный румянецъ.

Немолодой докторъ былъ утомленъ и серьезенъ.

— Ну-съ, что скажете?—спросилъ онъ, указывая жестомъ на кресло и внимательно глядя сквозь очки.—Ай-ай! Какая вы нервная. Чего же вы волнуетесь?—прибавилъ онъ и покачалъ головой.

— Сердце у меня что-то...—сказала Анна Сергѣевна, смущенно улыбаясь.—И вообще... Безсонница. Слабость. У меня былъ лѣтомъ дифтеритъ,—въ деревнѣ, я была у знакомыхъ. Съ тѣхъ поръ какъ-то не поправилась.

— Съ лѣта? Обращались къ доктору за это время?

— Нѣтъ. Правду сказать, надѣялась, что это такъ—обычное послѣдствіе, понемногу пройдетъ.

— По-русски!—сказалъ докторъ довольно строгимъ тономъ и, поднявъ брови, продолжалъ:—Вы замужемъ?

— Нѣтъ. Т. е., я уже давно разсталась съ мужемъ.

— Возрастъ позвольте узнать.

— Тридцать семь лѣтъ.—До послѣдняго времени мнѣ всегда давали на видъ меньше,—съ усмѣшкой прибавила она.—Теперь какъ-то...

— Надо полѣчиться, поправиться,—мягко сказалъ докторъ.—Позвольте-ка вашъ пульсъ.

— Въ Крыму поправлюсь,—подумала Анна Сергѣевна, быстро стягивая со своей худощавой руки тонкую, но уже не разъ починенную на пальцахъ перчатку.

Докторъ увѣренно взялъ ея пульсъ и задумался.

— Гм... Жидковатъ,—тихо сказалъ онъ.—Теперь позвольте васъ послушать.

Торопливо раздѣваясь, Анна Сергѣевна невольно взглянула сверху на свое исхудавшее, желтоватое тѣло и болѣзненно поморщилась.

„Если бы поправиться, помолодѣть...“ Ей представилось, какъ она купается въ свѣжихъ зелено-голубыхъ волнахъ моря, и здоровье, бодрость вливаются въ нее. Голова ея чуть-чуть кружилась, и въ ушахъ какъ будто раздавался мѣрный плескъ волнъ.

„Глупо, правда, что я не лѣчилась... Дѣйствительно, по-русски. Теперь я буду лѣчиться самымъ аккуратнымъ образомъ“,—думала она въ то время, какъ докторъ внимательно выстукивалъ ея грудь. И она съ довѣріемъ взглядывала на

его склоненную, большую, сѣдѣющую голову. И лицо его ей нравилось. „Похожъ на Золя въ послѣдніе годы жизни“,— мелькнуло у нея въ умѣ. И когда онъ уложилъ ее на диванъ, чтобы еще разъ выслушать въ лежачемъ положеніи, самыя его руки, большія и квадратныя, внушали ей какое-то дѣтское довѣріе, вѣру въ то́, что онъ пойметъ и вылѣчитъ ее.

— Такъ-съ.—Докторъ постоялъ молча, опустивъ руки, и вздохнулъ.—Я вамъ пропишу кое-что. Но это не главное. Нужно посерьезнѣе заняться собою... Изнурены вы очень, издерганы...

— Всѣ теперь издерганы,—сказала Анна Сергѣевна, застегивая платье.

— Да, это такъ. Но вамъ непремѣнно нужно заняться собою. Вы не имѣете возможности поѣхать за-границу, на воды?

— На воды?—съ испугомъ воскликнула Анна Сергѣевна.— О, нѣтъ! Я не могу... Но я рѣшила поѣхать въ Крымъ въ этомъ году.

Докторъ, присѣвшій было къ книгѣ записей, вдругъ рѣшительно повернулся:

— Въ Крымъ?.. Нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не въ Крымъ. Не берегъ моря и не жара.

Анна Сергѣевна молчала. У нея тяжело билось сердце.

— Вѣдь вы, надѣюсь, желаете поправиться, а не подвергать себя риску!—тихо прибавилъ докторъ.

— Риску?.. Какъ?—Не то испугъ, не то смѣхъ отъ неожиданности холодной волной пробѣжалъ у нея въ груди.— Что же такое вы находите у меня, докторъ?

Докторъ склонилъ голову и прищурилъ глаза:

— Ослабленная дѣятельность сердца... Т. е.... Я не хочу сказать этимъ ничего особеннаго, но крымскія жары, теперь, въ іюнѣ и іюлѣ, во всякомъ случаѣ...

— Но мнѣ нужно солнце, докторъ! Мнѣ нужно... Я не поправлюсь на сѣверѣ. И я рѣшила!

Темные, глубоко-сидящіе глаза ея, полузакрытые длинными, тонкими вѣками, широко открылись, загорѣлись гнѣвомъ.

Докторъ посмотрѣлъ на нее внимательно и упорно, какъ бы ожидая, не успокоится ли она. Потомъ устало провелъ рукой по лбу и волосамъ. Она стояла передъ нимъ блѣдная, осунувшаяся, и онъ замѣтилъ, что въ ея черныхъ волосахъ уже серебрились сѣдыя пряди.

— Я понимаю, что человѣку иногда бываетъ необходимо выбрать себѣ отдыхъ по вкусу,—сказалъ онъ вполголоса,—но увѣряю васъ, что въ данномъ случаѣ вамъ не слѣдуетъ настаивать на своемъ. Можетъ быть, вы еще об-

думаете этотъ вопросъ. Въ такомъ случаѣ я пропишу вамъ кое-что.

— Я обдумаю,—беззвучно сказала Анна Сергѣевна.

Когда она выходила изъ кабинета, у нея дрожали колѣни. Не страхъ, не опасеніе за свою жизнь волновали ее—мнительна она не была, а что-то въ родѣ обиды на этого доктора, къ которому она почувствовала-было такое довѣріе, и который запрещалъ ей удовлетворить законнѣйшую потребность своей души. „Что же тогда?“ — думала она, быстро идя по грязной, мокрой улицѣ. И всѣ возможныя комбинаціи на это лѣто, которыя она перебирала въ умѣ, казались ей отвратительными. Ничто, кромѣ юга, не привлекало ее. Нужно отогрѣться, видѣть краски, синюю даль, горы, южные цвѣты. При одной мысли объ этомъ ее охватывало какое-то дремотное успокоенье. Докторъ не могъ взвѣсить всего этого. Онъ, очевидно, умный, порядочный человѣкъ, но такъ, съ одного раза, послѣ двухъ десятковъ словъ... И, кромѣ того, врядъ ли онъ психологъ. Доктора рѣдко принимаютъ во вниманіе душу, зависимость души отъ тѣла...

Анна Сергѣевна остановилась на мгновенье. Тяжесть спала у нея съ души. „Надо это, конечно, обдумать хорошенько, но во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть настоящимъ судьей. Вѣдь эти боли въ сердцѣ, безсонницы—все это было уже давно—отъ душевной усталости, отъ мукъ, безпокойства, неудовлетворенія, отъ этого вѣчнаго одиночества среди людей...“

Она вдругъ вспомнила, что въ 8 часовъ у нея долженъ быть Мамаевъ, встрепенулась и подозвала извозчика.

II.

Маленькая столовая Анны Сергѣевны, служившая и гостиной, съ мягкой мебелью въ глубинѣ и картинами по стѣнамъ, была ярко освѣщена. Анна Сергѣевна была рада, что еще не принималась за весеннюю укладку вещей и не разорила своего гнѣзда.

Ей хотѣлось принять Мамаева въ теплой, уютной обстановкѣ.

Она уже сидѣла за чаемъ, а Мамаевъ, разговаривая, не переставалъ ходить по комнатѣ.

— Да сядьте-же, наконецъ!—весело сказала она.—Не отстали отъ прежней привычки разговаривать на ходу?

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Всю жизнь мечусь, какъ тигръ въ клѣткѣ!

Онъ сѣлъ и уставился на нее своими круглыми, не то смѣющимися, не то восторженными глазами.

— Ну вотъ, теперь вы опять какъ будто прежняя: лицо оживлено, въ зрачкахъ мерцанье лихорадочныхъ огней! И платье это мнѣ на васъ нравится; я люблю мягкія ткани и широкія складки—особенно на такихъ высокихъ женскихъ фигурахъ. И что черное ничего: вы въ немъ вся какая-то стильно-траурная, хотя я и не знаю, зачѣмъ вамъ носить трауръ!

— А вы по-прежнему вникаете во всѣ детали женскаго туалета? Я помню, меня это ужасно смѣшило въ васъ!

— Что дѣлать!—съ шутливымъ вздохомъ сказалъ Мамаевъ.—Въ смѣшномъ и дурномъ люди чрезвычайно постоянны!

— А въ хорошемъ?

— Въ хорошемъ? Что называть хорошимъ?.. Въ нашихъ чувствахъ... Какъ-нибудь на досугѣ вамъ покаюсь... Я радъ, что вы рѣшаете ѣхать въ Крымъ. Эгоистично радъ: хочется обо многомъ потолковать съ вами. Впрочемъ, думаю, что и вамъ тамъ будетъ не плохо. Доктора...—они вѣдь мудрятъ.

— Ахъ, вы представить себѣ не можете, до чего мнѣ нужна эта поѣздка!—воскликнула Анна Сергѣевна.—У меня глаза голодны. Вы понимаете? Вѣдь въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ красокъ. Сѣрая, бурая...—ну, прибавьте еще синюю: Нева въ ясный день. Но много ли ясныхъ дней?.. И такое холодное, тусклое все это... У меня вотъ здѣсь, во лбу, сверлитъ какъ отъ голоду по краскамъ. Вы это понимаете?

— Понимаю... А кстати,—сказалъ онъ, рѣзко мѣняя тонъ, и отодвинувъ стаканъ съ чаемъ, положилъ на столъ оба локтя:—Ваша живопись?.. Сдѣлали вы что-нибудь за эти годы, госпожа свободная художница? Я спрашивалъ коекого, но такъ и не добился.

— О, нѣтъ!—грустно сказала Анна Сергѣевна.—Можно сказать даже,—совсѣмъ бросила.

Мамаевъ посмотрѣлъ на нее долгимъ, укоризненнымъ взглядомъ и покачалъ головой:

— Зарыли въ землю?..—проговорилъ онъ какъ бы сурово, въ тонѣ патетическаго обличенія.—Нехорошо! Нехорошо!

— Нѣтъ,—отвѣтила Анна Сергѣевна усмѣхаясь.—Увѣряю васъ, что и зарывать нечего было: не было его, таланта-то этого самаго. И къ тому же...

— Къ тому же?

— Ну... женщина я, во первыхъ. И кромѣ того, этотъ вотъ самый сѣрый, тусклый Петербургъ... Большой талантъ, конечно, побѣдитъ это, но я-то... Нѣтъ!

— Позвольте, позвольте: а что вы хотите сказать тѣмъ,

что вы женщина? Что-же,—по вашему не было талантливыхъ художницъ,—что-ли?

— Да... право-же, нѣтъ! Т. е. настоящихъ, совсѣмъ настоящихъ, право же, не было!

Мамаевъ склонилъ набокъ голову и усиленно поднялъ брови:

— Ну, признаюсь!—проговорилъ онъ.—Удивили вы меня! Въ наше время женщины всячески ухитрялись доказывать, что мужчины напрасно обижаютъ ихъ въ этомъ вопросѣ, а тутъ вдругъ...—Женщина!.. Скажите пожалуйста!—комически протянулъ онъ.—Это мнѣ даже что-то подозрительно!.. Придется мнѣ, видно, васъ поисповѣдывать.

— Ну, полноте, Николай Ильичъ!—сказала она смущенно и серьезно.—Я вѣдь не шутила. Неужели вы не понимаете, что женщинѣ въ самомъ дѣлѣ труднѣе что-нибудь сдѣлать изъ себя,—хотя бы уже потому...

Въ передней раздался звонокъ. Анна Сергѣевна поспѣшно вышла и распорядилась, чтобы никого не принимали. Потомъ она плотно закрыла дверь въ переднюю, спустила портьеру и подняла палецъ, дѣлая знакъ Мамаеву, чтобы онъ сидѣлъ тихо. Выходная дверь въ передней захлопнулась. Анна Сергѣевна разсмѣялась:

— Ей Богу, не могу больше! Силъ нѣтъ. Всю недѣлю собиралась укладываться,—квартира сдается, нужно вывозить вещи, а тутъ... Вы представить себѣ не можете, что это такое Петербургъ въ это время года!

— Я думалъ, всѣ уже разъѣхались,—сказалъ Мамаевъ.

— Ну да! Въ томъ то-и горе. Вы не понимаете? Свои, близкіе почти всѣ уѣхали. Пусто, бѣлыя ночи, не спишь, днемъ ходишь, какъ муха сонная,—хотя дѣла всякія ерундовскія собираются передъ отъѣздомъ, а по вечерамъ прибѣгаютъ чужіе habitués! Вы не знаете? это совершенно особая порода гостей—чужіе habitués! Зимой-то всякій проводитъ вечера по заведенному порядку, у всякаго есть домъ другой, куда пойти, если у себя не сидится. А тутъ какъ останутся одиночками—и ну выискивать знакомыхъ: изъ запасныхъ, изъ отставныхъ!.. Тутъ никѣмъ не брезгаютъ,— увѣряю васъ. Увидятъ свѣтъ въ окнѣ,—и какъ бабочки на огонь. Тащутъ на Острова, въ Акваріумъ. А если погода скверная и оставишь у себя,—какихъ только исповѣдей не наслушаешься,—Господи Боже мой! Пріятно вѣдь новому человѣку свою жизнь заново разсказать.

Мамаевъ хохоталъ:

— Вотъ неблагодарная! Исповѣди—да вѣдь это преинтересно!

Анна Сергѣевна устало усмѣхнулась:

— Нѣтъ, право, не всегда интересно. Говорятъ, говорятъ... Длинно очень. А потомъ—совѣтовъ спрашиваютъ. Шутка сказать!.. И вопросы-то такіе все трудные: жениться ли на дѣвушкѣ, которой сдѣлалъ предложеніе, а теперь уже разлюбилъ? Брать ли выгодное мѣсто, о которомъ думать тошно, или не брать? И главное, вѣдь что ему тамъ ни говори,— все равно женится, и все равно тошнотворное мѣсто возьметъ, потому что голода побоится. Вѣдь такъ только...

— Нѣтъ, да вы презлая!—сказалъ Мамаевъ, всталъ, прошелся по комнатѣ и остановился.—А я, знаете, всегда думалъ, что вы добрая, нѣжная...

Анна Сергѣевна смутилась:

— Я очень устала!—проговорила она уже безъ всякаго оживленія.—Многое, что прежде было мнѣ легко, стало трудно. Нервы никуда больше не годятся. За что ни возьмешься,— вдругъ кажется: ахъ, что такое? что такое? словно не сдѣлалъ чего-то нужнаго... Или словно кто-то стоитъ за спиною. Соберешься съ мыслями: ничего особеннаго, то же что вчера, что, вѣроятно, и завтра. Но кажется,—уже близко что-то другое, и въ душѣ ожиданіе, безпокойство... Впрочемъ, на это многіе жалуются. Такое настроеніе — въ обществѣ, въ воздухѣ... Теперь еще эта война. Всѣ ждутъ, жадно прислушиваются, разсказываютъ на тысячи ладовъ однѣ и тѣ же исторіи. Жизнь стала похожей на какой-то огромный нарывъ, который нарываетъ, нарываетъ и никакъ не можетъ прорваться. Ну, и въ душѣ то же... Извините за неэстетическое сравненіе.

— Да—а!—протянулъ Мамаевъ задумчиво.—Это такъ...— А слыхали вы, кстати, какая исторія разыгралась недавно въ нашемъ богоспасаемомъ С***?

— Нѣтъ.

— Характернѣйшая исторія. Я ее очень близко знаю, потому что, какъ-ни-какъ, а городскому головѣ до многаго приходится касаться...

Мамаевъ перешелъ на диванъ, усѣлся поудобнѣе въ уголъ и сталъ разсказывать.

Мамаевъ ушелъ только въ третьемъ часу утра. Проводивъ его, Анна Сергѣевна прошла въ свой кабинетъ, служившій ей и спальней. Было уже совсѣмъ свѣтло, но сѣро: лѣнивый, мелкій дождь не прекращался, и тихонько билъ по стекламъ оконъ, завѣшенныхъ бѣлыми шторами. Анна Сергѣевна чувствовала такую смертельную усталость, что опустилась въ кресло передъ письменнымъ столомъ и долго сидѣла, не шевелясь. Сердце ныло тупою болью. Наконецъ, она поднялась и стала раздѣваться. Голова ея отяжелѣла. Ей казалось, что на этотъ разъ она сейчасъ заснетъ. Но

какъ только она легла и нашла удобную позу, сонъ прошелъ. Ей стало досадно на себя, на Мамаева, тоскливо, тревожно. Какъ это было глупо—чего-то ждать отъ этого свиданья,—какой-то особенной теплоты, поэзіи. Ничего ровно не осталось въ немъ отъ прежняго чувства къ ней: такъ только, немножко рисуется прежними страданіями. А если бы даже въ немъ что-нибудь и сохранилось—на что ей это? Женское тщеславіе? Какъ это мелко. „И какъ глупо, что я ему жаловалась на свою жизнь, на своихъ гостей,—думала она. Смѣялась надъ другими за то, что они изливаются,—а сама то же: не все ли равно, въ формѣ нытья или въ формѣ насмѣшекъ! И ему тоже навѣрное хотѣлось немножко излиться. Подтолкнуть его парой вопросовъ и, навѣрное, сталъ бы разсказывать обо всѣхъ своихъ внутреннихъ затрудненіяхъ, обо всѣхъ своихъ романахъ... Всѣ на одинъ образецъ!"

— Нѣтъ!—сказала она вдругъ про себя и приподнялась на постели. Нѣтъ! Неправда, что всѣ на одинъ образецъ. Пошлыя, пессимистическія мысли, мелкія мысли! Это—усталость, раздражительность. Свѣтъ гаснетъ въ душѣ, справедливость теряется. Начинаешь забывать свое лучшее, святое. Пережитое, прошедшее давитъ душу. Стараешься не вспоминать, чтобы не было муки, боли, ищешь отдыха—и опускаешься, тускнѣешь. Еще недавно, два года тому назадъ, душа горѣла, было больно, нестерпимо...

И вдругъ опять стало больно, какъ тогда. Какъ будто это тѣ самыя безсонныя ночи, муки ревности, борьба съ собою: потребность оправдать мужа, простить его обманъ, войти въ его положеніе,—и опять гнѣвъ и негодованіе на его малодушную ложь, и досада на себя за то, что она не довѣрилась во время своимъ ощущеніямъ... Мелко, гадко все это, потому что и безъ этого надо было разойтись, понять свою ошибку. О, какъ многое мы прощаемъ тѣмъ, которые насъ любятъ, которыхъ мы любимъ жаркою любовью крови. И въ чемъ правда? Въ негодованіи или въ прощеніи? Гдѣ, гдѣ та тонкая грань, за которою снисхожденіе, терпѣніе становится жалкой и преступной слабостью?

Анна Сергѣевна сидѣла на постели. Горячая волна крови ежеминутно заливала ея сердце. Руки ея, лежавшія на колѣняхъ, протягивались впередъ, точно искали или звали кого-то. Она сама замѣтила это въ сумеркахъ бѣлой ночи, и сейчасъ же вспомнила, какъ няня подавала ей въ постель кормить ея малютку. Слезы наполнили ея глаза, судорога сжала горло. Она упала головой на подушку и долго лежала, не шевелясь. Слезы, застывая, катились по лицу. Ничего не осталось отъ всего пережитаго.

Слезы высохли постепенно, но тяжелый камень давилъ

грудь, и безпредметная жалость сосала сердце. Мысли блуждали тоскливо и разсѣянно. Вдругъ вспомнился разсказъ Чехова: голодный попикъ, спрятавшій въ гостяхъ кренделекъ для своей молоденькой попадьи. Потомъ представился маленькій, не говорящій по-русски итальянецъ, съ растерянными глазами, съ мертвой обезьянкой на рукахъ. Откуда это? Кто-то изъ знакомыхъ, кажется, видѣлъ и разсказывалъ. Городовой толкалъ мальчика и вырывалъ у него обезьянку... Блѣдныя видѣнія неслись въ мутномъ полусвѣтѣ. Замученныя, изнуренныя лица, мертвенныя, синеватыя. И словно кто-то гонится за ними. Кричатъ грубые голоса. Раздаются металлическіе удары...

Анна Сергѣевна вдругъ открыла глаза. Сонъ разсѣялся. Громкіе голоса и металлическіе удары раздаются со двора: на противоположномъ флигелѣ чинятъ крышу. Уже работаютъ! Часы на ночномъ столикѣ показываютъ шесть. А въ комнатѣ, со спущенными шторами, все еще словно сумерки. Сердце вздрагиваетъ точно отъ испуга. Что такое случилось? Да! докторъ сказалъ, что нельзя ѣхать въ Крымъ. Потомъ вечеръ съ Мамаевымъ, глупая болтовня. Такъ мелко, такъ блѣдно все въ этой полосѣ жизни,—всѣ знакомства, всѣ отношенія. Мелкія услуги людямъ, мелкія услуги идеямъ... У этого доктора умное серьезное лицо. Почему онъ не сказалъ прямо, въ чемъ дѣло? И какъ глупо было не спросить его, какъ слѣдуетъ, объ этомъ. Точно изъ трусости. Но все равно. Нужно то, чего проситъ душа: знойное солнце, просторъ, ясное глубокое небо. Поправиться, собраться съ силами, бросить свою жизнь въ большой костеръ, и сгорѣть въ немъ жаркимъ, свѣтлымъ пламенемъ. Скорѣе поправиться.

Анна Сергѣевна поднялась съ внезапнымъ приливомъ силъ и, хотя было еще очень рано, стала быстро одѣваться, чтобы приняться за укладку вещей.

III.

Давно уже проѣхали Байдарскія Ворота, а въ душѣ все еще трепетала радость внезапно открывшагося простора. Дорога змѣилась по скаламъ: слѣва поднимающіеся къ небу, почти отвѣсные утесы, справа—обрывы внизъ, хаосъ каменныхъ обломковъ и уходящее въ даль море, теплое, густосинее, съ огненными искрами въ волнахъ. Расплывчатыя, похожія на бѣлый туманъ облачка ходили по скаламъ ниже дороги и тихо поднимались вверхъ.

Коляска катилась быстро и плавно. Анна Сергѣевна, усталая и возбужденная, была какъ во снѣ. Прошлое словно

осталось за горами. Дѣтская радость вливалась въ грудь вмѣстѣ съ легкимъ, горячимъ воздухомъ. Ей хотѣлось смѣяться. Случайные спутники забавляли ее.

— Оно и лучше, что въ мальпостъ не попали! Вольготнѣй такъ-то, смотрѣть лучше!—говорилъ сидѣвшій напротивъ нея бѣлокуренькій человѣчекъ, съ тягучимъ вятскимъ говоромъ. Все утро онъ горячился въ спорѣ о значеніи статистики, а теперь сидѣлъ съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, словно его только что растолкали ото сна.

— Смотрите-ка пожалуйста! И статистика туда-же! Отъ красотъ природы растаяла!—насмѣшливо отозвался его сосѣдъ, благообразный молодой чиновникъ удѣльнаго вѣдомства, съ тщательно расчесанной бородой и необыкновенно правильнымъ носомъ, по которому онъ время отъ времени бережно и любовно проводилъ двумя пальцами.—Ну, ѣзжай, ѣзжай! Теперь ужъ до Кикенеиза недалеко!—торопилъ онъ извозчика и, обращаясь къ вятичу, опять начиналъ дразнить его.

— Да ну васъ къ Богу!—добродушно отмахивался вятичъ.

— Прозаическая душа!—тихо проговорилъ, кивнувъ головой на чиновника, сосѣдъ Анны Сергѣевны, плотный, усатый старикъ, въ буркѣ и порыжѣвшемъ котелкѣ.—Ѣздитъ здѣсь часто—ну, и приглядѣлся: глаза больше не видятъ. А я такъ вамъ скажу, сударыня: кто мало-мальски чувствовать умѣетъ, тому красота вѣкъ не приглядится... Я почти каждый годъ сюда ѣзжу,—ужъ не первый десятокъ лѣтъ, и всякій разъ, какъ выѣдешь, знаете, изъ-за горъ къ морю, въ эти самыя вотъ мѣста,—душа ширится. Этакая, думаешь, Господи, благодать!.. И горе какъ-то легче переносится, хоть и не забываешь его... — У меня, сударыня, сынъ на войнѣ,—прибавилъ онъ вполголоса.—Ужъ два мѣсяца извѣстій не получаю.

— Ахъ, Боже мой! — проговорила Анна Сергѣевна и, взглянувъ на старика, задумалась. Теперь она чувствовала расположеніе къ нему. А въ вагонѣ, до Севастополя, онъ ужасно надоѣлъ ей: разсказывалъ безъ конца разныя разности, намекая на свое богатство и связи, давалъ понять, что онъ человѣкъ бывалый и свѣдущій, вообще, какъ-будто прихвастывалъ и даже привиралъ. И, вглядываясь въ его обвѣтрившееся грубое лицо съ большими сѣдѣющими усами и тусклыми маленькими глазами, Анна Сергѣевна не могла опредѣлить, кто и что онъ, и плохо вѣрила даже тому, что у него большая дача въ Ялтѣ и прелестная молоденькая жена.

— Странно! Я сегодня, кажется, еще ни разу не вспом-

нила до сихъ поръ о войнѣ!—сказала Анна Сергѣевна.—Все точно ушло куда-то.

— Въ благодать вѣрить начинаешь, сударыня!—отозвался старикъ.—Въ благодать жизни... Вѣришь, что нужно все для чего-то, идетъ къ чему-то... неисповѣдимо къ чему. Довѣріе является. И смиряешься.

Всѣ замолчали. Коляска катилась ровно и быстро. Солнце уже отошло на западъ, не пекло и не слѣпило глазъ. Скалы то поднимались надъ самой дорогой, словно стѣна, сложенная изъ гигантскихъ обглоданныхъ, обточенныхъ и изрубцованныхъ водою камней, то отходили, громоздясь острыми глыбами одна на другую. Корявыя, искривленныя сосны лѣпились на нихъ, кустарникъ, взбиравшійся на ихъ вершины, казался издали мхомъ. На маленькихъ землистыхъ площадкахъ у дороги, цвѣли крупные незнакомые цвѣты. Внизу морской берегъ извивался между острыми мысами, и мѣстами видно было, какъ плещетъ и пѣнится береговая волна. Мягкій шумъ экипажа сливался въ воображеніи съ ея неслышнымъ издали шумомъ.

Тихо подкрадывались сумерки. Блѣдно-голубое море кротко и грустно уходило въ даль, сливаясь на горизонтѣ съ туманнымъ, сиреневымъ небомъ. Стукъ экипажа сталъ болѣе гулкимъ: кругомъ стихали послѣдніе, неуловимые, разсѣянные звуки дневной жизни. Широкая, безвѣтреная свѣжесть разливалась въ воздухѣ. Лицо и руки холодѣли, глаза устали смотрѣть. Дорога казалась безконечной—и не хотѣлось, чтобы она кончилась. Внизу, у моря, чаще мелькали какія-то постройки, усадьбы. Сады поднимались до самой дороги. Спутники на передкѣ задремали. Старикъ въ буркѣ чуть слышно напѣвалъ себѣ подъ носъ.

— Тополи-то какіе!—сказалъ онъ вдругъ Аннѣ Сергѣевнѣ, оборачиваясь на пробѣжавшія мимо, темнѣющія въ сумеркахъ деревья.—Эдакая силища! Небо подпираютъ!.. Да вы, я вижу, устали? Лицо у васъ какъ-то...

— Я озябла! Не взяла съ собой ничего; думала югъ,—сказала Анна Сергѣевна.

— Горы, сударыня. На горахъ всегда холодно. Я бы бурку свою вамъ предложилъ, если бы вы не побрезговали. Мнѣ вѣдь не холодно, я человѣкъ привычный.

Анна Сергѣевна послѣ нѣкотораго смущенія, позволила ему надѣть на себя бурку и скоро стала согрѣваться. Теперь она вновь чувствовала самое себя, свое радующееся теплу существо, которое на время словно расплылось и затерялось въ сумеречныхъ краскахъ и туманахъ безбрежнаго моря и неба. Ей пріятно было, что рядомъ съ ней сидитъ человѣкъ, сквозь невзрачный обликъ котораго проступила

живая душа, и хотѣлось глубже заглянуть въ эту душу. „Какъ я невѣрно оцѣнила его во время пути,—думалось ей.—Люди мѣняются, ежеминутно мѣняются по мѣрѣ того, какъ смотришь на нихъ: то темнѣютъ, то свѣтлѣютъ, мѣняютъ краску, какъ это небо и море. И никогда не знаешь, на чемъ остановиться: на осужденіи или на оправданіи. Вдругъ увидишь глубину, гдѣ и не ожидалъ, вдругъ наткнешься на камень. Можетъ быть и этотъ опять сталъ бы возмущать меня, если бы я видѣла его въ жизни. Можетъ быть, и онъ бываетъ грубъ и золъ, ищетъ власти, цѣпляется за свое положеніе и, не замѣчая этого, дѣлаетъ низости.

Большая темная фигура сидѣла съ ней рядомъ, бурка старика грѣла ее. Онъ попрежнему тихонько напѣвалъ и сейчасъ же обрывался.

„Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу...“

начиналъ онъ нѣсколько разъ съ серьезнымъ и грустнымъ лицомъ.

Совсѣмъ стемнѣло. Извозчикъ бойко покрикивалъ на лошадей. Темныя массы придорожныхъ садовъ плыли навстрѣчу, черныя стрѣлы кипарисовъ вставали надъ ними. На небѣ звѣзды были разсыпаны, какъ песокъ морской. Лучистыми алмазами сіяли незнакомыя созвѣздья. Теплое дыханье исходило временами изъ скалистыхъ ложбинъ. Пахло цвѣтами. Гдѣ-то внизу, у моря, показались, словно разсыпанныя по черному бархату мрака, дрожащіе огоньки.

— Это Симеизъ. Скоро и Алупка, сударыня!—сказалъ старикъ.—Куда прикажете васъ подвезти?

„Хорошо все-таки, что тамъ есть знакомый человѣкъ,—подумала Анна Сергѣевна, вспоминая названіе гостиницы, указанной ей Мамаевымъ. Мерцающіе въ темнотѣ огни манили ее къ уютной домашней обстановкѣ. Среди незнакомой природы, на берегу темнаго моря, страшно показалось остаться одной. Хотѣлось теплой, радостной встрѣчи. Мамаевъ!—подумала она.—Можетъ быть, и въ немъ здѣсь откроется что-нибудь новое, неожиданное для меня, послѣ непріятнаго петербургскаго впечатлѣнія,—вотъ какъ въ этомъ старикѣ сегодня. Одинъ день тепла и свѣта,—и все уже видишь по другому. Какъ хорошо, что я пріѣхала сюда,—думала она,—и чувство отдыха, надежды, ожиданія наполнило ея душу.

IV.

— Хорошо, погуляемъ еще немножко, а потомъ я пойду домой, т. е. въ гостиницу. Мнѣ хочется сегодня же перебраться въ эту комнату. Я такъ благодарна вамъ, что вы

мнѣ помогли ее найти,—говорила Анна Сергѣевна, идя по дорожкѣ парка рядомъ съ Мамаевымъ.

— Комната собственно прескверная,—сказалъ, посмѣиваясь, Мамаевъ,—и вы не преминете въ ней разочароваться. Да и высоко, а подъемъ не изъ легкихъ.

— Да, но что-жъ дѣлать, если другія не по карману. А потомъ—море передъ глазами, весь паркъ какъ на ладони, ширь. Мнѣ такъ хочется видѣть солнце, когда я просыпаюсь... Я вскочила сегодня утромъ—ночь проспала какъ убитая—и такъ свѣжо было въ душѣ, хотѣлось бѣжать къ морю...

— Вы удивительно молоды душой!—сказалъ Мамаевъ.— Да и на видъ—сегодня я просто не узнаю васъ по сравненію съ тѣмъ, что видѣлъ въ Петербургѣ. Походка стремительная, глаза блестятъ.

— Вы и тогда говорили то же самое!

— Да, но тогда это было лихорадочно. Вы были такая злая, такъ раздѣлывали родъ человѣческій!

— Мнѣ было нехорошо, и я была гадкая, это правда,— сказала Анна Сергѣевна виноватымъ голосомъ.—Но вѣдь я для того и пріѣхала сюда, чтобы встряхнуться и начать новую жизнь.

Мамаевъ взглянулъ на нее.

— Новую жизнь!—задумчиво повторилъ онъ. Да, всѣмъ намъ нужно было бы начать новую жизнь, потому что та, которой мы живемъ, въ самомъ дѣлѣ никуда не годится. Скучно, безпутно, глупо. Но я не знаю другого пути къ обновленію жизни, какъ любовь.

— О нѣтъ!—воскликнула Анна Сергѣевна, какъ ужаленная.—Я не хочу любви, нѣтъ, нѣтъ!—По желтовато-блѣдному лицу ея разлился румянецъ. — Какъ жарко! — продолжала она. И этотъ запахъ, блескъ... пьянитъ, какъ-то.

— Куда вдругъ заторопились! — сказалъ Мамаевъ, едва поспѣвая за нею.—Посидимъ немного, отдохните.

— Нѣтъ, ужасно хочется перебраться и взяться за что-нибудь.

— Вы собираетесь здѣсь работать?

— Нѣтъ. Читать, думать. Вообще собрать себя воедино.

Онъ съ шутливой укоризной покачалъ головой.

— Мудрите вы все надъ собой! Съ тѣхъ поръ, какъ васъ знаю, все вотъ эдакъ торопитесь куда-то, стремитесь, разрываетесь на части, увлекаетесь, охлаждаетесь и впадаете въ недовольство собою!

Анна Сергѣевна грустно и натянуто улыбнулась.

— Можетъ быть, вы и правы, — сказала она тихо. — Но вѣдь и вы только что жаловались, что жизнь проходитъ не

такъ, какъ слѣдуетъ. И признали, что ее нужно такъ или иначе обновить.

— Эхъ!—Мамаевъ сердито махнулъ рукой.—Проще у меня все это. Нѣтъ у меня этой издерганности современной. Не знаю,—можетъ быть это потому, что я отсталъ, въ провинціи засидѣлся.

Анна Сергѣевна мелькомъ взглянула на него, идя съ нимъ рядомъ, и его лицо показалось ей не только хмурымъ, но и грустнымъ.

— Что вы будете дѣлать сегодня вечеромъ?—спросила она примирительнымъ тономъ.

— Вечеромъ? Гм... Думаю зайти къ однимъ знакомымъ.— Онъ оторвалъ вѣточку съ живой изгороди и началъ пристально ее разсматривать.—Я вамъ какъ-нибудь разскажу... Сойдемте однако къ морю, здѣсь близко.

Они спустились на нижнюю дорожку парка, къ морскому берегу. Прозрачныя, зеленыя волны съ плескомъ и шипѣніемъ набѣгали на камни. Пахло соленой влагой, водорослями и рыбой. Неподалеку рыбаки, громко переговариваясь и стуча, оснащивали тяжелую темную лодку. Анна Сергѣевна нѣсколько разъ вдохнула полной грудью морской воздухъ, и ей показалось, что теперь она улавливаетъ душу этой незнакомой здѣшней природы. Она оглянулась на Мамаева, который стоялъ подлѣ, разсѣянно смотря вдаль, и почувствовала себя одинокой. Не съ Мамаевымъ хотѣлось ей гулять по этому морскому берегу. Но съ кѣмъ же?.. Мелькнуло на мгновенье далекое воспоминаніе. Красивое, сухое лицо мужа съ шапкою темныхъ волосъ встало передъ нею. Это было въ Гунгербургѣ... Она съ досадой отмахнулась отъ этого воспоминанія. Э! глупо!—сколько лѣтъ ѣздили зачѣмъ то въ Гунгербургъ, всегда на одну и ту же дачу. Не было возможности вытащить его куда-нибудь. Онъ словно нарочно удалялъ ее отъ всѣхъ впечатлѣній, которыя могли бы расшевелить ея душу. И столько лѣтъ она была въ плѣну, томясь и мечтая побѣдить, переубѣдить, передѣлать его...

— Вы знаете, что мой мужъ живетъ теперь... не одинъ,— сказала вдругъ Анна Сергѣевна, поворачиваясь къ Мамаеву.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и опустилъ глаза.

— Слышалъ.

— Откуда?

— Слухомъ земля полнится, Анна Сергѣевна.—Никогда не любилъ его, признаться сказать, — прибавилъ Мамаевъ, помолчавъ.— Сухой, кабинетный человѣкъ. Да при томъ еще деспотъ и формалистъ. Мнѣ вѣдь и отъ студентовъ, и отъ лаборантовъ приходилось кое-что слышать.

Анна Сергѣевна взволнованно молчала.

— Пойдемте домой,—сказала она, наконецъ, неровнымъ голосомъ.

Они пошли, поднимаясь въ гору. По сторонамъ причудливо изворачивающихся и перекрещивающихся дорожекъ поднимались шпалеры темной глянцевитой зелени, цвѣли незнакомыя деревья. Ползучія розы карабкались по изгородямъ. Анна Сергѣевна видѣла все это смутно и разсѣянно. Старая тоска грызла сердце, мѣшала дышать. Подниматься въ гору было трудно.

Мамаевъ заговорилъ съ ней о сегодняшнихъ новостяхъ съ театра войны, о разныхъ злободневныхъ вопросахъ. Она поддерживала разговоръ, но мысли ея то разбѣгались, то обращались на самого Мамаева. Славный, сердечный, неглупый, но въ сущности просто балагуръ,—думала она.—И весь какой-то забавный, какъ его наружность: низенькій, круглый, глаза иногда точно выскочить хотятъ. На сома похожъ!.. И какъ утомительны и однообразны всѣ эти разговоры... Вѣдь болтовня! Ахъ, кабы уже поскорѣе остаться одной, у себя въ комнатѣ"...

———

Анна Сергѣевна долго не могла отдѣлаться отъ своего новаго домохозяина, который встрѣтилъ ее у калитки и указавъ татарину, куда пронести вещи, сейчасъ же началъ разговоръ. Этотъ толстый человѣкъ въ грязноватой чечунчевой парѣ, съ полотенцемъ черезъ плечо, какъ если бъ онъ шелъ купаться, оказался отставнымъ педагогомъ. Вѣроятно, ученики его въ грошъ не ставили, думала Анна Сергѣевна, глядя на его словно заспанное, добродушное лицо въ то время какъ онъ развивалъ передъ нею свои мечты о покупкѣ земли и постройкѣ дачъ гдѣ-то около Сочи.

— Одно только у васъ тутъ нехорошо,—перебила Анна Сергѣевна его изліянія:—что галерейка общая. Парусиновая разгородка вѣдь не стѣна. Да и комнаты соединяются дверью: вы бы хоть шкафомъ заставили, что-ли.

— Это устроимъ,—говорилъ педагогъ.—Супруга то моя въ отъѣздѣ, знаете. Безъ нея я какъ-то не соображу... А вамъ не приходилось бывать въ Сочи?—извините, не имѣю чести знать вашего имени и отчества.

— Нѣтъ, не приходилось,—нетерпѣливо отозвалась Анна Сергѣевна.—А главное, ужасно грязно у васъ въ комнатѣ. Вѣдь вы обѣщали мнѣ сегодня все прибрать и вымыть!

— О, объ этомъ вы будьте спокойны. Завтра же устроимъ. Супруга то вотъ моя замѣшкалась. А насчетъ сосѣда вы напрасно сомнѣваетесь. Премилый человѣкъ, и дома почти не бываетъ. При кіевскомъ театрѣ декораторомъ состоитъ,—ну вотъ и бродитъ тутъ: натуры, что-ли, ищетъ. Сегодня

съ утра ушелъ куда-то. А по-моему, правду сказать, тутъ за натурою далеко ходить не приходится: чѣмъ не декорація!—онъ показалъ рукой на разстилавшійся внизу паркъ съ сѣрыми куполами и башнями дворца и на потускнѣвшее, сумеречное море.—Пальмъ только не хватаетъ. А въ Сочи, говорятъ, и пальмы есть.

Дались ему эти Сочи,—думала она съ досадливой усмѣшкой.—Мечтатель тоже на свой образецъ!..

Начинало уже темнѣть. Окно и дверь комнаты, выходившія на галлерею, чернѣли, какъ входъ въ какую-то мрачную нору. Анна Сергѣевна сказала, наконецъ, хозяину, что хочетъ пойти устроиться. Она устала, сердилась на себя за то, что не сумѣла отдѣлаться отъ него раньше, а когда грязная старуха принесла ей грязную лампу, комната ея съ низкимъ потолкомъ и оборванными обоями показалась ей просто отвратительной. Она долго возилась, передвигая съ помощью старухи мебель, стараясь придать комнатѣ болѣе благообразный и уютный видъ—ничего не выходило.

Окончательно разочарованная въ своемъ новомъ жилищѣ и словно надорванная физической работой, Анна Сергѣевна вышла на галлерею. Свѣтъ падалъ изъ окна комнаты, а за перилами стояла теперь густая черная тьма, и казалось, что тамъ пустота, обрывъ въ пропасть. Откуда то раздавались однако голоса, смѣхъ. Въ сторонѣ, внизъ по спуску,— во тьмѣ казалось, будто въ глубинѣ оврага,—свѣтились окна большой дачи. Анна Сергѣевна опустилась въ кресло и долго сидѣла, съ грустью прислушиваясь къ веселымъ молодымъ голосамъ. Оживленье возрастало. Потомъ огни задвигались, и въ нѣкоторыхъ комнатахъ стало темно. Голоса перекликались звонче и какъ будто ближе, потомъ стали удаляться. Очевидно, компанія вышла на прогулку. Въ глубинѣ крутого спуска, между деревьями, вспыхнула спичка, кто-то запѣлъ, кто-то визгнулъ, дурачась, и захохоталъ. Потомъ все затихло.

Глазъ привыкъ къ темнотѣ и сталъ различать чуть свѣтлѣющую даль моря, а уху стали слышнѣе однообразно повторяющіеся тоскливые звуки въ глубинѣ чернаго парка: словно кто-то слабо стоналъ время отъ времени: А-а!.. А-а! Въ маленькой дачкѣ все было тихо: хозяинъ, должно быть, уже легъ спать, а сосѣдъ-жилецъ не возвращался.

Тонкій жалобный стонъ монотонно повторялся въ темнотѣ.

Анна Сергѣевна обрадовалась, когда старуха принесла ей самоваръ.

— Что это за звуки такіе?—спросила она ее.

— Какіе это звуки?—съ недоумѣніемъ отозвалась старуха.—А! это-то? Не знаю, матушка. Сычъ, что-ли, кричитъ. А кто говоритъ—жаба тутъ есть такая. Я не здѣшняя.

Анна Сергѣевна чуть не удержала ее, когда старуха простившись, собралась уходить. Въ этомъ долго жданномъ покоѣ и одиночествѣ ей не хватало чего-то. Теперь она уже готова была пожалѣть, что Мамаевъ не захотѣлъ провести съ ней сегодняшній вечеръ. Ей вдругъ вспомнилось, какъ въ разговорѣ съ ней, въ паркѣ, онъ сказалъ, что для обновленія жизни нужна любовь, и какъ она смутилась отъ этихъ его словъ. Глупо! Словно онъ поймалъ ее на мѣстѣ преступленья: словно она только и думала, что о любви!—Словно недостаточно всего пережитаго... Опять любить, опять мучиться!.. Да, мучиться, потому что вѣдь душа ищетъ чего-то прекраснаго, высокаго—гдѣ его найти?—а сердце загорается при встрѣчѣ съ живымъ, несовершеннымъ. И томится его несовершенствомъ, и всетаки не хочетъ отпустить его отъ себя... Нѣтъ, я не хочу любить! нѣтъ! нѣтъ!..—повторяла про себя Анна Сергѣевна, словно защищаясь отъ чьихъ то горячихъ, властныхъ, охватывающихъ ее рукъ. Сердце билось, и при каждомъ ударѣ будто кипятокъ разливался изъ него, обжигая, переполняя грудь.

Подулъ вѣтерокъ, и стало свѣжо. Вдали кто-то пѣлъ хриплымъ пьянымъ голосомъ. Потомъ въ паркѣ грянулъ выстрѣлъ, и покатилось эхо въ горахъ.

Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось позвать кого-нибудь, спросить, кто и зачѣмъ можетъ стрѣлять въ такую пору, но позвать было некого. Она ушла въ комнату и хотѣла запереть дверь, но ключа не было, а задвижка была испорчена. Тогда ей стало страшно: казалось, что кто-то можетъ войти—можетъ быть, просто по ошибкѣ, случайно,—и испугать ее, и она заранѣе трепетала отъ этого испуга.

Съ трудомъ принудила она себя раздѣться и лечь въ постель.

Стонъ сыча доносился сквозь закрытую дверь глухо, чуть слышно. Свѣчка горѣла, нагорая и слабо освѣщая комнату. На маленькомъ столикѣ подлѣ свѣчки тикали часы. Анна Сергѣевна взглянула на эти часы и вспомнила брата, который подарилъ ихъ ей незадолго до того, какъ его арестовали. Она съ болью подумала, что уже давно не писала ему. Сердце захолонуло отъ грусти и нѣжности. Невидимая нить словно протянулась между нею и далекимъ, глухимъ уголкомъ Сибири.

Маленькіе часы тикали, какъ живые, и ей казалось теперь, что она не совсѣмъ одна, что кто-то стережетъ ее въ этой чужой непріятной комнатѣ, среди непривычно-темной южной ночи.

———————

V.

Было еще рано, но когда Анна Сергѣевна, одѣвшись, отворила дверь на галлерею, въ комнату пахнуло душистымъ зноемъ.

Выкрашенные бѣлой масляной краской столбы и перила галлереи блестѣли такъ, что больно становилось глазамъ. Внизу, за паркомъ, море, развертываясь во всю ширь, круглясь посрединѣ выпуклостью и словно стекая къ горизонту, горѣло, переливалось золотомъ и чернью.

„О, вотъ это настоящій югъ!“ воскликнула Анна Сергѣевна, словно найдя наконецъ долго-жданное. Неподалеку кто-то тихо напѣвалъ странную, неровно-переливающуюся восточную мелодію. „Татаринъ поетъ“, подумала Анна Сергѣевна и подошла къ периламъ.

Въ маленькомъ цвѣтникѣ, разведенномъ передъ домомъ на небольшой насыпной площадкѣ, сидѣлъ на корточкахъ, копаясь въ землѣ, молодой человѣкъ въ сѣренькомъ пиджакѣ и большой соломенной шляпѣ. Анна Сергѣевна улыбнулась: онъ, очевидно, не замѣчалъ ее и, продолжая напѣвать татарскую пѣсню, осторожно вытягивалъ изъ цвѣточной клумбы длиннаго земляного червя. Вдругъ онъ поднялъ голову, быстро всталъ и, снявъ лѣвой рукой за макушку свою шляпу, проговорилъ съ улыбкою:

— Здравствуйте!

Анна Сергѣевна невольно засмѣялась. Онъ немного смутился, надѣлъ шляпу, положилъ червя въ стоящую на землѣ коробку и, какъ бы оправдываясь, сказалъ:

— Для рыбной ловли запасаю...—А вы здѣсь комнату сняли? — прибавилъ онъ, помолчавъ и съ любопытствомъ глядя на нее.

У него были красивые сѣрые глаза, влажные, блестящіе и безпокойные, скуластое, но не худое, а мягко-округлое и розоватое лицо, темные усы. На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать пять.

— Да, я наняла здѣсь комнату,—сказала Анна Сергѣевна, и подумала про себя: „Навѣрное, это мой сосѣдъ. И какъ некстати, что сейчасъ же завязалось знакомство“.

— То-то!.. А я подумалъ,—откуда вы взялись?—отозвался онъ.—Я со вчерашняго утра дома не былъ. Въ горы ходилъ.

— Вотъ простота!—подумала Анна Сергѣевна.—Должно быть, не совсѣмъ интеллигентный человѣкъ. Малоросъ, судя по выговору.

— Ну, до свиданья!—сказала она, и хотѣла сейчасъ же спрятаться въ глубь галлереи.

— А я вамъ и не представился! — весело отвѣтилъ тотъ.— Кульженко моя фамилія, Александръ Васильевичъ, а по профессіи декораторъ. А ваше имя и фамилію позвольте узнать?

Анна Сергѣевна неохотно назвала ему себя. „Очень ужъ простодушенъ,—подумала она, и поклонившись, отошла къ чайному столу.

Вотъ вѣдь судьба!—думалось ей:—бѣжишь отъ людей въ одиночество—и опять люди! Неужели это у всѣхъ такъ? Впрочемъ, этотъ не похожъ на моихъ петербургскихъ...

Напившись чаю, Анна Сергѣевна захватила на всякій случай книгу и не безъ осторожности, чтобы не встрѣтиться опять съ сосѣдомъ, вышла изъ дому. Небо горѣло. Надъ зубчатыми бастіонами красавца Ай-Петри курились облачка. Вдали, за паркомъ, у залива, виднѣлись виноградники— словно грядки темной шерсти, прошитыя по песочному полю. Узкій длинный мысъ, замыкавшій береговую часть горизонта, таялъ въ прозрачной знойной мглѣ.

Тропинка круто спускалась внизъ. Въ паркѣ было густо-зелено и не душно. На лужайкахъ радостно звенѣли цикады. Разнообразныя незнакомыя породы кустовъ и деревьевъ, то съ плотной и глянцевитой темной зеленью, то съ нѣжной и тонкой кружевной листвой были перевиты цвѣтущими гирляндами ліанъ. По стволамъ, по большимъ камнямъ карабкался плющъ. Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось броситься на траву и не шевелиться. Но на встрѣчу попадались гуляющіе. Она шла все дальше, спускаясь къ морю, ища уединенныхъ мѣстъ и не находя ихъ. Паркъ становился все наряднѣе и какъ будто тепличнѣе. Все чаще встрѣчались гуляющіе. Она устала и сѣла на первопопавшуюся, почти не защищенную отъ солнца скамью. Ей хотѣлось думать, но мысли, вспыхивая, сейчасъ же безслѣдно сгорали. Тихая золотая дремота окутала душу.

Анна Сергѣевна поднялась, почувствовавъ голодъ, и вспомнила, что совсѣмъ не позаботилась объ обѣдѣ на сегодняшній день. „Зайти развѣ за Мамаевымъ да попросить, чтобы онъ свелъ меня въ ресторанъ?“ подумала она, спускаясь къ морю, чтобы выбраться на вчерашній путь.

Но дорожки были такъ запутаны, что она нерѣшительно остановилась. Уже знакомый восточный напѣвъ раздался позади нея и заставилъ ее оглянуться. „Опять!“ мелькнуло у нея въ головѣ при видѣ сосѣда ея по комнатѣ, быстро шагавшаго за нею. Она хотѣла отвернуться, но онъ уже замѣтилъ ее, пересталъ пѣть и, привѣтливо махнувъ шляпой, быстро догналъ ее.

— Гуляете? — спросилъ онъ дружелюбно, какъ старый знакомый.

— Да, хочу вотъ въ деревню пробраться, обѣдать пора, а я себѣ дома не устроила.

— Такъ куда-же въ деревню то? Вы бы мнѣ сказали, я бъ вамъ мигомъ устроилъ: у насъ тамъ съ сосѣдней дачи приносятъ. А то можно на сегодня и въ ресторанъ. Да вы тутъ, пожалуй, дорогу не сразу найдете. Можетъ, проводить васъ?

— Пожалуй!—сказала Анна Сергѣевна, нѣсколько смущаясь при мысли встрѣтить Мамаева въ обществѣ съ этимъ несовсѣмъ воспитаннымъ юношей.

— Вы вѣдь изъ Петербурга?—спросилъ онъ послѣ того, какъ они нѣкоторое время молча шли рядомъ.

— Да. Почему вы знаете?

— Хозяинъ мнѣ сейчасъ сказалъ. У насъ вѣдь тутъ провинція... Ну, а какъ у васъ тамъ,—ничего? тихо?

— Ничего,—съ недоумѣніемъ отвѣтила Анна Сергѣевна.

— А у насъ въ Кіевѣ — у!.. Особенно за послѣднее время. Война еще эта подбавила...

„Ахъ, вотъ онъ про что! И здѣсь то же самое!—подумала Анна Сергѣевна,—но онъ уже перемѣнилъ разговоръ:

— Черезъ кипарисовую рощицу пойдемте. Впрочемъ, рощицей кипарисы не особенно красивы. Въ одиночку, когда надъ круглой зеленью темнѣютъ,—вотъ красота!.. Въ Гурзуфѣ вы не были?

— Нѣтъ.

— А вы съѣздите какъ-нибудь. Тоже чудесныя мѣста... Впрочемъ, это я къ чему говорю? Вспомнилъ, что алейка тамъ есть кипарисовая, узкая такая. Большіе и маленькіе кипарисы. Такъ представилось мнѣ, что похоже это—какъ въ Римѣ ученики іезуитскихъ коллегій попарно этакими вереницами ходятъ. Молодые—и дѣти даже, а лица у нихъ какъ у монаховъ. Всѣ въ черномъ...

— Вы были въ Римѣ?—съ живостью спросила Анна Сергѣевна, заинтересовавшись.

— Былъ. Больше года въ Италіи прожилъ. Только языку никакъ выучиться не могъ.

Разговоръ оборвался. „Какъ онъ себя назвалъ? Кульженко, кажется“,—думала Анна Сергѣевна. Черезъ нѣкоторое время онъ опять запѣлъ вполголоса свою заунывную переливчатую пѣсню безъ словъ.

Она мелькомъ взглянула на него и замѣтила, что глаза его глядѣли печально и разсѣянно.

— Это татарская пѣсня?—спросила она.

— Татарская. Извините, что запѣлъ. Говорятъ, не принято въ обществѣ... Но бываютъ, знаете-ли, эдакіе дни: глядишь-ли на что, думаешь-ли, во всемъ эта пѣсня поется,

которую гдѣ нибудь слышалъ. Тутъ на дняхъ татары вечеромъ въ паркѣ пѣли—подъ волынку. Здѣшній народъ рѣдко поетъ,—не то, что у насъ въ Малороссіи. А я, признаться, пока пѣсни въ какой-нибудь мѣстности не слышалъ, до тѣхъ поръ и краски настоящей, колорита для этой мѣстности на палитрѣ не найду.

— Кажется, что вы говорите совсѣмъ серьезную вещь,—сказала Анна Сергѣевна, вдумываясь въ его слова.

— А право-жъ!—отозвался онъ убѣжденнымъ тономъ и съ недоумѣніемъ оглянулся на нее, не совсѣмъ понявъ ея похвалу.

Они вышли на пыльную улицу татарской деревни и скоро подошли къ ресторану.

— Подождать васъ здѣсь?—спросилъ Кульженко.

— Ну, подождите! Хотя совѣстно ужасно ѣсть, когда тебя ждутъ.

— Э, нѣтъ! Это-же вы напрасно!—отозвался онъ съ укоризной и, взойдя на терассу, кликнулъ полового.—Слышь ты, хлопче! Вотъ барыня тутъ будетъ кушать, такъ ты смотри: того... поаккуратнѣй!..

Анна Сергѣевна улыбнулась.

Онъ сѣлъ у столика и въ то время, какъ она обѣдала, поглядывалъ на небо и зелень палисадника, выстукивая что то пальцами по столу.

— Вы здѣсь работаете?—спросила его Анна Сергѣевна.

— Здѣсь-то? Нѣтъ. Такъ кое-что подмалевываю, этюды дѣлаю. Краски здѣсь очень хороши. Особенно на закатѣ, когда небо съ землей разговариваетъ. Райскія краски! Я думаю, вотъ если бы кто музыку написалъ къ Божественной Комедіи Данте, а я бы декораціи... У меня даже макетки приготовлены.

— Неужели? — съ интересомъ отозвалась Анна Сергѣевна.—Вы читали Данте по-русски?—спросила она, удивляясь тому, что онъ вообще его читалъ.

— По-русски. Тяжелый такой языкъ,—старинный переводъ попался, должно быть... Прочелъ, знаете, разъ отъ скуки: въ имѣніи у одного стараго помѣщика разъ зимой гостилъ, а тамъ библіотека, книги все больше иностранныя. Я тогда мало что читалъ, какъ ни старались студенты знакомые меня просвѣщать. А тутъ, знаете, во вкусъ какъ-то вошелъ... Да при томъ запала мнѣ въ голову картинка одна, которую я еще раньше видѣлъ: Воскресеніе изъ мертвыхъ. Адъ и рай...

— Трудно ужъ намъ теперь эти вещи въ живописи изображать такъ, чтобы было не искусственно, не условно,—сказала Анна Сергѣевна, но взглянувъ на него, останови-

лась: онъ былъ взволнованъ, потемнѣвшіе, расширившіеся глаза глядѣли мечтательно.

— Нѣтъ, почему же?—тихо и убѣдительно заговорилъ онъ.—Вы бы посмотрѣли ту картинку... Небо золотое, какъ вотъ тутъ на закатѣ бываетъ. Цвѣты цвѣтутъ. И ангеловъ и святыхъ ликованье. Нѣжные, воздушные... Ведутъ на гору къ свѣту отъ смерти пробужденныхъ. Одинъ ангелъ съ монахомъ обнимается, который изъ гроба встаетъ,—словно сестра съ братомъ разлученные и уже не ждавшіе свиданья...

— Гдѣ эта картина?—спросила Анна Сергѣевна, когда онъ замолкъ.

— Во Флоренціи. Какъ сейчасъ помню. И въ Берлинѣ, въ музеѣ, есть подобная-же.

— Въ Берлинѣ?—сказала Анна Сергѣевна, поправляя его произношеніе. Она хотѣла спросить имя художника, но не спросила: „все равно, вѣрно скажетъ какое-нибудь незнакомое мнѣ имя, если и знаетъ. А я уже все забыла въ этой области, что и знала когда-нибудь. Видно, не художница я по натурѣ, что могла такъ уйти отъ этого"...

— Вы только декораціи пишете?—спросила она его, когда они вышли изъ ресторана.

— Да, теперь другого уже и не пробую.

— Почему же?

— Да не знаю, какъ вамъ сказать. Фигура человѣческая мнѣ не дается какъ слѣдуетъ, а безъ человѣка—не полно оно какъ-то, жизни не хватаетъ.

— Есть же, однако, чистопробные пейзажисты...

— Есть-то есть!—отвѣтилъ онъ, но уже какъ то разсѣянно и вяло, словно разговоръ пересталъ интересовать его. „Можетъ быть, онъ самъ не отдаетъ себѣ отчета, въ чемъ тутъ дѣло,—подумала Анна Сергѣевна. Да и не такъ оно просто, конечно. Развѣ я знала, почему мнѣ рисунокъ давался, а краски нѣтъ? У него, можетъ быть, наоборотъ. А, впрочемъ, человѣческая фигура дѣйствительно не должна ему даваться: его какъ будто не особенно и интересуетъ человѣкъ: говоритъ—и даже въ лицо не смотритъ, а если и смотритъ, то такъ разсѣянно, словно думаетъ о другомъ. Навѣрное и не спросилъ себя ни разу, что и кто я."

Они долго шли молча.

— Вотъ какъ мы скоро познакомились съ вами!—проговорилъ вдругъ Кульженко, уже подходя къ дому.—Ежели что нужно, то вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь. Я вѣдь уже съ мѣсяцъ здѣсь, знаю гдѣ и что.

— Вы, должно быть, вообще легко знакомитесь съ людьми,—отвѣчала Анна Сергѣевна, поблагодаривъ его за предложенныя услуги.

— Я-то? Нѣтъ! Куда-же тамъ!.. Особенно, правду сказать, дамъ не люблю.

Анна Сергѣевна засмѣялась. Онъ тоже засмѣялся, блеснувъ крѣпкими бѣлыми зубами.

— Нѣтъ! Вѣдь это-жъ я не про васъ! Вы простая. Я сразу чувствую, съ кѣмъ говорю.

Они простились у калитки.

Его немудреный комплиментъ и крѣпкое рукопожатіе оставили въ душѣ Анны Сергѣевны теплый слѣдъ.

На столѣ въ галлереѣ она нашла записку Мамаева: „Былъ у васъ—не засталъ. Гуляя въ паркѣ, видѣлъ васъ издали съ какимъ-то юнымъ красавцемъ мѣстнаго изобрѣтенья и не рѣшился нарушить вашъ tête-à-tête“.

„Шутъ гороховый!“ разсмѣялась Анна Сергѣевна, и изорвала записку въ мелкіе клочки.

VI.

— Ну, перестанемъ пикироваться. Я хочу побесѣдовать съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ, — говорилъ Мамаевъ, сидя съ Анной Сергѣевной на скамейкѣ, въ тѣнистомъ уголкѣ парка.—Вѣдь вы мнѣ другъ?

— Ну?

— Другъ или не другъ?

— Да... конечно!

— У меня есть къ вамъ одна серьезная просьба. Видите ли...

„Онъ волнуется!“—съ удивленьемъ подумала Анна Сергѣевна, взглянувъ на него...—Что же?

— Вотъ въ чемъ дѣло... Тутъ есть одна дама... Моя хорошая знакомая... Чудесная личность,—вы сами убѣдитесь, я вамъ разскажу. Жена одного нашего С—каго фабриканта, но... интеллигентная,—вы не думайте, я вѣдь знаю, что вы требовательны. Я съ ней много говорилъ о васъ...

— Что же вы ей обо мнѣ говорили?—прервала Анна Сергѣевна.

— Постойте... Дѣло въ томъ, что она истинно одинокій человѣкъ. Вѣдь наше провинціальное общество, и особенно окружающее ее—это такая пустота! Понятно, что ее влечетъ къ живымъ людямъ. Она, вѣроятно, переберется въ Петербургъ.

— Ахъ, въ Петербургъ!

— Да, но дѣло не въ этомъ,—а здѣсь. У нея здѣсь ни души,—кромѣ меня...

— Т. е., я не понимаю: вы хотите познакомить меня

съ нею?—опять нетерпѣливо перебила Анна Сергѣевна съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Да. И чтобы вы взяли ее немножко подъ свое покровительство. Она молоденькая...

Наступило молчаніе.

— Но вы вѣдь знаете, Николай Ильичъ, что я очень устала отъ людей... и пріѣхала сюда, чтобы... И потомъ... я не знаю, право,—если она такъ молода и изъ такой среды... что общаго?...

Анна Сергѣевна была до крайности взволнована, какъ всегда, когда ей приходилось отказывать кому-нибудь. „Вѣроятно, она очень дорога ему... Вѣроятно, это она"... отрывисто мелькало у нея въ головѣ, въ то время какъ она говорила.

— Конечно, я не стану навязывать вамъ знакомства, если это для васъ такъ обременительно,—сказалъ Мамаевъ сумрачно и смущенно.—Я думалъ, что живая душа всегда...

— Да я не отказываюсь, Николай Ильичъ! — вдругъ воскликнула Анна Сергѣевна и, спохватившись, подумала: „Ну вотъ! ужъ связала себя".

Мамаевъ поймалъ и поцѣловалъ ея руку: — Спасибо, дорогая! Я всегда зналъ, что у васъ золотое сердце,—тихо проговорилъ онъ и поцѣловалъ ея руку еще и еще. Потомъ поднялъ на нее глаза, и во взглядѣ его она прочла признанье,—подтвержденіе своихъ догадокъ.

Она грустно улыбнулась:

— Вы только скажите мнѣ... Что я хотѣла спросить?.. Да! Какъ же это сдѣлать?

— Какъ познакомиться?—онъ вдругъ сконфузился, словно пойманный школьникъ.—Видите ли, дорогая: я только хотѣлъ предупредить васъ... А то сначала то я, было, думалъ иначе это подстроить: сказалъ ей, что приду на Львиную Терассу, а васъ думалъ тоже соблазнить на эту прогулку и эдакъ... какъ будто нечаянно...

— Господи, сколько хитростей! — засмѣялась Анна Сергѣевна.

— Что жъ подѣлаешь!—отвѣчалъ просвѣтлѣвшій Мамаевъ, отирая со лба потъ.—Съ дамами это вѣдь не такъ просто... Вы то у насъ, конечно, хорошая, умница, простая...

— А она не простая? — съ испугомъ перебила Анна Сергѣевна.

— Не она! А обстановка ея проклятая...

— Но вѣдь она здѣсь одна?

— Съ ребенкомъ. А главное, belle-soeur ея тутъ торчитъ, какъ аргусъ какой-нибудь.

— Ага! вотъ въ чемъ дѣло!

„Должно быть у нихъ настоящій романъ,—думала про себя Анна Сергѣевна.—Господи! Неужели въ него можно влюбиться? А впрочемъ...“

— Ну, пойдемте къ дворцу! Пора ужъ!—заторопился Мамаевъ, взглянувъ на часы.

Онъ пошелъ такъ скоро, что Анна Сергѣевна едва поспѣвала за нимъ.

— Не бѣгите такъ!—сказала она, наконецъ, остановившись.—У меня... дышать не могу!

— Бѣдная! Простите!—воскликнулъ Мамаевъ, съ безпокойствомъ заглядывая ей въ глаза.—Вы, правда, ужасно поблѣднѣли! Можетъ быть, сядемъ?

— Нѣтъ, пойдемъ ужъ. Только не такъ скоро.

Она не глядѣла ему въ лицо и отказалась взять его руку. „Положительно въ этомъ есть что-то обидное. Какое-то насиліе надъ моей душой,—хотя, конечно, я сама виновата, какъ всегда“,—думала она,—и вдругъ вспомнила, что Мамаевъ когда-то любилъ ее. Можетъ быть, даже сказалъ объ этомъ той... Она инстинктивно взглянула на свое нѣсколько помятое батистовое платье.

— Нѣтъ, послушайте!—сказала она, останавливаясь уже подлѣ самого дворца.—Вѣдь я не одѣта!

— Не одѣты?.. Господь съ вами! Прелестнѣйшее платье. И идетъ къ вамъ à ravir!.. Я еще вчера хотѣлъ сказать...

— Ну, это ужъ пошла чепуха!—воскликнула Анна Сергѣевна, внезапно разсмѣявшись.—Когда это—вчера? Мы и не видѣлись!

— Т. е. намедни... когда зашелъ къ вамъ.—Онъ тоже смѣялся.—Увѣряю васъ: свѣтло-сѣрое чрезвычайно идетъ брюнеткамъ...—Ну не прелесть? не прелесть?—закричалъ онъ, выходя на дворцовую терассу и, указывая широкимъ жестомъ на цвѣтники, фонтанъ и обвитыя ползучими розами сѣрыя стѣны дворца. Но вдругъ онъ смѣшался и понизилъ голосъ:—вонъ! Видите? это онѣ.

У Анны Сергѣевны непріятно екнуло сердце. Невдалекѣ отъ нихъ сидѣли на скамьѣ, прикрываясь отъ солнца свѣтлыми кружевными зонтиками двѣ дамы. Мамаевъ поспѣшилъ къ нимъ. Анна Сергѣевна шла, не глядя, замедляя шаги. „Что за глупое положеніе“,—думала она, сердясь на себя и на Мамаева.

Она подняла глаза: Мамаевъ велъ дамъ навстрѣчу къ ней. „Красавица!“—мелькнуло у нея, и взглядъ ея невольно приковался къ невысокой молодой женщинѣ въ бѣломъ платьѣ, въ бѣлой шляпѣ съ пышными страусовыми перьями. Впечатлѣніе отъ этой нарядной красоты было такъ сильно, что Анна Сергѣевна, какъ это бывало съ ней и раньше,

вдругъ словно забыла о реальныхъ обстоятельствахъ минуты.

— Зинаида Дмитріевна Каменева!—сказалъ Мамаевъ.

Анна Сергѣевна протянула ей руку и почувствовала ея осторожное, робкое или недовѣрчивое рукопожатіе. Изъ-подъ прямыхъ русыхъ бровей глядѣли на нее блѣдно-голубые глаза, съ глубокими блестящими зрачками. Эти глаза показались Аннѣ Сергѣевнѣ непріятными: „Словно у бѣлой кошки,—подумала она.—Но лобъ прелестный...“

— Очень пріятно!—сказала церемоннымъ тономъ несимпатичная полная старуха съ розовыми щеками, затянутая въ высокій корсетъ. Анна Сергѣевна, спохватившись, протянула руку и ей.—Намъ Николай Ильичъ говорилъ, что вы художница.

— Ахъ, полноте!—воскликнула Анна Сергѣевна вспыхнувъ, и съ гнѣвнымъ упрекомъ взглянувъ на Мамаева.—Совсѣмъ я не художница.

— Клянусь честью! Она разсердилась! за правду разсердилась!—съ шутливымъ паѳосомъ воскликнулъ Мамаевъ, поднимая руки къ небу.

Молодая женщина, до сихъ поръ молчавшая, вдругъ засмѣялась. Этотъ высокій, тоненькій смѣхъ казался нѣсколько искусственнымъ и въ то же время нѣжно звенящимъ.

— Вѣчныя шутки!—сказала она.—Вы давно знаете его: онъ всегда былъ такимъ?—обратилась она къ Аннѣ Сергѣевнѣ.

Анна Сергѣевна не сразу нашлась отвѣтить: „Если бы я знала, какъ она къ нему относится?“—подумала она и на всякій случай осторожно сказала:

— А развѣ онъ всегда такой?

— Спасибо, Анна Сергѣевна! Не предали!—закричалъ Мамаевъ.—Дайте, я поцѣлую за это вашу руку.

Каменева опять засмѣялась тѣмъ же, нѣсколько искусственнымъ и звенящимъ смѣхомъ.

— Жарко однако! Вѣдь мы стоимъ на солнцѣ!—сказала Анна Сергѣевна, невольно притягиваясь взглядомъ къ прелестному бѣлому лбу, по которому скользили тѣни кружевного зонтика.

— Зиночка! Ты бы предложила madame... Аннѣ Сергѣевнѣ къ намъ зайти, чашечку чаю выпить!—сказала старуха.

— Превосходная идея, клянусь честью!—воскликнулъ Мамаевъ.—Я жажду, какъ Танталъ.

— О нѣтъ, благодарю васъ!—поспѣшно сказала Анна Сергѣевна.—Мнѣ необходимо домой.

„Бѣдный! До чего онъ однако растерянъ въ ея присутствіи! Всякій тактъ потерялъ—думала она.—И это нелѣпое „клянусь честью“ на каждомъ шагу. Никогда еще я его такимъ не видѣла“.

— Мы васъ проводимъ немного, если позволите,—сказала Каменева.

„Какая у нея усталая, томная походка!—думала Анна Сергѣевна, идя рядомъ съ молодой женщиной въ то время, какъ Мамаевъ балагурилъ со старухой.

— Моя belle-soeur очень любитъ Николая Ильича,—сказала Каменева.—Онъ очень милый и чрезвычайно внимателенъ къ людямъ.

— О да!—отозвалась Анна Сергѣевна, стараясь разгадать по ея тону, что представляетъ для нея Мамаевъ.

— Я такъ благодарна ему, что онъ познакомилъ меня съ вами. Вы мнѣ позволите къ вамъ зайти?

Голубые глаза маленькой женщины вскинулись на Анну Сергѣевну изъ-подъ шляпы съ неожиданной довѣрчивостью.

———

„Она изящная, воспитанная женщина, но зачѣмъ онъ познакомилъ меня съ нею?“—думала Анна Сергѣевна, простившись со всѣми и утомленно поднимаясь въ гору. Она вспомнила о своей неприглядной комнатѣ, о нечищенномъ самоварѣ, который ей подавали, и, брезгливо поморщившись, тряхнула головой.—„Нѣтъ, я скажу Мамаеву, чтобы онъ какъ-нибудь разстроилъ это: я не могу принять ее здѣсь, у себя. И зачѣмъ, зачѣмъ я согласилась? Это втянетъ меня въ такое ненужное, мучительное“...

Сердце отяжелѣло и словно отвердѣло у нея отъ подъема на гору. Она сѣла на камень, не дойдя до скамьи. Ей такъ не хотѣлось итти домой. Но вдругъ она вспомнила о вчерашнемъ знакомствѣ со своимъ сосѣдомъ и просвѣтлѣла. О, этотъ—совсѣмъ другое дѣло! Этотъ—бѣднякъ и простая серьезная душа.

VII.

Днемъ сильный вѣтеръ дулъ съ моря, и по темно-синимъ водамъ его ходили бѣлые барашки. Анна Сергѣевна дважды спускалась въ паркъ, но ей трудно было дышать, и она возвращалась совсѣмъ разбитая съ потребностью лечь и не шевелиться. Пробовала читать, но въ глазахъ было ощущеніе непріятной сухости, и мысли путались и рвались, какъ плохія нитки. Заходилъ подъ какимъ-то глупымъ предлогомъ домохозяинъ—въ той же потрепанной чечунчовой парѣ, съ перекинутымъ черезъ плечо полотенцемъ, которое, очевидно, служило ему для отиранія пота съ лица,—

и говорилъ о томъ, какъ онъ излѣчился отъ маляріи настойкой подсолнечника, и какъ ему хотѣлось бы купить участокъ земли въ Сочи. Анна Сергѣевна насилу отдѣлалась отъ него. На душѣ было смутно, тоскливо и тревожно. Она прилегла и проснулась только подъ вечеръ. Въ комнатѣ было душно. Хотѣлось свѣжаго воздуха. Въ галлереѣ за холстинной перегородкой насвистывалъ сосѣдъ. Наканунѣ и всю ночь его не было дома. Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось спросить его, гдѣ онъ былъ,—хотѣлось услышать живой человѣческій голосъ. Она вышла въ палисадникъ и сѣла на скамью. Вѣтеръ стихъ. Нѣжная красота предзакатнаго часа охватила душу задумчивой тишиной. Анна Сергѣевна долго сидѣла, глядя на поблѣднѣвшее, золотисто-молочное море, на которомъ ясно выступали теперь извилистыя бѣлыя полосы—слѣды уплывшихъ кораблей. Оно сливалось въ туманной дали съ небомъ, и прозрачное розовое сіяніе, переливавшееся въ воздушной вышинѣ, бросало на него розовый отблескъ. Небесное сіяніе становилось все ярче, распространялось лучистыми пятнами по всему небу и постепенно уходило отъ горизонта, поднималось кверху, какъ воздушная завѣса, открывая тусклую голубую глубину. На розовато-бѣлой поверхности моря проступали голубыя волны.

— Какъ вы тихо сидите! Я, было, и не замѣтилъ.

Анна Сергѣевна вздрогнула. Подлѣ нея стоялъ Кульженко.

— Эхъ, нервная вы какая! Вѣдь кажется, не громко окликнулъ!..—А хорошо!—прибавилъ онъ, помолчавъ и глядя вдаль.

„Какой у него голосъ пріятный“,—подумала она, и подвинулась на скамьѣ, чтобы дать ему мѣсто. Онъ сѣлъ и нѣкоторое время молчалъ, задумчиво глядя на погасающее море.

— Удивительное это дѣло!—сказалъ онъ вдругъ, не оборачиваясь къ ней и какъ бы говоря съ самимъ собою.— Помню разъ—въ Венеціи это было... Тамъ, неподалеку, островокъ есть, а на немъ монастырь армянскій. Поѣхалъ я туда на лодкѣ, погулялъ по саду,—и опять въ лодку. И какъ сейчасъ передъ глазами—въ эдакій же вотъ часъ, солнце ужъ закатилось: небо и море совсѣмъ красныя, и на этомъ фонѣ монастырекъ съ кипарисами — черные какъ уголь... И такое-жъ это небо было красное, зловѣщее...— сказать не могу! Я, было, хотѣлъ этюдъ сдѣлать на память. Только, по мнѣ, знаете, тутъ текстъ нуженъ. Что-нибудь этакое какъ въ сказкѣ. Ужъ сколько времени ищу человѣка, чтобъ сочинилъ...—Вотъ, развѣ вы напишите!—прибавилъ онъ вдругъ не то въ шутку, не то серьезно.

— Я?—воскликнула Анна Сергѣевна.—Что вы! Да развѣ я пишу!

— Нѣтъ?—съ недовѣріемъ обернулся онъ.—Да вы-жъ писательница.

— Да что вы, Богъ съ вами! Откуда вы это взяли?—говорила она со смѣхомъ.

Онъ тоже засмѣялся, блеснувъ зубами и повернувшись всѣмъ корпусомъ:

— Нѣтъ? Да мнѣ-жъ хозяинъ-же нашъ сказалъ. Этотъ вотъ, что все про Сочи.

— Ахъ, онъ и вамъ про Сочи!..—Не знаю, право, откуда онъ это взялъ.

Оба смѣялись. Аннѣ Сергѣевнѣ стало весело и легко, и вмѣстѣ съ благодарностью за неожиданную веселость, въ ней шевельнулась какая-то ласковая теплота къ этому чужому юношѣ.

— А мнѣ про васъ хозяинъ сказалъ, что вы вчера куда-то въ горы ушли. Можетъ быть, и это его фантазія?—шутливо спросила она.

— Нѣтъ, правда, въ горы ходилъ. На Бабуганъ, на Буюкъ. Я люблю!.. У чабановъ ночевалъ.

— Счастливый!—сказала Анна Сергѣевна.

— Что-жъ счастливый! И вы бы ходили. Что-жъ такъ-то сидѣть.

— Правда. Да только куда-жъ я... Я нездорова.

— И здоровѣе были бы!—съ увѣренностью сказалъ онъ.—А то развѣ-жъ это жизнь?

Анна Сергѣевна вздохнула и покачала головой.

— Право, пошли бы какъ-нибудь со мной, хоть на денекъ,—продолжалъ онъ.—Такъ бы и привыкли понемножку.

— Спасибо!—отозвалась она съ грустной, благодарной улыбкой.—Вотъ какъ окрѣпну немного.

— Славный народъ эти здѣшніе татары. Я ихъ люблю,—говорилъ онъ, не глядя на нее, мысленно возвращаясь къ впечатлѣніямъ своей вчерашней прогулки.—Красивые, важные. Чабаны-то эти. Сидятъ у костра,—въ бараньи куртки зашиты,—и молчатъ. Эти умѣютъ помолчать... У нихъ и обычай такой есть: земли съѣсть—это значитъ поклясться въ молчаньи. Ну, и тутъ ужъ какъ могила не выдастъ. А то у насъ не умѣютъ вѣдь. Слабы у насъ на языкъ. Дѣло-ли какое или что—сейчасъ разболтаютъ. Ну, глядишь—и погибъ человѣкъ ни за что.

— Какъ это?

— Да вотъ у меня сестра была, дѣвочка молоденькая. Красавица, бойкая такая. На фельдшерскихъ курсахъ училась. Ну, познакомилась со студентами, еще кое съ кѣмъ.

То—се. Пошли дѣла... Да я это не къ тому говорю, а только что открыто очень: болтовня, разговоры. Ну, малый тамъ къ ней одинъ ходилъ... Словомъ сказать, повернуться не успѣла—и готово! И другіе за ней... Второй годъ сидитъ.

— Вотъ оно какъ!—проговорила Анна Сергѣевна, вспомнивъ о братѣ, и еще дружелюбнѣе посмотрѣла на своего собесѣдника, словно еще что-то связало ее съ нимъ. „А должно быть, его сестра въ самомъ дѣлѣ красива, если похожа на него,—подумала она и, мелькомъ взглянувъ на него, замѣтила, что на немъ была мягкая рубашка съ отложнымъ воротникомъ, открывавшая красивую, крѣпкую шею.

— Дорожка къ счастью!—сказалъ онъ вдругъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по матово-голубому морю, бѣжала свѣтлая, искрящаяся полоса: въ вышинѣ еще не темнаго лиловатаго неба, прорѣзывался серебряный серпъ молодого мѣсяца.

Скрипнула калитка. Послышались голоса.

— Ахъ, это Мамаевъ! — съ неудовольствіемъ сказала Анна Сергѣевна, быстро вставая.—Это ко мнѣ!—и наскоро простившись, пошла навстрѣчу.

— Анна Сергѣевна!—кричалъ издали Мамаевъ.—Мы къ вамъ съ Зинаидой Дмитріевной.

— Николай Ильичъ увѣрилъ меня, что къ вамъ можно зайти прямо вечеромъ!—весело звенѣлъ женскій голосъ.

Она была такая же нарядная, опять вся въ бѣломъ.

— Конечно!—отвѣчала Анна Сергѣевна, стараясь быть простой и веселой.—Здравствуйте. Ну, пойдемте ко мнѣ на галлерею, сейчасъ зажгу свѣтъ.

— Нѣтъ, вы кажется, сидѣли на воздухѣ. Пойдемте на скамейку. Сегодня такъ хорошо!

— А я видѣлъ! А я видѣлъ!—мальчишески-таинственнымъ голосомъ, поддразнивая и посмѣиваясь, говорилъ Мамаевъ.

— Что такое?

— Анна Сергѣевна опять съ хлопчикомъ сидѣла!

— Фу, Боже мой, какъ глупо!

Анна Сергѣевна сердилась и смѣялась.

— А мы одни удрали! — таинственно и торопливо продолжалъ Мамаевъ.—Увѣрили старушку, что къ вамъ подъемъ, какъ на Ай-Петри,—стѣна-стѣной... Ну и оставили ее!

— Это все онъ! — воскликнула Каменева, и засмѣялась своимъ тоненькимъ, звенящимъ смѣхомъ.

— И теперь — свобода! свобода!—шумѣлъ Мамаевъ,—хлопнулъ въ ладоши и даже слегка подпрыгнулъ. Анна Сергѣевна засмѣялась.

„Да онъ счастливъ!“—подумала она, и ей вдругъ стало легко и молодо на душѣ.

— Слушайте!—говорилъ онъ, принимая серьезный видъ, и поднялъ указательный палецъ.—Слушайте! У меня планъ! Мы посидимъ здѣсь, а потомъ всѣ дернемъ на прогулку. Вы вѣдь еще ни разу не гуляли вечеромъ? Ну, и Зинаида Дмитріевна тоже, потому что... гм...—ну, и такъ далѣе! Благо удалось ее оставить дома.

„Такъ вотъ для чего онъ такъ старался познакомить меня съ нею, хитрый!"—подумала Анна Сергѣевна и улыбнулась въ душѣ, готовая покровительствовать чужому счастью.

— Такъ принятъ мой планъ? Пойдемъ на прогулку?

— Ну пойдемъ! Правда, сегодня чудесно!—сказала Анна Сергѣевна отъ всего сердца.

Когда они выходили, она замѣтила, что въ комнатѣ Кульженко засвѣтилась лампа.

VIII.

Былъ знойный лѣнивый полдень. Блѣдныя и красныя розы въ цвѣтникѣ млѣли на солнцѣ, и густой, сладкій ароматъ ихъ опьянялъ какъ ароматъ ликера. Весь домъ Каменевой былъ обвитъ зеленью глициній, каприфоліями и розами въ цвѣту.

— Не знаю, въ комнату, что-ли, перейти. Солнце и сюда пробирается! — сказала она, приподнимаясь съ раскидного вѣнскаго кресла на терассѣ. На ея бѣлой, молодой, еще не выразительной рукѣ, попавшей въ полосу свѣта, загорѣлись рубины и брилліанты колецъ.—Или вамъ лѣнь?—обратилась она къ Аннѣ Сергѣевнѣ.

— Лѣнь!—весело призналась Анна Сергѣевна.—Просто не пошевелилась бы. Ни мыслей — ничего! И я чувствую, какъ въ меня входитъ, наконецъ, здоровье.

— Какъ я рада!—отозвалась Каменева, и въ голосѣ ея Анна Сергѣевна услышала искреннюю ноту.

— Первое время я порывалась что-то дѣлать, бѣжать куда-то: петербургское безпокойство сидѣло въ нервахъ,— сказала Анна Сергѣевна.—А теперь вотъ ужъ который день ровно ничего не дѣлаю, даже книжки въ руки не беру! И не замѣчаю, какъ идетъ время.

— Это я васъ заразила своимъ бездѣльемъ!.. Для васъ это хорошо, конечно, — вамъ нуженъ отдыхъ. Но я! Ахъ, Боже мой, до чего я распустилась въ послѣднее время!.. Даже дѣвочкой своей не занимаюсь.

— Гдѣ она?—разсѣянно спросила Анна Сергѣевна, думая о томъ, что эту изящную женщину нельзя даже представить себѣ иначе, какъ въ роскоши,—что врядъ ли она способна

къ какому нибудь труду. — Вы, кажется, намѣрены въ Петербургъ переселиться?

Каменева натянуто улыбнулась.

— Ну, гдѣ-же! Это Николай Ильичъ фантазируетъ...— Въ глубинѣ ея блѣдно-голубыхъ глазъ загорѣлась тоска.— Куда онъ, однако, пропалъ, понять не могу.

— Да вѣдь онъ за фруктами пошелъ.

— Ахъ да! Это онъ старается моей belle-soeur угодить!.. Она что-то дуется на него послѣдніе дни.

Каменева задумалась и разсѣянно глядя вдаль, откинулась въ кресло. Глаза Анны Сергѣевны невольно приковались къ ея бѣлому лбу съ золотистыми прядями разбившихся волосъ. „Что за красота!—думала она.—Если бы только это лицо было выразительнѣе, одухотвореннѣе... Но неужели она въ самомъ дѣлѣ любитъ его?“

— Вотъ онъ!—проговорила Каменева. Мамаевъ выходилъ изъ комнаты наципочкахъ, съ комически-благоговѣйнымъ лицомъ:

— Тс!.. Она заснула!

— Гдѣ?—разсмѣялась Каменева.

— Тамъ, въ гостиной, на диванѣ, въ уголку! И вязанье вывалилось. Я подсунулъ ей абрикосы на столикъ и удалился!

— Ну, глупо же! Глупо! — звенѣлъ, какъ колокольчикъ смѣющійся голосъ Каменевой.

— Анна Сергѣевна! голубушка!—продолжалъ траги-комическимъ полушопотомъ Мамаевъ:—Войдите хоть вы въ мое положеніе! Такъ стараюсь—и все напрасно! въ немилость у старушки впалъ. А вѣдь я сегодня съ ней битый часъ о декадентствѣ разсуждалъ!

— О декадентствѣ?—разсмѣялась и Анна Сергѣевна.

— Ну да! Вѣдь она у насъ любительница: платья шьетъ не иначе, какъ изъ декадентскихъ матерій. Такъ вы бы слышали, какую я ей тутъ по поводу декадентства философію завернулъ! Ученыя имена цитировалъ, Рибо приплелъ. Хорошо, что васъ тутъ не было и вы не могли меня обличить.

— Почему же это я?

— Какъ почему? О, скромность, это ты!—Вы не знаете,— обратился онъ серьезнымъ тономъ къ Каменевой: Анна Сергѣевна ученѣйшая женщина. Всѣхъ философовъ читала.

— Ну полноте, Николай Ильичъ! Зачѣмъ вы сочиняете. Ни одного философа какъ слѣдуетъ не прочла,—хотя, разумѣется, тысячу разъ собиралась, какъ всѣ добрые русскіе люди!

— Какъ не читали? Почему же я о Рибо то вспомнилъ? Клянусь честью, не далѣе, какъ вчера, самъ видѣлъ у васъ на столѣ.

— Ахъ это вы Рибоя въ философы произвели!.. Такъ вѣдь и то: это мнѣ одна курсистка принесла, совѣтовала прочесть.

— Она сегодня не въ духѣ!—сказалъ Мамаевъ, покачалъ головой и, вдругъ перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:—А я знаю, почему она не въ духѣ: хлопецъ сегодня въ горы ушелъ!

— Перестаньте пожалуйста! — сказала Анна Сергѣевна, вспыхнувъ.

— А Зинаида Дмитріевна еще думала, что онъ поспѣшитъ воспользоваться ея любезнымъ приглашеніемъ! — продолжалъ Мамаевъ тѣмъ же поддразнивающимъ тономъ.

— Совсѣмъ я не думала! — сказала Каменева, не поднимая глазъ.

„Какъ это нелѣпо, что она пригласила его къ себѣ, — съ неудовольствіемъ думала Анна Сергѣевна: — И главное, очевидно, ради меня. Это Мамаевъ своими шутками вбилъ ей въ голову... Такъ это глупо, что они его у меня встрѣтили. До того они не подходятъ другъ къ другу“...

— Онъ, кажется, очень смутился, когда вы его пригласили, — сказала она Каменевой, стараясь говорить равнодушнымъ тономъ.

— Развѣ?— отозвалась Каменева. — Мнѣ показалось, что онъ очень милый и простой.

— О, милѣйшій! простѣйшій! — воскликнулъ Мамаевъ,— Анна Сергѣевна увѣряетъ даже, что онъ въ своемъ дѣлѣ большой талантъ, и я заранѣе готовъ согласиться. Но только знаете,—какъ посмотрю я на него, мнѣ почему-то кажется, что въ грамотѣ онъ на счетъ ятей не совсѣмъ силенъ и когда пишетъ письмо, то каждое слово начинаетъ большой буквой... У меня одинъ управляющій такъ писалъ!

Анна Сергѣевна вспыхнула и, чтобы не обращать на себя вниманія, промолчала.

— Это гадко! Я не знала, что вы способны на это! — строго сказала Каменева и, вставъ, отвернулась отъ него.

Анна Сергѣевна замѣтила, что лицо Мамаева мгновенно измѣнилось. Кровь ударила ему въ голову. Потомъ онъ поблѣднѣлъ и вытеръ лысину.

— Что такое? Я не думалъ сказать ничего особеннаго,— пробормоталъ онъ.

— Я не люблю злословія!—холодно отвѣтила Каменева.— Хотите, пройдемся?—обратилась она къ Аннѣ Сергѣевнѣ. — Моя дѣвочка должна теперь скоро вернуться, пойдемъ ей навстрѣчу, въ паркъ.

Анна Сергѣевна встала. Каменева, не глядя на Мамаева, потянулась за своимъ зонтикомъ. „Не сердитесь!“ — прошепталъ Мамаевъ. Она мелькомъ взглянула на него и сбѣ-

жала въ садъ. „Скажите ей, что вы меня простили",— сказалъ Мамаевъ Аннѣ Сергѣевнѣ, загораживая дорогу и умоляюще глядя ей въ глаза. У него былъ такой страдающій видъ, что ей стало жалко его. „При чемъ тутъ я, Николай Ильичъ?"— застѣнчиво отвѣтила она, и быстро догнала Каменеву. Всѣмъ было не по себѣ.

— У меня была одна идея на счетъ сегодняшняго вечера!— робко сказалъ Мамаевъ, когда они вошли въ паркъ.

Анна Сергѣевна обернулась къ нему.

— Я думалъ, на лодкѣ-бы по морю прокатиться. И лодку ужъ сговорилъ.

— Ну что-жъ! Идея очень хорошая, — примирительно сказала Анна Сергѣевна.—Навѣрное, Зинаида Дмитріевна ее одобритъ. Не правда-ли?

Каменева остановилась, подняла на нее глаза и улыбнулась.

— Если вы хотите, то да... Аа! вотъ и крошка моя! — воскликнула она, увидѣвъ издалека дѣвочку съ гувернанткой.

Мамаевъ какъ мальчикъ бросился бѣжать по дорожкѣ, схватилъ дѣвочку на руки и, посадивъ на плечо, принесъ матери. Дѣвочка, крѣпко держась рукой за его голову и болтая голыми ножками, весело смѣялась.

— Она немножко похожа на васъ, — сказала Анна Сергѣевна, глядя на круглое бѣленькое личико дѣвочки съ подрѣзанными на лбу бѣлокурыми волосами и падающими на плечи локонами.

— Дайте мнѣ ее!—сказала Каменева, протягивая къ ней руки.

Мамаевъ бережно передалъ ребенка, не отводя отъ матери влюбленныхъ глазъ.

— Я думала, обѣдать пора, — сказала подошедшая гувернантка.

— Да. Вѣдь и вы пообѣдаете съ нами? — сказала Каменева, привѣтливо обращаясь къ Аннѣ Сергѣевнѣ.

— Вы не можете себѣ представить, до чего я вамъ благодаренъ, — говорилъ Мамаевъ, провожая Анну Сергѣевну, когда она шла вечеромъ къ себѣ домой, чтобы переодѣться для катанья на лодкѣ.

— За что?—ласково отозвалась она.

— Вы не знаете этой женщины,—продолжалъ онъ, волнуясь. — Вы не знаете, какъ я боюсь шокировать ее чѣмъ-нибудь... Вѣдь я вамъ не разсказывалъ... У насъ ухаживаютъ за ней всѣ, начиная съ губернатора и кончая послѣднимъ армейскимъ офицеромъ, и она со всѣми одинаково любезна и одинаково неприступна. Вы не знаете, до чего она... я не

скажу добродѣтельна, потому что это противное слово, но строга, къ другимъ и къ самой себѣ строга... У нея мужъ старикъ, гораздо старше меня, — извѣстный фабрикантъ, большой дѣлецъ, — почти необразованный и противный, какъ эта вотъ жаба, его сестра... Вы не смѣйтесь, я ненавижу эту старуху. Онъ послалъ ее сюда, чтобы шпіонить... Онъ до сихъ поръ влюбленъ въ нее безъ ума, ревнуетъ и считаетъ своей собственностью, какъ это можетъ считать только купецъ. И она всячески душитъ себя, чтобы какъ-нибудь ему не измѣнить...—въ помыслахъ, потому что пока она не разойдется съ нимъ, она ему не измѣнитъ. Она считаетъ, что продала ему себя и что...

— Но какъ-же? зачѣмъ,—я не понимаю,—перебила Анна Сергѣевна.

— Зачѣмъ? Ну да, въ томъ-то и дѣло!.. Это понять нужно. Она изъ бѣдной семьи, ея отецъ простой офицеръ, пьянчужка. Пріѣхала изъ института—въ семьѣ былъ адъ... А тотъ влюбился, осыпалъ цвѣтами... Вы видите эту женщину: развѣ она можетъ жить въ нищетѣ?.. Но она мученица, вы не знаете, какъ она тамъ страдаетъ и тоскуетъ,— говорилъ Мамаевъ, все болѣе волнуясь.

— Вотъ не думала! — задумчиво сказала Анна Сергѣевна.

— Ну да, потому что его нѣтъ здѣсь... Она молода, жить хочетъ. Я предложилъ ей развестись. Все предлагалъ. Все бросилъ бы, чтобы увезти ее оттуда. О Боже мой!.. Н она добродѣтельна! Да, добродѣтельна, какъ только могут быть холодныя натуры.

— Не бѣгите такъ!—сказала Анна Сергѣевна, потому что онъ все ускорялъ шагъ.

— Ахъ да, мы идемъ въ гору! Дайте вашу руку... Простите меня... Она такъ истерзала меня сегодня своей холодностью.

— Но мнѣ кажется, вы ошибаетесь, Николай Ильичъ,— мягко сказала она, опираясь на его руку. — Она вовсе не холодная. И она вѣдь только на минуту разсердилась сегодня—за ваши глупости, а потомъ была очень мила.

— Да? — воскликнулъ онъ, внезапно остановившись.— Правда? Можетъ быть, это моя мнительность... Я совсѣмъ какъ сумасшедшій это время. Самъ не знаю, что говорю... Боже мой, какъ я вамъ благодаренъ... Я вѣдь и передъ вами виноватъ: вѣдь это я васъ дразнилъ. Оттого она и разсердилась.

— Не дѣлайте этого больше! — тихо сказала Анна Сергѣевна.—Что за разговоры такіе! Вѣдь я... скоро старухой буду.—Голосъ ея дрогнулъ.

— Вы? Полноте, что вы!..—горячо возразилъ онъ.—Вы еще такъ молоды душой. И вообще...

Онъ схватилъ ея руку и осыпалъ благодарными поцѣлуями.

— Отдохнемъ немного на этой скамьѣ, вы устали—такъ тяжело дышете!—сказалъ онъ.

— Да, немножко. Какая ночь чудесная!

На лужайкѣ звенѣли цикады. На освѣщенной землѣ былъ виденъ каждый камешекъ. Не совсѣмъ полная луна висѣла въ небѣ, какъ зеркало, отражающее свѣтъ какого-то скрытаго за горизонтомъ сказочнаго царства.

— Какъ это хорошо, что она согласилась поѣхать на лодкѣ!—весело воскликнулъ Мамаевъ, словно стряхнувъ съ себя тяжелое волненье. — Пойдемте, тутъ ужъ вѣдь не далеко.

Подходя къ дому, Анна Сергѣевна замѣтила, что комната Кульженко освѣщена.

— Подождите меня здѣсь, я сейчасъ переодѣнусь и выйду,—сказала она.

— Что?.. Да, хорошо...—Идея! — воскликнулъ онъ, ударивъ себя по лбу.

— Ну?

— Вѣдь онъ дома. У него огонь. Позовемъ и его кататься. Вы думаете, я правда противъ него что-нибудь имѣю? Такъ, сболтнулъ,—типунъ мнѣ на языкъ.

— Ну, что жъ, позовемъ, — разсмѣялась Анна Сергѣевна.

— Вчетверомъ поѣдемъ. Винтъ эдакій устроимъ.

— Фи, какое сравненіе!

— Ахъ да, я и забылъ, что вы не любите картъ... Кликните-ка его! Я забылъ, какъ его звать.

— Александръ Васильевичъ!—весело закричала она.

— Хотите съ нами на лодкѣ кататься?—добродушно сказалъ Мамаевъ, когда Кульженко вышелъ на галлерею.

— На лодкѣ?.. Аа, здравствуйте!—ну что-жъ, идетъ!

Анна Сергѣевна побѣжала переодѣваться.

———

IX.

— Ну, значитъ, какъ же завтра? Мы зайдемъ за Анной Сергѣевной или она за нами? — говорилъ Мамаевъ, останавливаясь вмѣстѣ со всѣми у калитки каменевской дачи. Въ голосѣ его слышалась усталость и скрытое раздраженье.

Вообще за послѣднюю недѣлю, со времени общей ночной

прогулки на лодкѣ онъ очень измѣнился, не шумѣлъ и не балагурилъ.

— Завтра? Постойте!—сказала Каменева, словно не замѣчая его дурного настроенія.—„У меня есть идея", какъ говоритъ Николай Ильичъ: днемъ возьмемъ экипажъ и поѣдемъ въ Ореанду, потомъ отдохнемъ хорошенько, а попозже ночью пойдемъ на берегъ моря и дождемся восхода солнца... Я, кажется съ дѣтства не видала, какъ солнце восходитъ.

— Идетъ!—вполголоса сказалъ Кульженко.

„Теперь всѣ проэкты исходятъ отъ нея",—подумала Анна Сергѣевна.

— А, можетъ быть, вы что-нибудь предложите?—сказала ей Каменева, словно услышавъ ея мысли.

— О, нѣтъ!—рѣшительно отвѣтила Анна Сергѣевна, и подумала, что охотно совсѣмъ отказалась бы отъ этихъ прогулокъ.—Ну, пойдемте!—сказала она Кульженко.

Онъ простился и покорно зашагалъ рядомъ съ нею. Черныя тѣни деревьевъ плыли имъ навстрѣчу. Отъ мѣсяца остался только узенькій, грустно свѣтящій рожокъ. „Экій человѣкъ! Никогда не предложитъ руку, — подумала Анна Сергѣевна, споткнувшись на ступенькахъ каменной лѣстницы.— И какой то неловкій сталъ. Я такъ и знала, что ничего не выйдетъ изъ ихъ знакомства"...

Уже въ первую общую прогулку, когда они катались ночью на лодкѣ, всѣ были молчаливы и какъ то смущены. Только Каменева привѣтливо разговаривала съ Кульженко, и Анна Сергѣевна вспомнила замѣчаніе Мамаева, что она бываетъ со всѣми одинаково любезна. Но теперь Кульженко былъ застѣнчивъ и угловатъ. Скоро онъ вызвался помогать лодочнику и взялся за вторую пару веселъ. Красота ночи, игра лунныхъ блестокъ въ волнахъ, наводили на всѣхъ какое-то мечтательное оцѣпенѣніе, и всѣ словно прислушивались къ плеску волнъ, разсѣкаемыхъ неторопливыми взмахами веселъ, и къ чему-то чутко притаившемуся въ собственной душѣ. Попрощались всѣ какъ-то тихо, сдержанно, и казалось, что эта ночь не повторится. Но на слѣдующій вечеръ Каменева сама зашла за Анной Сергѣевной и зачѣмъ то опять вызвала Кульженко.

Съ этого времени гуляли постоянно вчетверомъ. Каждый разъ, при прощаніи, уславливались относительно слѣдующаго дня, заходили другъ за другомъ, отправлялись куда-нибудь за нѣсколько верстъ по береговой дорогѣ, любовались на острую черную скалу Дива въ пѣнящихся сверкающихъ волнахъ прибоя, на серебристыя масличныя рощи въ Мисхорѣ,

на бѣлѣющій въ лунномъ свѣтѣ восточный дворецъ Дюльбера. Но всѣ были задумчивы, грустны и молчаливы.

Надъ всѣми тяготѣло что-то смутное, неуловимое. Иногда Аннѣ Сергѣевнѣ казалось, что это воздѣйствіе южной луны. Иногда она думала о томъ, что все это началось съ тѣхъ поръ, какъ къ обществу присоединился Кульженко. Такъ прошли лунныя ночи. Съ неба глядѣлъ узенькій блестящій рожокъ, а въ душѣ поднималась грусть и тревога. „Завтра вечеромъ будетъ уже совсѣмъ темно", думала Анна Сергѣевна, молча идя съ Кульженко по темнѣющему парку.— Хоть бы поэтому прекратить общія прогулки. Надо-же какъ-нибудь кончить эту тяготу".

— Вы пойдете завтра смотрѣть на восходъ солнца? Вамъ, я думаю, не интересно. Вѣдь вы столько разъ видѣли это,— сказала она.

— Что-же! Это всегда хорошо! — отвѣтилъ Кульженко, словно думая о другомъ.

— Т. е., я хотѣла сказать — въ компаніи? Не спать для этого ночь!..

— Нѣтъ, что-жъ!—отвѣтилъ онъ уклончиво и опять замолчалъ.

Положительно онъ сталъ неузнаваемъ за это время. Ни слѣда прежней свободы въ обращеніи, разговорчивости. Глаза его глядѣли не то задумчиво, не то разсѣянно, и Анна Сергѣевна замѣтила, что онъ часто кусаетъ губы.

— Я завтра, пожалуй, не поѣду въ Ореанду, — сказала она.—Ужасно устала почему-то за эти дни. Не хочется ѣхать.

— Да и жарко-жъ днемъ!

— Вы ужъ безъ меня поѣзжайте,—прибавила она, желая вызнать, поѣдетъ ли онъ безъ нея.

Онъ долго шагалъ молча, потомъ остановился и сказалъ:

— А я опять въ горы пойду.

„Значитъ, онъ чувствуетъ, что съ нимъ ничего не выходитъ",—съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ подумала она, и съ грустью вспомнила первые дни знакомства и интересные разговоры съ нимъ.

— Богатая она женщина!—сказалъ онъ вдругъ.

— Кто? Зинаида Дмитріевна? Да. Ея мужъ крупный дѣлецъ.

— Гм... А онъ что-жъ...—не живетъ съ нею?

— Нѣтъ... Т. е. какъ?.. зимою она вѣдь живетъ съ нимъ въ С***.

— Это гдѣ господинъ Мамаевъ городскимъ головой состоитъ?

Въ голосѣ его, при упоминаніи Мамаева, послышалась какъ-будто непріязнь.

— Да, тамъ.

„Какъ онъ понимаетъ ея отношенія съ Мамаевымъ?— думала она, съ трудомъ поднимаясь въ гору.—Да и что тутъ въ самомъ дѣлѣ можно понять? Добродѣтель ли это ее удерживаетъ, какъ онъ говоритъ?—тогда она, вѣроятно, сдастся въ концѣ концовъ и уѣдетъ съ нимъ. Или же она просто не любитъ его, а только цѣнитъ и не хочетъ отъ себя отпустить? Не разберешь“...

— Ну, вотъ и пришли!.. Значитъ, завтра въ Ореанду не ѣдемъ?—сказала она.

Кульженко будто проснулся отъ сна, посмотрѣлъ блуждающими глазами на небо, на смутно виднѣющееся море и простился какъ-то нерѣшительно и сухо.

X.

Казалось, все было сдѣлано, чтобы разстроить эту совмѣстную прогулку, но она все-таки состоялась. И теперь, поздно ночью, сидя въ саду каменевской дачи на небольшой площадкѣ, заканчивающейся въ сторону моря каменной балюстрадой, Анна Сергѣевна мучительно чувствовала на себѣ гнетъ той таинственной воли, которая устраивала все это и шла въ разрѣзъ съ ея намѣреніями. На этотъ разъ она даже не могла упрекнуть себя въ чрезмѣрной податливости. Днемъ она написала Каменевой, что не поѣдетъ въ Ореанду—хочетъ успокоить расходившіеся нервы, почитать, отвѣтить на скопившіяся письма. Кульженко, дѣйствительно съ утра ушелъ куда-то. Вечеромъ въ маленькой дачѣ было такъ тихо и тоскливо, что услышавъ голоса Каменевой и Мамаева, она искренно обрадовалась и охотно согласилась пойти съ ними. А что Кульженко, возвращаясь, встрѣтился имъ сейчасъ же, какъ только они вышли на дорогу,—это уже нужно было отнести къ случаю.

Но странно было, что сидя за ужиномъ въ ярко освѣщенной роскошной столовой Каменевой, онъ вдругъ оживился, точно выпилъ вина, и сталъ съ волненіемъ разсказывать какія-то фантастическія исторіи о томъ, какъ ночью послѣ представленія „Фауста“ въ декораціонномъ залѣ театра появляется призракъ Мефистофеля. Мамаевъ съ насмѣшливой улыбкой откинулся на стулъ и демонстративно смотрѣлъ въ потолокъ, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія и, словно отбросивъ всякую застѣнчивость, вновь и вновь заговаривалъ то съ Каменевой, то съ ея золовкой.

Теперь онъ сидѣлъ неподалеку отъ Каменевой на низенькомъ садовомъ стулѣ, опершись локтями о колѣни, и

въ сумракѣ звѣздной ночи видны были его возбужденные, словно пьяные глаза.

— Куда вы?—спросила Каменева неожиданно поднявшагося съ мѣста Мамаева.

— Пройдусь немного. Сидѣть надоѣло. Вѣдь до восхода солнца еще добрыхъ два часа.

Каменева посмотрѣла ему вслѣдъ и пожала плечами. Кульженко долго молча глядѣлъ на небо.

— Видно, а ничего не слышно,—сказалъ онъ вдругъ.

— Гдѣ?

— Да на звѣздахъ. Вѣдь есть-же небойсь и звуки тамъ. Неужто полная тишина?.. Видно, звукъ дѣло слабое.

Каменева сочувственно засмѣялась.

Онъ обернулся и остановилъ на ней свои возбужденные, разгорѣвшіеся глаза. У Анны Сергѣевны вдругъ упало сердце. „Что это?.. Неужели?..—Быть не можетъ!.. Или я... Какъ?.. Неужели мнѣ не все равно?..“

У нея высохли губы. Взглядъ ея испытующе приковался къ лицу Каменевой. И въ сумракѣ видны были чудесныя чистыя линіи ея профиля и щекъ, чувствовалось мерцанье расширенныхъ зрачковъ въ прозрачныхъ глазахъ. Какъ она красива! Оторваться нельзя. Сегодня особенно. Да... вотъ почему онъ такой... О, Боже мой, да вѣдь это-же такъ понятно...

Сердце ея билось тяжелыми ударами, и при каждомъ ударѣ изъ него словно разливался кипятокъ. Потомъ оно застыло, стало тяжелымъ и острымъ. Голова кружилась и минутами хотѣлось спать.

— Знаете, который теперь часъ? — спросилъ подходя Мамаевъ.—Безъ четверти три. Ваша belle-soeur давнымъ давно покоится праведнымъ сномъ.

— Скоро надо итти. Въ четвертомъ часу уже свѣтаетъ— сказалъ Кульженко.—Пока до моря дойдемъ.

— Вы не устали? — спросила Каменева у Анны Сергѣевны.

— О нѣтъ, я вѣдь сегодня спала днемъ.

— Зинаида Дмитріевна, вы любите кадриль?—съ злымъ натянутымъ смѣхомъ спросилъ Мамаевъ, нѣкоторое время молча смотрѣвшій на присутствующихъ.

— Что за глупости! Вы знаете, что я не танцую!— равнодушно отвѣтила Каменева.

— Гм... А винтъ?.. т. е. нѣтъ... Я хотѣлъ сказать: вы любите... квартетныя собранія?

— Люблю!—громко, съ досадой сказала Каменева.

— Ну и превосходно,—пробормоталъ онъ и, помолчавъ, попробовалъ запѣть.

Анна Сергѣевна взглянула на него и опустила глаза. „Бѣдный!“

Наступило общее молчанье.

— Пойдемте!—сказала Каменева. — Лучше у моря, на Камнѣ Айвазовскаго посидимъ.

Всѣ поднялись.

— Будемъ какъ солнце!.. — патетически воскликнулъ вдругъ Мамаевъ, воздѣвая руки къ небу.

— Это еще что такое?—небрежно спросила Каменева.

— Это?.. Это послѣдняя книга Бальмонта такъ называется! Вы не читали? Хотите я вамъ подарю?

— Нѣтъ, не хочу.

Она, не оборачиваясь, прошла въ калитку.

„Какъ она жестока съ нимъ сегодня. При другихъ!“— думала Анна Сергѣевна, но въ эту минуту Мамаевъ подбѣжалъ къ Каменевой и, пробормотавъ что-то, взялъ ее подъ руку. Она не сопротивлялась и пошла съ нимъ впередъ.

— Собственно я ужасно устала. Едва на ногахъ держусь,—какъ-то незамѣтно для себя проговорила Анна Сергѣевна тихимъ, надорваннымъ голосомъ.

— Оо!—соболѣзнующе отозвался Кульженко, идя рядомъ съ нею.—Что-же это вы раньше не сказали? Мы бы еще успѣли проводить васъ.

„Какъ будто и теперь нельзя было бы это сдѣлать“,— съ горечью думала Анна Сергѣевна и, молча, словно въ тяжкой дремотѣ, прошла паркъ до самого моря.

Мамаевъ и Каменева уже вышли на площадку огромнаго камня, поднимавшагося у берега изъ морской воды. Сходя по неровнымъ ступенькамъ внизъ, Анна Сергѣевна съ непріятнымъ чувствомъ придерживалась за руку своего спутника. Тяжелая дремота все сильнѣе давила голову, и ноги дрожали.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, папиросу,—сказала она обрывающимся голосомъ, подходя къ Мамаеву.

— Папиросу?.. Что это вамъ вздумалось?.. Кажется, никогда еще не видѣлъ, чтобы вы...

— Нѣтъ, я изрѣдка курю, — отвѣтила она, не рѣшаясь сказать про свою усталость. „Вѣдь и онъ не проводитъ, если я даже скажу“, подумала она и, закуривъ, опустилась рядомъ съ нимъ на скамью.

Начинало уже свѣтать. Надъ моремъ стлался туманъ, и легкій паръ заволакивалъ небо. Звѣзды гасли. Анна Сергѣевна не докурила папиросу и, повернувшись на скамьѣ, бросила ее далеко въ море. У нея кружилась голова. Казалось, что тихій плескъ волнъ разсыпается въ воздухѣ звенящими искрами.

— Какъ это вы сказали? — спросилъ Мамаевъ у Кульженко, который разговаривалъ съ Каменевой на другой скамьѣ.

— Въ народѣ, что въ тучѣ, въ грозу все наружу выйдетъ. Да это-жъ не мое. Это русская пословица такая.

„Объ чемъ это они?“ —какъ сквозь сонъ думала Анна Сергѣевна, безсознательно и жадно глядя на свѣтлѣющій востокъ.

Небо на горизонтѣ позеленѣло, и сѣро-голубое, еще не совсѣмъ очистившееся отъ тумана море засвѣтилось въ заливѣ зеркальною гладью. Потомъ изъ-за моря поползли, разливаясь вширь, мутные, розово-желтые тоны. Анна Сергѣевна глядѣла, не отрываясь, съ трепетомъ ожиданія въ душѣ. Всѣ замолкли.

Вдругъ въ сумеречномъ воздухѣ засвѣтились теплыя живыя розовыя пятна. Желтовато-сѣрыя перистыя облачка зарумянились. Прошло еще нѣсколько минутъ. Стало свѣтло, какъ днемъ, но краски потускнѣли, погасли. Какъ будто заря дрогнула и замерла въ тишинѣ утра, чтобы снова медленно собраться съ силами... И вотъ опять, ярче прежняго, розово-желтымъ свѣтомъ залился небосклонъ. Облачка на востокѣ загорѣлись огнемъ раскаленныхъ углей и стали тихо тлѣть на зелено-голубомъ прозрачномъ полѣ. Наверху, въ голубой глубинѣ, разметались безформенные розовые пары. Въ зыби сѣраго моря мерцали розовые отсвѣты. Все еще тлѣютъ угли на востокѣ и, истлѣвая, оставляютъ мѣстами распадающійся легкій прахъ, пепелъ. Но незамѣтно наплываютъ откуда-то новыя облачка, дымно-сѣрыя, и загораются желтымъ свѣтомъ, измѣняются, становятся наконецъ жемчужно-бѣлыми. А изъ-за дальняго мыса уже льется снопами золотой свѣтъ еще невидимаго солнца, и кажется что съ моря поднимается тихая торжественная музыка. Вотъ край солнца показался изъ за горизонта, и медленно сталъ выкатываться сіяющій, ослѣпительный огненный шаръ... Анна Сергѣевна вдругъ почувствовала, что по лицу ея бѣгутъ слезы и, замѣтивъ, что кто-то возлѣ нея поднялся, отвернулась, чтобы тихонько отереть ихъ.

Странно легко было у нея на душѣ. Пережитая ночь казалась какимъ-то больнымъ бредомъ, сномъ, отъ котораго она только что проснулась.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ исторіи русской журналистики.

Отечественныя записки.

(1818—1884 г.).

> Время отъ времени полезно заглядывать въ архивы мнимо-рѣшенныхъ дѣлъ: послѣдовательно оглядываясь, мы смотримъ на прошедшее всякій разъ иначе; всякій разъ разглядываемъ въ немъ новую сторону, всякій разъ прибавляемъ къ уразумѣнію его весь опытъ вновь пройденнаго пути.
>
> Полнѣе сознавая прошедшее, мы уясняемъ современное, глубже опускаясь въ смыслъ былого—раскрываемъ смыслъ будущаго, глядя назадъ—шагаемъ впередъ; наконецъ, и для того полезно перетрясти ветошь, чтобы узнать, сколько ея истлѣло и сколько осталось на костяхъ...
>
> *Искандеръ.*—„Диллетантизмъ въ наукѣ“.

„Отечественныя записки“ наряду съ „Современникомъ“ являются органомъ, съ именемъ котораго тѣсно связанъ довольно продолжительный по времени и важный по своему идейному содержанію періодъ въ исторіи нашего общественнаго развитія.

Вліяніе „Отечественныхъ записокъ“ было неодинаково и неравноцѣнно въ различные періоды ихъ существованія. Были десятилѣтія, когда „Отеч. записки“ являлись бездвѣтнымъ, еле влачащимъ свое существованіе журналомъ, и не по внѣшнимъ только, но и по внутреннимъ причинамъ; такими они были въ періодъ съ 1820—1830 г. и съ 1848—1867 г. И наоборотъ, были періоды, когда „Отечественныя записки“ имѣли огромное вліяніе. Въ послѣднемъ отношеніи достаточно указать во 1-хъ на то, что вся почти дѣятельность Бѣлинскаго прошла въ „Отеч. запискахъ“, а во 2-хъ на то огромное вліяніе, которое имѣли „Отеч. за-

писки“ въ періодъ съ 1868 по 1884 г. и которое можно сравнить только съ вліяніемъ „Современника“ въ 60-е годы.

Исторія „Отечественныхъ записокъ“ обнимаетъ періодъ времени съ 1818 по 1884 г. (апрѣль), съ перерывомъ въ 7 лѣтъ (отъ 1831—1837 г.). Въ частности историческое существованіе „Отеч. записокъ“ по ихъ положенію, идейному содержанію и вліянію можетъ быть раздѣлено (и даже естественнымъ образомъ распадается) на слѣдующіе періоды:

1) Съ 1818—1830 г., подъ ред. Свиньина.

2) Съ 1838—1846 г., подъ ред. Краевскаго. Это былъ періодъ расцвѣта журнала и огромнаго вліянія, благодаря участію въ „Отеч. запискахъ“ Бѣлинскаго и его друзей.

3) Съ 1847—1867 г. Періодъ упадка „Отечествен. записокъ“ послѣ перехода Бѣлинскаго въ „Современникъ“ и вслѣдствіе наступившей затѣмъ (съ 48 г.) реакціи.

4) Обновленіе „Отеч. записокъ“ послѣ того, какъ Некрасовъ арендовалъ у Краевскаго „Отеч. записки“, куда и перешли большинство сотрудниковъ закрытаго „Современника“. Этотъ періодъ обнимаетъ время съ 1867—1884 г. (апрѣль) и является самымъ блестящимъ.

Говорить о мотивахъ, побудившихъ меня заняться судьбой одного журнала, я не буду, такъ какъ пришлось бы повторить то же, что сказано было въ предисловіи къ очерку, посвященному „Современнику“. („Образованіе“ 1903 г. № 10 и 11).

Въ предлагаемомъ очеркѣ точно такъ же, какъ и въ первомъ, излагается не столько литературная, сколько, такъ сказать, бытовая исторія „Отечественныхъ записокъ“, т. е. положеніе ихъ подъ дѣйствіемъ цензурныхъ законовъ и правилъ, цензурной практики и общественно-культурныхъ условій въ различные періоды существованія журнала.

I.

Появленіе на свѣтъ „Отечественныхъ записокъ“ произошло слѣдующимъ образомъ. Чиновникъ, служащій „въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ“, нѣкто П. Свиньинъ, былъ командированъ въ 1815 г. президентомъ коллегіи кн. Салтыковымъ „для обозрѣнія и описанія Бессарабской области“. Отчетъ объ этой командировкѣ, представленный П. Свиньинымъ, такъ очевидно понравился начальству, что Свиньинъ рѣшилъ его напечатать, присоединивъ кое-какія статьи и разсужденія „о постороннемъ“. Въ результатѣ и явились два сборника, одинъ въ 1818-мъ, а другой въ 1819-мъ г., подъ заглавіемъ: „Отечественныя записки“ и съ эпиграфомъ:

Любить отечество—велитъ природа, Богъ;
А знать его—вотъ честь, достоинство и долгъ.

По внѣшнему виду эти сборники представляли изъ себя маленькія книжки, въ 16-ю долю листа, напоминающія не то записныя карманныя книжки, не то поминанье. Содержаніе этихъ сборниковъ любопытно и само по себѣ, а также и потому, что они оказали, какъ увидимъ ниже, рѣшительное вліяніе на появленіе Свиньина уже въ качествѣ журналиста,—этими сборниками онъ зарекомендовалъ себя, какъ „полезнаго и надежнаго писателя“.

Въ составъ первой книжицы (1818 г.), родоначальницы „Отеч. записокъ“, вошли слѣдующія статьи:

1. Печерская лавра и пещеры.
2. Свѣдѣнія о Георгіи Черномъ (вождѣ сербскаго народа).
3. Письмо о русскомъ химикѣ.
4. Тульскій оружейный заводъ.
5. Письмо о русскомъ механикѣ.
6. Естественное описаніе Бессарабской области [1]).
7. Приключенія Суханова, природнаго русскаго ваятеля.
8. Письмо о русскомъ заводчикѣ.
9. Блага природы.
10. Межегорская фаянсовая фабрика.

Въ предисловіи авторъ, разсуждая о пользѣ путешествій, говоритъ: „Путешествіе по чужимъ краямъ полезно для русскаго всего болѣе тѣмъ, что по самому легчайшему сравненію своего отечества съ другими государствами, во многомъ *нравственномъ* [2]) онъ долженъ будетъ отдать справедливость первому, и если пагубное иностранное воспитаніе, стремящееся въ насъ охладить любовь и уваженіе ко всему русскому, и сдѣлало его, по несчастію, пристрастнымъ къ чужеземному, то почтеніе, отдаваемое во всѣхъ краяхъ свѣта имени русскаго [3]), невольнымъ образомъ возгоржаютъ его, заставляютъ полюбить свое отечество и изучить, откуда происходитъ сіе равнодушіе, сія скромность соотечественниковъ его къ достоинству своему? что, напротивъ, причиною почтенія иностранцевъ?.. Онъ съ негодованіемъ увидитъ, что пренебреженіе природнаго языка, незнаніе своего отечества, есть начало неуваженія нашего къ самимъ себѣ; онъ откроетъ исторію русскую—древнюю и новую—и познаетъ, что имѣетъ счастіе принадлежать народу великому, добродѣтельному, великодушному...“

Этотъ чиновнически-патріотическій и слащаво-хвалебный тонъ и характеръ обнаруживается (настойчиво и однообразно до смѣшного) и въ самомъ содержаніи сборниковъ.

---

[1]) Непосредственный результатъ командировки Свиньина.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) „Мнѣ случалось, говоритъ авторъ, даже въ Америкѣ встрѣчать иностранцевъ, принимающихъ для кредита или для спекуляцій имя русскаго“.

Въ статьѣ „Печерская лавра“ описываются святыни и различныя преданія, связанныя съ этой лаврой.

Всѣ почти остальныя статьи (за исключеніемъ „Естественнаго описанія Бессарабской области“ и „О Георгіи Черномъ“) трактуютъ о различныхъ русскихъ самоучкахъ и самобытныхъ талантахъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о захлебывающемся восторгѣ Свиньина предъ удивительными талантами и замѣчательными изобрѣтеніями русскихъ самоучекъ, „природныхъ“ художниковъ, поэтовъ и пр.

Описывая нѣкоего Кукина и его удивительныя изобрѣтенія по выдѣлкѣ кожъ и мыла, Свиньинъ говоритъ между прочимъ:

„...Я думалъ, что бѣдствія 1812 г. обратятся на пользу Россіи—уничтоженіемъ очарованія, которое доселѣ имѣетъ для жителей ея все не русское; что явивъ во всей силѣ народный духъ, заставитъ всякаго гордиться именемъ русскаго, заставитъ полюбить языкъ свой, древніе обычаи... воображалъ, что русскіе ремесленники, кои теперь должны работать какъ-нибудь, или хорошо сдѣланныя ими вещи выдавать за чужеземныя, дабы не быть въ накладѣ, будутъ поощрены, уважены и замѣнятъ издѣлія заморскія;—мечталъ, что шарлатаны не пріѣдутъ болѣе изъ Нѣметчины учить русскихъ дѣлать золото изъ мадеры и добывать соль изо льда (истинное происшествіе); мечталъ... но увы! все сіе мечта! Постараемся, по крайней мѣрѣ, показать русскимъ, что и между ними есть много людей достойныхъ, во всѣхъ состояніяхъ и званіяхъ; людей съ отличными дарованіями и благородными чувствами“ [1]).

Изложивъ далѣе самыя изобрѣтенія и улучшенія Кукина по выдѣлкѣ кожъ и свѣчъ, Свиньинъ восклицаетъ: „нѣтъ сомнѣнія, что Кукинъ будетъ современемъ включенъ въ число друзей отечества. Вотъ награда, которой единственно онъ желаетъ и которой не хочетъ промѣнять на сотни тысячъ! Каковъ же русскій, необразованный мужичокъ?“ [2])

Любопытенъ также разсказъ объ одномъ солдатѣ, который нашелъ секретъ лѣчить бѣшенство травою „Частухой.“ Лѣченіе производилось слѣдующимъ образомъ: „Взявъ корень или луковицу сей травы, а если они малы, то два или три, вмѣстѣ истолочь ихъ въ порошокъ и, насыпавъ на хлѣбъ, намазанный коровьимъ масломъ, давать ѣсть больному. Два пріема, а много три, достаточны для истребленія сего яда...“ [3])

Другой „природный“ лѣкарь, крестьянинъ Тимоѳей, „изобрѣлъ“ иную „методу“ для лѣченія бѣшенства. „Онъ разрѣзывалъ, повѣствуетъ съ самымъ серьезнымъ видомъ Свиньинъ, обыкно-

---

1) Отеч. Зап. 1818 г. стр. 223.
2) ibi l стр 236.
3) ibid. стр. 246.

венно больнымъ мизинецъ и, выпустивъ изъ онаго нѣсколько капель крови въ стаканъ, рану присыпалъ какою то травою, а кровь давалъ пить въ молокѣ или въ конопляномъ маслѣ, смотря потому, скоромный или постный былъ день. Хотя Тимоѳей самъ чрезвычайно любилъ вино, но запрещалъ пить оное своимъ паціентамъ въ продолженіе шести недѣль, и во все сіе время заставлялъ ихъ молиться по ночамъ въ землю до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ передъ образомъ копеечная свѣчка..“ [1])

Такимъ же характеромъ отличается и второй сборникъ „Отеч. записокъ,“ изданный Свиньинымъ въ 1819 г. За исключеніемъ двухъ—трехъ статей, какъ напр. „О жизни кн. Н. И. Салтыкова“ (бывшаго начальника Свиньина, не за долго предъ тѣмъ умершаго), или нравоучительнаго романа „Бѣдствія отъ замка,“— всѣ остальныя трактуютъ о „природныхъ“ рус. поэтахъ и изобрѣтателяхъ. Именно: „Встрѣча съ русскимъ слѣпцомъ—поэтомъ,“ „Сибиряковъ, природный рус. стихотворецъ,“ „Власовъ—изобрѣтатель простого способа дѣлать громовые отводы на домахъ,“ „Жизнь Кулибина“ и т. д. Разсказывая о слѣпцѣ—поэтѣ, Свиньинъ приводитъ и его „гимны.“ Вотъ для примѣра нѣсколько отрывковъ:

Природы я не созерцаю
Величественнѣйшихъ красотъ,
И время жизни провождаю,
Какъ въ мрачный заключенный сводъ.
Не зрю картины свѣта лестной,
Но на предѣлъ сей не ропщу:
Я вѣры внемлю гласъ небесный
И въ немъ отрады лишь ищу. и т. д. [2])

Разсказъ о Сибиряковѣ точно также подкрѣпляется стихотвореніями этого поэта. Напр.

Ужасно сильный вѣтръ ревѣлъ
Въ поляхъ, лѣсахъ, вершинахъ.
Громъ страшно вдалекѣ гремѣлъ
И вторился въ долинахъ.
Стекались черны облака,
И буря поднималась,
И молнія издалека
Змѣями извивалась.
Свирѣпый вихрь крутилъ, свисталъ
И всѣхъ страшилъ собою
Въ столбахъ до облакъ достигалъ,
Метая листъ съ землею.

---

[1]) ibid. стр. 248.
[2]) Отеч. Зап. 1819 г. стр. 81.

Приведя затѣмъ еще нѣсколько стихотвореній Сибирякова, Свиньинъ заканчиваетъ: „Итакъ, милостивые государи господа иностранцы, не климатъ, не холодъ, не различіе классовъ притупляютъ способности ума и дарованія въ Россіи,—геній поэзіи, механики, гармоніи столько же не чуждъ русскому простолюдину, какъ и обитателю благорастворенннаго климата"; истинная причина въ томъ, что у насъ природные таланты не цѣнятся и не поощряются. [1])

Эти два сборника, видимо, имѣли успѣхъ (только не у публики) и побудили автора къ дальнѣйшей литературной дѣятельности. Ободренный этимъ успѣхомъ, Свиньинъ рѣшилъ издавать періодическій журналъ подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Чтобы понять, что значило и какихъ усилій стоило—въ описываемое время—получить право на изданіе, а затѣмъ вести его, необходимо припомнить, какой фазисъ переживала наша общественно-политическая жизнь и въ какихъ условіяхъ, въ частности, находилась тогда печать.

Возникновеніе „Отечественныхъ записокъ" совпало со временемъ расцвѣта реакціи, наступившей во второй половинѣ царствованія Александра I.

Ханжество и изувѣрство, сковавшія всѣ проявленія общественной жизни, дѣятельность Магницкаго и Аракчеева,—все это факты достаточно извѣстные. Остановимся нѣсколько на области, насъ въ данномъ случаѣ интересующей—на положеніи печатнаго слова.

Министромъ народн. просвѣщенія (и духовныхъ дѣлъ) съ 1817 г. (по 1824-й г.) состоялъ князь Голицынъ. Свой взглядъ на печать и свое къ ней отношеніе (послѣдовательно затѣмъ проведенное) кн. Голицынъ весьма опредѣленно выразилъ въ первомъ же своемъ циркулярѣ. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, Голицынъ разсылаетъ ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ циркуляръ, въ которомъ говоритъ между прочимъ: „...По соображеніямъ моимъ нахожу, что какъ до изданія устава о цензурѣ (1804 г.), такъ и послѣ того, вообще выходили и *могли* (?) выходить у насъ книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ духу правительства и религіи, могло, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени, весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство.... вводить и укоренить старается. Вслѣдствіе того, по долгу званія моего, обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, нетерпимыхъ нынѣ правительствомъ. Посему прошу предписать подвѣдомственному вамъ цензурному комитету, чтобы оный при разсмотрѣніи сочиненій, возобновляющихся тисненіемъ

---

[1]) Отеч. Зап. 1819 г. стр. 105, 119-120.

(во 2-й или 3-й разъ), наблюдалъ строжайше, чтобъ мѣста, содержащія въ себѣ мысли и *духъ*, противные религіи христіанской, обнаруживающія или вольнодумство безбожничества, невѣрія и неблагочестія, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія (sic!), или же опорочиванія догматовъ православной нашей церкви и т. п. были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились.“ [1])

Понятно, что Голицынъ и подвѣдомственные ему цензурные комитеты обрушились на печать со всѣмъ фанатизмомъ изувѣрства и мракобѣсія. Такъ послѣ цѣлаго ряда внушеній и выговоровъ былъ запрещенъ „Духъ журналовъ“. Вотъ нѣкоторые изъ поводовъ къ запрещенію этого журнала. Въ 20 № за 1818 г. была помѣщена рѣчь генералъ-губернатора кн. Репнина при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Полтавѣ и Черниговѣ, въ которой Репнинъ, между прочимъ, высказалъ, что настало время заняться благоустройствомъ внутреннихъ дѣлъ, что часть этой задачи должна быть разрѣшена дворянствомъ,—попеченіями этого сословія о судьбѣ крѣпостныхъ крестьянъ.

Кн. Голицынъ, считая рѣчь кн. Репнина недозволенною къ напечатанію, потребовалъ объясненія, почему въ журналѣ помѣщены „матеріи, которыя могутъ быть печатаемы только тогда, когда правительство, по усмотрѣнію своему, само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе“.

Въ заключеніе Голицынъ предлагаетъ обратить строгое вниманіе, чтобы въ журналахъ, „ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства“. [2]).

Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ внушеній Голицынъ, въ 1820 г. писалъ попечителю С.-Петербургскаго округа: „Въ періодическомъ изданіи, подъ названіемъ „Духъ журналовъ“, всегда замѣчаемы были мною мысли и изъясненія непозволительныя и противныя уставу о цензурѣ. Прежде неоднократно позволялъ себѣ издатель онаго возставать на распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по части мануфактурной, когда не позволяли ввозъ въ Россію чужестранныхъ произведеній; потомъ, когда по новому тарифу послѣдовало разрѣшеніе на свободный ввозъ оныхъ, журналъ сей осмѣлился критиковать и сіе распоряженіе, такъ что съ основательностью изъ сего можно заключать о намѣреніи издателя представлять въ глазахъ читателей своего журнала всѣ

---

[1]) Рус. Старина 1901 г. іюль стр. 154—155.

[2]) Русск. Ст. 1901 г. № 7, стр. 155. Скабичевскій. Очерки р. ценз. стр. 152—153.

распоряженія правительства, какія бы они ни были, необдуманными и противными общественной пользѣ, въ чемъ обнаруживается явное порицаніе монархическаго правленія (!). Вслѣдствіе сего изданіе „Духа журналовъ“ съ 1821 г. необходимо прекратить“. [1])

Въ 1819 г. подверглась гоненію, а затѣмъ и вовсе была изъята изъ обращенія, записка Ломоносова „О размноженіи и сохраненіи русскаго народа“, отысканная и напечатанная Олинымъ. Въ этой запискѣ Ломоносовъ, между прочимъ, возстаетъ противъ неравныхъ и насильственныхъ браковъ, противъ постриженія въ монахи вдовыхъ священниковъ, противъ грубыхъ ликованій въ праздники, и чисто внѣшняго соблюденія постовъ; указываетъ различные недостатки въ правахъ духовенства и т. д. И вотъ, предъ судомъ ханжей и пустосвятовъ тогдашняго министерства, Ломоносовъ оказался неблагонамѣреннымъ, и его записка была изъята изъ обращенія. [2])

Въ цѣлой массѣ аналогичныхъ фактовъ [3]) любопытно гоненіе, воздвигнутое на „таблицы чтенія для ученія по ланкастерской системѣ“. Основаніемъ, по которому Голицынъ требовалъ изъять упомянутыя таблицы, служило то, что въ нихъ, между прочимъ, приводились пословицы, казавшіяся князю „весьма безнравственными, безполезными или могущими служить поводомъ къ соблазну“.

Таковыми оказались, напримѣръ, пословицы: „Когда бы не Богъ, кто бы намъ помогъ“, „Не всякъ монахъ, на комъ клобукъ“, „Урвать, да уйти“, „Жаль друга, да не какъ себя“, „Горесть молчать не любитъ“, „Хоть биту быть, а за рѣку плыть“, „Воды и царь не уйметъ“, „Деньги и камень долбятъ“, „Тотъ смѣлъ, кто на коня сѣлъ“ и т. п.

Эти таблицы, съ помѣщенными въ нихъ поговорками, показались министру настолько вредными и опасными, что онъ, не ограничиваясь изъятіемъ ихъ изъ обращенія, вытребовалъ ихъ даже изъ Императорской публичной библіотеки, не смотря на

---

1) Русск. Стар. 1901 г. № 7 стр. 156. Скабичевскій, стр. 154.

2) Русск. Стар. 1901 г. № 7 стр. 162. Скабич. стр. 155.

3) Доходило дѣло иногда до того, что „Своя своихъ не познаша“. Такъ, когда знаменитый Магницкій прислалъ въ цензуру свою рукопись (но безъ подписи) „Нѣчто о конституціяхъ“, гдѣ доказывалъ *превосходство неограниченной монархіи* въ сравненіи съ конституціонной, то она была признана нецензурною. Мотивируя свое рѣшеніе, комитетъ говорилъ, между прочимъ, что онъ „не находитъ ни нужнымъ, ни полезнымъ въ государствѣ съ самодержавнымъ образомъ правленія разсуждать о конституціяхъ; правительству лучше извѣстно, что и когда сообщить публикѣ; частнымъ же лицамъ не слѣдуетъ писать о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то и другое нерѣдко бываетъ одинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ и заключеніямъ“. Сухомлиновъ. Изслѣдов. т. 1, ст. 428—429.

протестъ директора ея, Оленина, предлагавшаго хранить эти таблицы въ особой, секретной комнатѣ библіотеки. [1]).

Можно себѣ представить, чего стоило при этихъ условіяхъ получить право на изданіе новаго журнала, какимъ требованіямъ долженъ былъ удовлетворять, какими сверхъестественными добродѣтелями (въ извѣстномъ смыслѣ) долженъ былъ обладать ищущій этого права. Министерство „хваталось“ за самые ничтожные поводы, чтобы не дать разрѣшенія на новое изданіе [2]). Исключенія дѣлались только въ тѣхъ случаяхъ, когда издателями являлись люди со связями, чиновники, извѣстные своею благонамѣренностью. Такъ, напримѣръ, „магистру“ Сниткину, служившему въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, было охотно разрѣшено въ 1820 г. изданіе журнала „Невскій зритель“,—„какъ по ученой степени его, такъ и по сочиненію, показывавшему здравыя сужденія, ясное отношеніе (?) и чистоту языка“ [3]).

Понятно поэтому, что когда Свиньинъ, служившій, какъ было сказано, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и зарекомендовавшій себя двумя указанными сборниками, обратился съ ходатайствомъ о разрѣшеніи издавать ему журналъ „Отечественныя Записки“, то его ходатайство было удовлетворено. Ученый комитетъ заявилъ, что „журналъ этотъ, по своей цѣли и содержанію, будетъ весьма полезнымъ и совершенно отличнымъ отъ другихъ періодическихъ изданій, а редакторъ его, судя по прежнимъ его сочиненіямъ, въ состояніи совершить предпринятый имъ трудъ“ [4]).

Превратившись въ періодическій журналъ, „Отечествен. За-

---

1) Русская Старина 1901 г. № 7 стр. 164.

2) Напр., когда Бестужевъ обратился съ просьбою разрѣшить ему издавать съ 1819 года журналъ „Зимцерла“, то ему было отказано на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) „Программа журнала чрезвычайно обширна, требуетъ обширныхъ по всѣмъ статьямъ свѣдѣній и практической опытности, чего въ Бестужевѣ, по его слишкомъ молодымъ лѣтамъ (ему было 20 лѣтъ), нельзя ни предполагать, ни отрицать.

2) Хотя въ послужномъ спискѣ Бестужевъ значится, что онъ обучался многимъ языкамъ и наукамъ, однако, въ написанной имъ программѣ комитетъ не безъ удивленія замѣтилъ три ошибки противъ правописанія.

3) Бестужеву трудно будетъ совмѣстить службу (офицера) съ занятіемъ журналиста;

4) Многіе, особливо изъ молодыхъ людей, не принадлежащихъ къ сословію ученыхъ, предпринявъ изданіе журнала, прекращали его, отчего публика оставалась обманутою, а цензура терпѣла нареканіе“. Сухомлиновъ. Изслѣд. т. 1. стр. 450.

3) Сухомлиновъ. Изслѣдов. т. I стр. 451. Скабичевскій. Очерки стр. 150.

4) ibid.

писки“ сохранили тотъ же кладбищенски-елейный и патріотически-хвалебный характеръ съ потугами на ученость [1]).

Въ журналѣ помѣщались, преимущественно, матеріалы и изслѣдованія по русской исторіи, было помѣщено много статей о русскихъ древностяхъ, старинныхъ путешествіяхъ и т. п.

Но дѣло въ томъ, что источники статей и различныхъ историко-археологическихъ изслѣдованій,—обыкновенно, не указывались, они составлялись, по большей части, „отъ разума“, отчего являлось иногда, по деликатному выраженію Весина, „отсутствіе вѣрности въ описаніи событій“. Не даромъ же современники утверждали, что Свиньинъ составляетъ описанія своихъ путешествій, вовсе не бывая въ тѣхъ мѣстахъ, которыя описываетъ.

Издатель по прежнему любилъ распространяться о новыхъ открытіяхъ, о необыкновенныхъ талантахъ въ Россіи, и вообще отличался чрезвычайнымъ пристрастіемъ къ отечественному.

Какъ и въ сборникахъ, Свиньинъ въ своемъ журналѣ очень много говорилъ о подвигахъ и изобрѣтеніяхъ русскихъ „добрыхъ ремесленниковъ и смышленыхъ мужичковъ“, давая своимъ статьямъ такія названія: „Мясникъ-астрономъ“, „Чудный мальчикъ-живописецъ“, „Провинціальный оптикъ“ и т. д. [2]).

Курьезную сторону журнала составляли извѣстія о фамильныхъ праздникахъ, балахъ, завтракахъ, аукціонахъ, объ окраскѣ (цвѣтѣ) домовъ и т. п.

Помѣщались также некрологи, и притомъ въ слѣдующемъ, напр., порядкѣ: „Жизнеописаніе гр. Коновницына, Дюка де-Серра Капріола, тайнаго совѣтника Панова, одной почтенной дамы и цыганки Стеши“.

Иногда издатель дѣлалъ смѣшные промахи, говоря объ аѳинскомъ форумѣ, называя противолежащіе города и страны антиподами, смѣшивая Шепелева съ Шафировымъ, утверждая, что Мароа Посадница казнена Іоанномъ Грознымъ, что книгопечатаніе введено въ Россіи въ 1644 году и т. д. и т. д. [3]).

Но еще сильнѣе издатель „Отеч. Записокъ“ „провалился“, сказавъ, что зала библіотеки главнаго штаба имѣетъ въ вышину 100 аршинъ и затѣмъ, перемѣнивъ эту цифру на 10, а также заявивъ, что люстра въ той же библіотекѣ имѣетъ „1008 свѣтовъ“ и т. д. [4]).

---

[1]) Содержаніе первой книжки за 1820 г. слѣдующее:
1) Ипатіевскій монастырь. (Опять на первомъ планѣ „Святость“).
2) Красильниковъ—провинціальный оптикъ.
3) Изъ дневника партизана Давыдова.
4) Описаніе Костромского Успенскаго собора.
5) С.-Петербургская современная хроника.

[2]) Отеч. Зап. 1822 г. 1, 8, 9 стр. 42, 45, 98 и др.

[3]) Отеч. Зап. 1821 г. Ч. 7.

[4]) ib. Весинъ. Очерки исторіи рус. журналистики 20-хъ и 30-хъ гг. стр. 8—9.

Но и при такомъ, можно сказать, младенческомъ характерѣ, наивномъ до... святости, при всемъ безмѣрно-патріотическомъ направленіи, „Отечествен. Записки" Свиньина не избѣжали цензурныхъ каръ. Такъ, въ мартовской книжкѣ „Отеч. Записокъ" за 1830 г. Свиньинъ помѣстилъ было „Письмо въ Москву о маскарадѣ въ домѣ г-жи Энгельгардтъ". Эти маскарады, съ разрѣшенія начальства, имѣли общественный характеръ и посѣщались, преимущественно, лицами изъ высшихъ аристократическихъ слоевъ Петербурга. Возставая противъ общественныхъ увеселеній и въ частности маскарадовъ, авторъ говорилъ: „Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Неаполѣ обрадовались бы сей новости... ибо тамъ публика живетъ большую часть дня на улицахъ, проводитъ почти все свое время въ спектакляхъ, въ ресторацiяхъ, на гульбищахъ.. А у насъ, благодаря Бога, еще не вывелось старинное русское обыкновеніе предпочитать семейный родственный кругъ всѣмъ публичнымъ веселостямъ. Пока удержится сей благословенный обычай... до тѣхъ поръ подобныя предпріятія не удадутся въ православной Россіи! И такъ уже приняли мы многое отъ иностранцевъ, многое—противное нашему климату, нашимъ нравамъ, нашей, такъ сказать, природѣ..." Далѣе возражая тѣмъ, которые думаютъ, что эти маскарады даютъ возможность небогатымъ чиновникамъ доставлять своимъ семействамъ „удовольствія высшаго сословія", авторъ говоритъ: „Во 1-хъ, высшее сословіе наше не будетъ имѣть досугу и охоты посѣщать публичные маскарады" (у нихъ и безъ того много удовольствій). „Во 2-хъ, не ужъ-ли толкаться въ одной залѣ съ особами высшаго сословія—значитъ наслаждаться удовольствіями имъ свойственными"? Въ 3-хъ, чиновнику, имѣющему семейство изъ 5—6 „персонъ", накладно платить 10 рублей за входъ.

„Наконецъ... врядъ ли не болѣе истиннаго веселія въ собраніяхъ посредственнаго, равнаго состоянія... Я думаю даже, что въ землѣ, гдѣ положены непреодолимые преграды между сословіями, тамъ сближеніе оныхъ невозможно и даже вредно".

„А между тѣмъ, заканчиваетъ авторъ, подобные маскарады, развивая соревнованіе въ костюмахъ и зависть, потребуютъ большихъ расходовъ и могутъ разорить многихъ „небогатыхъ мужей".

Цензурный комитетъ не нашелъ возможнымъ пропустить эту статью, потому что тутъ „съ невыгодной стороны выставлялось общественное заведеніе, правительствомъ дозволенное и притомъ дважды удостоенное посѣщеніемъ Государя Императора".

Авторъ статьи, Свиньинъ, представилъ въ цензурный комитетъ объяснительную записку, въ которой говорилъ, что „желая остановить заблужденіе насчетъ маскарадовъ, онъ не могъ отказаться отъ обязательности—открыть глаза публикѣ и устыдить новыхъ просвѣтителей Россіи, кои хотятъ, чтобъ русскіе и ве-

селились не иначе, какъ по-французски. Поэтому онъ проситъ комитетъ внести статью его на разрѣшеніе высшаго начальства представляя причины, побудившія къ сочиненію оной".

Разсмотрѣвъ статью, главное управленіе нашло, что въ ней нѣтъ ничего, что могло бы подвергаться запрещенію, потому что „авторъ, какъ кажется, не думалъ представлять заведеніе г-жи Энгельгардтъ съ невыгодной стороны, а только хвалилъ россіянъ за то, что они вообще предпочитаютъ тихія семейныя удовольствія шумнымъ публичнымъ праздникамъ, каковы маскарады" [1]).

Послѣ этого разъясненія, статья была помѣщена уже въ апрѣльской книжкѣ журнала за 1830 годъ.

Въ томъ же 1830-мъ году главное управленіе, находя много непозволительныхъ мѣстъ въ статьѣ (предположенной для окт. и ноябрьской книж.) подъ заглавіемъ: „Замѣтки на записки Манштейна", гдѣ описывались „многія событія при Высочайшемъ дворѣ", дозволило напечатать эту статью не иначе, какъ съ тѣми измѣненіями, которыя сдѣлалъ членъ главнаго управленія, статсъ-секретарь Блудовъ [2]).

Въ 1830-мъ же году, согласно съ мнѣніемъ управляющаго главнымъ штабомъ, графа Чернышева, не были позволены къ напечатанію нѣкоторые „листки"—корреспонденціи, составленные русскими офицерами подъ Варной (во время турецкой войны). Графъ Чернышевъ просилъ: 1. „Помѣщенное въ рукописи описаніе заразы, свирѣпствовавшей въ Варнѣ въ 1829-мъ году, вовсе исключить, или, по крайней мѣрѣ, сколь можно смягчить всѣ тѣ мѣста, гдѣ о ней упоминается. Сіе нужно какъ потому, что само правительство въ свое время считало излишнимъ обнародовать въ подробности о существованіи заразы, какъ и для того, что обстоятельное описаніе всѣхъ бѣдствій, оною причиненныхъ, легко можетъ произвести на нѣкоторые умы неблагопріятное и даже вредное впечатлѣніе" [3]).

Въ виду такого заявленія, цензурнымъ комитетомъ были выброшены въ „Отеч. Запискахъ" всѣ мѣста, гдѣ говорилось о существованіи въ Варнѣ заразы, и оставлены лишь сообщенія, что „зараза" прекратилась, и что, по этому случаю, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ [4]).

Во 2-хъ, гр. Чернышевъ требовалъ, чтобъ помѣщенное въ № 9-мъ „Отеч. Записокъ" извѣстіе изъ Шумлы о томъ, что турки во время переговоровъ о мирѣ „нечаянно" вырѣзали передовой отрядъ въ 300 человѣкъ, было выброшено при печата-

---

1) Рус. Старина 1901 г., № 9, стр. 650—651.
2) ibid. стр. 659.
3) Рус. Старина 1901 г., № 9 стр. 660.
4) Отеч. Записки 1830 г., стр. 78—79.

нія, „ибо извѣстіе сіе, изъ уваженія къ обстоятельствамъ“, было признано „ненужнымъ для всеобщаго свѣдѣнія“ [1]).

Въ 1831 г., по недостатку подписчиковъ, Свиньинъ прекратилъ изданіе „Отечественныхъ Записокъ“. Въ 1838 г. Свиньинъ пытался было воскресить свой журналъ и издавалъ его нѣсколько мѣсяцевъ, но дѣло опять не пошло, послѣ выхода нѣсколькихъ книжекъ, журналъ пріостановился. „Отечеств. Записки“ снова были вызваны къ жизни Краевскимъ.

II.

Во второй половинѣ 1838 г. Краевскій, получившій уже нѣкоторую извѣстность, какъ редакторъ „Литературныхъ прибавленій къ Инвалиду“, задумалъ расширить свои литературныя предпріятія.

Онъ и раньше дѣлалъ попытки въ этомъ направленіи, но безуспѣшно, такъ какъ изданіе новыхъ журналовъ, и всегда съ трудомъ разрѣшаемое, къ этому времени было вовсе запрещено. [2])

А между тѣмъ „лавры“ Сенковскаго положительно не давали спать Краевскому. „Успѣхъ „Библіотеки для чтенія“, говоритъ Панаевъ, не могъ не подѣйствовать на редактора „Литературныхъ прибавленій“. Пять тысячъ подписчиковъ [3])—какая пріятная цифра! О роскоши, съ которою жилъ редакторъ „Библіотеки“, носились тогда преувеличенные, чуть не баснословные слухи... И всѣмъ этимъ остроумный профессоръ восточныхъ языковъ, пожаловавшій самъ себя въ бароны, былъ обязанъ *журналу*. Слѣдовательно, большой журналъ—хорошее коммерческое предпріятіе.“ [4])

Тогда Краевскій рѣшилъ пріобрѣсти у Свиньина его „Отеч. Записки“, которыя уже окончательно умирали вмѣстѣ со своимъ владѣльцемъ—издателемъ. Въ виду полнаго неуспѣха (матеріальнаго и нравственнаго) „Отечеств. Записокъ“ и своего стѣсненнаго положенія, Свиньинъ уступилъ Краевскому „Отеч. За-

---

[1]) Рус. Старина 1901 г., № 9, стр. 661.

[2]) Въ 1836 г. Краевскій задумалъ издавать вмѣстѣ съ Одоевскимъ новый журналъ и обратился съ просьбою объ этомъ къ министру Уварову. Послѣдній представилъ программу журнала съ ручательствомъ за благонамѣренность редакторовъ на Высочайшее усмотрѣніе. Государь на представленіи Уварова о новомъ журналѣ написалъ: „И безъ того много“. Послѣ этого Уваровъ разсылаетъ циркуляръ, въ которомъ говоритъ, что „представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время запрещается“. Образованіе 1903 г., № 10, стр. 103.

[3]) „Библ. для чт.“, замѣчаетъ Панаевъ, въ 1-й годъ своего существованія имѣла 5 тысячъ подписчиковъ—цифра, до которой не достигалъ ни одинъ изъ журналовъ того времени“.

[4]) Воспоминанія, стр. 164.

писки" „въ аренду" съ тѣмъ, чтобы послѣдній выплачивалъ ему по 5 тысячъ рублей ежегодно.

Краевскій принялъ эти условія и составилъ нѣчто въ родѣ небольшого акціонернаго общества изъ нѣсколькихъ своихъ пріятелей и пріятелей этихъ пріятелей, при чемъ каждый пайщикъ обязывался внести 3 тысячи рублей. [1])

Но благодаря судьбѣ и своей „практичности", Краевскій въ первый же годъ освободился отъ арендной платы и сдѣлался полнымъ хозяиномъ „Отеч. Записокъ". Въ апрѣлѣ 1839 г. Свиньинъ умеръ. Краевскій тотчасъ же подаетъ прошеніе объ утвержденіи его редакторомъ и о предоставленіи ему права на изданіе журнала. Это ходатайство Краевскаго было удовлетворено.

Главное управленіе цензуры, „принимая въ уваженіе благонамѣренный духъ, въ которомъ составлены вышедшіе (до апрѣля) подъ редакціею Краевскаго нумера, равномѣрно обязанности принятыя предъ подписчиками сего журнала, не усмотрѣло повода затруднять дальнѣйшее изданіе онаго и согласилось на передачу „Отеч. Записокъ" Краевскому" [2]).

Претендентомъ на „Отеч. Записки" явился было и Рафаилъ Зотовъ, который, ходатайствуя о предоставленіи ему права на изданіе „Отеч. Записокъ", писалъ Уварову: „Смѣю увѣрить ваше высокопревосходительство, что съ усердіемъ и преданностью къ особѣ вашей буду я соображаться съ тѣмъ благотворнымъ направленіемъ литературы и просвѣщенія, которое дано вашими попеченіями для благоденствія Россіи. Симъ надѣюсь я заслужить ваше милостивое вниманіе" [3]).

Ходатайство это не имѣло успѣха, и „Отеч. Записки" остались за Краевскимъ. Но вдова Свиньина потребовала выдачи ей ежегодно 5 тысячъ рублей, по условію, заключенному съ мужемъ. Краевскій отказалъ. Тогда былъ назначенъ третейскій судъ, въ составъ котораго вошли: Плетневъ, Дуббельтъ и Вл. И. Плетневъ. Судъ высказался въ пользу Краевскаго, и вдова осталась не причемъ.

Этотъ поступокъ Краевскаго наложилъ первое (изъ крупныхъ-то) пятно на личность редактора обновленныхъ „Отеч. Записокъ", давъ основаніе къ нападкамъ противъ него и въ литературѣ, и въ обществѣ. Апологетъ Краевскаго, г. Зотовъ, впослѣд-

---

[1]) Панаевъ въ числѣ пайщиковъ называетъ Одоевскаго, Всеволожскаго, Мундта, Владиславлева и др.

Я впрочемъ, прибавляетъ Панаевъ, (онъ тоже былъ пайщикомъ) не внесъ своихъ денегъ, Краевскій и не требовалъ съ меня, потому, вѣроятно, что набралъ достаточную сумму. Воспоминанія, стр. 165.

[2]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Т. 5, стр. 453.

[3]) Ibid.

ствія (въ 1889 г.) защищая его отъ различныхъ обвиненій и считая ихъ вымышленными недоброжелателями Краевскаго, главнымъ виновникомъ ихъ распространенія называетъ И. Панаева. „Этотъ литературный хлыщъ,—говоритъ Зотовъ, имѣя самъ очевидно какой-то „зубъ“ противъ Панаева,—былъ всю жизнь врагомъ Краевскаго“. Какія же данныя приводитъ самъ Зотовъ въ защиту Краевскаго? Буквально одну только фразу: „Такъ какъ право на изданіе „Отечественныхъ Записокъ“ было утверждено за Краевскимъ, то условіе его съ покойнымъ Свиньинымъ уничтожалось само собою“ [1]). Но это же самое основаніе, выставленное самимъ Краевскимъ, приводитъ и Панаевъ, прибавляя лишь: „Тогда третейскій судъ прибѣгнулъ къ великодушію Краевскаго и хотѣлъ смягчить его сердце бѣдственнымъ положеніемъ вдовы Свиньина. Успѣлъ-ли онъ въ этомъ, замѣчаетъ Панаевъ, не знаю“.... [2])

Какъ бы то ни было, Краевскій приступилъ къ изданію „Отечественныхъ Записокъ“ и употребилъ всѣ усилія, чтобы обновленный журналъ произвелъ впечатлѣніе на публику. Объявленіе объ изданіи „Отечеств. Записокъ“ подъ новою редакціею было не безъ эффекта.

„Цѣлью ихъ будетъ, говорилось здѣсь, способствовать, сколько возможно, русскому просвѣщенію по всѣмъ его отраслямъ, передавая отечественной публикѣ все, что только можетъ встрѣтиться въ литературѣ и жизни замѣчательнаго, полезнаго и пріятнаго, все, что можетъ обогатить умъ знаніями или настроить сердце къ воспріятію впечатлѣній изящнаго, образовать вкусъ“. Въ числѣ сотрудниковъ было помѣчено „чуть-ли не до ста именъ различныхъ петербургскихъ и московскихъ ученыхъ и литераторовъ“ [3]).

Программа журнала была обширна и разнообразна, именно: 1) Современная хроника Россіи. 2) Науки и художества. 3) Словесность. 4) Домоводство, сельское хозяйство и промышленность. 5) Критика и библіографія. 6) Смѣсь и моды.

Первое мѣсто назначалось извѣстіямъ о текущихъ современныхъ успѣхахъ Россіи во всѣхъ направленіяхъ общественной жизни, въ особенности просвѣщенія, литературы, искусства, промышленности. Редакторъ ручался, что „сужденія журнала будутъ чистосердечны, проистекать отъ полноты внутренняго убѣ-

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ“ 1889 г. Ноябрь стр. 369.

[2]) Воспоминанія, стр. 166—167. Нужно сказать, что бѣдственное положеніе вдовы не смягчило сердца Краевскаго.

[3]) Панаевъ. Воспоминанія. Собственно всѣхъ литераторовъ и ученыхъ, обѣщавшихъ свое участіе въ журналѣ было 126 человѣкъ, въ томъ числѣ почти всѣ замѣчательные представители науки и литературы. Словарь Брокгауза, т. 43, стр. 415.

жденія и оставаться чуждыми какихъ-либо мелкихъ, постороннихъ отношеній".

Не мудрено, что о журналѣ еще заранѣе ходили различные доброжелательные и враждебные слухи.

1-го января 1839 г. книжка явилась.

„Это была впрочемъ, замѣчаетъ Панаевъ, не книжка, а книжища, вдвое—если не болѣе—толще „Библіотеки для чтенія". Всѣ любители литературы съ любопытствомъ бросились смотрѣть на нее и вотъ:

„Громада двинулась и разсѣкаетъ волны"... [1])

Первая книжка „Отечественныхъ Записокъ", равно какъ и слѣдующія, произвели сильный эффектъ. „Отечеств. Записки", по выраженію Панаева, „подняли шумъ въ литературныхъ кружкахъ и съ одобреніемъ были встрѣчены публикою". Это и неудивительно. Въ первыхъ же книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ" явились: Лермонтовъ съ своею „Бэлою" и нѣсколькими стихотвореніями, Кольцовъ съ своими „Пѣснями", гр. Соллогубъ со своими „Калошами", [2]) князь Одоевскій и др.

Особенность журнала, выгодно его отличавшую, составлялъ также отдѣлъ „Современная хроника Россіи". До того времени русскіе журналы не давали ничего подобнаго. Статьи этого отдѣла представляли довольно живую и подробную передачу всѣхъ замѣчательныхъ явленій русской жизни. Кромѣ того, возобновленіе „Отечеств. Записокъ" пришлось „кстати". „Библіотека для чтенія" начинала уже прискучивать публикѣ повтореніемъ своихъ остротъ и шуточекъ; многихъ оскорбляли ея глумленіе надъ литературой; послѣ похвалъ Кукольнику и брани по адресу Гоголя, критическій авторитетъ „Б. для чт." совершенно поколебался.

„Потребность новаго журнала съ направленіемъ болѣе дѣльнымъ, который обнаруживалъ бы большее уваженіе къ литераторамъ и публикѣ, чувствовалась всѣми,— и въ такую то благопріятную минуту появились „Отечеств. Записки". Немудрено, что онѣ сочувственно были встрѣчены и литературой, и публикой.

„О „Запискахъ" скажу, писалъ, напр., Хомяковъ Веневитинову, что журналъ хорошъ, т. е. лучшій у насъ, и истинно хорошъ литературно; но не худо бы издателю нѣсколько воспользоваться примѣромъ „Библіотеки" по части ученой. Это въ „Библіотекѣ" хорошо и достойно подражанія (?!). Повѣсть гр. Сологуба хороша, Одоевскаго хороша также, но не изъ лучшихъ его произведеній. Стихи почти всѣ плохи. Графини Растопчиной

---

[1]) Панаевъ. Воспоминанія, стр. 167.

[2]) Бѣлинскій писалъ Панаеву изъ Москвы: „Какая прекрасная повѣсть „Исторія двухъ калошъ", гр. Соллогуба. Чудо! прелесть! сколько душевной теплоты, сколько простоты, вездѣ мысль...". Пыпинъ. т. I, стр. 267.

стихи не дурны, но холодны... Вообще журналъ чистъ, благороденъ и обѣщаетъ много. Скажи издателямъ, что они насъ радуютъ, и дай Богъ имъ здоровья. Вы трудитесь, а мы лѣнтяи..."[1]).

Новый журналъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ встрѣченъ враждебно знаменитымъ тріумвиратомъ. Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій открыли противъ „Отеч. Записокъ" настоящую войну, пуская въ ходъ всевозможныя средства—и явныя и тайныя. „Война эта, говоритъ Панаевъ, упорно продолжалась около пятнадцати лѣтъ и возобновлялась съ особеннымъ ожесточеніемъ осенью, при подпискѣ, нисколько, разумѣется, не вредя (?) „Отечествен. запискамъ", потому что число подписчиковъ ихъ возрастало съ каждымъ годомъ. [2])

Въ своей ожесточенной враждѣ къ нежданному и опасному конкурренту „старики-журналы" и ихъ владѣльцы, привыкшіе смотрѣть на журналистику, какъ на свою монополію, не останавливались ни передъ чѣмъ, лишь бы уронить новый журналъ въ глазахъ читателей и „правящихъ сферъ", все равно—будетъ ли то наглая „критика" или одна изъ многочисленныхъ формъ доноса.

Указывая на эту сторону дѣла, „Отеч. записки" писали въ первыхъ же книжкахъ:

„...Говорить ли о тѣхъ нападеніяхъ, которыя были сдѣланы на „Отеч. Записки" нѣкоторыми изъ журналовъ? Мы чужды самолюбія и готовы принять всякій добрый совѣтъ, но къ сожалѣнію, мы такихъ совѣтовъ не встрѣчали. Люди, о которыхъ мы говоримъ, напечатали до 25 статей противъ нашего журнала до его появленія, а другія 25 послѣ выхода первой книжки. Изъ сего уже видно, до какой степени простиралась благоразумная предусмотрительность сихъ журналовъ. Въ этихъ статьяхъ намъ старались доказать, что нѣкоторые изъ существующихъ русскихъ періодическихъ изданій очень бы могли удовлетворить жажду публики къ журнальному чтенію и что, слѣдовательно, очень бы полезно было, если бы „Отеч. Записки" вовсе не издавались".)

Въ другомъ объявленіи „отъ редакціи" говорилось: „На „Отеч. Записки" сдѣлано было, послѣ выхода первой книжки, достаточное количество гласныхъ и негласныхъ, прямыхъ и косвенныхъ нападеній... Многіе благомыслящіе люди извѣщали редакцію, что эти нападенія приводятъ въ недоумѣніе читателей, особенно въ провинціи, гдѣ неизвѣстны всѣ закулисныя тайны чернильнаго міра. Многіе спрашиваютъ, какъ осмѣливаются литературные промышленники взводить невѣроятныя, столь же нелѣпыя, сколь

---

1) Барсуковъ. Т. 5, стр. 452.

2) Воспоминанія, стр. 170.

3) Отеч. зап. 1839 г. т. 5

и грубыя небылицы на изданіе, въ которомъ участвуютъ всѣми безпрекословно уважаемые русскіе литераторы и ученые, когда вся редакція, всѣ участники на лицо и могутъ однимъ словомъ опровергнуть (?) черную клевету, на нихъ взводимую". (Обвиненіе касалось мнимой политической неблагонадежности).

Дальнѣйшія замѣчанія редакціи любопытны въ томъ отношеніи, что дали поводъ къ новому косвенному доносу.

„Редакція „Отеч. Записокъ", говорилось здѣсь, находится вынужденной объявить одинъ разъ навсегда своимъ читателямъ слѣдующее: „Отеч. Записки" предприняты не для перебранки съ тою промышленностью, которая подъ личиною литературныхъ правъ старается для своихъ корыстныхъ видовъ уронить всякаго писателя, уважающаго свое званіе и непричастнаго книжноторговымъ сплетнямъ и спекуляціямъ на легковѣріе читателей... Съ другой стороны, благосклонный пріемъ „Отечествен. Записокъ" публикою показываетъ, что время спекуляторовъ прошло, что читатели начинаютъ ясно видѣть проказы этихъ господъ и отличать настоящую литературу отъ *биржевой*, труды въ полномъ смыслѣ литературные отъ дерзкихъ усилій нажиться посредствомъ литературы, что рано или поздно *коммерческая* литература, безславящая настоящую, погрузится въ забвеніе".

Узнавъ себя въ этомъ изображеніи и подхвативъ подчеркнутыя выраженія, „Сынъ отечества" и „Сѣверная пчела" употребили ихъ, какъ своеобразный полемическій пріемъ (для нихъ обычный).

„Зачѣмъ, спрашивалъ съ ехидной ужимкой „Сынъ отечества", издатели „Отечественныхъ Записокъ" называютъ литературу *биржевою и коммерческою* спекуляціею? Тѣмъ и другимъ названіемъ означаются у насъ почтенныя занятія купца и негоціанта, и употребляя слова не въ настоящемъ смыслѣ, можно оскорбить неумышленно". [1])

„Очевидно, замѣчаетъ по этому поводу одинъ историкъ старинной журналистики, что у „Сына отечества", подчеркнувшаго слова—биржевой, коммерческій, купецъ, негоціантъ, была какая-то задняя мысль. Не хотѣлъ ли этимъ „Сынъ отечества" повредить „Отеч. Запискамъ" въ средѣ названныхъ лицъ и набросить на журналъ отчасти нигилистическій оттѣнокъ". [2])

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ „полемическихъ красотъ" Греча и Булгарина.

„Намъ кажется, писалъ „Сынъ отечества", разбирая первыя книжки „Отечеств. Записокъ", что статьею о трюфеляхъ и о томъ, какъ въ Голштиніи производятъ ягнятамъ прививку оспы подъ

---

1) Сынъ Отечества 1839 г. т. 7, стр. 97.

2) Весинъ. Очерки исторіи русской журналистики 20-хъ и 30-хъ гг. стр. 262.

хвостомъ, обѣщанія издателей не выполняются удовлетворительно. Отдѣленіе литературы и художествъ весьма сжалось. Но читатели могутъ утѣшиться отдѣленіемъ библіографіи и критики, гдѣ „Отеч. Записки", что называется, „разгулялись", помѣстивъ на 104 стр. извѣстія о 51 книгѣ. Тутъ достается отъ нихъ тѣмъ, кто имъ не нравится, и очень многому тутъ можно поучиться". [1])

Пустивъ въ ходъ доносы и „полемику", Булгаринъ не прочь былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мирнымъ, дипломатическимъ путемъ обезвредить опаснаго конкуррента. Вскорѣ по возникновеніи „Отеч. Записокъ" Булгаринъ, встрѣтившись какъ-то съ Краевскимъ, предложилъ послѣднему просто-на-просто присоединиться къ союзу монополистовъ журналистики (образовавъ нѣчто въ родѣ синдиката) и сообща съ ними управлять дѣлами литературы. Но Краевскій не пожелалъ вступить въ „открытый конкубинатъ" съ Гречемъ и Булгаринымъ и отвергъ ихъ предложеніе. [2])

Тогда Булгаринъ и Гречъ открыли настоящую травлю, стараясь „не мытьемъ, такъ катаньемъ" донять опаснаго врага.

Такъ, Никитенко описываетъ „постыдный заговоръ" противъ редактора „Отеч. Записокъ", свидѣтелемъ котораго онъ самъ былъ. Послѣ того, какъ въ „Отеч. Запискахъ" появился неблагосклонный разборъ лекцій Греча, послѣдній вознамѣрился отмстить Краевскому уже не словомъ, а дѣломъ. Краевскій былъ долженъ типографщику Фишеру за печатаніе „Литературныхъ прибавленій" 3 тыс. рублей. „Гречъ, разсказываетъ Никитенко, научилъ Фишера подать просьбу въ почтамтъ, чтобы тамъ задерживали деньги, присылаемыя въ редакцію на подписку, и самъ вызвался помочь ему въ этомъ своими связями. Объ этомъ-то происходило совѣщаніе между Гречемъ, Фишеромъ и еще третьимъ лицомъ. Я нечаянно очутился тутъ-же (совѣщаніе происходило въ квартирѣ Греча). Гречъ клялся, продолжаетъ Никитенко, что онъ погубитъ „Отеч. Записки" и „Литерат. прибавл.". И дѣйствительно, если у редактора остановить на почтѣ подписныя деньги, которыхъ у него вообще не много, ему не на что будетъ печатать журналъ въ слѣдующемъ году. Благодушный совѣтъ этого именно и добивается. Я съ отвращеніемъ слушалъ всѣ эти мерзости... Вотъ руководители нашего общества на поприщѣ умственныхъ подвиговъ! Вотъ ревнители о нашемъ убогомъ просвѣщеніи:" [3])

Съ своей стороны „Отеч. Записки", сплотивъ вокругъ себя свѣжія и лучшія силы, поставили одной изъ главныхъ своихъ задачъ—борьбу съ литературной протекціей, монополіей и опекой.

„Трудно понять, говоритъ Анненковъ, ту степень негодова-

---

1) Сынъ отечества 1839 г. ч. 7 стр. 89.

2) Анненковъ. Замѣчат. десятилѣтіе. Вѣстн. Евр. 1880 г. кн. I, стр. 225—226.

3) Дневникъ. Т. 1, стр. 402—403.

нія, какую возбуждали органы этой самозванной опеки надъ литературой въ людяхъ, желавшихъ сохранить, по крайней мѣрѣ, за этимъ отдѣломъ общественной дѣятельности нѣкоторый призракъ свободы и человѣческаго достоинства. При отсутствіи общественныхъ и политическихъ интересовъ, бороться съ тріумвиратомъ становилось почти дѣломъ чести... Вражда къ тріумвирату еще болѣе усилилась, когда состоялось распоряженіе вовсе не допускать соперничества журналовъ и терпѣть одни уже существующія, что приравнивало органы тріумвирата къ концессіямъ желѣзныхъ дорогъ съ гарантіей отъ правительства". [1])

Поэтому-то „новый кличъ" „Отеч. Записокъ" собралъ подъ свое знамя много литературныхъ силъ, готовыхъ послужить дѣлу освобожденія журналистики отъ наглаго тріумвирата и придать ей „человѣческое достоинство". Бѣдные и богатые, по выраженію Анненкова, принялись работать на журналъ Краевскаго почти безъ вознагражденія или за ничтожное вознагражденіе, давая этимъ средства издателю бороться съ комплотомъ аферистовъ и монополистовъ журналистики.

III.

Не смотря на травлю, которой подвергались „Отечеств. Записки", несмотря на всѣ дрязги, новый журналъ сразу же прочно сталъ на ноги и возбудилъ интересъ въ читающей публикѣ. Всѣ отдѣлы журнала были интересны и содержательны.

Слабъ былъ лишь отдѣлъ критики. Краевскій сознавалъ, что для журнала необходимъ критикъ. Но откуда взять его?

Когда Панаевъ предложилъ Краевскому пригласить Бѣлинскаго, то Краевскій отвергъ это предложеніе, сказавъ, что онъ не хочетъ связываться *съ мальчишками—крикунами* [2]).

Выборъ Краевскаго палъ сначала на нѣкоего Межевича, на котораго Краевскій почему-то возлагалъ блестящія надежды и встрѣтилъ прямо съ восторгомъ.

Но надежды Краевскаго на Межевича очень скоро рухнули,— онъ оказался совершенно не способнымъ къ порученной ему роли, и послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ дебютовъ Краевскій убѣдился, что надо „искать" другого критика. Панаевъ снова указалъ на Бѣлинскаго.

Краевскій, какъ казалось Панаеву, теперь былъ бы и не

---

[1]) Замѣчат. десятилѣтіе. В. Е. 1880 г. кн. I, стр. 224.

[2]) Панаевъ. Воспоминанія.

У Краевскаго съ Бѣлинскимъ еще до этого шли переговоры и переписка объ участіи послѣдняго въ „Литер. прибавлен.". Но они не привели къ положительнымъ результатамъ. Отчетъ Импер. Публ. библ. 1889 г. приложенія. Пыпинъ т. I.

прочь отъ этого, но „изъ гордости" не хотѣлъ лично обратиться къ Бѣлинскому. Тогда Панаевъ взялъ на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что дѣла Бѣлинскаго въ Москвѣ и въ частности въ „Наблюдателѣ" были въ самомъ печальномъ положеніи.

Еще въ началѣ 1839 г. Бѣлинскій писалъ Панаеву: „Вотъ въ чемъ дѣло: *я не могу издавать „Наблюдателя"... и нахожу себя принужденнымъ нынѣ отказаться отъ него.* [1]) Но между тѣмъ—мнѣ надо чѣмъ-нибудь жить, чтобъ не умереть съ голоду.

Въ Москвѣ нечѣмъ мнѣ жить—въ ней, кромѣ любви, дружбы, нищеты и подобныхъ тому непитательныхъ блюдъ, ничего не готовится.

Мнѣ надо ѣхать въ Питеръ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Прибѣгаю къ вашему ко мнѣ расположенію—похлопочите объ устроеніи моей судьбы".

Указавъ далѣе на то, что для Краевскаго, заваленнаго работой, онъ будетъ не малою подмогою, такъ какъ, взявъ на себя критическій и библіографическій отдѣлъ, сталъ бы „поставлять" въ каждую книжку „Отеч. записокъ" отъ двухъ до пяти листовъ, Бѣлинскій продолжаетъ:

„...Но главное вотъ въ чемъ: безъ 2.000 мнѣ нельзя даже и пѣшкомъ пройти заставу; около этой суммы на мнѣ самаго важнаго долгу, а сверхъ того, я хожу, какъ нищій, въ рубищѣ. Кромѣ Краевскаго, поговорите и съ другими: я продаю себя всѣмъ и каждому отъ Сеньковскаго до (тьфу ты гадость какая!) Булгарина,—кто больше дастъ, не стѣсняя при томъ моего образа мыслей, выраженія, словомъ *моей литературной совѣсти*, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли.

Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій или голодная смерть,—у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть, какъ собакѣ, нежели живому отдаться на позорное съѣденіе псамъ.... Что дѣлать, я такъ созданъ" [2]).

Панаевъ ревностно принялся за хлопоты, при каждомъ удоб-

---

[1]) Причины этого, по замѣчанію Панаева, заключались въ строгости цензуры и въ размолвкѣ Бѣлинскаго съ нѣкоторыми изъ московскихъ друзей. О московской цензурѣ Бѣлинскій писалъ Панаеву: „...Въ Москвѣ издавать журналъ не то, что въ Петербургѣ: въ нашей цензурѣ (московской) царствуетъ совершенный произволъ, вымарываютъ большей частію *либеральныя* мысли, подобныя слѣдующимъ: 2×2—4, зимою холодно, а лѣтомъ жарко, въ недѣлѣ 7 дней, а въ году 12 мѣсяцевъ. Кромѣ того, задерживаютъ по нѣсколькимъ недѣлямъ нумера журнала". Бѣлинскій очень скоро убѣдится, что петербургская цензура нисколько не лучше, если не хуже московской.

[2]) Панаевъ. Воспоминанія. Стр. 366-367. Курсивъ Бѣлинскаго.

номъ случаѣ заводя съ Краевскимъ разговоръ на счетъ Бѣлинскаго; 26-го февраля Панаевъ уже извѣщалъ Бѣлинскаго, что редакторъ „Отеч. Записокъ“ готовъ доставить ему работу по русской библіографіи и театральной критикѣ, что могло приносить отъ 100 до 250 р. асс. въ мѣсяцъ.

Между тѣмъ Бѣлинскій, не покидая надежды обновить „Наблюдатель“, передумалъ и на нѣкоторое время опять остался въ Москвѣ. „Дѣло кое-какъ передѣлалось—и я опять москвичъ“, пишетъ онъ Панаеву.

Снова взялся Бѣлинскій за „Наблюдателя“ и выпустилъ еще нѣсколько книжекъ.

Но уже вскорѣ онъ былъ вынужденъ окончательно бросить изданіе и жалѣлъ, что отказался отъ предложенія.

Къ этому времени (въ апрѣлѣ) пріѣхалъ въ Москву Панаевъ, и Бѣлинскій откровенно разсказалъ ему, что находится въ отчаянномъ положеніи. Дѣла „Наблюдателя“ шли худо, издатель (Степановъ) платилъ Бѣлинскому за его труды самыя ничтожныя деньги и то въ неопредѣленные сроки.

„Я охотно переѣхалъ бы въ Петербургъ, снова повторяетъ Бѣлинскій, и взялъ бы на себя весь критическій отдѣлъ журнала, если-бы могъ получить 3 т. р. асс. Неужели я не стою этой платы? А здѣсь я рѣшительно не могу оставаться, мнѣ просто здѣсь грозитъ голодная смерть“.... [1]).

Панаевъ снова написалъ Краевскому, что Бѣлинскій предлагаетъ ему свое сотрудничество, что недурно было бы перепечатать въ „Отеч. Запискахъ“ статью Бѣлинскаго о „Сынѣ отечества“, что у Бѣлинскаго есть прекрасная статья о Менцелѣ.

На это былъ полученъ утвердительный отвѣтъ—сотрудничество Бѣлинскаго принималось съ радостію.

„Прошу у Бѣлинскаго статью о Менцелѣ, писалъ Краевскій, и *душевно радъ его будущему сотрудничеству. Поклонъ ему отъ меня низкій*“ [2]).

На Бѣлинскаго этотъ отвѣтъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе Онъ повеселѣлъ.

Краевскій почувствовалъ необходимость прибѣгнуть къ *крикуну-мальчишкѣ* для поддержанія своего журнала.

Перемѣна жизни и возможность расплатиться съ долгами весьма улыбались ему.

Въ іюлѣ Бѣлинскій самъ пишетъ Краевскому, обѣщаетъ работать въ обоихъ журналахъ, предлагаетъ свои готовыя и начатыя статьи.

---

1) Панаевъ. Воспомин. стр. 373. Пыпинъ т. I. стр. 268.
2) Панаевъ. Воспомин. стр. 253. Пыпинъ. Т. I стр. 275.

Что касается денежныхъ условій своей работы, то это онъ вполнѣ предоставляетъ самому редактору, въ увѣренности, что послѣдній „не поставитъ его ниже другихъ и будетъ руководствоваться однажды принятымъ имъ правиломъ по этому предмету“.

Краевскимъ были предложены, а Бѣлинскимъ приняты слѣдующія условія. Краевскій долженъ былъ выслать ему къ осени незначительную сумму на уплату долговъ и на отъѣздъ, и обязался платить ему 3500 р. асс. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы Бѣлинскій принялъ на себя весь критическій и библіографическій отдѣлъ „Отеч. Записокъ“ [1])

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Краевскому Бѣлинскій говоритъ: „Отеч. Записки“ и „Литер. Прибавленія“—*наше* общее дѣло: отнынѣ я ихъ и душою и тѣломъ, ихъ интересы — мои интересы. По пріѣздѣ въ Питеръ докажу вамъ это на дѣлѣ“.—Поговоривъ о нѣкоторыхъ литературныхъ новостяхъ, Бѣлинскій продолжаетъ: „Бога ради, Андр. Ал., какими судьбами попала въ „От. Зап.“ гнусная статья пошляка, педанта и школяра Давыдова?.. Извините за откровенность, но во мнѣ кровь заговорила. „Отеч. Записки“ журналъ теперь единственный въ Россіи по внутреннему достоинству: зачѣмъ же пятнать его такими нечистотами?“ [2]).

Въ письмѣ отъ 24 августа Бѣлинскій пишетъ Краевскому „Посылаю вамъ тетрадь рецензій и прошу васъ обратить вниманіе на первую рецензію о рѣчахъ университетскихъ: я писалъ ее *съ задоромъ*... Теперь перелистываю 8 № „Отеч. Зап.“. Повѣсти Корфа боюсь, но прочту. Стих. Лермонтова „Три пальмы“ чудесно, божественно. Боже мой! Право, въ немъ таится что-то великое... Пѣсни народныя интересны. Современная библіогр., хроника *вся*, отъ первой до послѣдней страницы, жива и интересна. Ученыя и по части искусствъ статьи, смѣсь—все это возбуждаетъ живѣйшее любопытство... Славный №! Славный вашъ журналъ, дай ему Богъ здоровья!.. Небольшія измѣненія, сдѣланныя вами въ моихъ статейкахъ, очень хороши, и я вполнѣ доволенъ ими“... [3]).

Съ іюля 1839 г. началось сотрудничество Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“, а въ октябрѣ онъ окончательно переселился въ Петербургъ. Съ Бѣлинскимъ въ „Отеч. Записки“ перешелъ весь кружокъ его московскихъ друзей.

Вскорѣ послѣ своего переѣзда въ Петербургъ Бѣлинскій писалъ Боткину: „Питеръ—городъ знатный, Нева—рѣка преболь-шущая, а петербургскіе литераторы—прекраснѣйшіе люди послѣ

---

[1]) Пыпинъ т. I, стр. 279—280. Панаевъ стр. 254.

[2]) Письма Бѣлинскаго къ Краевскому. Отчетъ Импер. Публ. Библіот. 1889 г. Приложенія.

[3]) Ibid. стр. 15—16.

чиновниковъ и господъ офицеровъ. Мнѣ очень, очень весело: о чемъ ни заговоришь—столько сочувствія. Однимъ словомъ: Петербургъ—молодой, молодой человѣкъ, но говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ“ [1]).

Вскорѣ послѣ этого (въ ноябрѣ) Бѣлинскій снова пишетъ къ Боткину и говоритъ между прочимъ: „...Я нахожусь въ странномъ состояніи духа: и чувствую, и мыслю, и страдаю, даже тяжело страдаю; пишу много для журнала и пишу съ жаромъ, интересомъ... Со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ терплю крайнюю нужду—весь обносился, денегъ ни копѣйки“... [2])

Въ это время въ „Отеч. Записк.“ печатались статьи Бѣлинскаго, которыя были высшимъ пунктомъ примиренія съ дѣйствительностью (согласно съ формулой: все дѣйствительное—разумно и все разумное дѣйствительно). Вскорѣ началось постепенное „прозрѣніе“, „исцѣленіе“, а затѣмъ и переходъ къ общественно-критической точкѣ зрѣнія.

Что касается „Отечеств. Записокъ“ и своего въ нихъ положенія, то въ этомъ отношеніи Бѣлинскій былъ преисполненъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Журналъ, въ который онъ вступилъ, ему нравился [3]); онъ былъ увѣренъ, что какъ нельзя лучше поладитъ и съ самой редакціей.

Бѣлинскій и въ своихъ статьяхъ и въ письмахъ къ друзьямъ высказывалъ мысль, что „Отеч. Записки“ единственно серьезный и чистоплотный журналъ.

Такъ, въ статьѣ о Марлинскомъ, Бѣлинскій, разсуждая о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ возможно развитіе эстетическихъ и литературныхъ вкусовъ и понятій, говоритъ между прочимъ: „Надо, чтобъ сперва установилось броженіе идей и очистился эстетическій вкусъ публики; а для этого надо, чтобъ пошлыя и торговыя мнѣнія объ искусствѣ замѣнились „мыслями“ объ искусствѣ; чтобы литературные промышленники, объясняющіе законы искусства своею благонамѣренностью, уступили мѣсто тѣмъ, которые говорятъ объ искусствѣ потому, что любятъ и понимаютъ его; чтобъ устарѣвшія идеи заклеймились печатью общаго отверженія, а отсталые враги всего, въ чемъ есть жизнь, движеніе, сила и достоинство, потеряли всякое вліяніе... Это можетъ сдѣлать только критика при посредствѣ журнала, основаннаго съ чисто литературною и ученою, а не торговою цѣлью, и поддерживаемаго участіемъ людей благородномыслящихъ и даровитыхъ, а не литературныхъ спекулянтовъ, во всю жизнь подвизавшихся на заднемъ дворѣ литературы“... [4])

---

[1]) Пыпинъ т. 2, стр. 6—7. Послѣдняя фраза изъ Гоголя.
[2]) Пыпинъ т. 2, стр. 10.
[3]) Пыпинъ т. I, стр. 276—277. Панаевъ. Воспом. стр. 255.
[4]) Полное собр. соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова. Т. 5, стр. 128.

Въ своей „святой непрактичности" Бѣлинскій видѣлъ такой органъ въ „Отеч. Запискахъ". Съ настойчивостью онъ звалъ своихъ друзей въ „Отеч. Записки", уговаривалъ ихъ не брать гонорара съ Краевскаго, сердился и огорчался, когда болѣе его проницательные друзья не сразу поддавались его горячему зову. „Этимъ увлеченіемъ, этою глубокою увѣренностью, что „Отеч. Записки" имѣютъ огромное значеніе для русской литературы (что, конечно, и было правдой уже благодаря его сотрудничеству), объясняется, почему онъ не стѣснялся постоянно рекламировать „Отеч. Записки" въ „Отечественныхъ же Запискахъ". Для чистаго все чисто, замѣчаетъ Венгеровъ, и что въ устахъ другого было бы лавочничествомъ, въ его устахъ было глубоко-убѣжденною пропагандою. Позднѣе съ глазъ его спала завѣса относительно Краевскаго, онъ понялъ, что Краевскій то и есть настоящій типъ „литературнаго спекулянта" и со свойственною ему необузданностью не иначе называлъ его въ письмахъ къ друзьямъ, какъ „Кузьмою Рощинымъ" [1]).

Съ первыхъ же шаговъ обновленныхъ „Отечеств. Записокъ" дали себя знать и „темныя силы," заѣдающія нашу печать—литературные доносы и цензурный произволъ.

Вступительныя дѣйствія застрѣльщиковъ доноса мы уже видѣли, а въ дальнѣйшемъ встрѣтимъ не мало „подвиговъ" почище.

Что касается цензуры, то ея преслѣдованію прежде всего подверглись, какъ и слѣдовало ожидать, статьи Бѣлинскаго. Еще до переѣзда своего въ Петербургъ Бѣлинскій послалъ въ „Отечеств. Записки" нѣсколько своихъ статей, между прочимъ—„Бородинская годовщина" и рецензію на книгу доктора Ратье и др. Судьба этихъ первыхъ статей сразу же обнаружила, въ какихъ условіяхъ придется работать Бѣлинскому, и въ какихъ дѣйствительно вся она и прошла. Каждая строчка проходила нѣсколько „мытарствъ" и испытаній: во 1-хъ, два цензора, изъ которыхъ каждый вымарывалъ, что хотѣлъ; во 2-хъ, цензура Краевскаго, примѣры которой мы увидимъ въ дальнѣйшемъ; въ 3-хъ, цензура, такъ сказать, обывательская, добровольческая...

Вотъ что писалъ Краевскій Панаеву, по поводу указанныхъ статей Бѣлинскаго:

„...Виссаріону Григорьичу низкій поклонъ и благодарность за статьи его. Въ статьѣ его о „Бородинской годовщинѣ" Никитенко выкинулъ два мѣста: что дѣлать! Онъ не любитъ Европы и не хочетъ признавать, чтобы въ ней было что-нибудь порядочное. Прочее все осталось такъ, какъ было, кромѣ отзыва о Жуковскомъ, *который я посмягчилъ*. Статья о книгѣ доктора Ратье также *измѣнена мною*, потому что одинъ изъ здѣшнихъ

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова. Т. 5, стр. 552, примѣч. 69.

дѣльныхъ врачей доставилъ мнѣ о ней статью: вѣдь мы съ Виссаріономъ Григорьевичемъ въ этомъ дѣлѣ профаны, надо вѣрить тому, кто лучше знаетъ.

Утѣшьте Вис. Григ.: браниться можно обинявами (въ примѣръ указываетъ свою статью въ „Литерат. прибавленіяхъ"). Въ статьѣ его для „Литер. прибавленій" мною не сдѣлано было никакихъ *прибавленій*,—все это сдѣлалъ бичъ журналовъ—цензоръ Л-ръ, а въ разборѣ „Стихотвореній Леонова"—Никитенко" [1]).

Да и за такой результатъ, оказывается, надо было благодарить судьбу—могло быть хуже. По словамъ Панаева статья Бѣлинскаго о „Бородинской годовщинѣ" прошла потому, что на нее не было обращено должнаго вниманія. „А если бы она была замѣчена, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Бѣлинскому было бы сдѣлано внушеніе — не вмѣшиваться впредь въ дѣла, не касающіяся литературы". Исключительною областью литературы считались—природа, любовь, разумѣется, въ законныхъ формахъ; мораль ея должна была заключаться въ строгомъ наказаніи порока и въ награжденіи добродѣтели. Дозволялось (и то съ оглядкой) воспѣвать славу русскаго оружія и подвиги полководцевъ. Всѣ писатели, хоть на іоту выходившіе изъ этой программы, считались людьми неблагонамѣренными [2]).

Въ разрядъ такихъ „неблагонамѣренныхъ", а потомъ и прямо „опасныхъ" людей съ первыхъ же своихъ шаговъ въ „Отеч. Запискахъ" попалъ и Бѣлинскій, тѣмъ болѣе, что за нимъ числились давнишнія, еще юношескія прегрѣшенія („трагедія" съ „Мароой Посадницей"), а затѣмъ и поведеніе его въ „Молвѣ" и „Наблюдателѣ" возбуждало очень часто сомнѣнія.

И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже становилось положеніе Бѣлинскаго, превративъ его въ концѣ концовъ буквально въ мученика слова: не смотря на всѣ мучительныя ухищренія, великій критикъ не могъ передать своимъ читателямъ и половину мыслей и идей, его волновавшихъ, и половину того огня, который воодушевлялъ его благородное сердце. Уже въ слѣдующемъ, 1840-мъ г., вслѣдъ за появленіемъ въ „Отечеств. Запискахъ" его статьи „Менцель", Бѣлинскій пишетъ Боткину:

„Питерская цензура очень добра, но и глупа—изъ рукъ вонъ. Въ статьѣ о Менцелѣ мѣсто о нравственности и морали лишено смысла". [3])

Въ другомъ письмѣ, на замѣчаніе Боткина, что ему понра-

---

[1]) Панаевъ. Воспомин. стр. 255.

[2]) Ibid. стр. 324. Вотъ нѣсколько фактовъ изъ ближайшаго прошлаго: Полевой подвергался неоднократной опалѣ за свои попытки, (иногда даже нечаянныя) выйти изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ.

Надеждинъ за свои „телескопскія прегрѣшенія" долженъ былъ прогуляться въ Усть-Сысольскъ и т. д.

[3]) Пыпинъ т. 2. стр, 20.

вилась статья о Менцелѣ, Бѣлинскій говоритъ: „Очень радъ, что тебѣ понравилась статья о Менцелѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней есть цѣлость, и если бы о... Фрейгангъ (цензоръ) не надѣлалъ въ ней выпусковъ и не лишилъ ее смысла,—она была бы очень и очень не дурна. Во многихъ мѣстахъ Фрейгангъ зачеркнулъ „всеобъемлющій Гете“, говоря, что этотъ эпитетъ—божій, а не человѣческій. Вотъ тутъ и пиши“. [1])

Въ томъ же письмѣ Бѣлинскій сообщаетъ и о другихъ подвигахъ „доброй“ цензуры. „Стихи Лермонтова, пишетъ онъ, и Красова не пропущены въ „Отеч. Запискахъ“, а въ „Литературной газетѣ“, у которой другіе цензора, пропущены. Во 2-мъ № „Отеч. Зап.“ стихи Ключникова „Знаете-ль ее?“ напечатаны подъ названіемъ „Поэзія“, ибо безъ этого условія цензура ихъ не пропускала, а какъ они были уже набраны, то и нельзя было ихъ выкинуть“. [2])

Со свойственной ему страстностью и искренностью, чуждой всякой половинчатости, Бѣлинскій горячо относится къ судьбѣ „Отеч. Записокъ“, страдаетъ ихъ горестями и радуется ихъ радостямъ и успѣхамъ. Онъ возлагаетъ большія надежды на твердый характеръ редакціи, хвалитъ редакцію и за то, что она нисколько не вмѣшивается въ его собственную дѣятельность и предоставляетъ ему полную свободу.

Радуется, что успѣхъ „Отеч. Записокъ“, не смотря на нѣкоторые промахи, растетъ; проситъ Боткина устроить для редакціи заемъ въ Москвѣ, а всѣхъ друзей—присылать побольше статей, и безплатныхъ, и т. д.

Развивая и доказывая свой взглядъ, что хорошій журналъ можетъ имѣть огромное вліяніе, Бѣлинскій пишетъ: „не думай, чтобъ это выходило изъ моей журналоманіи,—увѣряю тебя, что она давно уже прошла, уступивъ мѣсто разумному сознанію глубокому убѣжденію, что для нашего общества журналъ все, и что нигдѣ въ мірѣ не имѣетъ онъ такого важнаго и великаго значенія, какъ у насъ. Не болѣе пяти сочиненій разошлось у насъ, во сто лѣтъ, въ числѣ 5000 экз.,—и между тѣмъ есть журналъ съ 5000 подписчиковъ! Это что нибудь значитъ!.. Теперь у насъ великую пользу можетъ приносить, для настоящаго, и еще больше для будущаго, каѳедра, но журналъ большую, ибо для нашего общества, прежде науки, нужна *человѣчность, гуманическое образованіе* [3]).

Исцѣлѣвъ, послѣ мучительной внутренней борьбы и ломки, отъ прекраснодушнаго преклоненія предъ дѣйствительностью, Бѣлинскій переходитъ на субъективно-общественную точку зрѣ-

[1]) ibid. стр. 22.
[2]) ibid. стр. 20.
[3]) ibid стр. 62—63,

нія, на которой и остается до конца. „Проклинаю, говоритъ онъ съ глубокимъ чувствомъ самобичеванія, мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусной дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества... Боже мой, страшно подумать, что со мною было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающій“ [1]).

Эта новая точка зрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣль дѣятельности опредѣлена въ общихъ чертахъ самимъ Бѣлинскимъ въ приведенномъ выше письмѣ,—именно: „гуманическое образованіе общества“. Средствомъ должно служить—истолкованіе нравственнаго достоинства человѣческой личности, объясненіе произведеній искусства въ связи съ ихъ общественнымъ смысломъ, указаніе темныхъ сторонъ „дѣйствительности“ и средствъ къ ихъ устраненію.

„Всѣ общественныя основанія, говоритъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ къ Боткину (въ концѣ 1840 г.), нашего времени требуютъ строжайшаго пересмотра и коренной перестройки, что и будетъ рано или поздно. Пора освободиться личности человѣческой, и безъ того несчастной, отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности“ [2]).

„Что же дѣлать, спрашиваетъ онъ въ другомъ письмѣ, при видѣ этой ужасной дѣйствительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а дѣйствовать елико возможно, чтобы другіе потомъ лучше могли жить; если намъ никакъ нельзя было жить. Какъ же дѣйствовать? Только два средства, снова повторяетъ Бѣлинскій,—каѳедра и журналъ — все остальное вздоръ. О, если бы у Отеч. Записокъ“ нынѣшній годъ зашло тысячи за три подписчиковъ: тогда было бы изъ чего забыть и Моросейку, и женщину, и свою краткую, безотрадную жизнь, и поратовать, и костьми лечь, если нужно будетъ“ [3]).

„Итакъ, литературная дѣятельность—вотъ истинное призваніе Бѣлинскаго по его собственному сознанію, журнальная пропаганда—главнѣйшее, единственно возможное средство для развитія личнаго и общественнаго самосознанія [4]).

---

[1]) ibid стр. 58.

[2]) Ibid стр. 88.

[3]) Ibid. стр. 82.

[4]) Еще въ 1839 г. Бѣлинскій писалъ: „Нѣтъ, къ чорту всѣ высшія стремленія и цѣли! (въ смыслѣ гегельянства) Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить... Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку „Отеч. Зап.“. Я литераторъ — говорю это

Но тутъ то и дали себя знать различныя „независящія“ обстоятельства и другія милыя прелести „расейской“ дѣйствительности, которыя тѣмъ тягостнѣе были для Бѣлинскаго, чѣмъ глубже сознавалъ онъ всю важность литературы и журналистики для русскаго общества и для своего нравственнаго существованія.

„О, если бы, восклицаетъ онъ въ послѣднемъ изъ цитированныхъ нами писемъ, можно было печатать хоть то, что печаталось назадъ тому десять лѣтъ въ Москвѣ!“ Оказывается, и этого нельзя было. Такъ, въ статьѣ Бѣлинскаго „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“ между прочимъ выброшено было, напр., такое мѣсто:

„Насъ возмущаетъ преступленіе Макбета и демонская натура его жены, но если бы спросить перваго, какъ онъ совершилъ свой злодѣйскій поступокъ, онъ вѣрно отвѣтилъ бы: „и самъ не знаю, а если бы спросить вторую, зачѣмъ она такъ нечеловѣчески-ужасно создана, она вѣрно бы отвѣтила, что знаетъ объ этомъ столько же, сколько и вопрошающіе, и если слѣдовала своей натурѣ, такъ это потому, что не имѣла другой... Вотъ вопросы, которые рѣшаются только за гробомъ, вотъ царство рока, вотъ сфера трагедіи“.

А слѣдующая затѣмъ тирада передѣлана такимъ образомъ:

У Бѣлинскаго:	Въ цензурной передѣлкѣ:
„Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками, *унизительными для короля*.	Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками.
Но вотъ Болингброкъ похищаетъ у него корону—и недостойный король, пока царствовалъ, является великимъ королемъ, когда лишился царства. Онъ уходитъ въ сознаніе *величія своего сана, святости своего помазанія, законности своихъ правъ*,—и мудрыя рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ устъ его, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу, *царственное достоинство*. Вы уже не просто уважаете его—вы благоговѣете предъ нимъ“.	Но вотъ *двоюродный братъ его* — Болингброкъ, похищаетъ у него корону—и *недостойный въ счастіи, является великимъ въ злополучіи*. Онъ входитъ въ сознаніе величія своего положенія, и мудрыя рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу. Вы уже не просто уважаете его — вы удивляетесь ему, вы уже не просто жалѣете его — вы сострадаэте ему“ [1]).

съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь“... ibid. стр. 31.

[1]) Полное собр. сочин. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова, т. 6 стр. 108 и 573, примѣч. 46. Пыпинъ, т. 2, стр. 108.

Въ той же статьѣ было выброшено еще мѣсто, относящееся къ комедіи „Горе отъ ума“, о которой Бѣлинскій хотѣлъ сказать, что „это произведеніе было обличеніемъ гнусной дѣйствительности“ [1]).

Въ томъ же году была помѣщена статья Бѣлинскаго о Петрѣ Великомъ. Еще задумывая написать ее, онъ сообщилъ Боткину: „она лежитъ у меня на сердцѣ, давитъ его и просится вонъ“ [2]).

Когда эта статья была написана, Бѣлинскому пришлось горько жаловаться на цензуру...

Въ письмѣ къ Боткину (отъ 9 апр. 1841 г.) онъ говоритъ: „Святители! Изъ моей несчастной статьи (о П. В.) вырѣзанъ весь смыслъ, ибо выкинута ровно половина“ [3]).

Послѣ напечатанія второй статьи Бѣлинскій пишетъ: „Въ „Отечеств. Запискахъ“ напечатана моя вторая статья о Петрѣ Великомъ; въ рукописи это точно о Петрѣ Великомъ, и, не хвалясь, скажу, статейка умная, живая; но въ печати — это рѣчь о проницаемости природы и склонности человѣка къ чувствамъ забвенной меланхоліи. Ее исказилъ весь цензурный синедріонъ соборнѣ. Ея напечатана только треть и смыслъ весь выключенъ, какъ опасная и вредная для Россіи вещь. Вотъ до чего мы дожили: намъ нельзя хвалить Петра Великаго...“ [4])

Мало этого: по окончаніи второй статьи отъ редакціи было напечатано слѣдующее примѣчаніе: „Предположеннаго продолженія статей о „Дѣяніяхъ Петра Великаго“, *по независящимъ отъ редакціи причинамъ*, не будетъ“.

Такимъ образомъ, Бѣлинскому удалось напечатать (и то съ вырѣзками, о которыхъ сказано) собственно только вступленіе къ своей статьѣ, а царствованія Петра Великаго не пришлось даже и коснуться.

Статья Бѣлинскаго по поводу книги „Сто русскихъ литераторовъ“, напечатанная въ томъ же 1841 г., и перенесенныя ею мытарства, даютъ много матеріала для сужденія о томъ, при какихъ условіяхъ приходилось работать Бѣлинскому, на какія „подводныя и надводныя“ скалы приходилось натыкаться ему въ своемъ желаніи высказать иногда самыя безобидныя вещи.

---

1) Прозрѣвъ насчетъ дѣйствительности, Бѣлинскій рѣзко измѣнилъ свой взглядъ на многія произведенія и въ томъ числѣ — на комедію Грибоѣдова. „Послѣ статьи о Менцелѣ, пишетъ онъ, всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о „Горѣ отъ ума“, которое я осудилъ съ художествен. точки зрѣнія... не догадываясь, что это—благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ первый) протестъ противъ гнусной рассейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ... свѣтскаго общества, противъ невѣжества добровольнаго холопства *и пр. и пр. и пр.* Пыпинъ, т. 2, стр. 73.

2) Ibid. стр. 91.

3) Ibid. стр. 114.

4) Ibid. стр. 120.

Въ данномъ случаѣ (и въ нѣкоторыхъ другихъ) мы имѣемъ возможность сопоставить подлинный текстъ Бѣлинскаго съ тѣмъ, который былъ напечатанъ въ „Отеч. Запискахъ", такъ какъ сохранилась подлинная рукопись Бѣлинскаго, по которой и была воспроизведена эта статья въ изданіи Солдатенкова, а затѣмъ и Венгерова.

Сличая подлинный текстъ Бѣлинскаго съ напечатаннымъ въ „Отеч. Запискахъ", мы съ наглядностью убѣждаемся, какія измѣненія претерпѣвала мысль Бѣлинскаго, чрезъ какія „заставы" должно было пройти его слово, чтобъ уже „очищеннымъ" предъ стать предъ глазами читающей публики.

Прежде всего цензура самого Краевскаго. Поправки и пропуски Краевскаго интересны въ томъ отношеніи, что, характеризуя тогдашніе цензурные нравы, они вмѣстѣ съ тѣмъ выясняютъ и положеніе Бѣлинскаго въ „Отеч. Зап.".

Выше было приведено мѣсто изъ письма Бѣлинскаго, гдѣ онъ говоритъ, что ему предоставлена „свобода", что редакція не стѣсняетъ его мнѣній.

Въ общемъ и существенномъ оно и было такъ, но не потому, чтобъ Краевскій не хотѣлъ, а потому, что, во 1-хъ, не могъ, а, во 2-хъ—не находилъ для себя выгоднымъ. Для активной роли въ этомъ отношеніи у Краевскаго не хватало ни умственныхъ способностей, ни опредѣленныхъ взглядовъ. Этотъ „литературный антрепренеръ" видѣлъ и чувствовалъ, что статьи Бѣлинскаго идутъ „ходко", что успѣхъ „Отеч. Записокъ" создается главнымъ образомъ дѣятельностью Бѣлинскаго. Но какіе взгляды проводитъ Бѣлинскій—это было для него въ высшей степени безразлично, лишь бы былъ „спросъ". Краевскій даже не въ состояніи былъ прослѣдить за измѣненіемъ взглядовъ самого Бѣлинскаго, и одинаково былъ доволенъ, когда послѣдній пламенно превозносилъ и защищалъ „дѣйствительность" и когда столь же „неистово" обрушился на нее.

У Панаева сохранились любопытныя и комическія описанія того смѣшного положенія, въ которомъ часто оказывался Краевскій, благодаря полной своей литературной „невинности".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Краевскій „корчилъ" изъ себя ученаго, любилъ напускать на себя важность, и поэтому очень усердно „исправлялъ" слогъ Бѣлинскаго и вносилъ нѣкоторыя поправки въ его статьи. Цензура Краевскаго имѣла по преимуществу характеръ или „стилистическій", или „дипломатическій", въ большинствѣ случаевъ—и тотъ и другой.

Читая рукописи Бѣлинскаго, Краевскій прежде всего дѣлалъ множество стилистическихъ и грамматическихъ поправокъ, придавая страстному и яркому стилю Бѣлинскаго „холодную и бездушную грамматическую правильность". Затѣмъ идутъ „дипломатическія" поправки, которыя состояли въ томъ, что Краевскій,

по соображеніямъ болѣе или менѣе низменнаго характера, считалъ нужнымъ упомянуть объ одномъ, умолчать о другомъ, расшаркаться предъ третьимъ и т. п.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того и другого изъ упомянутой статьи.

У Бѣлинскаго:	Въ поправкѣ Краевскаго:
Подумайте о дѣлѣ посерьезнѣе ..	Подумайте объ этомъ предметѣ посерьезнѣе...
...Смирдинымъ—симъ тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ талантовъ...	Смирдинымъ — издателемъ стариннымъ...
Авторъ остался вѣренъ себѣ...	Авторъ остался вѣренъ самому себѣ...
„Россійскій" языкъ, прошелъ сквозь горнило талантовъ Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Пушкина и др., сталъ совсѣмъ иной...	Все также, но прибавлено: и сдѣлался языкомъ русскимъ.
У Бѣлинскаго о Шишковѣ сказано: *бездушный* свидѣтель...	*холодный* свидѣтель...
Не смѣшно ли не начинать благого дѣла, *боясь испортить его.*	. . . . *боясь какой-нибудь незначительной обмолвки...*
Пріятно *умереть* (говорится объ умершемъ Шишковѣ) въ такой сладостной увѣренности...	Пріятно *быть* и т. д.
О Булгаринѣ сказано: „этотъ недостатокъ (изображать „добродѣтельныхъ" людей настолько безцвѣтными и холодными, что ихъ не любишь), достойный величайшей похвалы, дѣлающій большую честь сердцу г. Булгарина".	У Краевскаго выброшено.
О Загоскинѣ сказано: ...Его изображенія иного лакея, явившагося къ барину съ разбитою *харею...*	...*Нарисованныя имъ* изображенія иного лакея, явившагося къ барину съ разбитою *рожею...*
О Надеждинѣ сказано: Надеждинъ вооружился противъ Пушкина всѣми аргументами своей учености, всѣмъ остроуміемъ своихъ надоумочныхъ, или правильнѣе — недоумочныхъ статей..	Краевскій послѣ словъ: надоумочныхъ, или... — вставляетъ вмѣсто слова „правильнѣе": „какъ говорили тогда его противники" и такимъ образомъ смягчаетъ фразу.
Картина къ разсказу *очень плоха.*	Картинка къ разсказу *не совсѣмъ удалась.* .

Все это, сравнительно, мелочи, хотя и характерныя. Но вотъ примѣры другихъ, болѣе существенныхъ „поправокъ“ Краевскаго, относящихся къ разряду „дипломатическихъ“.

У Бѣлинскаго о тогдашнемъ безцвѣтномъ писателѣ Каменскомъ сказано: „О литературномъ поприщѣ г. Каменскаго довольно сказать, что онъ, г. Каменскій—авторъ несравненнаго сатирическаго романа „Искатель сильныхъ ощущеній“, нѣсколькихъ повѣстей и несравненной драмы „Розы и маска“.

Краевскій передѣлываетъ эту фразу слѣдующимъ образомъ: „Г. Каменскій извѣстенъ, какъ авторъ сатирическаго романа и драмы“. (Такъ и въ „Отеч. Зап.“).

Почему Краевскій смягчаетъ это пренебрежительно-насмѣшливое замѣчаніе Бѣлинскаго? Потому что Каменскій—зять президента Академіи художествъ гр. Толстого...

Самое невинное замѣчаніе Бѣлинскаго по адресу Надеждина и Погодина: „...Но тѣмъ не менѣе повѣсть—совсѣмъ не дѣло г. Надеждина, точно также, какъ, напримѣръ, драма совсѣмъ не дѣло г. Погодина“... зачеркнуто Краевскимъ, такъ какъ онъ не хочетъ „очень“ задѣвать имѣющаго большія связи Погодина и вновь входящаго въ силу Надеждина.

Наконецъ, Краевскій позволяетъ себѣ уже прямо „неприличную вещь“: Бѣлинскій, перечисляя „благородныхъ дѣятелей“, оставшихся послѣ смерти Пушкина, называетъ Крылова, Жуковскаго, Одоевскаго, Лажечникова, Гоголя, Лермонтова, а Краевскій своею рукою вставляетъ послѣ Жуковскаго могущественнаго кн. Вяземскаго.

Эти примѣры характеризуютъ стремленіе и умѣнье Краевскаго „обдѣлывать свои литературныя дѣлишки“ и загребать жаръ чужими руками. Но каково было, въ подобныхъ случаяхъ, душевное состояніе кристально-правдиваго Бѣлинскаго?..

Изъ рукъ Краевскаго статья переходила въ цензуру и тамъ подвергалась болѣе серьезнымъ, „кровавымъ“ операціямъ. Въ разсматриваемой статьѣ мы находимъ не мало подобныхъ примѣровъ.

Такъ, изъ разсужденія Бѣлинскаго о статьѣ Шишкова: „Воспоминанія о моемъ пріятелѣ“ цѣликомъ выброшена слѣдующая тирада [1]): „Эта статья есть нѣчто въ родѣ анекдотовъ, такъ бѣдныхъ содержаніемъ и такъ неловко разсказанныхъ, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности понять—въ чемъ тутъ дѣло и о чемъ рѣчь. По всему замѣтно, что статья писана сочинителемъ въ глубокой старости, и притомъ по внѣшнему, а не по внутреннему побужденію. Причина послѣдняго обстоятельства, продолжалъ Бѣлинскій, очевидна: издатель допускаетъ въ свой

[1]) Я прошу читателей, въ виду дальнѣйшаго обратить на это вниманіе.

альманахъ только повѣсти и разсказы, и потому, если бы туда хотѣлъ попасть литераторъ, вѣкъ свой писавшій объ исторіи, математикѣ или корнесловіи, то непремѣнно долженъ былъ бы что-нибудь разсказать, хоть свой сонъ, хотя бы въ этомъ снѣ не было и никакого значенія".

Почему это мѣсто выброшено? Потому что тогда еще нельзя было „очень-то критически" отнестись къ литератору—сановнику Шишкову, только что умершему [1]).

Изъ фразы: „Къ статьѣ г. Шишкова приложена картинка, *на которой изображена Екатерина II*"... подчеркнутыя слова выброшены цензурой.

Всѣ мѣста, заключающія нападки на Булгарина, которыя Краевскій старался смягчить, цензурою вовсе выброшены [2]). Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ объясненіе этого обстоятельства.

Далѣе, Бѣлинскій разбираетъ повѣсть Загоскина, гдѣ былъ изображенъ „безсребренникъ" городничій, взявшій съ боя георгіевскій крестъ и за это получившій отъ Загоскина такую рекомендацію: „Воля ваша—взяточникъ въ пушку не полѣзетъ". Приведя это восклицаніе Загоскина Бѣлинскій продолжалъ: „Мысль моральная, *но согласиться съ нею никакъ невозможно. Дѣйствительность любитъ противорѣчить самой себѣ: въ ней иногда безсребренникъ бываетъ плохимъ воиномъ, а иногда и просто трусомъ, а отъявленный взяточникъ и грабитель—образцомъ храбрости*".

Всѣ подчеркнутыя фразы цѣликомъ выброшены цензурою. Разбирая картинку, приложенную къ повѣсти Загоскина, на которой былъ изображенъ предводитель дворянства, глазами и ртомъ пожирающій поданнаго ему поросенка, Бѣлинскій говоритъ далѣе: „...а стоящій подлѣ его стола частный приставъ въ мундирѣ, руки по швамъ, съ оффиціальною физіономіею, съ благоговѣніемъ, какъ на таинство, взирающій на обжорство высокой персоны,—просто превосходенъ".

Послѣдняя фраза въ цензурной передѣлкѣ получила слѣдующій видъ: „а стоящій подлѣ его стола еще *кто то* (sic!) съ оффиціальною физіономіею—просто превосходенъ".

Говоря о повѣсти Булгарина, Бѣлинскій замѣчаетъ: „Она изображаетъ бюрократію того времени [3]), которая, впрочемъ,

---

[1]) Полн. собр. сочин. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова. Т. 6, стр. 211—212 и 588, примѣч. 116.

[2]) См. полное собр. соч. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова. Т. 6, стр. 224—225.

На 224 стр. отъ словъ: „Сверхъ того, оба они (Булгаринъ и Загоскинъ) равно пламенные патріоты"... выброшено все до конца страницы.

На 225 стр. выброшено: „Это происходитъ отъ того, что Булгаринъ не знаетъ Москвы" и т. д. до словъ: „Разсматривая повѣсти Б."

[3]) „Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма".

очень мало измѣнилась въ своемъ духѣ съ того времени". Эта фраза цѣликомъ выброшена цензурою.

Характеризуя екатерининскую эпоху, Бѣлинскій говоритъ между прочимъ: „Не смотря на все худое, которое можно, не кривя истиною, сказать объ этомъ вѣкѣ, онъ все-таки былъ великій вѣкъ". Эта „тѣнь осужденія" въ печати исчезла.

Слѣдующая тирада, восторженно изображавшая Екатерину и съ нѣкоторой тѣнью критики ея эпоху, выброшена цѣликомъ: „Тогда не было не только народа, не только средняго сословія, но даже и средняго дворянства; но было только вельможество и толпа безотвѣтная и безсловесная; сама бюрократія, — солнце толпы, была сальною свѣчею передъ вельможествомъ. Вѣку Александра Благословеннаго суждено было создать въ Россіи нѣчто среднее между высшими ступенями государственной лѣстницы и ея основаніемъ. Но безъ вѣка Екатерины Великой былъ бы невозможенъ вѣкъ Александра. Петръ разбудилъ Россію отъ апатическаго сна, но вдохнула въ нее жизнь Екатерина. Пламенникомъ генія была озарена царственная глава великой жены— и этою главою жила Русь. Жизнь государства заключается въ живой, движущейся идеѣ, которая непосредственно окрыляетъ дѣятельность всѣхъ его членовъ: блескъ царствованія Екатерины, громъ побѣдъ, пиры и роскошь, начало просвѣщенія, искусствъ, цивилизаціи, великія пріобрѣтенія, множество мужей, могучихъ волею, великихъ умовъ и талантовъ — все это было созданіемъ живой, зиждительной мысли, озарявшей царственную главу великой жены"...

Все это мѣсто „свирѣпо зачеркнуто", такъ какъ, по замѣчанію Венгерова, „не ко времени напоминало, что „жизнь государства заключается въ живой, движущейся идеѣ" [1]).

Всѣхъ этихъ примѣровъ достаточно, кажется, чтобъ видѣть, до какой мелочности, до какой чисто анекдотически-нелѣпой придирчивости доходила тогдашняя цензура. „По отношенію къ Шишкову, хотя и умершему уже, но бывшему министру и адмиралу нельзя сказать, что онъ былъ „безполезный и бездушный свидѣтель тысячелѣтій, пролетѣвшихъ мимо него", а можно употребить только почтительный эпитетъ: „холодный свидѣтель"; отзываться же иронически о Шишковѣ совсѣмъ нельзя. Но что уже говорить о бывшемъ министрѣ. Не великъ чинъ частный приставъ, но и о немъ нельзя было сказать, что онъ „руки по швамъ, съ оффиціальною физіономіею, съ благоговѣніемъ, какъ на таинство, взиралъ на обжорство высокой персоны". Хотя почитаніе „добраго стараго времени" строжайше тогда вмѣнялось всѣмъ въ обязанность, тѣмъ не менѣе нельзя было изречь такую безобидную истину, что „бюрократія мало измѣнилась въ своемъ

1) Ibid. стр. 229—230 и 590 примѣч. 150⁶.

духѣ" со „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма". А уже прямо чѣмъ-то анекдотическимъ отзывается свирѣпое зачеркиваніе цѣлаго абзаца въ 15 строкъ, восторженно превозносящаго Екатерину. „Великая жена" превозносилась во имя того, что „жизнь государства заключается въ живой, движущейся идеѣ" и этого было достаточно, чтобъ цензоръ отнесся къ восхваленію императрицы съ полною безпощадностію" [1]).

Наконецъ, послѣ такого „оглаживанья", послѣ такой основательной и безпощадной стрижки, статья появилась въ печати и увидѣла свѣтъ. Казалось бы, что—послѣ всѣхъ мытарствъ, ею перенесенныхъ и выше изложенныхъ—въ ней не можетъ остаться „нецензурныхъ" или „опасныхъ" въ какомъ-либо отношеніи мѣстъ. Но кто такъ подумаетъ, тотъ весьма и весьма ошибется. Оказывается, „сверхъ многихъ нелѣпостей, служащихъ къ развращенію вкуса, ума и нравственности", въ интересующей насъ статьѣ Бѣлинскаго остались еще и непозволительныя „дерзкія" выходки.

Я приведу „преступную" тираду цѣликомъ, а читатель пусть поищетъ въ ней „нецензурныхъ" мѣстъ. У Бѣлинскаго рѣчь идетъ все о томъ же несчастномъ Шишковѣ, имя котораго такъ старательно, какъ мы видѣли, оберегали и Краевскій, и цензора.

„Шишкову слѣдовало-бы, говорилъ Бѣлинскій, во 1-хъ, ограничиться только стилистикою и словопроизводствомъ, не пускаясь въ толки о краснорѣчіи и поэзіи, которыхъ онъ рѣшительно не понималъ; а во 2-хъ, ему не слѣдовало-бы доводить свою любовь къ старинѣ и ненависть къ новизнѣ до фанатизма, который былъ причиною, что его никто не слушалъ и не слушался, но всѣ только смѣялись даже и надъ тѣми замѣчаніями, которыя были дѣльны". Указавъ далѣе, что ошибка Шишкова состояла въ томъ, что онъ заботился о литературѣ вообще, тогда какъ ему должно было заботиться о языкѣ, Бѣлинскій продолжаетъ: „Онъ (Шишковъ) не понималъ, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, но отнюдь не наслажденія, что ими могутъ заниматься только ученые люди, а не общество. Онъ думалъ, что дамы—не люди, и что для нихъ не нужно особой литературы" и т. д.

Криминальный характеръ приведенной цитаты выяснился лишь благодаря „обывательской" цензурѣ и состоялъ въ слѣдующемъ.

28-го августа 1841 г. адмиралъ Мордвиновъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ, въ которомъ говорилъ: „Ал. Сем. Шишковъ, покойный другъ мой и предмѣстникъ вашего высокопревосходительства принадлежитъ къ

[1]) Ibid. стр. 592.

тѣмъ лицамъ, которыхъ воспоминаніе безсмертно заслугами отечеству, и самъ Государь Императоръ почтилъ его погребеніе своимъ присутствіемъ. Между тѣмъ, въ одномъ повременномъ изданіи (на которое обратилъ я вниманіе только потому, что оно называется „Отечественными Записками"), сверхъ многихъ нелѣпостей, служащихъ къ развращенію вкуса, ума и нравственности возрастающаго поколѣнія, какъ то, что „грѣхъ состоитъ въ сознаніи грѣха" („Отеч. Зап." № 8 критика, стр. 31), я нашелъ, къ удивленію, дерзкій отзывъ объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ, что *„никто"* не слушалъ даже и тѣхъ его замѣчаній, которыя были дѣльны, что *онъ не понималъ*, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, *„но отнюдь не наслажденія"*, что наконецъ *„онъ думалъ, что дамы не люди"* [1]) (1841 г. № 7, іюль, критика, стр. 7). Безъ сомнѣнія, такого отзыва не допустилъ бы сдѣлать о себѣ цензоръ, пропустившій сіи строки; до какой же степени могутъ быть терпимы подобныя выходки тогда, какъ правительствомъ воспрещаются всякія личности, я съ глубокимъ прискорбіемъ оставляю на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства, но тѣмъ не менѣе почитаю долгомъ *обратить ваше вниманіе на журналъ, колеблющій коренное основаніе благоустройства* [2]): согласныя съ вѣрою понятія о нравственности и уваженіе къ личности человѣка и гражданина".

Вслѣдствіе этого „увѣдомленія" Уваровъ сдѣлалъ замѣчаніе цензору. [3])

Неудивительно, поэтому, что въ слѣдующей небольшой замѣткѣ Бѣлинскаго о „12 письмахъ Шишкова" (въ 9 № за 41 г.) цензура не пропустила даже такого выраженія (въ примѣненіи къ Шишкову), какъ *„добраго старика"* и замѣнила его словомъ— *„автора"*; а въ фразѣ: „Мерзляковъ... навлекъ на себя бездну неудовольствій *отъ литературныхъ изувѣровъ того времени"*... подчеркнутыя слова выбросила совершенно (въ нихъ могъ заключаться намекъ на Шишкова) [4]).

Изъ замѣтки [5]) о книгѣ Полевого „Русская исторія для первоначальнаго чтенія" цензурою выброшена, между прочимъ, слѣдующая фраза: „Иное, удивляя безсмысленную чернь, недостойно вниманія порядочнаго человѣка, есть вѣнцы, унижающіе голову, на которую надѣты: вѣдь и вѣнокъ изъ калуфера и мяты—тоже вѣнокъ, но какіе люди могутъ дорожить и добиваться

---

[1]) Курсивъ и кавычки Мордвинова.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Рус. Старина 1903 г. апрѣль, стр. 171—172. „Цензура въ царствов. импер. Николая I".

[4]) Полн. собр. сочин. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова. т. 6 стр. 326 и 603, примѣч. 250.

[5]) Въ томъ же 9-мъ № за 1841 г.

его". [1])Въ этихъ словахъ заключались лишь намеки на преувеличенныя похвалы Сенковскаго Кукольнику--и все же они были выброшены.

Въ слѣдующемъ (10-мъ) № изъ статьи „Древнія россійскія стихотворенія" выброшены, напр., такія мѣста: „явно, что орангутангъ былъ послѣднею неудачною попыткою природы сознать себя, послѣ которой ей уже было возможно достичь послѣдняго, высшаго абсолютнаго типа существъ—личности, субъекта, человѣка, и что достигши цѣли своего стремленія, она вдругъ какъ бы лишилась своей творческой силы и дѣятельности, какъ уже болѣе не имѣющей цѣли и потому ненужной".

Цензура въ этой тирадѣ въ духѣ метафизики Шеллинга въ соединеніи съ мыслями, „подготовлявшими теорію Дарвина, очевидно усмотрѣла слишкомъ научное отношеніе къ „природѣ" [2]).

Даже такая фраза, какъ—„каждый человѣкъ самъ себѣ цѣль"—показалась „сомнительной" и была выброшена. [3])

Всѣхъ цензурныхъ выкидокъ въ статьѣ „Древнія россійскія стихотворенія" такъ много, что ихъ невозможно выписать. Я приведу только нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя и характерныя.

Приведя пословицу; „*Колоченая посуда два вѣка живетъ*", Бѣлинскій говорилъ: „русскій человѣкъ свято вѣритъ глубокой мудрости этой азіатской пословицы и потому другихъ бьетъ—не кается, и самого-то бьютъ—не гонится". Все это выброшено цензурою

Также не пропущены были, напр., такія мѣста:

„Гдѣ нѣтъ права и закона, нѣтъ развившихся изъ жизни государственныхъ постановленій, тамъ нѣтъ и свободы, нѣтъ гражданъ, а есть вольность и вольница (рѣчь идетъ о *прежнемъ Новгородѣ*), которыя... ничѣмъ не лучше азіатскаго деспотизма"... и т. д.

Или: „*Патриціи* [4]) владѣли большими правами... и большими имѣніями: а народъ былъ бѣденъ и правами и полями, ему предоставлено было только лить кровь за отечество и повиноваться его законамъ".

„Да и почему не пошалить (говорится о Васькѣ Буслаевѣ), если поѣздка въ Іерусалимъ могла загладить всѣ шалости".

„При дурной общественности падшія души часто бываютъ самыя благороднѣйшія по своей натурѣ (говорится о причинахъ, вызвавшихъ вольницу и разбой), и ужъ конечно скорѣе можно предполагать человѣчность, благородство и возвышенность въ покорителѣ Сибири, чѣмъ во многихъ изъ знатныхъ тунеядцевъ стараго времени, богатыхъ только спѣсью, невѣжествомъ и низостью".

---

[1]) Ibid. 329 и 604 стр. Выброшена была и такая фраза: „Это не фразы, изъ которыхъ читатель узнаетъ, что всегда и все было чудо какъ хорошо, и не понимаетъ, чѣмъ же Петръ Великій выше Анны Іоанновны, Екатерина Великая—Елизаветы Петровны". ibid. 330 и 604 стр.

[2]) Ibid. стр. 336 и 604 примѣч. 281.

[3]) Ibid. стр. 337 и 605 примѣч. 283.

[4]) Курсивъ мой.

Не только совершенно не допускались никакіе, хотя бы и самые отдаленные, намеки на темныя стороны современной дѣйствительности, но даже указанія на темныя, отрицательныя явленія въ прошлой жизни русскаго народа тщательно вымарывались. Такъ, Бѣлинскій, объясняя грустный характеръ русской народной лирики климатическими и географическими условіями, прибавлялъ:

„Присовокупите къ этому медленное, тяжкое, испытательное историческое развитіе Руси: междоусобія и темное владычество татаръ... Далѣе кровавое самовластительство Грознаго, смуты междуцарствія—все это такъ гармонировало и съ суровою зимою, и съ свинцовымъ небомъ холодной весны и печальной осени, и съ безконечностью ровныхъ и однообразныхъ степей... Вспомните бытъ русскаго крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, такъ похожую на хлѣвъ, его поле, то орошаемое кровавымъ его потомъ, то пустое, незасѣянное или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою барина... Если и этого мало, прочтите Кошихина, и вамъ все будетъ ясно безъ комментаріевъ"..

Вся эта картина, оказавшаяся слишкомъ мрачною по тому времени, была выброшена. [1])

О своей статьѣ „Мирошевъ" Бѣлинскій пишетъ Боткину:

„Статья о Мирошевѣ не подгуляла бы, еслибъ цензура не вырѣзала изъ нея смысла, и не оставила одной галиматьи. Послѣ статьи о Петрѣ Великомъ ни одна еще статья моя не была такъ ошельмована, какъ статья о Мирошевѣ". [2])

Въ такихъ условіяхъ, при такихъ „поощреніяхъ" прошла вся дѣятельность Бѣлинскаго. Мы только приблизительно можемъ судить о тѣхъ мукахъ, какія переживалъ Бѣлинскій въ своемъ стремленіи высказаться, будучи ограниченъ въ этомъ отношеніи до послѣдней степени. По свидѣтельству современниковъ, онъ съ какой-то жадностью бросался на каждую вновь выходящую книжку журнала и дрожащей рукой разрѣзывалъ свои статьи, чтобы пробѣжать ихъ и посмотрѣть, до какой степени сохранился смыслъ ихъ въ печати (отъ дѣйствій цензуры). Въ эти минуты лицо его то вспыхивало, то блѣднѣло: онъ отбрасывалъ отъ себя книжку въ отчаяніи, или успокаивался и приходилъ въ хорошее расположеніе духа, если не встрѣчалъ значительныхъ перемѣнъ и сокращеній. [3]) Но къ сожалѣнію такихъ случаевъ и минутъ немного выпадало на долю Бѣлинскаго. Недаромъ въ „Альманахѣ" изданномъ въ 1848 г. [4]) и заключающемъ въ себѣ между прочимъ нѣсколько каррикатуръ, была помѣщена также каррикатура, изображающая Бѣлинскаго съ листомъ корректуры, полученной

[1]) ibid. стр. 446—476 и 621—626.

[2]) Пыпинъ т. 2. стр. 137.

[3]) Панаевъ. Воспоминанія стр. 235.

[4]) Редакціей „Современника".

отъ цензора, въ рукахъ и съ подписью: „...своей собственной статьи не узнаю въ печати“. Въ оглавленіи каррикатура названа: „Типографскія превращенія“ (предполагалось назвать ее „Огорченный литераторъ“.) По словамъ современниковъ, каррикатура была очень удачна. Впослѣдствіи она была отбираема. [1])

Да и то духовное наслѣдство, которое мы получили отъ Бѣлинскаго, по свидѣтельству современниковъ, близко стоящихъ къ дѣлу и позднѣйшихъ изслѣдователей, уцѣлѣло, благодаря нѣкоторымъ печально-счастливымъ обстоятельствамъ. „Необходима была глубокая вѣра въ свои убѣжденія, говоритъ Панаевъ, соединенная съ величайшимъ литературнымъ тактомъ, чтобъ проводить въ то время смѣлую, независимую мысль сквозь тупую цензуру, вооруженную, впрочемъ, очень острыми ножницами. Бѣлинскій, убѣдившись въ своемъ настоящемъ призваніи и проникнувшись горячей вѣрой въ свои убѣжденія, пріобрѣлъ удивительную способность газировать свою мысль и проводить ее незамѣтно отъ цензора, несмотря на его строгій надзоръ“. [2])

Анненковъ въ статьѣ „Замѣчательное десятилѣтіе“ говоритъ по этому поводу: „...Чрезвычайнымъ счастіемъ должно считаться то, что тогдашняя цензура не угадала въ Бѣлинскомъ на первыхъ порахъ моралиста, который подъ предлогомъ разбора русскихъ сочиненій занятъ единственно исканіемъ основъ для трезваго мышленія, способнаго устроить разумнымъ образомъ личное и общественное существованіе. Впослѣдствіи она распознала въ немъ вліятельнаго писателя и всемѣрно старалась не допускать примѣненія его идей къ историческимъ лицамъ, и все-таки продолжала считать его... за человѣка, производящаго преимущественно мало понятную, туманную чепуху, [3]) которая могла быть терпима по самой дикой своей оригинальности, становясь безвредной тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе и подробнѣе высказывается. Этому обстоятельству, замѣчаетъ Анненковъ, мы обязаны сохраненіемъ нѣкоторыхъ существенныхъ положеній и мыслей Бѣлинскаго, которыя пробирались на свѣтъ подъ именемъ чудовищностей и нелѣпостей“. [4])

Поэтому болѣе чѣмъ страннымъ представляется утвержденіе Барсукова, что цензура, Строгановъ, Бенкендорфъ и „всѣ либералы того „времени“ (въ томъ числѣ и Бенкендорфъ?!..) „явно покровительствовали“ западникамъ и Бѣлинскому. [5])

А. Ершовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Пыпинъ т. 2. стр. 337.

[2]) Воспоминанія стр. 325.

[3]) Подобную именно терминологію по отношенію „Отеч. Зап.“ и Бѣлинскаго мы встрѣтимъ впослѣдствіи въ оффиціальныхъ распоряженіяхъ.

[4]) Вѣстн. Евр. 1880 г. кн. I. стр. 221—222.

[5]) Жизнь и труды Погодина т. 6. стр. 273.

Къ крестьянскому вопросу.

Проектъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

I.

Въ настоящее время, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Россія стоитъ предъ проблемой ликвидаціи „стараго порядка". Удары, которые Реформа 60-хъ годовъ нанесла феодальному строю, оказались слабыми и нерѣшительными.

Большинство учрежденій, возникновеніе которыхъ связано съ „эпохой Реформъ", уже давно потерпѣли крупныя преобразованія въ дореформенномъ духѣ; для противодѣйствія остаткамъ „вольностей" созданы новые институты. Систематической контръ-реформаторской работой 80-хъ и 90-хъ годовъ Россія въ правовомъ отношеніи отброшена назадъ, къ пятидесятымъ годамъ.

Чѣмъ же объяснить полное отсутствіе сопротивленія со стороны реформированной Россіи этой регрессивной волнѣ? Отвѣтъ найти не трудно. Непрочность результатовъ Великой Реформы лежитъ и въ ея объемѣ, и въ способѣ ея осуществленія. По объему, это была частная реформа, захватившая только — правда огромной важности — частныя условія русской жизни, по способу осуществленія — это была классовая, дворянская реформа.

Этимъ объясняется, съ одной стороны, оппортунистическій характеръ Реформы, а съ другой—то, что реформа не срослась прочно съ массами населенія.

Поставленная ходомъ вещей въ необходимость измѣнить строй общественной жизни, правительство 50-хъ годовъ рѣшило не итти дальше частнаго переустройства нѣкоторыхъ ея областей. Такая постановка вопроса

правительствомъ встрѣтила полное сочувствіе со стороны подавляющаго большинства реформаторски настроенной части дворянства. Потому что, поставить вопросъ о реформѣ широко, — означало, такъ или иначе, привлечь къ дѣлу обновленія страны народныя массы. Но много-ли даже и въ прогрессивныхъ помѣщичьихъ кругахъ было такихъ людей, которые имѣли столько довѣрія къ вчерашней вещи — крѣпостному крестьянину,—чтобы рѣшиться опереться на него въ рѣшеніи насущныхъ вопросовъ національной жизни. Для большинства передовыхъ людей того времени поставить такъ вопросъ, значило дать начало новой Пугачевщинѣ... Въ виду этого, какъ для правительства, такъ и для большинства либеральныхъ представителей помѣстнаго класса было ясно, что реформа не должна была затрагивать основныхъ устоевъ правопорядка [1]).

Отчасти та же боязнь „анархіи", а еще въ большей мѣрѣ классовый эгоизмъ, повели къ тому, что Реформа съ начала до конца протекла въ дворянскомъ кругу. Даже мнѣнія наиболѣе культурнаго въ Россіи того времени слоя разночинцевъ, въ большинствѣ случаевъ, игнорировались правительствомъ. И это опредѣлило дальнѣйшую судьбу Реформы. Какъ ни важно было дѣло, совершенное Реформой—оно не могло прорыть глубокой

---

1) Здѣсь мы говоримъ о большинствѣ дворянъ, а не объ отдѣльныхъ представителяхъ, ясно сознававшихъ и необходимость, и исполнимость реформы въ болѣе широкомъ масштабѣ. Такими были, напримѣръ, А. И. Кошелевъ и кн. В. А. Черкасскій. Взгляды ихъ по этому вопросу особенно интересны, потому что они формулированы въ выраженіяхъ, съ которыми почти буквально совпадаетъ политическій лексиконъ періодической прессы нашихъ дней. Лишнее доказательство, какъ мало мы ушли въ правовомъ отношеніи впередъ за эти полстолѣтія. „Самаринъ говоритъ, — писалъ Кошелевъ Черкасскому, — что надобно начинать постройку зданія снизу, съ фундамента, т. е. съ мѣстной жизни, но какъ можетъ развиваться мѣстная общественная жизнь, когда бюрократія не позволяетъ даже посредникамъ и предводителямъ съѣзжаться для совмѣстныхъ совѣщаній. Что вы ни говорите, а при бюрократіи мѣстная жизнь развиться не можетъ. (Князь В. А. Черкасскій; изд. кн. О. Трубецкой. т. I, кн. 2-я стр. 352).

Точно также кн. Черкасскій шелъ значительно дальше большинства дворянъ въ своихъ реформаторскихъ проэктахъ.

„Послѣ всѣхъ разочарованій, претерпѣнныхъ человѣчествомъ насчетъ всякаго рода конституціонныхъ гарантій въ настоящее время уже невозможно смотрѣть на нихъ исключительно лишь, какъ на цѣль государственной жизни, но что сверхъ сего конституціонный порядокъ несомнѣнно играетъ въ дѣлѣ правленія весьма важную роль, даже какъ средство управленія". „Правительству нужно искать новыхъ силъ и сочетаній для опоры", развиваетъ онъ свою мысль дальше, „Для Россіи такою опорою, и при томъ опорою самою надежною на первый случай, мнѣ кажется, является элементъ демократическій". Вопросъ другой, конечно, какъ далеко простирался демократизмъ реформаторовъ этого типа.

пропасти между пореформеной и дореформенной Россіей. Дѣятели реформы не имѣли средствъ закрѣпить за страной даже тотъ минимумъ свободы, который они, по своему крайнему, или, лучше, классовому, разумѣнію считали необходимымъ дать Россіи.

Такимъ образомъ, Реформа ничѣмъ не была гарантирована отъ контръ реформы. Этой гарантіей могло быть только слитіе Реформы съ кровными интересами народныхъ массъ, т. е. съ интересами большинства населенія. Только при такой постановкѣ дѣло Реформы могло крѣпнуть и развиваться, а не все болѣе чахнуть съ каждымъ десятилѣтіемъ. Не смотри даже самые передовые дѣятели 60-хъ годовъ на народъ, какъ на инертный матеріалъ, а на свои полумѣры, какъ на неизбѣжно необходимую „не зрѣлому“ народу предварительную школу—страна не стояла бы теперь предъ старыми вопросами... Что интересы народа есть лучшая опора всякихъ реформъ—блестящимъ примѣромъ служитъ сама Великая Реформа. Отъ нея незыблемымъ и прочнымъ осталось то, что народъ считалъ своимъ кровнымъ дѣломъ: земля, хотя-бы уменьшенная всяческими „отрѣзками“, и личная свобода. Онѣ остались у народа, несмотря на всѣ рецидивы крѣпостничества, имѣвшіе мѣсто за эти 45 лѣтъ. Кровный интересъ народа былъ той пентаграммой, за которую не осмѣлился переступить духъ реакціи. Только съ землею и свободой отъ крѣпости помѣщику народъ былъ внутренно соединенъ—все остальное: судъ, земство, городское самоуправленіе, печать — все это для народа, посаженнаго въ клѣтку сословности,—было наноснымъ и чуждымъ. Отсюда и систематическое отступленіе Реформы предъ контръ-реформой, но только до границы новаго личнаго закрѣпощенія помѣщику.

Матеріалистическое истолкованіе реформъ 60-хъ годовъ въ настоящее время получаетъ всеобщее признаніе... Классовый характеръ условій освобожденія крестьянъ не отрицается теперь даже со стороны правительственныхъ сферъ. Предсѣдатель Комитета Министровъ С. Ю. Витте въ своей „Запискѣ по крестьянскому дѣлу“ пишетъ: „оброкъ за полученную крестьянами землю, перешедшій затѣмъ въ выкупной платежъ, въ большинствѣ случаевъ значительно *превышалъ* земельную ренту, и тѣмъ самымъ помѣщикъ получилъ какъ-бы *скрытое вознагражденіе* за отмѣненныя права на *личность крестьянина* [1])... Не менѣе характеризуетъ „духъ реформы“ 60-хъ годовъ высокій избирательный имущественный цензъ для мѣстнаго и городского самоуправленія, сословная обособленность крестьянъ и т. д.

То, что Реформа была густо окрашена въ цвѣтъ классовыхъ интересовъ, не было секретомъ и для самихъ дѣятелей Реформы. Унковскій, говоря о себѣ, что онъ, засѣдая въ губернскомъ комитетѣ, не былъ

[1]) Записка по крест. дѣлу. Стр. 45.

„альтруистомъ, да и не могъ быть имъ, будучи представителемъ дворянства“, — мѣтко опредѣлялъ роль всѣхъ прогрессистовъ того времени. Какова оказалась данная при такихъ условіяхъ „воля“, и какъ тяжело ее было принимать крестьянству, извѣстно изъ тѣхъ кровавыхъ фактовъ, какими сопровождалось врученіе крестьянамъ уставныхъ грамотъ. Вотъ, напримѣръ, какъ рисуется въ письмахъ дѣятелей Реформы одна изъ „мирныхъ“ въ этомъ смыслѣ губерній въ началѣ 60-хъ годовъ: — „До сихъ поръ уставныя грамоты (въ Самарской губ.) вводились *мирно*, но въ послѣднее время въ трехъ уѣздахъ пассивная оппозиція достигла крайности, просто не берутъ въ руки уставныхъ грамотъ. Такихъ случаевъ въ трехъ уѣздахъ было пять. Пока *все обходилось розгами и разъѣздами жандармскаго офицера съ четырьмя солдатами*... Въ одно имѣніе поѣхалъ губернаторъ, пославъ роту солдатъ“ [1]).

Въ концѣ концовъ, такими средствами народъ былъ принужденъ принять крестьянскую реформу. Онъ примирился съ нею, но врядъ-ли-бы уже позволилъ взять назадъ что либо изъ этой урѣзанной „воли“. Само собой понятно, что и помимо возможнаго протеста крестьянъ, съ точки зрѣнія общихъ хозяйственныхъ и политическихъ условій, въ которыхъ живетъ Россія, новое закрѣпощеніе крестьянства было-бы въ высшей степени пагубнымъ экспериментомъ, не обѣщавшимъ никакого успѣха, — но такая попытка нисколько не противорѣчила бы духу пореформенной политики.

Но если контръ-реформа здѣсь могла встрѣтить отпоръ, то при „раскассированіи“ мѣстнаго самоуправленія, судовъ, печати и даже, сокращая крестьянскую „свободу“ институтомъ земскихъ начальниковъ, она могла быть смѣлой:—большинство населенія здѣсь не несло существенныхъ потерь... Что касается крестьянства, то главное зло: сословность и прикрѣпленіе къ землѣ — оно получило отъ Великой Реформы, а не отъ контръ-реформы: даже такое, напримѣръ, нововведеніе, какъ институтъ земскихъ начальниковъ былъ уже деталью. Въ результатѣ — хрупкое дѣло реформы 60-хъ годовъ не выдержало дыханія суровой исторіи.

Но въ наслѣдство отъ этой эпохи мы получили одинъ важный урокъ, суть котораго сводится къ тому, что всякаго рода частичныя и недемократическія реформы не имѣютъ для жизни страны существеннаго значенія, не только потому, что сфера преобразованія въ такихъ случаяхъ всегда очень ограничена, но еще и потому, что такія реформы ни на одинъ моментъ не гарантированы отъ покушеній реакціи. Единственно прочной гарантіей реформъ являются съ одной стороны интересы народныхъ

---

[1]) Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса. Т. I. Кн. II. Стр. 305. Письмо Самарина къ кн. Черкасскому.

массъ и съ другой —участіе представителей народа, какъ въ проведеніи реформъ, такъ и въ надзорѣ за ихъ выполненіемъ.

Но сумѣетъ-ли наша страна воспользоваться этимъ урокомъ?. Общая картина положенія дѣлъ въ данный моментъ показываетъ, что бюрократія ничего не забыла и ни чему не научилась.

Все говоритъ за то, что, если дѣло Реформы оставить въ рукахъ бюрократіи, то въ лучшемъ случаѣ мы можемъ ожидать повторенія эпохи реформъ 60-хъ годовъ. Какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, стоящій предъ страной „общій вопросъ“ бюрократія замѣнила рядомъ частныхъ вопросовъ, при чемъ характерно, что главными между ними остаются и теперь вопросъ крестьянскій и реформа мѣстнаго самоуправленія. И не смотря на то, что ходъ хозяйственной жизни рѣшительнымъ образомъ измѣнилъ соціальную структуру и рѣзко перераспредѣлилъ имущественныя силы въ странѣ—методы рѣшенія намѣченныхъ вопросовъ бюрократія предполагаетъ оставить старыми...

Такъ и крестьянскій вопросъ, начавшій свою „новую“ исторію полстолѣтія тому назадъ въ секретныхъ комитетахъ, продолжаетъ ее теперь въ полусекретныхъ Совѣщаніяхъ.

Если этотъ методъ, вопреки его доказанной исторіей несостоятельности, восторжествуетъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ по пересмотру крестьянскаго Положенія, то безплодность ихъ можетъ быть предсказана съ астрономической точностью.

Наглядной иллюстраціей несоразмѣрности грандіозныхъ запросовъ жизни со слабыми идейными средствами бюрократическихъ учрежденій, служитъ современное состояніе работъ по крестьянскому вопросу. Какъ извѣстно, въ основу пересмотра законодательства о крестьянахъ были положены „основныя начала преобразованій 1861 г.“. Согласно этимъ „началамъ“ „и требованіямъ жизни“ Редакціонная Комиссія, засѣдавшая подъ предсѣдательствомъ товарища м-ра внутр. дѣлъ Стишинскаго, выработала законопроектъ, переданный Указомъ 8 января 1904 г. на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній...

Одновременно съ засѣданіями губернскихъ совѣщаній, Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ Сельско-хозяйственной Промышленности, бывшимъ М-ромъ Финансовъ С. Ю. Витте выпущена „Записка по крестьянскому дѣлу“, въ которой содержится рѣзкая критика (хотя и не прямая) проэкта Редакціонной Комиссіи. Эта критика исходитъ также изъ „основныхъ началъ преобразованій 1861 года“ и требованій „живой дѣйствительности“.

Въ отдѣльныхъ пунктахъ своихъ положительныхъ предложеній, „Записка“, расходится съ проэктомъ Ред. Комиссіи до полной противоположности. Но и въ общемъ „Записка“ идетъ дальше „проэкта“, хотя о

выдержанной прогрессивной постановкѣ вопроса въ ней нѣтъ и рѣчи и часто Записка и проэктъ Ред. Ком. совершенно сходятся. И эти расхожденія, „вѣдомствъ“ и ихъ солидарность не представляютъ чего-нибудь неожиданнаго. Прежде всего, что касается одного изъ принциповъ обѣихъ работъ—„требованій жизни“—то, несмотря на усиленное стараніе понять ихъ, смыслъ „жизни“ для „Записки“ остается такимъ-же темнымъ и непонятнымъ, какъ и проэкту Ред. Ком.—И это вполнѣ естественно: нельзя знать и понимать жизнь, глядя на нее чрезъ призму бумажнаго дѣлопроизводства.

И потому смыслъ большинства изъ тѣхъ „11.000 мнѣній“ представителей страны, на которыя ссылается „Записка“, остался ею непонятъ... Нечего и говорить, что проэктъ Ред. Ком. еще менѣе ясно представляетъ въ чемъ заключаются „основныя требованія дѣйствительности“... Казалось-бы, если шумъ „зеленаго дерева жизни“ ничего не говоритъ бюрократіи, то духъ „основныхъ началъ“ Реформы 1861 года могъ-бы быть истолкованъ обоими „вѣдомствами“ одинаково... Но въ виду указаннаго нами двойственнаго характера Реформы, не такъ легко получить единство взглядовъ и по этому пункту, такъ какъ въ Великой Реформѣ, рядомъ съ несомнѣнными прогрессивными моментами заключаются и моменты явно реакціонные. Изъ разсматриваемыхъ двухъ рѣшеній крестьянскаго вопроса „Записка“ больше опирается на прогрессивную ея сторону, хотя остается далеко не чуждой и ея реакціонныхъ принциповъ, законопроэктъ же Ред. Ком. почти исключительно руководствуется ея феодальными элементами. Поэтому-то Ред. Ком. принимаетъ не только сословную обособленность крестьянства, но и все послѣдующее реакціонное добавленіе къ ней 1889 и 1893 годовъ—институтъ земскихъ начальниковъ; законы о семейныхъ раздѣлахъ; о передѣлахъ; о неотчуждаемости надѣловъ,—въ то время какъ „Записка“ оставляетъ сословность только въ предѣлахъ „пользы ея для крестьянства и всего государства“.—Вотъ почему въ то время, какъ Ред. Ком. считаетъ всесословную земскую единицу рѣшительно противорѣчащей „основнымъ началамъ“ 1861 года, „Записка“,—считаетъ мелкую земскую единицу непосредственно вытекающей изъ духа Реформы 1861 г., съ условіемъ, что она будетъ отдана подъ надзоръ земскимъ начальникамъ, институтъ которыхъ „Записка“ считаетъ по существу противорѣчащимъ духу 1861 г.—Но во всякомъ случаѣ „Записка“ все же ближе къ требованіямъ времени, чѣмъ проэктъ М. Вн. Дѣлъ. Прежнее руководство экономической политикой страны у автора „Записки“ сказалось нѣсколько бо̀льшимъ пониманіемъ дѣйствительности, сравнительно съ М̀-вомъ Внутр. Дѣлъ. И такое соотношеніе во взглядахъ этихъ вѣдомствъ встрѣчается не въ первый разъ. Реакціоннымъ законодательствомъ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ страна обязана прежде всего министерству Вн. Дѣлъ, съ которымъ боролось въ то время М-во Финансовъ въ лицѣ Н. Х. Бунге, смотрѣвшаго въ

нѣкоторыхъ вопросахъ уже тогда дальше „Записки“ С. Ю. Витте. (Напр. въ вопросѣ о неотчуждаемости надѣловъ).—Въ этой относительной прогрессивности М-ва Финансовъ лежитъ указаніе на то, что хозяйственный процессъ—есть самый надежный прогрессистъ въ нашей странѣ...

Какому изъ этихъ проэктовъ будущее сулитъ удачу? Пока отвѣтить трудно. Настоящее положеніе крестьянскаго вопроса опредѣляется словами Указа Сенату 12-го декабря 1904 г. „Наряду съ подробнымъ на мѣстахъ разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ людей высшаго управленія, совѣщаніи изучаются важнѣйшіе вопросы крестьянской жизни. Мы повелѣваемъ, чтобы заботы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“.

На основаніи этихъ словъ можно признать, что проэктъ М-ва Внутр. Дѣлъ и „Записка“ являются равноправными составляющими элементами будущаго окончательнаго законопроэкта.

Поэтому критика должна имѣть въ виду эти обѣ работы. Законопроэктъ Ред. Ком. носитъ характеръ законченнаго труда, „Записка“ не заключаетъ ясно выраженныхъ юридическихъ нормъ. Но можно быть увѣреннымъ, что и при болѣе точномъ формулированіи своихъ взглядовъ, „Записка“ приблизится къ проэкту Ред. Ком., ибо реакціонныя ноты содержатся въ ней уже въ настоящемъ ея видѣ.

Но страна переживаетъ теперь особенно нервное время. Общественная мысль зрѣетъ не годами, а днями и часами. И быть можетъ обоимъ проэктамъ суждено кануть въ Лету вмѣстѣ со многимъ другимъ еще до рожденія закона... Однако, это не мѣшаетъ намъ еще на одномъ примѣрѣ ознакомиться съ тѣмъ, куда ведетъ страну бюрократія. Присмотримся поближе, что представляетъ изъ себя проэктъ Редакціонной Комиссіи.

II.

Быть можетъ ни одна изъ Комиссій, на обязанности которыхъ лежала выработка законопроэктовъ, затрагивающихъ важныя стороны общественной жизни, не находилась въ столь счастливыхъ условіяхъ, какъ Редакціонная Комиссія по пересмотру Положенія о крестьянахъ. Уже самъ по себѣ десятилѣтній срокъ,—прошедшій со времени начала собиранія матеріаловъ для проекта новаго Положенія,—давалъ казалось-бы полную возможность, даже при помощи обычныхъ средствъ, которыми располагаетъ правительство, правильно отвѣтить на запросы времени и рѣши-

тельно ликвидировать полукрѣпостническое Положеніе о крестьянахъ, выработанное почти полстолѣтія тому назадъ.

Но, какъ извѣстно, правительство не удовлетворилось ни поступающимъ къ нему текущимъ матеріаломъ, ни данными, которыми оно уже располагало въ трудахъ Валуевской и Кахановской Комиссій — многія изъ существеннѣйшихъ положеній которыхъ еще ожидали осуществленія— и предприняло два опроса „мѣстныхъ людей“, давшихъ новый, богатый матеріалъ для отвѣта на вопросы о нуждахъ современной деревни. Первый изъ нихъ—опросъ земскихъ собраній—относится къ 1894—1898 гг., второй — совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности,—съ ихъ шумными инцидентами, вызванными вмѣшательствомъ „независящихъ обстоятельствъ“ въ ходъ работъ „мѣстныхъ людей“, еще свѣжъ у всѣхъ въ памяти. Особенно цѣнный матеріалъ былъ данъ совѣщаніями. Какъ ни мало составъ коллегій изъ „мѣстныхъ людей“, къ которымъ правительство обратилось съ своими запросами, соотвѣтствовалъ составу населенія страны и потому, какъ бы ни неточно, а иногда и пристрастно (рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ) въ полученныхъ отвѣтахъ были отражены нужды мало или вовсе непредставленныхъ въ этихъ коллегіяхъ слоевъ населенія, все-же въ отвѣтахъ „мѣстныхъ людей“, засѣдавшихъ въ совѣщаніяхъ, нужды страны были освѣщены съ силою и полнотою, недоступными для оффиціальныхъ рапортовъ провинціальныхъ властей, направляемыхъ въ центральныя учрежденія. Въ трудахъ большинства уѣздныхъ и губернскихъ совѣщаній о нуждахъ сельскаго хозяйства всѣ „частныя нужды“, которыя угнетаютъ страну, съ знаменательнымъ однообразіемъ выводились изъ одной общей нужды—господства во всѣхъ сферахъ общественной жизни распоряженій и циркуляровъ бюрократическихъ канцелярій и „усмотрѣнія“ безчисленныхъ административныхъ учрежденій. Гнетъ „опеки“ и „усмотрѣнія“ давитъ по мнѣнію совѣщаній страну тяжелымъ камнемъ и этотъ гнетъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ниже на общественной лѣстницѣ состояній лежитъ тотъ слой, котораго они касаются. Наиболѣе страдаетъ отъ этого „усмотрѣнія“, по мнѣнію большинства совѣщаній, наша деревня, гдѣ отношеніе администраціи къ населенію граничитъ съ полнымъ „безправіемъ“... Соотвѣтственно такому взгляду на положеніе дѣлъ, эти совѣщанія всѣмъ „частнымъ мѣрамъ“ къ поднятію благосостоянія деревенской Россіи отводили послѣднее мѣсто, выдвигая на первый планъ общій для деревни и города вопросъ — о коренной реорганизаціи центральнаго и мѣстнаго управленія страной.

Въ своихъ проектахъ передовыя совѣщанія отнюдь не были слѣпыми поклонниками какой-либо политической доктрины. Наоборотъ, проекты ихъ были дѣловиты и практичны и въ нихъ всегда легко было уловить тоны, ясно говорившіе, что авторы этихъ проектовъ принадлежатъ къ имущимъ классамъ населенія, какъ извѣстно, мало склоннымъ въ наше

время къ политическому доктринерству. И именно правильно понятый классовый интересъ подсказалъ большинству совѣщаній правильный путь, для рѣшенія назрѣвшихъ задачъ въ политической и хозяйственной жизни страны. Реорганизація отсталаго права—вотъ единственное средство, которое, въ глазахъ передовыхъ комитетовъ, могло сдвинуть съ мертвой точки русскую жизнь.

Въ частности, по отношенію къ деревнѣ, труды комитетовъ еще разъ раскрыли царящую въ деревнѣ картину безправія и произвола. Еще разъ мы увидѣли картину жизни большинства населенія Россіи, отрѣзаннаго даже отъ той ничтожной культуры, которою пользуются города, управляемаго „исключительными законами", обитающаго въ жалкихъ деревняхъ—этихъ своего рода крестьянскихъ „гетто"...

Для устраненія этого вопіющаго положенія въ частности въ области крестьянскаго законодательства—совѣщанія выдвинули цѣлый рядъ важныхъ предложеній.

На первый планъ ставилось требованіе введенія крестьянства въ общій кругъ юридическихъ и административныхъ учрежденій страны; другими словами: уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и уничтоженіе административной опеки надъ крестьянами, созданной положеніемъ 12 іюля 1889 г. Въ области управленія предлагалось отдѣленіе сельскаго и земельнаго общества и приданія имъ безсословнаго характера. Публично правовый союзъ—сельское общество, долженъ-бы былъ составить наименьшую единицу самоуправленія; частно-правовой союзъ — земельное общество, должно было включить всѣхъ владѣющихъ землею на общинномъ правѣ. Такимъ путемъ предполагалось раздѣлить теперешнее сословное, хаотическое земельно-селенное сельское общество на двѣ, долженствующія выполнять въ жизни деревни совершенно различныя функціи, безсословныя организаціи.

Впрочемъ, меньшинство засѣданій думало иначе. Прежде всего цѣлый рядъ изъ нихъ уклонился отъ постановки „общихъ вопросовъ"—о ненормальности правовыхъ условій, внутри которыхъ протекаетъ жизнь страны. Эти совѣщанія молчаливо признали нормальность существующихъ отношеній и не видѣли никакой необходимости въ безотлагательныхъ реформахъ. Другая часть этихъ совѣщаній, наоборотъ, считала далеко недостаточной опеку надъ населеніемъ, практикуемую современнымъ режимомъ. Она взывала чуть не къ крестовому походу противъ „разнузданнаго", „деморализованнаго" мужика и предлагала свою программу дѣйствій, основная мысль которой—усиленіе власти „на мѣстахъ"...

Примѣнить на практикѣ проекты совѣщаній выпало на долю прежде всего Редакціонной Комиссіи по пересмотру положенія о крестьянахъ. Государственной мудрости ея членовъ случай представилъ тяжелое испытаніе: отъ нихъ зависѣло предоставить жизни итти исконнымъ путемъ и на

настоятельныя нужды страны по прежнему отвѣтить какими нибудь „временными правилами“ или „устраненіемъ частныхъ неблагоустройствъ“ или признавъ, что уже камни начинаютъ вопіять о реформахъ, что нужна радикальная реформа всѣхъ учрежденій страны во всѣхъ областяхъ хозяйства и права, твердой рукой взять „новый курсъ“... Если бы Комиссія дѣйствуя въ послѣднемъ направленіи, въ своемъ законопроектѣ даже не вышла изъ предѣловъ предложеній передовыхъ совѣщаній, она доказала-бы свою способность быть чуткой къ запросамъ жизни...

Но безъ наличности экстраординарныхъ событій бюрократія никогда и нигдѣ не умѣла обнаружить смѣлость иниціативы и дать начало крупной реформаторской работѣ. Только разбуженная отъ дремоты французскими пушками, разгромившими прусскую армію при Іенѣ, прусская бюрократія приступила къ крестьянской реформѣ. Но какъ только волненіе первыхъ годовъ послѣ пораженія улеглось, бюрократія погрузилась въ прежнюю спячку, и крестьянская реформа, какъ извѣстно, проведена была такъ, что Пруссія осталась опутанной цѣлою сѣтью старыхъ феодальныхъ отношеній. Потребовались событія „безумнаго“ 1848 года, чтобы смести добрую половину этихъ „остатковъ“... Но и теперь еще переживанія крѣпостного права пронизываютъ сплошь почти всѣ полубюрократическія прусскія учрежденія. Исторія другихъ государствъ Европы знаетъ аналогичные примѣры, изъ жизни бюрократіи. Въ число этихъ примѣровъ входитъ и наша эпоха Великихъ Реформъ. Интересно было бы опредѣлить, бюрократіи какой страны и до какихъ предѣловъ будетъ теперь подражать наша бюрократія?..

Какой-же путь избрала Редакціонная Комиссія по пересмотру крестьянскаго положенія? Она пошла „старымъ курсомъ“. Въ настоящій, тяжелый для страны моментъ у Комиссіи не нашлось ни силъ, ни способностей къ тому, чтобы указать, какимъ образомъ разрѣдить атмосферу застоя во всѣхъ областяхъ жизни... А это означаетъ, что странѣ нечего ожидать помощи отъ бюрократіи. Въ критическое время, когда положеніе дѣлъ ясно указывало на негодность старой системы управленія деревней, бюрократія, послѣ десятилѣтняго „труда“ ограничила пересмотръ законодательства о крестьянахъ чуть-ли не исправленіемъ одной стилистики въ старомъ Положеніи. Бюрократія еще разъ обнаружила свою несостоятельность.

Уже въ своемъ „Очеркѣ работъ“ Редакціонная Комиссія объявила, что крестьянское положеніе не нуждается въ серьезномъ пересмотрѣ, что „коренныя начала дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ подлежатъ дальнѣйшему соблюденію и охраненію“. Такимъ образомъ, послѣ почти полустолѣтняго существованія, то законодательство, которое самими авторами его было признано „временнымъ“ и несовершеннымъ, объявлялось

нетребующимъ въ основѣ никакихъ измѣненій. Соотвѣтственно такому отношенію къ своей задачѣ, цѣлью законопроекта комиссія считала „устраненіе замѣченныхъ *неблагоустройствъ* въ области крестьянскаго общественнаго управленія, суда и землепользованія". (Труды редакціон. комиссіи. Т. I стр. 35).

Основными началами законодательства о крестьянахъ, „бережное отношеніе" къ которымъ Комиссія вмѣняла себѣ въ обязанность оказались:— „1) обособленность крестьянскаго сословія и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія крестьянами; 2) неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель; 3) неприкосновенность формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ насильственнаго, велѣніемъ закона измѣненія"—(стр. 11).

Рѣшившись опереться въ своей работѣ на эти три „устоя" стараго Положенія, Комиссія стала въ вопіющее противорѣчіе съ жизнью. Это не было случайной ошибкой. Нѣтъ. Вся аргументація Комиссіи показываетъ, что она рѣшилась быть сознательно реакціонной.

Разсмотримъ эту „троицу", на которую хочетъ опереться реакція. *Сословную обособленность* крестьянства, на которую особенно рѣзко нападали передовыя совѣщанія, Комиссія считаетъ необходимымъ не только сохранить, но и поскольку это возможно, укрѣпить. Защита этой „особливости" разсчитана на то, чтобы произвести впечатлѣніе политической основательности и теоретической солидности. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что она страдаетъ глубокимъ и непримиримымъ противорѣчіемъ.

Въ первой части аргументаціи крестьянская сословность объявляется продуктомъ безсознательнаго историческаго процесса, явленіемъ прочно сросшимся со всею русскою жизнью; „оплотомъ" противъ всякихъ „безпочвенныхъ теченій", посягать на который безнаказанно не можетъ законодатель;—во второй части, наоборотъ, крестьянская сословность оказывается результатомъ сознательнаго „выдѣленія" правительствомъ крестьянства „въ особую группу", на каковое „выдѣленіе" государство, по мнѣнію комиссіи, имѣетъ полное право... „Историческая" необходимость крестьянской сословности обосновывается въ такихъ выраженіяхъ: „со временъ незапамятныхъ и доселѣ земля и земледѣльческій промыселъ составляли и составляютъ для русскаго крестьянина почти исключительный и во всякомъ случаѣ важнѣйшій предметъ его жизненной дѣятельности, сосредоточеніе всѣхъ его заботъ и попеченій и основу его матеріальнаго достатка. Постоянная близость къ землѣ, въ связи съ особенностями сельско-хозяйственнаго труда и быта, положили неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразились на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и *создали весь внутренній складъ крестьянскихъ общественныхъ союзовъ*. Воспитанные въ неустанномъ упорномъ

трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и слѣдовательно отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности, и такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій.

Въ этомъ, издавна сложившемся и устоявшемъ въ теченіе вѣковъ бытовомъ своеобразіи нашего крестьянства лежитъ залогъ прочности его особливаго сословнаго строя. Сельское населеніе является сословнымъ цѣлымъ не по имени, не по буквѣ закона, но по своей внутренней крѣпости и сплоченности (стр. 12).

Такимъ образомъ, здѣсь крестьянство представляется Редакціонной Комиссіи грознымъ „оплотомъ", о который разобьются всѣ враждебныя государству силы... Но въ дальнѣйшемъ ходѣ защиты сословности Редакціонная Комиссія вдругъ начинаетъ намъ изображать крестьянство слабой группой населенія, опекать и охранять которую составляетъ „право" (?) государства.

„Право государства *на выдѣленіе крестьянъ въ особенную группу подчиненную ближайшему надзору особыхъ* правительственныхъ органовъ, является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ, весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскагѳ быта. Надѣленіе крестьянъ землею за счетъ иного сословія обязываетъ правительство къ бдительному надзору за тѣмъ, чтобы этотъ земельный фондъ дѣйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ,—а именно обезпечивалъ существованіе крестьянства, взятаго, какъ сословіе, т. е. въ преобладающей его массѣ, а не только единичныхъ его представителей. Наконецъ, государство и до сихъ поръ не перестаетъ принимать особыхъ мѣръ къ обоснованію и упроченію благосостоянія земледѣльческаго рода. Съ этой цѣлью оно открываетъ крестьянамъ доступъ къ обширнымъ казеннымъ землямъ, снабжаетъ ихъ особымъ кредитомъ для пріумноженія ихъ земельнаго фонда... Словомъ, государство и понынѣ продолжаетъ свою попечительную по отношенію къ крестьянству дѣятельность. Но тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимися его попечительными заботами" (стр. 15).

Здѣсь „сословность" уже является простымъ средствомъ наиболѣе удобнаго „надзора" за крестьянствомъ. Этотъ „надзоръ" Комиссія съ фанатическимъ упорствомъ продолжаетъ считать единственной панацеей отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ. Уроки исторіи изъ области практики этого „надзора" прошли безслѣдно для нашихъ авторовъ исправленія „неблагоустройствъ" въ жизни деревни. Между тѣмъ исторія говоритъ, что

какъ часто ни хваталась бюрократія за „надзоръ", какъ за средство спасенія, онъ никогда не оправдывалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Не касаясь исторіи крестьянства въ XVIII в., мы въ XIX в. видимъ, какъ неоднократно рушатся надежды на „надзоръ". Въ 1825 году графъ Канкринъ докладывалъ Государственному Совѣту: „недостатокъ ближайшаго *надзора и защиты*, между прочимъ есть причина, что благосостояніе крестьянъ падаетъ и число недоимокъ на нихъ лежащихъ умножается" [1]). Въ 1889 году большія надежды возлагались на отданіе крестьянства подъ надзоръ „*близкой къ народу сильной власти*".—Въ 1904 году Редакціонная Комиссія не находитъ предложить ничего лучшаго, кромѣ продленія „надзора" за крестьянствомъ въ законопроектѣ, который „предназначенъ существовать многіе годы" [2]).

Только что приведенное обоснованіе „правъ государства" на „опеку" крестьянства заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ подробно, такъ какъ оно освѣщаетъ своеобразную государственно-правовую теорію, на которой стоятъ авторы законопроекта.

По теоріи Редакціонной Комиссіи государство—это нѣчто, остающееся за вычетомъ изъ цѣлой Россіи большинства ея населенія — имѣетъ право выдѣлить крестьянство въ „особую группу," такъ какъ оно несло ради него „жертвы": въ видѣ надѣленія его землею „за счетъ иного сословія, и т. д.".

Поскольку всѣ эти заявленія исторически вѣрны? Прежде всего, если бы все это и было вѣрно, то въ лучшемъ случаѣ такъ можно обосновать „право государства" на опеку только бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а не всѣхъ крестьянъ вообще; такъ какъ ни государственные, ни удѣльные крестьяне не были надѣлены землею за счетъ какого-либо „иного сословія".—Но и помимо того, что вообще можетъ означать „жертва государства" въ пользу какого-либо сословія? Это могло быть только расходованіемъ суммъ государственнаго казначейства въ интересахъ этого сословія. А такъ какъ эти суммы составляются изъ налоговъ, главными плательщиками которыхъ являются крестьяне, то всякая „жертва" государства въ пользу крестьянъ есть не болѣе какъ расходъ, произведенный изъ кармана самихъ-же крестьянъ.

Это съ особенной наглядностью видно на примѣрѣ „жертвы", приведенный Редакціонной Комиссіей: „надѣленіе крестьянъ землею за счетъ иного сословія".—Самъ по себѣ споръ о томъ кому принадлежало право собственности на полученную крестьянами въ надѣлъ землю, не можетъ быть рѣшенъ въ пользу помѣщиковъ.—Главную массу этихъ земель составляютъ земли государственныя, отданныя въ свое время служилымъ людямъ на кормленіе за службу, которую они несли, и право на которыя у

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. Т. II, Стр. 33.
[2]) Труды Редакціонной Комиссіи. т. V Стр. 387.

нихъ должно было считаться потеряннымъ, какъ только „служба" прекращалась или начинала оплачиваться деньгами. Къ этому надо прибавить населенныя имѣнія, розданныя въ XVIII и XIX вв. дворянству въ огромномъ количествѣ. При освобожденіи крестьянъ правительство могло-бы взять всѣ эти земли даромъ у помѣщиковъ, но, какъ говоритъ сенаторъ Н. Семеновъ, правительство „не считало справедливымъ отнять ихъ даромъ у дворянства, за которымъ оно само ихъ укрѣпило" [1]).

Поэтому правительство заставило крестьянство выкупить эти земли у помѣщиковъ за сумму, включавшую не только цѣну земли, но и цѣну отпускаемыхъ на волю крестьянскихъ душъ... [2]). И при этой операціи были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы интересы помѣщиковъ какимъ либо образомъ не пострадали... Журналомъ 26 октября 1858 года было положено: „при разсмотрѣніи и при обнародованіи всѣхъ законодательныхъ по дѣлу работъ, соблюсти непремѣнно условія: а) *чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ*; b) *чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его охранены* "... [3]).

Относительно „жертвъ" казны по выкупной операціи интересно привести компетентное мнѣніе одного изъ министровъ финансовъ. Въ 1893 г. Бунге писалъ по этому поводу: „Едва ли можно ссылаться на жертвы казны [4]). Извѣстно, что государственное казначейство никакихъ операцій, обременявшихъ финансы, при освобожденіи крестьянъ не предпринимало, и если были выпущены % бумаги на выкупъ надѣловъ, то платежъ по нимъ % и погашенія палъ на освобожденныхъ крестьянъ. Изъ отчетовъ государственнаго банка по выкупной операціи до 1892 года оказывается, что крестьяне уже уплатили около милліарда рублей (988 м. р. срочныхъ платежей и погашенія и 11 милл. руб. особыхъ взносовъ)—и что на крестьянахъ числилось еще къ 1893 году капитальнаго долга 532 мил. руб. [5])".

Не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и утвержденіе Комиссіи о томъ, что „государство" всегда руководствуется правиломъ: надзирать за „пользующимися его попечительными заботами". Государство, напримѣръ, открываетъ дво-

---

[1]) Н. Семеновъ. О будущемъ крестьянскаго сословія въ Россіи. Стр. 54.

[2]) Проф. П. Мигулинъ считаетъ этотъ выкупъ „душъ" вполнѣ нормальнымъ. См. его Русскій Госуд. Кредитъ, т. I. Стр. 249.

[3]) Н. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ, т. I. Стр. 79.

[4]) М. Кашкаровъ. Историческая справка о правахъ крестьянъ на ихъ земельные надѣлы... СПБ. 1904 г.

[5]) Легенду о „жертвахъ" Ред. Ком. повторяетъ и въ своемъ объясненіи къ статьямъ „объ отчужденіи над. земель". Такъ на стр. 33. Т. V. говорится вновь о „крупныхъ жертвахъ со стороны государства и дворянства „при надѣленіи крестьянъ землею при освобожденіи".

рянству „доступъ къ казеннымъ землямъ,“ снабжаетъ дворянство особымъ кредитомъ для „пріумноженія“ его „земельнаго фонда“, и не въ меньшей, а даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ крестьянство и, тѣмъ не менѣе, оно не выводитъ отсюда „права особаго надзора“ за дворянствомъ... Съ другой стороны, если отбросить частно-правовой взглядъ на государство, по которому государство смотритъ на населеніе, какъ въ былое время вотчинная контора смотрѣла на подвѣдомственныя ей „души“,—прежде всего какъ на платежную силу,—то направленіе суммъ государственнаго казначейства на поднятіе культурнаго и матеріальнаго уровня большинства населенія должно составить прямую задачу государства (по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ учебники государственнаго права) и никакихъ „правъ“ на „надзоръ“ за этимъ большинствомъ у государства возникнуть не можетъ.

Сдѣлавъ „сословность“ краеугольнымъ камнемъ своего законопроекта, Редакціонная Комиссія могла согласиться только на ничтожныя измѣненія какъ въ области сословнаго крестьянскаго управленія, такъ и въ крестьянскомъ сословномъ судѣ. Наиболѣе существеннымъ измѣненіемъ, которое вноситъ комиссія, является раздѣленіе сельскаго общества, въ порядкѣ управленія на „сельское общество“ и „земельное общество“, чѣмъ какъ будто выполняется давнишнее требованіе сторонниковъ уничтоженія архаическаго крестьянскаго управленія. Но и это измѣненіе есть не болѣе какъ внѣшность. Прежде всего оба эти „общества“ остаются строго крестьянскими по прежнему. Изъ участія даже на сельскихъ сходахъ, предметомъ вѣдѣнія которыхъ являются направленныя къ удовлетворенію общихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей крестьянъ (?) мѣропріятія „противопожарныя, санитарныя, врачебныя, сельско-хозяйственныя и школьныя“ — исключаются всѣ лица не крестьянскаго сословія, живущіе въ деревнѣ, въ томъ числѣ и приписанные къ обществу лица изъ податныхъ сословій, а равно и крестьяне, не владѣющіе недвижимостью. Только бюрократическое мышленіе способно взяться доказывать, что въ „санитарныхъ“, „врачебныхъ“ и другихъ мѣропріятіяхъ крестьянинъ-собственникъ заинтересованъ болѣе, чѣмъ всякій другой житель деревни, безразлично собственникъ или пролетарій. Съ другой стороны эти чисто крестьянскіе сходы дѣлаютъ постановленія, обязательныя для всѣхъ некрестьянскихъ членовъ деревни. За неисполненіе постановленій сельскаго и земельнаго сходовъ, а также за неисполненіе его законныхъ личныхъ требованій сельскій староста (ст. 59) можетъ подвергать всѣхъ лицъ податныхъ состояній аресту до 2-хъ дней, штрафу до 1-го рубля и назначенію на общественныя работы до 2-хъ дней. Такимъ образомъ лица изъ приписанныхъ къ обществу податныхъ сословій должны исполнять, подъ опасеніемъ наказанія безъ суда, постановленія схода, въ которомъ они не имѣютъ права принимать участія, и исполнять „личныя“ требованія сельскаго старосты, къ выборамъ котораго они не допу-

скаются. Этими статьями законопроектъ не только не открѣпощаетъ крестьянина отъ сельскаго общества, но закрѣпощаетъ ему еще и другія сословія. Правда мизерную, но все же уступку „духу времени" законопроектъ дѣлаетъ допущеніемъ участія на волостныхъ сходахъ представителямъ лицъ не крестьянскихъ податныхъ состояній, приписанныхъ къ обществу, съ правомъ рѣшающаго голоса (ст. 67) и лицамъ не податныхъ состояній, съ правомъ совѣщательнаго „голоса" (ст. 98)...

Высшія должностныя лица деревни: сельскій староста (ст. 59) и волостной старшина (ст. 107) занимающія „первыя мѣста"—первый на сельскомъ и земельномъ сходахъ, второй на волостномъ сходѣ — обладаютъ значительной дисциплинарной властью по отношенію ко всѣмъ членамъ волостныхъ сходовъ и въ то же время за неисполненіе распоряженій и личныхъ законныхъ требованій земскаго начальника могутъ быть оштрафованы безъ суда до 25 рублей и наказаны арестомъ до 7 дней (ст. 144). Кромѣ того, они обязаны исполнять всѣ законныя требованія судебнаго слѣдователя и чиновъ мѣстной полиціи. (ст. 56 и ст. 105).

Власть земскаго начальника не претерпѣваетъ въ законопроектѣ комиссіи никакихъ ограниченій. Земскій начальникъ можетъ, если захочетъ, совсѣмъ не считаться съ постановленіями сходовъ земельныхъ и сельскихъ. „Независимо" отъ постановленія сходовъ, онъ входитъ съ представленіемъ о раздѣленіи многолюдныхъ обществъ, (ст. 11), о соединеніи малолюдныхъ сельскихъ обществъ (ст. 8), онъ можетъ, независимо отъ приговора, замѣнить сельскій сходъ, сходомъ выборныхъ (ст. 52) и т. д.

Въ такой-же мѣрѣ мало, какъ въ области сельскаго управленія, законопроектъ устраняетъ „неблагоустройство" въ области волостного суда. Волостной судъ по прежнему остался въ первой инстанціи сословнымъ, съ господствомъ въ немъ неизвѣстнаго даже крестьянамъ русскаго „обычая", являющагося въ каждомъ случаѣ его примѣненія не болѣе, какъ прямымъ произволомъ данной группы „выборныхъ" судей, во второй инстанціи — онъ состоитъ изъ чиновниковъ, совершенно чуждыхъ деревнѣ и руководствуется „римскимъ" правомъ... „Выборный" и „независимый" волостной судья может быть простымъ „усмотрѣніемъ" земскаго начальника наказанъ штрафомъ и арестомъ. Крестьянскій судъ остался подъ прежнимъ давленіемъ земскаго начальника; крестьянинъ, по прежнему, при столкновеніи съ лицомъ привилегированнаго сословія, въ зависимости отъ желанія послѣдняго, можетъ быть судимъ или въ „своемъ" волостномъ, или въ общемъ судѣ. Словомъ, правовой голодъ, отъ котораго страдаетъ крестьянство, вмѣстѣ съ голодомъ физическимъ и культурнымъ, останется тяготѣть надъ деревней, если законопроекту Редакціонной Комиссіи суждено стать закономъ по прежнему, „на многіе годы"...

Вторымъ „кореннымъ началомъ", „одухотворяющимъ", по мнѣнію комиссіи Положеніе 61 года, и подлежащимъ „дальнѣйшему соблюденію"

является *принципъ неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ*. Редакціонная Комиссія понимала, въ какое странное недоразумѣніе она впадаетъ, приводя въ тѣсную связь Положеніе 61 г. и законъ о неотчуждаемости надѣловъ, изданный въ 1893 г., при совершенно иной обстановкѣ и въ то время, когда въ политикѣ господствовало прямо противоположное 61 году направленіе. Достаточно указать, что въ Комиссіи, которая вырабатывала законопроектъ о неотчуждаемости надѣловъ предсѣдательство принадлежало сенатору фонъ-Плеве. Однако Редакціонная Комиссія сочла возможнымъ утверждать, что неотчуждаемость надѣловъ вполнѣ соотвѣтствуетъ той „цѣли, которая имѣлась въ виду при освобожденіи въ 1861 г. крестьянъ съ землею [1])". Приведемъ справку о томъ, какъ смотрѣли на дѣло сами дѣятели 1861 года.

„Въ засѣданіяхъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу 19, 24—29 ноября 1858 г., было предписано „стараться" при разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ — какъ въ предварительной комиссіи, учрежденной въ Главномъ Комитетѣ, такъ и окончательно въ Главномъ Комитетѣ—„чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками [2])".

Съ другой стороны въ манифестѣ 19 февраля 1861 года говорится: „Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ (крестьянамъ) дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодія, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освобождаются отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ состояніе свободныхъ крестьянъ собственниковъ". Такихъ категорическихъ заявленій, опредѣляющихъ отношеніе къ этому вопросу дѣятелей реформы 61 года, можно найти въ соотвѣтствующей литературѣ сколько угодно. Всѣ они будутъ говорить одно: „духъ" Реформы заключался въ созданіи крестьянства, свободно владѣющаго выкупленной землею.

Извѣстно, что, когда въ 1884 г. министерство Внутреннихъ Дѣлъ подняло вопросъ о неотчуждаемости надѣловъ, то оно не встрѣтило поддержки со стороны нѣкоторыхъ министерствъ [3]). Такъ М-во двора и удѣловъ высказало въ 1888 году слѣдующее: „надѣливъ крестьянъ землею, оно (Положеніе 19 февраля) предоставило имъ пользоваться и распоряжаться этою землею, какъ ихъ достояніемъ на правѣ полной собственности, и если допустило нѣкоторыя въ этомъ отношеніи ограниченія, то, главнымъ образомъ, въ фискальныхъ интересахъ казны, въ виду необходимости обезпе-

[1]) Труды Ред. Ком. Т. I, стр. 30.

[2]) М. Кашкаровъ. Ibid. Стр. 2, 6.

[3]) Ibid. Стр. 7. Отчасти исторія вопроса изложена и въ Труд. Ред. Ком., т. V. Стр. 30.

чить надлежащимъ образомъ лежащій на крестьянскихъ земляхъ выкупной долгъ... [1])“

Несмотря на то, что Ред. Комиссіи хорошо была извѣстна переписка „вѣдомствъ“ по этому вопросу, она по отношенію къ надѣльнымъ землямъ приняла точку зрѣнія закона 1898 г. „Надѣльныя земли, имѣя государственное значеніе и служа обезпеченіемъ быта крестьянъ, не могутъ составить предметъ свободнаго оборота и потому не подлежатъ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, а должны подчиняться особымъ постановленіямъ, направленнымъ къ охраненію тѣхъ задачъ, въ цѣляхъ достиженія коихъ земли эти были предоставлены крестьянамъ“. (Очеркъ работъ Р. К).

Что надѣльныя земли крестьянъ не могутъ, по своей недостаточности, служить „обезпеченіемъ быта“ крестьянъ, неоднократно доказывалось въ печати; объ этомъ-же много трактовали совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Полная недостаточность надѣловъ, въ особенности у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, была очевидна для всѣхъ даже въ самый моментъ реформы. Это не было секретомъ и для центральныхъ учрежденій. Бывшій министръ финансовъ Бунге писалъ по этому поводу въ 1893 году: „обезпеченіе быта крестьянъ, конечно, не зависитъ отъ одной надѣльной земли, которая не можетъ предупредить образованіе сельскаго пролетаріата, существующаго въ Россіи точно также, какъ на Западѣ [2]), но тамъ вообще въ меньшей степени, чѣмъ у насъ. Одинъ видъ селеній въ Западной Европѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, при сравненіи съ большинствомъ русскихъ деревень, едва-ли даетъ намъ право видѣть нищету и пролетаріатъ на Западѣ, а благосостояніе у насъ [3])“...

Десятилѣтнее примѣненіе закона 1893 года не остановило ни въ малѣйшей степени пролетаризаціи русской деревни, и это показываетъ, что причины тому лежатъ совершенно въ иной плоскости. Редакціонная Комиссія сама приводитъ данныя, показывающія, что по 46 губерніямъ за 28 лѣтъ (къ 90 году) досрочно было выкуплено крестьянами изъ 96,4 мил. дес. всего 0,7 мил. дес., при чемъ $^2/_3$ этого количества остались въ рукахъ выкупившихъ ихъ лицъ; въ руки-же постороннихъ лицъ перешло всего 0,12 мил. дес. [4]).

Впрочемъ, фактъ этотъ былъ тогда извѣстенъ М-ву внутреннихъ дѣлъ, но оно заявило, что „статистическія“ данныя здѣсь ничего доказать не

---

[1]) М. Кашкаровъ, Ibid. стр. 7.

[2]) М. Кашкаровъ, стр. 15. — Здѣсь „пролетаризація“ и пауперизація смѣшиваются.

[3]) Къ свѣдѣнію всякаго рода россійскихъ Тартюфовъ, кивающихъ на „пролетаризованную“ Европу.

[4]) Труды Ред. Ком. Т. V. Стр. 358.

могутъ, что это „вопросъ принципа“: „дѣло не въ величинѣ мобилизаціи, а въ нежелательномъ и вредномъ характерѣ этого явленія при какомъ-бы то ни было размѣрѣ“ [1]). Тщетно Бунге возражалъ, что, „статистика“ въ данномъ случаѣ прочнѣе „принциповъ“, всегда зависящихъ отъ царящихъ въ политикѣ въ данный моментъ „вѣяній“,—„принципы“ сенатора фонъ-Плеве были предложены на уваженіе Государственнаго Совѣта и приняты 14 декабря 1894 г.

Послѣдній устой, на которомъ зиждется законопроектъ Редакц. Комиссіи, есть *поземельная община*. Но если бы даже въ этомъ вопросѣ Комиссіи удалось взять вѣрный тонъ, то деревня выиграла бы отъ этого очень мало, такъ какъ часть проекта, касающаяся сельскаго управленія, дѣлаетъ положеніе деревни настолько тяжелымъ, что поправить дѣло правильной постановкой вопроса объ общинѣ уже нельзя. Однако, Комиссія осталась вѣрна себѣ т. е. сдѣлала и въ этой части все, что было въ ея силахъ для сохраненія status quo. Встать на вѣрный путь въ вопросѣ объ общинѣ—означало, освободить общину отъ административнаго давленія, дать свободу выхода изъ нея всѣмъ желающимъ, сдѣлать ее безсословной и предоставить „естественному теченію“. Такъ и хотѣла сдѣлать Редакціонная Комиссія 1861 г., но отъ этого, какъ извѣстно, ей рѣшительно при-

---

[1]) За это-же время, лицами сельскихъ состояній пріобрѣтено 6,5 мил. дес. земли. Ред. Ком. можетъ думать, что это явленіе—одного и того же порядка, что и потеря 0,12 милл. дес. земли: послѣднюю землю скупили тѣ-же зажиточные крестьяне, которые купили и 6,5 милл. дес. дворянской земли—во всякомъ случаѣ около 10 тыс. крестьянъ потеряли свои надѣлы... Но сама-же Ред. Ком. говоритъ, что ее интересуютъ „не отдѣльныя лица, а крестьянское сословіе въ цѣломъ“. А въ „цѣломъ“, за эти 28 лѣтъ крестьянское сословіе пріобрѣло 6,5 милл., да кромѣ того скупаютъ земли зажиточные крестьяне, а „не слѣдуетъ забывать говоритъ Ред. Ком., что зажиточные крестьяне, будучи непосредственно заинтересованы въ *охранѣ принципа собственности* (курсивъ подлинника) являются вездѣ надежнѣйшимъ оплотомъ существующаго порядка, стоять на стражѣ котораго побуждаютъ ихъ собственные интересы. Отсюда понятна сама собой неправильность взгляда (довольно однако распространеннаго), склоннаго усматривать въ разбогатѣвшихъ крестьянахъ едва-ли не худшій и наиболѣе вредный элементъ населенія и клеймящаго ихъ названіемъ *кулаковъ и міроѣдовъ* и т. п.“ Съ другой стороны, при сопоставленіи цифръ 6,5 милл. дес. и 0,12 милл. дес., ясно, „что пріобрѣтательная дѣятельность зажиточныхъ крестьянъ въ главномъ происходитъ „не за счетъ массы крестьянства. И такимъ образомъ исполняется требованія Ѳ. Торнера, сочувственно цитируемаго Ред. Ком.: *Необходимо не то, чтобы всѣ были надѣлены землею* (курсивъ нашъ), желательно не то, чтобы значительныя пространства земли были сосредоточены въ рукахъ отдѣльныхъ крестьянъ, *а желательно, чтобы въ странѣ сохранялось достаточное число крестьянскихъ семей, обезпеченныхъ въ своемъ существованіи земельнымъ надѣломъ* (Курсивъ подлинника). Труды Ред. Ком. Т. V. Стр. 451.

шлось отказаться, такъ какъ съ общиной она прежде всего связывала интересы фиска и удобства управленія. Но что въ началѣ Ред. Комиссія 61 года имѣла въ виду провести принципъ невмѣшательства въ общинную жизнь, ясно видно хотя бы изъ слѣд. рѣчи Ростовцева [1]): „Нѣтъ, господа, ломать исторіи я Вамъ не позволю. Я не профессоръ и не буду Вамъ объяснять, какъ образовалась у насъ община. Въ нашей литературѣ много объ этомъ: разсужденій и споровъ; но у насъ община есть и, слѣдовательно, нужна, мы и должны ее сохранить. Ломать мы ничего не должны. Когда Вы говорите о свободѣ, я Вамъ уступаю: отворите, какъ хотите, широко ворота для выхода всякаго крестьянина изъ общины, но не ломайте общины—пусть она остается".

Разсматриваемый законопроектъ по словамъ Ред. Комиссіи, имѣлъ въ виду установить, наконецъ, этотъ нейтралитетъ государства по отношенію къ общинѣ. „Въ основу настоящаго проекта положены тѣ мысли, что общину не слѣдуетъ ни разрушать, ни искусственно поддерживать, а нужно лишь, уничтоживъ фискально-принудительный характеръ ея, дать изъ нея свободный выходъ лицамъ, тяготящимся условіями общиннаго быта и не желающимъ оставаться въ общинѣ" [2]). Такая постановка вопроса, если бы она получила въ проектѣ практическое примѣненіе, свидѣтельствовала-бы о тѣмъ большей принципіальности Ред. Ком., что сама она предвидитъ въ будущемъ ростъ подворнаго владѣнія за счетъ общиннаго. „То обстоятельство, что нынѣ стремленіе переходить къ подворному владѣнію обнаруживается среди крестьянъ лишь въ слабой степени, отнюдь не служитъ порукою, что такое стремленіе со временемъ не усилится и не достигнетъ широкихъ размѣровъ. Съ такою возможностью нельзя не считаться, особенно если имѣть въ виду, что *будущій законъ предназначенъ существовать многіе годы*, въ теченіе которыхъ, самою силою вещей, бытовыя и хозяйственныя условія крестьянъ подвергнутся кореннымъ измѣненіямъ". [3]) Съ другой стороны Комиссія, отказывается признать, что теперь въ своей основѣ крестьянское правосознаніе является коммунистическимъ. „Разверстка земли по ревизскимъ душамъ не является устарѣлымъ пережиткомъ прошлаго, но *глубоко внѣдрилась въ правосознаніе* крестьянъ и находится въ тѣсной связи, какъ съ выкупной операціей такъ и съ постепеннымъ развитіемъ въ крестьянской средѣ индивидуалистическаго начала [4]).

И однако, въ концѣ концовъ, законопроектъ сталъ далеко не въ нейтральное отношеніе къ общинѣ; онъ сдѣлалъ своей задачей, возможно „бережное" отношеніе къ общинѣ, ибо Комиссія имѣла еще въ виду „указанія" Манифеста

---

[1]) Н. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ, т. 2. Стр. 383.
[2]) Труды Р. К. Т. V. Стр. 350.
[3]) Ibid. Стр. 387.
[4]) Ibid. Стр. 178.

26 февраля 1903 года о „неприкосновенности общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія" [1]). При такихъ условіяхъ Комиссія далеко не выдержала того отношенія къ формѣ землевладѣнія, которая по ея словамъ легла въ основу законопроекта. Прежде всего проектъ не выполняетъ выставленнаго имъ положенія о предоставленіи „тяготящимся общиной" облегченія выхода изъ нея... Этотъ принципъ нарушенъ, какъ по отношенію къ тѣмъ, кто хочетъ перейти изъ общины на особый, „отрубной" участокъ (ст. 130), такъ и по отношенію къ тѣмъ, кто хочетъ окончательно выйти изъ общины (ст. 153; о Крестьянскомъ Управленіи). Дѣйствительно, ст. 130 гласитъ: „Каждый домохозяинъ въ правѣ при всякомъ передѣлѣ требовать выдѣла къ одному мѣсту... если изъявитъ согласіе выселиться на отводимый ему участокъ".—Эта статья, назначеніе которой „дать свободный выходъ изъ общины", на самомъ дѣлѣ заключаетъ настолько серьезныя препятствія къ выходу изъ общины, что часто будетъ дѣлать его совершенно невозможнымъ. Прежде всего необходимое условіе выхода, обязательное поселеніе на отрубномъ участкѣ, будетъ являться сильнымъ тормазомъ къ тому—во первыхъ за недостаткомъ на отведенномъ участкѣ подходящихъ къ отдѣльному жительству условій; во-вторыхъ въ силу необходимости производить расходы на переносъ построекъ и т. д. Кромѣ того, минимальный срокъ передѣловъ по проекту остается равнымъ двѣнадцати годамъ. Такимъ образомъ въ самомъ благопріятномъ случаѣ выдѣлы будутъ производиться одинъ разъ въ 12 лѣтъ. Но Ред. Ком. сама констатируетъ тенденцію къ удлиненію сроковъ передѣловъ, и соотвѣтственно, уменьшеніе возможности для желающихъ выхода изъ общины. Однако, если согласиться съ Ред. Ком., что всѣ эти ограниченія необходимы для охраны интересовъ остающагося въ общинѣ большинства, то имѣется еще одно возраженіе, опровергнуть которое было не по силамъ даже непринужденной аргументаціи проекта. Въ тѣхъ общинахъ, а таковыхъ по словамъ самой Комиссіи очень много во всѣхъ областяхъ Россіи—гдѣ передѣлы вовсе не производятся,—ст. 130 не будетъ имѣть никакого практическаго значенія.

Ст. 130 самой Комиссіей признается для однѣхъ мѣстностей не имѣющей значенія, для другихъ—съ ничтожнымъ значеніемъ и въ общемъ имѣющей „очевидныя невыгодныя стороны". — Внесеніе этой безсодержательной статьи въ законопроектъ Комиссія оправдываетъ „по-

---

[1]) Ibid. стр. 388. „Поощреніе (подворнаго владѣнія) не только не можетъ входить въ цѣли проекта одинаково безпристрастно относящагося къ общинному и подворному владѣнію, „но шло-бы въ разрѣзъ съ Высочайше преподанными въ Манифестѣ 26 ф. 1803 г. указаніями относительно *неприкосновенности* общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія".

ложенной въ основу проекта мысли о нежелательности разрушать общину" [1]).

Вторая статья, имѣющая ту же цѣль—дать „свободный выходъ" изъ общины, разрѣшаетъ домохозяину, владѣющему землею на общинномъ правѣ при условіи отказа отъ права участія во владѣніи мірской землею, выйти изъ состава названнаго общества" [2]). Эта статья дѣлаетъ выходъ изъ общины „свободнымъ" развѣ въ томъ смыслѣ, что „освобождаетъ" крестьянина отъ его земельнаго имущества [3]). Не давая права уходящему члену требовать отъ сельскаго общества даже денежнаго вознагражденія за свой надѣлъ, эта статья, во многихъ случаяхъ, будетъ задерживать ликвидацію отношеній къ общинѣ у лицъ „тяготящихся" ею.

Но представляя такую власть въ общинѣ большинству надъ отдѣльными членами, оставляетъ-ли проектъ, по крайней мѣрѣ, это большинство автономнымъ въ области распоряженія общинной землей?.. И на этотъ вопросъ надо отвѣтить отрицательно: законопроектъ „опекаетъ" общину на каждомъ шагу и позволяетъ земскому начальнику вмѣшиваться въ самые существенные вопросы общинной жизни. По прежнему въ общинѣ отдѣльный членъ закрѣпощенъ большинству, а сама община закрѣпощена земскому начальнику.

Въ смыслѣ бюрократически-шаблонизированной опеки надъ общиной, характерна ст. 75, устанавливающая минимальный срокъ передѣловъ въ 12 лѣтъ. Этотъ „произвольный" срокъ, установленный для цѣлой страны, введенъ еще закономъ въ 1893 г Несмотря на то, что за время, прошедшее со времени изданія этого закона, ни теорія, ни практика не внесли ничего, что можно было бы сказать въ защиту этого закона,—Ред. Ком. переноситъ его цѣликомъ въ свой законопроектъ. И это не потому, что она не знаетъ возраженій, которыя выдвигались противъ закона о передѣлахъ. Вообще бюрократію чаще можно упрекнуть не въ томъ, что она не знаетъ, а въ томъ, что она не умѣетъ сдѣлать употребленія изъ своихъ знаній. Для того, чтобы получить достаточное количество свѣдѣній для освѣщенія любыхъ вопросовъ жизни, она всегда располагала и матеріальными, и персональными средствами въ избыткѣ. И въ данномъ случаѣ Ред. Ком. отлично сознаетъ вредъ „огульныхъ" мѣръ, она знаетъ, что „при на-

---

[1]) Труды Р. К. т. V стр. 3:0; стр. 201. *„Передѣлы отсутствуютъ въ значительномъ числѣ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ".*

[2]) Ст. 153 Положенія о крестьянскомъ управленіи.

[3]) А между тѣмъ, по мнѣнію Ред. Ком. „крестьяне никогда не могли усвоить себѣ представленіе *о безправности отдѣльныхъ членовъ общества* по отношенію къ надѣльной землѣ. Признавая, наоборотъ, права на землю за каждымъ членомъ общества, сами крестьяне увидѣли въ надѣленіи землею по ревизскимъ душамъ *законное обоснованіе права каждой семьи на то* именно количество земли, какое причиталось на ея долю по числу ревизскихъ душъ". Труды Р. К., т. V. Ст. 175.

чертаніи закона“ слѣдуетъ „прежде всего имѣть въ виду требованія жизни“, и что „предѣльные сроки“ всегда носятъ „нѣсколько условный и даже произвольный характеръ“ [1]) и тѣмъ не менѣе срокъ въ 12 лѣтъ остается, хотя онъ установленъ на основаніи „имѣющихся весьма неполныхъ данныхъ“.—Внося 75 ст. въ свой проектъ, Ред. Ком. дѣлаетъ двойную ошибку: во первыхъ она заставляетъ вмѣшиваться законодательство въ область такихъ отношеній, гдѣ лучшимъ принципомъ является „laisser faire“, во-вторыхъ,—выступивъ съ нормировкой общинныхъ отношеній,— она нормируетъ ихъ совершенно произвольнымъ образомъ.

Не менѣе вредное вмѣшательство въ общинную жизнь представляютъ ст. 88 и 89, по которымъ „уѣздный съѣздъ, разсмотрѣвъ представленный земскимъ начальникомъ при его заключеніи приговоръ о передѣлѣ, можетъ отказать въ его утвержденіи“...

Такимъ путемъ посторонніе общинѣ люди всегда получаютъ власть опредѣлять, въ чемъ заключается „явный ущербъ для общества“ и безапеляціонно рѣшать не „нарушены-ли постановленіемъ общества права отдѣльныхъ его членовъ“...

Въ общемъ, за исключеніемъ ст. 115 и 116, облегчающихъ до извѣстной степени образованіе выселковъ, все въ общинѣ остается по старому: крестьянинъ по прежнему остается закрѣпощеннымъ „міромъ“ и администраціей. Претенціозное заявленіе Ред. Ком. о томъ, что только со времени реформы 12 іюля 1889 года правительство получило возможность ознакомиться съ истинными нуждами деревни и представить законопроектъ, въ которомъ эти нужды трактовались-бы не съ точки зрѣнія абстрактныхъ теорій, а сообразно требованіямъ жизни—оказалось высокопарной фразой: „истинныхъ“ нуждъ деревни Ред. Ком. не знаетъ до сихъ поръ.

Полная безпомощность Комиссіи разобраться въ сложномъ крестьянскомъ вопросѣ съ особенной яркостью обнаруживается, когда она—вопреки совѣщаніямъ, представившимъ рядомъ съ крупными нуждами деревни, длинные перечни „малыхъ нуждъ“,—резюмируетъ въ слѣд. выраженіяхъ источникъ бѣдъ сельскаго хозяйства: „Главнымъ препятствіемъ къ усвоенію крестьянами улучшенныхъ пріемовъ сельскаго хозяйства надлежитъ признать повсемѣстную крайнюю *раздробленность и черезполосность* отдѣльныхъ, состоящихъ въ пользованіи одного домохозяина земельныхъ участковъ, неправильную ихъ *конфигацію* и *отдаленность* отъ усадебной осѣдлости“.

Не стоило тратить денегъ, времени, бумаги и чернилъ для того, чтобы дать законопроектъ, подобный составленному Ред. Ком.—Ни деревня, ни

---

[1]) Ibid. 228.

страна, ничего не потеряли-бы, если бы Ред. Ком. приняла не большую часть стараго Положенія, а оставила-бы его цѣликомъ безъ измѣненія.

Разсмотрѣнный проектъ съ наглядностью показываетъ безсиліе бюрократическихъ коллегій въ разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ жизни. Не освѣщенная ни одной жизненной идеей работа этихъ коллегій была въ состояніи дать только варіантъ стараго Положенія о крестьянахъ... А въ то-же время „живая дѣйствительность" вполнѣ ясно указываетъ въ какомъ направленіи надо искать рѣшеніе задачи. Можно сознательно не видѣть этого пути, можно отсрочивать осуществленіе соотвѣтствующей программы, но устранить ее навсегда невозможно. Эта программа въ области права—вопросъ другой можно ли ее осуществить въ рамкахъ одного крестьянскаго Положенія—должна быть формулирована въ слѣдующихъ тезисахъ: 1) Отдѣленіе общины отъ сельскаго общества; а) община преобразовывается въ частноправовой, безсословный (и, конечно, добровольный) экономическій союзъ, самостоятельно вѣдающій всѣ свои хозяйственныя дѣла, передѣлы земель, „навалки", „свалки" и т. д.; b) сельское общество обращается въ безсословное, самоуправляющееся—на почвѣ включенія всѣхъ безъ исключенія слоевъ населенія деревни—цѣлое (мелкую земскую, абсолютно демократическую единицу).

2) Крестьянское имущество: постройки, земля и т. д. освобождается отъ всякихъ стѣсненій и дѣлается свободной частной собственностью, (уничтоженіе закона о неотчуждаемости надѣловъ и т. п.).

3) Крестьянская семья становится свободной отъ вмѣшательства администраціи и общества (уничтоженіе надзора за семейными раздѣлами).

4) Крестьяне подчиняются во всѣхъ дѣлахъ общеимперскому суду.

5) Всѣ ограниченія свободы личности крестьянъ падаютъ.

Такова должна быть реформа крестьянскаго права... Но не прошла ли уже пора частичныхъ реформъ? Возможно-ли въ настоящее время избѣжать полнаго измѣненія въ области права государственнаго? Не перекинутся-ли скоро вулканическія явленія изъ города въ деревню, для того чтобы показать ничтожность всѣхъ попытокъ, направленныхъ на борьбу съ ходомъ исторіи?...

И. Чернышевъ.

„Записка по крестьянскому дѣлу" С. Ю. Витте.

„Если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго наказанія, то и противъ воли сами оную (свободу) возьмутъ рано или поздно". Такъ писала Екатерина Вторая въ 1767 году. Начавшееся вскорѣ возстаніе Пугачева, во время котораго погибло болѣе 1500 дворянскихъ жизней, подтвердило слова Екатерины. И все-таки жестокость не умѣрялась, крѣпостныя цѣпи захватывали новыя жертвы, произволъ помѣщиковъ не имѣлъ предѣловъ, и единственной защитой отъ произвола было кровавое отмщеніе. Съ 1835 по 1854 годъ было убито 131 помѣщикъ и 21 управляющій, было сдѣлано 12 покушеній на жизнь тѣхъ и другихъ. Волненія съ каждымъ годомъ учащались и усиливались.

Подъ этой внѣшней кровавой одеждой соціальной драмы происходили болѣе глубокіе процессы разложенія и упадка крѣпостного строя. Промышленное развитіе страны встрѣчало непреодолимыя препятствія; организація промышленныхъ предпріятій на крѣпостномъ трудѣ — въ формѣ вотчинныхъ и посессіонныхъ фабрикъ и заводовъ—не удавалась, и зарождающаяся индустрія вербовала рабочихъ среди оброчныхъ крестьянъ на правѣ вольнонаемныхъ рабочихъ. „Оброчные крестьяне дали значительный контингентъ фабричныхъ рабочихъ, и вмѣсто покупки людей на фабрики все болѣе сталъ распространяться наемъ рабочихъ. Къ началу настоящаго (XIX) столѣтія число вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ уже почти равнялось числу крѣпостныхъ" [1]). Въ качествѣ представителей индустріи на сцену общественной жизни выдвигалось купечество, мѣщане и крестьяне. Дворянство оказалось совершенно неспособнымъ организовать промышленныя предпріятія. Въ селѣ Ивановѣ (нынѣ г. Иваново-Вознесенскъ) всѣ фабрики принадлежали крѣпостнымъ или откупившимся на волю бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева. То же было въ Павловѣ, въ Ворсмѣ и другихъ мѣстностяхъ центральнаго района. Очевидно, что промышленность въ своемъ развитіи сталкивалась съ господствующимъ крѣпостнымъ режимомъ. Противорѣчіе становилось тѣмъ острѣе, чѣмъ настоятельнѣе чувствовалась необходимость въ развитіи промышленности и мѣновыхъ отношеній.

Натуральное вотчинное хозяйство, опирающееся на принудительный крѣпостной трудъ, ослабляло производительныя силы страны. Помѣщики довели эксплуатацію крѣпостного труда до крайнихъ предѣловъ, но ни барщина въ земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ, ни оброчная система въ центральныхъ промышленныхъ не удовлетворяли ни сельскохозяйственной, ни обрабатывающей промышленности. Вопросъ о преимуществахъ вольнонаемнаго труда предъ крѣпостнымъ въ земледѣліи дебатировался въ помѣщичьей средѣ и въ литературѣ. Необходимость вольнонаемнаго труда въ промышленности была очевидна.

[1]) Брокгаузъ и Эфронъ. Энцикл. слов., т. 27-й стр. 27, крестьяне.

Задолженность помѣщичьихъ имѣній непрерывно росла съ момента возникновенія первыхъ кредитныхъ учрежденій и въ 1859 году достигла колоссальной суммы въ 425 милліоновъ рублей. Ко времени крестьянской реформы состояло въ залогѣ, въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, 44 тысячи имѣній съ 7 милліонами крѣпостныхъ крестьянъ; это составляло $^2/_3$ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и болѣе $^2/_5$ всѣхъ имѣній, т. е. въ залогѣ были, главнымъ образомъ, крупныя и выше среднихъ имѣнія.

Между тѣмъ, потребности государства могли удовлетворяться только чрезмѣрнымъ напряженіемъ платежныхъ силъ; производительныя силы страны развивались медленнѣе, чѣмъ государственныя потребности. Это несоотвѣтствіе неизбѣжно должно было окончиться крушеніемъ всего общественнаго зданія. Толчкомъ къ крушенію послужила крымская война, обнажившая всѣ сокровенныя язвы крѣпостного строя, полное экономическое разстройство страны, разореніе народа, безпримѣрную деорганизацію во всемъ управленіи.

Старый барскій домъ былъ расшатанъ до основанія, паденіе его было неизбѣжно.

Реформа 61 года образовала глубокую трещину въ старыхъ стѣнахъ барскаго дома, но зданіе не рухнуло. Въ фундаментѣ уцѣлѣло нѣсколько камней, на которыхъ до сихъ поръ держатся ветхія, заплѣснѣлыя стѣны крѣпостного строя. Реформа, несмотря на свой глубоко революціонный характеръ, совершилась „мирнымъ“ путемъ. Новыя соціально-экономическія отношенія и новыя общественныя силы не созрѣли тогда до степени самоопредѣленія; иниціатива реформы была перехвачена у народа правящими сферами. Поэтому реформа вышла „недодѣланной!“ Наиболѣе прозорливые дѣятели реформы хорошо понимали эту недодѣланность, но, безъ сомнѣнія, они не допускали тѣхъ послѣдствій, къ которымъ потомъ она привела. Агонія стараго полицейскаго режима продолжается до сихъ поръ, доводя страну „до крайней степени страданія“.

Крѣпостныя цѣпи пали, но личность крестьянина не получила полной свободы. Крѣпостной вчера, онъ не сдѣлался свободнымъ гражданиномъ сегодня, онъ сталъ только свободнымъ крестьяниномъ.

Въ основѣ сословной обособленности крестьянъ лежали земельныя отношенія, созданныя реформой 61 года. Какъ извѣстно, отграниченіе надѣловъ выразилось длительнымъ тяжелымъ процессомъ, не вполнѣ закончившимся до сихъ поръ. Переходной ступенью къ выходу на выкупъ служило положеніе о временно-обязанныхъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ оно дѣйствовало до 1888 года, когда переходъ на выкупъ сдѣлался обязательнымъ. Выкупная операція, построенная на выкупѣ земли и личности, закрѣпощала крестьянина экономически; былъ обложенъ не только его доходъ, но и трудъ; разорительное „тягло“ парализовало всякую самодѣятельность въ области хозяйства. Наконецъ, крестьянинъ не получилъ полнаго надѣла въ свое полное распоряженіе немедленно: юридическимъ

лицомъ, по владѣнію, являлась община даже послѣ выхода на выкупъ. Этимъ крестьянинъ прикрѣплялся къ общинѣ и землѣ на $49^1/_2$ лѣтъ, такъ какъ выкупъ надѣла (ст. 165 Пол.) могъ быть доступенъ только немногимъ. Выкупная операція была осложнена, кромѣ того, круговой порукой послужившей лишней цѣпью на рукахъ „свободнаго" крестьянина. „Свободный трудъ", въ дѣйствительности, оказался чистой фикціей. Крестьянинъ получилъ только право на землепользованіе, а не на землевладѣніе, и при томъ такое право, которое было тяжелѣе всякой обязанности. Чтобы освободиться отъ этого права, онъ иногда долженъ былъ платить оброкъ „съ пуста", иначе „міръ" не могъ его освободить.

И такова была тяжесть предоставленнаго свободному крестьянину права, что онъ очень часто, дѣйствительно, и платилъ „съ пуста", чтобы только освободиться отъ этого права.

Полная необезпеченность крестьянина землей не только въ количественномъ отношеніи, но и въ отношеніи распоряженія ею—таковъ основной пробѣлъ въ реформѣ 61 года.

Земля была закрѣплена за общиной. Этимъ создавался прочный фундаментъ для разныхъ надстроекъ въ духѣ дворянъ Павловыхъ, тѣмъ болѣе, что самое понятіе общины до сихъ поръ остается крайне неяснымъ. „Хотя объ общинномъ землевладѣніи, говоритъ проф. В. Хвостовъ, писали не мало, но до сихъ поръ не установилось точнаго опредѣленія, что именно нужно разумѣть подъ этимъ терминомъ" [1]). „Общинное" землевладѣніе по мнѣнію проф. Хвостова, существовало и до освобожденія крестьянъ. Сохраненіемъ ея утверждалась извѣстная „незыблемость" устоевъ крестьянскаго быта. Кругомъ все рушится, на мѣстѣ стараго порядка, стараго барскаго дома возводятся кричащія зданія новаго господина, а „міръ" стоитъ въ своей первобытной чистотѣ и непорочности. Правда, за этимъ „міромъ" погибалъ человѣкъ, полноправный членъ этого міра, прикованный къ нему несокрушимой цѣпью. И это обстоятельство, казалось бы, должно было тревожить защитниковъ „борьбы за индивидуальность", какъ основного принципа соціальнаго развитія. Однако, по злой ироніи судьбы, въ этомъ пунктѣ защитники „личности" сходятся съ дворянами Павловыми.

Разъ крестьянство осталось послѣ реформы 61 г. обособленнымъ въ правахъ гражданскихъ, то его обособленность въ другихъ отношеніяхъ, и въ особенности въ отношеніи управленія, являлась логически неизбѣжной. Необходимо было создать извѣстный административно-судебный аппаратъ, регулирующій внутреннюю жизнь крестьянства. Какъ до 61 года высшая администрація вѣдалась только съ помѣщикомъ и не касалась крѣпостного крестьянина, такъ и послѣ 61 года она управляла крестьяниномъ черезъ общину, чрезъ сельское и волостное общество. Такое построеніе

[1]) А. А. Мануиловъ. Очер. по крестьян. вопросу, т. I, стр. 232.

крайне упрощало задачи управленія и освобождало правительство отъ крайне непріятной и опасной необходимости сталкиваться съ личностью, и въ то же время облегчало его „попечительныя" заботы о народѣ. Крѣпостной режимъ былъ легко подмѣненъ чиновничьимъ; масса населенія была, по возможности, изолирована отъ всѣхъ новыхъ вѣяній, новаго уклада жизни, новыхъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Такимъ образомъ, все осталось по старому: полицейскій произволъ, попечительная власть бюрократіи съ нескрываемымъ дерзновеніемъ „управляютъ" страной, какъ и до реформы 61 года.

„Старый порядокъ" сохраняется доселѣ, но крѣпостныя отношенія пали, центръ тяжести экономической жизни рѣшительно перемѣстился изъ области натуральнаго хозяйства въ область капиталистическаго. Реформа 61 г въ достаточной мѣрѣ открыла двери для господина капитала, который немедленно приступилъ къ „реформамъ" по своей части. За какія-нибудь сорокъ лѣтъ онъ осчастливилъ своимъ вниманіемъ всѣхъ: и помѣстное дворянство, и промышленность, и крестьянство, и государственное хозяйство, и финансовую политику. Во всѣхъ этихъ областяхъ экономической жизни онъ произвелъ радикальную ломку, вездѣ поставилъ новыя усовершенствованныя машины, проложилъ рельсы къ прогрессу и двинулъ все, въ архаической оболочкѣ „стараго порядка", съ головокружительной силой впередъ. Такіе стремительные эксперименты не обходятся безъ крупныхъ жертвъ, и жертвой становится тотъ, кто болѣе беззащитенъ, больше отсталъ „отъ вѣка", не пріобрѣлъ необходимой подвижности. Такой жертвой у насъ сдѣлалось крестьянство, благодаря, между прочимъ, указанной „недодѣланности" реформы 61 года.

Въ области старыхъ хозяйственныхъ отношеній, капиталъ всюду ввелъ „оскудѣніе" и „разореніе". Помѣстное дворянство, воспитанное на крѣпостныхъ отношеніяхъ, не могло скоро приспособиться къ новымъ условіямъ. Огромныя средства, полученныя имъ въ видѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, частью пошли на уплату ипотечныхъ долгвъ, частью были „реализованы" по заграничнымъ курортамъ, и требовавшая капитала земля осталась не устроенной. Такое „оскудѣніе" дворянства было неизбѣжно при новыхъ условіяхъ. Началась чрезвычайная мобилизація дворянскихъ земель. За тридцать лѣтъ послѣ реформы 61 года у дворянъ убыло 24,2 милл. десятинъ земли, т. е. около $^1/_3$ площади, бывшей въ ихъ владѣніи вскорѣ послѣ реформы. Эта земля перешла въ руки купцовъ (до 9,6 милл. дес.), и крестьянъ (до 9,5 милл. дес.) и лицъ прочихъ сословій. Внутри сословія также происходили значительныя перемѣщенія. Эта мобилизація свидѣтельствуетъ о перестройкѣ всей сельскохозяйственной промышленности. Неспособное, по своимъ крѣпостническимъ традиціямъ, вести раціональное хозяйство, дворянство нашло отчасти выходъ въ томъ, что, воспользовавшисъ стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ, пустило свои

земли въ арендный оборотъ или прибѣгло къ отработочной системѣ. Чересполосица съ надѣльной крестьянской землей, нищенскій надѣлъ, во многихъ мѣстахъ полученный крестьянами, чрезвычайно упростили организацію хозяйства на отработкахъ и арендѣ.

Вмѣстѣ съ такимъ легкимъ способомъ полученія ренты, бывшимъ владѣльцамъ открывалась широкая дорога въ канцеляріи. „Кормленіе“ было самой древней и неотъемлемой привилегіей дворянства. Наша бюрократія несомнѣнно имѣетъ сословный характеръ. Само дворянство было когда то бюрократіей; неудивительно, поэтому, что оно и послѣ реформы 61 года вспомнило о своихъ заслугахъ передъ отечествомъ. Остатки крѣпостныхъ отношеній, или, какъ увѣряютъ дворяне Павловы, „права и привилегіи“ дворянства, способствовали укрѣпленію попечительной власти надъ „мужичкомъ“ и этимъ самымъ „спасли“ дворянъ Павловыхъ отъ полнаго разоренія. Барщина и оброкъ замѣнились отработками и арендой, власть помѣщика—произволомъ земскаго начальника. Такова метаморфоза остатковъ крѣпостнэй эпохи.

Но эти остатки могли служить только временнымъ и ненадежнымъ убѣжищемъ для „служилаго класса“. Болѣе дальнозоркіе и сильные представители земельной аристократіи пошли навстрѣчу новымъ вѣяніямъ и новымъ порядкамъ.

Процессъ земельной мобилизаціи дѣлаетъ свое дѣло: но мѣстное дворянство объединяется въ аграрно-капиталистическій классъ. „Основная тенденція нашей мобилизаціи очень опредѣленна и типична: дробленіе и концентрація недвижимой собственности, сильный ростъ цѣнъ на землю и быстрое усиленіе мобилизаціоннаго процесса“ [1]). Позднѣйшія изысканія въ области нашего землевладѣнія приводятъ къ заключенію, что „у насъ уже имѣетъ смыслъ существованіе крупнаго дворянскаго землевладѣнія и что оно развивается, какъ и всѣ другія отрасли капиталистическаго хозяйства“ [2]). Въ своихъ стремленіяхъ къ господству въ общественно-политической жизни, классъ этихъ современныхъ аграріевъ не могъ уже опираться на остатки стараго порядка, потому что ясно сознавалъ всю непрочность такой опоры, и онъ внесъ свои либерально-буржуазныя тенденціи въ мѣстную земскую жизнь. Онъ же съ наибольшей яркостью проявилъ свою активную политическую дѣятельность въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности. Общій смыслъ всѣхъ комитетскихъ заявленій, въ сущности, сводится къ двумъ положеніямъ: свобода личности и свобода земли. Можно не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ, можно пророчествовать о неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, къ которымъ приведетъ эта свобода, но самый фактъ нужно признать и съ нимъ нужно считаться.

[1]) Труды В. Э. Об. ст. 6 за 1903 г., докладъ В. В. Святловскаго, стр. 98.
[2]) Тамъ-же, стр. 109.

Такимъ образомъ, послѣ реформы 61 года, помѣстное дворянство пошло по двумъ направленіямъ: по направленію сохраненія своихъ сословныхъ привилегій и слиянія съ бюрократіей и остатками стараго порядка, и по направленію развитія свободныхъ классовыхъ отношеній. Эти два теченія нашли яркое отраженіе въ борьбѣ бюрократіи съ земствомъ.

Разскочившаяся крѣпостная цѣпь еще больнѣе, чѣмъ по барину, ударила по мужику. Китайская стѣна, построенная вокругъ „крестьянства“ реформой 61 года, въ формѣ его хозяйственной и правовой обособленности, не оградила его отъ вторженія капиталистическихъ тенденцій, выразившихся въ процессѣ дифференціаціи крестьянскаго хозяйства.

Ближайшимъ результатомъ деревенскаго „оскудѣнія“ было выдѣленіе изъ деревни городского пролетаріата. Ростъ городовъ въ пореформенный періодъ обязанъ главнымъ образомъ „бѣгству изъ деревни“ обезземеленнаго и разореннаго мужика. Города европейской Россіи только за 11 лѣтъ увеличили свое населеніе, благодаря главнымъ образомъ иммиграціи крестьянъ, на 33,8%, тогда какъ приростъ всего населенія равенъ 15,3%, а приростъ сельскаго — 12,7% [1]). Вмѣстѣ съ „отслоеніемъ“ многочисленнаго городского пролетаріата, внутри деревни въ земледѣльческой сферѣ, началъ проявлять свою дѣятельность „хозяйственный мужичокъ“, очень быстро и крѣпко опутавшій добродушнаго „общинника“, прикованнаго „правами“ къ землѣ и общинѣ, пригнетеннаго круговой порукой, тягломъ и лишеннаго, въ то же время, и средства, и возможности для полнаго использованія своего труда. Кулаки и ростовщики легко приспособились къ особенностямъ „общиннаго строя“; они извлекли свою выгоду даже изъ круговой поруки и недоимочности крестьянъ. Изслѣдованіе одной волости Псковской губерніи показало, что, въ силу круговой поруки, состоятельные крестьяне въ большей мѣрѣ, чѣмъ бѣдные, копили недоимку. Тягловой характеръ общиннаго землевладѣнія сильнѣйшимъ образомъ способствовалъ мельчанію хозяйствъ, на ряду съ которымъ происходилъ и упадокъ производительности крестьянскаго труда. И въ настоящее время, благодаря парцеляціи надѣла, мелкое крестьянское хозяйство находится въ крайне ненормальномъ положеніи: большая часть хозяйствъ вынуждена обработывать свой надѣлъ наемнымъ трудомъ, такъ какъ не можетъ содержать рабочей лошади. Въ первое время тягловой характеръ общины, а затѣмъ — принудительная регламентація общиннаго, „уравнительнаго“ владѣнія сохранили надѣльную землю отъ мобилизаціи, которая охватила всѣ частно-владѣльческія земли. Даже больше—охранительная власть общины оказала вліяніе и на распредѣленіе аренды и купчихъ земель среди крестьянъ, такъ какъ, при чрезмѣрномъ измельчаніи надѣла, въ средѣ мелкихъ домохозяевъ съ особенной силой пробуждалась потреб-

---

[1]) „Новое Слово“ 1897 г., № 9, стр. 112.

ность въ пріобрѣтенія, въ дополненіе къ надѣлу, собственной земли или арендованной. Почти иллюзорная связь съ землей въ формѣ владѣнія клочкомъ надѣла заставляла мужика изъ всѣхъ силъ цѣпляться за такой же клочекъ товарищеской купчей земли или за клочекъ общественной аренды. Но условія общиннаго владѣнія не избавили деревни отъ дифференціаціи, которая съ особенной силой проявилась въ распредѣленіи купчихъ земель, въ арендѣ и въ самомъ надѣлѣ. Въ литературѣ уже не разъ указывалось на то, что распредѣленіе надѣльной земли между общинниками не согласуется съ принципомъ „справедливой уравнительности"; богатыя хозяйства захватываютъ больше земли, по сравненію съ бѣдными. Купчія земли въ еще болѣе сильной степени сконцентрировались въ рукахъ мелкой деревенской буржуазіи. Повторная перепись по Воронежской губерніи даетъ цѣлый рядъ иллюстрацій разслоенія крестьянскаго хозяйства [1]). Такъ, въ теченіе 13—15 лѣтъ, которые отдѣляютъ вторую перепись отъ первой, въ группахъ дворовъ, владѣющихъ площадью до 5 дес., купчихъ земель увеличилось на 64,7%, а въ группѣ дворовъ, имѣющихъ 25—50 дес. земли, площадь купчей увеличилась на 160%. Въ мелкоземельныхъ хозяйствахъ купчія земли подверглись за разсматриваемый періодъ крайнему дробленію, а въ крупноземельныхъ, наоборотъ, размѣръ средняго владѣнія увеличился вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа владѣльцевъ. Количество скота, уменьшившееся вообще по губерніи, увеличилось въ крупныхъ хозяйствахъ. Но особенно рѣзкая разница произошла въ мелкихъ и крупныхъ хозяйствахъ въ развитіи земледѣльческой техники. Въ то время какъ въ крупныхъ хозяйствахъ, на 1000 хозяйствъ, число молотилокъ увеличилось на 277 (въ хозяйствахъ съ посѣвомъ 20—40 дес.) и на 476 (въ хозяйствахъ съ посѣвомъ свыше 40 дес.), въ мелкихъ же увеличилось на 3, на 22, на 79 — въ послѣдовательномъ переходѣ отъ мелкихъ къ болѣе крупнымъ хозяйствамъ. Тщательный анализъ матеріаловъ по Вяземскому у., Смоленской губ. приводитъ автора къ слѣдующему заключенію: „за шестнадцать лѣтъ въ Вяземскомъ у. сильно подвинулась впередъ дифференціація земледѣлія и промысловъ, и значительная часть хозяйствъ переселилась въ городъ; въ большинствѣ случаевъ это—хозяйства пролетарскаго типа. Среди хозяйствъ, оставшихся въ деревнѣ, возросъ % крупныхъ посѣвщиковъ и сократился % несѣющихъ и малосѣющихъ хозяйствъ, что сопровождалось въ то же время несомнѣннымъ прогрессомъ земледѣльческой техники. Такимъ образомъ за 16 лѣтъ возросли въ своей численности обѣ крайнія группы крестьянства,—пролетарская и буржуазная" [2]). Развитіе выкупныхъ операцій по 165 ст. Положенія лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало общинная форма владѣнія соотвѣт-

[1]) Матеріалы повторной переписи крестьянскихъ хозяйствъ Воронежской губ., 1900 года. Изд. Губ. Зем. 1903 г.

[2]) П. П. Румянцева, Очерки реалист. міровоззрѣн., стр. 546.

ствовала стремленіямъ населенія, и какъ организація выкупа тормозила развитіе свободныхъ земельныхъ отношеній. До 1882 года было выкуплено 178 тыс. десятинъ надѣльной земли, а съ 1882 по 1887 гг. — за шесть лѣтъ—394 тыс. дес.; т. е. за шесть лѣтъ, когда выкупные платежи понизились, и вообще тягловой характеръ земельныхъ повинностей упалъ до уровня дѣйствительной доходности земли, выкупъ по 165 ст. увеличился вдвое по сравненію съ выкупомъ за предшествующіе двадцать лѣтъ. Частноправовые воззрѣнія среди общинниковъ за послѣдніе годы получили полное право гражданства. „Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже началъ устанавливаться обычай выдавать выселяющимся вознагражденіе за оставляемую ими землю, въ другихъ—уже практикуется продажа ими самими находившейся въ ихъ пользованіи надѣльной земли“ [1]). Словомъ, прочность „свойственнаго русскому народу“, „общиннаго“, „уравнительнаго“ владѣнія землей поколеблена на столько, что безъ особой законодательной регламентаціи этого порядка владѣнія нѣтъ надежды на его сохраненіе. „Едва ли нужно говорить, что при полной свободѣ, какою сторонники личной поземельной собственности желали бы надѣлить крестьянъ, самоопредѣленіе общины неизбѣжно должно закончиться ея саморазрушеніемъ“ [2]).

Такимъ образомъ, весь созданный реформой 61 года „особенный“ строй крестьянской жизни явился только роковымъ тормазомъ въ развитіи тѣхъ соціально-экономическихъ отношеній, побѣду которыхъ собственно знаменовала и самая реформа. Саморазрушеніе все-таки произошло; потребовался „законъ“ 93 года, чтобы его задержать, но никакіе законы не могутъ задержать разъ начавшагося экономическаго процесса.

Результаты „недодѣланности“ реформы всего рѣзче сказались въ деревенской жизни, но они обнаруживались и въ другихъ областяхъ.

Промышленность, за послѣдніе сорокъ лѣтъ, сдѣлала огромный шагъ впередъ. Въ 1854 году насчитывалось 460 тыс. рабочихъ и сумма всего производства оцѣнивалась въ 160 милл. рублей, а въ 1896 году уже было 1742 тыс. рабочихъ, и производство оцѣнивалось въ 2745 милл. руб. [3]). Но это развитіе промышленности, сразу отлившееся въ форму крупнаго капитализма, совершалось не безъ тренія, несмотря на болѣе чѣмъ отеческое попеченіе о ней со стороны министерства финансовъ. Если принять во вниманіе, что за тотъ же періодъ сельскохозяйственная промышленность и особенно крестьянское хозяйство не обнаруживали прогрессивнаго развитія, то ростъ производительныхъ силъ страны, которымъ долженъ былъ интересоваться фискъ, сосредоточился, исключительно, въ промышлен-

1) Нужды Деревни, т. II, стр. 83.

2) Тамъ-же, стр. 49.

3) Энциклоп. слов. т. 27, стр. 280.

ности. Покровительство промышленности было въ интересахъ фиска; нужно было развивать производительныя силы и это дѣлалось въ направленіи наименьшаго сопротивленія. Интересы народа при этомъ, конечно, забывались, но вѣдь эти интересы могли удовлетворяться только на почвѣ прогрессивнаго развитія производительныхъ силъ. Предъ финансовой политикой, такимъ образомъ, стояла весьма сложная и щекотливая задача: слѣдовать ли за промышленностью, обѣщающей быстрое накопленіе богатствъ, или озаботиться о „справедливомъ распредѣленіи" еще не накопленнаго богатства, имѣя въ перспективѣ превратить страну въ колонію для Западной Европы. Безполезно было бы винить финансовое вѣдомство за то, что оно избрало первый путь. Вмѣстѣ съ этимъ финансовая политика всецѣло стала на сторону тѣхъ началъ экономической жизни, которыя въ 61 году одержали рѣшительную, но неокончательную побѣду надъ старымъ порядкомъ.

Этимъ союзомъ промышленности и финансовой политики не устранялись, однако, тѣ тренія, которыя испытывала и промышленность и особенно фискъ, въ своемъ побѣдоносномъ „шествіи". Деревня, по скольку въ ней развивались капиталистическія формы промышленности, болѣе или менѣе пристраивалась къ этому „шествію": экспортъ хлѣба, производство сахара, спирта, въ послѣднее время—маслодѣліе—пользуются вниманіемъ финансоваго вѣдомства. Но чѣмъ выше поднималась промышленность, тѣмъ глубже становилась пропасть между ней и закрѣпощенной деревенской массой, тѣмъ острѣе и непріятнѣе было треніе. Недостаточность внутренняго рынка, вслѣдствіе его малой емкости, вызвала безполезную и разорительную погоню за окраинами; погоня закончилась цѣлымъ рядомъ преступныхъ авантюръ и войной съ Японіей.

Чтобы выйти изъ тупика, къ которому привела страну экономическая эволюція, нужно не отступать назадъ, къ вопросу „справедливаго распредѣленія", а сдѣлать послѣдній шагъ впередъ, развернуть производительныя силы всей страны, вовлечь въ стихійный водоворотъ капиталистическаго производства и закрѣпощенную массу народа.

И взоры снова обращаются къ забытой деревнѣ; она очень отстала; первыя сѣмена новыхъ соціально-экономическихъ отношеній въ ней проросли въ самой уродливой формѣ ростовщичества и торговаго капитала. За свою хозяйственную обособленность она заплатила нищетой, разореніемъ, голодовками. Она не застраховала себя отъ нашествія капитала, не застраховала себя и отъ разоренія. И кто знаетъ, не привела ли обособленность, искусственно созданная реформой 61 года, къ горшей нищетѣ, чѣмъ „полная свобода", которая до сихъ поръ, въ теченіе сорока лѣтъ, стучится въ двери.

Реформа 61 года не сняла крестьянскаго вопроса съ арены текущихъ соціально-политическихъ задачъ; онъ до настоящаго момента занималъ

и занимаетъ вниманіе и правящихъ классовъ, и мѣстныхъ органовъ управленія и литературы. Съ нимъ сталкивалась промышленность въ вопросѣ о расширеніи внутренняго рынка; съ нимъ сталкивалась финансовая политика въ вопросѣ о развитіи производительныхъ силъ страны; къ нему свелись сужденія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности; на немъ остановилось вниманіе пролетаріата, выступившаго въ 80 годахъ на арену активной политической жизни. Наконецъ, на почвѣ крестьянскаго вопроса ведется послѣдняя битва между реакціонной политикой министерства внутреннихъ дѣлъ и либеральной политикой министерства финансовъ.

Въ немъ, въ крестьянскомъ строѣ, содержится нѣчто, что парализуетъ дѣятельность и нормальное развитіе всего общественнаго организма. Это нѣчто—тѣ „недодѣлки", которыя оставила реформа 61 года, а послѣдовавшая за реформой реакція укрѣпила ихъ, тѣ остатки крѣпостныхъ отношеній, на которыхъ построена обособленность стомилліоннаго населенія. Эти „недодѣлки", обыкновенно, драпируются въ благородную тогу „общиннаго владѣнія", „неотчуждаемости надѣла", „надѣльнаго земельнаго фонда"... а въ игрѣ горячечной фантазіи народниковъ въ нихъ мерещатся зачатки коллективизма. Отъ трагическаго къ смѣшному только одинъ шагъ.

Съ начала 80-хъ годовъ потребность въ разрѣшеніи „крестьянскаго вопроса" становится настолько острой, что онъ уже не сходитъ со сцены. Канцеляріи начинаютъ захлебываться въ „матеріалахъ"; одна за другой собираются комиссіи; свѣдущіе люди то приглашаются въ центръ, то опрашиваются на мѣстахъ. Новеллы одна чудовищнѣе другой выпускаются изъ канцелярій; вслѣдъ за ними сыпятся дополненія, измѣненія, циркуляры. А вопросъ по-прежнему остается не рѣшеннымъ.

Въ 80 годахъ министръ финансовъ Н. Х. Бунге категорически заявилъ: „Несомнѣнно, что ограниченіе права продажи, переуступки и залога имуществъ, а равно права пріобрѣтенія частной собственности и потомственнаго пользованія, принадлежитъ къ наибольшимъ стѣсненіямъ общегражданскихъ правъ и лишаетъ крестьянъ не только побужденія къ пріобрѣтенію имущества, но и къ пріобрѣтенію необходимыхъ для того средствъ, такъ какъ многія сдѣлки будутъ, въ большей или меньшей степени, подвергаться опасности воздѣйствій и мѣропріятій администраціи. Единственный результатъ, достижимый въ будущемъ, вслѣдствіе неотчуждаемости крестьянской земли, ограничится тѣмъ, что крестьяне сочтутъ правительство обязаннымъ надѣлять ихъ землею не только государственной, но и частно-владѣльческой![1]). Несмотря на запугиваніе, которое позволилъ себѣ здѣсь Н. Х. Бунге, онъ долженъ былъ уступить побѣду министру внутреннихъ дѣлъ, и вмѣсто „полнаго освобожденія", были сдѣланы шаги

[1]) Ив. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія, стр. 240.

къ прикрѣпленію крестьянства: были изданы законы о семейныхъ раздѣлахъ, а затѣмъ—о неотчуждаемости надѣла (1893 г.). Въ 80 годахъ побѣда осталась за реакціей, она (побѣда) выразилась въ закрѣпощеніи земли и личности. Эта борьба вверху сопровождалась зловѣщими стонами голоднаго народа внизу. И уже въ 1894 году снова начинаютъ работать комиссіи, опрашиваться свѣдущіе люди. Министры внутреннихъ дѣлъ начинаютъ и заканчиваютъ свой служебный трудъ крестьянскимъ вопросомъ; съ каждымъ годомъ работа становится лихорадочнѣе, безсвязнѣе, безсильнѣе, потому что всѣ средства „попеченія" исчерпаны, а другихъ средствъ въ портфелѣ нѣтъ, ибо эти другія средства—ликвидація всей попечительной машины. Параллельно съ работами министерства внутреннихъ дѣлъ возникаютъ, крѣпнутъ и, наконецъ, развертываются во всю ширину работы министерства финансовъ. Министръ финансовъ, С. Ю. Витте, въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ о росписи затрагиваетъ крестьянскій вопросъ: работающее подъ его предсѣдательствомъ Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, со свойственнымъ ему размахомъ ставитъ крестьянскій вопросъ во главу угла своихъ работъ. Передъ нами любопытное зрѣлище: министръ финансовъ, въ качествѣ предсѣдателя Особаго совѣщанія, и министръ внутреннихъ дѣлъ, одновременно, параллельно и независимо другъ отъ друга ведутъ работы по одному и тому же вопросу, но въ разныхъ направленіяхъ: охранительныя тенденціи однихъ работъ борятся съ либеральными тенденціями другихъ.

И вотъ одна за другой появляются двѣ записки, какъ результатъ работъ: одна относится къ началу текущаго года, другая—къ концу. Одна зоветъ назадъ къ закрѣпощенію мужика, другая—къ полному освобожденію мужика и земли. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вѣсы склонялись на сторону первой, а теперь они рѣшительно опустились на сторону второй.

„Записка по крестьянскому вопросу" С. Ю. Витте, приложенная къ 49 № „Вѣстника Финансовъ", теперь появилась въ отдѣльной продажѣ. Записка произвела впечатлѣніе даже при томъ высокомъ настроеніи, которое переживается обществомъ въ настоящее время, хотя едва-ли содержаніе ея соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ и ожиданіямъ, какія сейчасъ предъявляются къ рѣшенію крестьянскаго вопроса. Но по скольку записка отрицаетъ реакціонныя тенденціи, проводившіяся покойнымъ министромъ Плеве въ его работахъ по крестьянскому вопросу, по скольку она стремится—болѣе или менѣе удачно—формулировать указанія и пожеланія уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, и по скольку, наконецъ, она служитъ выраженіемъ мнѣній дѣятеля, пользующагося исключительно высокимъ авторитетомъ и положеніемъ въ бюрократическихъ руководящихъ сферахъ,—по стольку „Записка" г. Витте заслуживаетъ серьезнаго вниманія и возбуждаетъ глубокій интересъ. Этотъ

интересъ увеличивается тѣмъ, что въ обществѣ допускается вѣроятность, что начала, развиваемыя въ запискѣ, могутъ получить практическое осуществленіе. Мы имѣемъ въ виду не ту вѣроятность, которая столь же несомнѣнно была недавно и на сторонѣ проектовъ фонъ-Плеве, но вѣроятность, вытекающую изъ переживаемаго подъема общественнаго самосознанія. Записка не идетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, наоборотъ, авторъ ея постоянно подкрѣпляетъ свои мнѣнія и выводы ссылками на труды уѣздныхъ комитетовъ, указавшихъ „дѣйствительныя нужды страны". Разумѣется эти ссылки имѣютъ чисто декоративный характеръ; записка съ рѣдкимъ искусствомъ лавируетъ между Сциллой и Харибдой, между циркуляромъ и требованіями страны, выразившимися въ трудахъ комитетовъ. Мнѣнія комитетовъ „имѣютъ практическое значеніе лишь въ предѣлахъ строгаго соотвѣтствія Высочайше предуказаннымъ основаніямъ пересмотра" крестьянскаго вопроса. И первая часть записки занимается выясненіемъ того, „соотвѣтствуютъ ли принципіальныя пожеланія мѣстныхъ комитетовъ основнымъ началамъ того великаго историческаго акта, который устранилъ наиболѣе серіозныя, правовыя отличія крестьянъ отъ прочихъ сословій, и можно ли признать, что развитіе названныхъ началъ понималось составителями этой законодательной работы въ томъ направленіи, которое нынѣ указано мѣстными комитетами" [1]). Согласованіе съ положеніемъ 1861 года требовалось указомъ 8 января 1904 года.

Нельзя, однако, признать, что мнѣнія комитетовъ вполнѣ вѣрно отражаютъ нужды всей страны, а не нужды только передового современнаго класса, и еще меньше основанія думать, что авторитетъ комитетовъ достаточно силенъ, чтобы обезпечить осуществленіе своихъ требованій. Правильное и окончательное разрѣшеніе вопроса, недорѣшеннаго дворянствомъ въ 1861 году, возможно только при участіи наиболѣе заинтересованной стороны. Если анкета особаго совѣщанія представляетъ попытку организовать общественное мнѣніе и привлечь его, въ качествѣ, такъ сказать, совѣщательнаго элемента, къ участію въ абсолютной бюрократической системѣ управленія, то, не отрицая за ней извѣстной доли остроумія, слѣдуетъ признать ее лишенной положительно всякаго практическаго значенія. Центръ разрѣшенія общественныхъ вопросовъ лежитъ не въ механической статистической регистраціи и обработкѣ мнѣній хотя бы 11 тысячъ мѣстныхъ дѣятелей, а въ критическомъ свободномъ анализѣ вопросовъ. Каждое мнѣніе имѣетъ не только вѣсъ факта, но и силу убѣжденія, которую нельзя зарегистрировать и учесть механически. Общественное мнѣніе какъ матеріалъ—не имѣетъ большой цѣны, даже если оно будетъ, дѣйствительно, безпристрастно оцѣнено и дѣйствительно

[1]) Записки, стр. 9.

положено въ основу проектовъ. Если этимъ матеріаломъ пользоваться только въ извѣстныхъ рамкахъ, то неизбѣжно придется нарушить внутреннюю логическую цѣльность матеріала и пользоваться имъ, произвольно выбирая нужные камни для возводимаго имъ зданія. Но такое использованіе не облегчаетъ разработки вопроса. Нельзя, поэтому, согласиться съ авторомъ записки, что „работа несомнѣнно облегчается: исходные ея пункты не требуютъ діалектическаго обоснованія, а могутъ быть прямо взяты изъ живой дѣйствительности“ [1]). Какимъ образомъ можно исходить изъ „живой дѣйствительности“ и все-таки итти по ранѣе намѣченному руслу—это, очевидно, секретъ бюрократическаго творчества. Но печальный опытъ всѣхъ комиссій свидѣтельствуетъ, что если этотъ секретъ и приводитъ къ желательнымъ результатамъ, то только въ смыслѣ заключенія „живой дѣйствительности“ въ колодки предвзятой цѣли. Вѣдь всѣ комиссіи обращались къ свѣдующимъ людямъ и, такъ сказать, использовали ихъ, но не видно, чтобы результаты такого использованія имѣли какое-либо отношеніе къ „живой дѣйствительности“. Но общественное мнѣніе, взятое въ цѣломъ, цѣнно не какъ матеріалъ, а какъ общественная сила, съ которой необходимо считаться. Мнѣніе комитетовъ несомнѣнно явилось очень внушительной силой, оно всколыхнуло все общество, подняло настроеніе, вызвало страшный взрывъ репрессалій... и этотъ послѣдній результатъ и показываетъ, въ какомъ смыслѣ общественное мнѣніе, какъ „живая дѣйствительность“, служитъ исходнымъ пунктомъ. Чтобы общественное мнѣніе вызывало другую реакцію, необходимо создать органы, способные воспринимать его, концентрировать и превращать въ двигательную силу общественнаго развитія.

Авторъ записки пользуется обильно и съ большимъ искусствомъ матеріалами уѣздныхъ комитетовъ, какъ хорошій строитель пользуется матеріалами большого складочнаго двора. Авторы сборника „Нужды деревни“ пользовались тѣмъ же богатымъ складомъ матеріаловъ и, безъ сомнѣнія, внимательно оцѣнили ихъ общую годность, но возвели зданіе значительно отличное отъ того, какое конструировалъ въ своей запискѣ С. Ю. Витте. А это показываетъ, что привлеченіе „свѣдущихъ людей“ и использованіе ихъ мнѣній въ той формѣ, въ какой это сдѣлано Особымъ совѣщаніемъ и г. Витте, не имѣетъ серьезнаго практическаго значенія: не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія часто встрѣчающимся въ запискѣ фразамъ: „резюмирую свой взглядъ словами, заимствованными изъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ“, „по мнѣнію мѣстныхъ комитетовъ“ „соотвѣтственно пожеланіямъ большинства мѣстныхъ комитетовъ“, и т. п.,

[1]) Записка, стр. 8.

такъ какъ дѣло не въ мнѣніяхъ комитетовъ, а въ содержаніи записки.

Въ „Запискѣ" излагаются основныя начала реформы 61 года, такъ какъ пересмотръ узаконеній о крестьянахъ былъ предположенъ въ смыслѣ сохраненія и развитія этихъ началъ. Въ цѣломъ рядѣ историческихъ справокъ г. Витте разсматриваетъ мнѣнія дѣятелей реформы 61 года и выработанныя ими положенія съ двухъ сторонъ: во 1-хъ какой взглядъ былъ усвоенъ дѣятелями реформы на освобожденіе крестьянъ, въ смыслѣ полнаго и безусловнаго правового уравненія ихъ со всѣми гражданами имперіи и во 2-хъ, въ силу какихъ причинъ и въ какихъ предѣлахъ допущена была ими сословная обособленность крестьянъ.

„По моему убѣжденію, говоритъ С. Ю. Витте, начала Положенія 19 февраля 1861 года надлежитъ, вообще, искать въ тѣхъ цѣляхъ, которыя имѣлъ въ виду великій освободительный актъ, уничтожившій наиболѣе существенныя стороны правовой обособленности крестьянъ. Эти цѣли выражены весьма опредѣленно въ первой же фразѣ резолютивной части Манифеста 19 февраля 1861 года: „Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди *получатъ въ свое время* полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей". Такимъ образомъ, гражданское полноправіе крестьянъ является цѣлью освободительной реформы" [1]). Во всѣхъ вопросахъ управленія, суда, гражданскаго и уголовнаго права дѣятели реформы во главу угла полагали именно „полныя права" свободныхъ обывателей. „Они отнюдь не упускали изъ виду возможность всесословной организаціи" мѣстнаго управленія, и, напр., „раздѣленіе на приходы считали полезнымъ въ болѣе или менѣе *близкомъ будущемъ* при *неминуемомъ* со временемъ *сліяніи* воедино всѣхъ сельскихъ сословій". „Въ Главномъ Комитетѣ указывалось на необходимость имѣть въ виду, что со временемъ всѣ сельскія сословія должны слиться въ одно". Что касается опредѣленія личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, то Редакціонныя Комиссіи руководствовались въ своихъ работахъ повелѣніемъ 4 декабря 1858 года, „разрѣшавшимъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что „при обнародованіи новаго Положенія крестьянамъ предоставляются права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы" и „предположенія Редакціонныхъ Комиссій о распространеніи на крестьянъ обще-гражданскихъ правъ оставались неизмѣнными въ теченіе всѣхъ періодовъ ихъ занятій" [2]). „Въ высшихъ установленіяхъ (Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу и Общемъ Собр. Госуд. Совѣта) вопросъ о предоставленіи крестьянамъ обще-гражданскихъ правъ не

---

[1]) Записка, стр. 47.

[2]) Тамъ же, стр. 23.

встрѣтилъ возраженій" [1]). Текстъ статей 159 Полож. Вык. и 37 Общаго Полож. „не допускаетъ сомнѣній о распространеніи на крестьянскія надѣльныя земли общегражданскихъ законовъ" [2]). За отмѣной тѣлесныхъ наказаній, вопросъ объ уголовной отвѣтственности крестьянъ разрѣшался несомнѣнно, въ смыслѣ равенства наказаній для всѣхъ сословій. Въ вопросѣ о владѣніи и распоряженіи надѣльной землей Редакціонныя Комиссіи руководствуются мнѣніемъ І. И. Ростовцева: „вопросъ объ общинномъ и личномъ владѣніи землями, *которыя будутъ выкуплены*, долженъ быть рѣшенъ, согласно особенностямъ каждой мѣстности, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи *предоставленъ естественному ходу вещей*". При этомъ въ трудахъ Редакціонныхъ Комиссій „неуклонно проводится мысль, что уравнительное землепользованіе есть порядокъ временный, „обусловленный отсутствіемъ привычки или нужды въ тщательной обработкѣ земли и естественнымъ плодородіемъ почвы".

„Съ постепеннымъ развитіемъ хозяйственныхъ условій онъ окажется тягостнымъ для самихъ крестьянъ"; „постепенный переходъ общиннаго крестьянскаго пользованія въ участковое, по всѣмъ вѣроятіямъ, неизбѣженъ". Въ положеніяхъ общемъ и выкупномъ „текстъ категорически указываетъ, что подворные участки составляютъ „личную", „частную собственность", и вообще „матеріалы редакціонныхъ комиссій не содержатъ ни одной рѣшительно строчки, которая указывала-бы, что составители положеній 19 февраля разумѣли иное право на подворные участки, какъ общегражданское" [3]). Наконецъ, право свободнаго выхода изъ общины и свободы передвиженій входитъ въ общегражданскія права, дарованныя крестьянамъ положеніемъ 19 февраля 1861 года.

Но здѣсь-то и начинаются тѣ ограниченія, которыя были допущены Редакціонными Комиссіями и обособили крестьянъ въ хозяйственномъ и правовомъ отношеніи. Всѣ ограниченія имѣли временное значеніе и обусловливались, главнымъ образомъ, системой выкупа и тягловымъ характеромъ повинностей. „Оброкъ за полученную крестьянами землю, перешедшій затѣмъ въ выкупной платежъ, въ большинствѣ случаевъ, значительно превышалъ земельную ренту... При подобныхъ условіяхъ, когда арендовать землю можно было дешевле, чѣмъ платить за надѣльную, слѣдовало ожидать массовыхъ отказовъ крестьянъ отъ надѣла въ періодъ временно-обязанныхъ отношеній, а съ переходомъ на выкупъ размѣръ ссуды долженъ былъ превысить дѣйствительную стоимость земли, и, слѣдовательно, долгъ казнѣ не могъ быть обезпеченъ обще-гражданскимъ залоговымъ порядкомъ. При такихъ условіяхъ приходилось какъ-бы прикрѣпить крестьянъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.
[2]) Тамъ же, стр. 30.
[3]) Тамъ же, стр. 38.

къ землѣ“ [1]). Сознавая, что возлагаемыя на крестьянъ повинности „далеко не всегда соотвѣтственны“, что, поэтому, онѣ налагаются не на доходъ, а на трудъ и тѣмъ самымъ превращаютъ субъекта труда въ крѣпостного, въ вьючное животное, Редакціонныя Комиссіи не имѣли мужества разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу крестьянъ; онѣ предоставляли рѣшеніе этого щекотливаго вопроса будущимъ поколѣніямъ. „По мѣрѣ того“, указываетъ финансовая комиссія: „какъ возвысившаяся въ своей цѣнности земля будетъ постоянно становиться все лучшимъ и вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ казенныхъ выкупныхъ ссудъ, первоначальная, нынѣ еще неизбѣжная, система взысканій личныхъ должна будетъ замѣниться повсемѣстно, исключительно правильною отвѣтственностью за долгъ одной лишь выкупной земли“.

Такимъ образомъ, въ интересахъ помѣщиковъ и фиска, на крестьянъ были наложены самыя тяжелыя гражданскія ограниченія — круговая порука, отвѣтственность всего двора и другія. Этими-же причинами объясняются ограниченія въ правѣ распоряженія надѣльными землями *до уплаты выкупной ссуды*. Ограниченія и сословное обособленіе въ управленіи вытекали также изъ временныхъ соображеній. „Дѣятели освободительной реформы опасались пережитковъ „прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщиковъ“, если бы послѣднимъ было предоставлено участіе въ сельской администраціи и юстиціи“. Болѣе общей причиной, побудившей къ сословному устройству крестьянъ, было общее, крайне неудовлетворительное состояніе управленія въ странѣ. Члены перваго приглашенія указывали, что „должно быть немедленно организовано новое управленіе, иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ“. При этомъ они указываютъ слѣдующія основы переустройства управленія: гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской и самоуправленіе обществъ въ хозяйственномъ отношеніи.

Съ осуществленіемъ судебной и земской реформъ, послѣдняя изъ указанныхъ причинъ сословнаго устройства крестьянъ, въ сущности, устранялась, но институтъ сословности остался безъ измѣненій, такъ какъ главная причина его существованія оставалась во всей силѣ. Для послѣдовавшей за періодомъ реформъ реакціи являлась полная возможность усилить сословную обособленность крестьянъ, въ которой она не безъ основанія видѣла единственную прочную для себя позицію. Рядъ узаконеній по крестьянскому вопросу, относящихся къ 80 и 90 годамъ, совершенно извращаютъ ясныя и широкія основы положенія 61 года. До какихъ

[1]) Тамъ-же, стр. 45.

Геркулесовыхъ столбовъ доходитъ это извращеніе, можно видѣть изъ „Очерка работъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ". Комиссія эта работала подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Стишинскаго, и выработанный ею проектъ положенія о крестьянахъ кажется еще и въ настоящее время разсматривается „на мѣстахъ", въ губернскихъ комиссіяхъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ. Эта комиссія, какъ и С. Ю. Витте, исходила въ своихъ предположеніяхъ изъ основныхъ началъ Положенія 19 февраля 1861 года. По мнѣнію комиссіи, „1861 годъ знаменуетъ собою полный переворотъ во всей крестьянской жизни" [1]), но выяснить значеніе этого переворота правительство не имѣло возможности до учрежденій 1889 года. Лишь практика земскихъ начальниковъ могла выяснить недостатки существующихъ узаконеній о крестьянахъ. Частичное измѣненіе этихъ узаконеній на почвѣ началъ Положенія 19 февраля 1861 года и имѣла своей цѣлью комиссія т. е. Стишинскаго. „Одухотворяющими весь этотъ законодательный актъ началами, казалось бы, должны быть признаны: обособленность крестьянскаго сословія и установленные въ соотвѣтствіе съ этимъ: особливый порядокъ управленія крестьянами и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ коренного, велѣніемъ закона, измѣненія". И вслѣдъ за этой тирадой „Очеркъ" прибавляетъ: „хотя одно изъ этихъ началъ и было установлено закономъ *значительно позднѣе* изданія положеній 19 февр. 1861 г., но по *основному своему духу* и преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ постановленіе это нельзя, казалось бы"… не отнести къ основамъ освободительной реформы.

Казалось бы, скажемъ мы, что такое „пространственное" толкованіе „духа" Положеній 61 года обязывало подтвердить его соотвѣтствующими цитатами изъ трудовъ Редакціонныхъ Комиссій, но... въ „очеркѣ" приводятся дальше „умозрительныя начала отвлеченной теоріи", которыя въ началѣ „очерка" „отрицаются" и предпочтеніе, отдается „требованіямъ жизни", какъ они излагаются, конечно, земскими начальниками. „Умозрительныя же начала отвлеченной теоріи" заключаются въ томъ, что „со временъ незапамятныхъ и доселѣ земля и земледѣльческій промыселъ составляли и составляютъ... основу его (крестьянина) матеріальнаго достатка", и что „постоянная близость къ землѣ, въ связи съ особенностями сельскохозяйственнаго труда и быта наложили неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина"... Спрашивается, если „особенности быта" наложили „неизгладимый отпечатокъ", а „неизгладимый отпечатокъ", конечно, въ свою очередь обусловливаетъ „особенности быта", то гдѣ слѣдуетъ искать „умозрительное начало отвлеченной теоріи"—въ бытѣ или

[1]) „Очеркъ" вездѣ цитируется по газетѣ „Право" за 1904 г. № 2.

въ отпечаткѣ? Если изъ области „умозрительныхъ началъ отвлеченной теоріи“ перейдемъ въ область государственнаго права, то прежде всего встрѣтимъ такую аксіому. „*Право* государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, *является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ* весьма серіозныхъ *жертвъ* для обезпеченія крестьянскаго быта. Надѣленіе крестьянъ землею *за счетъ иного сословія* обязываетъ правительство“... и т. д. Эту загадку, о мудрый Эдипъ, разрѣши! Государство „за счетъ иного сословія“ приноситъ „весьма серіозныя жертвы“ для народа? Государство и крестьяне—двѣ полярности, государство приноситъ для крестьянина жертвы, а крестьянинъ платитъ государству только налоги, превышающіе доходность „пожертвованной“ ему земли. Откуда, однако, государство беретъ тельца для жертвы, если не съ крестьянина? Исходя изъ такихъ „началъ“, разумѣется, можно смѣло перейти Рубиконъ.

Этотъ примѣръ учитъ насъ относиться съ должной осмотрительностью къ упражненіямъ петербургскихъ канцелярій въ развитіи „началъ“, особенно, если эти „начала“ хороши и требуется сдѣлать изъ нихъ нѣкоторое употребленіе.

Не на основѣ началъ реформы 61 года, а „путемъ толкованій надѣльная земля изъята отъ дѣйствія общегражданскаго закона, введенъ вмѣсто этого обычай, дополненный впослѣдствіи законодательными и сенатскими опредѣленіями“ [1]). Правила конституціи „семейнаго“ владѣнія установлены толкованіями Сената. Вообще „толкованіе получило преобладающее значеніе въ крестьянскомъ правѣ, оно какъ бы закрыло текстъ закона, а тѣмъ болѣе историческіе его источники. Поэтому и предоставленіе крестьянамъ общегражданскихъ правъ представляется чѣмъ-то необычайнымъ по своей новизнѣ. А между тѣмъ оно ново только потому, что слишкомъ хорошо забыто“ [2]).

Сохраненіе органической преемственности въ области государственнаго строительства является вѣрнымъ показателемъ того, что строительство совершается соотвѣтственно потребностямъ „живой дѣйствительности“. Логика фактовъ не допускаетъ вмѣшательства „умозрительныхъ началъ отвлеченной теоріи“, и разъ такое вмѣшательство появилось, то это значило, что „теорія“ и „практика“ разошлись. Въ „Запискѣ“ проводится мысль, что пожеланія уѣздныхъ комитетовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ „началамъ реформы 61 года“. Изъ того, что было выше сказано о послѣднихъ, легко убѣдиться, что взгляды комитетовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, только подтверждаютъ и развиваютъ основные

---

[1] Записки, стр. 44.

[2]) Записки, стр. 45.

принципы освободительнаго акта 61 года. Этимъ фактомъ еще разъ оправдывается высказанное нами положеніе, что „недодѣланность“ реформы 61 года является главнымъ тормазомъ дальнѣйшаго развитія страны и, что безъ окончательной ликвидаціи стараго порядка, безъ полнаго освобожденія крестьянъ, безъ полнаго уничтоженія сословнаго строя „крестьянскій вопросъ“ тяжелымъ кошмаромъ будетъ давить страну. Съ другой стороны, несомнѣнная преемственность во взглядахъ Редакціонныхъ Комиссій и сельскохозяйственныхъ комитетовъ и столь же несомнѣнное извращеніе принциповъ 61 года въ бюрократическихъ сферахъ указываютъ, при какихъ условіяхъ возможно планомѣрное органическое развитіе правовыхъ нормъ и при какихъ такое развитіе совершенно немыслимо. Никакіе бюрократическіе органы никакими мѣрами и актами не въ состояніи выразить и осуществить потребности „живой дѣйствительности“, не въ состояніи понять логики жизни и слѣдовать за ней. Это подтверждается не только „трудами“ комиссіи, т. е. Стишинскаго, но это, увы! обнаруживается, какъ сейчасъ увидимъ, и въ „Запискѣ“ С. Ю. Витте. Единственнымъ носителемъ и хранителемъ „устоевъ“ и „принциповъ“ правового порядка, соотвѣтствующаго потребностямъ „живой дѣйствительности“, является только народъ, только общество. Поэтому только при его непосредственномъ участіи разрѣшаются назрѣвающія задачи правового развитія, и только имъ осуществляются требованія жизни въ ихъ органическомъ и непрерывномъ развитіи и послѣдовательности. Безъ сомнѣнія, неполное и одностороннее представительство общественныхъ классовъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ было главной причиной „недодѣланности“ реформы 61 года, но и не полнаго представительства было достаточно, чтобы принципы реформы получили правильную и вѣскую формулировку. И въ настоящее время крестьянскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только при активной дѣятельности заинтересованной стороны. Другихъ путей для „коренныхъ реформъ“ исторія не знаетъ.

Въ настоящій моментъ всѣ временныя сословныя особенности крестьянскаго правопорядка, какъ онѣ были формулированы Редакціоными Комиссіями, потеряли всякій смыслъ. Даже выкупная операція не имѣетъ болѣе тяглового характера, и поэтому круговая порука отмѣнена. Отмѣна была необходима просто въ интересахъ фиска. Другое „серьезнѣйшее сословное отличіе“—тѣлесное наказаніе—также болѣе не существуетъ. Такимъ образомъ, всѣ причины, вынудившія Редакціонныя Комиссіи временно установить серьезныя, сословныя отличія, сами собой отпали, и вся сословность, поэтому, представляется уже пережиткомъ давно отжившаго строя.

И для автора „Записки“ это вполнѣ ясно. Если „гражданское полноправіе крестьянъ является цѣлью освободительной реформы, и эта цѣль опредѣляетъ основныя начала Положенія 19 февраля 1861 года“, то,

разумѣется, совершенно неправильно искать эти начала во временныхъ отступленіяхъ отъ главной цѣли [1]) и тѣмъ болѣе, прибавимъ, нельзя въ этихъ отступленіяхъ искать путей и направленія дальнѣйшаго развитія принциповъ реформы 61 года. И сельскохозяйственные комитеты подтверждаютъ, что крестьяне не только доросли до „полноправія", не только нѣтъ уже временныхъ и исключительныхъ причинъ препятствующихъ осуществленію „полноправія", но что давно уже и безусловно необходимо утвердить „полноправіе", что изстрадался народъ, изголодался, изморился отъ гнетущаго его „неполноправія".

„Записка", однако, категорически высказывается за сохраненіе цѣлаго ряда сословныхъ отличій послѣ того, какъ тоже категорически отвергла всѣ доводы, которые обыкновенно выдвигались въ защиту сословности. „Конечной цѣлью работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ", такъ резюмируетъ С. Ю. Витте свою записку: „должно быть устраненіе обособленности ихъ отъ прочихъ сословій въ тѣхъ областяхъ права, гдѣ сохраненіе сословныхъ отличій не обусловлено дѣйствительной пользой и потребностями времени" [2]). Далѣе перечисляются сословныя отличія, сохраненіе которыхъ очевидно „обусловлено дѣйствительной пользой и потребностями времени". Но въ положительной части записки, къ сожалѣнію, не указаны ни эта польза, ни потребность времени. Можно ли, дѣйствительно, допускать такой неопредѣленный и непонятный даже критерій, какъ „дѣйствительная польза и потребность времени?" Вѣдь сюда можно вложить какое угодно содержаніе: спросите у „Новаго Времени", у „Гражданина"—и вотъ уже два нѣсколько разнящіяся содержанія. Разсматривая перечень сословныхъ отличій, трудно понять, почему эти „отличія" нужно связать съ именемъ „крестьянина", а не съ болѣе реальнымъ именемъ „мелкаго земледѣльца". Въ самомъ дѣлѣ, вотъ первое отличіе: „сословные союзы для завѣдыванія надѣльными землями, состоящими въ общинномъ и общемъ владѣніи".

Но земли „въ общинномъ" и особенно въ общемъ владѣніи очень часто встрѣчаются и у не- крестьянъ. Въ настоящее время не рѣдки поселки мѣщанъ на купчей или арендованной землѣ, имѣющіе общій выгонъ, владѣющіе чрезполосно пашней. Почему они не могутъ составлять проектируемаго „Запиской" „поземельнаго общества", которое опредѣляется, какъ частно-правовой союзъ? Потому что у поселка не надѣльная земля? Но есть такіе мѣщанскіе поселки и на надѣльной землѣ, это—бывшіе крестьяне, выкупившіе землю и перечислившіеся въ мѣщане. Если такое перечисленіе возможно и встрѣчается теперь, то оно еще чаще будетъ совершаться при тѣхъ порядкахъ, какіе проектируетъ авторъ „Записки".

---

[1]) Записка, стр. 26.

[2]) Записка, стр. 100.

Если крестьянинъ получитъ право свободнаго выхода изъ общины съ землей, право личнаго, а не семейнаго, владѣнія—право наиболѣе горячо, вѣско и справедливо защищаемое запиской—то чѣмъ будетъ онъ отличаться отъ всякаго другого сельскаго обывателя, кромѣ имени? Въ томъто и дѣло, что тѣ гражданскія права, на которыхъ зиждется весь современный общественный строй, права личной собственности и личной независимости, всякія сословныя перегородки превращаютъ въ пустой звукъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ осуществить другое сословное отличіе—„сословную замкнутость надѣльныхъ земель“, если надѣльная земля, будучи выдѣлена изъ общаго надѣла, переходитъ въ личную собственность крестьянина, и если и вся община распадается на подворныя личныя владѣнія? Ограничить куплю-продажу такихъ владѣній только въ средѣ крестьянъ и только участками извѣстныхъ размѣровъ—не значитъ-ли это, если не лишать то стѣснять крестьянина въ „личныхъ имущественныхъ правахъ, на коихъ зиждется гражданское право всѣхъ цивилизованныхъ народовъ“ [1]. Такая замкнутость, и по соображеніямъ „Записки“, не имѣетъ ничего общаго съ сословностью. Цѣлью ограничить въ распоряженіи надѣльной землей, какъ видно изъ текста на стр. 86, должна быть „охрана мелкой собственности“. Но вѣдь крестьянинъ и мелкій собственникъ это же—не одно и то же. Можно и должно, если нужно, покровительствовать мелкой собственности не только крестьянъ, не только въ предѣлахъ „надѣльнаго земельнаго фонда“, но вообще мелкой земельной собственности, какъ бы не была она пріобрѣтена и кто бы не являлся собственникомъ. Но, очевидно, такое покровительство не входитъ въ планы автора „Записки“; оно было бы равносильно уничтоженію крупной собственности. Но тогда позволительно спросить, какая „дѣйствительная польза“ и какія „потребности времени“ служатъ основаніемъ подчинить только надѣльную землю правилу „предѣльной нормы сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ?“ О „предѣльной нормѣ“ говорится на страницѣ 86 и только между прочимъ; можно подумать, что это требованіе не защищается авторомъ, по крайней мѣрѣ онъ не выдвигаетъ его ни въ заключеніи Записки, ни въ концѣ соотвѣтствующаго отдѣла, какъ онъ дѣлаетъ со всѣми тѣми положеніями, которыя считаетъ необходимымъ поставить въ основаніе пересмотра законоположеній. Кромѣ того, на той же 86 страницѣ, оспаривая мнѣніе защитниковъ общины, что свободный выдѣлъ въ личное владѣніе надѣльной земли приведетъ къ концентраціи земли въ однѣхъ рукахъ, авторъ указываетъ на подворное владѣніе въ западныхъ губерніяхъ, которое „не даетъ никакихъ признаковъ неустойчивости и тенденціи къ сосредоточенію въ однѣхъ рукахъ“. Но если требованіе „предѣльной нормы сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ“ надѣльной земли не защищается авторомъ и не

---

[1]) Записка стр. 95.

предлагается въ качествѣ „сословнаго отличія“, то, очевидно, и требованіе „сословной замкнутости надѣльной земли“ теряетъ всякій разумный смыслъ.

Однако соединеніе этихъ двухъ „отличій“ создаетъ группу, которую трудно было бы подвести подъ категорію свободныхъ сельскихъ обывателей. Если сюда присоединить и третье, весьма важное „отличіе“ —„неотвѣтственность надѣльныхъ земель по долгамъ владѣльцевъ“—то получится очень серіозный аппаратъ для искусственнаго насажденія крестьянскаго мелкаго хозяйства. Оно насаждается въ границахъ надѣла, какъ неизмѣннаго земельнаго фонда, и одного сословія, какъ земледѣльческой группы, представители которой, такимъ образомъ, будутъ ограничены въ имущественномъ правѣ по отношенію главнаго своего имущества—земли. Земля, поставленная въ такія исключительныя условія, потеряетъ обычную въ данный моментъ рыночную цѣну. Это повлечетъ за собой всевозможные „обходы“ закона, которые такъ легко всегда находятъ благопріятную для себя почву въ исключительныхъ законахъ и ограниченіяхъ [1]). Наконецъ, эти „отличія“ еще больше увеличиваютъ замкнутость сословія, чѣмъ она есть сейчасъ. Крестьянское сословіе будетъ состоять изъ владѣльцевъ „нормальныхъ“ надѣльныхъ участковъ; количество такихъ участковъ—величина болѣе или менѣе постоянная, этимъ количествомъ будетъ опредѣляться и число крестьянскихъ хозяйствъ, которое не будетъ соотвѣтствовать всему наличному въ настоящее время числу крестьянскихъ хозяйствъ. Осуществленіе проектируемыхъ „Запиской“ „отличій“, повлечетъ сильнѣйшій отборъ изъ всей массы крестьянскаго населенія надѣльныхъ и безнадѣльныхъ хозяйствъ.

Сословныя „отличія“ для послѣднихъ будутъ ограничены; даже трудно сказать, возможны-ли вообще будутъ для нихъ какія-либо „отличія“, такъ какъ они будутъ лишены коренныхъ „сословныхъ привилегій“, на которыхъ, очевидно, и строятся всѣ частныя. Въ этомъ отношеніи „Очеркъ работъ Редакціонной Комиссіи“ т. с. Стишинскаго высказывается болѣе опредѣленно и послѣдовательно: „каждому крестьянину можетъ быть предоставлена возможность посвятить себя другимъ, неземледѣльческимъ занятіямъ, перейдя въ ряды другихъ сословій. Тѣмъ самымъ онъ выйдетъ изъ сферы попеченія о немъ государства, а сословный крестьянскій строй останется непоколебленнымъ“ [2]). Вотъ какъ формулируется открытый взглядъ на сословность. Но и коммиссія т. с. Стишинскаго не рѣшается опредѣленно высказаться относительно „нормальныхъ“ участковъ. „Само собой разумѣется, что какъ чрезмѣрное дробленіе надѣловъ, такъ и сосредоточеніе надѣльной земли въ немногихъ рукахъ съ обезземеленіемъ

---

[1]) „Право“, № 2, стр. 113.

[2]) Тамъ же, стр. 114.

массы, въ корнѣ противорѣчило бы той основной цѣли, которая имѣлась въ виду при надѣленіи крестьянъ землею" [1]). Нормированіе надѣльныхъ участковъ въ настоящее время просто невозможно, неосуществимо уже потому, что малоземелье довело до крайняго измельчанія надѣльныя владѣнія, и закрѣплять такія владѣнія, какъ нормальныя по размѣру, значило бы создавать искусственно парцеллярное хозяйство. Въ этомъ нѣтъ никакой надобности при нашемъ земельномъ богатствѣ и это было бы нераціонально при нашей низкой сельскохозяйственной культурѣ. „Сословная замкнутость надѣльной земли" могла бы еще имѣть смыслъ при общинномъ „уравнительномъ" владѣніи, противъ котораго принципіально высказываются и авторъ „Записки", и комиссія т. с. Стишинскаго, такъ какъ надѣльная земля тогда дѣйствительно представляла бы общій земельный фондъ для обезпеченія—достаточнаго или нѣтъ—это другой вопросъ—всего земледѣльческаго населенія. Съ осуществленіемъ же личныхъ правъ на надѣльную землю, съ насажденіемъ хуторского хозяйства,—какъ послѣднее проектируетъ комиссія т. с. Стишинскаго,—подчиненіе надѣльной земли особымъ условіямъ владѣнія явится только ненужнымъ усложненіемъ всего хозяйственно-правового порядка, въ основу котораго положены общіе принципы частнаго права.

Цѣлый рядъ другихъ „изъятій", распространяемыхъ на права и обязанности крестьянъ, касаются различныхъ частныхъ сторонъ гражданскаго права; всѣ они не имѣютъ никакой связи съ сословностью. „Особый, доступный для крестьянъ порядокъ размежеванія и судебно-межевого разбирательства; особое охранительное судопроизводство и нотаріальный порядокъ, имѣющіе цѣлью обезпечить крестьянамъ укрѣпленіе правъ на надѣльную недвижимость; сословную организацію поземельнаго кредита въ видѣ Крестьянскаго Банка; сословный порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель; сословныя особенности въ порядкѣ арендованія казенныхъ земель и въ договорныхъ отношеніяхъ съ казной; наконецъ, нѣкоторыя сословныя отличія по государственной службѣ".

Было бы безполезно искать въ текстѣ записки основаній для этихъ сословныхъ отличій, перечисленныхъ въ заключеніи „въ общихъ чертахъ", причемъ авторъ прибавляетъ: „даже этотъ перечень, сдѣланный въ общихъ чертахъ, даетъ весьма содержательный объемъ сословному строю". Значитъ полный перечень будетъ еще значительнѣе, будетъ заключать еще такія „отличія", которыя придадутъ „сословный" характеръ и другимъ правовымъ нормамъ, регулирующимъ крестьянскую жизнь?

О государственной службѣ крестьянъ, о перечисленіи ихъ въ другія сословія въ запискѣ совсѣмъ не упоминается,—нужно ли думать, что су-

---

[1]) См. „Очерки по крестьян. вопросу", вып. I, статья А. Мануилова, стр. 268 и слѣд.

ществующія на этотъ предметъ узаконенія вполнѣ удовлетворяютъ автора записки?

Мы уже сказали, что намѣченныя въ „Запискѣ“ сословныя права крестьянъ касаются исключительно охраненія и насажденія мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Повидимому и самъ авторъ записки такъ же смотритъ на это. „Распространеніе общегражданскихъ правъ внесетъ въ эту область необходимую законность, при чемъ начала эти отнюдь не исключаютъ возможности примѣнить извѣстныя мѣры для охраны мелкой земельной собственности, въ видѣ сословной ея замкнутости, неотвѣтственности по долгамъ собственника и даже предѣльной нормы сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ“ [1]). „Мелкая собственность въ видѣ сословной замкнутости“—какъ понять такую концепцію мысли? Не предполагаетъ ли авторъ „Записки“ возможнымъ право сословнаго общественнаго строя цѣликомъ пересадить въ общество съ классовымъ строемъ? Нельзя ли промышленную буржуазію по рангамъ ея состоятельности, аграрную буржуазію по тѣмъ же рангамъ, рабочій классъ по какимъ-либо признакамъ заключить въ рамки особыхъ правовыхъ нормъ и такимъ образомъ возвести зданіе сословно-классоваго государства? Такая безплодная и логически и исторически совершенно невозможная идея понятна въ головѣ бюрократіи, въ которой, вмѣсто логическихъ категорій имѣются обособленныя и пререкающіяся между собой вѣдомства и безконечно работающія внѣвѣдомственныя комиссіи. Однако слѣдовало бы понять, что уже фактъ существованія постоянныхъ внѣвѣдомственныхъ комиссій показываетъ, что простыя перегородки и ящички съ этикетками: полиція, жандармы, народное образованіе, духовное вѣдомство — непригодны для возстановленія въ странѣ правового строя. Нужно не только согласиться, что „1861 годъ знаменуетъ собой полный переворотъ во всей крестьянской жизни“ [2]), но и принять это къ свѣдѣнію и руководству.

Авторъ „Записки“ въ принципѣ признаетъ, что цѣлью развитія основныхъ началъ реформы 61 года должно быть уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями. „Развитіе основныхъ началъ великой реформы, даровавшей крестьянамъ большую часть правъ прочихъ сословій, несомнѣнно требуетъ и дальнѣйшаго къ нимъ приближенія въ правовомъ отношеніи, однако, степень такого приближенія не можетъ быть основана исключительно лишь на отвлеченномъ принципѣ“ [3]). И авторъ обращается къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ, въ

---

1) Записка, стр. 98.
2) „Право“, № 2 стр. 107.
3) Записка, стр. 53.

которыхъ и находитъ... общее и ясное пожеланіе „устранить правовую обособленность крестьянъ“. Это голосъ „реальной нужды“, съ которой требуется со бразоваться въ опредѣленіи степени устраненія сословной обособленности. Къ сожалѣнію, авторъ долженъ сообразоваться и съ другими мнѣніями, передъ которыми „реальныя нужды“ теряютъ въ мнѣніи автора всякую силу.

Теперь, послѣ указа Сенату 12 декабря 1904 года, автору слѣдовало бы внести въ записку нѣкоторыя существенныя поправки, и именно по вопросу о сословной обособленности крестьянъ; это вполнѣ было бы согласно и съ пріемами его мышленія и аргументаціи, а главное — какъ нельзя болѣе отвѣчало бы и „реальнымъ нуждамъ“, и истинному духу всей записки.

Не является ли защита сословности въ „запискѣ“ простымъ недоразумѣніемъ?

Если намъ скажутъ, что вопросъ не въ сословности, а въ защитѣ мелкаго земледѣльческаго хозяйства, то мы откажемся переносить споръ на эту почву, потому что это не относится къ „крестьянскому вопросу“, это вопросъ „аграрной политики“. Нужно строго разграничить, наконецъ, *нашъ* „крестьянскій вопросъ“ отъ „аграрнаго вопроса“. Первый—наслѣдство стараго порядка; разрѣшить его—значитъ только ликвидировать этотъ порядокъ, окончательно разбить крѣпостныя цѣпи, сословную обособленность и всѣ оставшіеся лоскутья ветхой одежды, которые путаются въ ногахъ и мѣшаютъ итти впередъ.

Да едва-ли авторъ особенно озабоченъ сохраненіемъ мелкой земельной собственности. Высказавшись принципіально противъ уравнительнаго общиннаго владѣнія и провозгласивъ торжество частной личной собственности, едва-ли приходится придумывать мѣры къ сохраненію той или иной категоріи владѣній, при томъ же авторъ, на примѣрѣ западныхъ губерній, убѣждается, что „крестьянское подворное владѣніе не даетъ никакихъ признаковъ неустойчивости и тенденціи къ сосредоточенію въ однѣхъ рукахъ“. Ну, а если бы этого примѣра не было, если бы мелкая собственность безусловно и быстро поглощалась крупной, то какой бы смыслъ имѣли мѣры къ ея охраненію и насажденію?

Было бы большой ошибкой думать, что „Записка“ разрѣшаетъ крестьянскій вопросъ въ смыслѣ сохраненія крестьянскаго, т. е. мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Къ такому заключенію можетъ, дѣйствительно, привести конструкція „Записки“ и ея заключеніе, въ которомъ перечисляются разобранныя выше сословныя „отличія“. Но если дѣятели реформъ 61 года стремились „обезпечить хозяйственный бытъ“ крестьянъ и съ этой цѣлью провели освобожденіе съ землей, то это обстоятельство совершенно упущено изъ виду авторомъ „Записки“. Это еще разъ показываетъ, какъ мало „Записка“ считается съ нуждами „крестьянства“, какъ таковаго.

Весь вопросъ сводится къ расчисткѣ почвы для развитія отношеній, свойственныхъ буржуазному обществу, такъ какъ успѣшное развитіе сельскохозяйственной промышленности авторъ видитъ только при условіи господства этихъ отношеній. Поэтому-то и тѣ сословныя заплаты, которыя авторъ искусно кладетъ на своего совершенно по новому одѣтаго крестьянина, такъ портятъ общую довольно ярко и живо скомпанованную картину. Поэтому-то авторъ съ такимъ ѣдкимъ сарказмомъ говоритъ объ уравнительномъ общинномъ владѣніи, преклоненіе передъ которымъ предшествовало его изученію. Авторъ далекъ отъ этихъ дѣйствительно утопическихъ построеній соціально-экономическаго уклада современнаго общества. Но онъ еще болѣе далекъ и отъ того, чтобы разграничить и выяснить интересы *всѣхъ классовъ* обществъ. Въ его воображеніи подъ яркимъ ореоломъ рисуется только одна фигура—фигура собственника, который хорошо знаетъ, „гдѣ мое право и гдѣ чужое". Такая точка зрѣнія слишкомъ односторонне освѣщаетъ вопросъ. За фигурой собственника стоятъ ряды пролетаріата, какъ неизбѣжное дополненіе къ собственнику, какъ его антиподы. Въ общественномъ устроительствѣ, во всѣхъ его стадіяхъ и областяхъ, антиподу принадлежитъ такая же активная роль, какъ и его счастливому антагонисту.

Какая же роль и какое мѣсто въ мѣстной жизни, въ органахъ мѣстнаго управленія отводится неимущему рядомъ съ имущимъ?

„Записка" намѣчаетъ три группы органовъ мѣстнаго управленія: 1) дѣла хозяйственныя, обусловливая общность владѣнія надѣльной землей, вѣдаютъ „земельныя общества", 2) дѣла благоустройства—мелкая земская единица или „земскій округъ", 3) административныя и судебныя функціи отправляются особыми полицейскими и судебными учрежденіями, надъ которыми имѣютъ извѣстный контроль земскіе органы.

„Земельныя общества" только по недоразумѣнію входятъ въ систему мѣстнаго управленія Они состоятъ изъ общинниковъ и изъ лицъ, участвующихъ въ общемъ владѣніи. Тамъ, гдѣ нѣтъ общаго владѣнія, не можетъ быть и „земельнаго общества". „Идея его по преимуществу частно-правовая". Необходимость такихъ частно-правовыхъ союзовъ вытекаетъ „изъ факта общаго владѣнія, которое сохранится еще довольно долго". Какъ частноправовой союзъ, „земельное общество", какъ цѣлое, и члены его, какъ таковые, пользуются защитой законодательнымъ путемъ своихъ правъ и интересовъ, но правительство не вмѣшивается во внутреннія хозяйственныя распорядки и отказывается отъ опеки надъ нимъ. Пребываніе въ „земельномъ обществѣ" не должно быть принудительнымъ. Непонятно въ этихъ обществахъ одно: почему они „обусловливаются общностью владѣнія *надѣльной* землей". Хозяйственные интересы, вытекающіе изъ общаго владѣнія, одинаковы, будетъ ли земля надѣльной или купчей. Съ переходомъ къ надворному владѣнію, который предвидитъ авторъ „Записки", кругъ

интересовъ „земельныхъ обществъ“ долженъ съужаться; но „общество“ должно будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока хотя какое-нибудь угодье— лѣсъ, выгонъ—будетъ въ общемъ владѣніи. Чѣмъ будетъ отличаться „земельное общество“, владѣющее сообща клочкомъ надѣльнаго выгона, отъ земельнаго товарищества, имѣющаго въ общемъ владѣніи лѣсъ,—„Записка“ умалчиваетъ. Она только много разъ подчеркиваетъ „частно-правовой“ характеръ общества, и этимъ самымъ исключаетъ его изъ числа органовъ мѣстнаго управленія. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда „земельное общество“ совпадаетъ съ „поселковымъ“, оно сохранитъ значеніе земскаго органа управленія. Однако, уже въ настоящее время въ рѣдкой деревнѣ не встрѣтишь безнадѣльнаго и безземельнаго крестьянина, а съ проведеніемъ „реформъ“ такое явленіе будетъ всеобщимъ. Слѣдовательно и „поселковое общество“ будетъ имѣть иной составъ членовъ, чѣмъ земельное общество, и самостоятельное значеніе.

Въ основѣ мелкой земской единицы долженъ лежать территоріальный, а не сословный признакъ; дѣла благоустройства „земскаго округа“ вѣдаетъ особая выборная организація, при участіи „всего постояннаго населенія“ округа. Кого нужно подразумѣвать подъ „всѣмъ постояннымъ населеніемъ“, авторъ „Записки“ нигдѣ не говоритъ достаточно опредѣленно. Къ участію въ дѣлахъ земскаго округа должны быть привлечены просвѣщенные элементы сельскаго населенія въ лицѣ *духовенства* и *помѣстнаго дворянства, а также и другихъ постоянныхъ жителей*“. Но только участіе первыхъ двухъ сословій автору „Записки“ представляется „особенно желательнымъ“, между прочимъ потому, что представители этихъ сословій могутъ „предотвратить стихійныя броженія въ крестьянской массѣ“, возникающія на почвѣ нелѣпыхъ слуховъ, распространяемыхъ „съ неблагонамѣренной цѣлью“.

„Земскій округъ“ организуется на основѣ выборнаго начала; онъ завѣдуетъ не только хозяйственными дѣлами, но подъ его контролемъ находится и низшая полицейская и податная служба, которую сейчасъ несутъ, въ большинствѣ случаевъ натурой, сельскія крестьянскія общества. Наемныя лица, которыя будутъ нести эту службу, „опредѣляются и увольняются исполнительными органами мѣстныхъ хозяйственныхъ организацій“.

Наконецъ, мелкая земская единица не лишается и особаго наблюденія со стороны административныхъ органовъ. „Весьма важное въ системѣ уѣздной администраціи учрежденіе земскихъ начальниковъ, будучи освобождено отъ обязанностей судебныхъ и по надзору за сословно-крестьянскимъ управленіемъ, могло бы обратиться въ чисто административный органъ, направляющій и объединяющій работу уѣздныхъ органовъ общей полиціи и земской стражи и наблюдающій за законностью дѣйствій мелкихъ земскихъ организацій“. [1]) За законностью дѣйствій губернскихъ и уѣздныхъ земствъ

[1]) Записка, стр. 71.

въ настоящее время наблюдаютъ губернаторы и губернскія по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія. Дискреціонная власть губернаторовъ, какъ извѣстно, является главнымъ тормазомъ нормальнаго развитія земской дѣятельности. Предполагаетъ-ли авторъ предоставить и земскимъ начальникамъ по отношенію въ мелкой земской единицѣ роль маленькихъ уѣздныхъ губернаторовъ, облеченныхъ дискреціонной властью, или только роль прокуроровъ, слѣдящихъ чисто формально за законностью дѣйствій мелкихъ земскихъ органовъ? Но для послѣдней роли земскіе начальники едва-ли годятся по своей недостаточной подготовкѣ, а для роли маленькихъ губернаторовъ... они черезчуръ подготовлены. Во всякомъ случаѣ, авторъ „Записки" напрасно поспѣшилъ купить подойникъ: слѣдовало бы впередъ позаботиться о хорошей коровѣ.

Въ устройствѣ земскаго самоуправленія доминирующее значеніе занимаетъ вопросъ о представительствѣ. „Записка" по этому вопросу высказывается очень неопредѣленно, хотя это принципіальный вопросъ и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ земскіе начальники. Недостатки существующаго земскаго управленія происходятъ не только отъ его сословной организаціи, съуженной компетенціи, но въ большей мѣрѣ отъ чрезвычайно узкаго круга избирателей. Не только сословное, но и чисто цензовое представительство не можетъ отражать дѣйствительныхъ потребностей *всего* населенія. Нужды собственниковъ не стоятъ выше нуждъ пролетаріата. Въ вопросахъ народнаго образованія заинтересованы не одни помѣщики, священники, общинники, но и деревенская голытьба. Эта голытьба, деревенскій пролетаріатъ, — не случайный, нестоющій вниманія элементъ современной деревни. Численно — это господствующій классъ, и его нужды — нужды большинства.

Въ основѣ всѣхъ предположеній „Записки" лежитъ защита и огражденіе правъ собственности, а единственной цѣлью служитъ развитіе и преуспѣяніе производства. Тоже преслѣдуется и въ работахъ комиссіи т. с. Стишинскаго; въ „Очеркѣ" работъ этой комиссіи многократно повторяется одно и то же: „укрѣпить чувство уваженія къ чужой земельной собственности, устранить... нарушенія земскаго мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній" [1]) Мы уже видѣли, что призракъ „стихійныхъ броженій" и въ рукахъ автора „Записки" служитъ страшнымъ пугаломъ, которое, правда, онъ употребляетъ не въ защиту сословной обособленности, а наоборотъ, въ защиту всесословной организаціи „земскаго округа". Тѣмъ не менѣе во всей „Запискѣ" интересы производства односторонне доминируютъ во всѣхъ предположеніяхъ. Горячая и сильная защита индивидуальнаго права противъ семейнаго, личнаго владѣнія противъ уравнительнаго общиннаго и полное умолчаніе о томъ, что на ряду съ утвержденіемъ и

[1]) Право, № 2, стр. 152.

развитіемъ личной собственности, растетъ классъ неимущихъ — являются достаточными свидѣтелями того, апологія какого класса предъ нами развивается. Автору „Записки", безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно, что предлагаемое имъ расширеніе частно-правовыхъ отношеній, между прочимъ, санкціонируетъ, такъ сказать, пролетаризацію массъ, ибо отбрасываетъ послѣднюю ширму, которой любили многіе закрывать себѣ глаза на происходящее всюду обезземеленіе народа — отбрасываетъ уравнительное общинное владѣніе.

Но санкціонируя пролетаризацію массъ и господство классовыхъ отношеній, нельзя игнорировать пролетаріата. Если собственники требуютъ защиты и огражденія права на самоопредѣленіе, если все это необходимо имъ дать въ интересахъ развитія производительныхъ силъ страны, то въ тѣхъ же интересахъ необходимо удовлетворить и требованія защиты труда и права на самоопредѣленіе рабочаго класса, права организаціи въ цѣляхъ самозащиты.

Во всѣхъ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства, благоустройства и порядка, участіе всего безъ исключенія населенія необходимо уже въ интересахъ того земскаго мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, которымъ постоянно угрожаютъ „стихійныя броженія". Къ широкой демократизаціи мѣстныхъ учрежденій необходимо стремиться не только въ интересахъ рабочаго класса, но и въ цѣляхъ планомѣрнаго и успѣшнаго развитія страны.

„Записка", однако, не идетъ такъ далеко; она преподноситъ суррогатъ самоуправленія, въ которомъ дискреціонная власть земскихъ начальниковъ мѣшается съ всесословнымъ, но не безсословнымъ, представительствомъ „постоянно живущаго населенія". Едва-ли такой суррогатъ удовлетворитъ даже желанія имущаго класса, особенно изъ крестьянъ; неимущихъ-же онъ не можетъ удовлетворить уже потому, что совсѣмъ не говоритъ о нихъ.

Принципіально авторъ „Записки" разрѣшаетъ вопросъ вполнѣ правильно. Изъ лабиринта вольныхъ и невольныхъ заблужденій, которыя нагромоздились надъ вопросомъ въ теченіе сорока лѣтъ, авторъ увѣренно направляется къ единственному выходу, за которымъ обрывается, наконецъ мучительная агонія крѣпостныхъ устоевъ. Крестьянскій вопросъ не разрѣшается, онъ ликвидируется; „крестьянства" больше не существуетъ. На мѣсто крестьянства выступаетъ новая сила, развертывается новая борьба. Но авторъ „Записки" приноситъ слишкомъ большую, слишкомъ позднюю жертву старому порядку; слишкомъ мало цѣнитъ грядущаго властителя жизни, и слишкомъ низко и покорно преклоняется предъ золотымъ тельцомъ, замѣнившимъ на пьедесталѣ власти благороднаго рабовладѣльца. Но нужно же отдать дань признательности и тѣмъ, кто на своихъ согбенныхъ плечахъ выноситъ всю тяжесть жизни.

Н. И. Воробьевъ.

Письма изъ провинціи.

Банкротство хозяевъ.

(Письмо изъ Симбирской губерніи).

„Чудная мысль легла въ основу учрежденія земскихъ начальниковъ, мысль дать крестьянину такого начальника, который былъ бы не чиновникомъ, а начальникомъ, въ лицѣ коего соединился бы и судья, и попечитель, и другъ, и отецъ, и который не имѣлъ бы другой заботы, кромѣ блага и облегченія положенія крестьянина... И теперь заговорили объ уничтоженіи земскихъ начальниковъ по причинѣ ихъ полезности для народа".

„Гражданинъ", 1904 г., № 84.

„Быть или не быть земскимъ начальникамъ,—и теперь, какъ двадцать лѣтъ назадъ,—не только вопросъ крестьянскаго быта и управленія... Составители Положенія 12 іюля 1889 года откровенно указывали, что цѣль ихъ прямо противоположна цѣли реформъ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка".

„Русскія Вѣдомости", 1904 г., № 298.

Въ концѣ сентября текущаго года въ „Крымскомъ Курьерѣ" было помѣщено слѣдующее сообщеніе, перепечатанное и другими газетами:—

„22 сентября въ Ялтѣ, на морскомъ берегу, за Ливадійскимъ мостомъ, былъ найденъ трупъ уже очень пожилого, прилично одѣтаго господина съ зіяющей раной въ вискѣ отъ револьверной пули. Прибывшей полиціей въ карманахъ покойнаго найдены: паспортная книжка, выданная дворянину земскому начальнику Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи, Александру Владиміровичу Михайлову, ключи отъ нумера приморскихъ меблированныхъ комнатъ, записка съ просьбой никого въ смерти не винить и 65 копѣекъ денегъ. Когда полиція явилась на квартиру самоубійцы, то глазамъ ея представилась слѣдующая картина. На кровати въ одной сорочкѣ, накрытая лѣтнимъ одѣяломъ, лежала сестра Михайлова, дѣвица 53 лѣтъ, также съ зіяющей въ лѣвомъ вискѣ (покойная лежала на лѣвомъ боку) револьверной раной. Смерть, очевидно, послѣдовала моментально. На

столѣ нашли записку, въ которой говорится, что они, братъ и сестра, порѣшили покончить съ собой, такъ какъ выдали дружескіе векселя и вслѣдствіе этого разорились, и что имъ не на что существовать". („Самарская Газета", № 214).

„Симбирскія Губернскія Вѣдомости", кратко сообщивши о смерти земскаго начальника А. В. Михайлова, посвятили его памяти нѣсколько прочувствованныхъ строкъ, въ которыхъ говорится, что „покойный занималъ далеко не послѣднее мѣсто въ рядахъ *передовыхъ* земскихъ дѣятелей Симбирской губерніи и пользовался при жизни *хорошею репутаціею среди дворянства губерніи* [1]).

Употребленный „Губернскими Вѣдомостями" терминъ „передовой" нужно понимать здѣсь cum grano salis, но, какъ будетъ показано ниже, покойный Михайловъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ общественныхъ дѣятелей въ Симбирской губерніи и, безспорно, игралъ замѣтную роль въ мѣстной дворянской, земской и административной средѣ. И потому кровавая развязка драмы на берегу Чернаго моря представляетъ значительный общественный интересъ.

Въ Ялтѣ имѣлъ мѣсто лишь заключительный актъ этой драмы, главныя же ея дѣйствія развивались за много сотъ верстъ отъ Чернаго моря, въ среднемъ Поволжьѣ, въ глубинѣ Симбирской губерніи, въ Буинскомъ уѣздѣ. Здѣсь А. В. Михайловъ не былъ случайнымъ туристомъ, какъ въ Крыму; напротивъ, здѣсь онъ былъ однимъ изъ *хозяевъ уѣзда*: мѣстный землевладѣлецъ, земскій начальникъ, гласный уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній, членъ всевозможныхъ дворянскихъ, земскихъ и административныхъ комитетовъ, комиссій и совѣщаній, не только мѣстнаго, уѣзднаго и губернскаго, но и областного, и общерусскаго характера. Его смерть не могла пройти незамѣченной въ нашей губерніи, но и его жизнь заслуживаетъ вниманія, такъ какъ, въ качествѣ одного изъ хозяевъ уѣзда, его дѣятельность такъ или иначе отражалась на мѣстныхъ отношеніяхъ, вліяла на судьбы населенія, особенно ему подчиненнаго и ему подвластнаго. Чтобы понять это, слѣдуетъ первоначально ознакомиться вообще съ ролью нашихъ „хозяевъ уѣзда", ихъ воззрѣніями, надеждами и опасеніями, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшей части своего письма мы будемъ говорить не только о Михайловѣ, но и о его сподвижникахъ, другихъ дѣятеляхъ того же Буинскаго уѣзда.

I.

Было время, когда исконные хозяева нашихъ палестинъ чувствовали себя отстраненными отъ дѣлъ, „униженными и оскорбленными". Это былъ

[1]) Неоговоренный курсивъ вездѣ принадлежитъ автору настоящаго письма.

періодъ, слѣдовавшій за реформами шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, которыя отняли у помѣщиковъ значеніе „даровыхъ полицеймейстеровъ"... Правда, въ жалобахъ дворянъ того времени было много преувеличеній: въ сущности, они и послѣ „благодатнаго времени реформъ" оставались „командующимъ классомъ", но несомнѣнно, что ихъ правящей роли былъ нанесенъ тяжелый, почти непоправимый, ударъ. Новыя учрежденія въ значительной степени требовали отъ дѣятелей способностей, труда и образованія; одна принадлежность къ дворянскому сословію еще не давала права на занятіе общественныхъ должностей. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже прежде всего, у дворянъ-землевладѣльцевъ былъ отнятъ даровой трудъ, то многіе изъ нихъ разорились и, не обладая ни знаніями, ни энергіей, скоро утратили то положеніе въ обществѣ, на которое претендовали въ силу своего происхожденія.

Отсюда—жалобы на „дворянскую обиду", которыя начали раздаваться вслѣдъ за эмансипаціей; вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ высказываться и надежды на возстановленіе утраченнаго дворянствомъ положенія. Серьезное вниманіе обратилъ на нихъ великій сатирикъ, увидѣвшій въ нѣкоторыхъ изъ дворянскихъ вожделѣній серьезную общественную опасность. Со свойственнымъ ему провидѣніемъ будущаго и съ безпощаднымъ сарказмомъ онъ, еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, помѣстилъ въ своемъ „Дневникѣ провинціала въ Петербургѣ", проектъ отставного корнета Петра Толстолобова, въ которомъ говорилось: „На каждыхъ пяти верстахъ поставить особеннаго дистанціоннаго начальника изъ знающихъ обстоятельства *мѣстныхъ землевладѣльцевъ*... Дистанціонному начальнику поставить въ обязанность быть празднымъ, дабы онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, всегда былъ готовъ принимать нужныя мѣры".

Проектъ Толстолобова явился слишкомъ рано; притомъ онъ не былъ достаточно мотивированъ. Обстоятельную мотивировку сословнымъ притязаніямъ далъ не этотъ простодушный корнетъ, а дворянинъ-землевладѣлецъ нашей Симбирской губерніи, А. Д. Пазухинъ. Въ 1885 году онъ выступилъ съ статьей „Современное состояніе Россіи", напечатанной Катковымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и сыгравшей далеко не послѣднюю роль въ контръ-реформахъ восьмидесятыхъ годовъ. Статья эта обратила вниманіе гр. Д. А. Толстого на автора, который, такимъ образомъ, проложилъ себѣ дорогу на постъ правителя канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и сдѣлался правою рукою министра по выработкѣ проектовъ законоположеній, имѣвшихъ цѣлью противодѣйствіе реформамъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и положенія о дистанціонныхъ... т. е. земскихъ начальникахъ. Развитыя въ этой статьѣ идеи легли въ основу не только названнаго положенія, но и реформы земскаго и городского самоуправленія.

Главную причину всѣхъ неустройствъ современной русской жизни Пазухинъ усматривалъ въ земской реформѣ, „а также въ послѣдующихъ преобразованіяхъ, находящихся съ ней въ связи и однородныхъ съ нею по духу", такъ какъ „въ основѣ всѣхъ реформъ, слѣдующихъ за крестьянскою, лежитъ принципъ уравненія или такъ называемаго сліянія сословій не только въ правахъ личныхъ (гражданскихъ), но и во всѣхъ правахъ служебныхъ (политическихъ)". Въ земской реформѣ „въ первый разъ въ русской исторіи законодательство дѣлаетъ опытъ разрушить ту сословную организацію, въ которой жила и развивалась Россія въ теченіе вѣковъ, и обратить ее въ безсословную и безформенную". Въ этой же реформѣ видитъ онъ и причину „недостатковъ крестьянскаго управленія":—„Паденіе всякаго авторитета власти среди крестьянъ не трудно объяснить тѣмъ многовластіемъ, которое явилось въ уѣздѣ со времени введенія земскихъ учрежденій и судебно-мирового института, той обособленности, въ которой находятся земскія учрежденія относительно правительственныхъ органовъ, и тѣмъ антагонизмомъ, который между ними существуетъ".

Не только судебно-мировыя учрежденія, но и вообще новые суды вызываютъ негодованіе автора:—„Новыя судебныя учрежденія, не имѣющія связи съ исторіей нашего судоустройства, организованныя по иностраннымъ образцамъ, вводились въ дѣйствіе въ эпоху самаго сильнаго возбужденія умовъ, когда господствовалъ духъ разрушенія всѣхъ основъ нашей исторіи. Составъ судовъ, прокуратуры и адвокатуры, наполнился сторонниками этого отрицательнаго направленія, которые образовали очень сильную корпорацію. Поставленная въ положеніе независимое и самостоятельное, вооруженная правомъ карать и миловать, судебная корпорація имѣла полную возможность вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ, и это вліяніе сказывалось поощреніемъ самыхъ безобразныхъ явленій новаго строя жизни и безнощаднымъ бичеваніемъ всего, что носило слѣды дореформенной эпохи... Въ той борьбѣ историческихъ основъ жизни съ началомъ разрушенія, которая ведется въ Россіи въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, *въ борьбѣ сословнаго начала съ безсословнымъ, порядка съ анархіей и власти съ своеволіемъ*, новые суды заняли положеніе воюющей стороны и открыто стали въ оппозицію ко власти, къ порядку *и къ основному принципу*... Органы правосудія не остановились даже предъ покровительствомъ государственной крамолѣ".

Прочія реформы также носили анти-сословный характеръ. Такъ, реформы въ военномъ вѣдомствѣ „нанесли послѣдній ударъ дворянству, какъ служащему сословію. Онѣ отняли у него всѣ преимущества по военной службѣ". Акцизная же система „уничтожила сельскохозяйственное винокуреніе и развратила рабочее населеніе".

Итакъ, „соціальная нивелировка, начавшаяся съ земской реформы, лишила дворянство всѣхъ служилыхъ правъ, какъ по мѣстному, такъ и

по государственному управленію. Утрата служебныхъ привилегій имѣла послѣдствіемъ ослабленіе связи дворянства съ правительствомъ, распаденіе дворянства, какъ корпораціи, и постепенное паденіе его авторитета среди населенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ утверждаетъ, что „помѣстное дворянство пользуется среди крестьянъ полнымъ довѣріемъ и глубокими симпатіями. Родовой помѣщикъ, въ силу историческихъ традицій, не можетъ относиться къ крестьянамъ исключительно со стороны коммерческихъ интересовъ. Онъ является ихъ ходатаемъ предъ властями, защитникомъ отъ притѣсненій кулаковъ и міроѣдовъ. Крестьяне всегда находятъ у него добрый совѣтъ и посильную матеріальную помощь".

Таково было положеніе дворянъ-землевладѣльцевъ, по изображенію А. Д. Пазухина, въ половинѣ 1880-хъ годовъ. Что же нужно было сдѣлать для дворянства или—что для него одно и то же,—для блага Россіи?—Если „великое зло" реформъ царствованія Александра II заключалась въ „разрушеніи сословной организаціи", то отсюда логическій выводъ —„задача настоящаго должна состоять въ возстановленіи разрушеннаго", —въ основу правительственной дѣятельности должны быть поставлены мѣры „къ нормальному развитію сословной жизни". „Реформа земскихъ и городскихъ учрежденій должна состоять въ замѣнѣ безсословнаго начала сословнымъ, въ установленіи *представительства отъ сословій вмѣсто представительства отъ случайныхъ группъ разнаго роди имущественниковъ"* [1]). При этомъ должна быть уничтожена „фикція о политическомъ равенствѣ сословій, объ одинаковой ихъ политической правоспособности. Какъ всякая ложь, эта функція вноситъ смуту въ общественный бытъ и мѣшаетъ установленію правильныхъ, нормальныхъ отношеній между сословіями. *Эти нормальныя отношенія явятся только тогда, когда дворянство станетъ снова служилымъ и вмѣстѣ высшимъ земскимъ сословіемъ"* [2]),—когда будутъ возстановлены его „историческія сословныя права".

Рѣдкій публицистъ можетъ не завидовать покойному А. Д. Пазухину. „Мечты его сердца", его проекты, получили конкретное воплощеніе въ положеніяхъ о земскихъ начальникахъ (1889 г.), о земскихъ учрежденіяхъ (1890 г.) и въ городовомъ положеніи (1892 г.), а также въ рядѣ другихъ правительственныхъ мѣропріятій, согласныхъ съ этими положеніями по духу.

Вслѣдствіе этихъ „контръ-реформъ", мѣстное дворянство, въ лицѣ своего предводителя, земскихъ гласныхъ, предсѣдателей земскихъ управъ и особенно земскихъ начальниковъ, получило исключительное значеніе въ уѣздной жизни. Земскіе начальники, съ ихъ дискреціонной властью, при

---

1) Курсивъ Пазухина, Р.

2) Тоже, Р.

смѣшеніи функцій администратора и судьи, не стѣсняясь „формализмомъ" въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянскому населенію, въ значительной степени возстановили „прежнія, утраченныя права дворянскаго сословія надъ личностью крестьянина", о чемъ мечтали Пазухинъ и его симбирскіе и не симбирскіе единомышленники. Передѣлы земли, семейные раздѣлы крестьянъ, приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ, рѣшенія волостныхъ судовъ, продовольственное дѣло, взысканіе денежныхъ сборовъ—все находится въ вѣдѣніи земскихъ начальниковъ и уѣзднаго предводителя дворянства, образовавшихъ въ уѣздѣ status in statu, — всѣмъ командуетъ кучка дворянъ, на которыхъ рѣдко приносятся жалобы, и еще рѣже эти жалобы достигаютъ цѣли.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ дворяне являются, можно сказать, полными хозяевами уѣздной жизни, и за это время въ литературѣ появилось не мало матеріаловъ для характеристики ихъ дѣятельности. Настоящее письмо не имѣетъ цѣлью общую оцѣнку этой дѣятельности. Его задача гораздо скромнѣе—приподнять занавѣсъ, скрывающій порядки, установленные хозяевами нашего времени въ одномъ изъ уѣздовъ Симбирской губерніи, именно въ Буинскомъ уѣздѣ. Этотъ глухой уѣздъ представляетъ собою одинъ изъ укромныхъ уголковъ той „глубины Россіи", гдѣ царствуетъ, по выраженію поэта,—„вѣковая тишина". Далекій отъ всякихъ умственныхъ и торгово-промышленныхъ центровъ, совершенно лишенный фабрично-заводской дѣятельности, изстари населенный земледѣльцами преимущественно инородцами—чувашами, мордвою и татарами, которые почти поголовно неграмотны, — этотъ уѣздъ особенно характеризуется тою зловѣщею „тишиною", подъ покровомъ которой обдѣлываются дѣла, о которыхъ у насъ принято говорить лишь шепотомъ или въ интимныхъ кружкахъ. Героями здѣсь являются, разумѣется, не кто, какъ люди, которымъ дана „непререкаемая и сильная власть", хозяева уѣзда.

Однимъ изъ такихъ хозяевъ былъ, напримѣръ, нѣкто Наумовъ, земскій начальникъ, который за свое обращеніе съ крестьянской дѣвочкой-подросткомъ былъ судимъ и сосланъ въ 1897 году. Его „гнусное преступленіе",—какъ выражались тогда поволжскія газеты,—всплыло на поверхность нашей вѣчно молчащей глубины, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, вызвавшимъ энергичное вмѣшательство „чиновниковъ посторонняго вѣдомства" — представителей судебной корпораціи, которая, — какъ жаловался А. Д. Пазухинъ, — всегда играетъ вредную роль въ „борьбѣ сословнаго начала съ безсословнымъ, порядка съ анархіей и власти съ своеволіемъ"... Но такія обстоятельства случаются не часто, обыкновенно все остается „шито-крыто" и — для посторонняго наблюдателя — царитъ „тишь да гладь, да Божья—благодать". Иногда, вслѣдствіе родовой вражды между мѣстными Монтекки и Капулетти, кое-какой соръ выносится изъ

избы, но этотъ соръ не идетъ далѣе Симбирска, и пресса объ немъ обыкновенно молчала и молчитъ.

И странно было бы ожидать, чтобы буинскіе обыватели начали корреспондировать о томъ, что у нихъ дѣлается, когда званіе корреспондента признается тамъ крайне неблаговиднымъ, — странно ожидать корреспонденцій изъ города, гдѣ не такъ давно запретили любителямъ драматическаго искусства постановку гоголевскаго „Ревизора". — гдѣ былъ привлеченъ къ суду одинъ чиновникъ за то, что во время одного спектакля произносилъ „членораздѣльные звуки"... Конечно, онъ былъ оправданъ судьей, который не нашелъ въ этомъ случаѣ состава преступленія; но уже самый фактъ обвиненія его много значитъ; при такихъ условіяхъ, писать въ газеты могутъ рѣшиться только герои, а послѣднихъ въ Буинскѣ, какъ и вездѣ, очень мало.

Но, само собою понятно, вовсе обойтись безъ „членораздѣльныхъ звуковъ" не могутъ и обитатели Буинскаго уѣзда; не могутъ они не прибѣгать иногда и къ печатному слову, хотя бы въ видѣ объявленій. И дѣйствительно, за два съ половиною мѣсяца до смерти А. В. Михайлова, о которой сказано въ началѣ этого письма, въ „Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" (увы, въ Симбирской губерніи нѣтъ другой газеты) появилось такое объявленіе:—„Статскій совѣтникъ Александръ Владиміровичъ Михайловъ, землевладѣлецъ при селѣ Протопоповкѣ, Буинскаго уѣзда, и деревнѣ Александровкѣ, Погибелковскій выселокъ тожъ, Карсунскаго уѣзда, по довѣренности, явленной... (тамъ-то), уполномочилъ меня на право управленія вышеозначенными имѣніями его и затѣмъ *самъ изъ имѣнія, гдѣ постоянно проживалъ, неизвѣстно куда уѣхалъ*, а потому... (на основаніи такого-то закона) я обязанность по управленію его, Михайлова, имѣніями, съ себя слагаю... Іюля 8 дня 1904 года".

Такимъ образомъ, еще въ началѣ іюля А. В. Михайловъ „неизвѣстно куда уѣхалъ" и тѣмъ поставилъ въ затруднительное положеніе всѣхъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла. Что же за человѣкъ былъ А. В. Михайловъ?

II.

Общественное и служебное положеніе Михайлова выяснено нами выше. Къ сказанному необходимо добавить, что это была крупная величина среди дворянства нашей губерніи. Его называли однимъ изъ главныхъ кандидатовъ на видную должность предсѣдателя губернской управы на предстоящихъ въ текущемъ году выборахъ. Въ качествѣ „передового земскаго дѣятеля", какъ названъ онъ въ некрологѣ „Губернскихъ Вѣдомостей", и члена равныхъ комиссій, онъ часто выступалъ съ печатными докладами по текущимъ вопросамъ. Принималъ онъ нѣкоторое участіе и въ текущей литературѣ, сотрудничая главнымъ образомъ въ органахъ С.

Шарапова. Раздѣляя воззрѣнія послѣдняго на задачи практической политики, онъ старался пропагандировать ихъ среди мѣстныхъ помѣщиковъ, содѣйствуя распространенію и матеріальному успѣху его изданій. И дѣйствовалъ онъ въ этомъ направленіи далеко не безуспѣшно: партія „новыхъ помѣщиковъ“ или, по-просту, „шараповцевъ“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ заставляла о себѣ говорить въ нашей губерніи.

Какъ „мужъ совѣта и разума“, пользовавшійся, по словамъ того же некролога, „хорошею репутаціею среди дворянства губерніи“ (хотя о личной жизни его ходили крайне неблагопріятные, „гнусные“ слухи), онъ былъ у насъ общепризнаннымъ авторитетомъ въ вопросахъ о помѣстномъ значеніи „высшаго сословія“ и теоретикомъ вожделѣній и чаяній, культивируемыхъ въ „дворянскихъ гнѣздахъ“. Вотъ нѣсколько извлеченій изъ его докладовъ.

Идеальнымъ періодомъ русской исторіи онъ считалъ „конецъ царствованія императора Николая I“, когда „дворянство представляло рѣзко очерченное земледѣльческое (sic) сословіе, на коемъ лежала вся государственная служба, какъ по мѣстному управленію, такъ и въ войскѣ и вообще государственныхъ учрежденіяхъ“. Такъ писалъ Михайловъ отъ лица симбирскаго дворянства въ одной изъ записокъ, посвященныхъ вопросу объ „оскудѣніи“ этого сословія. Онъ умалчиваетъ о томъ, какъ воспользовалось дворянство своимъ исключительнымъ положеніемъ въ государствѣ, къ чему оно привело Россію; но гордо заявляетъ: „Исторія указываетъ намъ, что по мѣрѣ того, какъ развивается и укрѣпляется самодержавіе въ Россіи, развивается одновременно дворянское служилое сословіе“. Такая организація управленія, „основанная на сословныхъ началахъ, вполнѣ соотвѣтствовала принципу самодержавнаго строя, ибо только земледѣльческо-служилый классъ можетъ быть *надежной консервативной опорою порядка* въ самодержавномъ государствѣ“.

Словомъ, все шло хорошо до царствованія Александра II. Съ началомъ же этого царствованія, рядъ реформъ „нѣсколько поколебалъ сословную организацію“. Эти реформы, въ связи съ послѣдующей экономической политикой государства, привели къ тому, что *„центральная Россія оскудѣла дворянствомъ, т. е. оскудѣла экономически“*. Только съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія „законодательная дѣятельность была направлена снова на сословный путь“. Вновь было признано правительствомъ „государственное значеніе дворянства, какъ класса земледѣльческо-служилаго, что и выразилось въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ мѣръ, а именно: въ усиленіи значенія уѣзднаго предводителя дворянства, въ организаціи народнаго образованія, введеніи сословныхъ началъ какъ въ земскія учрежденія, такъ и въ институтъ земскихъ начальниковъ, въ учрежденіи особаго совѣщанія о нуждахъ дворянскаго сословія“.

Но все это мало удовлетворяетъ Михайлова „со товарищи", и онъ одну за другой пишетъ „скорбныя страницы современной жизни всего нашего дворянства и неминуемаго его исчезновенія", если существующія условія будутъ продолжаться. Вдумываясь въ смыслъ современныхъ явленій, онъ видитъ „оскудѣніе дворянства", „разрушеніе того патріархальнаго строя, коимъ жила и крѣпла святая Русь", видитъ, что „дворянскія земли быстро сокращаются и близко то будущее, когда обезземеленное дворянство будетъ разсѣяно по землѣ Русской, не составляя болѣе сильнаго, крѣпкаго, сплоченнаго сословія" [1]).

Недовольство современнымъ положеніемъ дворянства идетъ такъ далеко, что даже столь, казалось бы, благодѣтельное для него учрежденіе, какъ Дворянскій банкъ, вызываетъ жалобы: онъ „не только не спасаетъ разорившихся центрально-русскихъ помѣщиковъ, но даже способствуетъ ликвидаціи вообще дворянскаго землевладѣнія, обращая его въ крестьянское". Про крестьянскій банкъ и говорить не приходится: ему ставится въ укоръ даже то, что онъ слишкомъ высоко цѣнитъ продаваемыя ему и при его содѣйствіи помѣщиками земли. Если бы онъ оцѣнивалъ ихъ низко, то, безъ сомнѣнія, подвергся бы упреку въ противномъ: по пословицѣ, не довернешься—бьютъ и перевернешься—бьютъ...

Что же нужно сдѣлать для того, чтобы вернуть утраченный „патріархальный строй", чтобы „дворянскія гнѣзда" не „исчезали безслѣдно", чтобы „земледѣльческое" (какъ любятъ выражаться „новые помѣщики" вмѣсто „землевладѣльческое") сословіе вновь расцвѣло? Для этого, прежде всего, необходимо, чтобы вся финансово-экономическая политика страны была направлена къ одной цѣли, къ поднятію значенія „владѣльческихъ усадьбъ", которыя, по выраженію Михайлова, „должны служить въ будущемъ культурными центрами имперіи". Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть еще болѣе возвышено служебное положеніе дворянства, такъ, чтобы всѣ болѣе или менѣе видныя должности въ губернской и уѣздной администраціи занимались исключительно птенцами изъ „дворянскихъ гнѣздъ". Словомъ, *все для дворянъ и все черезъ дворянъ*—вотъ какъ можно резюмировать всѣ pia desideria Михайлова и его присныхъ.

Много говорилъ и писалъ Михайловъ о великой роли „земледѣльческо-служилаго сословія", какъ единственной „надежной консервативной опоры порядка". Но соотвѣтствовали ли его поступки этимъ гордымъ рѣчамъ?—

---

[1]) Эти опасенія не лишены фактическихъ основаній. Дворянское землевладѣніе дѣйствительно быстро идетъ на убыль. Въ Симбирской губерніи къ 1 января 1870 г. за потомственными дворянами числилось 1.232.303 дес. при 1427 владѣльцахъ, а къ 1 января 1901 года состояло лишь 870.007 дес., при 970 владѣльцахъ. Такимъ образомъ, въ теченіе 30 лѣтъ дворянское землевладѣніе, какъ по количеству земельныхъ угодій, такъ и по числу владѣльцевъ, сократилось на цѣлую треть.

Какъ на причину своего самоубійства, онъ и его сестра указали въ предсмертной запискѣ, на то, что они выдали дружескіе векселя, разорились, и имъ не на что существовать. Но трудно допустить, чтобы нерасчетливо подписанные „дружескіе векселя“ привели къ самоубійству такого человѣка, какъ Михайловъ. Если у него оказалось много долговъ, то онъ могъ отдать кредиторамъ свои имѣнія; самъ же могъ бы просуществовать личнымъ трудомъ: при своихъ связяхъ, онъ легко бы нашелъ для себя службу, которая обезпечила бы ему безбѣдное существованіе, не говоря уже о помощи со стороны своего сословія. Нѣтъ, не финансовое банкротство привело его къ печальной развязкѣ на морскомъ берегу, къ позорной ликвидаціи почти уже прожитой жизни; привело его къ такому концу *банкротство моральное*. И въ этомъ общественный интересъ ялтинской трагедіи.

Здѣсь намъ необходимо остановиться на характеристикѣ нѣкоторыхъ сподвижниковъ Михайлова, интересы которыхъ были его интересами, и которые пользовались его поддержкой и взаимно поддерживали его самого,—судьба которыхъ была тѣсно связана съ его судьбой. Это—также помѣщики Буинскаго уѣзда, также считавшіеся надежнѣйшими охранителями „порядка“.

Вотъ предъ нами земскій начальникъ 5 участка Буинскаго уѣзда, г. К. Пишущій эти строки былъ однажды свидѣтелемъ того, какъ онъ съ негодованіемъ говорилъ о „возмутительныхъ“ порядкахъ, созданныхъ „либералами“, при которыхъ его сынъ, не получившій средняго образованія, долженъ былъ отбывать воинскую повинность наравнѣ съ молодыми людьми другихъ сословій: „представьте себѣ, мой сынъ, потомственный дворянинъ, и служитъ вмѣстѣ съ мужиками и мѣщанами рядовымъ солдатомъ“...

Этотъ, преисполненный дворянскаго достоинства старецъ, скончался въ мартѣ текущаго года, и тогда же обнаружилось, что онъ, въ качествѣ земскаго начальника, весьма свободно обращался съ суммами волостныхъ правленій и крестьянскихъ обществъ: онъ не дѣлалъ различія между этими суммами и собственными средствами. Въ результатѣ — растрата 15.000 рублей крестьянскихъ денегъ. Онъ не стѣснялъ себя „формализмомъ“ и поступалъ очень просто, вполнѣ „патріархально“. Собираются съ крестьянъ деньги, напримѣръ, въ уплату продовольственныхъ ссудъ, или за выданныхъ казною лошадей, или продается излишекъ общественнаго продовольственнаго хлѣба и т. п.; деньги эти, по закону, должны вноситься крестьянами, въ лицѣ сборщиковъ и другихъ должностныхъ лицъ, въ казначейство. Г-нъ К., въ качествѣ „непререкаемой и сильной власти“, при безгласіи подчиненныхъ ему органовъ сельскаго и волостного управленія, бралъ эти деньги себѣ и пользовался ими, какъ собственными, причемъ часть ихъ, по миновании надобности, вносилъ въ

казначейство или непосредственно, или черезъ волостное правленіе, а остальныя оставлялъ у себя.

Не пренебрегалъ и крестьянскими „сиротскими“ грошами. Деньги малолѣтнихъ сиротъ, по закону, должны вноситься въ государственныя сберегательныя кассы. Онъ же, состоя членомъ совѣта ссудо-сберегательнаго товарищества, распорядился, чтобы онѣ вносились въ кассу названнаго товарищества. При этомъ онъ принималъ на себя роль посредника для передачи этихъ денегъ и взносомъ ихъ по принадлежности не спѣшилъ. Нечего уже и говорить о такихъ деньгахъ, какъ суммы, собранныя имъ съ сельскихъ обществъ на высоко-патріотическія цѣли, по случаю настоящей войны, или суммы попечительства о народной трезвости. Здѣсь онъ чувствовалъ себя полнымъ и единственнымъ хозяиномъ, которому не приходилось опасаться вмѣшательства чиновъ посторонняго вѣдомства...

Вмѣшательство этихъ послѣднихъ привело вскорѣ послѣ его смерти къ обнаруженію растратъ крестьянскихъ суммъ, и растраты эти были пополнены близкими къ покойному лицами.

Не такъ благополучно отдѣлались тѣ сельскія общества, на которыя было обращено особенное вниманіе земскаго начальника, — этого „и попечителя, и друга, и отца“, по характеристикѣ „Гражданина“. „Такъ, „не имѣя другой заботы, кромѣ блага и облегченія положенія крестьянина“, онъ принялъ на себя трудъ постройки въ селѣ Убеяхъ школьнаго зданія, которое обошлось крестьянамъ въ 7.000 руб., хотя въ дѣйствительности стоимость его не превышаетъ „любой половины“ этой суммы. Да и какъ не израсходовать было столь ничтожной для настоящаго дворянина суммы, какъ семь тысячъ рублей, когда въ числѣ расходовъ по постройкѣ значатся, напримѣръ, расходы на осетрину и рябчиковъ, при поѣздкахъ строителя въ Симбирскъ,—когда проводились по счетамъ сотни рублей, которые въ дѣйствительности не были уплачены и т. п.

Открытіе столь хорошо выстроенной школы сопровождалось соотвѣтствующимъ празднествомъ, на которое было истрачено 300 рублей крестьянскихъ денегъ. Этотъ праздникъ просвѣщенія продолжался три дня, его почтили своимъ присутствіемъ многіе мѣстные дѣятели, при чемъ, конечно, пили за распространеніе въ народѣ грамотности, по-дворянски, шампанское... Не былъ забытъ и народъ, въ лицѣ мѣстныхъ крестьянъ, на средства которыхъ пировали „господа“: для нихъ земскій начальникъ купилъ *два ведра водки*... хотя это и немного для большого общества, но не слѣдуетъ забывать, что одна изъ задачъ земскаго начальника — насажденіе трезвости. Твердо помня статью 39 Положенія о земскихъ начальникахъ, возлагающую на нихъ „попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ“ г. К. и компанія предпочли сами угоститься на счетъ послѣднихъ, израсходовавъ на это угощеніе трехлѣтній окладъ жалованья учителя церковно-приходской школы.

Не менѣе заботливо онъ отнесся къ постройкѣ зданія волостного правленія. Волостной сходъ постановилъ построить для правленія деревянный домъ, на что и ассигновалъ 700 рублей. Прежде, чѣмъ уполномоченные сходомъ крестьяне приступили къ закупкѣ матеріаловъ, земскій начальникъ, по собственной иниціативѣ, безъ согласія общества, получилъ ассигнованную обществомъ сумму изъ мѣстнаго ссудо-сберегательнаго товарищества (въ которомъ онъ игралъ роль). Затѣмъ, силою своего „авторитета" онъ склонилъ волостной сходъ дать согласіе на постройку не деревяннаго, а каменнаго зданія правленія, и уполномочить его заготовить для этой постройки кирпичъ. На послѣднее сходъ согласился при условіи, чтобы кирпичный заводъ былъ устроенъ близко и чтобы цѣна кирпича не была выше существующей. Но завода г. К. не построилъ, а просто купилъ 100.000 кирпичей... въ имѣніи своей жены, по высокой для данной мѣстности цѣнѣ (12 рублей за тысячу), причемъ доставка его (за 15 верстъ) была возложена на крестьянъ, въ расчеты которыхъ это вовсе не входило. При томъ купленный кирпичъ оказался на цѣлую треть битымъ.

Такимъ образомъ, крестьяне были вовлечены въ невыгодную сдѣлку своимъ же земскимъ начальникомъ: они остались съ непригоднымъ для постройки кирпичемъ, безъ денегъ и безъ дома... Невольно вспоминаются при этомъ слова Пазухина, мотивировавшаго необходимость предоставленія помѣщикамъ административно-судебной власти надъ крестьянами тѣмъ, что дворянинъ-помѣщикъ не можетъ относиться къ послѣднимъ „исключительно со стороны коммерческихъ интересовъ" и „крестьяне всегда находятъ у него добрый совѣтъ и посильную матерьяльную помощь". Наши земскіе начальники, какъ видно хотя бы изъ этого примѣра, дѣйствительно не отказываютъ опекаемымъ ими крестьянамъ ни въ „совѣтѣ", ни въ „помощи".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, административно-хозяйственная дѣятельность К. представляетъ собою яркую иллюстрацію того, что крестьяне „подчинены безконтрольному произволу земскаго начальника",—что отвѣтственность его предъ своимъ начальникомъ и надзоръ губернскаго присутствія надъ ихъ дѣятельностью не достигаютъ цѣли.

Несмотря на существованіе de jure такой отвѣтственности и такого надзора, de facto земскій начальникъ чувствовалъ себя совершенно безнаказаннымъ и не стѣснялся поступать произвольно и въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ категорически требуетъ совершенно иного отношенія къ дѣлу. Объ обращеніи его съ общественными суммами и съ сиротскими деньгами сказано нами выше. Но этимъ далеко не исчерпываются прямыя нарушенія закона. Напримѣръ, онъ распорядился, чтобы поступившія въ общественныя и волостныя кассы суммы не записывались на приходъ, пока онъ не внесетъ ихъ въ казначейство или не возвратитъ въ волостное правленіе, должно быть, „за ненадобностью"; онъ приказалъ выда-

вать изъ сельскихъ банковъ деньги постороннимъ лицамъ и т. п. И всѣ его распоряженія, даже и явно незаконныя, безпрекословно (хотя иногда и съ трепетомъ въ душѣ, „какъ бы подъ судъ не угодить") исполнялись должностными лицами, которыя горькимъ опытомъ убѣдились, что нужно исполнять все, что прикажетъ „нашъ баринъ". Такъ именно, „бариномъ" зовутъ у насъ не только рядовые крестьяне, но и волостные старшины и писаря земскаго начальника—да порадуется этому тѣнь Пазухина: „патріархальный строй" еще живъ.

III.

Умеръ, г. К., умеръ также буинскій же помѣщикъ А., состоявшій непремѣннымъ членомъ, контролирующимъ дѣятельность земскихъ начальниковъ, губернскаго присутствія, бывшій для этихъ послѣднихъ „отцомъ и благодѣтелемъ" и связанный съ ними родственными и всякими другими отношеніями; и стали раскрываться въ буинскомъ уѣздѣ картины одна другой безобразнѣе. Въ кликѣ мѣстныхъ дѣятелей, грѣшившихъ за круговою порукою, образовалась брешь...

Остановимся на фигурѣ еще одного изъ этихъ дѣятелей, на котораго, главнымъ образомъ, и намекаетъ Михайловъ, объясняя свою „напрасную смерть" дружескими векселями. Это г. Т.

Пользуясь поддержкой столичныхъ родственниковъ, онъ пустился въ спекуляціи по скупкѣ земель, въ расчетѣ учесть со временемъ разницу въ ихъ стоимости. Расчитывая на будущіе барыши онъ безъ стѣсненія занималъ деньги направо и налѣво. Но вліятельный родственникъ не оправдалъ надеждъ, и въ результатѣ—разореніе какъ самого г-на Т., такъ и людей, содѣйствовавшихъ его благимъ начинаніямъ своими, часто послѣдними, средствами. Ближайшіе его друзья, подписывавшіе „дружескіе векселя", были вполнѣ освѣдомлены относительно его плановъ и шансовъ на „хорошій заработокъ"; но въ числѣ его кредиторовъ были и люди, чуждые „широкихъ перспективъ", просто дававшіе ему деньги, какъ крупному землевладѣльцу. Какъ бы то ни было, въ нынѣшнемъ году (о, несчастный для Буинскаго уѣзда, високосный годъ!) г. Т. бѣжалъ изъ уѣзда и также, какъ Михайловъ, „неизвѣстно куда",—бѣжалъ, провожаемый проклятіями обобранныхъ имъ людей.

Теперь, надѣемся, для читателя ясно, въ какой средѣ вращался Михайловъ, кто были его друзья и знакомые, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кто былъ онъ самъ; о послѣднемъ говоритъ не только окружавшая его обстановка, но и приведенные нами выше его воззрѣнія. И онъ былъ однимъ изъ хозяевъ Буинскаго уѣзда, и онъ былъ однимъ изъ „дурныхъ пастырей".

А отъ дурныхъ пастырей прежде всего страдаютъ, конечно, пасомые, тѣ Макары, на которыхъ всѣ шишки валятся. И Михайловъ, подобно г. К., не пренебрегалъ грязнымъ и потнымъ мужицкимъ рублемъ. Этотъ несчастный рубль вѣчнаго недоимщика прежде, чѣмъ попасть въ казначейство или земскую управу, зачѣмъ-то направлялся въ противоположную сторону, въ „дворянскую усадьбу“, гдѣ проживалъ „баринъ“. Говорить здѣсь о нарушеніяхъ закона,—значило бы повторять то, что уже сказано выше по поводу аналогичныхъ дѣйствій соратника Михайлова, г. К.

Главнымъ изъ его послѣднихъ подвиговъ былъ поступокъ съ симбирскимъ купцомъ К—мъ. Это—афера на земско-коммерческой почвѣ.

Какъ извѣстно, въ видахъ облегченія сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ помѣщиками и крестьянами, въ послѣдніе годы довольно широко практиковалась поставка хлѣба интендантству черезъ земскія управы. По мысли правительства, операція эта не должна имѣть коммерческаго характера: всякій поставляетъ то количество хлѣба, которое является въ его хозяйствѣ излишкомъ, подлежащимъ продажѣ. Однако, сословіе, хозяйничающее въ земствѣ, не преминуло сдѣлать изъ нея выгодную для себя доходную статью. При соблюденіи извѣстныхъ формальностей, помѣщики являются поставщиками не своего только, но и скупленнаго хлѣба, если только назначенная правительствомъ цѣна для нихъ выгодна. Это не считается у насъ предосудительнымъ, лишь бы только соблюдались требованія обычной коммерческой честности.

Михайловъ же, въ концѣ своей карьеры, вышелъ за предѣлы такой честности и совершилъ дѣяніе, квалифицируемое не особенно лестнымъ терминомъ... Согласно его условію съ купцомъ К—мъ, послѣдній поставилъ за него въ интендантство большую партію хлѣба, скупленнаго имъ въ Самарской губерніи (при такихъ пріемахъ, распредѣленіе поставляемаго въ казну хлѣба между губерніями теряетъ, конечно, всякій смыслъ). Михайловъ получилъ изъ земской управы деньги за этотъ хлѣбъ, а К—ву выдалъ свои векселя на 22,000 рублей, которые были тѣмъ учтены въ банкѣ. Когда же наступилъ срокъ уплаты по этимъ векселямъ, то отъ векселедателя и слѣдъ простылъ; отъ него осталось лишь обремененное долгами имѣніе. Деньги долженъ былъ уплатить К—въ; въ противномъ случаѣ ему былъ бы закрытъ кредитъ.

Вотъ что погубило честное имя Михайлова и довело его до самоубійства, а не дружескіе векселя, сами по себѣ. Sic transit gloria mundi.

Итакъ, предъ нами дѣйствительно „скорбная“ картина оскудѣнія, банкротства „хозяевъ“ Буинскаго уѣзда, „надежной консервативной

опоры порядка“, охранителей par excellence; и это банкротство,—повторимъ еще разъ,—не матеріальное, а—что гораздо важнѣе—моральное. Между тѣмъ, это сословіе, которому закономъ и практикой предоставлено исключительное руководство уѣздною жизнью, претендуетъ на еще болѣе вліятельную роль, говоритъ гордыя рѣчи. Не довольствуясь витіеватой прозой, наши дворяне начинаютъ произносить свои гордыя слова на языкѣ боговъ. Такъ, въ декабрѣ прошлаго года, на торжествѣ открытія пансіона для дворянскихъ дѣтей (построеннаго на казенный счетъ съ необычайною роскошью и обошедшагося въ 180.000 рублей — на 60 человѣкъ), сначала говорились обычныя рѣчи на затасканную тему о томъ, что „наши предки Римъ спасли“, а затѣмъ буинскій же помѣщикъ В. Л. Персіяниновъ прочелъ свое стихотвореніе, которое хорошо характеризуетъ привычку нашихъ дворянъ къ гордымъ словамъ. Эту же привычку авторъ желаетъ привить и питомцамъ дворянскаго пансіона которымъ внушаетъ, что

Они поставлены *особо надъ толпой*—
Не для того, чтобъ думали гордиться долей;
А *выше бы толпы* стояли головой...

Гордыя это слова, но, увы, только—„слова, слова, слова!“ Дѣла же далеко не таковы. Послѣ того, какъ всплыли на поверхность описанные нами подвиги нѣкоторыхъ представителей „высшаго сословія“ въ Буинскомъ уѣздѣ, можно было бы ожидать отъ этого сословія, по крайней мѣрѣ, въ первое время, нѣкоторой сдержанности въ проявленіи своихъ „политическихъ правъ“. Въ дѣйствительности мы этого не видимъ. И послѣднее уѣздное земское собраніе назначило предсѣдателю уѣздной управы небывалый у насъ окладъ содержанія въ 3.000 рублей,— что представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что у насъ не прекращаются жалобы, съ одной стороны, на обременительность обложенія земскими сборами, а съ другой—на недостатокъ у земства средствъ,—недостатокъ обусловливающій невозможность удовлетворить насущныя потребности населенія. Злые языки объясняютъ такую щедрость гласныхъ тѣмъ, что они нашли возможнымъ и полезнымъ прибавкою содержанія изъ земскихъ средствъ вознаградить предсѣдателя управы за труды его по другой должности,—по должности предводителя дворянства, на которую онъ избранъ вмѣсто „уѣхавшаго“ изъ уѣзда г. Т. Какъ бы то ни было, преемникъ послѣдняго исполняетъ обязанности предсѣдателя управы и предводителя дворянства не безкорыстно, только вознагражденіе получаетъ лишь по первой изъ этихъ должностей; такъ распорядились хозяева уѣзда, а гласные отъ крестьянъ?... Да стоитъ-ли о нихъ говорить: вѣдь они,— какъ доказалъ еще покойный Пазухинъ,—отъ природы лишены „политической правоспособности“.

Въ то же время въ сосѣднемъ, Карсунскомъ, уѣздѣ, земское собраніе вновь санкціонировало право земскихъ начальниковъ безплатно пользоваться земскими лошадьми, несмотря на то, что они получаютъ изъ казны разъѣздныя деньги, и сенатъ неоднократно разъяснялъ незаконность такого порядка. Само собою понятно, что подобныя постановленія возможны только потому, что дворяне являются полными хозяевами въ земствѣ; представляющіе крестьянское населеніе въ собраніи волостные старшины подчинены тѣмъ же дворянамъ—предводителю и земскимъ начальникамъ.

Такъ идутъ у насъ дѣла, такъ пользуется своимъ положеніемъ „командующій классъ", до сихъ поръ мечтающій о дальнѣйшемъ расширеніи своихъ правъ на счетъ другихъ сословій, устраивающій даже на казенный счетъ особые питомники для воспитанія изъ своихъ дѣтей будущихъ „правителей", которые съ дѣтства „поставлены особо надъ толпой" и которые должны, по мысли отцовъ, итти далѣе тропою, —

„Тропою той, которою дворянство шло!"

Часто обращаясь къ „учителю жизни"—исторіи, наши теоретики „сословнаго принципа" не понимаютъ, однако, или не хотятъ понять, что дворянство, какъ сословіе, какими бы оно правами и привилегіями ни обладало, никогда въ Россіи не умѣло воспользоваться своимъ благопріятнымъ положеніемъ для того, чтобы принести странѣ существенную пользу,—доставить ей блага гражданской свободы, экономическаго довольства и просвѣщенія. Даже для истиннаго возвышенія самого себя это сословіе никогда ничего не сдѣлало. Чѣмъ больше имѣло оно правъ сравнительно съ другими сословіями, тѣмъ больше злоупотребляли ими отдѣльныя личности, преслѣдуя узко-экономическія цѣли. Всегда находились, конечно, и лица, имѣвшія цѣлью своей дѣятельности общее благо, но такія лица подвергались нападкамъ и встрѣчали противодѣйствіе, главнымъ образомъ и даже исключительно, со стороны своего же сословія. И странно было бы, если бы вовсе не давалъ безкорыстныхъ дѣятелей классъ, который пользовался наибольшими правами въ странѣ и которому были преимущественно открыты пути къ просвѣщенію и общественной дѣятельности. Но „сословный принципъ" здѣсь не причемъ. Честность, дарованія и способность къ знанію—не монополія дворянства,—все это также свойственно и презираемой имъ „толпѣ". Нужно только, чтобы общественныя учрежденія давали просторъ для дѣятельности, а люди найдутся, причемъ безразлично, принадлежатъ они или не принадлежатъ къ какому-либо сословію. Даже для самихъ дворянъ,—разумѣется, для лучшихъ изъ нихъ,—было бы желательно уничтоженіе сословныхъ средостѣній, созданіе безсословныхъ учрежденій, въ которыхъ истинно благожелательные и даровитые люди нашли бы благодарное поле для примѣненія своихъ силъ и способностей.

Р.

Родныя картины.

Шпіономанія и „брошюроманія“.—Профессоръ Фойницкій въ новомъ мундирѣ.—Нижегородскіе гайдамаки.—О провинціальной цензурѣ.—Мелочи.

За послѣднее время шпіономанія такъ охватила все русское общество, что положительно сдѣлалась модной болѣзнью.

Куда ни придешь, съ кѣмъ ни встрѣтишься, только и разговоровъ, что о сыщикахъ да объ обыскахъ.

На-дняхъ, напримѣръ, приходитъ ко мнѣ знакомый и, едва успѣвъ поздороваться, шепчетъ:

— Сейчасъ, знаете, поднимаюсь я къ вамъ по лѣстницѣ, какъ глядь— „субъектъ стоитъ“. Эге, думаю, душечка, стоишь? Ну, ладно же! А у меня, какъ на зло, въ карманѣ письмо къ родителямъ лежитъ... Правда, въ письмѣ ничего особеннаго нѣтъ, но все-таки между строкъ я кое-гдѣ намекаю, что старикъ-Суворинъ земскаго собора потребовалъ.

И такъ, знаете, это письмо меня встревожило, что просто въ потъ бросило. А ну какъ, думаю, „субъектъ“-то письмо для ознакомленія потребуетъ?..

Не успѣлъ этотъ знакомый сжечь письмо въ каминѣ, какъ приходитъ другой.

— Вообразите, какой со мной случай паскудный: ѣду я сейчасъ на конкѣ, смотрю—и „онъ“ ѣдетъ. Сидитъ насупротивъ и дѣлаетъ видъ, что „Новое Время“ читаетъ, а самъ, между тѣмъ, такъ и шныряетъ глазами такъ и шныряетъ.

— Да вы какимъ же образомъ догадались, что это „онъ“ сидѣлъ?

— Ну, помилуйте, не ребенокъ же я: на одну физіономію поглядѣть, такъ сразу признаешь. Знаете, физіономія кашевара изъ арестантскихъ ротъ: рябой, все лицо словно говяжьимъ саломъ вымазано, а губы — ни дать, ни взять, глубокія галоши...

Приходитъ третій.

— Пошелъ я, знаете, сегодня къ обѣднѣ, а „субъектъ“ то и увяжись за мной: идетъ слѣдкомъ и хоть ты колъ ему на головѣ теши. Можете представить, до самаго Исакія провожалъ и даже въ церкви не оставилъ въ покоѣ: стоитъ сзади и фальшивымъ теноромъ „иже херувимы“ подпѣваетъ. Такъ и не далъ помолиться.

— Но позвольте, какимъ же образомъ вы догадались, что это былъ „субъектъ“?

— Ну, помилуйте, не ребенокъ же я: по всему видно. Да и кромѣ того, я его спросилъ, напрямки спросилъ. Какъ стали это мы изъ церкви выходить, я обернулся къ нему да и говорю:—А позвольте, говорю, узнать, молодой человѣкъ, вы, собственно, чѣмъ занимаетесь?—„Я-съ?“—Да вы-съ.—„Да вотъ, говоритъ, пока что, бороду себѣ отпускаю.“—Ага, говорю, очень пріятное занятіе!..—„Ничего, говоритъ, занятіе, какъ занятіе.—„А вы, спрашиваетъ, чѣмъ промышлять изволите, не по сыскной ли части?“ Это, можете себѣ представить, онъ меня спрашиваетъ, каково? Какъ прикинулся, шельма?

Приходитъ курсисточка—первокурсница. Приходитъ—и по одному лицу ея, по счастливымъ глазамъ и румянцу видно, что и у нея „случай“ былъ.

— Вообразите, сейчасъ меня „шпигъ“ осматривалъ! Прихожу я къ знакомымъ курсисткамъ, а тамъ кутерьма происходитъ. Ну, разумѣется, и меня пріобщили къ дѣлу. „Шпигъ“ увидѣлъ у меня въ рукахъ книжечку „Китай или Мы“, сочиненіе курскаго гласнаго Батезатула, ухватилъ ее и какъ закричитъ:—„Ваше благородіе! „брушура“! Я такъ и покатилась со смѣху. Ну, конечно, ротмистръ посмотрѣлъ „брушуру“ и говоритъ:

— Дуракъ!

Веселый смѣхъ курсистки заразилъ и насъ всѣхъ, и мы, перебивая другъ друга, предались, такъ сказать, воспоминаніямъ. У каждаго въ запасѣ оказался „случай“, каждый спѣшилъ имъ подѣлиться и выходило такъ, что вся современная русская жизнь представляетъ собой какъ бы сплошную „брушуру“, которую одни прячутъ, а другіе ищутъ.

Конечно, во всѣхъ этихъ разговорахъ чувствовалась значительная доза той шпіономаніи, которая составляетъ болѣзнь нашего времени. Но и за всѣмъ тѣмъ, при первой же попыткѣ поставить діагнозъ этой болѣзни, выяснилось, что причины ея лежатъ внѣ общества. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не болѣзненной подозрительностью, прикажете объяснить, хотя бы слѣдующій кіевскій случай, о которомъ недавно прокричали газеты.

„4-хъ лѣтній мальчикъ, гуляя со своей няней, поднялъ на улицѣ какой-то листокъ. Принявъ его за военную телеграмму, мальчикъ все время твердилъ, что принесетъ ее домой показать своему папѣ.

На грѣхъ, мимо няни съ ребенкомъ проходилъ одинъ изъ блюстителей порядка; увидя листокъ, которымъ размахивалъ ребенокъ, блюститель сразу обнаружилъ „нѣчто“ и потому заинтересовался столь юнымъ агитаторомъ. На расспросы мальчикъ отвѣтилъ, что онъ для папы несетъ телеграмму... Блюститель взялъ изъ рукъ мальчика „телеграмму“, прочиталъ ее и совершенно серьезно изрекъ: „Это не телеграмма, а нѣчто болѣе интересное“, послѣ чего пригласилъ няню съ ребенкомъ слѣдовать за нимъ въ гостиницу, находившуюся по близости. Здѣсь, переговоривъ съ кѣмъ слѣдуетъ по телефону, онъ сейчасъ же препроводилъ „революціонеровъ“ въ участокъ, гдѣ перепуганную пару продержали 3 часа, произвели по формѣ дознаніе и долгое время не рѣшались отпускать на свободу.

Оказалось, что ребенокъ поднялъ брошенную кѣмъ-то прокламацію. Тѣмъ временемъ родители ребенка, встревоженные продолжительнымъ отсутствіемъ его и няни, дали знать въ полицію, и оттуда же были извѣщены, что няня съ ребенкомъ задержаны въ участкѣ.

Потребовались продолжительные переговоры, прежде чѣмъ маленькій потрясатель основъ былъ извлеченъ изъ нѣдръ участка“. („Наши Дни“)

Конечно, кіевскій случай принадлежитъ какъ разъ къ разряду тѣхъ, которые носятъ наименованіе забавныхъ недоразумѣній и оканчиваются всегда болѣе или менѣе веселымъ смѣхомъ. Но спрашивается, легче ли оттого родителямъ задержаннаго мальчугана? Вѣдь вы только подумайте: мальчишкѣ, можетъ быть, уже давно пора было „геркулесъ“ ѣсть, а съ него, между тѣмъ, допросъ снимаютъ и о принадлежности его къ партіи „эсъ-эровъ“ по телефону говорятъ.

Конечно, „брошюроманія“ является лишь обратной стороной шпіономаніи и какъ та, такъ и другая, показываютъ напряженное состояніе общества, его глубокое нервное потрясеніе, охватывающее всѣ слои и всѣ классы. Притомъ же не слѣдуетъ думать, что „брошюроманія“ составляетъ плодъ исключительно участковаго усердія — отнюдь нѣтъ: она такъ же разлита въ обществѣ, какъ и сестра ея шпіономанія. По крайней мѣрѣ, газеты каждый день свидѣтельствуютъ, что „брошюроманы“ сами собой выростаютъ какъ разъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было бы ожидать. Въ этомъ отношеніи особенно плодоносной считается наша педагогическая нива, которую не безъ основанія уподобляютъ долинѣ Нила по ея баснословной урожайности. Вотъ полюбуйтесь, напримѣръ, какую практику развилъ одинъ изъ орловскихъ инспекторовъ народныхъ училищъ, нѣкій М—въ. „2-го декабря,—сообщаютъ орловскіе корреспонденты столичныхъ газетъ, — въ нашемъ городѣ праздновалось 40-лѣтіе судебныхъ уставовъ. На банкетѣ, устроенномъ по этому поводу, наравнѣ съ другими представителями мѣстной интеллигенціи, присутствовали, разумѣется, нѣсколько дѣятелей и педагогическаго міра. Вскорѣ послѣ банкета, инспекторомъ народныхъ училищъ М—вымъ былъ пригла-

шенъ на чашку чая одинъ изъ бывшихъ на банкетѣ учителей. Въ любезной бесѣдѣ г. М—довъ выразилъ свое сочувствіе банкету, рѣчамъ, произносившимся на немъ, и принятымъ резолюціямъ, в ыразилъ также сожалѣніе, что не могъ принять въ немъ участія, и кстати освѣдомился о томъ, кто изъ учителей былъ на банкетѣ? Гость, не подозрѣвая цѣли вопроса, далъ просимыя свѣдѣнія, которыя затѣмъ были г. М—вымъ, уже не за чашкой чая, а оффиціально сообщены мѣстному директору народныхъ училищъ, а послѣдній, какъ говорятъ, препроводилъ результаты „дознаній" въ управленіе московскаго учебнаго округа...

Послѣ того г. М—въ ѣздилъ въ „гости" еще къ одной сельской учительницѣ и тоже узнавалъ, кто изъ учащихъ сельскихъ школъ былъ на банкетѣ."

Какъ видите, „техника" орловскаго инспектора народныхъ училищъ далеко оставила за собой пріемы его евангельскаго прототипа—Искаріота: Искаріотъ не занимался предательствомъ профессіонально—его просто чортъ попуталъ. Сверхъ того, Искаріотъ зналъ, что такое муки совѣсти и не могъ пережить этихъ мукъ—тогда какъ орловскій Искаріотъ, послѣ предательства, только чаемъ отпивается. Наконецъ, и въ смыслѣ гонорара Искаріотъ евангельскій положительно пролетарій передъ своимъ орловскимъ colleg'ой: что такое, въ самомъ дѣлѣ тридцать серебренниковъ передъ штатнымъ содержаніемъ, квартирными, столовыми, разъѣздными, и „чаевыми" г. инспектора?

Нѣсколько въ другомъ родѣ проявилъ себя московскій инспекторъ народныхъ училищъ, И. И. Молчановъ. Этотъ ни чаю, ни кофею не пьетъ, а вмѣсто того, прямо разсылаетъ по всѣмъ земскимъ школамъ ввѣреннаго ему района нижеслѣдующій циркуляръ:

„Во исполненіе распоряженія начальства московскаго учебнаго округа, имѣю честь увѣдомить Васъ, что всѣ производства о разсылаемыхъ внутри Имеріи преступныхъ воззваніяхъ, о прокламаціяхъ, должны сосредоточиваться въ мѣстахъ, изъ коихъ таковыя были отправлены, при чемъ распространеніе тѣмъ или инымъ путемъ этихъ антиправительственныхъ произведеній безусловно должно служить основаніемъ къ возбужденію дознанія въ порядкѣ 1035 ст. угол. суд. Въ виду изложеннаго, учителя-цы народныхъ школъ, въ случаѣ полученія ими самими или иными лицами во ввѣренныхъ имъ школахъ какихъ-либо преступныхъ изданій, должны препровождать таковыя въ подлинникѣ, и, если представится возможность, то и самые конверты, въ которыхъ будутъ присылаемы сказанныя изданія, ко мнѣ для надлежащаго направленія по соглашенію съ начальникомъ губерніи".

Если провести параллель между этимъ московскимъ инспекторомъ и его орловскимъ colleg'ой, то преферансъ, по всей справедливости, придется отдать московскому, за его прямоту и откровенность. Тутъ человѣкъ

по крайней мѣрѣ, не мудрствуетъ лукаво, а прямо говоритъ: „такая у меня служба,—ни обманывать, ни подслуживать я никого не буду, но „во исполненіе распоряженія“ могу родного отца „пополамъ перервать“.

Если всѣ приведенныя корреспонденціи столичныхъ газетъ соединить въ одно цѣлое, то получится картина, которая вполнѣ удовлетворительно разрѣшитъ вопросъ, почему въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ такъ развита шпіономанія и почему русскіе люди такъ боятся другъ друга.

* * *

Въ дополненіе къ сказанному какъ то сама собой просится на страницы нашей лѣтописи слѣдующая картинка:

29-го декабря въ Москвѣ должно было состояться засѣданіе постоянной комиссіи по техническому образованію при московскомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго техническаго общества для обсужденія вопросовъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія.

Засѣданія комиссіи привлекли не только профессіональное вниманіе, но и простое любопытство полицейскихъ чиновъ.

„Одинъ полицейскій чинъ, разсказываетъ корреспондентъ „Н. Д.“, вѣроятно, руководимый высокимъ интересомъ къ просвѣтительной работѣ, пожелалъ проникнуть въ залъ засѣданія 29-го декабря. Распорядители его не пустили, указавъ, что полиція не имѣетъ права присутствовать на засѣданіяхъ постоянной комиссіи.

Чинъ страшно обидѣлся.

— Вотъ вы меня не пускаете,—простодушно негодовалъ онъ,—а тамъ, въ залѣ, нашихъ уже человѣкъ пять есть...

— Не можетъ быть этого. Никто изъ полиціи не проходилъ въ залъ.

— Да они переодѣты въ штатское платье!.. Да!.. И имъ еще рѣчи говорить приказано... А, вотъ, въ формѣ вы не пускаете!..

Распорядители, смѣясь этому, нельзя сказать, чтобы неожиданному открытію, заявили огорченному любителю просвѣщенія, что и ему ничто не мѣшаетъ переодѣться въ штатское платье и получить доступъ въ залъ, но онъ все-таки остался недоволенъ такой строгостью къ полицейскому мундиру.

Крайне жаль, что не удалось послушать этихъ любопытныхъ рѣчей „по приказу“ на тему о народномъ образованіи. Въ залѣ засѣданія пришлось встрѣтить нѣсколько физіономій, чрезвычайно внимательныхъ, но не носившихъ какихъ-либо слѣдовъ прикосновенности ихъ обладателей къ просвѣщенію“.

„Агенты“, произносящіе рѣчи по особому заказу, теперь не рѣдкость: въ провинціальныхъ городахъ они даже въ водопроводныхъ комиссіяхъ требуютъ „слова“ и развиваютъ такую силу краснорѣчія, что городскіе головы изъ купцовъ падаютъ духомъ и умоляютъ не препятствовать засѣданію.

— Господа шпіоны! Сдѣлайте милость, прекратите безобразіе: третій день мы собираемся о сплавной системѣ поговорить, а вы все о правовомъ порядкѣ намъ объясняете. Неужто же вамъ на банкетахъ мѣста мало? Ей-Богу, вы доведете насъ до того, что мы его превосходительству жалобу подадимъ: вѣдь мы вамъ не студенты, а, слава Тебѣ, Господи. первой гильдіи купцы,—такъ насъ испытывать нечего.

* * *

Нашъ сотрудникъ Н. П. Ашешовъ напечалъ въ газетѣ „Наши Дни“ слѣдующее письмо въ редакцію:

„М. г. Прошу васъ не отказать въ помѣщеніи на страницахъ „Нашихъ Дней“, нижеслѣдующей копіи моего письменнаго предложенія, посланнаго въ совѣтъ юридическаго общества, состоящаго при с.-петербургскомъ университетѣ.

„Какъ извѣстно, третій съѣздъ русской группы международнаго съѣзда криминалистовъ въ Кіевѣ, не окончивъ своихъ занятій, былъ закрытъ.

Первоначальныя газетныя извѣстія о закрытіи кіевскаго съѣзда (см „Наши Дни“ отъ 4 января) объясняли печальный конецъ научныхъ занятій нашихъ товарищей распоряженіемъ кіевскаго генералъ-губернатора Клейгельса.

Однако, оффиціозное „С.-Петербургское Телеграфное Агентство“ телеграмами отъ 5 го января, напечатанными во всѣхъ столичныхъ газетахъ, поспѣшило снять съ кіевскаго генералъ-губернатора подозрѣніе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ дѣятелямъ науки права и опредѣленно указало, что кіевскій съѣздъ закрытъ почетнымъ предсѣдателемъ И. Я. Фойницкимъ. Такимъ образомъ, одинъ изъ лучшихъ представителей науки права и теоретическій защитникъ законности пошелъ дальше полиціи въ „почетномъ“ дѣлѣ уничтоженія русскаго общественнаго мнѣнія.

По моему глубокому убѣжденію, юридическое общество, состоящее при с.-петербургскомъ университетѣ, сдѣлавшее И. Я. Фойницкому честь избраніемъ его въ члены совѣта, не можетъ равнодушно относиться къ поступкамъ своихъ сочленовъ, которые, являясь добровольцами полицейскаго произвола на почвѣ преслѣдованія политическихъ идей, роняютъ нравственное значеніе научнаго университетскаго учрежденія призваннаго проводить въ жизнь начала права и законности.

Полагая, что двухъ мнѣній о полицейскихъ гастроляхъ г. Фойницкаго въ Кіевѣ быть не можетъ, и считая, что въ средѣ юридическаго общества не можетъ быть мѣста „синимъ мундирамъ“ науки, имѣю честь просить совѣтъ юридическаго общества внести на ближайшее общее собраніе членовъ его мое предложеніе исключить изъ состава юридическаго общества члена совѣта, сенатора, заслуженнаго профессора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера многихъ орденовъ Ивана Яковлевича Фойницкаго.

Дѣйствительный членъ юридическаго общества Н. П. Ашешовъ“.

Предавая свое предложеніе гласности, я надѣюсь, что и другіе члены юридическаго общества не замедлятъ откликнуться и высказать свое мнѣніе о совмѣстимости полицейскихъ дарованій со званіемъ члена юридическаго общества".

Это уже не первый случай, когда кіевскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ былъ поставленъ въ необходимость защищаться отъ поклеповъ гг. профессоровъ. Еще не такъ давно, ректоръ кіевскаго университета оклеветалъ полицію и за ея счетъ хотѣлъ распространить „обязательное постановленіе" генералъ-губернатора о сходбищахъ на улицахъ и на зданіе университета. А теперь, вотъ, тотъ же генералъ-губернаторъ Клейгельсъ нашелъ необходимымъ разъяснить, что съѣздъ криминалистовъ закрыла не полиція, а профессоръ Фойницкій. Какъ видите, уже одна наличность такого рода разъясненій доказываетъ, что духъ квартальнаго, которымъ насквозь пропахла современная дѣйствующая профессура, ни въ малой мѣрѣ не ослабѣваетъ и съ каждымъ днемъ дѣлаетъ все новыя и новыя пріобрѣтенія. Кто, въ самомъ дѣлѣ могъ ожидать, что этимъ духомъ пропахнетъ и проф. Фойницкій? Вѣдь этотъ человѣкъ справедливо считается гордостью русской науки. Его работы пользуются всеобщимъ признаніемъ за-границей, а его курсъ уголовнаго права являетъ собой образецъ счастливаго сочетанія глубокихъ научныхъ знаній и высокой гуманности. Мало того, у г. Фойницкаго есть цѣлая книга, посвященная свободѣ печатнаго слова. Книга эта мало извѣстна въ широкой публикѣ, но, безспорно, въ ней заключаются цѣлыя россыпи золотыхъ мыслей.

И вотъ, человѣкъ съ такимъ огромнымъ именемъ, съ такимъ научнымъ авторитетомъ, превращается вдругъ въ вульгарнаго будочника Мымрецова и лепечетъ мымрецовскія слова:

— Такъ что мы не допускаемъ „общественнаго мнѣнія"! Разойдись!

Чѣмъ же, однако, надо объяснить эти метаморфозы, эти скандальныя превращенія заслуженныхъ профессоровъ въ ординарныхъ будочниковъ? Увы! корень зла лежитъ все въ той же бюрократизаціи нашей профессуры: пока профессоръ былъ просто ученымъ, онъ помнилъ, что званіе профессора обязываетъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ достоинство ученаго отдано въ обмѣнъ на чечевичную похлебку бюрократа, метаморфозы стали не только возможны, но и неизбѣжны: бюрократія засасываетъ, она какъ болотная тина, медленно, но неуклонно поглощаетъ человѣка всего, безъ остатка, и каждому изъ своихъ покорныхъ слугъ ставитъ ультиматумъ: или все, или ничего. И потому, кто принялъ ультиматумъ, тотъ долженъ помнить, что для него спасенья нѣтъ, что онъ ужъ не принадлежитъ себѣ, и что ультиматумъ, въ концѣ концовъ, заставитъ его отречься отъ науки и превратитъ свободнаго ученаго въ бюрократическое быдло. (Эти строки были уже набраны, когда среди профессоровъ С.-Петербургскаго универ-

Ьасту

ситета стало извѣстно, что вопросъ объ удаленіи г. Фойницкаго изъ юридическаго общества почти рѣшенъ въ неблагопріятномъ для г. Фойницкаго смыслѣ).

* * *

Въ Нижнемъ Новгородѣ произошелъ трагическій случай, напоминающій эпоху гайдамаковъ. „29-го декабря, разсказываетъ корреспондентъ „Нашихъ Дней", въ залѣ народнаго дома состоялся, при огромномъ стеченіи посѣтителей, литературно-музыкальный вечеръ въ пользу общества взаимопомощи учащимъ нижегородской губерніи. Концертъ кончился очень рано въ виду того, что второе отдѣленіе его программы неожиданно было запрещено. По предложенію одного изъ присутствовавшихъ, публика рѣшила воспользоваться оставшимся временемъ и побесѣдовать на интересующія всѣхъ злободневныя темы; былъ выбранъ предсѣдатель, стали произноситься рѣчи, въ общемъ мало чѣмъ отличающіяся отъ помѣщаемаго за послѣдніе дни на газетныхъ столбцахъ. Все шло въ полномъ порядкѣ, тихо и мирно. Но вотъ, когда прошло достаточно времени, и сталъ говорить уже третій ораторъ, появляется передъ публикой помощникъ полиціймейстера г. Игнатьевъ и приказываетъ разойтись. Присутствовавшіе сначала выражаютъ свое недоумѣніе и просятъ какихъ-либо объясненій этого страннаго распоряженія. Тогда г. Игнатьевъ, не говоря ни слова выводитъ изъ боковой двери человѣкъ 50—60 городовыхъ, выстраиваетъ ихъ передъ беззащитной толпой и затѣмъ отдаетъ короткую команду: „Шашки вонъ! Бей!" Городовые съ обнаженными шашками бросаются впередъ и начинаютъ нещадно бить публику, виновную только въ томъ, что она пришла на концертъ и на танцы. Поднимается страшная паника, всѣ бѣгутъ къ выходу, у котораго происходитъ чудовищная давка; многіе, не будучи въ состояніи достигнуть лѣстницы, бросаются съ барьера прямо внизъ... Женщины на мѣстѣ падаютъ въ обморокъ, ихъ топчутъ ногами. Повсюду слышны истерическіе вопли. Видно много окровавленныхъ лицъ. Между тѣмъ рубка продолжается до тѣхъ поръ, пока залъ совершенно не очищается. Только тогда „блюстители порядка" успокоились въ пріятномъ сознаніи „доблестно" выполненнаго долга. Объяснить чѣмъ-либо эту дикую расправу трудно."

Нечего и говорить, что какъ только нижегородскій инцидентъ сталъ достояніемъ печати, въ обществѣ поднялся глухой ропотъ. Газеты начали громко требовать суда надъ Игнатьевымъ и притомъ суда открытаго и гласнаго, который только одинъ пользуется довѣріемъ народа и можетъ внести успокоеніе въ общество. Одновременно съ тѣмъ заговорили и нижегородцы: мѣстный клубъ рѣшилъ исключить Игнатьева изъ числа своихъ членовъ, справедливо полагая, что столь гайдамацкое поведеніе не можетъ быть терпимо въ человѣческомъ обществѣ; затѣмъ въ публикѣ г. Игнатьеву перестали подавать руку, „такъ какъ руки Игнатьева

обагрены дѣтской кровью“, и наконецъ нижегородскій домовладѣлецъ, Николай Ивановичъ Стрегулинъ, въ домѣ котораго г. Игнатьевъ проживалъ, отправилъ своему квартиранту нижеслѣдующее заказное письмо:

„М. Г. Александръ Алексѣевичъ! Въ виду дикой кровавой расправы, произведенной вами 29-го декабря въ народномъ домѣ надъ беззащитной публикой, я не могу остаться равнодушнымъ къ столь возмутительному факту, описаніемъ котораго полны петербургскія газеты. А потому ваше дальнѣйшее пребываніе въ нашемъ домѣ я считаю для себя позорнымъ и прошу васъ о немедленномъ освобожденіи занимаемой вами квартиры.

Н. Стрегулинъ“.

Сверхъ всего этого, нижегородскіе адвокаты подали въ городскую думу особое заявленіе:

„Нижеподписавшіеся присяжные повѣренные считаютъ своимъ долгомъ заявить нижегородской городской думѣ, какъ законной представительницѣ городского населенія, о дѣйствіяхъ содержимой на счетъ городской казны нижегородской полиціи, имѣвшихъ мѣсто въ ночь на 30 е декабря только что истекшаго года въ зданіи общества распространенія начальнаго образованія, на площади передъ этимъ зданіемъ и прилегающихъ городскихъ улицахъ.

„Свидѣтельствомъ нѣсколькихъ десятковъ очевидцевъ съ несомнѣнностью установлено, что при удаленіи публики изъ аудиторіи народнаго дома, собравшейся туда на разрѣшенный властями вечеръ общества взаимопощи учителей, полиція не только безъ явной, но и безъ всякой въ томъ необходимости причинила многимъ лицамъ, не разбирая пола и возраста, жестокіе побои, раны, а нѣкоторымъ даже и увѣчья. Народный домъ, построенный на принадлежащей городу землѣ, на доброхотныя пожертвованія общества, ради просвѣтительныхъ цѣлей, нынѣ обагренъ кровью того же общества, которая ручьями лилась подъ ударами обнаженныхъ полицейскихъ шашекъ, пріобрѣтенныхъ на средства той же городской кассы. Улицы города ночью огласились криками избиваемыхъ шашками возвращавшихся изъ народнаго дома въ свои семьи обывателей.

„Общество сильно взволновано фактомъ этой жестокой расправы. Волненіе его тѣмъ сильнѣе, что до настоящаго времени оно принуждено довольствоваться разными слухами о происшедшемъ, такъ какъ подробности этого, въ высокой степени печальнаго, событія отъ него скрываются и даже не оглашены въ мѣстной печати. Мы полагаемъ, что городская дума, какъ представительница населенія, обязана принять мѣры къ выясненію происшедшаго, въ цѣляхъ возможнаго успокоенія взволнованнаго общества въ томъ, что не только виновные въ описанномъ преступленіи (предусм. 345 и 346 стт. улож. о наказ.) понесутъ должное наказаніе, но что и впредь не будутъ имѣть мѣста подобныя жестокія расправы полиціи, и

мирные обыватели съ женами и дѣтьми будутъ имѣть возможность ходить по городскимъ улицамъ и посѣщать театры и другія общественныя развлеченія безъ опасности подвергнуться насилію со стороны чиновъ полиціи".

Подъ давленіемъ столь опредѣленно выраженнаго общественнаго мнѣнія, заговорила, наконецъ, и губернская администрація. Хотя, надо сознаться, заговорила, какъ всегда, глухо и непонятно, сообщивъ только въ газетахъ, что „дѣлу данъ законный ходъ". Но какъ надо понимать этотъ „законный ходъ" и въ чемъ онъ будетъ состоять — покрыто мракомъ безгласности.

Если и предстоящій процессъ Игнатьева пойдетъ по той колеѣ, по которой идутъ всѣ такіе процессы: закрытыя двери суда, безплодные протесты защиты, и цѣлое сонмище свидѣтелей со стороны полиціи, то нечего и говорить, что такой процессъ не внесетъ успокоенія въ общество. Впрочемъ, что касается г. Игнатьева, то, повторяемъ, мы считаемъ его только физическимъ виновникомъ вооруженнаго нападенія на мирныхъ гражданъ. Правда, и въ качествѣ физическаго исполнителя чужой воли, онъ велъ себя, какъ гайдамакъ; не предупредилъ толкомъ публику, что ее начнутъ рубить, и не далъ времени покинуть залъ собранія. Другой на его мѣстѣ, быть можетъ, обратилъ бы вниманіе, что въ залѣ есть дѣти и женщины и принялъ бы хоть какія-нибудь мѣры, чтобы не проливалась, по крайней мѣрѣ, кровь дѣтей. Но „гайдамакъ" не сдѣлалъ этого, и потому общество поступило справедливо, подвергнувъ его остракизму и съ ужасомъ отвернувшись отъ гайдамацкаго дѣянія.

Въ pendant г. Игнатьеву не можемъ не указать на поведеніе саратовской полиціи, о которой газеты передаютъ слѣдующія, до чрезвычайности интересныя сообщенія.

„Восьмого января, во время концерта въ чайной на Пѣшемъ базарѣ, собравшаяся въ количествѣ 1.500 человѣкъ публика, преимущественно рабочіе, избравъ изъ своей среды предводителя, приступила къ обсужденію вопросовъ политическаго характера. Присутствовавшій на концертѣ приставъ 4-й части Никольскій съ нарядомъ нѣсколькихъ городовыхъ далъ знать по телефону о происходящемъ помощнику полиціймейстера. Послѣдній тоже не предпринялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію незаконнаго собранія. „За такую нераспорядительность" губернаторъ сдѣлалъ въ приказѣ по полиціи выговоръ помощнику полиціймейстера, а пристава посадилъ на 7 сутокъ подъ арестъ. Черезъ два дня былъ студенческій вечеръ въ коммерческомъ клубѣ. Туда явилась депутація отъ рабочихъ. Начались опять „политическія" рѣчи. Находившійся въ нарядѣ приставъ 1-й части телефонировалъ о томъ прямо губернатору — „Разогнать ихъ", слышитъ онъ въ отвѣтъ. — „Ваше превосходительство, сдѣлать этого я не могу, — заявляетъ приставъ, — я безсиленъ. Пріѣзжайте сами и посмотрите, что

возможно сдѣлать". Губернаторъ, однако, не поѣхалъ. Въ результатѣ, навѣрно, было бы также строгое взысканіе съ полиціи, но чины послѣдней предупредили печальное событіе. Полиціймейстеръ и его помощникъ подали въ отставку, тоже намѣрены сдѣлать пристава, околоточные и городовые отказываются пускать въ дѣло шашки и нагайки. Общество иниціатору этой своеобразной забастовки полиціи—помощнику полиціймейстера Благовѣщенскому—подноситъ благодарственный адресъ".

* * *

А вотъ и еще маленькая иллюстрація, рисующая положеніе провинціальной печати.

Въ „Сѣв.-Зап. Кр." читаемъ:

Отвѣты редакціи за 22 декабря. Г. Надеждину. Ваши „Пестрыя замѣтки" не могли быть помѣщены въ полномъ объемѣ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Г. Р. А. Менскому. Разсказъ „Сонъ" не напечатанъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Г. Читателю. Рекомендованные вами стихи „Природа зоветъ" и витебская корреспонденція изъ „Н. Ж." не могутъ быть напечатаны по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Г. К. Ю. Ч—ну. Ваша статья „Пруссія. Партейтагъ" не можетъ быть напечатана по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Любопытному. Рыбинская корреспонденція изъ „Н. Ж." не могла быть напечатана безъ пропусковъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Г. Арк. А—ну. Ваша статья „Дѣяніе генерала Ковалева" не можетъ быть напечатана по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Г. Е. Ш. Ваша статья „Взаимный поземельный кредитъ" не можетъ быть помѣщена въ цѣломъ видѣ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Г. К. К. Статья „Общее образованіе и война" не могла быть напечатана по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Г. О—му. Перепечатка изъ „Южнаго Курьера" о ѳеодосійскомъ парадѣ не могла быть напечатана по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Г. К—му. Статья „Интересный больной", заимствованная изъ „Научнаго архива виленской окружной лечебницы", не можетъ быть напечатана по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Д-ру Здановичу. Ваше письмо въ редакцію о замерзшихъ лошадяхъ не можетъ быть напечатано по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

* * *

Среди случайныхъ жертвъ, застрѣленныхъ въ Петербургѣ 9 января, оказался и молодой, талантливый юноша Г. О. Баранскій, сотрудничавшій въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ изданіяхъ.

„За нѣсколько же дней до смерти, говорятъ „Наши Дни“, Г. О. былъ приглашенъ редакціей нашей газеты для близкаго участія въ театральномъ отдѣлѣ. Покойный родился 22-го ноября 1878 г. и прошелъ суровую школу жизни. Типографскій ученикъ, наборщикъ, „готовящійся къ испытанію на аттестатъ зрѣлости“, служащій въ земствѣ, хроникеръ, актеръ, рецензентъ, публицистъ—вотъ ступени, по которымъ онъ шагалъ. Въ послѣдніе дни судьба улыбнулась Г. О.: въ „Бирж. Вѣд.“ ему было поручено завѣдывать отдѣломъ столичнаго городского хозяйства, въ „Нашихъ Дняхъ“ онъ надѣялся часто писать о драмѣ, которую любилъ и понималъ. Впереди рисовались дальнѣйшіе успѣхи на газетномъ поприщѣ... Увы, надеждамъ не суждено было сбыться, молодая жизнь оборвалась нежданно, жестоко... Прекрасный товарищъ, честный работникъ, даровитый и интересный человѣкъ вырванъ изъ нашей среды. И мы, его товарищи, не можемъ даже сказать его матери, сестрамъ и брату, тщетно ждущимъ теперь отъ него вѣстей и обычной поддержки, что приняли послѣдній вздохъ Г. О., что были на его могилѣ, что туда принесли ему свое послѣднее прости. Мы не знаемъ, гдѣ братская могила, въ которой покоится нашъ почившій товарищъ, но пусть отсюда донесутся къ нему слова нашего прощанія съ нимъ. Да будетъ легка земля безвременно погибшему юношѣ!“

* * *

Пермскій корреспондентъ „Нашихъ Дней“ пишетъ:

У насъ по-прежнему царитъ мракъ, который даже какъ будто еще болѣе сгустился Недавно, напримѣръ, былъ такой случай. 14-го декабря дорожный отдѣлъ губернской земской управы провожалъ на войну одного изъ своихъ сослуживцевъ. На вокзалѣ одинъ изъ провожавшихъ позволилъ себѣ что-то сказать по поводу грубости жандарма, который толкнулъ его. Въ результатѣ — четверо были арестованы и уведены въ 1-ю полицейскую часть. Здѣсь ихъ избили до потери сознанія, а одному технику Хайлину переломили ребро. Били по лицу, по головѣ, топтали ногами... На другой день троихъ отпустили на свободу съ обезображенными лицами. Я видѣлъ одного изъ нихъ; все лицо его было сплошной струпъ и синякъ, засыпанные іодоформомъ. Четвертаго, Филимонова, изъ участка полиція отправила въ тюрьму, такъ какъ у него къ карманѣ при обыскѣ нашли письмо какого-то студента о войнѣ и о томъ, какую роль она можетъ сыграть во внутренней политикѣ Россіи. Изъ тюрьмы его повели къ жандармамъ, гдѣ его допрашивали уже въ качествѣ обвиняемаго по 129 ст. улож. о наказ., какъ за храненіе и распространеніе противоправительственныхъ сочиненій. Конечно, допросъ былъ произведенъ безъ прокурорскаго надзора. Произвели обыскъ у дѣлопроизводителя Але-

ксѣева „частнымъ образомъ“ на томъ основаніи, что у Филимонова нашли записку Алексѣева такого содержанія: „Сообщите, пожалуйста, что дѣлается въ собраніи“ (въ Перми до 18-го декабря происходило губернское земское собраніе. Алексѣевъ же лежитъ больной и въ управу не ходитъ). Филимоновъ въ тюрьмѣ пробылъ только одинъ день и выпущенъ былъ подъ особый надзоръ полиціи. Всѣ четверо послали телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ и подали жалобу прокурору. Очень можетъ быть, что Филимонова еще уволятъ отъ службы, какъ поднадзорнаго: полиція уже грозитъ ему этимъ, если онъ будетъ жаловаться на побои.

* * *

Той же газетѣ пишутъ изъ Ростова на Дону:

17-го декабря къ проживавшему здѣсь, у своихъ родителей, доктору философіи О. Г. Сватикову явилась полиція и произвела обыскъ, не обнаружившій въ квартирѣ ничего „преступнаго“ или, вѣрнѣе, ничего искомаго. Затѣмъ обыскивавшіе предложили г. Сватикову слѣдовать за собой. Но такъ какъ распоряженія объ арестѣ г. Сватикова у нихъ не оказалось, то они пустились на хитрости, заявивъ, что вопросъ идетъ отнюдь не объ арестѣ, а только о кратковременномъ посѣщеніи участка для нѣкоторыхъ объясненій. Г. Сватиковъ повѣрилъ, „послѣдовалъ“, да такъ до до сей поры и остается въ участкѣ. Ни хлопоты его родителей, ни телеграмма, посланная ими министру внутреннихъ дѣлъ, не дали пока никакихъ положительныхъ результатовъ. Выяснилось только, что мѣстная жандармская власть нашла необходимымъ арестовать г. Сватикова за то, что на ростовскомъ банкетѣ 5-го декабря онъ подробно разсказалъ о петербургскомъ банкетѣ 20-го ноября, передавъ содержаніе наиболѣе интересныхъ рѣчей и состоявшейся резолюціи.

* * *

„Волынь“ сообщаетъ о порядкахъ въ мѣстной тюрьмѣ. У насъ нѣтъ въ настоящую минуту,—пишетъ газета,—фактическихъ данныхъ, которыя могли бы освѣтить отношеніе низшей тюремной администраціи къ уголовнымъ заключеннымъ, но много данныхъ, которыя говорятъ о положеніи политическихъ. Намъ пришлось выслушать жалобы многихъ матерей, женъ, сестеръ и братьевъ, которые умоляли сдѣлать что-либо въ защиту ихъ родственниковъ, имѣвшихъ несчастье быть заподозрѣнными въ политической неблагонадежности и попасть за это въ тюрьму. Намъ жаловались на отчаянную сырость помѣщеній, на грубое обращеніе, на передачу неполностью приносимой заключеннымъ пищи, такъ какъ все, что ни приносятъ имъ родные,—все это проходитъ сквозь цѣлый фильтръ ртовъ съ большими аппетитами и черезъ рядъ властныхъ рукъ. Единственный способъ, казалось бы, остается — это передача заключеннымъ вмѣсто пищи денегъ. Эти деньги хранятся въ конторѣ, и каждый заключенный имѣетъ право посылать на нихъ за покупками. Но въ результатѣ получаются тѣ

же злоупотребленія. Намъ передаютъ случаи, когда тюремный поваръ на одну котлету потребовалъ отъ заключеннаго фунтъ мяса и фунтъ масла. На фунтъ сахару въ лучшемъ случаѣ дается 15—20 кусковъ; чай оцѣнивается на вѣсъ золота. И некому жаловаться, потому что никто не слушаетъ; нельзя принимать никакихъ мѣръ, потому что связаны и руки, и мысли, и чувства. Все это требуетъ немедленнаго принятія серьезныхъ мѣръ и обнаруженія лицъ, являющихся виновниками безобразія.

* * *

Какъ передаютъ столичныя газеты, архангельскому губернатору подано недавно слѣдующее заявленіе:

„Въ послѣднее время въ архангельской губерніи открытъ для ссылки цѣлый рядъ новыхъ пунктовъ. Преслѣдуя чисто политическія цѣли, администрація не считалась съ условіями жизни. Въ результатѣ наши товарищи, пріѣзжая въ глухія безлюдныя селенія, нерѣдко съ большимъ трудомъ, при помощи урядника, находили себѣ жилье, въ видѣ грязной, сырой и угарной избы, кишащей насѣкомыми; о пищѣ и говорить нечего: приходится буквально голодать или питаться скудной и совершенно непривычной пищей, въ родѣ протухлой (такъ наз. „квашенной“) рыбы. Продуктовъ первой необходимости здѣсь нѣтъ, или они по своей цѣнѣ недоступны для лицъ, живущихъ грошовымъ казеннымъ пособіемъ. Само собою разумѣется, такія условія тягостны для людей, насильственно вырванныхъ изъ болѣе культурной обстановки и разрушительно вліяютъ на ихъ здоровье, медленно, но вѣрно подтачивая ихъ физическія и духовныя силы и угрожая имъ цѣлымъ рядомъ опасныхъ заболѣваній. Между тѣмъ, именно эти селенія (въ родѣ Пустозерска или Балбанъ, куда даже мѣстная полиція не могла, за отсутствіемъ дорогъ, отправить ссыльныхъ) совершенно лишены медицинской помощи; ближайшій фельдшерскій, а тѣмъ болѣе врачебный пунктъ, расположенъ въ сотняхъ верстъ, болѣзнь можетъ принять безнадежный характеръ или даже закончиться смертью, прежде нежели врачъ или фельдшеръ явятся къ заболѣвшему. Ссылка въ такія селенія, по существу дѣла, является замаскированнымъ средствомъ истребленія „внутреннихъ враговъ“ или превращенія ихъ въ полныхъ инвалидовъ. „Мы полагаемъ, что законъ отнюдь не уполномочиваетъ губернскую администрацію на такую вопіющую жестокость, и что слѣдовательно, указанныя ея распоряженія явно противозаконны. Достаточно отмѣтить хотя бы тотъ фактъ, что положеніе о гласномъ полицейскомъ надзорѣ обезпечиваетъ поднадзорнымъ безплатное пользованіе въ больницахъ гражданскаго вѣдомства; но политическіе ссыльные въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишены этого права, такъ какъ поставлены въ условія, при которыхъ оно не можетъ быть осуществлено. Особенно тягостныя послѣдствія влечетъ за собою безчеловѣчная противозаконная политика губернской администраціи въ такихъ отдаленныхъ и

глухихъ уѣздахъ, какъ печорскій. Немудрено поэтому, что ссыльные печорскаго уѣзда отказались повиноваться распоряженіямъ администраціи о водвореніи ихъ въ какіе бы то ни было пункты уѣзда, кромѣ Усть Цыльмы и Ижмы. Мы видимъ въ этомъ ихъ отказѣ вполнѣ естественный актъ необходимой самообороны и заявляемъ, что мы вполнѣ солидарны съ печорскими товарищами въ ихъ вышеупомянутыхъ требованіяхъ и будемъ протестовать противъ всякой попытки къ насильственному водворенію ихъ въ покинутыя ими селенія и, вообще, противъ выселенія въ мѣстности, явно опасныя для здоровья и жизни ссылаемыхъ. Копія настоящаго нашего заявленія со всѣми подписями препровождена господину министру внутреннихъ дѣлъ".

Подписали: А. Архангельскій, И. Альшинъ, И. Батуговскій, Е. Виберrаль, Барсуковъ, В. Владимірскій, М. Ю. Гольдштейнъ, А. И. Гуковскій Е. Данилова, Елизавета Добротворская-Незлобина, Вл. Залежскій, С. Ивановъ, Илюшкинъ, Ольга Красильникова, С. Кливанскій, И. Кирюхинъ, Крутицкая, Платонъ Кикнавелидзе, Несторъ Кечекмадзе, Дм. Кладищевъ, А. Левензонъ, И. Малинъ, В. Нейманъ, Орловъ, К. Проколовъ, К. Піотровскій, К. Піотровская, В. Погодицкій, П. Переверзевъ, П. Поставной, Путиловъ, Пивоваръ, В. Рогачевскій, В. Рогачевская, С. Турутинъ, А. Трояновъ, І. Фонштейнъ, Р. Шухатъ, Н. Шевелкинъ, С. Ясинскій и Н. Эпштейнъ.

* * *

Послѣ паденія Портъ-Артура, преосвященный Антонинъ, епископъ Нарвскій, произнесъ въ Казанскомъ соборѣ „слово", которое, съ нашей точки зрѣнія, является положительно шедевромъ духовнаго краснорѣчія:

„Въ часъ сей мнѣ слышенъ скорбный голосъ пророка Іереміи: „Кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ! Я плакалъ бы день и ночь объ убитыхъ народа моего (Іер. 9,1). Твердыня достоянія нашего ниспровержена, городъ опустошенъ и зданія въ развалинахъ. Въ разсѣлинахъ скалъ и въ пучинѣ морской погребены тысячи нашихъ невинныхъ братьевъ. Звѣзда праздника взошла для насъ не въ сіяніи радости, а во мглѣ оцѣпенѣвшей скорби. Еще дымятся остатки погребеннаго города, а золотая гора его, гдѣ развѣвалось наше знамя креста, отнынѣ—памятникъ, на которомъ перстъ Божій *написалъ прегрѣшенія однихъ и мученичество другихъ*. Наши отцы и братья, доблестные воители, достохвальные страдальцы за родину, почти годъ выдерживали вражьи натиски, дни и ночи не знали отдыха въ героическихъ, сверхчеловѣческихъ, ратныхъ трудахъ, въ голодѣ, лишеніяхъ, болѣзняхъ, ужасахъ и изнеможеніи. Львами поднимались они противъ врага, но у нихъ слабосильны были зубы и когти для обороны, и *они стали овцами, обреченными на закланіе. Такъ зимою собрано только то, что посѣяно лѣтомъ. Предъ лицомъ вселенной мы явились съ дѣлами своими*. Ударъ невидимой

десницы полагаетъ неотвратимое мщеніе. *Пятьдесятъ лѣтъ назадъ бичъ Божій ударилъ на насъ съ моря, чтобы растаяли наши сердца, и страна свергла оковы тѣлеснаго рабства. Отъ моря пришелъ гнѣвъ Божій и нынѣ затѣмъ, чтобы разсыпался пережитокъ тѣхъ дней—порабощенность духа.*

Кровію братій нашихъ, безропотныхъ страдальцевъ за родину насытилась земля и обагрилось море, а небо закрылось пеленою нашего позора.

Господи, пріемли же цѣну столькихъ страданій и потребленныхъ отъ насъ жизней во облегченіе житія оставшихся. Буря бѣдствій да перемѣнится въ дуновеніе утѣшенія. Чаяніемъ лучшихъ дней для всѣхъ насъ да укрѣпятся силы борющихся и озарятся упованія умирающихъ. Усѣченные же мечемъ смерти на поляхъ бранныхъ, мы молимся о нихъ, да явятся предъ Тобою въ правдѣ, и да встанутъ всѣмъ сонмомъ своимъ въ смягченіе нашихъ душъ, во умилостивленіе и откровеніе очесъ, назидающихъ земной нашъ жребій!“

Давно, очень давно съ епископской кафедры не раздавалось такихъ прекрасныхъ, такихъ чудныхъ по формѣ рѣчей. И не потому не раздавалось, что духовная среда оскудѣла ораторскимъ дарованіемъ, а потому что бюрократизмъ, съ его шаблономъ и бездушіемъ, охватилъ и духовенство.

* * *

Русская бюрократія удивительно просто смотритъ на свои задачи и на свою роль въ государствѣ. О созидательной, творческой работѣ она даже не помышляетъ (и это мы причисляемъ къ ея заслугамъ), но за то все вниманіе она устремила на препоны и преграды, безъ которыхъ будто бы немыслимъ государственный порядокъ и невозможно блаженство гражданъ. Посему, ежели русскій человѣкъ говоритъ: „я буду издавать газету, насаждать просвѣщеніе, выпускать книги и мечтать о свободѣ“, то бюрократъ ему отвѣтствуетъ: „хорошо, ты будешь издавать, насаждать и просвѣщать, а я буду препятствовать. А ежели ты и о свободѣ захочешь мечтать, то я распоряжусь уже „по совокупности“. Такъ и идетъ русская жизнь: обыватель порывается, а чиновникъ ему препятствуетъ. Въ своемъ родѣ „игра“. Въ особенности часто и въ особенности оживленно ведется „игра“ вокругъ печатнаго слова. Вотъ, напримѣръ, мартирологъ тифлисской печати за послѣдніе 8 лѣтъ ея страдальческой жизни:

„Окончательно закрыты, по представленію кавказскаго начальства, армянская газета „Ардзаганкъ“ и грузинская газета „Квали“. Редакторъ-издатель армянской газеты „Портъ-Даръ“ подвергся административной высылкѣ изъ края, и представленныя имъ лица не были утверждены въ званіи редактора, вслѣдствіе чего и эта газета фактически прекратила свое существованіе. Русская ежедневная газета „Новое Обозрѣніе“ два раза была пріостановлена: одинъ разъ на 8 мѣсяцевъ, другой разъ — на 2

мѣсяца, оба раза въ ноябрѣ, передъ подпиской, вслѣдствіе чего издатель, князь Тумановъ, потерпѣлъ значительные убытки и вынужденъ былъ передать газету въ другія руки. Армянская ежедневная газета „Мшакъ“ была пріостановлена на 2 мѣсяца, армянская еженедѣльная газета „Таразъ“—на 4 мѣсяца. Русская ежедневная газета „Тифлисскій Листокъ“ была лишена на 2 мѣсяца права обсуждать правительственныя распоряженія.

Даже дѣтскій грузинскій журналъ „Джеджили“ не избѣгъ кары. Онъ въ прошломъ году былъ пріостановленъ почти на цѣлый годъ. Редакторъ русскаго журнала „Аргонавтъ“ не былъ утвержденъ въ этомъ званіи, и журналъ прекратилъ вслѣдствіе этого свое существованіе.

Это все относится къ одному городу Тифлису. Что касается другихъ кавказскихъ городовъ, то и они не были забыты“. („Наши Дни“).

* * *

Бѣлостокъ. Въ „Зап. Окр.“ напечатано слѣдующее извѣщеніе отъ редакціи: „Мы извиняемся передъ читателями: лишены возможности аккуратно давать отчеты о происшествіяхъ по городу. Третьяго дня въ мѣстномъ городскомъ полицейскомъ управленіи нашему сотруднику сообщили, что „приказано васъ всѣхъ гнать въ шею и не давать никакихъ свѣдѣній“.

* * *

Какъ извѣстно, всѣ гимназисты, получающіе вожделѣнный аттестатъ зрѣлости, тотчасъ же прекращаютъ всякую связь со своими наставниками. Иногда, впрочемъ дѣло принимаетъ нѣсколько иной оборотъ. Такъ, въ Кишиневѣ междоусобная брань гимназистовъ и наставниковъ дошла до мирового судьи. По словамъ мѣстныхъ газетъ,

„Послѣ раздачи аттестатовъ зрѣлости окончившимъ курсъ во 2-й гимназіи, 6-го іюня этого года, директоръ гимназіи обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что „гимназія съ любовью воспитала васъ, дала вамъ знанія и указала пути для дальнѣйшей жизни и дѣятельности“.

На рѣчь директора окончившій гимназію г. Якубовичъ отвѣтилъ:

— „Отъ имени товарищей я благодарю васъ за ваши благопожеланія. Но, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить, что не всегда отъ гимназіи мы получали то, что должны были бы получать; намъ высказывали недовѣріе, въ насъ убивали лучшія чувства, надъ нами издѣвались и смѣялись, но теперь, въ виду торжественности минуты, мы забываемъ все это и желаемъ вамъ всего лучшаго“.

Этимъ, вѣроятно, дѣло и закончилось бы, если бы не учитель той же гимназіи г. Козленко, который написалъ окончившимъ курсъ гимназіи слѣдующее письмо:

„Господа! Прошу слова!

Надѣюсь, что вы выслушаете до конца мою рѣчь, такъ какъ пишущій эти слова глубоко оскорбленъ всѣми вами и за себя, и за своихъ товарищей. Прошу выслушать мою рѣчь, хотя бы она показалась вамъ и обидной. Послѣ торжественной минуты выдачи аттестатовъ однимъ изъ вашихъ соучениковъ отъ имени васъ всѣхъ совершенъ низкій поступокъ, оскорблены всѣ учившіе и воспитавшіе васъ, оскорблено все учебное заведеніе.

„Вотъ на! А мнѣ чего робѣть!
И я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!“

Называю этотъ поступокъ именно низкимъ. Не можете же вы утверждать, что цѣлая корпорація, всѣ учителя желали вамъ зла, „издѣвались надъ вами, душили въ васъ все высокое, благородное?“ Не имѣете права утверждать, что вся 2-я гимназія—тюрьма, какая-то клоака. Пусть каждый изъ васъ подумаетъ наединѣ: неужели онъ не вынесъ изъ гимназіи ничего ни для своего ума, ни для сердца? Пусть проклята будетъ такая гимназія, если она есть! Не будемъ говорить о томъ, чѣмъ каждый изъ васъ обязанъ гимназіи въ своемъ развитіи духовномъ. Посмотримъ на экзамены. Вы всѣ знаете прекрасно, что при строгости, судя по вашимъ экзаменамъ, могли не получить аттестата шесть человѣкъ. Неужели эти шесть человѣкъ не чувствуютъ ни капли благодарности? Даже тотъ, который собирался покончить съ собой при неудачѣ?! Это оскорбленіе относится прежде всего, конечно, къ представителю гимназіи, директору. Какое же вы имѣли право оскорблять, оскорблять этого гуманнаго человѣка, который, кромѣ добра, именно добра, ничего не сдѣлалъ вамъ? Наконецъ, если ни къ кому изъ современной корпораціи вы не чувствуете уваженія, то слѣдовало бы имѣть уваженіе хоть къ учебному заведенію, которое воспитало цѣлыя поколѣнія общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Нанесено было оскорбленіе въ минуту радости. Какъ низокъ долженъ былъ быть человѣкъ, который въ такой моментъ держалъ въ душѣ зло! Я убѣжденъ, что оскорбившій всю корпорацію имѣлъ злобу только противъ нѣкоторыхъ. Не подлость ли изъ-за своихъ личныхъ счетовъ съ нѣкоторыми бросать грязью во всѣхъ? Убѣжденъ я также, что, говоря отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, онъ не спросилъ позволенія у всѣхъ ихъ нанести это оскорбленіе всему учебному заведенію. А это не только подлость, но и нахальство! Лицамъ, которыя не солидарны съ мнѣніемъ Якубовича, совѣтовалъ бы послать отъ своего имени депутацію къ директору съ таковымъ заявленіемъ. Не будьте стадомъ, которое идетъ безсмысленно за барономъ! Уважайте движенія собственной совѣсти. Что касается лично меня, то я не считаю возможнымъ быть знакомымъ съ тѣми изъ васъ, кто устно или письменно, лично или черезъ депутацію не заявитъ директору о своей несолидарности съ Якубовичемъ. Пишу только

отъ себя, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ товарищей. Но убѣжденъ, что большинство изъ нихъ согласны со мной".

Якубовичъ, считая, что этимъ письмомъ г. Козленко нанесъ ему публичное оскорбленіе, 6-го октября подалъ мировому судьѣ 2-го уч. жалобу, прося его подвергнуть г. Козленко взысканію за публичное оскорбленіе и клевету.

На судѣ 16-го декабря г. Козленко, признавъ подлинность письма, оправдывался тѣмъ, что обида была взаимная.

Мировой судья, какъ сообщаетъ „Бес. Ж.", признавъ Козленко виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 130 ст. уст. о наказ., приговорилъ его къ 10 руб. штрафа, съ замѣной при несостоятельности двумя днями ареста при земскомъ арестномъ домѣ."

Такимъ образомъ, восьмилѣтнее „общеніе" педагоговъ и учениковъ окончилось вульгарнѣйшимъ процессомъ у мирового съ наложеніемъ штрафа на педагоговъ!

* * *

А вотъ случай изъ практики варшавскихъ педагоговъ: одинъ изъ профессоровъ мѣстнаго университета читалъ въ одной школѣ лекцію по естествовѣдѣнію учителямъ и учительницамъ варшавскихъ училищъ. Присутствовалъ инспекторъ училищъ и его помощники. Лекторъ, войдя въ роль, неожиданно замѣтилъ своимъ слушателямъ, что наука о ботаникѣ скорѣе понятна ученику христіанскаго вѣроисповѣданія, чѣмъ еврейскому ученику, который изъ этой науки не можетъ извлечь для себя матеріальной выгоды, такъ какъ ботаника—не вексель и не процентныя деньги (!?). На лекціи присутствовало много еврейскихъ учителей и учительницъ. Раздались протесты. Одна учительница, болѣе впечатлительная, упала въ обморокъ. Получилось общее замѣшательство. Оскорбленные педагоги обратились къ инспектору, который преспокойно замѣтилъ имъ, что, кто не желаетъ слушать, тотъ можетъ уйти." („Наши Дни").

Александръ Яблоновскій.

За прошлый годъ.

Общая характеристика 1904 года.—В. К. фонъ-Плеве.—Политика по отношенію къ земствамъ.—Административныя мѣропріятія.—Переломъ политики: указъ 12 декабря.—Его сущность и противорѣчія.—Правительственное сообщеніе.—Паденіе Портъ-Артура.

Провожая 1904 годъ, наша печать единодушно признала его годомъ исключительнымъ, тяжелымъ, не повторявшимся въ русской исторіи съ эпохи смутнаго времени. Минувшій годъ, дѣйствительно, займетъ опредѣленное и яркое мѣсто въ лѣтописяхъ русской жизни. Никогда нашъ общественно-государственный распадъ не проявлялся такъ рѣзко и рѣшительно, никогда неустройства, расшатанность, колебанія и общая несостоятельность строя не получали болѣе полнаго и всесторонняго выраженія, никогда коллизіи между жизнью и господствующимъ правомъ не принимали такихъ богатыхъ своею силою и содержаніемъ формъ. Однимъ словомъ, 1904 годъ—годъ несомнѣннаго кризиса и перелома, послѣдствій котораго мы совершенно не въ состояніи учесть.

Начался онъ въ моментъ, когда В. К. фонъ-Плеве, продолжая политику своихъ предшественниковъ съ 1884 года, повидимому, достигалъ зенита своей неограниченной власти. Человѣкъ крутой и неумолимой воли, съ бронированнымъ сердцемъ, которому было чуждо все человѣческое, фонъ-Плеве продолжалъ создавать апоѳеозъ всемогущей, всевѣдущей и всезнающей бюрократіи и выковывалъ своими желѣзными руками всеохватывающую систему крайней полицейской опеки, рѣшительно, надъ всѣми движеніями жизни, надъ каждымъ ея дыханіемъ. По смерти фонъ-Плеве въ обществѣ и печати не было разногласія въ оцѣнкѣ его личности и политики, и даже „Нов. Время“, сначала проливавшее холопскія слезы (въ статьяхъ г. Глинки), должно было, уловивъ истинное общее настроеніе, перемѣнить фронтъ.

Покойному фонъ-Плеве принадлежитъ громадная государственная заслуга (говоримъ это безъ тѣни ироніи), которая съ каждымъ днемъ ста-

новится теперь яснѣе и яснѣе. Рѣшительно и смѣло признавъ догму бюрократизма, принеся на ней клятву, министръ не зналъ компромиссовъ, уступокъ и слабости и всѣ свои стремленія доводилъ до конца, не боясь ставить точки надъ і. Благодаря этому, въ блестящемъ, реальномъ синематографѣ предъ Россіей начали проходить одна за другой картины, полныя трагическаго смысла и значенія: эти картины своей желѣзной логикой и упорной послѣдовательностью убѣдительно доказывали несостоятельность бюрократіи, ея враждебность къ жизни, ея рѣзкій контрастъ съ нуждами земли и съ мнѣніями ея дѣятелей. Жизнь наша усложнилась: это правда; при такихъ условіяхъ контрастъ между тягой жизни къ свободѣ и бюрократическимъ прессомъ всегда ярокъ. Но ни одинъ министръ,— и въ этомъ заслуга фонъ-Плеве,—такъ безстрашно не шелъ къ пропасти этого контраста.

Политика полицейской опеки, отрицанія за обывателемъ самыхъ элементарныхъ правъ человѣка и гражданина, гоненія на все несогласное и принужденія ко всеобщему обязательному молчанію, эта политика дала обратные результаты: съ одной стороны, она углубила политическую мысль, очищая ее отъ иллюзій и заставляя ее смѣло итти новыми путями къ радикальному обновленію, съ другой стороны, она расширила кругъ общественно-настроенныхъ людей и поставила вопросы государственнаго права, во всей ихъ полнотѣ, въ такихъ кругахъ и сферахъ, какимъ эти вопросы, а особенно ихъ полнота, были почти чужды; наконецъ, эта политика повела къ объединенію и солидарности разнокачественныхъ и разобщенныхъ общественныхъ силъ.

Гейне говорилъ о мракобѣсахъ, что они подобны тѣмъ, кто, желая потушить огонь, бьютъ по горящимъ углямъ палкой: отъ удара искры разлетаются во всѣ стороны и зажигаютъ новый огонь и тамъ, куда безъ помощи палки никогда не залетѣли бы горячіе угольки.

Фонъ-Плеве точно также боролся съ политической мыслью, и отъ его палочныхъ ударовъ критика и пламя оппозиціи разгорались все въ большемъ и большемъ количествѣ пунктовъ жизни, разгорались все сильнѣе и сильнѣе.

Къ политическимъ результатамъ внутренней войны, которую велъ фонъ-Плеве, присоединились результаты и внѣшней войны, которую съ января 1904 г. ведетъ армія. . . . .

Начало 1904 года ознаменовалось репрессіями: 5 января былъ закрытъ III съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, съѣздъ, который сыгралъ громадную роль и далъ прекрасный матеріалъ для учета духовныхъ силъ и настроенія провинціи. Три тысячи членовъ съѣзда, съѣхавшихся изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Россіи, три тысячи русскихъ гражданъ, впервые встрѣтившихся, привезли въ столицу одно и то же настроеніе, одну и туже завѣтную мысль о настоятель-

ной необходимости реформъ. Это настроеніе можно было и нужно было признать настроеніемъ всей Россіи. Резолюціи съѣзда, правда, были значительно обезцвѣчены и слишкомъ оппортунистически продезинфекцированы сравнительно съ широкими и содержательными рѣчами и докладами, но и резолюціи и рѣчи постигла одна и та же участь; онѣ не увидѣли свѣта. Съѣздъ былъ закрытъ, начались массовые аресты и высылки. Почти такіе же результаты имѣлъ и Пироговскій съѣздъ, закончившійся грандіознымъ протестомъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ противъ полицейскаго устраненія изъ окончательно проредактированныхъ резолюцій всѣхъ тѣхъ, которыя носили общественный характеръ. Эти два съѣзда ярко проявили настроеніе провинціи, выросшей и возмужавшей за послѣдніе 25 лѣтъ и сбросившей съ себя пошехонскую окраску.

Повидимому, эти съѣзды оказали большое вліяніе на усиленіе репрессивной дѣятельности фонъ-Плеве. Система репрессій характеризуетъ не только дѣятельность фонъ-Плеве: эта система концентрическими кругами расходится и во всѣ проявленія государственной власти. До 15 іюля,—дня убійства министра,—эта система остается господствующей на всемъ фонѣ правительственной дѣятельности...

Въ новогоднихъ обзорахъ нѣкоторыхъ газетъ это явленіе получило надлежащую оцѣнку. Характеризуя періодъ до 15 іюля и его главнаго выразителя, газета „Наши Дни" (№ 14) говорятъ:

„Полная неспособность къ творческой работѣ, пренебрежительное отношеніе къ голосу жизни, слѣпая вѣра въ бюрократическое всемогущество и вытекающая отсюда крайняя узость политическаго кругозора, болѣзненная подозрительность,—эти неизбѣжные спутники всякаго рѣзко обозначеннаго реакціоннаго движенія,—безпощадно преслѣдовали Плеве во всѣхъ его начинаніяхъ".

Другой новый органъ печати—„Наша Жизнь" (№ 55) даетъ такую оцѣнку пресловутой „системѣ".

„Въ началѣ истекшаго года „система" Плеве достигла своего кульминаціоннаго пункта. „Система" эта отрицаетъ за всѣми слоями русскаго народа какую бы то ни было политическую силу и значеніе. Она не видитъ въ Россіи общества, объединеннаго политическою мыслью, она видитъ въ русскомъ народѣ лишь сумму единицъ, безвольное въ политическомъ отношеніи стадо, которое можно повести въ любую сторону. „Система" отрицаетъ за русскимъ народомъ право субъекта, свободно формулирующаго свои нужды и опредѣляющаго свои задачи и дѣйствія; она разсматриваетъ его только какъ объектъ заботъ и попеченій бюрократіи. Съ другой стороны, „система" приписываетъ бюрократіи,—какъ самобытному, противополагаемому народу и обществу элементу,—всю сумму политическаго разума и политической власти, которыя необходимы для разрѣшенія возникающихъ въ жизни народа вопросовъ".

Вполнѣ понятно, какой характеръ носили мѣропріятія фонъ-Плеве. Самые сильные его удары были направлены на всѣ проявленія общественности, въ особенности если они носили организованный характеръ. Вполнѣ понятно, что земства, сохранившія чуткость къ жизни и нравственныя силы для борьбы, пользовались преимущественнымъ вниманіемъ фонъ-Плеве.

8-го января 1904 года было упразднено тверское губернское земство и новоторжское уѣздное. Собранія и выборы были отмѣнены, въ составъ управы введены назначенныя правительствомъ лица, представители земства и третьяго элемента были высланы изъ предѣловъ губерніи. Это былъ серьезный ударъ земскому дѣлу въ Россіи. Рядъ смѣнявшихся одинъ за другимъ губернаторовъ спеціально командировались для подавленія тверской „смуты“,—и послѣднимъ изъ нихъ былъ г. Ширинскій-Шихматовъ. Цѣлый рядъ неутвержденій (предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова, вологодской В. А. Кудряваго) обнаруживалъ явное намѣреніе, удаливъ общественно-независимый элементъ, расчистить заранѣе пути для введенія разрабатывавшагося проекта упраздненія губернскаго земства. Какъ апоѳеозъ къ этому, былъ заготовленъ проектъ реформы губернскаго и уѣзднаго управленія, сводившійся къ усиленію губернаторской власти, т. е. къ увеличенію опеки надъ земствомъ и населеніемъ. Проектъ редакціонной комиссіи (подъ предсѣдательствомъ т. с. Стишинскаго) по составленію новыхъ Положеній о крестьянахъ долженъ былъ рѣшить окончательно крестьянскій вопросъ, въ духѣ сохраненія обособленности крестьянскаго сословія. Этотъ проектъ, составленный, какъ выражаются „Русскія Вѣдомости“ (№ 1) „по извѣстному бюрократически-реакціонному шаблону“, поступилъ на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній, образованныхъ типично-канцелярскимъ образомъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, получившихъ весьма серьезныя и основательныя инструкціи отъ г. фонъ-Плеве. Инструкціи эти неизвѣстны, но о содержаніи ихъ можно безошибочно догадываться по тѣмъ мѣрамъ министерства, какія оно приняло по отношенію къ свободнымъ голосамъ, раздавшимся въ 1903 году въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ. Несомнѣнно, проектъ редакціонной комиссіи прошелъ бы во всѣхъ губернскихъ совѣщаніяхъ, а затѣмъ получилъ бы и дальнѣйшую санкцію. Наконецъ, закономъ 22 марта хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ со страховымъ комитетомъ и медицинскій департаментъ преобразованы въ главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и управленіе главнаго врачебнаго инспектора. При главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства состоитъ совѣтъ, куда, кромѣ губернаторовъ и прочихъ чиновниковъ, приглашаются, т. е. вызываются министромъ, отъ 12 до 15 мѣстныхъ дѣятелей. Конечно, апробація министромъ требуетъ абсолютной благонадежности.

Таковъ былъ циклъ „реформъ", задуманныхъ и отчасти осуществленныхъ министерствомъ фонъ-Плеве въ 1904 году. Общая тенденція ихъ ясна. Но даже и эта тенденція не вяжется съ мѣрами, принятыми фонъ-Плеве по отношенію къ общеземской организаціи для помощи больнымъ и раненымъ. „Причины, побудившія какъ представителей земствъ, такъ и дворянства и городовъ организовать самостоятельную помощь больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ, заключаются прежде всего въ недовѣріи общества къ спеціально существующей для этой цѣли оффиціальной организаціи Краснаго Креста, затѣмъ въ ясно сознанной необходимости непосредственнаго, живого участія въ облегченіи Россіи отъ постигшаго ее тяжелаго бѣдствія" („Н. Ж., № 56). Но и это святое дѣло встрѣтило въ лицѣ ф.-Плеве неумолимаго противника. Правда, сложившаяся общеземская организація не была разрушена, однако, министръ внутреннихъ дѣлъ воспретилъ дальнѣйшее присоединеніе земствъ къ организаціи и, такимъ образомъ, наложилъ свое суровое veto на гуманное дѣло помощи больному и раненому солдату. Только осенью антигуманный циркуляръ былъ отмѣненъ...

II.

Послѣ боевыхъ противъ земства мѣропріятій, главнѣйшее мѣсто среди прочихъ проявленій государственной дѣятельности заняли чисто- и узко-полицейскіе акты, имѣвшіе спеціальную цѣль, вполнѣ понятную при общемъ режимѣ и его нервныхъ усиліяхъ достичь казеннаго спокойствія и канцелярской безопасности. Мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 19-го апрѣля положено учредить 95 новыхъ должностей земскихъ начальниковъ въ 22 губерніяхъ и установить 152 штатныхъ должности кандидатовъ на должность земскаго начальника. Составы полиціи усилены въ городахъ и селеніяхъ 26 губерній. 19-го апрѣля утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ увеличеніи числа становъ въ 46-ти губерніяхъ по общему учрежденію управляемыхъ, кромѣ Ставропольской и Прибалтійскихъ. Кромѣ того, разновременно въ теченіе года усилены штаты жандармско-полицейскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ (Тамбовско-уральской, Закавказскихъ, Сибирской), увеличены кредиты на содержаніе и секретные расходы губернскихъ жандармскихъ управленій (напр., полтавскаго, омскаго), учрежденъ жандармскій надзоръ въ Забайкальской области.

Положеніе объ усиленной охранѣ въ 1904 году существовало въ 10 губерніяхъ, 4 градоначальствахъ, 27 городахъ, 15 уѣздахъ и 11 селахъ, мѣстечкахъ и заводахъ. Помимо этого, новыя полномочія, расширяющія сферу и безъ того широкаго усмотрѣнія, предоставлены по изданію обязательныхъ постановленій и наложенію взысканій: виленскому, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору, иркутскому военному, томскому и

тобольскому губернаторамъ, степному генералъ-губернатору и минскому губернатору, относительно городовъ Бобруйска и Минска.

7 іюня обнародованъ новый законъ о политическихъ преступленіяхъ, согласно которому дѣла о нихъ вѣдаются: 1) судебными палатами, когда высшее за преступное дѣяніе наказаніе опредѣлено въ законѣ ниже исправительнаго дома, 2) судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей или же особымъ присутствіемъ сената съ участіемъ означенныхъ представителей, когда высшее наказаніе опредѣлено не ниже исправительнаго дома, и 3) по особому Высочайшему указу — верховнымъ уголовнымъ судомъ. Въ производствѣ дознаній по-прежнему главную роль играютъ чины отдѣльнаго корпуса жандармовъ, дѣйствующіе подъ руководствомъ и наблюденіемъ чиновъ прокурорскаго надзора. Въ рѣшеніи вопроса о прекращеніи дознанія участвуютъ губернаторъ и начальникъ губернскаго жандармскаго управленія. Участіе чиновъ жандармскаго корпуса не прекращается и при производствѣ предварительнаго слѣдствія, которое, впрочемъ, не признается необходимымъ, т. е. можетъ быть замѣнено однимъ только жандармскимъ дознаніемъ. При судебномъ слѣдствіи широко допускается примѣненіе производства при закрытыхъ дверяхъ; къ судебной защитѣ допускаются лишь присяжные повѣренные. Наказанія опредѣляются по новому уголовному уложенію. „Надо замѣтить, — дѣлаютъ выводъ „Русскія Вѣдомости“,—что этотъ новый законъ, составляетъ формально, какъ и тѣ постановленія, которымъ онъ пришелъ на смѣну, изъятіе изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, а по существу — сплошное нарушеніе условій правильнаго суда. Поэтому преслѣдованіе за государственныя преступленія по суду, вошедшее съ недавняго времени въ практику, представляетъ не что иное, какъ усиленіе репрессій за дѣянія этого рода. Цѣль эта достигается тѣмъ легче, что, подобно старому Уложенію о наказаніяхъ, и новое уголовное Уложеніе, примѣняемое теперь къ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, именно въ этой части отличается крайней суровостью и притомъ признаетъ наказуемыми такія дѣянія, которыя во всемъ цивилизованномъ мірѣ преступленіями не считаются“.

Если мы примемъ во вниманіе, что законъ 7 іюня не упразднилъ административныхъ репрессій, что Положеніе объ усиленной охранѣ даетъ власти неограниченный просторъ для ссылокъ и высылокъ, то вся реформа сводится лишь къ перенесенію части работы изъ департамента полиціи въ судъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ „неудовлетворительности“ рѣшеній послѣдняго, специальныя власти всегда сохраняютъ за собой право возмездія и послѣ суда и вопреки ему,— что и бывало на практикѣ.

Въ теченіе истекшаго года обнародовано 4 Высочайшихъ манифеста: 27 января—о началѣ военныхъ дѣйствій съ Японіей; 30 іюля и 11 августа о рожденіи Наслѣдника Цесаревича Алексѣя; важнѣйшимъ пунктомъ

этого манифеста является уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, позорно пятнавшаго русскій народъ... 1-го августа изданъ манифестъ о назначеніи на случай кончины Императора до совершеннолѣтія Наслѣдника правителемъ государства великаго князя Михаила Александровича; опека надъ Дѣтьми Государя предоставляется Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

III.

Назначенію кн. Святополкъ-Мірскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ предшествовала интенсивная общественная тревога. Постъ министра внутреннихъ дѣлъ получилъ въ бюрократическомъ строѣ преимущественное значеніе, въ виду превалированія въ государственныхъ функціяхъ началъ полицейской самообороны. Прочія министерства, проникнутыя тѣмъ же духомъ, неизбѣжно подчиняются планамъ и практическимъ мѣропріятіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. До какой степени вліяніе этого послѣдняго распространяется широко, можно судить по слѣдующему факту. Послѣ назначенія г-номъ Плеве сенатора Таубе для производства ревизій техническаго, Пироговскаго и др. съѣздовъ и для выработки правилъ, которыя преградили бы живой общественной мысли возможность проявиться на съѣздахъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ разрѣшило Терскому отдѣленію Императорскаго Техническаго общества созвать съѣздъ *буровыхъ техниковъ* съ условіемъ, чтобы засѣданія его были негласны; къ участію не допускаются врачи, дѣятели земства, городскихъ управленій, бывшіе члены съѣзда дѣятелей прикладной геологіи въ Петербургѣ и бывшіе члены Пироговскаго съѣзда (см. „Горнозаводскій Лист.", № 42, „Торгово-Промышл. Бюллетень", № 113). Такимъ образомъ, даже невинное буреніе было взято подъ подозрѣніе, даже въ этой узко-технической области боялись проявленій общественности!..

Тревога по поводу назначенія новаго министра царила долго. Фонъ-Плеве сошелъ со сцены 15 іюля. Прошелъ іюль, наступилъ августъ, пришли мрачныя вѣсти о пораженіи подъ Ляояномъ, и только въ концѣ августа состоялось новое назначеніе министромъ администратора, заявившаго себя противникомъ боевой системы фонъ-Плеве. Этого было достаточно, чтобы общество, не дожидаясь гарантій довѣрія и правового взаимоопредѣленія, пошло навстрѣчу успокоительнымъ словамъ министра. Москва, Одесса, а вслѣдъ за ними цѣлый рядъ городовъ и уѣздныхъ земствъ выразили въ почтительныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ свои привѣтствія по адресу кн. Святополкъ-Мірскаго.

„Ноябрьскіе" дни 1904 года начали совершенно новую полосу въ нашей жизни. Это, дѣйствительно, историческіе дни подъема общественныхъ силъ и безбоязненнаго заявленія правды. Нѣтъ ни одного губернскаго города, въ которомъ не раздались бы свѣжіе голоса, бывшіе до

сихъ поръ подъ спудомъ. По подсчету газеты „Русская Правда" не менѣе 150 учрежденій, собраній и банкетовъ (за ноябрь мѣсяцъ) высказалось въ категорическихъ резолюціяхъ за созданіе гарантированнаго правопорядка. Это движеніе продолжалось и продолжается теперь, но въ настоящее время оно встрѣчаетъ уже серьезныя преграды. Мѣстная администрація не допускаетъ устройства банкетовъ и собраній, производитъ дознанія о состоявшихся совѣщаніяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣняетъ мѣры репрессіи. Въ Москвѣ 14 декабря былъ запрещенъ банкетъ въ ресторанѣ „Эрмитажъ"; тамъ же были запрещены банкеты 12-го января. Въ Одессѣ въ тотъ же Татьянинъ день банкеты были недопущены полиціей. Общественное мнѣніе тѣмъ не менѣе прорывается наружу и печать отмѣтила нѣсколько случаевъ экспромптомъ состоявшихся собраній или попытокъ къ нимъ (въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Саратовѣ). Все это ясно доказываетъ, какую необходимую, элементарную принадлежность разумной жизни представляетъ собою санкціонируемое положительнымъ законодательствомъ право собраній и союзовъ и какая острая нужда ощущается въ немъ.

IV.

Изданъ въ высшей степени важный правительственный актъ — Именной Высочайшій Указъ, данный 12 декабря Правительствующему Сенату. Вотъ текстъ этого указа:

„По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ Державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ Народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній. Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ сочувствіемъ благомыслящей части Нашихъ подданыхъ, которая истинное преуспѣяніе Родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ.

„Во главѣ заботъ Нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ, что, согласно Нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію: наряду съ подробнымъ, на мѣстахъ, разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніи изучаются важ-

нѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признанныхъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей".

„Обозрѣвая засимъ обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ Отечествѣ Нашемъ хода государственной и общественной жизни, признаемъ неотложнымъ:

1) принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона,— важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры Престола,—дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія;

2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ;

3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже нами мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

5) пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяютя, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣс-

неній правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

6) для закрѣпленія выраженнаго Нами въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 г. неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную Основными Законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія;

7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами Государства и явною пользою Русскаго Народа;

и 8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи.

„Предуказывая на сихъ основаніяхъ рядъ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій, часть которыхъ по прежде даннымъ Нами указаніямъ, подвергается уже предварительному изслѣдованію, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ, по разнообразію и важности сихъ преобразованій, признаемъ за благо установить самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго ихъ осуществленія. Въ ряду государственныхъ Нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ Комитету Министровъ; вслѣдствіе сего повелѣваемъ: Комитету Министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній Нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, направленіи подлежащихъ мѣропріятій. О послѣдующемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ Комитетъ имѣетъ Намъ докладывать.

„Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе“.

Въ тотъ же день было опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимыхъ, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформахъ внутренняго упра-

вленія Имперіей. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего, или по инымъ поводамъ, собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту, и воспользовавшихся возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ, преимущественно въ воспріимчивой средѣ молодежи,—въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить правительству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ Основными Законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, причемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое Русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ кореннаго измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не Родины, а ея враговъ.

„Законный долгъ Правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни,—поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противуправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія установленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденій, не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся, въ послѣднее время, отъ правильнаго теченія".

То „движеніе", которое отмѣчаетъ правительственное сообщеніе, создало особо горячую и высокую температуру въ моменты, предшествовавшіе опубликованію Указа 12 декабря. Ожиданія были всеобщими и нерв-

ными. Въ Петербургѣ ходили и оптимистическіе, и зловѣщіе толки. Последнихъ было больше, чѣмъ первыхъ, но было несомнѣнно, что, при всеобщей мобилизаціи общественныхъ силъ ради созданія новыхъ условій жизни, правящія сферы неизбѣжно должны отозваться на программы, выдвинутыя многочисленными общественными кругами.

И дѣйствительно, указъ 12 декабря, дающій предначертанія грядущимъ реформамъ, останавливается на нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ именно популярной теперь общественной программы—на крестьянскомъ вопросѣ, законности, расширеніи мѣстнаго самоуправленія, объединеніи правосудія, страхованіи рабочихъ, урегулированіи исключительныхъ законовъ, вѣротерпимости, правахъ инородцевъ и положеніи печати. Эти существенные пункты общественной программы признаны, такимъ образомъ, нашими высшими сферами, и слѣдовательно выводъ правительственнаго сообщенія, что „движеніе“ не имѣетъ „значенія общаго стремленія“, не соотвѣтствуетъ Указу.

Высочайшій указъ обѣщаетъ установить нѣкоторыя гарантіи личности,—между тѣмъ правительственное сообщеніе даетъ администраціи каучуковыя полномочія окончательно лишать общество и отдѣльныхъ его членовъ самыхъ элементарныхъ правъ—сходиться и бесѣдовать. При господствѣ въ провинціи полнаго усмотрѣнія, при царящей тамъ свѣтобоязни, можно быть увѣреннымъ, что ретивые администраторы будутъ грозно подымать свой опекающій перстъ рѣшительно надъ всѣми проявленіями общественности. Опираясь на слова указа, раскольники и сектанты соберутся для обсужденія своихъ нуждъ, — Мымрецовы немедленно потащутъ ихъ въ участокъ. Соберутся журналисты для коллективнаго обсужденія пункта 8 о печати,—и грозныя тѣни ночнаго дозора не замедлятъ наполнить залъ совѣщанія. Протестъ нижегородскаго общества и земства противъ незаконнаго избіенія жителей, учиненнаго пом. полиц. Игнатьевымъ 29 декабря въ Народномъ домѣ,—долженъ быть признанъ нарушающимъ „правильный ходъ внутренней жизни“, ибо запрещено подавать прошенія скопомъ... А между тѣмъ указъ категорически повелѣваетъ „принять дѣйствительныя мѣры“ къ тому, чтобы неисполненіе закона „неизбѣжно влекло законную отвѣтственность“ должностныхъ лицъ, и этимъ даетъ право на заявленія о фактахъ произвола, ибо иначе,—при всеобщемъ молчаніи, ради „спокойствія“,—не можетъ быть и рѣчи объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, въ особенности, когда ихъ произволъ, какъ это было въ Нижнемъ, падаетъ на цѣлое общественное собраніе. Вообще правительственное сообщеніе равносильно запрету обсуждать гдѣ бы то ни было вопросы современности, потому что каждый изъ нихъ тѣсно переплетенъ съ основными вопросами права. А жизнь слишкомъ развилась, чтобы ее можно было уложить на Прокрустово ложе усиленной охраны. Оставляя неподвижной господствующую догму абсолютной полицей-

ской опеки, трудно разсчитывать на то, чтобы администрація не пользовалась каждымъ случаемъ усмотрѣть рѣшительно вездѣ „нарушеніе порядка и спокойствія" и совершенно уничтожать первоосновы общественности, установленія которыхъ, повидимому, желаетъ указъ 12 декабря.

Принципіально привѣтствуя этотъ указъ, печать въ общемъ высказалась о немъ сдержанно. Поэтому статьи всѣхъ газетъ (за исключеніемъ „Моск. Вѣдом.") идутъ дальше правительственнаго акта и значительно расширяютъ схему необходимыхъ реформъ, а къ намѣченнымъ присоединяютъ пожеланія такихъ гарантій, которыя возможны лишь при основныхъ преобразованіяхъ. Общее мнѣніе громаднаго большинства органовъ печати можетъ быть формулировано слѣдующими словами „Русск. Вѣдом.", рекомендующими комитету министровъ „принять въ соображеніе указанія опыта, убѣдительно доказавшаго полную непригодность бюрократической системы сочиненія законовъ для разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ народной жизни; необходимо помнить, что именно бюрократія, поставленная внѣ воздѣйствія свободныхъ общественныхъ силъ, наиболѣе способна подпадать вліянію „преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій". Чтобы обезпечить предпринимаемое нынѣ преобразованіе отъ такой опасности, чтобы сдѣлать осуществленіе Монаршихъ предначертаній жизненнымъ и отвѣчающимъ дѣйствительнымъ потребностямъ народа, необходимо въ подготовительной стадіи предстоящей законодательной работы предоставить широкое участіе общественнымъ силамъ, а къ окончательному разсмотрѣнію реформы привлечь выборныхъ представителей народа. Это послужитъ залогомъ правильнаго разрѣшенія поставленныхъ на очередь вопросовъ, а увѣренность въ томъ, что голосъ народа будетъ выслушанъ, должна внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся по словамъ послѣдняго „правительственнаго сообщенія", въ послѣднее время отъ правильнаго теченія".

Мы не будемъ излагать весьма любопытныхъ, основательныхъ и ясныхъ взглядовъ, какіе печать высказала относительно указа 12 декабря: въ конечномъ результатѣ они сводятся къ одному основному пункту... Не будемъ разсматривать указъ и по существу,—тѣмъ болѣе, что всѣ затронутые имъ вопросы надолго будутъ предметомъ нашихъ обсужденій.

V.

Паденіе Портъ-Артура вызвало взрывъ общей печали. Трагическая судьба несчастнаго города, оставленнаго безъ помощи, послужила для печати и общества *) новымъ поводомъ къ пересмотру вопроса о войнѣ, ни-

---

*) 14 декабря въ Петербургѣ состоялся банкетъ въ присутствіи 800 лицъ, которыми принята резолюція о прекращеніи войны и созывѣ представителей народа. („Русь").

когда не пользовавшейся никакой популярностью. Мнѣнія прессы раздѣлились: одни, какъ „Наша Жизнь“, „Наши дни“, „Русск. Вѣд.“ и вся провинціальная печать рѣшительно высказались противъ продолженія войны. „Русь“ считала необходимымъ довести ее до конца, но, не беря на себя отвѣтственности за подобное предложеніе, считала, что этотъ вопросъ могутъ рѣшить лишь представители народа. „Нов. Вр.“ послѣ шовинистскихъ воплей,—устами А. С. Суворина, умѣющаго иногда уловить общее настроеніе, заявило, что оно ничего не имѣетъ и противъ опроса народа. Такимъ образомъ декабрьскія событія подтвердили только выводы ноябрьскихъ дней о необходимости коренного переустройства Россіи.

VI.

Однако всѣ событія истекшаго года блѣднѣютъ предъ тѣмъ, что принесло намъ начало января въ Петербургѣ.

„Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова... Тщетно съ устъ порой готовъ сорваться крикъ“,—этими словами поэта мы только и можемъ опредѣлить размѣры нашей возможности высказаться по поводу трагедіи. Она ужасна... Она потрясла насъ съ вулканической силой, и до сихъ поръ мы во власти этого гнетущаго кроваваго кошмара, который великою тѣнью укора всегда будетъ стоять надъ Россіей.

Къ сожалѣнію, такъ называемыя, независящія обстоятельства заставляютъ насъ поставить на этомъ точку.

Ал. Ожиговъ.

На Западѣ.

(Изъ Германіи)

Партейтагъ прусской рабочей партіи.

Говоря въ послѣдній разъ (ноябрь 1904 г.) о борьбѣ за прусскую народную школу, я привелъ мнѣнія различныхъ общественныхъ и политическихъ группъ противъ „школьнаго компромисса“ реакціонныхъ партій прусскаго ландтага и выразилъ предположеніе, что и прусская рабочая партія не замедлитъ бросить свое вѣское слово въ оборотъ всеобщей агитаціи противъ готовящагося законопроекта на почвѣ означеннаго компромисса. Это предположеніе исполнилось гораздо ранѣе, чѣмъ многіе ожидали, и въ такой формѣ, которая, вѣроятно, удовлетворитъ самыхъ требовательныхъ членовъ партій, оставшихся послѣ Бременскаго партейтага очень недовольными тѣмъ, что на немъ школьный вопросъ былъ совершенно или почти совершенно обойденъ. Делегаты, настаивавшіе тогда на томъ, чтобы школьный вопросъ былъ внесенъ въ программу обще-германскаго партейтага, опасались, что школьный компромиссъ подвергнется обсужденію уже въ самомъ началѣ осенней сессіи прусскаго ландтага, и съ этой точки зрѣнія они имѣли всѣ резоны сожалѣть о неиспользованіи важнаго политическаго момента для массового протеста рабочей партіи противъ того, о чемъ уже съ давнихъ поръ говорила и волновалась вся болѣе или менѣе передовая печать и передовые слои прусскаго бюргерства.

Но старики изъ центральнаго комитета партіи оказались и болѣе правыми, и болѣе дальновидными, когда говорили тогда своимъ болѣе молодымъ товарищамъ: поспѣшишь—людей насмѣшишь. Прусская политика не исчерпывается-де одной школьной реакціей; ее не проймешь нѣсколькими мимолетными словами, наскоро формулированной резолюціей по школьному вопросу. Она требуетъ сугубаго вниманія, возможно болѣе широкаго освѣщенія съ возможно большаго числа сторонъ. А для

такого начинанія общегерманскій партейтагъ съ его общегерманской программой, дѣйствительно, не былъ подходящимъ мѣстомъ, да, кстати, и „политическій моментъ“ не былъ пропущенъ.

Этотъ моментъ былъ пріуроченъ къ послѣднямъ днямъ истекшаго года, отъ 28 по 31 декабря въ Берлинѣ засѣдалъ первый, форменный и спеціально прусскій партейтагъ рабочей партіи.

Если мы припомнимъ, что изъ болѣе чѣмъ 3 милліоновъ голосовъ, поданныхъ въ іюнѣ 1903 года за кандидатовъ рабочей партіи, болѣе 1.600.000 приходилось на Пруссію, а изъ 81 депутата этой партіи въ одной Пруссіи было избрано 32 депутата въ рейхстагъ, то мы удивимся, какъ это могло случиться, что партія до сихъ поръ удѣляла такъ мало вниманія чисто прусскимъ дѣламъ и даже не прибѣгала къ чисто прусскимъ конгрессамъ. Замѣчу, между прочимъ, что въ этомъ отношеніи Пруссія является исключеніемъ, такъ какъ въ большинствѣ союзныхъ государствъ Германской имперіи имѣются у рабочей партіи особыя „партикулярныя“ организаціи, періодически созывающія особые партикулярные партейтаги.

Указанный фактъ имѣетъ, конечно, свои объясненія, но независимо отъ этого, онъ все же является прегрѣшеніемъ партіи, которое долгое время не хотѣли признавать ея вожди, но которое они теперь съ нѣкоторыми оговорками должны признать. Это можно было, между прочимъ, замѣтить и на заключительной рѣчи депутата Зингера, которою онъ резюмировалъ работы прусскаго партейтага въ качествѣ его предсѣдателя.

Рабочую партію и особенно ея наиболѣе выдающихся вождей долгое время проникала особаго рода пруссофобія, граничащая съ отвращеніемъ. Въ этомъ отношеніи яркимъ выразителемъ такихъ чувствъ и такого настроенія былъ покойный старикъ Либкнехтъ, часто говорившій про Пруссію: пусть она задохнется въ своей собственной печати, въ своей напитанной всяческой реакціей атмосферѣ... Что такое Пруссія?—Спрашивали себя друзья Либкнехта. Ея государственно-правовой характеръ не многимъ лучше всякой полудеспотіи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что прусская конституція явилась торжествомъ контръ-революціи и окольнымъ путемъ приблизилась къ порядкамъ, которые по духу очень напоминаетъ „правовую“ деспотію. У нея, правда, есть бумажная конституція съ широкими правовыми гарантіями, но она служитъ лишь для расширенія рамокъ административно-полицейскаго произвола и въ духѣ абсолютизма культивируемой юстиціи. Прусскій парламентъ это — камарилья съ однѣми только парламентскими гримасами...

Въ этомъ взглядѣ на Пруссію не все преувеличеніе. Въ развитіи современныхъ государствъ она, дѣйствительно, представляетъ собою довольно странную и противорѣчивую смѣсь современнаго капитализма со старѣйшимъ феодализмомъ. Надъ цѣлой сѣтью господскихъ помѣстно-владѣльческихъ вотчинъ пресловутой Остэльбіи возвышается капиталистическій

трэстъ, который стремится стать универсальнымъ, подчинить себѣ всю имперію, чтобы всѣ ея громадныя экономическія и финансовыя силы отдать на службу династически-прусской политики и восточно-прусскихъ майоратовъ. И эта политика увѣнчалась не малымъ успѣхомъ. Она сдѣлала возможнымъ, что въ государствѣ съ очень развитой и богатой капиталистической культурой сохранились полу-абсолютистскіе порядки. Потому то и трехклассная избирательная система, это порожденіе эпохи послѣ мартовской контръ-революціи, пережила всѣ измѣненія въ составѣ народонаселенія и въ народномъ хозяйствѣ. Аграрное государство переродилось въ индустріальное, восточная Пруссія обезлюживается, расцвѣли города съ милліоннымъ и стотысячнымъ населеніемъ; такіе города, какъ Берлинъ, поставляютъ большую часть податей,—и все-таки столичный житель располагаетъ ничтожной долей того избирательнаго права, которымъ пользуется неграмотный въ Остэльбіи...

Все это такъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы многочисленнѣйшая, хотя и несправедливо обдѣленная, прусская партія оставалась проникнутой лишь пассивнымъ чувствомъ „отвращенія“ къ прусской политикѣ, къ судьбамъ прусской жизни, къ многосложной прусской проблемѣ вообще А между тѣмъ, такое чувство долгое время возводилось даже въ принципъ, гласившій, что дѣятельное участіе въ прусской политикѣ, примѣрно, въ прусской избирательной борьбѣ, есть дискредитированіе партіи, смертный грѣхъ противъ ея завѣтовъ. У партіи, правда, въ теченіе десятилѣтій было такъ много работы въ разныхъ областяхъ общегерманской жизни, что приходилось себя ограничивать. Но, достигши своего теперешняго высокаго развитія въ имперіи, она увидила себя лицомъ къ лицу съ труднѣйшей задачей, которую все-таки не обойдешь. Теперь въ рядахъ соціалъ-демократіи все болѣе и болѣе растетъ сознаніе, что вся работа въ имперіи и въ имперскомъ рейхстагѣ до тѣхъ поръ будетъ задерживаться въ своемъ свободномъ развитіи, покуда за Пруссіей останется возможность парализовать и калѣчить покоющуюся на демократической избирательной системѣ имперскую политику. Несмотря на германское единство, прусскій партикуляризмъ въ настоящее время еще въ полной силѣ. Враждебность Пруссіи къ болѣе демократическимъ государствамъ южной Германіи и, вообще, къ болѣе свободолюбивымъ, но менѣе могущественнымъ своимъ союзницамъ, хотя и не обнаруживается по прежнему въ военныхъ набѣгахъ и династическихъ захватахъ, за то тѣмъ рѣшительнѣе даетъ себя чувствовать въ матеріальномъ, хозяйственномъ, фискальномъ подчиненіи, а отсюда и въ политическомъ давленіи на болѣе слабыхъ соперниковъ въ общегерманскомъ Союзѣ.

Парализовать во что бы то ни стало эту гибельную прусскую гегемонію надъ нѣмецкими странами и надъ родной прусской землей,—вотъ лозунгъ, который все громче раздавался въ рядахъ рабочей партіи, покуда

не сталъ ея общимъ и горячимъ исповѣданіемъ. Цѣлыхъ десять лѣтъ, начиная съ кельнскаго партейтага въ 1893 г., бродила въ партіи эта мысль, покуда не были преодолѣны всякія чувства отвращенія къ прусской реакціи, и на майнцскомъ партейтагѣ въ 1900 году окончательно рѣшено съ нею бороться активными мѣрами. Въ этомъ именно году было постановлено принять дѣятельное участіе въ предстоявшихъ тогда выборахъ въ прусскій ландтагъ (въ 1903 году). Спеціальная прусская конференція рабочей партіи, созванная въ 1903 году, еще разъ обсудила вопросъ непосредственно передъ началомъ прусской избирательной кампаніи. Но эта конференція обсуждала лишь одинъ жгучій организаціонный вопросъ, не входя въ разсмотрѣніе внутренней прусской жизни по существу. Такая задача могла быть возложена только на партейтагъ съ болѣе широкой программой, каковымъ и былъ прусскій партейтагъ наканунѣ новаго года.

Среди праздничнаго затишья въ Берлинъ съѣхалось около двухъ сотъ делегатовъ изъ разныхъ угловъ прусскаго государства на „народный прусскій парламентъ". Такимъ именемъ и окрестили себя съ гордостью участники прусскаго партейтага. Этотъ партейтагъ, говорили они, есть въ сущности первый демократическій парламентъ Пруссіи, начиная съ 1848 года. Онъ правда не имѣетъ ни государственныхъ функцій, ни печати бюрократическаго признанія, но онъ тѣмъ не менѣе воплощаетъ собою манифестацію воли и домогательствъ широкихъ слоевъ прусскаго народа, который по волѣ господствующихъ классовъ устраненъ отъ участія въ оффиціальномъ прусскомъ парламентѣ, этой жалкой дореформенной руинѣ...

Подкопаться подъ эту „руину", которая, на самомъ дѣлѣ, является главной *твердыней* существующихъ въ Пруссіи отношеній,—это и есть теперь предметъ самыхъ горячихъ помысловъ не только прусской, но и общегерманской соціалъ-демократіи. Вѣдь, благодаря этой руинѣ, Пруссія и представляетъ собою атмосферу такого грубаго, односторонняго классоваго господства, опирающагося на отсталыя формы политическихъ, административныхъ и имущественныхъ привилегій. Благодаря этой руинѣ, Пруссія представляетъ собою какъ бы сплошное фиделкомиссное владѣніе прусскаго юнкерства, въ которомъ главный тонъ задаетъ майоратный владѣтель, и гдѣ непросвѣщенная чернь не могла до сихъ поръ прямо влiять на общественныя и государственныя дѣла. Пошли ли прусской землѣ въ прокъ такіе „аристократическіе" порядки? На это отвѣчаютъ тѣ неустанныя жалобы, что школьное дѣло въ запущеніи, что громадныя массы сельско-хозяйственнаго населенія стонутъ подъ гнетомъ духовной и матеріальной зависимости, что все управленіе командующимъ въ имперіи государствомъ отдано въ руки замкнутой въ себѣ и немногочисленной касты старовладѣтельнаго дворянства, что юстиція не справляется съ правовымъ сознаніемъ народа, что полиція, въ качествѣ высшей всепогло-

щающей инстанціи, попираетъ права личности и общества, что государство, какъ работодатель, практикуетъ пріемы узко-сердечнаго частнаго предпринимательства, что свобода слова, союзовъ и собраній, несмотря на всѣ конституціонныя гарантіи, зависитъ отъ усмотрѣнія любаго шуцмана...

Такова сила, „жалкой руины!..“

Предметомъ сужденій прусскаго партейтага служили слѣдующіе четыре вопроса: жилищный, школьный, вопросъ о договорныхъ обязательствахъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и вопросъ о системѣ выборовъ въ прусскій ландтагъ. Это все очередные вопросы прусской жизни и политики въ томъ смыслѣ, что по тремъ первымъ пунктамъ внесены или готовятся прусскимъ правительствомъ соотвѣтственные законопроекты, четвертый же до тѣхъ поръ останется на очереди, покуда прусское правительство и прусскій ландтагъ не будутъ вынуждены приступить къ коренному преобразованію существующей теперь въ странѣ избирательной системы.

Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы вздумали передать здѣсь все содержаніе партейтага съ той исчерпывающей полнотой, съ какой означенные четыре пункта обсуждались въ теченіе полныхъ четырехъ послѣднихъ дней прошлаго года. Намъ, къ сожалѣнію, придется сократиться и относительно нѣкоторыхъ пунктовъ ограничиться самымъ существеннымъ.

* * *

Вопросъ о жилищной нуждѣ и ея устраненіи уже съ давнихъ поръ, и особенно со времени опубликованія прусскимъ правительствомъ въ прошломъ году жилищнаго законопроекта, служитъ излюбленнымъ торжищемъ для всякаго рода реформенныхъ начинаній буржуазныхъ соціалъ-политиковъ. Въ октябрѣ прошлаго года по этому поводу состоялся первый всеобщій жилищный конгрессъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Не задолго до того, диспутировали о жилищныхъ реформахъ домохозяева на своемъ годичномъ съѣздѣ въ Дрезденѣ. Тотъ же сюжетъ входилъ и въ программу недавняго съѣзда прусскихъ городскихъ головъ, собравшихся въ Берлинѣ. Какъ видно, разсужденій о жилищномъ вопросѣ не занимать стать. Бѣда только, что они рѣдко кого удовлетворяютъ. Франкфуртскій конгрессъ былъ устроенъ по почину людей, преисполненныхъ самаго горячаго реформеннаго энтузіазма, но и на немъ картина преній привела извѣстнаго мюнхенскаго профессора Луйо Брентано въ такое меланхолическое состояніе, что онъ отчаялся въ возможности „помощью научныхъ доводовъ примирить классовыя противорѣчія“. Люди науки,—восклицалъ онъ въ очень горячо написанной статьѣ,—готовы своими интеллектуальными силами поддерживать интересы какого угодно класса, будь то хоть эгоистическій классъ домохозяевъ... Это отчаяніе Брентано было, между прочимъ,

внушено ему главнымъ референтомъ франкфуртскаго конгресса, профессоромъ Полле, который свой докладъ о жилищной нуждѣ началъ съ отрицанія этой нужды...

Обмѣнъ мыслей, происходившій на указанныхъ съѣздахъ и конгрессахъ, даетъ, однако, возможность разобраться касательно друзей и противниковъ жилищной реформы.

Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе домохозяева, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, домовые аграріи, Hausagrarier. Ихъ штандпунктъ очень простъ и категориченъ: лучшіе реформаторы жилищной нужды—это-де сами домохозяева и никто иной; если такая нужда даетъ себя чувствовать, то въ этомъ виноваты только одни квартиранты съ ихъ легкомысленными кочеваніями и съ ихъ легкомысленнымъ образомъ жизни вообще... Вождь нѣмецкихъ домохозяевъ, извѣстный дрезденскій архитекторъ Гартнигъ и во Франкфуртѣ, и въ Дрезденѣ съ серьезнымъ видомъ твердилъ: какъ не быть жилищной нуждѣ, если богатые квартиранты просаживаютъ свои деньги на игры и женщинъ, а квартиранты изъ рабочаго люда всѣ сбереженія несутъ въ забастовочную кассу...

Противъ такой просвѣщенной точки зрѣнія, независимо отъ законодательнаго вмѣшательства, умѣстна лишь организованная сила самихъ квартиронанимателей, которая въ послѣднее время, дѣствительно, начала проявляться въ учрежденіи и надлежащей дѣятельности такъ называемыхъ Mieter-Vereine, союзовъ квартирантовъ.

Но противниками планомѣрной жилищной реформы являются также и нѣкоторые столпы нѣмецкаго манчестерства. Ихъ, правда, очень много въ Германіи, но нѣкоторыя городскія и коммунальныя управленія стоятъ еще на этой точкѣ зрѣнія. Такъ, напр., крайнюю отсталость германской столицы въ дѣлѣ жилищныхъ реформъ слѣдуетъ отнести на счетъ манчестерскихъ тенденцій ея муниципальнаго либерализма. Одинъ изъ преданныхъ учениковъ Евгенія Рихтера, д-ръ Крюгеръ, объявилъ на франкфуртскомъ конгрессѣ, что жилищная нужда происходитъ отъ бѣдности; покуда не исчезнетъ съ лица земли бѣдность, не прекратится и жилищная нужда,—а бѣдность никогда не исчезнетъ...

Къ категоріи условныхъ сторониковъ жилищной реформы слѣдуетъ отнести такъ называмыхъ автономистовъ, главный контингентъ которыхъ состоитъ изъ бургомистровъ и оберъ-бургомистровъ прусскихъ городовъ. Эти господа не принципіальные противники жилищныхъ реформъ, многіе изъ нихъ даже имѣютъ не мало заслугъ въ этомъ дѣлѣ. Но они всячески противятся государственному вмѣшательству въ эту область, какъ это, напримѣръ, сказывается въ опубликованномъ законопроектѣ прусскаго правительства. Городскіе головы боятся, что отъ такого вмѣшательства можетъ произойти ущербъ городскому самоуправленію. Этотъ мотивъ, конечно, очень похваленъ. Но въ результатѣ отъ системы невмѣшатель-

ства часто проистекаетъ еще большій ущербъ реформеннымъ начинаніямъ многихъ городовъ, такъ какъ большинство городскихъ представительствъ, подъ дѣйствіемъ господствующихъ въ нихъ привилегій домохозяевъ и классоваго характера городскихъ выборовъ, слишкомъ подчинено вліянію „домовыхъ аграріевъ", чтобы можно было провести серьезныя жилищныя реформы безъ государственнаго принужденія.

Этимъ тремъ группамъ условныхъ и безусловныхъ противниковъ законодательной жилищной реформы противостоятъ рѣшительные ея сторонники, какъ они главнѣйшимъ образомъ организованы въ „Обществѣ жилищныхъ реформъ" (Reichswohnungsreform-Verein), томъ самомъ обществѣ, которое организовало и первый жилищный конгрессъ во Франкфуртѣ. Къ счастью, это Общество получило на конгрессѣ поддержку съ двухъ сторонъ, которыя, обыкновенно, очень рѣдко приходится встрѣчать рука объ руку: это—оффиціальные представители нѣмецкихъ государствъ и представители германской соціалъ-демократіи. Изъ заявленій на конгрессѣ тѣхъ и другихъ видно было, что они жилищную реформу считаютъ настоятельнымъ требованіемъ современной соціальной политики. Изъ нижеприводимой резолюціи прусскаго партейтага видны, однако, и радикальныя разногласія между этими сторонами въ принципіальной постановкѣ вопроса.

Докладъ по этому вопросу былъ представленъ партейтагу соціалъ-демократическимъ гласнымъ берлинской думы Гуго Гейманомъ, который предложилъ слѣдующую, послѣ продолжительныхъ преній, единодушно принятую резолюцію:

Капиталистическое развитіе буржуазнаго общества создаетъ въ сферѣ жилищнаго вопроса такое положеніе, которое для широкихъ круговъ сельскаго и городскаго населенія связано съ большимъ ущербомъ въ санитарномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Для наиболѣе дѣйствительнаго искорененія этого зла, необходимо освободить землю отъ всякой зависимости со стороны капитала, такъ какъ ненормальность существующихъ условій основана на полученіи возможно большихъ доходовъ изъ земельныхъ имуществъ. Лишь на землѣ, представляющей общественную собственность, изъятой изъ обладанія капиталистовъ, возможно созданіе такихъ жилищныхъ условій, которыя будутъ отвѣчать интересамъ рабочаго класса. Буржуазное общество и не хочетъ, и не можетъ рѣшить этотъ вопросъ съ достаточной полнотою, устранивъ зло, причиняемое рабочимъ въ жилищномъ вопросѣ капиталистическою формою эксплуатаціи земли. Опубликованный прусскимъ правительствомъ проектъ закона о жилищахъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ дальнѣйшее существованіе особыхъ привилегій домохозяевъ въ общинныхъ и городскихъ выборахъ въ корнѣ парализуетъ всякій проектъ раціональной и дѣйствительной жилищной реформы. Поэтому партейтагъ прусской соціалъ-демократіи, отвергая законопроектъ, требуетъ: 1) осуществленія общаго имперскаго закона о жили-

щахъ, которымъ отдѣльнымъ общинамъ предоставлялось бы широкое право отчужденія въ интересахъ общины; 2) образованія центральнаго имперскаго учрежденія для завѣдыванія жилищнымъ дѣломъ съ соотвѣтствующими учрежденіями въ каждой общинѣ; 3) введенія всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права для всѣхъ жителей общинъ и уничтоженія привилегій домовладѣльцевъ; 4) полнаго самоуправленія общинъ. Лишь при условіи осуществленія этихъ политическихъ предпосылокъ возможно будетъ дѣйствительная борьба съ жилищною нуждою. Средствами такой борьбы партейтагъ признаетъ: а) сохраненіе и расширеніе общинной земельной собственности; b) сооруженіе домовъ съ жилищами, сдаваемыми за наиболѣе умѣренную плату; c) обложеніе повышающейся доходности земель частныхъ владѣльцевъ, не приложившихъ труда къ этому повышенію; d) выработка строительныхъ плановъ; e) переходъ средствъ передвиженія въ собственность общинъ.

* * *

Одинъ католическій депутатъ, судья Греберъ, замѣтилъ какъ-то въ рейхстагѣ про соціалъ-демократовъ, что у нихъ „свиное счастье". Свинья для нѣмцевъ служитъ символомъ счастья, отсюда поговорка про свиное счастье, „Schweineglück", получившая очень широкое употребленіе съ того времени, какъ удостоилась парламентской санкціи.

Своей простонародной шуткой Греберъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду тѣ „ошибки противниковъ", которыми питается недовольство массъ, а слѣдовательно и успѣшная агитація соціалъ-демократіи. Такой „ошибкой" явится, повидимому, и внесенный въ прошломъ году въ прусскій ландтагъ законопроектъ, затрудняющій нарушеніе сельскохозяйственными рабочими контрактовъ о наймѣ. Кто знаетъ, съ какими трудностями связана для соціалъ-демократіи аграрная агитація и какъ въ то же время для нея важны поддержка и постоянное обновленіе и умноженіе партіи изъ почти непочатыхъ рядовъ сельскаго и крестьянскаго пролетаріата, тотъ пойметъ все „свинство" новаго промаха прусской реакціи.

При такихъ условіяхъ, понятно то злорадство, которымъ началъ по этому поводу свой докладъ на прусскомъ партейтагѣ прекрасный знатокъ аграрно-юридическихъ отношеній, депутатъ рейхстага Артуръ Штадтгагенъ:

„Прусскій ландтагъ, заявилъ онъ, оказалъ намъ большое одолженіе; своимъ новымъ законопроектомъ, онъ помогъ намъ оживить нашу агитацію въ средѣ сельскаго населенія; онъ напомнитъ сельскимъ рабочимъ, кто ихъ другъ и кто ихъ врагъ..."

Законопроектъ о нарушеніи сельскохозяйственныхъ контрактовъ является краснорѣчивымъ образцомъ того, какъ прусское юнкерство, черезъ покорные ему ландтагъ и прусское правительство умѣетъ обходить сферу вліянія имперской конституціи и имперскаго законодательства. Узурпируя компе-

тенцію рейхстага, новый законопроектъ идетъ въ разрѣзъ съ требованіями свободы передвиженія, съ промысловымъ уставомъ, съ уголовнымъ и гражданскимъ уложеніемъ, и вмѣсто всѣхъ этихъ нормъ передоваго имперскаго законодательства стремится утвердить старые, заплѣсневѣлые прусскіе уставы о сельскохозяйственной челяди. Одинъ откровенный юнкеръ, фонъ-Мендель-Штейнфельсъ, такъ-таки прямо заявилъ въ ландтагѣ: мы хотимъ ввести старыя патріархальныя отношенія..."

По нынѣ дѣйствующимъ законоположеніямъ сельскіе рабочіе дѣлятся на двѣ категоріи: одна изъ нихъ подлежитъ общему гражданскому уложенію, другая—уставамъ о челяди. Относительно первой категоріи § 626 Гражд. Ул. опредѣляетъ, что сельскій рабочій имѣетъ право оставить службу, если на то имѣются достаточныя основанія. Насколько уважительны причины нарушенія контракта рабочимъ, рѣшаетъ судъ. Легко себѣ представить, въ чью пользу большею частью рѣшаются такого рода конфликты въ пропитанной аграрными симпатіями судебной атмосферѣ мелкихъ восточно-прусскихъ провинцій. На партейтагѣ докладчикъ представилъ по этому поводу подавляющіе образцы классовой юстиціи. Такъ, напр., сельскій рабочій протестуетъ противъ того, что хозяинъ или его управляющій обращается съ нимъ на *ты*, ругаютъ его остолопомъ, осломъ, глупой овцой и т. п. Онъ покидаетъ службу, послѣ того какъ его протестъ оставляется безъ вниманія, и требуетъ судомъ причитавшійся ему заработокъ. Мекленбургскіе судьи, однако, отказали рабочему въ его жалобѣ, такъ какъ признали означенныя выраженія недостаточнымъ основаніямъ для оставленія работы. Въ восточной Пруссіи наказаны были рабочіе, нарушившіе контрактъ за то, что ихъ ругали собаками, пьяницами, а пожилую работницу—потаскухой...Въ отношеніи сельской прислуги примѣняются уставы о челяди, и она наказывается и насильно возвращается на службу даже въ томъ случаѣ, если подверглась побоямъ; прусскіе уставы о прислугѣ ведутъ свое происхожденіе еще отъ 18-го и начала 19 вѣка и допускаютъ по отношенію къ ней такъ назыв. „легкія тѣлесныя наказанія" (Geringe Züchtigung).

Новый законопроектъ, имѣя въ виду еще въ большей степени прикрѣпить сельскохозяйственныхъ рабочихъ на службѣ юнкерству, именно и норовитъ нормы гражданскаго права о наймѣ замѣнить господствомъ уставовъ о челяди. Онъ устанавливаетъ какъ бы круговую поруку сельскихъ хозяевъ и требуетъ не только наказанія и насильственнаго возвращенія нарушившихъ контрактъ, но и наказанія тѣхъ хозяевъ, которые такого нарушителя примутъ къ себѣ на работу. Болѣе того: наказанію, по новому проекту, подвергаются и хозяева промышленныхъ предпріятій, взявшіе къ себѣ сельскаго рабочаго, занесеннаго въ „черные списки", и также родные—отецъ, мать, опекунъ,—если они внушили своимъ дѣтямъ нарушить контрактъ въ случаѣ дурного съ ними обращенія.

Общее—юридическое и экономическое—положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ извѣстный профессоръ Максъ Веберъ характеризовалъ какъ-то слѣдующими словами: въ сельскихъ областяхъ господствуетъ абсолютный деспотизмъ, смягчаемый лишь нарушеніемъ контрактовъ. Эта характеристика нашла себѣ обильную иллюстрацію не только въ докладѣ Штадтгагена, но и въ чрезвычайно любопытныхъ сообщеніяхъ делегатовъ партейтага, говорившихъ по личному горькому опыту. Сильное, захватывающее впечатлѣніе произвелъ, напр., разсказъ одного сельскаго рабочаго—жнеца Шмидта про житье-бытье сельскихъ рабочихъ.

„Мы, жнецы очень не притязательные люди, тѣмъ не менѣе были очень встревожены, когда услышали про новый законъ о наймѣ. Развѣ и до сихъ поръ съ нами особенно церемонились инспектора; развѣ и при прежнихъ законахъ мы могли безнаказанно противиться волѣ хозяина? За малѣйшій протестъ то и дѣло приходится слышать женатому жнецу: ты убирайся вонъ, а жена твоя останется!.. Скажешь бывало, куда мужъ, туда и жена,—то это значитъ нарушеніе контракта...“ Далѣе Шмидтъ разсказывалъ объ условіяхъ питанія, о жилищныхъ и нравственныхъ условіяхъ работы и о той конкурренціи, которою хозяева побиваютъ нѣмецкихъ рабочихъ, привлекая рабочихъ изъ Россіи и Галиціи. Эти-де ужъ совсѣмъ не взыскательны: спятъ на голой землѣ, ѣдятъ что попало... По сообщенію Штадтгагена въ нѣмецкихъ сельскохозяйственныхъ промыслахъ ежегодно занято до 300 тысячъ иностранцевъ, положеніе которыхъ таково, что въ послѣдніе годы за нихъ стали заступаться ихъ правительства.

Въ резолюціи, принятой партейтагомъ по этому пункту, указывается, что новый законопроектъ совершенно несовмѣстимъ съ общимъ законодательствомъ страны и направленъ исключительно противъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, ставя ихъ въ полную зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Резолюція выставляетъ главнымъ требованіемъ уравненіе сельскихъ рабочихъ въ правахъ съ промышленными рабочими, отмѣну исключительныхъ для нихъ законовъ, защиту ихъ интересовъ законодательнымъ путемъ и вполнѣ обезпеченную свободу союзовъ и коалицій. Членамъ партіи вмѣняется въ ближайшую обязанность всячески просвѣщать сельское населеніе о нарушеніи его правъ и выяснять ему необходимость тѣснѣйшаго сплоченія для общей борьбы съ эксплуатаціей и реакціей. Поэтому партейтагъ приглашаетъ членовъ партіи всѣми силами способствовать организаціи сельскихъ рабочихъ для болѣе успѣшной борьбы съ тяжелымъ экономическимъ положеніемъ и политическимъ гнетомъ. Резолюція эта была принята съ поправкой извѣстнаго кенигсбергскаго адвоката и депутата Гаазе объ учрежденіи третейскаго суда для разбора тяжбъ сельскихъ рабочихъ съ участіемъ судей, избираемыхъ самими рабочими на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права...

* * *

Д-ръ Лео Аронсъ, съ приватъ-доцентурой котораго произошла еще всѣмъ хорошо памятная и по-истинѣ скандальная исторія, является новымъ укоромъ школьной реакціи въ Пруссіи. Этого талантливаго и всѣми уважаемаго доцента физики и математики за приверженность соціалъ-демократіи до тѣхъ поръ травили парламентскіе и внѣ-парламентскіе „шарфмахеры", въ родѣ покойнаго „короля" Штумма, что прусское правительство провело черезъ ландтагъ спеціальный „lex Arons", лишь бы только парализовать традиціонную автономію университетской коллегіи и административнымъ порядкомъ изъять берлинскаго приватъ-доцента изъ состава университетскихъ преподавателей.

Д-ръ Аронсъ слишкомъ любилъ свою науку, чтобы отдавать много времени соціалистической пропагандѣ. Наука же его такого свойства, что ее не пропитаешь соціалистическимъ духомъ. И все-таки его лекціи, повидимому сочтены были очень опасными для академической молодежи... Не безъ глубокаго огорченія оставлялъ Аронсъ и любимую аудиторію, и всю обстановку научныхъ изслѣдованій. Онъ, правда, и послѣ этого не переставалъ научно работать и еще совсѣмъ недавно сдѣлалъ очень цѣнное изобрѣтеніе въ области освѣщенія. Но у него стало больше досуга, а благодаря жестокой расправѣ съ нимъ, быть можетъ, даже больше импульсовъ для политической дѣятельности. Съ тѣхъ поръ онъ уже выступалъ кандидатомъ отъ рабочей партіи въ райхстагѣ въ 1-мъ берлинскомъ избирательномъ округѣ, онъ затѣмъ былъ избранъ той же партіей въ гласные берлинской думы и, вообще, сталъ принимать очень живое участіе въ разнообразныхъ областяхъ партійной жизни и дѣятельности. И для прусскаго партейтага трудно было найти болѣе интеллигентнаго и свѣдущаго референта по школьному вопросу, чѣмъ этотъ бывшій университетскій учитель.

Въ статьѣ о борьбѣ за народную школу (ноябрь прошлаго года) достаточно подробно описано фактическое положеніе школьнаго дѣла въ Пруссіи; тамъ же было передано и содержаніе того „школьнаго компромисса", помощью котораго большинство прусскаго ландтага стремится еще въ большей мѣрѣ придать вѣроисповѣдный характеръ народной школѣ. Изъ доклада Аронса и преній партейтага можно было бы, конечно, заимствовать еще очень много любопытныхъ иллюстрацій для освѣщенія этого вопроса. Вѣдь громадное большинство делегатовъ партейтага—питомцы именно народной а не какой-нибудь средней или высшей школы, и у каждаго изъ нихъ сохранилось не мало воспоминаній о школьной порѣ, о которой такъ часто приходится сожалѣть, что она научила „чему-нибудь и какъ-нибудь" и съ такимъ скуднымъ арсеналомъ знанія выбросила людей на арену тяжелой борьбы за существованіе.

„Я знаю изъ собственнаго опыта, говорилъ, между прочимъ, одинъ крестьянскаго происхожденія делегатъ Пехъ,—какъ обстоитъ дѣло со школами въ царствѣ прусскихъ юнкеровъ. Эти господа имѣютъ привиллегію пользованія трудомъ школьниковъ; отъ 6 до $8^1/_2$ часовъ утра дѣти идутъ въ школу, а затѣмъ до заката солнца работаютъ на помѣщиковъ. Можно себѣ представить, чему научаются дѣти при такихъ условіяхъ: черезъ два-три года по выходѣ изъ школы многіе только и умѣютъ, что подписать свое имя нѣмецкими буквами; латинскими никто не умѣетъ. И учебное, и каникулярное время приноровлено къ потребностямъ сельскохозяйственнаго труда. Дѣти должны юнкерамъ копать картофель, а изъ него дѣлается затѣмъ водка для дальнѣйшаго оглупѣнія народа. Я, будучи мальчикомъ, за такую работу каждый день получалъ 40 пфенниговъ и два стакана водки. Если кто еще вздумаетъ въ парламентѣ оспаривать эти факты, то отправьте его по моему адресу...“

Пехъ, конечно, имѣетъ въ виду пресловутый прусскій „парламентъ“, гдѣ, напримѣръ, извѣстный консервативный депутатъ Гампъ еще въ 1899 году предлагалъ повсемѣстно пріурочить школьное обученіе ко времени отъ 6 до 9 ч. утра, какъ это уже введено во многихъ мѣстахъ. „Въ этомъ случаѣ, замѣтилъ Гампъ, жалкіе крестьяне имѣли бы возможность своихъ дѣтей использовать для работы въ теченіе почти всего дня, что для нихъ было бы очень выгодно...“

Типичный прусскій парламентарій находитъ всегда живой откликъ въ прусскомъ министрѣ; они другъ друга стоятъ. Тогдашній прусскій министръ земледѣлія, баронъ Гаммерштейнъ, поспѣшилъ дать соображеніямъ депутата своего рода соціально-философское обоснованіе. Взгляды, культивируемые народнымъ учителемъ въ школѣ, по мнѣнію министра виновны въ томъ, что „многіе дѣти утрачиваютъ представленіе о томъ, для чего Господь Богъ ихъ посадилъ на землю: чтобы они изъ нея добывали хлѣбъ свой...“ „Необходимо,—прибавилъ въ своей тогдашней рѣчи министръ,—укрѣплять дѣтей въ вѣрѣ, что имъ нужно работать на землѣ, что это чрезвычайно важная дѣятельность—разумно ухаживать за скотомъ, доить коровъ,—что гораздо достойнѣе и почетнѣе остаться вѣрнымъ жизненному призванію своихъ родителей, чѣмъ идти въ городъ на фабрику. Къ сожалѣнію, нынѣшними учителями, придерживающимися совсѣмъ иныхъ взглядовъ, недостаточно проводится въ школѣ указанная точка зрѣнія...“

Если, вопреки такой „точкѣ зрѣнія“ и вопреки беззастѣнчивой эксплуатаціи дѣтскихъ силъ, люди, въ родѣ делегата Пеха, все же находятъ себѣ путь къ болѣе широкому міросозерцанію, то это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о неискоренимой жаждѣ знаній и образованія въ средѣ рабочаго населенія. Не даромъ другой делегатъ изъ того же простонародья замѣтилъ на партейтагѣ: „Напрасны всѣ усилія удержать народъ въ глупости и невѣжествѣ, стремленіе къ знанію невозможно вытравить; нужно

только позаботиться, чтобы нашимъ дѣтямъ было въ этомъ отношеніи легче, чѣмъ намъ"...

Значительная часть преній партейтага по школьному вопросу вертѣлась около поправки, которая была предложена извѣстнымъ депутатомъ Вольфгангомъ Гейне къ резолюціи референта. Въ своей резолюціи д-ръ Аронсъ требуетъ совершеннаго исключенія изъ школы преподаванія религіи. Гейне-же предлагалъ вмѣсто этого вставить слова: „замѣнивъ преподаваніе религіи изученіемъ исторіи религій, нравственности и искусства". Оба — и Гейне, и Аронсъ—конечно, противъ безсмысленнаго зазубриванія библейскихъ изреченій, противъ догматики и церковности. Но они расходятся на счетъ того, можетъ ли одно исключеніе религіи изъ школьнаго преподаванія парализовать вліяніе церкви. Гейне полагаетъ что нѣтъ. Онъ держится того мнѣнія, что если школа ничего не будетъ дѣлать для удовлетворенія заложенныхъ въ душу большинства людей религіозныхъ потребностей, то этимъ самымъ дѣти именно и очутятся въ рукахъ поповъ, такъ какъ тогда рядомъ со школой возникнетъ совершенно безконтрольное конфессіональное преподаваніе. Поэтому школа должна культивировать исторію религій, мораль и искусство, т. е. взять на себя преподаваніе и воспитаніе нравственно-религіознаго міросозерцанія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. „Я отстаиваю здѣсь, заявилъ Гейне, болѣе антиклерикальную точку зрѣнія, чѣмъ та, которая выражена въ резолюціи"...

Гейне не пользуется въ партіи репутаціей вполнѣ безупречнаго, т. е. строго принципнаго „товарища". Въ теченіе своей сравнительно непродолжительной партійной карьеры, онъ неоднократно выражалъ мнѣнія, которыя изобличали его, какъ опаснаго еретика, какъ оппортюниста и „ревизіониста",—тѣмъ болѣе опаснаго, что его ревизіонизмъ, мало касаясь теоріи, по преимуществу захватываетъ область практической политики. Но этотъ талантливый адвокатъ и остроумный юристъ тѣмъ не менѣе считается крупнымъ пріобрѣтеніемъ для партіи и для ея парламентской фракціи. Онъ настолько интеллигентный и образованный человѣкъ, что его всегда интересно слушать: нѣсколько возмутительныхъ и глупыхъ выходокъ, какъ напр., на Любекскомъ партейтагѣ, не въ счетъ, — съ кѣмъ грѣха не бываетъ. Интересно было слушать и его разсужденія о школѣ; онъ, главнымъ образомъ, придалъ преніямъ религіозно философскій характеръ. Но и въ этотъ разъ, Гейне съ интересомъ выслушали, но не согласились съ нимъ. Противъ его поправки были сдѣланы, какъ формальныя, такъ и существенныя возраженія. Въ формальномъ отношеніи указывалось на то, что нельзя выдвигать отдѣльные пункты учебнаго плана, не намѣтивъ весь планъ въ цѣломъ; по существу же выражалось убѣжденіе, что поправка Гейне впускаетъ черезъ заднія двери то, что резолюція Аронса только что выкинула черезъ переднія. Къ тому же такія понятія, какъ „мораль" очень неуловимы и измѣнчивы, а „религія" въ конецъ профа-

нирована и дискредитирована. Нынѣшнее религіозное обученіе служитъ не духовному подъему, а интересамъ господствующихъ классовъ. Эти послѣдніе мнятъ себя достаточно просвѣщеными и образованными, чтобы обходиться безъ религіи, за то считаютъ ее безусловной необходимостью для „простого“ народа. Еще Гете говорилъ:

Wer Wissenschaft und Kunst besitzt,
Hat auch Religion.
Wer diese beiden nicht besitzt,
Der *habe* Religion.

Тотъ пунктъ партійной программы, который гласитъ: Religion ist Privatsache,—говорилось далѣе противъ Гейне,—прокламируетъ уваженіе ко всякому религіозному убѣжденію, но онъ означаетъ также борьбу противъ каждой организаціи, которая прикрывается мантіей религіи для всякихъ совершенно постороннихъ, чуждыхъ религіи цѣлей. Цѣлый міръ духовной борьбы заключенъ между Робеспьеромъ, который силою парламентскаго постановленія установилъ верховенство разума, и современнымъ соціалъ-демократомъ, который стремится къ непредубѣжденному познанію всѣхъ вещей и ясно сознаетъ связь идеологическихъ воззрѣній съ экономической структурой общества. Что и такъ называемая мораль не всегда бываетъ надежнымъ оплотомъ свободнаго развитія, это показываетъ примѣръ Франціи, гдѣ „моральное обученіе“ служитъ предметомъ злоупотребленія для духовнаго гнета.

Между мыслью Гейне и возраженіями его оппонентовъ, несомнѣнно, заключено извѣстное недоразумѣніе, объясняющееся различнымъ угломъ зрѣнія. Мысль Гейне не лишена основанія и глубокаго содержанія, но она имѣетъ въ виду педагогическую программу довольно отдаленнаго будущаго, и потому разбивается о категорическое требованіе слишкомъ жгучаго настоящаго политическаго момента. Это требованіе гласитъ: „не нужно никакого религіознаго обученія въ школѣ“,—и оно то, именно, и составляло преобладающее настроеніе партейтага. Въ самомъ дѣлѣ: нужно было только послушать голоса его самыхъ простыхъ мужицкихъ членовъ, что-бы убѣдиться, что объ ихъ прошломъ религіозномъ обученіи въ школѣ у нихъ сохранилось лишь воспоминаніе какъ о духовной маятѣ. Истинно религіозному служителю церкви,—а такіе были въ числѣ слушателей,—вѣроятно очень горько было слушать такія рѣчи. Церкви принадлежитъ наибольшій примѣръ въ воспитаніи юношества, а въ результатѣ видимъ всеобщее нерасположеніе къ ней самой передовой и сознательной части пролетаріата. Должны, слѣдовательно, быть очень глубокія ошибки, если на лицо такой результатъ. Для большинства религія тѣсно переплетается съ церковностью, и передъ этимъ неотразимымъ представленіемъ должны были рухнуть всѣ

развитыя краснорѣчивымъ адвокатомъ перспективы внѣконфессіональнаго міросозерцанія...

По школьному вопросу было еще высказано не мало интересныхъ соображеній, и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ упоминанія рѣчи женщинъ-делегатокъ, какъ г-жа Цеплеръ и г-жа Лили Браунъ. Первая отстаивала мысль о совмѣстномъ воспитаніи дѣтей обоего пола, вторая призывала къ протесту противъ заполненія школьныхъ учебниковъ культомъ шовинизма и ложнаго патріотизма. Другіе ораторы требовали большей свободы польскаго и датскаго преподаванія въ соотвѣтствующихъ частяхъ Пруссіи.

Эти требованія были партейтагомъ одобрены, а затѣмъ имъ была принята слѣдующая резалюція:

При условіяхъ господствующаго капиталистическаго общества, народная школа превратилась въ учрежденіе, главнѣйшая задача котораго сохраненіе существующаго классоваго господства и наличныхъ государственныхъ и общественныхъ авторитетовъ. Для достиженія этой цѣли, школа подчинена вліянію и господству церкви; духовенству передана опека надъ учителемъ; вмѣсто единой школы для всѣхъ дѣтей народа развита школьная система, разорванная по соціальнымъ классамъ и сводящая обученіе въ подлинныхъ народныхъ школахъ къ ничтожнымъ размѣрамъ. Несмотря на то, что прусская народная школа уже давно превзойдена школьнымъ дѣломъ многихъ другихъ странъ, и несмотря на то, что развитію современнаго народнаго хозяйства въ высокой степени споспѣшествуется, если даже самый простой рабочій обладаетъ большимъ знаніемъ, большая часть такъ называющей себя либеральной буржуазіи, тѣмъ не менѣе, заключила съ самыми ярыми врагами народнаго просвѣщенія т. н. школьный компромиссъ. Этотъ компромиссъ есть измѣна всѣмъ прошлымъ культурнымъ завоеваніямъ, актъ трусости „либеральной“ буржуазіи, окончательно унижающей народную школу на степень прислужницы церкви. Прусскій партейтагъ видитъ во всеобщемъ, возможно болѣе высокомъ школьномъ образованіи всего народа очень цѣнное культурное благо, чрезвычайнымъ образомъ содѣйствующее духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ народа. Въ виду всего этого партейтагъ выставляетъ слѣдующія минимальныя требованія, удовлетвореніе которыхъ необходимо для поднятія школьнаго дѣла въ Пруссіи:

1) Отдѣленіе школы отъ церкви, иначе говоря—полное устраненіе вліянія духовенства на школьныя дѣла и исключеніе религіознаго обученія изъ круга школьныхъ предметовъ;

2) Однообразная школа для всѣхъ дѣтей, подлежащихъ отбыванію школьной повинности, безплатность обученія и безплатность школьныхъ пособій, ограниченіе числа учениковъ до предѣловъ, дозволяющихъ учителю вести преподаваніе наиболѣе успѣшнымъ образомъ; лучшая подготовка и оплата учительскаго персонала;

3) Созданіе такой школьной обстановки, которая наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ гигіены и педагогики;

4) Снабженіе пищею и одеждой всѣхъ нуждающихся учениковъ.

Въ заключеніе партейтагъ требуетъ отъ членовъ партіи съ возможно большей энергіей агитировать въ пользу преобразованія школьнаго дѣла въ Пруссіи въ духѣ формулированныхъ здѣсь пунктовъ.

* * *

Мы уже неоднократно указывали на то, что все авгіево стойло прусской реакціи въ основѣ своей покоится на избирательной системѣ, которая самымъ безпощаднымъ образомъ устраняетъ широкія массы народа отъ прямого участія въ прусскомъ парламентѣ и прусской политикѣ. Бороться противъ реакціи, какъ она, примѣрно, сказывается въ отмѣченныхъ выше законопроектахъ, значитъ въ окончательномъ результатѣ организовать рѣшительную кампанію противъ системы парламентскаго представительства, которая дѣлаетъ возможнымъ сочиненіе такихъ законопроектовъ и обезпечиваетъ имъ безпрекословное осуществленіе. Поэтому прусскій партейтагъ поступилъ совершенно послѣдовательно, когда послѣднимъ пунктомъ своей программы поставилъ вопросъ о системѣ выборовъ въ прусскій ландтагъ и способахъ борьбы съ этой системой. Докладчикомъ, по этому пункту, былъ депутатъ рейхстага Георгъ Ледебуръ, парламентскій преемникъ покойнаго Либкнехта.

Нынѣ дѣйствующая система выборовъ въ прусскій ландтагъ ведетъ свое происхожденіе отъ 1848 года. Существовавшій до тѣхъ поръ абсолютистскій режимъ увидѣлъ себѣ вынужденнымъ созвать Національное Собраніе на основѣ, хотя и не прямого, но всеобщаго и равнаго избирательнаго права всѣхъ мужчинъ, достигшихъ 24-лѣтняго возраста. Созванное на этой основѣ Національное Собраніе, пришлось очень не по вкусу правительству и командующимъ классамъ, было поэтому распущено и вновь созвано при значительно ухудшенныхъ выборныхъ условіяхъ. Но и новое Собраніе не отвѣчало видамъ правительства, вслѣдствіе чего, послѣ вторичнаго распущенія въ 1849 году былъ, безъ дальнихъ околичностей, октроированъ королемъ новый избирательный законъ съ нарушеніемъ присяги на вѣрность прежней конституціи.

Это незаконное, по своему происхожденію, избирательное право въ своихъ существенныхъ чертахъ существуетъ до настоящаго времени. Изъ первоначальной системы сохранилось лишь предписаніе, что мужчины, достигшіе 24 лѣтъ, имѣютъ избирательное право, вообще же она свелась къ тому, что пользуется теперь печальной извѣстностью трехклассной системы. Податная реформа министерства финансовъ Микеля придала ей еще болѣе плутократическій характеръ. Само прусское правительство сознало необходимость нѣкоторыхъ перемѣнъ къ лучшему, но его попытки

были парализованы соединенными усиліями обѣихъ палатъ ландтага, вслѣдствіе чего пролетаріатъ въ своемъ громадномъ большинствѣ очутился въ разрядѣ выборщиковъ одного третьяго класса, тогда какъ оба первыхъ класса стали монополіей привилегированныхъ и состоятельныхъ избирателей. Въ прусской выборной системѣ есть только одно положеніе, которое въ извѣстной степени служитъ на пользу бѣднаго класса, это, именно, то довольно абсурдное положеніе, въ силу котораго трехклассное дѣленіе избирателей устанавливается не для цѣлаго избирательнаго округа, а для отдѣльныхъ избирательныхъ участковъ, населеніе которыхъ не должно превышать 1750 душъ. Отсюда дѣлается возможнымъ, что въ большихъ городахъ, гдѣ все бѣдное населеніе сконцентрировано въ окраинныхъ городскихъ частяхъ, это населеніе принадлежитъ къ разряду избирателей 1-го и 2-го классовъ, между тѣмъ, какъ въ другихъ городскихъ кварталахъ и очень состоятельные люди должны подчасъ мириться съ участью выборщиковъ третьяго класса. Извѣстенъ классическій примѣръ избирательныхъ курьезовъ прусской системы: въ берлинской Wilhelmstraβe, гдѣ сосредочены министерскіе дворцы, одинъ богатый мясникъ является единственнымъ выборщикомъ 1-го класса, тогда какъ канцлеръ имперіи, графъ Бюловъ, состоитъ въ разрядѣ выборщиковъ 3-го класса, на ряду со своимъ камердинеромъ...

Со времени своего возникновенія въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, прусская соціалъ-демократія въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій не принимала никакого участія въ прусскихъ выборахъ. Только постепенно преодолѣвала она упомянутое выше чувство „отвращенія“ къ классовымъ выборамъ и классовому парламенту. Политика воздержанія смѣнялась политикой рѣшительныхъ дѣйствій, положительные шансы которыхъ, въ смыслѣ проведенія своихъ кандидатовъ въ ландтагъ, основывались, главнымъ образомъ, на указанной группировкѣ населенія на окраинахъ большихъ городовъ и на коалиціи съ либеральной партіей для общей борьбы противъ клерикально-консервативной реакціи. Первый серьезный опытъ этого рода былъ сдѣланъ въ 1903 году, но, кромѣ агитаціоннаго и пропагандистскаго успѣха этотъ опытъ не увѣнчался практическими результатами. Собственныхъ силъ партіи при дѣйствующей системѣ выборовъ не хватило, чтобы пробить брешь въ прусскій ландтагъ, а прусскіе либералы, подъ командой Евгенія Рихтера, изъ страха передъ соціалъ-демократіей сбѣжали въ лагерь реакціонеровъ.

Эта первая неудача, повидимому, не смутила партію; она не остановитъ ее передъ дальнѣйшими попытками и тѣмъ во всякомъ случаѣ послужитъ новымъ импульсомъ для борьбы съ трехклассной выборной системой.

Показателемъ этого усилившагося боевого рвенія могли служить чрезвычайно возбужденныя пренія прусскаго партейтага о тактическихъ прie-

махъ борьбы съ прусской реакціей. Тогда какъ докладчикъ въ своей резолюціи ограничился призывомъ къ неустанной агитаціи словомъ въ печати, Эд. Бернштейнъ, въ союзѣ съ нѣкоторыми друзьями, требовалъ болѣе точнаго обозначенія способовъ предполагаемой агитаціи. Его поправка въ первой своей части требовала опубликованія воззваній и протестующихъ статей въ партійной печати, во второй же настаивала, чтобы противъ прусской избирательной системы въ подходящихъ случаяхъ организовывались въ крупныхъ городскихъ и промышленныхъ центрахъ „массовыя демонстраціи въ широкихъ размѣрахъ". Въ устномъ обоснованіи своей поправки, Бернштейнъ не оставлялъ сомнѣнія на счетъ того, что подъ означенными демонстраціями онъ разумѣетъ массовыя уличныя демонстраціи, которыя, по его мнѣнію, только и могутъ производить надлежащее впечатлѣніе на законодателей. Такія демонстраціи не одобряются прусской полиціей, но Бернштейнъ, именно, и думаетъ, что слѣдуетъ пруссакамъ наконецъ отрѣшиться отъ преувеличеннаго решпекта передъ полиціей, что импонировать ей можно рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, а не пассивной покорностью. Бернштейнъ полагалъ, что противъ такого большого зла, какъ политическое безправіе прусскаго народа, слѣдуетъ примѣнять „болѣе острыя формы протеста", необходимо возбуждать трудящіяся массы къ тому, чтобы онѣ перестали сносить съ такимъ терпѣніемъ всякую несправедливость... Особенно горячо поддерживалъ Бернштейна молодой Либкнехтъ, который также думалъ, что слѣдуетъ обновить старую заскорузлую тактику и внести въ массы больше боевой впечатлительности и подвижности.

Эти взгляды не встрѣтили, однако, полнаго сочувствія со стороны большинства партейтага. Оно, правда, стояло на точкѣ зрѣнія покойнаго Либкнехта, что въ теченіе сутокъ можно 24 раза мѣнять тактику, если этого потребуютъ обстоятельства, но есть пріемы борьбы, которые нельзя напередъ декретировать. У партіи есть вліятельная пресса и сильныя организаціи, и этихъ орудій просвѣтительной пропаганды должно при нормальныхъ условіяхъ хватать для систематической и единственно плодотворной агитаціи. Всѣ другіе способы борьбы могутъ, конечно, оказаться при случаѣ очень цѣлесообразными, но декретировать ихъ заранѣе значило бы пускаться во всѣ тяжкія рискованныхъ экспериментовъ. Что тактическіе пріемы борьбы многообразны и еще далеко не исчерпаны, это показываетъ и самый фактъ перваго прусскаго партейтага, внушительная картина засѣданій этого „прусскаго рабочаго парламента". Онъ не представилъ собою, собственно, никакихъ тактическихъ новшествъ, но онъ расчистилъ громадное и важное поприще для политической дѣятельности. Сколько усилій потребуется еще для того, чтобы ввести въ сознаніе народныхъ массъ тѣ новые горизонты и точки зрѣнія, которые намѣчены были сужденіями, хотя бы одного этого партейтага. А развитіе этого сознанія воз-

можно достигнуть прежде всего средствами просвѣтительной пропаганды.

Приведу въ заключеніе принятую партейтагомъ резолюцію по этому послѣднему пункту его программы:

„Прусскій ландтагъ не имѣетъ никакого права считаться представительствомъ прусскаго народа, такъ какъ искусственный институтъ палаты господъ, благодаря большинству ея наслѣдственныхъ и назначенныхъ законодателей, служитъ только оплотомъ господства юнкеровъ и бюрократовъ, тогда какъ трехклассная избирательная система, вслѣдствіе привилегій имущаго класса, фактически лишаетъ правъ широкія массы народа и низводитъ палату депутатовъ на степень представительства толстосумовъ.

Реакціонный и враждебный истиннымъ интересамъ народа характеръ законодательства есть продуктъ такого состава ландтага. Палата господъ и палата депутатовъ, какъ по ихъ происхожденію, такъ и по ихъ составу, являются воплощеніемъ классового господства и враждебности къ народу и рабочимъ.

Партейтагъ прусской соціалъ-демократіи протестуетъ поэтому самымъ энергичнымъ образомъ противъ насилія и безправія, которыя причиняются подавляющему большинству прусскаго народа существованіемъ такого классового представительства.

Первымъ и необходимымъ шагомъ сверженія реакціи въ Пруссіи является поэтому преобразованіе прусскаго парламента въ настоящее народное представительство. Партейтагъ требуетъ полнаго упраздненія палаты господъ, а для палаты депутатовъ—введенія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ всѣхъ гражданъ обоего пола, достигшихъ 20-лѣтняго возраста, и по принципу пропорціональнаго представительства.

Партейтагъ требуетъ отъ всѣхъ членовъ партіи, чтобы они неустанной агитаціей путемъ устной пропаганды и въ печати стремились къ достиженію намѣченныхъ здѣсь цѣлей“.

Г. Гроссманъ.

Журнальныя замѣтки.

Н. Г. Чернышевскій.—Тюремные мотивы въ журнальной беллетристикѣ. („Рус. Бог.", „Правда", „Міръ Б.").

Николай Гавриловичъ Чернышевскій, начавшій свою литературную дѣятельность въ знаменательные дни паденія Севастополя, паденія нашего военнаго престижа и подъема общественнаго самосознанія, въ знаменательные дни великихъ чаяній, не менѣе великихъ разочарованій и незаслуженныхъ каръ вплоть до кары, постигшей его самого 7-го іюля 1862 года, точно не выдержалъ черезъ 15 лѣтъ послѣ своей смерти, поднялся изъ гроба и захотѣлъ посмотрѣть, что творится теперь на Руси при паденіи Портъ-Артура, при новомъ паденіи нашего военнаго престижа и новомъ пробужденіи общественной самокритики, захотѣлъ послушать о чемъ говорятъ и пишутъ либералы и радикалы, теперь, когда страна наша „съ Божьей помощью" подъ гулъ кровавыхъ боевъ готовится вернуться, къ тому, на чемъ ее остановила властная рука опекуновъ 40 лѣтъ тому назадъ. Съ внѣшней стороны мало перемѣнъ. Тѣ же разговоры о просвѣщеніи, о довѣріи и гарантіяхъ, о реформахъ сверху и объ основной реформѣ снизу, тѣ же разногласія между кающимися и желчевиками, но существуютъ и новые факты, которыхъ не было 40 лѣтъ тому назадъ, и которые говорятъ вполнѣ опредѣленно о томъ, что „судъ идетъ!"... и что подсудимый—старый порядокъ—не будетъ оправданъ.

Къ сожалѣнію, во всѣхъ тѣхъ статьяхъ и замѣткахъ, которые посвящены памяти Н. Г. Чернышевскаго, по поводу пятнадцатилѣтія со дня его кончины, ни одинъ изъ авторовъ не ставитъ переживаемый нами историческій моментъ, чаянія разныхъ общественныхъ группъ, обѣщанія со стороны правящихъ сферъ великихъ и богатыхъ *милостей* на очную ставку съ общественными взглядами Н. Г. Чернышевскаго конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Было-бы въ высшей степени интересно коснуться его историческихъ статей изъ исторіи Франціи, гдѣ ясно обнаружилось отношеніе Н. Г. Чернышевскаго къ программамъ и тактикѣ консерваторовъ, либераловъ, радикаловъ, демократовъ, но этотъ вопросъ, животрепещущій и въ наше время, обойденъ въ статьяхъ и замѣткахъ, а

вмѣсто этого, высказываются предположенія въ „Новомъ Пути“ въ замѣткѣ С. В., что если-бы Н. Г. Чернышевскій жилъ въ наше время то, какъ умный человѣкъ, многому-бы научился у идеалистовъ, тогда мало было съ него г. Юркевича; или въ „Нашей Жизни“ (№ 14) г. Корниловъ увѣренъ, что при благопріятныхъ и нормальныхъ условіяхъ поворотъ въ политическихъ взглядахъ великаго экономиста, послѣ обманутыхъ ожиданій отмѣны стараго порядка „сверху“, поворотъ къ экономикѣ съ отрицаніемъ политики „установилъ-бы иной путь для ихъ достиженія нежели тотъ, который намѣченъ былъ поклонниками и продолжателями Н. Г. Чернышевскаго въ началѣ семидесятыхъ годовъ.“ Почтенный авторъ глубоко правъ: „если-бы на цвѣты да не морозы, и зимой-бы цвѣты расцвѣтали!“ Если-бы существовали благопріятныя и нормальныя условія, то есть не тѣ условія какія существовали, то и взгляды Чернышевскаго и семидесятниковъ были-бы другіе, но что было, то было, и о чемъ-же тутъ разговаривать! Если бы можно было историческія условія заранѣе приготовлять въ какой-нибудь химической лабораторіи „при благопріятной и нормальной обстановкѣ“, тогда-бы и опыты надъ общественными взглядами имѣло бы смыслъ продѣлывать, но намъ приходится считаться съ уже данными условіями производства и распредѣленія, съ данными соотношеніями силъ, данной организаціей власти, съ данной идеологіей, и наша задача постигнуть причинную связь въ цѣломъ рядѣ этихъ звеньевъ, а постигнувъ, отъ причины перейти къ слѣдствію—и помочь скорѣйшему наступленію этого слѣдствія. И если время Н. Г. Чернышевскаго аналогично нашему, то для современности, для болѣе правильнаго постиженія причинъ и слѣдствій, корней и нитей, въ высшій степени поучительно изучить и понять то что *было* и вовсе не интересно, что могло бы случиться, если бы и т. д. Ибо „всякое бываетъ“ и всякое можетъ случиться!...

Для тѣхъ, кто пожелаетъ познакомиться съ общественными взглядами Н. Чернышевскаго, очень полезно будетъ воспользоваться прекрасной статьей Смирнова въ „Русской Старинѣ“ за 1890 годъ, въ майской книгѣ. Авторъ даетъ подробный указатель почти всѣхъ статей этого „властителя думъ“ цѣлой эпохи, при чемъ указываетъ даже страницы журналовъ на которыхъ печатались не только большія статьи Н. Г. Чернышевскаго, но даже маленькія библіографическія замѣтки... Мы укажемъ читателямъ только нѣсколько статей: „Тюрго. Его ученіе и литерат. дѣятельность“ соч. Муравьева, разборъ Н. Г. Чернышевскаго см. „Современникъ“ 1858 г. № 9 стр. 24—49. Кавеньякъ. „Современникъ“ 1858 г. № 1 стр. 1—37 и № 4 стр. 303—332; Борьба партій во Франціи при Людовикѣ 18 и Карлѣ 10. „Современникъ“ 1858 г. № 8 стр. 309—344 и № 9 стр. 133—184. Іюльская Монархія, „Современникъ“ № 1860 г. № 1 стр. 177—258 и № 2 стр. 699—438 и № 5 стр. 127—159.

Съ 1857 года въ „Современникѣ“ въ книгѣ № 7 на стр 1—58 Н. Г.

Чернышевскій помѣстилъ большую статью о книгѣ барона Гакстгаузена „Изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій въ Россіи"; „О поземельной собственности".. 1857 г. „Современникъ" № 9, 1 стр. 1—76 и № 11 стр 1—46....

Вопросы искусства, философіи, исторіи, политической экономіи были доступны этому публицисту-просвѣтителю, и разумѣется характеристика его міросозерцанія далеко не укладывается въ тѣ пять—десять строкъ, которыми обмолвился В. Г. Короленко въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. Г. Чернышевскомъ („Русское Богатство" ноябрь.)... „Объ одеждахъ его метаху жребій" и народники, и марксисты. Марксисты привѣтствуютъ и до сихъ поръ въ немъ одного изъ первыхъ русскихъ ученыхъ примѣнившаго діалектическій методъ къ изслѣдованію соціальныхъ явленій, какъ критика, сумѣвшаго отвергнуть фантастическое отчужденіе красоты и искусства отъ дѣйствительности, и признавшаго, что художественная дѣятельность не имѣетъ въ себѣ самой какой-то особенной высшей цѣли, а лишь своими средствами служитъ тѣмъ задачамъ, которыя ставитъ передъ собою общество для разрѣшенія... Марксисты заимствуютъ въ историческихъ работахъ Н. Г. Чернышевскаго богатый матеріалъ для освѣщенія вопроса о борьбѣ классовъ.

Что касается народниковъ, то они и понынѣ клянутся именемъ Н. Г. Чернышевскаго, когда доказываютъ необходимость закрѣпленія общины, забывая о томъ, что Н. Г. Чернышевскій защищалъ общину, какъ діалектикъ, именно *потому*, что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія діалектическаго развитія, современные народники защищаютъ общину именно потому, что чужды этой діалектической точкѣ зрѣнія. А между тѣмъ, нигдѣ такъ ярко не проявилась эта міровая діалектика за эти 40 лѣтъ, какъ по вопросу „объ общинномъ землевладѣніи". Мы позволимъ себѣ сдѣлать въ нашихъ „журнальныхъ замѣткахъ" только маленькую справку, прекрасно иллюстрирующую тотъ фактъ, какъ русская община казалась спасеніемъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, прежде въ глазахъ россійской интеллигенціи, а черезъ 40 лѣтъ въ глазахъ бюрократіи.

Если люди сороковыхъ годовъ, страдая муками своей родины, сочувствуя всемъ сердцемъ народу, обращенному въ крещенную собственность, не видѣли никакихъ стремленій къ осуществленію западно-европейскихъ идеаловъ среди тѣхъ, „кто все терпитъ во имя Христа, чьи не плачутъ суровыя очи, чьи не ропщутъ нѣмыя уста" и, отчаявшись въ народѣ, пытались надѣяться на перемѣну дѣйствительности „сверху", то шестидесятники, отчаявшись въ реформахъ сверху начинаютъ ожидать осуществленія народныхъ идеаловъ снизу, послѣ того, какъ 19 февраля 1861 г. вызвало въ народной средѣ значительное возбужденіе... По словамъ Бельтова „къ услугамъ молодого поколѣнія, какъ нельзя больше кстати, явилась та идеализація старыхъ, вѣками завѣщанныхъ намъ, формъ народнаго быта, ко-

торые играли такую видную роль въ произведеніяхъ славянофиловъ. *Западники* ничего не ожидали отъ народной самодѣятельности, славянофилы говорили, что въ народѣ кроются богатые задатки самостоятельнаго „гармоническаго развитія". Молодежь конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ вполнѣ согласилась въ этомъ случаѣ съ славянофилами, принявъ, какъ догматъ, что „гармоническое развитіе" пойдетъ въ сторону соціализма, и дополнивъ вѣру въ самобытные задатки этого развитія вѣрой въ прогрессивное воздѣйствіе россійской интеллигенціи, такимъ образомъ, казалось,—оконченъ роковой вопросъ... и мы чрезвычайно быстро пошли по пути славянофильской передѣлки западно-европейскаго утопическаго соціализма... Чернышевскій сблизился съ славянофильской школой въ своемъ взглядѣ на общину..."

Разница, однако, между славянофильской школой и Чернышевскимъ заключалась въ томъ, что славянофилы всѣ свои ожиданія „гармоническаго развитія" страны могли свести къ нѣсколькимъ строкамъ стихотворенія Тютчева.

„Умомъ Россію не обнять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней особенная стать
Въ Россію можно только вѣрить".

А Чернышевскій, вооруженный діалектическимъ методомъ Гегеля, пытался отъ *вѣры* „въ гармоническое развитіе" перейти *къ доказательству возможности его.* Повинуясь закону міровой діалектики общинное землевладѣніе (тезисъ) переходитъ къ своему отрицанію (къ антитезѣ)—частной собственности на землю—но такъ какъ все движется, все течетъ, то и это отрицаніе перейдетъ въ свое отрицаніе, и частная собственность превратится въ коммунизмъ.

Но могутъ быть и такія историческія возможности, когда между первобытною общиною и сознательнымъ коммунизмомъ не будетъ промежуточнаго періода частной собственности и тогда общинное землевладѣніе приведетъ, непосредственно, къ коммунизму: между тезой и синтезомъ антитеза сведется къ нулю. Западу уже не улыбается эта заманчивая историческая перспектива; тамъ уже община распалась, уже развилась антитеза ея: частная собственность на землю, уже народилась язва пролетаріата, у насъ въ Россіи, въ силу ея отсталости, община пока не тронута и возможно, что, благодаря вмѣшательству интеллигенціи, Россія первая разрѣшитъ великую соціальную проблему и отъ общины прямо перейдетъ къ царству разума и справедливости. И вотъ, съ вѣрою въ возможность непосредственнаго перехода тезы въ синтезъ, Чернышевскій давалъ пароль и лозунгъ старому народничеству: „да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землевладѣніемъ".

Такимъ образомъ Чернышевскій славянофильству сумѣлъ придать черты западно-европейской доктрины и отъ ожиданія чуда привести къ ожиданію исторической возможности...

„Но съ тѣхъ поръ, какъ Н Г. Чернышевскій провозгласилъ свое „да не дерзнемъ мы посягнуть на общину", прошло 40 лѣтъ. Историческая необходимость не послушалась этого запрета и посягнула! Въ патріархальной общинѣ, вмѣсто *натуральныхъ*, явились товарно-капиталистическія отношенія, община стала разлагаться, единый народъ сталъ выдѣлять сельскую буржуазію и пролетаріатъ. Глѣбъ Ивановичъ Успенскій помимо своей воли, повинуясь инстинкту художника и той же исторической необходимости, принужденъ былъ признать, что въ деревенской жизни обнаружились факты огромнаго разстройства всего организма...

Было ясно, что прежнюю утопію не можетъ оправдать историческая необходимость и никакія ссылки на Чернышевскаго не могли сохранить пришедшаго въ полную негодность наслѣдства славянофиловъ. Если западниковъ съ Бѣлинскимъ во главѣ смѣнили народники съ Чернышевскимъ, придавшимъ нѣкоторымъ положеніямъ славянофильства характеръ доктрины, то народниковъ смѣнили снова западники убѣжденные, что судебъ капитализма Россія не избѣжитъ, что къ идеаламъ будущаго наша страна пойдетъ не своей особенной дорогой, а путемъ европеизаціи.

Отношеніе къ общинѣ теперь стало ясно. И если старые народники шестидесятыхъ годовъ были по вопросу о *натуральной* общинѣ заодно съ Чернышевскимъ, то современные намъ народники по вопросу о современной общинѣ заодно съ „просвѣщенной бюрократіей". Мы видимъ, что въ девяностые годы передовая интеллигенція и бюрократія помѣнялись ролями. Бюрократія отчаявшись въ томъ, что реформы реформъ проводимыя „сверху" удержать страну отъ тлѣтворнаго вліянія запада, съ безпокойствомъ констатируя фактъ все растущаго движенія снизу въ средѣ промышленнаго пролетаріата, всѣ свои надежды возлагаетъ на общину, которая, по убѣжденію нѣкоторыхъ изъ просвѣщенныхъ бюрократовъ должна сохранить на Руси „въ неизмѣнной чистотѣ незыблемую основу русскаго государственнаго устройства". Она, эта патріархальная община, „сохранила спокойный, вѣрующій и терпѣливый въ бѣдахъ народъ, не разбитый въ человѣческую пыль, не дикое стадо, а организованный въ сельскіе міры, являющіеся дѣйствительно снопами *русскаго* міровоззрѣнія, каждую соломинку въ которыхъ переломить въ отдѣльности не трудно, но которые въ цѣломъ согнуть не возможно. И эта великая *охранительная* и *дисциплинирующая сила* подозрѣвается въ соціализмѣ, оплотомъ противъ котораго она именно и служитъ у насъ. Не трудно видѣть, что при наличности печальныхъ экономическихъ условій наступившихъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, непризнаніе правъ гражданственности за русской общиной вызвало бы неминуемо аграрную катастрофу.. Кому, какъ

не общинѣ, обязаны мы тѣмъ, что у насъ нѣтъ той „черни“, которая страшнымъ призракомъ давитъ всѣ культурныя европейскія государства и грозитъ потопить цивилизацію Запада?

Есть-ли хотя намекъ на какой-нибудь историческій или бытовой фактъ, могущій служить обвиненіемъ общины въ аграрныхъ злоупотребленіяхъ или подготовкѣ ею почвы для пропаганды соціалистическихъ или анархическихъ ученій? Не наоборотъ-ли? Въ то время когда великорусскіе мужики-общинники связывали во имя здраваго государственнаго инстинкта мятежныхъ юношей, проповѣдывавшихъ имъ черный передѣлъ, въ Чигиринскомъ уѣздѣ происходили кровавыя расправы... Нѣтъ никакихъ основаній заподозрѣвать обычно-правовыя воззрѣнія общины на земельную собственность въ чемъ-либо „противномъ общественному порядку...“

Если газеты и журналы мало даютъ матеріалу для характеристики общественныхъ взглядовъ Н. Г. Чернышевскаго, то читатель за то найдетъ въ нихъ не мало интересныхъ данныхъ для характеристики той страшной несправедливости, которая была совершена по отношенію къ этому „яркому свѣточу“ опальной науки. Арестъ безъ законныхъ причинъ, приговоръ суда, диктуемый политическими соображеніями, безчестіе публичное на площади передъ толпой великаго общественнаго дѣятеля, мертвящая ссылка, порвавшая насильственно и жестоко великую связь между властителемъ думъ и современнымъ ему поколѣніемъ—все это во всемъ своемъ ужасѣ встаетъ передъ вами при чтеніи „воспоминаній В. Г. Короленко въ „Русскомъ Богатствѣ“ (ноябрь) и при чтеніи письма Плещеева въ „Новомъ Времени“... За что ни возьмешься, во всѣхъ этихъ очеркахъ, повѣстяхъ и разсказахъ звучитъ одна лишь неизмѣнная тюремная мелодія на слова: „Сбейте оковы, дайте мнѣ волю, я научу васъ свободу любить!“ Нужно правду сказать, наше общество относится болѣе чутко къ тюремной атмосферѣ, чѣмъ Екатерина Маслова, вотъ и говорите послѣ этого „„стерпится, слюбится“... Передъ нами очеркъ Тимковскаго „Около литературы“ („Русская Мысль“ октябрь)... Въ очеркѣ нѣтъ фабулы. Очеркъ растянутъ, въ очеркѣ намѣчена масса лицъ, которыя являются не живыми типами, а какими-то безжизненными фигурами, послушными рукѣ автора, передвигающей ихъ съ мѣста на мѣсто. Для того, чтобы одухотворить массу этихъ „образовъ безъ лицъ“, необходимо написать большое произведеніе, а для того, чтобы высказать тѣ мысли, которыя высказываетъ авторъ, достаточно и 10, вмѣсто 50 страницъ.

Редакторъ журнала „Истина, добро и красота“ приглашаетъ пріѣхать въ столицу одного изъ своихъ сотрудниковъ, Глѣбова, чтобы освѣжить отношенія и поговорить по душѣ... Тотъ пріѣзжаетъ, но никакіе разговоры по душѣ не удаются, потому что тюрьма выѣла душу изъ живого человѣка, потому что „рабы, закованные въ цѣпи, высокихъ пѣсенъ не поютъ“.

Но за то передъ глазами Глѣбова проходитъ за нѣсколько часовъ эта

жизнь „*около* литературы“, зрѣлище человѣческой слабости, пошлости, придавленности, безпринципности, страсти къ глумленію, проходитъ „и оставляетъ въ душѣ впечатлѣніе обидной безсвязицы“. Передъ нимъ стоятъ не пророки, пришедшіе изъ пустыни въ шумный городъ „провозглашать... любви и правды чистыя ученья“, не пророки, пришедшіе „глаголомъ жечь сердца людей“, а „бездушные скрибы“, по выраженію корректора.

А вѣдь большинство изъ нихъ имѣло душу, большинство изъ нихъ горѣло огнемъ пророковъ, но издатели, цензора и сотни другихъ „двуногихъ и четвероногихъ стражей“ выѣли изъ нихъ душу...

Издатель знаетъ только два слова „подешевле, да поосторожнѣе“, этими двумя словами онъ позвякиваетъ, какъ тюремщикъ ключами и лишній разъ напоминаетъ литераторамъ, что они арестанты, что „глаголомъ жечь сердца людей“—не по карману и не по времени...

Разумѣется, цензоръ свято исполняетъ свой долгъ охранителя „тишины и спокойствія“.

А что такое представляетъ собою редакторъ журнала, съ которымъ Глѣбовъ „обмѣнивается пустыми орѣхами“, а не живыми мыслями. „Редакторъ убѣжденій своихъ держится строго, но... пріостанавливаетъ ихъ временами, какъ пріостанавливаютъ машины на фабрикахъ“. Онъ „замотался, раздрызгался и всѣ хорошія, настоящія слова растерялъ. Лопочетъ второпяхъ цѣлый день на всѣ стороны“. Въ три погибели гнетъ онъ спину передъ литературными знаменитостями и держитъ впроголодь литературную мелкоту...

Литературныя знаменитости знаютъ себѣ цѣну. Вотъ одинъ изъ нихъ, Лукутинъ. Онъ требуетъ денегъ впередъ, а когда ему заявляютъ, что онъ уже взялъ, знаменитость угрожаетъ отнести рукопись туда, гдѣ дадутъ немедленно денегъ. Идея дѣло хорошее,—говоритъ онъ—но что скажетъ мой хозяинъ, если я предложу ему заплатить за квартиру не наличными деньгами, а парой что ни на есть отмѣнныхъ идей“.

При знаменитости состоитъ жена корректора, очень эффектная особа, шикарно одѣтая. Она тоже „около литературы“... Она „бѣгаетъ по знаменитостямъ и въ глубинѣ души гордится, что была любовницей литературныхъ тузовъ всѣхъ мастей“.

За издателемъ, редакторомъ, цензоромъ, знаменитостью слѣдуютъ арестанты литературы.

Тутъ и надорвавшій каторжной работой свои силы корректоръ, тутъ и погибающій талантъ Туманцевъ, который порвалъ съ деревней ради столицы, съ дѣломъ, ради „божественнаго глагола“. Думалъ жечь сердца людей, а вмѣсто того, сжегъ свое сердце, сталъ арестантомъ, сознаетъ весь ужасъ своего положенія и чувствуетъ, что „неспособенъ полетѣть ни кверху, ни книзу, а такъ только трепыхаетъ крыльями и остается, гдѣ

былъ. Прежде могъ летать, а теперь литература-то его, знать, *телѣгой переѣхала*"...

Другой литераторъ, желчевикъ Горшанскій, въ глазахъ котораго что то больное, тоже страдаетъ отъ внутренняго „двоегласія", тоже чувствуетъ, что онъ арестантъ и что изъ тюрьмы нѣтъ выхода. Ему „все кажется, что упущено что-то очень важное, ушло безвозвратно самое дорогое"... Самъ Глѣбовъ въ этой нудной сутолокѣ около литературы чувствуетъ, „какую-то странную усталость"... Читателю начинаетъ казаться, что передъ нимъ не міръ литературы, а одно изъ отдѣленій Мертваго дома, изъ котораго несутся проклятья арестантовъ и окрики тюремщиковъ.

Прислушайтесь, о чемъ говорятъ эти арестанты. „Урывками схватишь книгу—не потому, что именно она тебѣ нравится, а потому, что другіе прочли ее, говорятъ о ней, пишутъ,—потому, что эта книга виситъ въ данное время въ столичной атмосферѣ. И въ театръ идешь не по внутреннему побужденію, а потому, что объ этой пьесѣ всѣ говорятъ, пишутъ, читаютъ, спорятъ... Разговариваешь съ женой, съ дѣтьми, а у самого гвоздь въ головѣ: „надо работать, надо бѣжать, надо не прозѣвать!" И жена вѣчно въ тревогѣ: какъ бы концы съ концами свести? Развѣ это—жизнь? Это лихорадка!..

„Мы всѣ одержимые, мы отравлены литературой, какъ морфинистъ—морфіемъ, пьяница—алкоголемъ, курильщикъ—никотиномъ. Чего тутъ говорить о призваніи, о задачахъ искусства и прочихъ высокихъ матеріахъ, до которыхъ рѣдко кому есть дѣло?"

За этими монологами и діалогами встаетъ еще болѣе глубокій вопросъ, вопросъ о внутренней тюрьмѣ. Художникъ одновременно и арестантъ и собственный тюремщикъ. Онъ всегда слѣдитъ за собственнымъ настроеніемъ. Все самое дорогое, самое завѣтное, онъ обращаетъ въ матеріалъ для своего творчества. Этотъ проклятый вопросъ о принесеніи непосредственнаго чувства въ жертву публикѣ, сотни разъ поднимался въ литературѣ. Помните повѣсть Мопассана „На водѣ"? гдѣ художникъ съ тоской восклицаетъ: „не завидовать намъ, а жалѣть насъ нужно, потому что вотъ чѣмъ писатель разнится отъ себѣ подобныхъ: въ немъ нѣтъ ни одного непосредственнаго чувства. Все, что онъ видитъ, его радости, страданія, отчаянье немедленно обращаются въ немъ въ предметъ наблюденья" и т. д.

Помните „Чайку" Чехова и монологъ писателя Тригорина, въ которомъ онъ жалуется Нинѣ: „ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось пригодится"...

Этотъ проклятый вопросъ поднимается снова въ „Русскомъ Богатствѣ" (октябрь) въ этюдѣ Коцюбинскаго „Цвѣтъ яблони".

Въ этюдѣ всего шесть страницъ, но на этихъ шесть страницахъ передъ

читателемъ развертывается во всемъ своемъ потрясающемъ ужасѣ драма художника отца, который всѣмъ сердцемъ чувствуетъ и всею мыслію своею сознаетъ, что онъ рабъ собственнаго призванія, что муки его умирающаго ребенка и его собственныя муки, какъ отца,—только матеріалъ его будущихъ произведеній. Стоя у трупа умершаго ребенка, осыпаннаго цвѣтомъ яблони, художникъ-отецъ думаетъ:

„Я смотрю на это восковое тѣло, и странное настроеніе охватываетъ меня, я чувствую, что оно мнѣ чужое, что оно не имѣетъ ни малѣйшей связи съ моимъ живымъ организмомъ, въ которомъ течетъ теплая кровь, что я люблю не его, что я тоскую не по немъ, а по чемъ-то другомъ, живомъ, что осталось въ моей памяти и отразилось тамъ золотыми лучами...

А моя память, этотъ неразлучный секретарь мой, уже записываетъ и эту неподвижность тѣла среди цвѣтовъ яблони, и игру свѣта на посинѣлыхъ щекахъ, и мое странное настроеніе ..

Я знаю, зачѣмъ ты записываешь все это, моя мучительница! оно пригодится тебѣ... когда-нибудь... какъ *матеріалъ*...

Дѣвочка моя милая, ты не сердишься на меня"? (Русское Богатство, октябрь. 1904 г. „Цвѣтъ яблони", стр. 144).

Трагическую сторону этого вопроса затронулъ и Генрихъ Ибсенъ въ его драмѣ „Когда мы мертвые пробуждаемся", гдѣ художникъ никогда не умѣлъ разглядѣть за прекрасною моделью глубоко-любящаго его человѣка.

Раба своей профессіи, но не человѣка, рисуетъ и Октавъ Мирбо въ своемъ очеркѣ „Художникъ"... Передъ трупомъ только что умершей жены убивается художникъ. Онъ въ отчаяніи... Онъ сознаетъ что виною смерти жены, какъ и его ребенка, умершаго раньше—является онъ самъ... Блѣдный, съ опухшими отъ слезъ глазами онъ воскликнулъ: „Нѣтъ, нѣтъ, больше я не хочу живописи... Я разобью свою палитру! Презрѣнный!.. Я не умѣлъ любить ихъ"... восклицаетъ онъ... Но понемногу глаза его начали терять выраженіе горя. Его влажный отчаянный взглядъ постепенно сталъ пріобрѣтать обычную ему сосредоточенность и напряженность всѣхъ зрительныхъ способностей. Въ глазахъ его появилось жестокое вниманіе живописца передъ интересующей его *натурой*... Вдругъ онъ воскликнулъ:— „какой тонъ! ахъ! Чертъ возьми! Что за тонъ"! И вотъ приговаривая: „Это необыкновенная штука!.. тонко, изящно, современно", напѣвая веселую пѣсенку, художникъ-вдовецъ хватаетъ палитру и краски и начинаетъ въ опьяненіи писать картину... „Но бѣдная дѣвочка теперь не позируетъ такъ, какъ прежде", работа затягивается, трупъ разлагается и „тона мѣняются", а тутъ еще является похоронная процессія; художникъ, наконецъ, хоронитъ жену, не дописавъ полотна, терзаемый мыслью, что еще многое остается додѣлать.

Вернувшись съ похоронъ, „онъ обвелъ глазами пустую кровать, гдѣ

грустно увядали нѣсколько забытыхъ цвѣтовъ, и прибавилъ съ глубокой тоской:—мнѣ нужна натура!"

Конечно, можно согласиться съ Ѳ. Тютчевымъ, что

„Вотще поноситъ или хвалитъ
Поэта суетной народъ:
Онъ не змѣею сердце жалитъ
Но, какъ пчела его сосетъ".

Но и въ поэтѣ больше, чѣмъ въ простомъ смертномъ, долженъ жить человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, человѣкъ, а не олицетворенная палитра. Или и впрямь былъ правъ А. П. Чеховъ говоря о гробовщикѣ, умѣвшемъ дѣлать гробы и на всѣхъ людей смотрѣвшемъ, какъ на своихъ будущихъ кліентовъ—„кто къ чему приставленъ"... Всѣ эти очерки, драмы, разсказы поднимаютъ болѣе общій, болѣе серьезный вопросъ о томъ имѣемъ-ли мы право смотрѣть на человѣка, какъ на матеріалъ, какъ на модель или „натуру", какъ на средство, а не какъ на цѣль? Безразлично, кто передъ нами, художникъ, гробовщикъ, человѣкъ въ футлярѣ, крестьянинъ или рабочій... Наше буржуазное общество, въ которомъ мы живемъ съ его формулой „Homo homini—lupus est" убиваетъ человѣка, и создаетъ детализированный трудъ, а вмѣстѣ и раба профессіи. Мы могли-бы привести безконечное количество образовъ аналогичныхъ отмѣченному Коцюбинскимъ въ его этюдѣ, но вернемся къ этюду.

Разсказъ Тимковскаго и этюдъ Коцюбинскаго изображаютъ жизнь литератора двумя различными пріемами. Одинъ бѣгло набрасываетъ внѣшнюю сторону явленій, другой сосредоточивается на внутреннихъ переживаньяхъ, и этому другому въ свое произведеніе удается внести цѣлый рядъ черточекъ новыхъ и цѣнныхъ по своей жизненности. Больная душа, больная совѣсть современнаго человѣка, разъѣденнаго рефлексіей и прикованнаго къ противорѣчіямъ жизни, встаетъ передъ вами во всемъ своемъ трагизмѣ.

Просвѣтительная дѣятельность тоже не даетъ удовлетворенія честному труженику, котораго „тащатъ и не пущаютъ" „двуногіе и четвероногіе стражи". Легко въ этомъ мірѣ живется только доносчику, только „проворному человѣку", только ничтожеству, только „гаду", по терминологіи Щедрина.

Передъ нами очеркъ Тихова „Прожитый день" изъ гимназической жизни и цѣлый рядъ вопіющихъ фактовъ „Изъ замѣтокъ школьнаго учителя" Петрищева („Русское Богатство", октябрь). Сколько разсказовъ, и очерковъ, и воспоминаній писалось по поводу школы, а сердце до сихъ поръ не разучилось сжиматься отъ стыда и негодованія, открывая каждый разъ въ этомъ старомъ дѣлѣ объ умерщвленіи духа все новыя обстоятельства...

Въ № 92 Гражданина кн. Мещерскій этотъ „апостолъ попятнаго движенія“ въ своихъ „дневникахъ“ отъ 14 ноября писалъ слѣдующее. „Главная функція третьяго отдѣленія, какъ извѣстно, была очень оригинальна, а съ другой стороны не особенно производительна. Функція эта заключалась *въ наблюденіи за образомъ мысли* Россіянъ. Этому наблюденію покорны всѣ возрасты и всѣ положенія въ Россіи до министровъ включительно.

Занятіе это было безконечно растяжимое и не имѣло предѣловъ, средства тоже широки: подслушиванье, а главное перлюстрація писемъ...

Агенты ежедневно доносятъ о проболтавшейся молодежи, о найденныхъ прокламаціяхъ, о читающихъ запрещенныя книги, о поющихъ марсельезу и т. д., словомъ о лицахъ, проявляющихъ признаки *образа мыслей неблагонадежнаго*. И, увы, эти донесенія (sic) не провѣренныя, не изслѣдованныя служили основаніемъ къ политическимъ процессамъ, къ арестамъ и т. д., (№ 92, стр. 21).

Теперь получивши нѣкоторое представленіе объ этомъ миломъ учрежденіи, неодобряемомъ даже „Кн. Точкой“, вы загляните въ гимназію, бѣгло обрисованную въ очеркѣ Тихова, вы прислушайтесь къ тому, что говорится въ учительской смотрителемъ школы. Вы увидите тѣхъ-же агентовъ третьяго отдѣленія, которыхъ главная функція не просвѣщать, а слѣдить „за признаками образа мыслей неблагонадежнаго“.

Чтобы не быть голословными, мы приведемъ нѣсколько отрывочковъ невиннѣйшаго свойства изъ обоихъ произведеній...

Мучительно долго тянется день въ гимназіи для учителя Ивана Александровича, добраго, но слабаго, многосемейнаго человѣка. Онъ признается и себѣ, и товарищу чеху Центноровичу, что „для учителей и учениковъ противенъ тотъ *подневольный* трудъ, ради котораго они сходятся“.

„Какой толкъ въ нашемъ учительствѣ?“ — спрашивалъ онъ коллегу, приближеннаго директора. „Центноровичъ молчалъ: въ его головѣ родилось темное подозрѣніе, которымъ онъ рѣшилъ подѣлиться съ директоромъ, сегодня-же“.

Педагоги передъ началомъ занятій весело и добродушно бесѣдуютъ.. О чемъ? Учитель математики, единственный независимый человѣкъ (онъ уже выслужилъ пенсію!) начинаетъ бесѣду о гимназическомъ сыскѣ съ самымъ невиннымъ видомъ.

„Какъ Савелій Абрамовичъ за Писаревымъ и Добролюбовымъ охотился! За-мѣ-чательно!

— И изловилъ, и изловилъ!—съ торжествомъ отвѣчалъ Савелій Абрамовичъ, котораго гимназисты называли не иначе, какъ Савоська.—Вижу,— мальчикъ все въ публичную библіотеку шатается и книжки домой таскаетъ. Забрался разъ въ библіотеку, подтибрилъ записной журналъ, да и посмотрѣлъ, что нашъ Глассонъ получаетъ. Вижу: Писаревъ, Добролюбовъ

съ братіей, Бѣлинскій... А-а, думаю, вонъ ты каковъ, голубчикъ! Неймется; три раза на замѣчаніи былъ за недозволенное чтеніе, и опять за свое! Ну, и рѣшилъ накрыть съ поличнымъ".

И накрылъ!.. Неожиданно нагрянулъ на квартиру къ подозрѣваемому и въ его комнатѣ сталъ шарить...

„Уронилъ нарочно карандашикъ и полѣзъ подъ кровать, будто поднимать карандашъ... А тамъ—представьте: цѣлая библіотека, да все на подборъ: и Писаревъ, и Щаповъ, и Шелгуновъ, и Бокль...

Да что: даже самъ Марксъ въ переводѣ! Ну, и выволокъ всю эту мудрость... да на извозчика...

Тутъ, конечно, слезы, моленія... Сестренка выскочила... прехорошенькая, скажу я вамъ, штучка... плачетъ, за руку хватаетъ: милый, говоритъ. Савелій Абрамовичъ, не доносите... „Русское Богатство" октябрь, 1904 г. „Прожитый день", соч. В. А. Тихова, стр. 123).

Сцены одна безотраднѣе другой проходятъ передъ нами.

Учителя или подслушиваютъ, подсматриваютъ, шарятъ подъ кроватью, доносятъ, словомъ, карьеру дѣлаютъ. Или сгибаются подъ игомъ директора, молчатъ, потому что прогонятъ, или, какъ директоръ заявляетъ въ назиданіе молодымъ: „Хороша или плоха гимназія, *дѣло не наше*, не нами устроено, не нами и разстроится. Наше дѣло сторона. Прикажутъ грамматику Ходобая долбить, будемъ Ходобая долбить, прикажутъ Дарвина въ классѣ читать, что-жъ! Будемъ читать Дарвина!... Поймите: мы инструменты, орудіе, не больше... Что-жъ тутъ умничать"...

И вотъ въ рукахъ этихъ орудій, этихъ instrumenta vocalia и instrumenta semivocalia пребываетъ чистая, незапятнанная душа юноши. Грознымъ предостереженіемъ гремятъ слова Евангелія: „не угашайте духа", но прикажутъ—и орудія будутъ угашать духъ и угасятъ у многихъ хорошихъ талантливыхъ юношей. А не удастся угаситъ—можно просто исключить такого „негоднаго и вреднаго ученика".

Таковы эти агенты, эти арестанты, эти тюремщики гимназіи.

Въ народной школѣ не лучше.

Школьные смотрители, инспектора и директора занимаются очень усердно „воспитаніемъ учителей", урядники и исправники съ ними дѣйствуютъ рука объ руку. Въ своихъ замѣткахъ г. Петрищевъ разсказываетъ о томъ, какъ смотритель былъ встревоженъ выканьемъ молодого учителя. „Ваша деликатность—говорилъ онъ—не соотвѣтствуетъ тому, какъ я обращаюсь съ учениками. И другіе преподаватели иначе обращаются... Вы вносите диссонансъ... И вообще, какъ бы подчеркиваете... Этого я не могу допустить". Молодой учитель еще неопытенъ и пробуетъ бороться, и въ этомъ вопросѣ „смѣть свои сужденія имѣть". Тогда смотритель грозитъ пустить въ ходъ свои средствія: содѣйствіе директора... Обѣщаніе ставить ученикамъ непокорнаго учителя на экзаменѣ единицы

и двойки... Наконецъ, начинается товарищеское убѣжденіе сослуживцевъ уже опытныхъ, уже ручныхъ... „Плюньте на это окаянное „вы“—говорятъ арестанты. Молодой учитель принужденъ согласиться, что это „совѣтъ резонный: воля начальства неотразима, и разъ человѣкъ не догадался или не имѣлъ возможности бросить учительскую службу, для него самое правильное дѣйствительно „плюнуть“ на „вы“ и на многое другое, начиная съ собственной внѣшности“...

Въ тѣхъ же замѣткахъ Петрищевъ повѣствуетъ о томъ, какъ воспитываютъ неопытныхъ педагоговъ урядники, волостные старшины, исправники... Учителя рѣшаютъ разъ въ недѣлю сходиться и вмѣсто того, чтобы пьянствовать и въ карты играть, чѣмъ обычно занимается вся обывательская Россія, они обмѣниваются мыслями о школьномъ дѣлѣ... Начинается подслушиванье, подглядыванье... Въ мирной бесѣдѣ еще живыхъ людей исправникъ усматриваетъ неблагонадежный образъ мыслей и пишетъ бумагу за номеромъ смотрителю... Бесѣды прекращаются. Водворяется „тишина и спокойствіе“, постепенно у педагоговъ замираетъ всякій образъ мыслей...

Иногда такое воспитаніе кончается трагически. Человѣкъ не переноситъ третьяго отдѣленія и умираетъ отъ тоски или сходитъ съума. Тотъ же авторъ-учитель разсказываетъ безъ всякихъ фразъ о томъ, какъ „въ 1898 г. учитель с. Никольскаго, Кузнецкаго уѣзда, Быстрицкій, отдавшій школѣ 20 лѣтъ своей жизни, „задѣлъ“ урядника. Урядникъ разсердился и сталъ „внушать“ учителю уваженіе къ начальству. Быстрицкій бросился жаловаться. Ему посовѣтовали „сидѣть спокойно“ и, въ видѣ утѣшенія, сказали буквально слѣдующее: *Урядника не смѣняютъ и на десять учителей.*

Впрочемъ, Быстрицкому недолго пришлось „сидѣть спокойно“: вскорѣ онъ сошелъ съ ума, и этотъ его поступокъ саратовская газета ставила въ причинную связь съ дѣйствіями раздраженнаго урядника...

„Вотъ почему, мнѣ кажется,—говоритъ г. Петрищевъ — не слѣдуетъ строго винить учителя, что онъ плохо интересуется общественными дѣлами и мало ихъ знаетъ. Отъ него требуется иная добродѣтель, имя которой—послушаніе. А до чего порою учителя послушны, напомню еще одинъ фактъ, удостовѣренный „Сибирскимъ Вѣстникомъ“. Въ 1900 г. волостной старшина явился въ школу с. Костинъ-Логъ и сталъ „производить ревизію“. Онъ велѣлъ ученикамъ рѣшать задачу изъ учебника Гольденберга. Ученики не рѣшили, и „ревизоръ“ приказалъ имъ стать на колѣни, а учителю рѣшить ту же задачу. Запутался ли учитель, или просто не потрафилъ на ревизоровъ вкусъ, только старшина приказалъ и ему стать на колѣни рядомъ съ учениками. И учитель покорно сталъ на колѣни“.

Мало того, что этотъ каторжникъ отрѣзанъ отъ общенія съ живыми

людьми, мало того, что урядники, старшина, смотритель слѣдятъ за каждымъ его шагомъ и грубо топчутъ своими грязными ногами бѣдное изстрадавшееся сердце, учитель не можетъ даже бѣжать въ библіотеку и отдохнуть душою на чтеніи хорошей книги. „Московскія вѣдомости“, „Свѣтъ“, „Дружескія рѣчи“, „Русскій вѣстникъ“—вотъ чтеніе, которое, навязываютъ ему воспитатели-тюремщики, вырабатывая желательный „образъ мыслей“.

Что же получается въ результатѣ? „Пульсъ“ умственной жизни, какою полна страна, перестаетъ биться для учителя,—пишетъ Петрищевъ.— Съ человѣкомъ сдѣлано то же, что съ пальцемъ, который туго-на-туго стянутъ бичевкой: къ нему прекращенъ доступъ живительныхъ и освѣжающихъ соковъ.

Въ октябрьской же книгѣ „Русскаго Богатства“ въ разсказѣ Абрама Дермана „Тикъ-Такъ“ повѣствуется о томъ, какъ монотонная, безсмысленная, безпросвѣтная жизнь тюрьмы выѣла душу молодой, отзывчивой, глубоко впечатлительной дѣвушки-сиротки... Изъ области литературы, изъ школьнаго міра мы переносимся въ семью. И тамъ жизнь обезцвѣчена, обезсмыслена и тамъ никому нѣтъ дѣла, что человѣкъ живетъ одинъ только разъ... Бѣдную сиротку закабалила патріархальная семья, обратила жизнь дѣвушки, жизнь полную порываній къ свободѣ и свѣту, въ мертвящее „тикъ-такъ“. Книгу вырывали изъ рукъ дѣвушки, въ отвѣтъ на запросы души сыпались со всѣхъ сторонъ попреки благодѣтелей и воспитателей, которымъ нужно было безсловесное орудіе, а не мыслящій и чувствующій человѣкъ. Дѣвушка наркотизировала себя работой, чтобы не слышать попрековъ благодѣтелей и вотъ въ концѣ концовъ *стала привыкать*...

„Сама начала понемногу вѣрить тому, что дѣйствительно, очень многимъ обязана пріютившимъ ее людямъ. Мало-по-малу глаза ея разучились видѣть разницу между своимъ положеніемъ и положеніемъ окружающихъ людей; если же разница была слишкомъ очевидна—она начинала приписывать причину этого не другимъ, а себѣ самой. Она научилась вѣрить, что другимъ весело, а ей скучно оттого, что другіе умны, красивы, а она глупа и уродлива, и поэтому съ ней никто не хочетъ знакомиться и говорить. *Протестъ въ ея душѣ умолкъ* и вязкая тина жизни засасывала ее все глубже и глубже...

Казалось бы, что теперь жить можно... Все живое вытравлено, человѣкъ превращенъ въ механизмъ, въ часы, отбивающіе „тикъ-такъ“. Казалось бы, что это „тикъ-такъ“ побѣдило всякій протестъ, всякія порыванія. Но механизмъ оказался непрочнымъ, и часы остановились. Дѣвушка никѣмъ непригрѣтая, никѣмъ неузнанная, всѣмъ чужая, впала въ тихое помѣшательство... И слава Богу... „Горе проснувшимся въ ночь безысходную... Имъ не сомкнуть своихъ глазъ“.

Этотъ очеркъ „тикъ-такъ“ смѣло можно обобщить... Міръ этого „тикъ-такъ“ у всѣхъ на глазахъ: и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ общественной дѣятельности... Сколько живыхъ порывовъ убило это „тикъ-такъ“. Сперва мыслящій и чувствующій человѣкъ пытается сохранить „душу живу“... Борется... Тоскуетъ... Проклинаетъ... А „тикъ-такъ“ шагъ за шагомъ выбиваетъ его изъ позиціи и смотришь, безпокойный духъ смирился, голосъ совѣсти замолкъ и человѣкъ „сталъ привыкать“, сталъ такимъ, какъ всѣ... И хочется крикнуть живому человѣку: „не угашайте духа! Не привыкайте!.. Боритесь съ „тикъ-такъ“. Великая задача каждаго уважающаго себя человѣка: „non se rebus, res sibi submittere“—не себя подчинять обстоятельствамъ, а обстоятельства подчинять себѣ“...

„Тикъ-такъ“ это не случайно случившійся случай съ одной бѣдной сироткой. *Тикъ-такъ* это система, которая десятилѣтіями давила цѣлый рядъ поколѣній у насъ въ нашемъ отечествѣ. Тикъ-такъ это власть мертвыхъ надъ живыми, власть обывательщины надъ гражданственностію. И большой недостатокъ разбираемаго произведенія въ томъ, что у автора очерка слишкомъ частный характеръ носитъ это „тикъ-такъ“.

Въ журналѣ „Правда“ въ очеркѣ Петра Маныча какъ бы подводится итогъ этой безсмысленной жизни арестантовъ. Очеркъ такъ и озаглавленъ „Арестанты“. Искусственность построенія фабулы, тенденція автора сильно бросается въ глаза. Авторъ хотѣлъ провести тумысль, что мы рабы формы, что за формой мы не замѣчаемъ самой жизни и ея правды, что истинными арестантами являются не тѣ, кто носитъ сѣрую куртку и сѣрую шапку и въ то же время остается живымъ, отзывчивымъ человѣкомъ, безстрашно смотрящимъ въ глаза жизни, а тотъ, кто трепещетъ передъ формой, кто боится свободнаго проявленія своего духа, кто обратился въ безгласное орудіе, хотя и не носитъ арестантской формы а щеголяетъ въ чиновничьемъ вицъ-мундирѣ.

И вотъ подъ эту тенденцію подгоняется фабула разсказа. Къ Михаилу Ивановичу, „среднему нормальному человѣку“ приходятъ во дворъ арестанты, тѣ самые, которыхъ онъ недавно осудилъ по формѣ, когда былъ присяжнымъ засѣдателемъ. Жена и сестра жены Михаила Ивановича зазываютъ ихъ погрѣться и позавтракать къ себѣ въ комнаты со двора. „Средній нормальный человѣкъ“ возмущенъ. Форма нарушена. Одинъ изъ арестантовъ, бывшій гвардейскій офицеръ замѣчаетъ недовольство Михаила Ивановича и его неискренній, тенденціозно пренебрежительный тонъ, сбиваетъ его съ позиціи своею искренностью, неожиданно произноситъ цѣлую рѣчь о своемъ прошломъ, о формѣ и объ арестантахъ, самъ потрясенъ своей рѣчью, и потрясаетъ хозяевъ... Форма отбрасывается на моментъ, за арестантомъ встаетъ человѣкъ, и на моментъ человѣкъ говоритъ объ иной, свободной отъ формы, о взаправдашней жизни... но только на моментъ.

Неожиданно въ столовую входитъ сослуживецъ Михаила Ивановича,

застаетъ сцену въ самомъ разгарѣ... Его поражаетъ что-то необычное, ненормальное, нарушающее форму...

Хозяева смущены, точно совершили неслыханное преступленіе.

Арестанты въ сѣрыхъ курткахъ незамѣтно улетучиваются, не прощаясь, а арестанты въ вицъ-мундирахъ остаются...

Средній нормальный человѣкъ оправдывается передъ товарищемъ, вопрошающимъ „что это значитъ?"—Это знаешь-ли—отвѣчаетъ Михаилъ Ивановичъ—затѣи жены... Вышла какая-то достоевщина... И меня взвинтили"...

Нужно правду сказать, автору не удалось художественно воспроизвести образы тѣхъ и другихъ арестантовъ. Паѳосъ гвардейскаго офицера и пробужденіе человѣка въ Михаилѣ Ивановичѣ не заражаютъ читателя, вотъ почему слова средняго нормальнаго человѣка „вышла какая-то достоевщина" не возмущаютъ читателя своей ложью, своей трусостью. Читатель остается холоднымъ зрителемъ...

Но въ словахъ арестанта, бывшаго гвардейскаго офицера, который пьянствовалъ, игралъ въ карты, лгалъ безъ конца, вѣчно поступалъ противъ совѣсти, стыдясь поступать по совѣсти, вѣчно унижался, чтобы не унизиться въ глазахъ ничтожествъ, въ словахъ его много правды. И всѣ арестанты которые цѣлой толпой прошли передъ нами гремя цѣпями и сгибаясь подъ тяжестью ненавистнаго ярма, всѣ они могутъ сказать о себѣ словами гвардейскаго офицера:

— Да, заѣла насъ форма; и религія, и чувство къ близкимъ, отношеніе къ нимъ въ важныя минуты жизни — все, все у насъ форма. Ну развѣ, господа, это не форма... Ахъ, да что говорить... тоска, мерзость, какая то безпросвѣтная мгла... и для чего мы живемъ и для чего все это, и для чего я говорю?

— Я не знаю, для чего я живу, для чего я жилъ, для чего люди живутъ. Жизнь въ этой формѣ, въ какой она у насъ есть, хуже тюрьмы, хуже каторги.

Мы не будемъ останавливаться на тепло написанномъ разсказѣ Чирикова „Тайна" („Міръ Божій", ноябрь), въ которомъ художникъ повѣствуетъ о томъ, какъ война отняла у семьи любимаго ея члена, веселаго, жизнерадостнаго Лельку, какъ Лельку убила шальная пуля, а вмѣстѣ съ нимъ убила покой и счастье семьи, семьи, которая уже не дождется своего любимца и долго будетъ хранить страшную *тайну* о смерти Лельки отъ старухи матери. Мы не будемъ останавливаться на очеркѣ г. Юшкевича „Изъ студенческихъ скитаній", передъ глазами котораго случай поставилъ рядомъ два безсмертныхъ образа, образъ Нана „стоящей обѣими ногами на широкой и грязной дорогѣ и образъ Дездемоны, хрупкой, прекрасной Дездемоны, которая идетъ узкой тропинкой уставленной съ обѣихъ сторонъ вѣхами, надъ возведеніемъ которыхъ трудится человѣчество". „Что дѣлать,

какой путь избрать?!" спрашиваетъ художникъ, на глазахъ котораго падаетъ Дездемона и смѣло шагаетъ торжествующая Нана...

Довольно этой безпросвѣтной мглы! Довольно этой каторги! Но гдѣ же прибѣжище для насъ? Новый разсказъ Леонида Андреева не даетъ на это отвѣта, ибо говоритъ о „призракахъ" и о тѣхъ кто живетъ „призраками". Новый разсказъ Леонида Андреева уводитъ бѣднаго утомленнаго человѣка изъ тюрьмы въ „частную" психіатрическую лечебницу, отгороженную отъ жизни высокою глухою стѣною, или въ загородный увеселительный домъ „Вавилонъ" гдѣ „весело и нелѣпо" прожигаются остатки жизни.

Герой этого разсказа, докторъ Шевыревъ, проводитъ свои дни въ лѣчебницѣ, среди сумасшедшихъ, одержимыхъ призраками, а ночи въ Вавилонѣ, среди шумной разгульной толпы, бѣгущей отъ жизни подъ власть тѣхъ-же „призраковъ". И въ лѣчебницѣ и въ заведеніи докторъ улаживалъ дѣла, былъ своимъ и желаннымъ человѣкомъ, и тамъ, и тамъ наблюдалъ за міромъ призраковъ; за отсутствіемъ собственныхъ призраковъ охотно знакомился съ призраками другихъ—такъ и проходило его время. Правда, за глухою стѣной психіатрической лѣчебницы поднималась узкая желѣзная труба какой-то фабрики, „проѣзжали мужики на подскакивающихъ, пылящихъ телѣгахъ", а когда на разсвѣтѣ докторъ возвращался изъ заведенія въ лѣчебницу (у него не было „домой"), ему навстрѣчу „попадались люди съ котомками, тѣ загадочные люди, которые всю жизнь куда-то идутъ на зоряхъ, ранними утрами", но для доктора Шевырева не было иной жизни, кромѣ жизни днемъ въ лѣчебницѣ, а ночью въ заведеніи, въ мірѣ призраковъ.

Русская литература никогда не была и не будетъ докторомъ Шевыревымъ, ее всегда интересовали какъ разъ тѣ загадочные люди, которые куда-то идутъ, все идутъ и съ „воплощенной укоризной" и наболѣвшей мукой обращаютъ свой голосъ къ больной совѣсти интеллигенціи со словами: „Мы идемъ, мы идемъ! мы беремъ отъ жизни то, что въ ней есть самаго тяжелаго и горькаго... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радости, мы носимъ на себѣ всю тяжесть этой жизни и своей и вашей". („По дѣламъ службы" Чехова).

И всѣ, кто интересуется судьбою загадочныхъ людей съ котомками, которые куда-то все идутъ и идутъ, всѣ кто рвется изъ тюрьмы на просторъ, съ радостью привѣтствуютъ современный моментъ... и спѣшатъ навстрѣчу жизни, которая „все идетъ, все идетъ" и такъ неожиданно быстро навстрѣчу разрѣшенію мучительной исторической загадки, что литература не успѣваетъ за нею угнаться...

„Воды ужъ шумятъ"...

Жизнь вступаетъ въ свои права. Съ великою увѣренностью глядитъ она радостно въ глаза грядущему, тому грядущему, которое еще такъ недавно было „иль пусто иль темно".

Громко сказано и тысячекратнымъ эхо повторено то „всемогущее слово *впередъ*", о которомъ такъ мечтали Н. В. Гоголь и Салтыковъ, Г. Успенскій и Гаршинъ, Н. Михайловскій и А. Чеховъ, мечтали всѣ тѣ, кто страдалъ муками своей родины, всѣ тѣ, кто точилъ и разрушалъ безчисленными каплями святой своей крови тяжелый камень насилія, могильной плитой, придавившій бѣдную русскую жизнь.

Но... „еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ"...

Еще не успѣли замереть въ литературѣ отзвуки минувшаго, еще не успѣла умолкнуть „поэзія цѣпей", еще давитъ атмосфера созданная дыханьемъ „средняго нормальнаго человѣка", и только слабый намекъ на новое время и новыя пѣсни мы встрѣчаемъ въ упомянутой выше повѣсти Тихова „Прожитый день". Въ этой повѣсти учитель математикъ, не боящійся „третьяго отдѣленія" и не брѣющій усовъ потому что имѣетъ ихъ директоръ, и не „опасающійся" вѣчно „какъ-бы чего не вышло" говоритъ своему товарищу: „скверное время, а всетаки чуется, къ концу подходитъ, нарождается какъ будто что-то новое, хорошее, не выдуманное, родное... И лѣзетъ, и напираетъ со всѣхъ сторонъ... И вѣрится, на старости лѣтъ, что эта новая родная сила изломаетъ перегородки, которыя наставили мы въ образованіи нашего юношества... Вотъ будутъ тогда удивляться наши дѣти, а можетъ, и мы сами, какъ это мы могли жить и тянуть такую лямку!.. (Русское Богатство. Октябрь. 1904 г. „Прожитый день" соч. В. А. Тихова, стр. 137).

Пусть-же современная намъ литература рисуетъ эту родную силу, это впередъ, это могучее общественное творчество и критикъ съ радостью крикнетъ всѣмъ враждебнымъ темнымъ силамъ: „Прочь съ дороги! Любимъ Торцовъ идетъ".

В. Львовъ.

Критика и библіографія.

А. Амфитеатровъ. Сибирскіе этюды. С.-Петербургъ. 1904 года. Цѣна 1 рубль.

„Сибирскіе этюды“ г-на Амфитеатрова представляютъ собою рядъ прекрасно написанныхъ, хотя совершенно отрывочныхъ картинъ изъ современной жизни степного края В. Сибири. Цѣльнаго впечатлѣнія эти картины не оставляютъ и, конечно, не исчерпываютъ всего содержанія сибирскаго „бытія“. Написанныя въ сильно щедринскомъ стилѣ, — подражательная манера г. Амфитеатрова бросается въ глаза съ первыхъ-же строкъ, — онѣ даютъ тѣмъ не менѣе весьма яркое представленіе о россійской культурѣ далекихъ окраинъ. Г-нъ Амфитеатровъ смотритъ на Сибирь весьма пессимистично, но мы не думаемъ, чтобы общій строй жизни Россіи преломлялся именно въ Сибири такимъ уродливымъ образомъ... Сибирь, въ этомъ отношеніи, лишь географической пунктъ, — и наше „европейское“ Пошехонье не даетъ ей отнять лавровъ своей одичалостью и абсолютною властью произвола. Съ другой стороны, въ той же Сибири создались уже крупные культурные центры и значительно развилась общественная жизнь. Автору „Сибирскихъ этюдовъ“ должно быть хорошо извѣстно, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ выросли положительныя силы Сибири; авторъ, вѣроятно, знаетъ, когда и гдѣ эти силы себя проявляли и проявляютъ. Г-нъ Амфитеатровъ рисуетъ „собирательный“ городъ Храповицкъ — не сомнѣваемся — правдивыми красками, но Храповицкъ, вѣроятно, такъ-же не характеризуетъ Сибири, какъ Чухлома — европейской Россіи.

Но это — принципіальная точка зрѣнія, важная лишь въ конечномъ подведеніи нравственнаго и общественнаго баланса Сибири; г-нъ же Амфитеатровъ даетъ лишь для этой цѣли сырой матеріалъ.

Матеріалъ этотъ весьма интересенъ. Точно желая сразу же поставить точки надъ і, авторъ въ 1-омъ же этюдѣ знакомитъ насъ съ представителями „интеллигенціи“: судьей и податнымъ инспекторомъ и въ лицѣ

этихъ двухъ типичныхъ представителей среды подписываетъ окончательный приговоръ о полномъ банкротствѣ культурныхъ классовъ. Пьянство, развратъ, карточная игра, соединенная съ шулерствомъ, чисто зоологическая жизнь, полная смерть всѣхъ духовныхъ сторонъ, — вотъ черты сибирской служилой интеллигенціи. Эти черты особенно рѣзко проявились даже въ новомъ, реформированномъ судѣ. Глава, трактующая объ этомъ предметѣ и озаглавленная презрительно „Тетка Ѳемиды" производитъ прямо гнетущее впечатлѣніе. Г-нъ Амфитеатровъ рисуетъ пореформенный сибирскій судъ такими чертами: „судебный формализмъ вмѣсто живого вниманія, сухая гимнастика юридическими символами и статьями закона въ буквальномъ ихъ пониманіи, вмѣсто участливаго „совѣстнаго" отношенія къ людямъ и къ ихъ интересамъ—всегда антипатичны... Но въ сибирской глуши грѣхъ чисто внѣшняго отношенія къ подсудимому, въ связи съ самымъ неряшливымъ и небрежнымъ спѣхомъ, съ самою легкомысленною поверхностностью, съ несноснѣйшимъ „отзвонилъ, да и съ колокольни долой"—выступаютъ съ особенно рѣзкою яркостью. Отсюда проистекаетъ неимовѣрная быстрота въ разсмотрѣніе дѣлъ; эта быстрота „усугубляется суровостью приговоровъ, которая въ Сибири возведена въ систему, что зависитъ, конечно, не отъ злого сердца или жестокой воли судей, а отъ общей строгости уголовнаго законодательства къ главному подсудимому элементу края, къ рецидивистамъ, ссыльно-поселенцамъ". Авторъ рисуетъ сцены разбора дѣлъ,—и читателя невольно охватываетъ жуткое чувство отъ этой безмысленной пародіи на правосудіе: судьи торопятся—головы ихъ трещатъ отъ похмѣлья,—прокуроръ бормочетъ трафаретныя фразы о поддержаніи обвиненія въ предѣлахъ обвинительнаго акта, защита отсутствуетъ,—а черезъ нѣсколько минутъ, буквально чрезъ нѣсколько минутъ, коронный судъ изъ „навозныхъ" чиновниковъ выноситъ безпощадный приговоръ съ примѣненіемъ высшей мѣры наказанія. Авторъ горячо доказываетъ, что „судъ присяжныхъ — настойчивая, неотступная потребность Сибири". Но врядъ-ли одинъ судъ присяжныхъ безъ возстановленія судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной чистотѣ, поможетъ дѣлу. А мы знаемъ, что такое возстановленіе было-бы возможно лишь при общей правовой реорганизаціи, при радикальномъ государственномъ переустройствѣ всей Россіи.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ „этюдахъ" автора. Отмѣтимъ лишь, что въ его публицистическомъ сборникѣ выдѣляется среди прочихъ разсказовъ глубоко драматическій, блестящій и въ чисто художественномъ отношеніи очеркъ „Яшка".

Въ общемъ „Сибирскіе этюды" читаются съ большимъ интересомъ и представляютъ собою цѣнность не только для сибиряковъ.

Ник. Ашешовъ.

Алексѣй Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Изданіе второе дополненное. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1904 г. Ц. 95 к.

Г-нъ Алексѣй Ачкасовъ весьма любитъ волю и свободу и горитъ желаніемъ перелить эту любовь и въ сердца читателей. Въ борьбу за свободу, которая такъ страстно ведется теперь по всему фронту, г. Ачкасовъ вовлекаетъ резервы поэзіи. При умѣломъ отношеніи, при пониманіи своей задачи и при широкомъ политическомъ развитіи работу составителя поэтическаго сборника можно было бы только привѣтствовать. Но, къ сожалѣнію, г. Ачкасовъ отнесся къ своей задачѣ наивно и узко, и его книжка, поэтому, не имѣетъ и сотой доли цѣны, какую она имѣла бы при серьезномъ отношеніи къ дѣлу.

Г. Ачкасовъ внесъ въ свой сборникъ все то, что прямо или косвенно говоритъ о свободѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, касается ли свобода политическихъ правъ человѣка или вообще его психическаго тяготѣнія Даже свобода животныхъ умиляетъ сердце составителя сборника. Поэтому рядомъ съ гражданскими мотивами въ сборникѣ читатель найдетъ и мотивы любви:

То ли дѣло вдвоемъ
Зимнюю ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать.

Рядомъ съ ними еще болѣе престарѣлые стишки Ѳ. Туманскаго:

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницѣ моей.

Къ сожалѣнію, авторъ не ограничивается только подборомъ стихотвореній (нужно замѣтить, что въ „Пѣсни русскихъ писателей“ вошли и произведенія иностранныхъ поэтовъ) но разжижаетъ поэзію массою цитатъ изъ „Семейной хроники“ С. Аксакова, изъ Тургенева, Г. Успенскаго и др.

Къ тому же составитель, горя непреоборимымъ желаніемъ сказать и отъ себя слово, сопровождаетъ почти каждое стихотвореніе или цитату собственными пошехонско-философскими разсужденіями, напримѣръ: „нѣтъ ни одного человѣка въ мірѣ, который бы не хотѣлъ, по крайней мѣрѣ (!) въ извѣстные (!) періоды своей жизни, себѣ воли“ (стр. 44); „не дѣлай и другимъ того, что не желаешь себѣ самому“ (стр. 47) и т. д.

Все это производитъ впечатлѣніе дѣтскихъ потугъ къ философіи...

Книга заканчивается стихотвореніемъ К. С. Аксакова „Свободное слово“. Нельзя отказаться отъ удовольствія процитировать еще разъ эту пламенную защиту слова.

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,

Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье—для лжи и порока;
Враждуетъ ли съ ложью,—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ опасно одно—
Свободное слово!

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово!

О, слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной—
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Сколько давностей прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти юныя, свѣжія строки. Прошли десятки лѣтъ, мечты славянофиловъ не сбылись, ихъ иллюзіи разсѣялись. Жизнь стерла, какъ надпись на древней монетѣ, ихъ пути добыть свободу... Это стихотвореніе намъ дорого какъ цѣнная монета—нѣмой свидѣтель былого. И досадно, когда оно попадаетъ въ сборникъ, гдѣ чирикаютъ птички божьи о волѣ, а пошехонцы толкуютъ о философіи.

Ник. Ашешовъ.

Мирэ Жизнь. Изданіе Л. А. Мукосѣева. Н. Новгородъ. 1904. Цѣна рубль.

Книга г-жи Мирэ называется „Жизнь“. Названіе это, повидимому, символическое, такъ какъ жизнь представляется автору въ весьма странной перспективѣ, весьма однообразной, унылой и, большею частью,—абстрактной.

Жизнь у г-жи Мирэ говоритъ: „ты знаешь, вѣдь, ничего нѣтъ лучше смѣха, звенящаго перлами радости,—нѣтъ ничего лучше смѣха... у меня много прекрасныхъ грезъ... И знаешь? Вѣдь нельзя жить однимъ и тѣмъ же,— все дѣлается старымъ, все разрушается... Отыскивай новые пути, пролагай новыя дороги къ новымъ звѣздамъ... Вернись, я обовью тебя всего, съ головы до ногъ, смѣющимися снами. И я зажгу на небѣ много звѣздъ, которыя ты можешь сорвать хоть всѣ, если тебѣ захочется“.

Но жизнь говоритъ такъ только въ предисловіи. Смѣхъ не звучитъ въ стихотвореніяхъ въ прозѣ г-жи Мирэ: всѣ ея 56 поэтическихъ morceaux проникнуты яркимъ пессимизмомъ и лирическою грустью. Мало въ этихъ произведеніяхъ и новыхъ путей, и дорогъ,—и надъ ними не сверкаютъ звѣзды, которыя легко можно было бы „сорвать“.

Очень трудно давать отзывъ о книгѣ, подобной „Жизни“. Въ ней нѣтъ центральнаго пункта, нѣтъ нервной оси, вокругъ которой вращался бы художественный аппаратъ писателя. Рядъ мелкихъ красивыхъ картинокъ, бѣглыхъ набросковъ, сценокъ, положеній, случаевъ,—все это пестро, какъ въ панорамѣ, все это быстро мелькаетъ передъ вами,—и не оставляетъ почти никакого слѣда въ памяти. А, между тѣмъ, во всѣхъ этихъ прозаическихъ стихотвореніяхъ много блестокъ красоты, чувства, лирическаго настроенія. Стиль изящный и образный, мысли горячія и порой смѣлыя. Жаль пройти мимо таланта, который не нашелъ себя и своей дороги и который тратится на бездѣлушки, въ конечномъ результатѣ не имѣющія никакой литературной цѣны. Въ частности русской жизни авторъ повидимому не знаетъ. Единственный набросокъ на русскую тему „За рѣшеткой“ написанъ въ тѣхъ же краскахъ, какъ и безчисленные этюды изъ парижской жизни, но при томъ съ большими погрѣшностями противъ правды.

Боимся, что г-жѣ Мирэ за предѣлы газетныхъ „маленькихъ фельетоновъ“ такъ и не удастся выйти...

Ник. Ашешовъ.

Е. Бахаревъ. *Стихотворенія.* Томскъ 1904 г. Стр. 51. Ц. 40 к.
А. Л. Ш. *Стихотворенія.* М. 1904 г. Стр. 109. Ц. 60 к

Грустное впечатлѣніе производятъ оба эти сборника: авторы ихъ лишены не только того таинственнаго заражающаго „нѣчто“, что зовется талантомъ, но и внѣшняго, столь обычнаго теперь умѣнья выражать свои мысли въ стихахъ. Это хорошіе, искренніе люди, съ искренними, благород-

ными переживаніями; потребность выражать эти переживанія вполнѣ естественна и законна, но почему непремѣнно въ стихахъ, на чуждомъ и несродномъ авторамъ языкѣ? Любовь съ ея муками и радостями, стремленіе къ идеалу—правда, довольно смутному, вѣра въ побѣду правды или, вѣрнѣе—поиски этой вѣры, сочувствіе всѣмъ страдающимъ—таково содержаніе стиховъ обоихъ авторовъ; небрежность, расплывчатость и шаблонность—таковы особенности формы большинства стихотвореній. У г. Бахарева къ этому присоединяется и значительная подражительность, размѣры которой приводятъ мѣстами въ полное недоумѣніе:

Если въ темномъ лѣсу звѣри подняли вой
И земля вся туманомъ одѣта,—
Не смущайся, мой другъ молодой:
Это близится время разсвѣта.
Если долго смѣялся твой врагъ надъ тобой
И чѣмъ дальше, тѣмъ злѣе глумленье,--
Не смущайся, мой другъ молодой:
Не (!) близко его пораженіе (Стр. 6).

Это—непозволительно близкая и, вдобавокъ, очень плохая передача извѣстнаго стихотворенія г. Минскаго „Передъ зарей“.

Или: (стр, 21):

Я сегодня опять, какъ ребенокъ, рыдалъ
Отъ людей не скрывая печали:
Что повергнутый, смятый лежитъ идеалъ,
Что повсюду царитъ полновластно Ваалъ...

Это—явственно Надсонъ, разжиженный и обезличенный.

Послѣдній примѣръ: „Но кто рожденный былъ для свободы, тотъ рано-ль поздно ль, свободнымъ будетъ и не удержатъ его ни цѣпи и ни преграды,—онъ разобьетъ ихъ, онъ разрушитъ“. Эта рубленая проза („Рѣка“, стр. 29—31) и по содержанію, и по тону и по ритму слишкомъ близко подходитъ къ горьковской „Пѣснѣ о Соколѣ“. У г. А. Л. Ш. другая особенность: грубыя, развязно-куплетныя выраженія на каждомъ шагу. (Стр. 49): мнѣ-бъ, конечно, пришлось и обратно —откровенничать съ нимъ. Чорта съ два! (Стр. 50): „Тутъ пеленки... мальчишекъ орава... Не могу я! Покорный слуга!“ (Стр. 59): „я... думалъ: чортъ возьми! въ любви недалеко такъ уѣду“. (Стр. 84): „Не время мнѣ теперь соваться во храмъ страданья твоего“. Справедливость побуждаетъ насъ, все-же, отмѣтить въ сборникѣ г. А. Л. Ш. *двѣ* найденныя нами дѣйствительно-поэтичныя *строчки*; правда, и онѣ не безупречны въ смыслѣ формы:

Отлетаютъ грезы, выростаютъ думы,
И отъ нихъ ложатся тѣни по лицу (стр. 28).

Мы отъ всей души сочувствуемъ обоимъ авторамъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, за исключеніемъ одного — писанія и печатанья стиховъ...

Л. В.

О. Н. Чюмина. Драматическія сочиненія и переводы. Т. I Изд. С. Разсохина. Стр. 302. Ц. 1 р. 50 к.

Пьесы г-жи Чюминой имѣютъ одинъ серьезный недостатокъ: будучи разсчитаны не только на чтеніе, но и на сценическую постановку, онѣ написаны въ стихахъ, и это обстоятельство дѣлаетъ ихъ въ большой степени условными и искусственными. Странное впечатлѣніе, вообще, производятъ дѣйствующія лица, объясняющіяся въ стихахъ, но на отдаленномъ отъ современности романтическомъ фонѣ, съ его изысканной условностью стихотворная форма еще не такъ неумѣстна, какъ въ пьесахъ современныхъ. Въ пьесѣ „Мечта“ дѣйствіе происходитъ въ современныхъ русскихъ условіяхъ, и здѣсь стихотворные діалоги Льва Анчарова и Иды Багрянцевой въ значительной степени вредятъ художественности пьесы.

Дѣйствіе остальныхъ пьесъ сборника—большей частью переводныхъ или передѣланныхъ—происходитъ въ южной Франціи, въ Италіи, въ Греціи; главныя темы — неравенство сословій, нераздѣленная любовь, могущество предразсудка, взаимное непониманіе близкихъ людей. Съ указанной выше оговоркой—о стихотворной формѣ—пьесы не лишены художественности и изящества; переводы сдѣланы легкимъ, хорошимъ стихомъ. Очень рѣдко попадаются неудачныя строки вродѣ слѣдующихъ:

„За это, Боже мой, за это вѣдь цѣной
Всей жизни заплатить готова я была-бы!“

Л. В.

Робертъ Борнсъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. **И. А. Бѣлоусова**. „Дешевая библіотека“ А. С. Суворина. Стр. 113. Ц. 20 к.

Книжка даетъ довольно полное представленіе объ англійскомъ „поэтѣ жизни“ Робертѣ Бернсѣ, названномъ здѣсь почему-то „Борнсомъ“.

Помѣщенныя въ сборникѣ 49 стихотвореній и пѣсенъ обрисовываютъ и гордую, свободолюбивую душу поэта, и любовь его къ бодрому, трезвому труду, и ненависть къ насилію, и бодрый, мягкій юморъ; есть здѣсь и знаменитыя, проникнутыя беззавѣтной любовью къ родинѣ „Шотландскія пѣсни“. Переводы пьесъ принадлежатъ—изъ старыхъ—Костомарову, Курочкину, Минаеву, Мину,—изъ новыхъ—гг. А. Өедорову, О. Чюминой, Н. Новичу и др.

Переводы мѣстами очень хороши; въ общемъ вполнѣ удовлетворительны; попадаются, впрочемъ, мѣста, переданныя вяло, растянуто и несоотвѣтственно духу подлинника. Въ книжкѣ приложена коротенькая біографическая замѣтка И. А. Бѣлоусова.

Л. В.

„Зеленый сборникъ“. Стихи и проза. Книгоиздательство „Щелканово“ Спб. 1905 г.

Первое впечатлѣніе, производимое этой изящно изданной книгой предрасполагаетъ ожидать чего-нибудь полу-комическаго. И ничего не говорящее названіе сборника „зеленымъ“ и никому не извѣстныя имена авторовъ, и книгоиздательство съ именемъ „Щелканово“ болѣе подходящимъ для какой-нибудь молочной фермы и самая слишкомъ заботливая внѣшность сборника, все это заставляетъ предполагать кучу ничѣмъ не оправдываемыхъ претензій какихъ-нибудь прогремѣвшихъ на весъ муравейникъ знаменитостей, которымъ не даютъ спать лавры г. Брюсова и г-жи Гиппіусъ. Это впечатлѣніе усиливается когда вы начинаете читать;—на первомъ планѣ здѣсь исканіе новыхъ формъ, то исканіе, за которымъ такъ часто скрывается бѣдность не только „новаго“ но и какого бы то ни было содержанія. Вчитавшись однако вы находите въ произведеніяхъ авторовъ „Зеленаго сборника“, дѣйствительно, нѣчто новое и подчасъ оригинально талантливое. Авторы повидимому молодые люди и начинающіе писатели. Ихъ имена: Юрій Верховскій, Вл. Волькенштейнъ, К. Жаковъ Мих. Кузминъ, Павелъ Конради и Вл. Менжинскій. Имена эти, если быть можетъ и встрѣчались въ печати, то ничего не говорятъ читателю, а между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ, повидимому, начинающихъ писателей положительно много обѣщаютъ. На первое мѣсто среди нихъ мы поставили бы гг. Вл. Менжинскаго и Юр. Верховскаго; чувствуется нѣкоторая сила и въ г. Кузминѣ, хотя отъ его произведеній слишкомъ вѣетъ вліяніемъ образцовъ поэзіи запада и русской. Въ его драматической поэмѣ „Исторія рыцаря д'Алесіо“ чувствуются отзвуки то Шекспировской „Бури“, то Гетевскаго „Фауста“, то (и чуть ли не сильнѣе всего) „Донъ Жуана“ Ал. Толстого. Думаемъ, что внимательный анализъ могъ бы еще сильнѣе разложить поэму на чужіе мотивы и образы, изъ которыхъ она соткана. Въ чемъ нельзя отказать г. Кузмину—это въ настроеніи, довольно характерномъ для всего сборника, звучащемъ, однако у г. Кузмина нѣсколько болѣе энергично, но менѣе законченно, чѣмъ у другихъ авторовъ. Въ общемъ однако мы колебались бы высказаться о талантѣ г. Кузмина: онъ либо находится еще въ періодѣ формированія, либо лишенъ жизненности творчества и долженъ черпать изъ литературныхъ же источниковъ.

Опредѣленнѣе намъ кажется г. Верховскій—авторъ цѣлаго сборника стихотвореній. Г. Верховскій оригиналенъ и въ области формы и въ области содержанія. Въ области формы г. Верховскому удается замѣнять риѳмы созвучіями,—пріемъ, который у него носитъ характеръ скорѣе „пробы пера“, но который безспорно, какъ доказываютъ образцы, созданные нашимъ авторомъ, можетъ оказаться очень пригоднымъ для передачи оттѣн-

ковъ настроенія. Мы не можемъ не привести отрывка изъ одного стихотворенія г. Верховскаго, которое иллюстрируетъ этотъ пріемъ.

„За деревьями—плачущій мѣсяцъ,
За туманами—нѣжная даль,
А въ душѣ—властно нѣжащихъ пѣсенъ
Безмятежно—жемчужная гладь...
Міръ проснется съ рыданьемъ
Подъ лучами суровыми,
Золотыми цѣпями
Разсвѣта окованный“.

И самый размѣръ этого стихотворенія съ послѣдней стопой, въ которой не хватаетъ послѣдняго слога, на которомъ должно бы стоять удареніе, и неопредѣленность созвучья несомнѣнно гармоничнаго, но не заключающаго въ себѣ риемы, все это является весьма подходящими штрихами для изображенія неясныхъ контуровъ ночи, о которой говоритъ поэтъ. Форма стиха у г. Верховскаго, вообще, чрезвычайно разнообразна, смѣла и гибка.

Содержаніе поэзіи г. Верховскаго не менѣе заслуживаетъ вниманія. Въ немъ чувствуется тонко развитая душа человѣка, вдумчиво вглядывающагося въ міръ, окутанный для него флеромъ мистицизма, мучительно ищущаго въ этомъ мірѣ тайну-истину, въ которую онъ какъ будто-бы и вѣритъ и отчаивается въ то же время. Настроеніе это очень характерно для довольно широкой струи въ нашей современной интеллигенціи, той струи, которая окрашивается разными оттѣнками идеализма и индивидуализма. Это та струя нашей интеллигенціи, которая будучи тонко развитой интеллектуально, но мало активной, нѣсколько слабовольной цѣпко держится за разные „Вишневые сады“ буржуазной, аристократической культуры прошлаго, за ту красоту, эстетичность, утонченность мысли, которая создана привилегированными классами человѣчества; но въ то же время эта интеллигенція чувствуетъ, хотя можетъ быть и смутно, какъ почва дрожитъ подъ ногами, какъ все готово рушиться, и обаятельные сны „красоты“ готовы разлетѣться.

Если это настроеніе сквозитъ въ поэзіи г. Верховскаго, то оно очень ясно формулируется въ романѣ г. Меяжинскаго „Романъ Демидова“. Герой этого романа, типичный представитель этой интеллигенціи, и авторъ поставилъ его въ обстановку школъ для рабочихъ въ предмѣстьи большого города, въ обстановку, съ которой логически у него нѣтъ ничего общаго, но въ которую его тянетъ присущее ему, благодаря крайней чуткости, тяготѣніе къ нарождающей новой силѣ, окружилъ его представителями старой культурнической, наивно уравновѣшенной и новой, мятущейся интеллигенціи, освѣтилъ одинъ изъ очень любопытныхъ уголковъ дѣйствительности, одно изъ мгновеній соціальной драмы, мало замѣтныхъ, не тѣмъ

болѣе характерныхъ и любопытныхъ. Даже самая односторонность въ изображеніи „Спасскаго шоссе", освѣщеннаго съ чисто индивидуалистической и интеллигентской точки зрѣнія, чрезвычайно характерна для той общественной струи, которую представляетъ собой авторъ. Вообще романъ г. Менжинскаго, какъ и весь сборникъ въ цѣломъ представляетъ весьма цѣнный документъ для изученія настроенія современной молодежи въ интимныхъ сторонахъ ея существованія. Манера письма г. Менжинскаго оригинальна своей сжатостью и яркостью. Авторъ обладаетъ сильно развитымъ анализомъ, неустрашимость котораго носитъ характеръ работы ученаго натуралиста. Врядъ ли мы ошибемся, ожидая въ г. Менжинскомъ увидѣть серьезное и притомъ самобытное дарованіе.

Вообще „Зеленый Сборникъ" представляетъ собой очень любопытное литературное явленіе: примыкая явно къ декадентству, „Сборникъ" свободенъ отъ кликушества и вычурности послѣдняго и болѣе богатъ идейнымъ содержаніемъ. Нельзя, однако, скрыть, что въ настроеніяхъ авторовъ чувствуется что то осеннее. Красота, которую мы здѣсь видимъ—красота заката, а не разсвѣта. **Н. Коробка.**

Г. В. Александровскій. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Выпускъ I. Изданіе второе, исправленное. Кіевъ. 1904. Стр. 205. Цѣна 1 р.

„Чтенія" г. Александровскаго предназначены для ознакомленія съ новѣйшей русской литературой учащихся средней школы. Этой цѣлью опредѣляется и содержаніе и изложеніе отдѣльныхъ историко-литературныхъ и критическихъ очерковъ, вошедшихъ въ книгу. Первый очеркъ „Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы" представляетъ собою краткій обзоръ литературныхъ направленій, начиная съ Петровской эпохи и кончая Пушкинымъ и Гоголемъ. Въ концѣ этого вступительнаго очерка дается краткій экскурсъ въ область психологіи художественнаго творчества, при чемъ матеріаломъ для выводовъ и сужденій г. Александровскаго послужили признанія самихъ писателей отъ Пушкина до Чехова. Второй очеркъ посвященъ литературной дѣятельности Бѣлинскаго, который ставится „во главѣ новѣйшаго періода русской литературы". Слѣдующіе очерки посвящены Тургеневу, Гончарову и Островскому. Въ этихъ очеркахъ дается сначала общая характеристика таланта и литературной дѣятельности названныхъ писателей, затѣмъ слѣдуетъ разборъ ихъ произведеній, при чемъ только литературная дѣятельность одного Гончарова разсматривается почти вполнѣ, то есть дается оцѣнка всѣхъ его трехъ романовъ. Изъ произведеній же Тургенева разбираются только „Записки Охтника", „Дневникъ лишняго человѣка", „Рудинъ", „Дворянское гнѣздо", „Наканунѣ", „Отцы

и дѣти“ и „Новь“, а изъ драмъ Островскаго разобраны только три: „Бѣдность не порокъ“, „Гроза“ и „Доходное мѣсто“.

Всѣ разобранныя г. Александровскимъ произведенія поставлены въ тѣсную связь, какъ съ личною жизнью писателей, такъ и съ тѣми общественными условіями, которыя отразились въ этихъ произведеніяхъ. Главное вниманіе автора очерковъ обращено на созданные русскими писателями новые типы, при чемъ указано ихъ историческое, а иногда и общечеловѣческое значеніе. Такъ, напримѣръ, въ „Рудинѣ“ г. Александровскій не только усматриваетъ типъ „лишняго человѣка“, но и находитъ въ немъ, „черты“, свойственныя міровому культурно-историческому типу „человѣка слова“, встрѣчающемуся во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Это общечеловѣческій типъ идеалиста, слишкомъ возвышающагося надъ современной дѣйствительностью, не приспособленнаго къ историческимъ и общественнымъ условіямъ своей эпохи. Такіе люди всегда были, есть и будутъ во всякомъ обществѣ, если только оно способно къ дальнѣйшему развитію, и потому образъ Рудина представляетъ глубокій интересъ, какъ для историка русскаго общества, такъ и потому, что отражаетъ въ себѣ черты общечеловѣческаго типа“ (с. 81). Заканчивая разборъ „Обломова“, г. Александровскій говоритъ, что „создавая типъ, являющійся кореннымъ для всей русской жизни, Гончаровъ въ то же время далъ намъ и общечеловѣческій образъ и показалъ, какъ подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ условій овладѣваютъ даровитой личностью лѣнь и апатія, которыя мало-по-малу порабощаютъ себѣ всѣ лучшія движенія мысли и чувства. Въ этомъ отношеніи Обломовъ такой же вѣковѣчный типъ, какъ Гамлетъ, Донъ-Кихотъ, Чацкій и др.“ (с. 125). Даже о „Доходномъ мѣстѣ“ говорится, что „эта комедія представляетъ интересъ не только, какъ вѣрная картина русскаго чиновничества наканунѣ шестидесятыхъ годовъ, но и потому, что даетъ (въ лицѣ Жадова) одинъ изъ общечеловѣческихъ типовъ, особенно хорошо знакомый русской интеллигенціи“ (с. 170).

Послѣднее мѣсто занимаетъ очеркъ о Некрасовѣ, написанный по иному плану: онъ состоитъ изъ біографіи поэта и характеристики его, какъ пѣвца народнаго горя, при чемъ разобраны только тѣ стихотворенія, изображающія народъ, которыя написаны до освобожденія крестьянъ; о такихъ же произведеніяхъ, какъ „Морозъ-Красный носъ“ и „Кому на Руси жить хорошо“, только упоминается.

Не представляя полнаго и всесторонняго разбора литературной дѣятельности названныхъ писателей, очерки г. Александровскаго тѣмъ не менѣе заслуживаютъ серьезнаго вниманія и могутъ быть рекомендованы, какъ очень цѣнное пособіе при изученіи новѣйшихъ русскихъ писателей въ средней школѣ. Широкое распространеніе этихъ очерковъ не можетъ подлежать сомнѣнію, и этотъ фактъ налагаетъ на автора обязанность устранить въ новомъ изданіи неточности, которыхъ, къ сожалѣнію, не

мало въ его „Чтеніяхъ". Нельзя, напримѣръ, категорически утверждать, что „наша свѣтская литература началась... съ эпохи Петра Великаго". Еще болѣе невѣрно заявленіе, что могучій геній Петра направилъ „*по совершенно новому руслу* государственную жизнь и культуру многомилліоннаго народа" (с. 4). Крайне рискованно также утверждать, что Пушкинъ затрагивалъ „различныя, по большей части, темныя стороны того времени" и въ этомъ отношеніи явился предшественникомъ Гоголя. Самъ Гоголь, какъ извѣстно, смотрѣлъ совершенно иначе на характеръ своего и пушкинскаго творчества. Нельзя называть Бѣлинскаго „ученикомъ и продолжателемъ Надеждина" и совершенно умалчивать о Полевомъ. Трудно согласиться, что юношеская драма Бѣлинскаго имѣла цѣлью съ одной стороны „изобразить деспотизмъ и тиранство помѣщиковъ, и угнетенное положеніе крестьянъ, съ другой". Г-нъ Венгеровъ болѣе правъ, когда заявляетъ, что „тиранство" играетъ въ драмѣ „далеко не исключительную роль", и что „Дмитрій Калининъ" задуманъ, какъ „драма судьбы". Трудно, далѣе, согласиться, что сборникъ Некрасова „Мечты и звуки" заключалъ „вполнѣ дѣтскія, безсодержательныя стихотворенія". Встрѣчаются въ „Чтеніяхъ" и завѣдомыя ошибки. На стр. 43-й сказано, что Бѣлинскій „за весь критическій и библіографическій отдѣлъ журнала получалъ 1000 р. въ годъ". На самомъ же дѣлѣ онъ получалъ до женитьбы 4500 р., а послѣ женитьбы 6000 р. асс. Причиной ареста Тургенева на с. 63-й выставляется появленіе отдѣльнымъ изданіемъ „Записокъ Охотника", хотя на самомъ дѣлѣ книга эта вышла въ свѣтъ уже послѣ освобожденія Тургенева изъ-подъ ареста. Некрасовъ сталъ во главѣ „Отечественныхъ Записокъ" не въ 1866 году, какъ сказано на с. 183-й, а въ 1868. Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на обмолвки въ родѣ преобладанія у Гоголя стихотворной формы (с. 105), а также на опечатки, которыхъ очень много и сверхъ указанныхъ на послѣднемъ листѣ книги.

С. Ашевскій.

Шепелевичъ. Историко-литературные этюды. Серія I. Спб. 1904 тип. М. М. Стасюлевича. 239 стр.

Проф. Шепелевичъ сталъ печатать свои мелкіе этюды выпусками (серіями). Въ настоящій выпускъ вошли слѣдующія статьи: *Литературная дѣятельность Эразма Роттердамскаго*, *„Венеціанскій купецъ" Шекспира*, *Боккачіо въ изслѣдованіи А. Н. Веселовскаго*, *Драматическое творчество Кальдерона* и *Бытъ и нравы Германіи XII—XIII ст. по Цезарію Гейстербахскому*. Статьи вошедшія въ сборникъ, различны по объему; наиболѣе крупнымъ является этюдъ о Цезаріи Гейстербахскомъ (почти 100 стр.) и Эразмѣ Роттердамскомъ (68 стр.)

Авторъ коснулся темъ новыхъ и пользовался мало исчерпаннымъ матеріаломъ.

Этюдъ о Цезаріи Гейстербахскомъ представляетъ всестороннюю характеристику быта и нравовъ нѣмецкаго общества на основаніи интереснаго памятника начала XIII ст. „Dialogus miraculorum". Дѣятельность Эразма Роттердамскаго впервые въ русской литературѣ разсмотрѣна подробно; особенно интересны главы объ отношеніяхъ Эразма къ реформѣ, политикѣ и гуманизму. Этюдъ „Венеціанскій купецъ" представляетъ перепечатку предисловія написаннаго авторомъ для иллюстрированнаго изданія Шекспира Брокгауза-Ефрона; статья о Боккачіо излагаетъ содержаніе объемистаго сочиненія акад. Веселовскаго, а о Кальдеронѣ заключаетъ сжатую характеристику пьесъ Кальдерона по ихъ основнымъ группамъ.

Книга издана весьма изящно.

Х. У.

Проф. В. Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Переводъ со 2-го нѣм. изд. С. Франка.

Основной задачей „Прелюдій" Виндельбанда является разрѣшеніе проблемы истины. Это есть задача всякой философіи вообще и критицизма. однимъ изъ крупныхъ современныхъ представителей котораго и является нашъ авторъ—въ частности. Но въ то время, какъ современный позитивизмъ или, вѣрнѣе, релятивизмъ въ вопросѣ объ истинности придерживается историко-генетическаго взгляда, основаннаго на принципѣ причинности, критицизмъ пытается найти не какое-нибудь внѣшнее познаніе, исторически-преходящее, а внутренно-имманентное, въ себѣ самомъ согласованное, т. е. самодовлѣющее, цѣнное само по себѣ и притомъ (для Виндельбанда) *абсолютное* мѣрило. Въ этомъ и состоитъ коренное отличіе критическаго метода отъ генетическаго.

Но критицизмъ своимъ существованіемъ обязанъ еще Канту, и „Прелюдіи" были бы только повтореніемъ или изложеніемъ кантовской философіи, если бы въ нихъ не было ничего своего, оригинальнаго.

Что же новаго они даютъ сравнительно съ Кантомъ и кантіанцами?

Кантъ, анализируя нашъ, такъ называемый имъ, чистый разумъ старался вскрыть въ немъ извѣстныя формальныя свойства, существующія въ немъ до всякаго опыта, не основанныя на эмпирическомъ законѣ ассоціацій идей, именно:—апріорныя свойства, названныя имъ категоріями. Сообразно этимъ категоріямъ, разумъ Канта de facto и мыслитъ. Мышленіе по законамъ логики и теоріи познанія было для него естественной необходимостью, обладая принудительностью факта, въ чемъ и заключалось кардинальное различіе между теоретическимъ и практическимъ его разумомъ, между фактической необходимостью, принудительностью мышленія

и нравственнымъ долженствованіемъ. Такимъ образомъ, оставалась непроходимая пропасть между этими двумя *качественно* различными мірами и никто изъ кантіанцевъ не взялъ на себя эту задачу, превзойти своего великаго учителя. Виндельбандъ какъ разъ этимъ и задается, въ чемъ и заключается его оригинальность, чѣмъ онъ и вызываетъ къ своимъ изслѣдованіямъ большой интересъ и вниманіе; онъ стремится создать *монистическій* взглядъ, объединяющій въ одномъ принципѣ и идею истины, и идею добра, и идею красоты.

Авторъ „Прелюдій" признаетъ вмѣстѣ съ Кантомъ „притязаніе логическихъ, этическихъ и эстетическихъ оцѣнокъ на общеобязательность и необходимость". Но у перваго рѣчь идетъ не о фактической общеобязательности, ибо нельзя констатировать, чтобы люди руководствовались названными оцѣнками при своихъ сужденіяхъ, поступкахъ и чувствованіяхъ, онъ признаетъ общеобязательность *идеальную*, ту, которая должна имѣть мѣсто (см. стр. 34). Не Müssen, а Sollen, и „нѣтъ такого закона природы, который принуждалъ бы человѣка всегда такъ думать, такъ жить, такъ чувствовать, какъ, согласно логической, этической и эстетической необходимости онъ долженъ былъ бы думать, желать и чувствовать. Не законъ, а норма, не принужденіе, а правила, не сущее, а должное, не фактъ, а моя *воля*. Къ истинѣ я не то, что стремлюсь, а стремиться *долженъ*, отнюдь не будучи къ этому принужденъ какой нибудь внѣшней ей силой, какъ ничто меня не заставляетъ быть нравственнымъ, кромѣ моего автономнаго, нравственнато же чувства. Словомъ, у Виндельбанда рѣчь идетъ о необходимости *долженствованія и имманентно-волевой*.

Такимъ образомъ падаетъ стѣна, отдѣлявшая прежде теоретическій отъ практическаго разума и сама истина становится *нормативной* Несомнѣнно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *монистическимъ* идеализмомъ, которому по крайней мѣрѣ въ послѣдовательности отказать нельзя, и дуализмъ Канта могъ бы быть такимъ образомъ вполнѣ превзойденъ, если бы Виндельбанду удалось доказать свою теорію о нормативно-волевомъ характерѣ не только нравственности, но и познанія.

Истина—нормативна. Отсюда слѣдуетъ, что *средства* познанія, которыми пользуется мышленіе не могутъ быть самоцѣнны и самодовлѣющи, а *цѣлесообразны*, и аксіомы логики и познанія, всѣ предпосылки мышленія должны получить *телеологическую* санкцію и таковую же цѣнность и необходимость. „Если ты хочешь истины, то уясни себѣ, что ты долженъ признать значеніе этихъ нормъ, чтобы твое желаніе могло исполниться". (стр. 235). А убѣдить человѣка въ необходимости истины, какъ и добра, и красоты невозможно; съ тѣмъ, кто не „вѣритъ" въ нихъ, критическая философія ничего не можетъ подѣлать" (стр. 245). Очевидно, мы зашли здѣсь въ область вполнѣ *ирраціональную* и дедукція здѣсь также н. поможетъ, такъ какъ предпосылки образуютъ основу всякой дедукціи

Остается за ними одно значеніе телеологической необходимости. Но тутъ-то и является вопросъ, почему моя цѣль, именно стремленіе къ истинѣ, требуетъ отъ меня признанія именно этихъ аксіомъ, предпосылокъ познанія etc., а не другихъ, т. е. является вопросъ: *вытекаютъ-ли* данныя средства познанія изъ преслѣдуемой имъ цѣли? Кромѣ того (этотъ 2-ой вопросъ вытекаетъ изъ предыдущаго), почему я знаю, что это, а не нѣчто другое мыслимое есть истина, если же я знаю, что такое истина, *постулирую* ее, то немудрено будетъ, если я ее найду? Послѣднее возраженіе Виндельбандъ предвидитъ и предупреждаетъ, но отнюдь не доказываетъ, что „критическая философія, усваивающая телеологическую точку зрѣнія, не обязана этимъ какому-либо метафизическому гипостазированію понятія цѣли“ (стр. 234.) Между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ это и имѣетъ мѣсто. Ибо и предпосылки всѣхъ метафизическихъ системъ тоже принимались, какъ недоказуемыя, ирраціональныя начала и, приписавъ имъ трансцендентное существованіе, гипостазировали ихъ, какъ объективныя сущности. Критицизмъ-же нѣсколько умѣреннѣе: онъ признаетъ только трансцендентальность посылокъ,—какъ реальный ли фактъ или, какъ норму долженствованія—въ данномъ случаѣ безразлично. Въ этомъ отличіи обнаруживается притязаніе критицизма на научность.

Относительно вытекаемости или невытекаемости средствъ познанія изъ цѣли, постулируемой имъ, я долженъ замѣтить, что ни Виндельбандъ, ни другіе телеологи, насколько мнѣ извѣстно, не доказали и, кажется, даже, не доказывали (относительно Виндельбанда я могу засвидѣтельствовать этотъ фактъ) *имманентной* необходимости признанія данныхъ законовъ мышленія, познанія, нравственной воли и эстетическихъ ощущеній. Такая точка зрѣнія съ самаго начала не допускаетъ, очевидно, и мысли о возможности другихъ путей и способовъ познанія истины, добра и красоты, и потому я нахожу, что она въ *корнѣ* консервативна, конечно, не въ соціальномъ или политическомъ смыслѣ, а въ познавательномъ, этическомъ и эстетическомъ смыслахъ. Чѣмъ я гарантированъ, что то, что я считаю *абсолютной*, хотя бы и долженствующей быть истиной, добромъ и красотой, въ самомъ дѣлѣ таковымъ и является, во 1-ыхъ, какъ общеобязательное явленіе, во 2-ыхъ, будетъ таковымъ считаться и впредь; почему сторонники абсолютности ихъ идеальныхъ понятій увѣрены, что люди не *разовьются* до совершенно другихъ понятій, категорій, идеаловъ и проч., *качественно* отличныхъ отъ нынѣ признаваемыхъ de facto, и въ идеалѣ; чѣмъ они гарантированы, что они и въ самомъ дѣлѣ не гипостазировали свое индивидуальное, или даже общее, но тѣмъ не менѣе исторически *преходящее* и обусловленное сознаніе? Что даетъ имъ увѣренность, спрашиваю я, въ *абсолютности* предпосылокъ познанія, добра и красоты? Непосредственное чувство, интуиція или даже, можетъ быть, откровеніе?

Если да, то я впадаю въ положеніе, изъ котораго неизбѣжнымъ выходомъ является психологизмъ и, чего добраго, мистицизмъ!

Виндельбандъ и становится на эту точку зрѣнія, которую я бы назвалъ *ирраціонализмомъ*; тѣмъ самымъ онъ, по моему, сказалъ послѣднее слово критицизма или по крайней мѣрѣ близокъ къ тому, чтобы его сказать. Таково по моему убѣжденію неизбѣжное послѣдствіе кантіанства, по существу глубоко догматическаго и психологическаго направленія, ученія, являющагося выраженіемъ глубоко религіозныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ *эмоцій*, съ которымъ, какъ съ таковымъ и надо считаться.

Вотъ до чего привела Виндельбанда его теорія оцѣнокъ, чисто волевого явленія, имѣющаго у него еще специфически нравственный характеръ! Самъ Кантъ былъ отъ подобной теоріи весьма далекъ, но тѣмъ не менѣе онъ виноватъ въ этомъ, если можно счесть это за вину, именно потому, что училъ о трансцендентальномъ субъективизмѣ и апріоризмѣ. И если наше познаніе апріорно, то отчего не допустить, идя дальше, *волевого* характера его апріорности?!..

Сказаннымъ я далеко не исчерпалъ всего того, что можно было бы сказать объ этомъ, весьма интересномъ въ общемъ, сборникѣ философскихъ статей, но размѣръ рецензіи не позволяетъ мнѣ останавливаться не только подольше на затронутыхъ вопросахъ, но даже касаться всѣхъ другихъ вопросовъ, трактуемыхъ въ „Прелюдіяхъ".

Относительно внѣшней стороны книги остается мнѣ присоединиться къ мнѣнію переводчика, а о самомъ переводѣ скажу, что онъ выполненъ превосходно.

К. Трояновскій.

Вильгельмъ Оствальдъ. Натуръ-философія. Лекціи читанныя въ Лейпцигскомъ университетѣ. Пер. Г. А. Котляра подъ ред. М. М. Филиппова. Ц. 2 р.

„Натуръ-философія" проф. Оствальда является одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ обобщающихъ работъ современныхъ естествоиспытателей-позитивистовъ. Первая часть книги посвящена теоретико-познавательнымъ и связаннымъ съ ними психологическимъ вопросамъ, вторая развертываетъ энергетическую картину міра.

Оствальдъ разсматриваетъ познаніе, какъ главнѣйшее орудіе человѣка въ жизненной борьбѣ. Познаніе не можетъ ставить своей задачей раскрытіе сверхопытной сущности міра, и потому понятіе „матеріи" или неизмѣннаго „носителя" измѣнчивыхъ явленій столь же фиктивно, какъ и всякія спиритуалистическія субстанціи; но съ другой стороны познаніе не есть описаніе „данной" намъ дѣйствительности, т. е. уже пережитыхъ нами, ото-

шедшихъ въ прошлое явленій. Точная копія пережитого, если бы она и была возможна, не представляла бы для насъ никакого практическаго интереса, а слѣдовательно и никакой теоретической цѣнности.

„Мы можемъ воздѣйствовать только на будущее, и если намъ приходится заботиться о сохраненіи нашей жизни и о защитѣ или устраненіи вредныхъ для насъ воздѣйствій, то мы должны имѣть въ виду только *будущее* воздѣйствіе такого рода“ (стр. 18).

Наука и призвана облегчить намъ эту задачу, осуществляя предвидѣніе будущаго. Отсюда непосредственно слѣдуетъ, между прочимъ, что познаніе наше не можетъ обладать абсолютной достовѣрностью. Всякое предвидѣніе основано на допущеніяхъ или, какъ выражается Оствальдъ, „прототезахъ“, при чемъ опытъ обнаруживаетъ справедливость установленнаго нами допущенія имъ „закона“ лишь по отношенію къ *данному* случаю, но никогда не даетъ абсолютной увѣренности, что „законъ“ *вообще* справедливъ. Такимъ образомъ выставленный Оствальдомъ идеалъ „науки свободной отъ гипотезъ“ исключаетъ изъ области познанія не всякія вообще предположенія, но лишь такія, которыя, подобно атомистической „гипотезѣ“, въ самомъ содержаніи своемъ выходятъ за предѣлы эмпирически измѣримаго и потому не допускаютъ ни подтвержденія, ни опроверженія со стороны опыта.

Оствальдъ даетъ познавательную оцѣнку цѣлаго ряда общихъ элементарныхъ понятій, разсматривая ихъ въ согласіи съ установленнымъ выше критеріемъ, какъ болѣе или менѣе цѣлесообразныя орудія предварительной оріентировки въ будущихъ переживаніяхъ. Особенное вниманіе удѣлено понятію „энергіи“. Именно это понятіе призвано замѣстить всѣ предшествующія матеріалистическія и идеалистическія „субстанціи“, призвано создать картину міра, чуждую гипотезъ и все же достаточно цѣлостную для того, чтобы не было основанія сожалѣть объ утраченномъ раѣ метафизики.

Лекціи, посвященныя энергетической картинѣ „неодушевленнаго“ міра, представляютъ наиболѣе важную и цѣнную часть книги. Здѣсь авторъ показываетъ, что все, дѣйствительно извѣстное намъ о мірѣ, т. е. все, позволяющее заранѣе оріентироваться въ потокѣ переживаній, сводится къ измѣримымъ энергетическимъ даннымъ опыта. Яркими штрихами иллюстрируетъ Оствальдъ то безнадежное положеніе, въ которое зачастую попадала наука, преслѣдуя мнимую проблему, *свести* все многообразіе явленій къ движенію атомовъ [1]). Кромѣ того: въ этихъ же главахъ вскрывается

[1]) Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, что принципіальная критика матеріализма не затрогиваетъ тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ атомахъ не „гипотезу“ о сущности явленій, а лишь наглядную схему, подобную графическимъ изображеніямъ, такъ часто употребляемымъ въ наукѣ. Физикъ, изображая законъ Бойля-Маріотта равносторонней гиперболой, во-

цѣлый рядъ новыхъ проблемъ, до сихъ поръ не обращавшихъ или почти не обращавшихъ на себя вниманіе ученыхъ. Какъ на примѣръ такого блестящаго анализа, укажемъ на строгое разграниченіе понятій массы и вѣса. Оствальдъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что понятія эти мы получаемъ изъ совершенно различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга энергетическихъ источниковъ; слѣдовательно пропорціональность вѣса и массы вовсе не есть нѣчто „само собою разумѣющееся, какъ принято думать, но предоставляетъ проблему; здѣсь мы имѣемъ передъ собою параллелизмъ, установленный чисто эмпирически, параллелизмъ, надъ которымъ не считаютъ нужнымъ задумываться, вслѣдствіе долговременной привычкѣ къ нему, но который легко можетъ оказаться неполнымъ при болѣе тщательномъ изслѣдованіи. Вообще разрушеніе многихъ „само собою разумѣющихся истинъ или—какъ говорятъ гносеологи, необходимыхъ постулатовъ мышленія“ представляетъ крупную заслугу работы Оствальда.

Сметая научные пережитки, мѣшающіе дальнѣйшему развитію познанія, указывая во многихъ случаяхъ новые пути научнаго изслѣдованія, Оствальдъ въ самой формулировкѣ своего основного принципа остался, къ сожалѣнію, вѣренъ тѣмъ традиціямъ „гипотетическаго“ или метафизическаго познанія, противъ которыхъ направлена вся его критика. Когда матерьялисты говорили о „сохраненіи“ энергіи, о „превращеніи“ ея изъ одной „формы“ въ другую, о постоянной суммѣ совокупной энергіи міра и т. п.—все это имѣло смыслъ. Для матерьялистовъ единственной *реально* существующей энергіей была механическая,—при „переходѣ“ въ теплоту, электричество и т. п., она только мѣняла чувственно воспринимаемую „форму“ или внѣшнюю оболочку, сохраняя „неизмѣнной“ свою истинную природу. Для энергетика Оствальда теплота вовсе не „родъ движенія“ или видимость его, а равноправная самостоятельная реальность. Съ этой точки зрѣнія рѣчь можетъ итти не о сохраненіи или превращеніи *энергіи*, а лишь о постоянномъ отношеніи между количествами различныхъ *энергій*, смѣняющихъ другъ друга при опредѣленныхъ опытныхъ условіяхъ. Правда, метафизическій характеръ энергіи у Оствальда и нѣкоторыхъ другихъ энергетиковъ остается чисто словеснымъ, ничѣмъ не обнаруживая себя въ практической постановкѣ научныхъ проблемъ, тѣмъ не менѣе тщательное устраненіе подобнаго рода внѣшнихъ промаховъ чрезвычайно желательно:

все не отожествляетъ, конечно, гиперболу съ „истинной сущностью“ объема и давленія газовъ; еще болѣе чужда ему мысль, что *всѣ свойства* газовъ суть „въ сущности“ гипербола. Но вѣдь и многіе химики видятъ въ своихъ атомахъ и единицахъ сродства, такъ сказать, условную систему координатъ, позволяющую въ наглядной и удобной схемѣ выразить химическія свойства даннаго вещества. Потребность въ этой схемѣ возникаетъ потому, что, какъ извѣстно, чисто эмпирическая или аналитическая формула вѣсовыхъ отношеній элементовъ зачастую вовсе не даетъ достаточно опредѣленной химической характеристики.

для реформаторовъ въ области методологіи никакая щепетильность въ выборѣ словъ не является излишней.

Наименѣе удачны на нашъ взглядъ послѣднія главы книги, гдѣ Оствальдъ пытается распространить свой энергетическій принципъ на психику. Обстоятельное выясненіе неясностей и недоразумѣній, связанныхъ съ предложенной Оствальдомъ энергетической интерпретаціей явленій сознанія, потребовало бы цѣлаго изслѣдованія, и потому мы предпочтемъ здѣсь вовсе отказаться отъ разбора этой части книги.

Если Оствальду и не удалось дать цѣлостное научное міросозерцаніе, свободное отъ противорѣчій, то по нашему мнѣнію ему вполнѣ удалось обнаружить призрачность тѣхъ препятствій, которыя, согласно господствующей до сихъ поръ традиціи, *принципіально* исключаютъ возможность строго научной картины міра. Оствальдъ не всегда могъ показать, гдѣ надо искать разрѣшенія данной проблемы, но ему почти вездѣ удалось превратить „неразрѣшимыя загадки“ мірозданія въ „неразрѣшенныя задачи“ науки—и это, конечно, заслуга слишкомъ достаточная для одного человѣка.

В. Базаровъ.

П. Головачевъ. Россія на Дальнемъ Востокѣ. Спб. 1904. 216 стр. ц. 1 руб.

Въ то время, какъ интеллигентная Россія устремляетъ свои духовные взоры на Западъ, твердо вѣря, что „съ Запада свѣтъ!“, въ это самое время оффиціальная Россія все болѣе переноситъ центръ тяжести своихъ политическихъ стремленій и надеждъ на Дальній Востокъ. Иные наши публицисты увидали въ этомъ стремленіи на Востокъ не что иное, какъ залогъ духовнаго сродства Россіи и Востока и ея духовной чуждости Западу. Наши восточные мудрецы во главѣ со своимъ Далай-Ламой, кн. Ухтомскимъ, стали утверждать, что Россію Западъ только „умственно дисциплинируетъ, но въ общемъ онъ лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности. Все подъ нею и въ нѣдрахъ народнаго быта проникнуто и дышетъ глубокими восточными умозрѣніями и вѣрованіями, овѣяно жаждой высшихъ формъ бытія и широкими человѣчными стремленіями, совершенно иного вида, чѣмъ въ корнѣ убиваемое матеріализмомъ міросозерцаніе современныхъ европейцевъ средняго уровня“ (Кн. Э. Ухтомскій. Къ событіямъ въ Китаѣ. Спб. 1900. стр. 48). И, какъ увѣряетъ кн. Ухтомскій, не только онъ, но даже и сами азіатскіе народы понимаютъ, что между Россіей и Азіей существуетъ духовное родство. „Для громадной небесной имперіи Россія, говоритъ кн. Ухтомскій,—своя, близкая, родная, не хищница вродѣ остальныхъ, вдающихся въ колоніальную политику державъ“.

Китай ищетъ себѣ поддержки въ лицѣ Россіи „будучи увѣренъ въ томъ, что мы-то его не потѣснимъ, что весь Востокъ только обновлялся, богатѣлъ и крѣпнулъ отъ общенія съ русскими началами, ибо онъ и мы — одна безбрежная стихія, одно гармоническое въ своихъ духовныхъ основахъ цѣлое“.

Какимъ мефистофельскимъ аккомпаниментомъ звучатъ грозные выстрѣлы пушекъ на Дальнемъ Востокѣ къ краснорѣчивой проповѣди кн. Ухтомскаго о ненарушимой гармоніи душъ и интересовъ Россіи и Востока о томъ, что для всего Востока и всѣхъ азіатовъ Россія „своя, близкая, родная, не хищница, вродѣ остальныхъ, вдающихся въ колоніальную политику державъ!“ И въ то время, какъ нашъ Донъ-Кихотъ восточной политики леталъ въ облакахъ и приносилъ цвѣты краснорѣчія своей нѣжно возлюбленной восточной мудрости, въ это самое время, болѣе практичные Санчо-Панчо стремленія къ Востоку какъ разъ „вдавались въ колоніальную политику“, ту самую колоніальную политику, которая, по мнѣнію нашего Донъ-Кихота, состоящаго директоромъ Восточно-Китайскаго банка (и Донъ-Кихоты платятъ дань духу времени), именно и отличаетъ Россію отъ Запада ..

Жизнь достаточно посрамила Донъ-Кихотовъ восточной политики и по пословицѣ—лежачаго не бьютъ, мы не станемъ разбираться въ мудростяхъ нашихъ восточниковъ. Оставимъ ихъ въ покоѣ и посмотримъ какое значеніе имѣетъ Дальній Востокъ для интересовъ русскаго, если не народнаго, то національнаго или хотя бы государственнаго хозяйства.

На этотъ счетъ въ лежащей передъ нами книгѣ г. П. Головачева имѣются любопытныя данныя и соображенія.

Прежде всего, защитники энергичной колоніальной политики Россіи на Дальнемъ Востокѣ, съ проф. Мигулинымъ—представляющимъ любопытную русскую разновидность чемберленизма—во главѣ, доказываютъ, что Востокъ намъ необходимъ для разрѣженія населенія. Въ другомъ мѣстѣ, подробно разбирая аргументацію проф. Мигулина, мы уже показали, что Россія страдаетъ отъ густоты населенія, только благодаря своей соціалъ-экономической отсталости, что введеніе болѣе производительныхъ формъ труда, возможное лишь въ атмосферѣ и обстановкѣ свободной жизни, сразу увеличитъ емкость Россіи по отношенію къ народонаселенію. Мы тамъ же показывали, что во всякомъ случаѣ Востокъ населенъ несравненно гуще Россіи, и что поэтому онъ не можетъ послужить резервуаромъ для разрѣженія населенія Россіи. Обильныя данныя, приводимыя г. Головачевымъ показываютъ сверхъ того, что на Востокѣ русскіе не въ силахъ конкурировать (въ качествѣ земледѣльцевъ) съ китайцами и корейцами и что въ силу этого земледѣльческая колонизація Востока русскими фактически невозможна. „Даже по Суйфуну и Вимухэ, говоритъ авторъ, на земляхъ, расчищенныхъ, отнятыхъ у корейцевъ и манзъ, новые пере-

селенцы не занимаются сами земледѣліемъ, а сдаютъ ихъ въ аренду тѣмъ же манзамъ и корейцамъ“ (80 стр.), „Китайскій грядовой способъ обработки земли, говоритъ далѣе авторъ, выработанный, сообразно мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, путемъ многолѣтняго, если не многовѣкового опыта, несмотря на все его совершенство въ техническомъ смыслѣ, для русскихъ экономически невозможенъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Кауфмана, стоимость обработки по китайскому способу, при существующей въ краѣ весьма высокой оцѣнкѣ русскаго труда, ни въ коемъ случаѣ не можетъ окупиться стоимостью продукта при нынѣшнихъ сравнительно не высокихъ его цѣнахъ. Экономически возможною китайская культура является только для китайца, котораго трудъ, какъ извѣстно, расцѣнивается значительно ниже труда русскаго рабочаго и который притомъ, если онъ хозяинъ одиночка, не учитываетъ и не цѣнитъ времени, проводимаго на раздѣлкѣ пашни, если же онъ работникъ или арендаторъ, то работаетъ на разныхъ кабальныхъ или испольныхъ условіяхъ, еще болѣе обезцѣнивающихъ его трудъ и оставляющихъ землевладѣльцу или предпринимателю достаточную долю ренты или барыша“.

Въ итогѣ русскіе колонисты не въ состояніи приспособиться ни къ условіямъ труда, ни къ условіямъ почвы и климата на Дальнемъ Востокѣ, и благодаря этому, несмотря на всѣ поддержки и поощренія начальства русскіе колонисты повсюду вытѣсняются китайцами и корейцами, и въ массѣ разоряются, а въ единицахъ наживаются на жестокой эксплуатаціи китайцевъ.

При такихъ условіяхъ нечего, конечно, и думать о возможности широкой и прочной колонизаціи Дальняго Востока русскими крестьянами.

Но быть можетъ Дальній Востокъ можетъ сыграть роль обширнаго рынка для сбыта русскихъ товаровъ? Увы, приводимыя авторомъ достовѣрныя и свѣжія данныя показываютъ, что если русскій мужикъ не въ состояніи конкурировать съ китайскимъ или корейскимъ крестьяниномъ, то русскіе товары не въ силахъ конкурировать съ товарами Англіи, Америки, Японіи, располагающими болѣе дешевымъ путемъ и болѣе развитою промышленностью.

Дальній Востокъ превратился лишь въ гигантскій насосъ, выкачивающій изъ Россіи сотни милліоновъ. Если бы, говоритъ авторъ, расходы затраченные на Приамурскую область расположить въ видѣ непрерывной ленты изъ пятирублевыхъ бумажекъ отъ Николаевска на Амурѣ до Петербурга, то она заняла бы всю дорогу, причемъ осталась бы еще сотня милліоновъ!

Мы рекомендуемъ вниманію читателя легко, добросовѣстно и вдумчиво написанный трудъ г. П. Головачева.

П. Берлинъ.

Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ редакціей проф. Московскаго Университета А. А. Мануилова. Вып. I и II. Изданіе Д. С. Горчикова. М. 1904 и 1905 г. Ц. вып. I—1 р. 25 к. вып. II—1 р. 75 к.

Почти весь I выпускъ заполненъ газетными статьями г. Владиміра Розенберга, составленными за послѣдніе 10—12 лѣтъ. Если эти статьи не утеряли еще своего интереса, то только потому, что трактуемый въ нихъ вопросъ все новъ и глубоко интересенъ вотъ уже 43 года. Но г. Розенбергъ въ своихъ статьяхъ не даетъ ни оригинальнаго освѣщенія, ни новыхъ фактовъ, и держится старой вульгарной постановки вопроса. Утверждая, что реформа 61 года послужила фундаментомъ для переустройства всего общественнаго зданія, авторъ очевидно затрудняется указать реальныя причины, почему фундаментъ до сихъ поръ остается безъ зданія. Онъ отдѣлывается фразами о борьбѣ реакціонныхъ и прогрессивныхъ теченій и выражаетъ твердую увѣренность, что „у дѣла, начатаго въ эпоху освобожденія, есть мощный союзникъ, противъ котораго всякая борьба безсильна. Этотъ союзникъ—духъ времени или, правильнѣе, политическая необходимость“ (стр. 6). Разрѣшивши такимъ образомъ проблему борьбы стараго и новаго порядка, г. Розенбергъ больше не возвращается къ ней и останавливается на обзорѣ разныхъ сторонъ крестьянскаго оскудѣнія, которое онъ разсматриваетъ, какъ слѣдствіе недостаточнаго надѣла. Онъ, однако, не имѣетъ мужества поставить точку надъ і, какъ это дѣлаетъ А. В. Пѣшехоновъ въ своихъ статьяхъ „Земельныя нужды деревни“. Въ воображеніи г. Розенберга коренной вопросъ застилается разными надстройками общественнаго зданія, вопросами сегодняшняго дня. Г. Пѣшехоновъ, наоборотъ, предупредительно обноситъ свою позицію тыномъ и засѣками завтрашняго дня. Поэтому въ статьяхъ г. Розенберга не достаетъ цѣльности и ясности взгляда и опредѣленности въ разрѣшеніи основной проблемы крестьянскаго вопроса.—Болѣе содержательны и болѣе интересны помѣщенныя въ томъ же выпускѣ коротенькія замѣтки объ общинѣ проф. В. Хвостова и проф. А. Мануилова. Первый разсматриваетъ юридическое положеніе русской крестьянской общины и приходитъ къ заключенію, „что наше дѣйствующее законодательство о крестьянахъ признаетъ институтъ общиннаго землевладѣнія, отличнаго отъ общей собственности на землю, о которой говорятъ ст. 543 см. X т. I ч. Св. Зак.“ (стр. 235). Но такое заключеніе проф. Хвостовымъ выводится не изъ текстуальнаго смысла закона, а изъ „общаго смысла подлежащихъ отдѣловъ законодательства“, причемъ авторъ имѣетъ въ виду не только Общ. Положеніе 61 года, но и всѣ послѣдующія толкованія сената. Проф. А. Мануиловъ разсматриваетъ общину съ экономической точки зрѣнія. По вопросу о дробности и черезполосицѣ при общинномъ владѣніи авторъ приводитъ рядъ

интересныхъ фактовъ изъ практики землевладѣнія въ Западной Европѣ. Чрезвычайно сильную черезполосицу въ частномъ личномъ владѣніи на Западѣ г. Мануиловъ разсматриваетъ, между прочимъ, какъ „результатъ того, что общинные порядки прекратились, а не того, что они существовали“ (стр. 263). Къ сожалѣнію, онъ мало останавливается на этомъ вопросѣ. Общинное землевладѣніе автору представляется „механизмомъ, устраняющимъ черезполосицу и ея вредныя послѣдствія съ наименьшими затрудненіями“ (237). Высказываясь за общину, г. Мануиловъ, однако, не даетъ точныхъ указаній относительно того, какими законодательными мѣрами она можетъ быть ограждена. „Общинѣ нужно предоставить свободно развиваться“, „законодательство должно устранить условія, препятствующія осуществленію общиннаго начала“ (275.). Законъ 8 іюня 1893 г. г. Мануиловъ признаетъ неудачнымъ опытомъ регламентаціи внутренней жизни общины.—Крайняя неопредѣленность выводовъ г.г Хвостова и Мануилова служитъ лучшимъ доказательствомъ того, насколько принципъ общиннаго землевладѣнія не вяжется съ господствующимъ во всѣхъ сферахъ имущественнаго права принципомъ частной собственности. Въ самомъ дѣлѣ, общинное землевладѣніе, въ случаѣ его сохраненія, было бы только исключеніемъ изъ общаго правила, исключеніемъ обособляющимъ цѣлую группу мелкихъ собственниковъ въ общественномъ организмѣ, возведенномъ на принципѣ частной собственности. Такая обособленность должна серьезно нарушать правильный ходъ экономическаго развитія; личная предпріимчивость и свобода общинника должна будетъ уступить предпріимчивости и свободѣ личнаго собственника. Урегулированіе права собственности можетъ быть благотворнымъ только въ томъ случаѣ, когда оно распространяется на всѣхъ. Вотъ почему всѣ „упорядоченія“ общиннаго землевладѣнія у насъ ни къ чему не приводятъ, кромѣ закрѣпощенія мужика.

Второй выпускъ сборника заключаетъ статьи В. Ю. Скалона („Крестьянскій банкъ и его недоимщики“), А. А. Мануилова: 1) Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи. 2) Арендный вопросъ предъ Особымъ Совѣщаніемъ. 3) Проектъ редакц. ком. объ общинномъ землевладѣніи), проф. В. М. Хвостова (Аренда земли по русскому и западноевропейскимъ законодательствамъ), Л. К. Брейера (Сдача и съемъ надѣльной земли), проф. М. Я. Герценштейна (Сберегательныя кассы за послѣднее десятилѣтіе) и Вл. А. Розенберга (Проектъ редак. ком. о волости). Хотя всѣ статьи написаны на текущія темы, а нѣкоторыя посвящены разбору проектовъ комиссіи по пересмотру положенія о крестьянахъ, но цѣнность и интересъ сборника отъ этого мало выигрываютъ. У насъ появляется такъ много комиссій и проектовъ, что останавливаться на нихъ почти нѣтъ возможности, а крайняя безцвѣтность и безплодность всѣхъ работъ этихъ комиссій, которыя всегда умираютъ преждевременной смертью,

лишаетъ возможности, при разборѣ ихъ проектовъ, освѣтить вопросъ широко и всесторонне. Въ post-scriptum'ѣ къ своей статьѣ „Общинное землевладѣніе" проф. А. А. Мануиловъ пишетъ: „Книга была уже почти закончена, когда въ печать проникло извѣстіе, будто пересмотръ законоположеній о крестьянахъ предполагается повести на совершенно новыхъ началахъ. Если бы это, дѣйствительно, совершилось, то можно надѣяться, что проекты, составленные редакціонной комиссіей, потеряютъ практическое значеніе. Такой исходъ ея работъ можно было бы только привѣтствовать." (II, 347). Вотъ и занимайся разборомъ такихъ проектовъ въ научной серьезной работѣ, а не въ юмористическомъ журналѣ: только скучно—и больше ничего.

Къ счастью, не всѣ статьи сборника касаются проектовъ разныхъ комиссій; статьи объ арендѣ проф. А. А. Мануилова и В. М. Хвостова представляютъ записки, внесенныя въ Особое Совѣщаніе. Большая статья проф. А. А. Мануилова даетъ обзоръ аренды въ Россіи глав. об. по даннымъ земской статистики. Полагая, что малоземелье является главнымъ факторомъ развитія у насъ аренды, авторъ, однако, отмѣчаетъ фактъ, что иногда малоземельные дворы арендуютъ меньше, чѣмъ многоземельные. Къ сожалѣнію, авторъ не входитъ въ объясненіе этого важнаго факта. Для освѣщенія его мы находимъ не лишнимъ привести слѣдующія цифры изъ сборника по Воронежской губ. (Повторная перепись 1900 г. Изд. Ворон. губ. Зем. 1904 г.)

Группы дворовъ:		Имѣющихъ всей земли во владѣніи: до 5 д.	5—15 д.	15—25 д.	25—50 д.	Свыше 50 д.	Безъ земел.
Приходится арендованной земли на 1 арендующій дворъ	въ 1885—7 году	3,42	4,42	6,78	8,57	13,72	4,5
	„ 1900 „	3,34	3,62	5,12	10,58	40,41	3,69

Изъ этихъ цифръ видно, что по Воронеж. губ. отмѣчаемый проф. А. А. Мануиловымъ фактъ является не исключеніемъ, а правиломъ, причемъ за послѣдніе 13—15 лѣтъ аренда въ малоземельныхъ дворахъ сократилась, а въ многоземельныхъ расширилась. Очевидно, предпринимательскій характеръ аренды имѣетъ задатки на развитіе. Это обстоятельство совершенно упущено изъ виду авторомъ разбираемой статьи.

Н. И. Воробьевъ.

Прив.-доц. **Т. Локоть. Классицизмъ и реализмъ.** (Основные вопросы реформируемой школы). М. 1903 г. Стр. 67. Ц. 40 к.

Казалось бы, что споръ о классицизмѣ и реализмѣ есть споръ „взвѣшенный судьбою", споръ старый, давній, въ которомъ спорящія стороны сказали все, что можно сказать. Даже практически вопросъ рѣшенъ— чистый классицизмъ изгоняется, оставаясь только въ видѣ пережитка, а

гимназіи строятся съ однимъ древнимъ языкомъ. Но вотъ являются охотники снова поднимать этотъ споръ. Что же новаго они сообщаютъ по старому вопросу? Да собственно ничего, мы встрѣчаемъ въ брошюрѣ старыя извѣстныя мысли лишь въ нѣсколько измѣненной, новой формѣ.

Основная мысль автора слѣдующая: „языкознаніе, естествознаніе и математика, несомнѣнно, представляютъ основу средней общеобразовательной школы, а господствующимъ типомъ средней школы, конечно, должна быть школа общеобразовательная, но никакъ не техническая, не ремесленная“ (стр. 24—5). Что тутъ новаго? Ужъ сколько разъ твердили міру, что школа должна заключать въ своемъ курсѣ указанные предметы, какъ главные, всѣ это знаютъ, запомнили и повторять больше нечего. Поэтому будемъ искать новаго не въ самомъ положеніи, а въ его развитіи, въ томъ, какъ нужно поставить въ школѣ указанные предметы.

По мнѣнію автора, реформируемая школа должна пойти по пути реализма, основной своей задачей поставить развитіе и усиленіе реальныхъ методовъ и пріемовъ преподаванія, увеличеніе и расширеніе тѣхъ предметовъ, содержаніе которыхъ наиболѣе соотвѣтствуетъ реальнымъ методамъ и пріемамъ преподаванія и т. п. (19). Но при болѣе точномъ опредѣленіи положенія главныхъ предметовъ въ школѣ оказывается, что „среди предметовъ, имѣющихъ несомнѣнное и безспорное образовательное значеніе въ средней школѣ, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены, конечно, языки“ (33). Это положеніе окрашиваетъ реализмъ автора въ извѣстный цвѣтъ. Правда, авторъ намъ разъясняетъ, что и классицизмъ можетъ быть глубоко реальнымъ, а реализмъ—глубоко схоластичнымъ; что классическая система школы можетъ быть легкой и воспитывающей, а реальная—трудной и притупляющей и т. д., причемъ считаетъ эти мысли мало извѣстными (9). Напрасно, это давно извѣстно, что классическіе языки можно изучать съ пользой для своего умственнаго развитія, а реальная система, при дурной постановкѣ, явится притупляющей и чисто схоластической. Никто не утверждалъ, что классицизмъ, и при самой лучшей его постановкѣ, можетъ приносить только вредъ, а реализмъ, при самой дурной только пользу; весь вопросъ въ объемѣ тѣхъ или другихъ предметовъ учебнаго курса, въ методѣ ихъ преподаванія, въ общемъ духѣ постановки школьнаго дѣла. Всѣ признаютъ изученіе языка важнымъ дѣломъ въ школѣ, но отъ этого признанія до признанія классической системы образованія далеко.

Какіе языки брать въ общеобразовательной школѣ въ качествѣ учебнаго матеріала, древніе или новые, по мнѣнію автора, „почти безразлично“ (28) и только практическія выгоды и удобства изученія новыхъ языковъ по сравненію съ древними рѣшаютъ выборъ автора въ пользу новыхъ языковъ. Но авторъ не устраняетъ и древніе языки изъ средней школы. „Расширеніе языкознанія въ двухъ-трехъ высшихъ

классахъ общей средней школы путемъ прибавленія къ новымъ языкамъ элементарнаго курса сравнительнаго языкознанія, а слѣдовательно и *элементарнаго курса древнихъ языковъ* должно, на нашъ взглядъ, войти въ программу новой реформированной средней школы“ (24). При этомъ изученіе языковъ предполагается намѣренно ограничить главнымъ образомъ морфологическимъ ихъ изученіемъ, т. е. *грамматическимъ*, при которомъ изученіе образцовъ литературы языка играетъ роль только средства, а не цѣли изученія (24). Авторъ рискуетъ даже высказать такое положеніе: „*преподавать* (курсивъ автора) гуманитарныя науки въ средней школѣ совершенно не слѣдуетъ“ (14), эти гуманитарныя науки у него превращаются въ какія-то свободныя любительскія упражненія, а твердо и опредѣленно стоитъ лишь морфологическое изученіе языковъ, т. е. грамматическое.

О постановкѣ математики въ школѣ авторъ говоритъ очень мало, а при опредѣленіи положенія въ школѣ естествознанія онъ высказывается противъ экскурсивнаго (кайгородовскаго) проекта и становится на сторону его противниковъ: задача школы при преподаваніи естествознанія заключается не въ возбужденіи неопредѣленной и расплывчатой любви къ природѣ, а въ систематическомъ демонстративномъ изученіи природы, при которомъ экскурсивный методъ имѣетъ подчиненное значеніе.

Кажется, мы передали всѣ существенныя мысли автора, а въ нихъ, какъ видитъ читатель, новаго весьма мало.

П. Каптеревъ.

„Библіотека для всѣхъ“. №№ 8, 9, 11, 12, 13, изданіе **О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой.**

За послѣдніе годы возникаютъ все новыя и новыя издательства общедоступной литературы,—перепечатывается отдѣльными изданіями почти вся лучшая беллетристика, появляющаяся въ журналахъ, выходятъ все новыя и новыя научно-популярныя работы. Такого наплыва удешевленныхъ изданій никогда еще не видалъ книжный рынокъ. Очевидно, съ каждымъ годомъ все увеличивается и запросъ на нихъ, множится читатель, которому только и доступна такая дешевая литература, развивается въ народѣ грамотность,—развивается и потребность въ хорошей книжкѣ, и за послѣднее время наблюдается не столько созданіе спеціально „народной“ литературы, сколько стремленіе сдѣлать доступными по цѣнѣ всѣ произведенія нашихъ наиболѣе выдающихся писателей. Новыя издательства и работаютъ, главнымъ образомъ, въ этомъ направленіи.

На этотъ разъ мы займемся появившейся недавно „Библіотекой для всѣхъ“. Всего въ „Библіотекѣ“ вышло пока только четырнадцать номеровъ и притомъ, исключительно, только беллетристическихъ произведеній.

Судя по имѣющимся у насъ въ рукахъ номерахъ, въ общемъ тонѣ подбора литературы въ этомъ издательствѣ чувствуется стараніе подмѣтить отрадныя явленія среди низшихъ слоевъ населенія, тѣхъ слоевъ, которые въ настоящее время все чаще и чаще напоминаютъ о своей потребности жить человѣческой жизнью, о своемъ стремленіи къ свѣту, къ правдѣ. Это стремленіе къ иной, лучшей жизни выражается иногда въ самыхъ странныхъ формахъ, какъ напримѣръ, въ разсказѣ Владиміра Беренштама „Въ одиночку". Рабочій—шахтеръ ѣдетъ во второмъ классѣ, гдѣ онъ чувствуетъ себя крайне неловко, соритъ деньгами, чтобы „хоть день, хоть, полдня" пожить вольной жизнью, чуть не ежедневно рискуетъ онъ головой, берясь за самыя опасныя работы, чтобы заработать побольше денегъ и потомъ, свободнымъ человѣкомъ, видѣть „и небо, и воздухъ, и звѣзды", что такъ рѣдко доступно ему при постоянной, правильной работѣ въ шахтахъ, гдѣ „солнца даже увидѣть не придется, будто тебя живого подъ землю погребли,—какъ говоритъ онъ самъ автору,—на работу идешь,—оно еще не всходило, а поднимаешься изъ рудника или шахты,—уже зашло, только красныя тучки, да полосы на небѣ гуляютъ..." У автора невольно просится сравненіе такого вольнаго дня рабочаго съ яркимъ лучомъ солнца, мелькнувшимъ сквозь отверстіе длиннаго туннеля,—мелькнувшимъ на одно только мгновеніе, но сразу разогнавшій щемящую тоску и заронившій бодрость и надежду въ души путешественниковъ.

Вырывается на свѣтъ Божій въ разсказѣ И. Наживина „Въ стѣнахъ" изъ стѣнъ мертваго монастыря и юноша-инокъ Иванъ, котораго неудержимо влекла къ себѣ простая трудовая жизнь свободнаго, сравнительно съ монастырскими стѣнами, рабочаго человѣка. Юношескія силы хилѣли въ немъ и требовали не иноческой рясы; но, воспитанный въ монастырѣ, онъ долго боролся со своими естественными стремленіями, какъ съ грѣховными помыслами, пока сама жизнь просто и властно не позвала его къ себѣ. Другой инокъ того же монастыря, Іона, вступившій въ монастырь, уже испытавъ горе жизни, пошелъ въ него, ради исканія правды. Монастырь обманулъ его ожиданія. Не правду и самоотреченіе встрѣтилъ онъ тамъ, а корысть, лицемѣріе, издѣвательство надъ неимущимъ и внѣшнее богопочитаніе. Попытки молодого монаха искать правду внѣ стѣнъ монастыря, въ мірѣ, въ свѣтской литературѣ были встрѣчены враждебно.

— Свѣта дай мнѣ, а не гони меня во тьму!—говоритъ Іона.—А ты не думай,—совѣтуетъ ему наивный и добрый о. Митрофанъ.

— Твое дѣло не разсуждать, а дѣлать то, что тебѣ приказываютъ,—поучаетъ его игуменъ. Но Іона не можетъ „не думать", „не разсуждать",—всѣ его жизненныя силы сосредоточились теперь въ его возбужденномъ мозгу. Но, оторванный отъ всего живого, безконечно одинокій въ глухихъ монастырскихъ стѣнахъ, окруженный только тупыми и лицемѣр-

ными монахами, Iона не сумѣлъ найти выхода своему пытливому уму и удовлетворенiя своему чувству правды,—разсудокъ его помутился и, послѣ тяжелаго приступа душевной болѣзни, онъ впалъ въ слабоумiе и навсегда остался въ монастырѣ, пользуясь славой святого и сильно прiумножая доходы монастыря. Разсказъ написанъ живо и занимательно, типы богомольцевъ и монаховъ очень удались автору.

За ту же попытку добиться правды въ жизни трагически гибнетъ волостной писарь Логуновъ въ разсказѣ Мельшина, „на Китайской рѣкѣ". Разсказъ написанъ изъ временъ японско-китайской войны и наряду съ выдающимся благороднымъ образомъ Логунова, рисуетъ читателю дикiе нравы мертваго или, какъ въ концѣ выражается авторъ, „очарованнаго глубокимъ сномъ" Забайкалья.

„Когда же и кто,—спрашиваетъ авторъ,—побѣдитъ власть этихъ темныхъ силъ?" Удивительно хорошо и живо нарисована природа Забайкальскаго края.

Два маленькихъ разсказа: „Въ госпиталѣ", И. Наживина и „Междоусобица" В. Измайлова взяты изъ мiра наиболѣе обиженныхъ судьбою людей, но и въ этомъ мiрѣ горя и нищеты подмѣчены свѣтлыя точки которыя мирятъ съ жизнью пострадавшихъ людей, какъ напримѣръ студентки-медички въ разсказѣ И. Наживина и жена проигравшагося въ карты рабочаго въ разсказѣ В. Измайлова. Но оба эти разсказа уступаютъ по своей художественности тремъ первымъ. Такъ, въ разсказѣ В. Измайлова намъ кажется немножко мало вѣроятнымъ, чтобы шестилѣтняя дѣвочка могла представлять себѣ мать, лежащей въ гробу, со всей похоронной обстановкой, на основанiи только одного воспоминанiя о видѣнной ею на улицѣ похоронной процессiи. Но во всякомъ случаѣ эти два разсказа заслуживаютъ самаго широкаго распространенiя, такъ какъ они вызываютъ у читателя глубокую симпатiю къ угнетенному люду и поднимаютъ вѣру въ человѣчество. Мы охотно рекомендуемъ читателямъ новое издательство, которому нельзя не пожелать самаго широкаго и успѣшнаго развитiя.

В. Величкина.

Брошюры „Благотворительнаго Общества изданiя общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ".

„Благотворительное Общество" выпустило въ свѣтъ новую серiю своихъ изданiй—7 народныхъ брошюръ на малорусскомъ языкѣ. Брошюры эти, какъ и ранѣе печатавшiяся Обществомъ, отличаются рѣдкимъ для народныхъ изданiй внѣшнимъ изяществомъ: плотной бумагой, крупнымъ шрифтомъ, обилiемъ рисунковъ. Внутреннiя достоинства книжекъ вполнѣ соотвѣтствуютъ внѣшнимъ ихъ качествамъ.

Книжка № 23—„*Мудрый учитель*" М. Загирни (64 стр., цѣна 5 к.)

представляетъ популярно написанную біографію Сократа съ изложеніемъ его ученія. Книжка составлена очень обстоятельно, съ большими выдержками изъ діалоговъ Платона и съ сохраненіемъ обычной въ нихъ разговорной формы. Изъ ученія Сократа взяты вѣчно юные и наиболѣе животрепещущіе вопросы практической морали, въ виду чего книжка прочтется съ большимъ интересомъ и несомнѣнной пользой. Личность Сократа очерчена очень ярко, послѣднія-же минуты его жизни описаны тепло и даже трогательно. Послѣдняя сцена иллюстрирована рисункомъ Шарлеманя; приложено и изображеніе великаго учителя древности.

Книжка № 24. *„Якъ выгадано машыною издыты"* (32 стр., цѣна 3 к.), принадлежащая перу того же автора, выдѣляется такими же качествами изложенія и представляетъ біографію Георга Стефенсона. При характеристикѣ личности изобрѣтателя подчеркнуты главнымъ образомъ тѣ высокія черты его характера, указаніе которыхъ можетъ имѣть воспитательное вліяніе на читателей. Къ сожалѣнію, значеніе великаго изобрѣтенія Стефенсона не охарактеризовано съ желательной полнотой и обстоятельностью.

№ 25. *„Якъ дбаешь, такъ и маешь"*, М. Ганька. Цѣна 3 коп.

Настоящая брошюра, при своемъ небольшомъ объемѣ (32 стр.) представляетъ цѣлую энциклопедію усовершенствованнаго крестьянскаго хозяйства. Тутъ говорится и о раціональной обработкѣ поля при помощи чернаго весенняго пара, о плодоперемѣнномъ хозяйствѣ, объ удобреніи, силосованіи кормовъ, садоводствѣ, пчеловодствѣ и даже о томъ вредѣ, какой приноситъ пьянство для крестьянина земледѣльца. Разумѣется, при такомъ разнообразіи содержанія всѣ затронутые въ брошюрѣ вопросы не разработаны полно и всесторонне, а большею частью лишь намѣчены. Брошюра эта тѣмъ не менѣе является очень полезнымъ народнымъ изданіемъ, такъ какъ съ большой силой убѣжденія обнаруживаетъ несостоятельность рутинныхъ способовъ хозяйничанья при новыхъ экономическихъ условіяхъ, въ какія поставлены мелкіе земледѣльцы, и указываетъ выгодныя стороны интенсивнаго хозяйства; авторъ, повидимому, считаетъ свою цѣль достигнутой, если ему удастся заронить въ сознаніе своихъ читателей мысль о необходимости улучшить устарѣвшія формы хозяйства, а для самаго осуществленія этой мысли они уже обратятся къ другимъ, болѣе подробнымъ, руководствамъ.

№ 26. *„Наймычка"*, поэма Т. Шевченка, (32 стр., цѣна 3 и 10 к.).

Мысль издать „Наймычку" Шевченка слѣдуетъ признать очень удачной. Изъ произведеній пѣвца Украйны „Наймычка" и „Катерына" едва ли не болѣе всѣхъ другихъ близки и понятны непосредственному чувству народа: классическая простота этого произведенія, глубокій лиризмъ, необыкновенно высокій и чистый идеалъ женщины—матери, выведенный здѣсь при высокой художественной обработкѣ поэмы, дѣлаютъ вліяніе ея

на читателей-малороссовъ неотразимымъ. Настоящее изданіе „Наймычки", первое изъ народныхъ изданій ея—снабжено 29 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина, взятыми изъ дорогого изданія фирмы М. О. Вольфъ „Батрачки" Плещеева (русскій переводъ „Наймычки"); въ началѣ книжки приложенъ и большой портретъ автора. При своей изящной внѣшности и обиліи рисунковъ брошюра, по цѣнѣ (3 коп.) очень дешева. Другое изданіе той же „Наймычки" Общество выпустило въ большомъ форматѣ и на лучшей, веленевой бумагѣ, стоимостью въ 10 коп. Это изданіе слѣдуетъ признать въ полномъ смыслѣ художественнымъ. Впечатлѣніе нѣсколько портятъ небольшія погрѣшности иллюстратора противъ этнографіи.

№ 27. „*Прыгода на хутори*", О. Русова (64 стр., цѣна 5 коп.)

Брошюра представляетъ популярное руководство по метеорологіи. Въ разговорной формѣ г. Русовъ знакомитъ читателя съ основными метеорологическими явленіями и въ заключеніе даетъ практическія наставленія для тѣхъ, кто желалъ бы вести метеорологическія записи. Авторъ избѣгаетъ всего лишняго, говоритъ очень сжато, но удачно подобранные конкретные примѣры и обиліе рисунковъ дѣлаютъ изложеніе живымъ и интереснымъ. Брошюра является цѣннымъ вкладомъ въ популярную литературу.

№ 6. „*Пжильныцтво*". Ф. Немоловскаго, (115 стр., цѣна 10 коп.)

№ 9. „*Розмова про сельске хозяйство*" *Кн. IV. Выноградъ.* Е. Чикаленка, (44 стр., цѣна 6 коп.).

Подробная оцѣнка этихъ брошюръ сдѣлана нами въ прошлогоднемъ обзорѣ изданій Благотворительнаго Общества. Обѣ онѣ переизданы Обществомъ вторично, съ значительными дополненіями; между прочимъ, прибавлено много рисунковъ.

Брошюры „Благотворительнаго Общества" отличаются дешевизной брошюра въ 32 стр. обыкновенно стоитъ 3 коп., въ 64 стр.—5 коп.

А. Л.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Библ. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. *А. Барыкова, Брутъ, Вильденбрухъ, Штормъ и др.* Дождевая волшебница и др. сказки. Съ рис. Н. Живаго и Н. Николаевскаго. М. 1905. Стр. 117.

С. Д. Дрожжинъ. Стих. со вступит. стих. И. А. Бѣлоусова. Со мн. рис. М. 1905. Стр. 86. Цѣна 1 р. 20 к.

Сост. И. Горбуновъ - Посадовъ. Сборн. разск. и сказаній изъ произведеній В. Гюго, Фр. Коппе, Ж. Леметра, П. Лоти, Ч. Диккенса, Бретъ-Гарта, Андерсена и др. Съ 40 рис. Изд. 3-е. М. 1905. Цѣна 1 р. 10 к. Стр. 195.

К. Д. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ. Т. 1-ый. Подъ Сѣвернымъ небомъ. Въ безбрежности. Тишина. Книгоизд. „Скорпіонъ". 1905. Стр. 260. Ц. 2 руб.

М. А. Дерновъ. Организація пасѣчнаго хозяйства. Краткое руков. къ первонач. устройству пасѣки.

Съ 23 рис. Библ. Земледѣльца 14 СПБ. 1904. Стр. 138. Ц. 40 к.

Ив. Шевыревъ. Права первенства по вопросу о внѣкорневомъ питаніи. 2-ое доп. къ внѣкорневому пит. больныхъ деревьевъ. Стр. 38. СПБ. 1904. Ц. 25 к.

Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Деревенское хозяйство и жизнь. Кн. 35-ая. Сельск. скотолѣчебникъ. Совѣты о томъ, какъ лѣчить лошадей, коровъ, воловъ, овецъ, свиней, собакъ и др. Сост. *А. Архангельскій.* М. 1905. Стр. 151. Ц. 20 к.

А. Б. Буковъ-часовщикъ. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 43-я. Дерев. хоз. и жизнь. Общедоступный часовщикъ. Кратк. практич. свѣдѣнія по рем. починки часовъ. Съ 93 рис. М. 1905. Стр. 139. Ц. 40 к.

Л. Штейертъ, проф. сельск.-хоз. акад. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 37-ая. Дерев. хоз. и жизнь. О правильномъ уходѣ за жеребятами и лошадьми и умѣломъ разведеніи ихъ. (Сельск. коневодство). Практич. руков. для мелкихъ и средн. хозяевъ. М. 1905. Стр. 157. Ц. 40 к.

М. Копытчукъ. Водолѣченіе. Полтава 1904. Стр. 27. Ц. 10 к.

Карлъ Родбертусъ Ягецовъ. Сочин. Вып. I. Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. Соціальн. письма къ фонъ-Кирхману. Письмо 2-ое и 3-е. Пер. съ нѣм. проф. М. Н. Соболева. Изд. Глаголева. СПБ. Стр. 302. Ц. 1 р. 25 к.

В. Сиповскій.—Историч. очеркъ. Сократъ и его время. Библ. И. Горбунова-Посадова. Съ 8 рис. Стр. 134. Ц. 40 коп. Въ папкѣ 55 к.

А. С. Пругавинъ. Расколъ и сектантство въ русской народной жизни. Съ крит. замѣчаніями духовнаго цензора. М. 1905. Стр. 94. Ц. 30 к.

С. Сѣрополко. Положеніе учащихъ въ земск. шк. Тульск. губ. (Докладъ 23 мая 1904 г. въ засѣд. Тульск. Общ. взаимнаго вспом. учащимъ и учившимъ). Тула 1904. Стр. 19.

Подъ ред. *проф. И. А. Сикорскаго и пр.-доц. Гливенко.* Педагогическая мысль. Изд. коллегіи Павла Галагана. Вып. II. Кіевъ 1904. Стр. 232+93. Ц. 1 руб.

Отчетъ о дѣят. педагогич. общ., состоящаго при Импер. Моск. Унив. за 1903—1904 г. М. 1904. Стр. 227+52.

А. А. Пановъ. Сахалинъ, какъ колонія. Очерки колонизаціи и современ. положенія Сахалина. М. 1905. Стр. 234. Ц. 1 р.

А. Ведрова. Что случилось въ лѣсу и др. разсказы. Для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. Н. И. Живаго. Библ. Горбунова-Посадова. М. 1905. Стр. 49. Ц. 60 к. въ папкѣ 85 к.

А. Бремъ. Тундра, ея растительный животный міръ. Пер. съ нѣм. Евг. Елагина. Изд. подвижн. музея учебн. пособій. СПБ. 1905. Стр. 48. Ц. 15.

Евг. Елачичъ. Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Изд. подвижн. музея учебн. пособій. СПБ. 1905. Стр. 71. Ц. 20 к.

В. Сѣрошевскій Кули. Разск. изъ китайск. жизни. Изд. Глаголева. СПБ. Стр. 45. Ц. 8 коп.

Танъ. Землепроходъ. Очеркъ. Изд. Глаголева. СПБ. Стр. 45. Ц. 8.

Изд. Посредника. *С. Т. Семеновъ.* Брюханы. Разск. Стр. 64. Ц. необрѣзн. $2^1/_2$ к. обр. 3 к.

Е. Горбунова изложила по Кармень Сильвѣ. Человѣкъ или три испытанія. Изд. Посредника. Стр. 47. Ц. необрѣзн. $2^1/_2$ к. обр. 3 к.

Е. Любичъ. Затосковалъ. Разск. Стр. 63. Ц. $2^1/_2$—3 к.

С. Т. Семеновъ. Недруги. Разск. Стр. 32. Ц. 1—$1^1/_2$ к.

И. Наживинъ. Два разск.: I. Въ неволѣ. II. Сосѣди. Стр. 32. Ц. 1—$1^1/_2$ к.

А. Хирьяковъ. Бѣлый невольникъ. Библ. Горбунова-Посадова для дѣтей. М. 1905. Стр. 34. Ц. 15 к.

Вилльямъ Лангъ. Разсказы. Въ царствѣ птицъ. Вып. I. Пер. съ англ. Стр. 69. Ц. 25 к. въ папкѣ 40 к.

Франкъ Гердъ. Вопль дѣтей. Пер. М. Языковой подъ ред. А. Каншина. М. 1905. Стр. 50. Ц. 24 к.

Е. Жилина-Дьяконова. Царство фараоновъ, разсказы изъ исторіи Египта. Съ рис. № 519. М. 1904. Стр. 348.

Переводъ Е. П. Свѣтъ на пути. Изъ древн. индусск. писанія „книга золотыхъ правилъ". Ученіе о Кармѣ. Сост. Е. П. М. 1905. Стр. 78. Ц. 30 к.

Л. Сулержицкій. Въ Америку съ духоборами. Съ фотографіями. М. 1905. Стр. 331. Ц. 1 р. 30 к.

О безплатныхъ *народныхъ библіотекахъ* и читальняхъ. Правила 15 мая 1890 г. Указы Прав. Сената, Циркул. распор. М. Н. Пр. Изд. П. Д. Путиловой. Ред. П. М. Шестакова. М. 1905. Стр. 80. Ц. 20 к.

М. А. Таубе баронъ. проф. СПБ. Унив. Христіанство и международный миръ. Изд. М. 1905. Стр. 55. Ц. 25 к.

В. Саводникъ. Къ вопросу о у шкинскомъ словарѣ. СПБ. 1904. Стр. 40.

А. М. Гнѣвушевъ. Политико-экономическіе взгляды Гр. Н. С. Мордвинова. Кіевъ 1904. Стр. 165.

В. Сѣрошевскій. Чукчи. Разск. Изд. Глаголева. СПБ. Стр. 43. Ц. 7 к.

В. Сѣрошевскій. Боксеръ. Разск. СПБ. Стр. 24. Ц. 4 к.

В. Сѣрошевскій. На краю лѣсовъ. Чукчи. 2-ое. Собран. сочин. т. I-ый. Стр. 333. Ц. 1 р.

С. Васюковъ. Крымъ и горные татары. Изд. Девріена. СПБ. Стр. 121. Ц. 80 к. въ папкѣ 1 р

Д. А. Пахомова. Два старика. Повѣсть для юнош. (Изъ кавказск. жизни). Съ 27 рис. худ. Эмме. Изд. Девріена. СПБ. Стр. 238. Ц. 1 р. 20 к. въ папкѣ 1 р. 40 к.

В. Стрижевъ. Opuscula. Стр. 162. Москва 1 р.

Ал. Шумахеръ. Императоръ Александръ II. Истор. очеркъ его жизни и царствованія. 4, перераб. и доп. изд. СПБ. 1905 г. Стр. 208. Ц. 1 руб.

Изд. *М. И. Водовозовой.* Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Пер. Е. И. Каменецкой подъ ред. О. Е. Бужанскаго. Изд. 2-ое. СПБ. 1905. Стр. 388. Ц. 1 р. 75.

Э. Золя. Штурмъ мельницы. № 2-ой. Пер. В. М. Изд. Мухосѣева. 1904. Стр. 44. Ц. 10 к.

А. Ѳ. Радченко. На распутьи. Стих. (1901—1904 гг.) СПБ. 1905. Стр. 89. Ц. 60 к.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Истор. очеркъ. Изд. 2-ое. О. Н. Поповой. СПБ. 1905. Стр. 383. Ц. 1 р. 60 к.

Гаральдъ Гоффдингъ. Философскія проблемы. Пер. Капелюша. Образоват. библ. Сер. VI, № 5. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. Стр. 124. Ц. 40 к.

В. Зомбартъ. Современный капитализмъ. II томъ. Теорія капитал. развитія. Пер. подъ ред. пр.-доц. СПБ. Унив. М. А. Курчинскаго. Изд. Горшкова. М. 1905. Стр. 595. Ц. 2 р.

А. П. Нечаевъ. Картины родины. Изъ чт. по отечествовѣд. при СПБ. уч. окр. Съ 62 рис. СПБ. 1905. Стр. 150. Ц. въ обложкѣ 1 руб.

А. П. Нечаевъ. Почва и ея исторія. Географич. этюдъ. Съ 30 рис. СПБ. 1905. Ц. въ обложкѣ 60 коп.

Отчетъ о дѣят. учебн. отдѣла о-ва распр. технич. знаній за 1903 г. М. 1905. Стр. 57+29.

Вопросы внѣшкольнаго образованія народа въ Пермск. губ. *Д. Бодылева.* Стр. 35.

Г. И. Чиликинъ. Зубной врачъ Лицея Цес. Николая и леч. Св. Софіи. Популярная гигіена зубовъ. М. 1904. Стр. 52. Ц. 60 к.

Каталогъ картинъ для волшебнаго фонаря, изготовленныхъ лекціоннымъ комитетомъ при Од. гор. аудиторіи. Стр. 76. Од. 1904.

Отчеты санитарныхъ врачей СПБ. Губернскаго Земства за 1903 г. Приложеніе къ отчету СПБ. Губ. Земск. Упр. СПБ. 1904. Стр. 196.

Сборникъ матеріаловъ по оцѣнкѣ земель Вятск. губ. Изд. Вятск. Губ. Земск. Упр. Вятка 1904.

К. К. Федяевскій. Крестьянскія семьи Воронежск. у. по переписи 1897 г. СПБ. 1905. Стр. 21 и таблицъ 11.

Отчетъ о дѣятельности санитарн отд. Ворон. Губ. Земск. упр. за $19^3/_4$ г Сост. завѣд. А. И. Шингаревымъ Вор. 1904. Стр. 54.

И. И. Пугачевъ. Отчетъ о дѣят. 1-аго отряда Вор. губ. зем. за время отъ 1-го іюля до 1-го сент. Стр. 27.

Доклады Вор. Губ. Земск. Собр., очередн. Сессія 1904 г. Отд. VI. №№ 2, 7, 8 и 9.

Отчетъ и докладъ Казанск. Губ. Земск. Упр. за $190^3/_4$ г. По отдѣлу Редакціи.

Е. К. Кристи. Стихотворенія. Од. 1905. Стр. 173. Ц. 1 р.

Викторъ Кименталь. Какъ слѣдуетъ учиться? Спб. 1905. Ц. 50 к. Стр. 64.

В. О. Крижъ. Первая грамота. 1-ая послѣ азбуки книга для чтенія въ сельск. шк. Изд. Жиркова съ рис. М. 1905. Ц. 30 к.

В. О. Крижъ. О классномъ чтеніи въ сельской школѣ. Замѣчанія для учащихъ. Изд. Жиркова. М. 1904. Ц. 10 к.

А. А. Кауфманъ. По новымъ мѣстамъ. Изд. „Общественная польза"- СПБ. 1905. Ц. 1 р. Стр. 353.

Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Историч. пов. Изд. Девріена. Перераб. изд. Съ иллюстр.

А. Романовъ врачъ. О призрѣніи покинутыхъ дѣтей. Стр. 29.

М. А. Прокофьевъ. Мнѣніе гл. Новгор. губ. совѣщ. по проекту о крест. обществен. управленіи. Новгор. 1904. Стр. 23.

Открытое письмо бывшему Бакинскому городскому головѣ А. И. Новикову.

Милостивый Государь
Александръ Ивановичъ!

Въ цѣломъ рядѣ книжекъ журнала „Образованіе“ Вами печатаются „Записки городского головы“, написанныя съ исключительною цѣлью обрисовать условія, при которыхъ Вамъ пришлось дѣйствовать въ бытность Вашу Бакинскимъ Городскимъ Головою и причинъ заставившихъ Васъ такъ скоро и внезапно прервать эту дѣятельность. Справедливы-ли и вѣрны-ли даваемыя Вами характеристики и оцѣнки Вашихъ сотрудниковъ по городскому управленію, я разбирать не стану, такъ какъ до меня это не касается, я спрошу Васъ только, зачѣмъ Вамъ понадобилось бросить комокъ грязи въ Бакинскую адвокатуру. Понятно, что у Васъ, считающаго себя выдающимся русскимъ общественнымъ дѣятелемъ и публицистомъ, появилась, послѣ бѣгства Вашего изъ Баку, потребность публично объяснить причины, побудившія Васъ бросить дѣло, за которое Вы взялись, проработавъ едва половину срока, на который были выбраны, понятно также, что оправдываясь предъ общественнымъ мнѣніемъ за не сдѣланное и брошенное дѣло, Вы склонны односторонне изображать и себя и своихъ противниковъ въ городскомъ дѣлѣ, но, спрашивается, причемъ же тутъ адвокатура, зачѣмъ понадобилось Вамъ бросить грязное обвиненіе на цѣлую корпорацію. Вы пишете: „Надо сказать, что составъ адвокатуры Бакинской, ниже всякой критики по отношенію къ этикѣ. Много адвокатовъ, послѣ пожатія руки которыхъ поневолѣ ищешь карболоваго мыла, чтобы вымыть руку“. Скажите, какое основаніе имѣли Вы, высказываясь такъ? Бакинская адвокатура насчитываетъ въ своей средѣ нѣсколько десятковъ лицъ. Назовите же тѣхъ изъ нихъ и тѣ факты изъ ихъ дѣятельности, которые оправдываютъ подобную характеристику. Да, наконецъ, откуда Вы знаете Бакинскую адвокатуру? Вѣдь, въ сношенія Вы входили только съ двумя тремя лицами изъ адвокатуры, несшими при городской управѣ юрисконсультскія обязанности, но этихъ Вы сами въ своей статьѣ называете исключеніемъ „идеальной“ „голубиной чистоты“, а вѣдь изъ остальныхъ Вы мало кого и въ глаза то видѣли, а ужъ съ дѣятельностью ихъ и подавно ознакомиться не могли. Вы пробыли здѣсь около двухъ лѣтъ и все время по Вашимъ же словамъ, всецѣло были поглощены выпадавшей на Вашу долю громадной работою по городу, когда же и гдѣ могли Вы такъ основательно ознакомиться съ дѣятельностью Бакинскихъ адвокатовъ, чтобы позволить себѣ такую рѣзкую о нихъ характеристику. Очевидно, что никакихъ основаній для подобной

характеристики у Васъ нѣтъ и быть не может, очевидно также, что описывая условія Вашей городской дѣятельности, у Васъ и повода не было касаться дѣятельности мѣстной адвокатуры. Чѣмъ объяснить такую съ Вашей стороны ни для чего ненужную, крайне оскорбительную вылазку. Не хотѣлось бы думать, что коснулись Вы этого вопроса исключительно для помѣщенія въ Вашу статью хлесткихъ фразъ и крылатыхъ словъ.

Заканчивая настоящее письмо, я, по порученію товарищей своихъ по профессіи, протестуя противъ сказаннаго Вами, приглашаю Васъ доказать справедливость сдѣланной Вами характеристики и указать источники, откуда Вы почерпнули свѣдѣнія на коихъ основывались, а если Вы этого не сдѣлаете, то пускай ужъ читатель разсудитъ, какого имени заслуживаетъ публицистъ, который въ погонѣ за краснымъ словомъ не щадитъ чести и добраго имени цѣлой корпораціи.

Предсѣдатель Комитета Бакинскихъ присяжныхъ повѣренныхъ **Ѳ. А. Быковъ**.

Милостивый Государь,
Ѳедоръ Александровичъ.

Да я это написалъ. Вы называете это „грязнымъ обвиненіемъ“ Что это значитъ? Обвиненіе въ грязи или грязь въ самомъ фактѣ обвиненія. Въ первомъ случаѣ я виноватъ въ диффамаціи— и я охотно съ Вами соглашаюсь—во второмъ вы меня обвиняете въ клеветѣ. За диффамацію охотно отсижу сколько полагается. Клеветы же не признаю и отсутствіе таковой докажу передъ судомъ.

Далѣе. Вы, предсѣдатель комитета присяжныхъ повѣренныхъ, имѣете-ли право обижаться за всѣхъ Вашихъ товарищей? Да и всѣ ли обидѣлись?

А если это такъ, то не соблаговолятъ ли обидѣвшіеся подписаться всѣ. Думаю, что нѣкоторые и не подпишутся.

Да и не болѣе ли рисковано поднимать это дѣло для господъ бакинскихъ адвокатовъ, нежели для меня?

Подумайте! *Александръ Новиковъ.*

Инженеръ-технологи Иванъ и Сампсонъ Томасовичи Амировы жалуются въ „Бакинскихъ Извѣстіяхъ“, что, говоря объ инженерѣ Амировѣ въ своихъ запискахъ, я не привелъ его имени. Извиняясь передъ ними, спѣшу поправить свою ошибку. Въ запискахъ дѣло идетъ о Георгіѣ Давидовичѣ Амировѣ, инженерѣ путей сообщенія.

Газеты, которыя сочли нужнымъ перепечатать мой разсказъ объ инженерѣ Амировѣ, соблаговолятъ перепечатать и мое разъясненіе.

А. Новиковъ.

не можем

бастовка

